This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

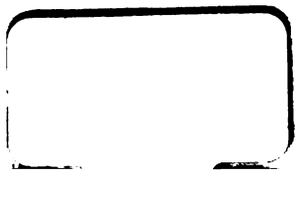
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY
OF THE
PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY
GIFT OF
CLARENCE L. HAY
(Class of 1908)

Received 1912.



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Фото-гравюра Шерер Набгольцъ и К°въ Москвѣ

М. Н. Харузинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ LXI.

TRUDY

ТРУДЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

КНИГА IX.

Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи.

(Обычное право, обряды, вѣрованія и пр.).

ВЫПУСКЪ I.

ПО ПОРУЧЕНІЮ ОТДѢЛА

подъ редакціей члена Отдѣла Этнографіи Николая Харузина.

МОСКВА.
Типографія А. Левенсонъ и К°, Петровка, Рахмановскій переулокъ, домъ Левенсонъ.
1889.

Digitized by Google

L. Soc. 100.45:5.9
Nov. 29, 1912

Печатано съ разрѣшенія Президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи Ординарнаго Профессора **Всеволода Миллера**. 31 января 1889 года.

Digitized by Google

Pamiâti Mikhaila Nikolaevicha Kharuzniia

Памяти Михаила Николаевича Харузина *).

Мм. Гг.

Снова выпадаетъ мнѣ на долю печальная обязанность, при самомъ началѣ серіи нашихъ обычныхъ засѣданій, занести въ синодикъ Этнографическаго отдѣла еще одно дорогое для всѣхъ насъ имя. 25 Сентября скончался въ Ревелѣ послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, бывшій секретарь отдѣла непремѣнный членъ Михаилъ Николаевичъ Харузинъ. Первое извѣстіе о его болѣзни, полученное недѣли двѣ тому назадъ, не заключало, казалось, ничего устрашающаго. Было полное основаніе надѣяться, что молодой, крѣпкій организмъ выдержитъ борьбу съ недугомъ. Но уже черезъ три, четыре дня начали приходить телеграммы все болѣе и болѣе тревожнаго характера: молодыя силы видимо подтачивались со страшной быстротой, сопротивленіе организма ослабѣвало съ минуты на минуту, и роковый исходъ сталъ неизбѣженъ.

Не долго суждено было пользоваться жизнью нашему молодому сочлену. Онъ удалился изъ нея, пройдя лишь первые шаги. Почти вся эта недолгая жизнь была лишь приготовленіемъ къ жизни: изъ 29 лѣтъ 20 лѣтъ были посвящены ученію, ученію основательному, обширному, упорному. И вотъ, когда для полезной общественной дѣятельности, которой лишь два года тому назадъ отдался покойный, были приготовлены всѣ средства: основательное образованіе, спеціальная юридическая подготовка, дисциплинированный умъ, даровитое перо, юношеское увлеченіе, привычка къ труду, физическое здоровіе; когда, повидимому, успѣшное начало предрекало плодотворную и продолжительную дѣятельность,—внезапно подкравшійся недугъ въ нѣсколько дней обрываетъ всѣ надежды, разрушаетъ всѣ планы, кончаетъ всѣ расчеты съ жизнью. Припомнимъ въ краткихъ словахъ главныя черты дѣятельности М. Н-ча.

Еще студентомъ юридическаго факультета, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ своего учителя М. М. Ковалевскаго, М. Н. живо заинтересовался изученіемъ обычнаго права, какъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій народнаго духа. Не довольствуясь изученіемъ юридическаго быта путемъ книжнымъ, М. Н. старается ближе подойти къ народу, прислушаться къ его юридическимъ понятіямъ и собирать матеріалы изъ первыхъ рукъ. Онъ рѣшается въ 1882 году произвести рядъ разысканій въ различныхъ мѣстахъ Вятской губ., согласно съ требованіями, выраженными въ существовавшихъ въ то время въ нашей литературѣ программахъ для собиранія юридическихъ обычаевъ.

По неопытности молодого изслѣдованія, его широкіе планы исполнялись только отчасти. Не имѣя еще въ то время рекомендаціи ученыхъ обществъ, совершенно необходимой для подобнаго рода предпріятій, М. Н. скоро по появленіи своемъ въ Вятскую губ. навлекъ на себя подозрѣніе мѣстной полиціи, подвергся обыску и аресту и вынужденъ былъ прекратить свои занятія почти при самомъ ихъ началѣ. Однако все же поѣздка М. Н. не осталась безъ послѣдствій. То немногое, что ему удалось собрать, онъ обработалъ въ интересной статьѣ, напечатанной въ Юридич. Вѣстникѣ 1 Февраля 1883 г. подъ заглавіемъ: *Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.* . Въ этой небольшой работѣ уже можно подмѣтить тѣ черты, которыя характеризуютъ другіе труды М. Н. Его интересы не исчерпываются одной юридической стороной народной жизни. Онъ смотритъ на народъ съ любовью этнографа, наблюдая самыя разнообразныя проявленія народнаго духа, религіозныя вѣрованія, обряды, обычаи и т. п., и, сосредоточивая главное вниманіе на юридическихъ понятіяхъ, старается однако по возможности нарисовать полную картину всего склада народной жизни.

Предметомъ кратковременныхъ наблюденій М. Н-ча въ Сарапульскомъ уѣздѣ были разныя населяющія его народности: и русскіе, и вотяки, и черемисы, и татары и хотя свѣдѣнія,

*) Согласно опредѣленію Этнографическаго Отдѣла О. Л. Е. А. и Э, состоявшемуся въ засѣданіи 28 сентября 1888 г. къ IX-ой книгѣ „Трудовъ“ прилагается портретъ бывшаго секретаря Отдѣла Михаила Николаевича Харузина († 25 сентября 1888 г.) и рѣчь Предсѣдателя Отдѣла, Поч. Члена В. Ѳ. Миллера, посвященная памяти покойнаго.

Digitized by Google

собранныя имъ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, являются недостаточно полными, но способъ ихъ группировки и пріемы изслѣдованія обнаруживаютъ въ молодомъ изслѣдователѣ знакомство съ научнымъ методомъ и съ требованіями этнографической науки. Неудача, испытанная въ первой этнографической поѣздкѣ, нисколько не охладила М. Н. Въ 1884 году, значительно пополнивъ свои свѣдѣнія въ обычномъ правѣ и познакомившись со всей литературой объ Области Войска Донскаго, онъ предпринимаетъ туда поѣздку, на этотъ разъ вполнѣ удачную, такъ какъ результатомъ ея является солидный научный трудъ (около 400 стр): *Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, выпускъ I. Москва 1885 г.* Харузину удалось посѣтить всѣ типическія мѣста Области, извлечь изъ архивовъ до 2 тысячъ характерныхъ рѣшеній станичныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ, и добыть массу разныхъ бытовыхъ свѣдѣній изъ устъ казаковъ. Но при всей основательности и детальности, книга М. Харузина является не сухимъ учебнымъ описаніемъ, а рядомъ живыхъ, полныхъ интереса очерковъ, доступныхъ не только спеціалисту, но всякому образованному читателю. Въ прекрасномъ литературномъ изложеніи передъ нами въ 1-ой главѣ развертывается картина постепеннаго заселенія донскихъ степей казацкими военными общинами, поземельныя отношенія временъ полнаго простора и приволья; затѣмъ первыя стѣсненія въ землѣ, пользованіе пахотью, сѣнокосами, лѣсами, рыбной ловлей, пастбищами. Далѣе авторъ рисуетъ намъ семейныя отношенія въ ихъ первобытной простотѣ и грубости, съ бракомъ на майданѣ и несложнымъ разводомъ, личныя и имущественныя отношенія супруговъ, положеніе жены и матери, отношеніе дѣтей къ родителямъ т. п., уясняетъ роль казацкаго круга, станичныхъ властей, типическія черты народнаго суда въ прежнія и новыя времена, уголовныя кары, и вообще правовые, порядки казацкихъ общинъ, не оставляя безъ вниманія ни повседневныхъ занятій казачества—общественныхъ работъ на артельныхъ началахъ,—ни общественныхъ пировъ и забавъ въ праздничные періоды года. Словомъ, называя скромно свои труды лишь матеріалами для обычнаго права, авторъ даетъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе книги, и представляетъ полную и всестороннюю картину быта Донскихъ казаковъ, основанную на богатыхъ матеріалахъ, тщательно провѣренныхъ и критически разработанныхъ. Притомъ въ его историческомъ изложеніи мы видимъ, какъ послѣдовательно складывались современныя черты этого быта, и находимъ объясненіе настоящаго въ условіяхъ прошлаго. Солидный трудъ М. Н. былъ принятъ факультетомъ какъ кандидатская диссертація и авторъ оставленъ при Университетѣ по каѳедрѣ Государственнаго права.

Съ окончанія курса въ Университетѣ М. Н. начинаетъ принимать живое участіе въ трудахъ этнографическаго отдѣла въ качествѣ секретаря. Я не стану перечислять эти труды, такъ какъ они у всѣхъ насъ свѣжи въ памяти. Напомню только, что, благодаря ему, Отдѣлъ могъ удовлетворить давно чувствовавшейся потребности въ изданіи программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. Приступивъ, по моему приглашенію, осенью 1886 года къ этой работѣ,—М. Н. отдался ей съ обычнымъ рвеніемъ и, будучи убѣжденъ, что выработка такой программы, требующая обширныхъ подготовительныхъ работъ, особенно затруднительныхъ вслѣдствіе разбросанности по періодическимъ изданіямъ громаднаго матеріала—не можетъ быть успѣшно выполнена однимъ лицомъ, обратился къ лицамъ, занимающимся обычнымъ правомъ, съ просьбой оказать содѣйствіе предпріятію Отдѣла присылкою вопросныхъ пунктовъ. На приглашеніе М. Н. откликнулись лишь немногіе (до 12 лицъ), но все же ихъ вопросы, въ связи съ матеріалами, которыми онъ раньше располагалъ, дали ему возможность составить обширную программу почти по всѣмъ отдѣламъ обычнаго права, содержащую болѣе 2200 вопросовъ, программу наиболѣе подробную изъ всѣхъ ранѣе имѣвшихся въ нашей литературѣ. Главный трудъ—распредѣленіе вопросовъ по отдѣламъ, сношенія съ сотрудниками, корректированіе и т. д.—всецѣло принадлежитъ нашему покойному секретарю, который взялъ на себя притомъ и матеріальные расходы печатанія. О полезности составленной М. Н. программы свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что, напечатанная въ прошломъ году въ количествѣ 1000 экземпляровъ, онаразошлась почти вся, такъ что въ настоящее время уже является вопросъ объ ея переизданіи.

Послѣ 3-хъ-лѣтняго съ перерывами завѣдыванія письменными сношеніями Отдѣла, веденія протоколовъ засѣданій и участвованія въ докладахъ, М. Н. долженъ былъ отказаться отъ занятій секретарскихъ, такъ какъ покинулъ Москву,—поступивъ на службу въ Ре-

Digitized by Google

вель, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Эстляндскомъ губернаторѣ.

Судить о новой общественной дѣятельности нашего покойнаго секретаря я могу только по отзывамъ, появлявшимся въ печати о его научно-литературныхъ трудахъ и по изрѣдка доходившимъ до меня извѣстіямъ отъ его родныхъ. И здѣсь я узнаю снова знакомыя черты, характеризующія М. Н-ча: горячую преданность дѣлу, неутомимую энергію, дѣятельность ради идеи, чуждую всякихъ практическихъ житейскихъ расчетовъ.

Увлекшись разработкою одного изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современной русской жизни, вопроса балтійскаго, и глубоко сочувствуя правительственной идеѣ установленія въ Балтійскомъ краѣ равновѣсія всѣхъ общественныхъ и національныхъ элементовъ населенія, равновѣсія, нарушаемаго средневѣковыми притязаніями нѣмецкаго дворянскаго меньшинства, подавляющаго другіе національные элементы, М. Н. изучаетъ исторію края, добываетъ архивные документы, которые печатаетъ въ редактируемыхъ имъ Эстляндскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, наблюдаетъ съ любовью этнографа бытовыя условія разныхъ національностей губерніи, предпринимаетъ съ этою цѣлью поѣздки, пишетъ статьи въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и издаетъ политическія брошюры.

О неутомимой, кипучей дѣятельности М. Н-ча свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что въ теченіе одного—1888 года, онъ издаетъ три работы, изъ которыхъ одна представляетъ объемистый томъ въ нѣсколько сотъ страницъ. Таковы: *Указатель хронологическій и систематическій законовъ для Прибалтійскихъ губерній съ 1704—по 1888 годъ; — Балтійская конституція—историко-юридическій очеркъ; — Пюхтица—святое мѣсто, бытовой очеркъ изъ Балтійской дѣйствительности.*

Я не беру на себя оцѣнки М. Н. какъ общественнаго дѣятеля и публициста, такъ какъ то и другое стоитъ вдали отъ моихъ наблюденій. Скажу только, что покойнымъ всегда руководили: чистое стремленіе къ истинѣ, симпатія этнографа къ слабымъ національностямъ (Эстамъ), подавляемымъ сильнымъ дворянскимъ нѣмецкимъ меньшинствомъ, и глубокое сочувствіе культурнаго человѣка къ реформамъ, имѣющимъ цѣлью внести свѣжую струю въ устарѣлыя средневѣковыя формы жизни, несоотвѣтствующія современнымъ намъ понятіямъ и бытовымъ условіямъ. Въ этомъ направленіи дѣятельности М. Харузинъ является послѣдователемъ Юрія Самарина, осудившаго притязанія балтійскихъ рыцарей новаго времени извѣстными словами: они «обрекли себя на неблагодарную борьбу съ исторіей, на вѣчное противорѣчіе съ дѣйствительностью.»

Чтобы докончить характеристику послѣднихъ 2-хъ лѣтъ дѣятельности М. Н-ча, я долженъ упомянуть, что его усидчивый, упорный трудъ не вознаграждался никакимъ жалованіемъ, что онъ былъ безкорыстенъ въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, и что единственнымъ вознагражденіемъ покойному служило сознаніе полезности его работы и нравственная поддержка небольшого сочувствующаго кружка.

Всегда печальнымъ диссонансомъ звучитъ для насъ извѣстіе о внезапномъ перерывѣ молодой, едва развернувшейся жизни, на которую можно было возлагать много надеждъ; но еще печальнѣе, когда это извѣстіе вызываетъ въ нашемъ воспоминаніи симпатическія черты хорошо знакомой намъ личности, а личность М. Н-ча была глубоко симпатична для всѣхъ знавшихъ его близко. Необыкновенная доброта, всегдашняя готовность быть всѣмъ полезнымъ, живое увлеченіе идеей, чуждое матеріальныхъ соображеній и карьеризма, замѣчательная скромность въ оцѣнкѣ собственныхъ способностей—вотъ главныя черты, извѣстныя хорошо всѣмъ намъ, нашего покойнаго сочлена. Онъ не любилъ распространяться о своихъ планахъ и научныхъ предпріятіяхъ, всегда жаловался на то, что дѣлаетъ слишкомъ мало; а между тѣмъ работалъ неустанно, и появленіе того или другого труда его въ печати оказывалось какъ бы сюрпризомъ даже для близкихъ къ нему лицъ. Въ наше время карьеризма и рекламы такіе типы встрѣчаются уже рѣдко: скромные труженники, не заявляющіе громко о себѣ, ускользаютъ отъ индифферентныхъ взоровъ общества, падкаго до всякой шумихи. Такимъ скромнымъ работникомъ представлялся и покойный, вслѣдствіе полнаго отсутствія желанія выдаваться и играть роль. Но всѣ, кто знали его близко и читали его труды, видѣли въ немъ не только работника, но мастера съ несомнѣнной печатью дарованія.

Vsev Miller

Всев. Миллеръ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Принимая на себя по порученію Отдѣла Этнографіи редактированіе Сборника свѣдѣній о бытѣ русскихъ крестьянъ, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ, вызвавшихъ изданіе его. Вслѣдствіе изданія Этнографическимъ Отдѣломъ О. Л. Е. А. и Э. „Программы для собиранія свѣдѣній объ юрид. Обычаяхъ" и „Программы для собиранія Этнографическихъ Свѣдѣній", въ Отдѣлъ сталъ стекаться болѣе обильный матеріалъ какъ по инородцамъ, такъ и по русскому крестьянскому населенію. Въ виду накопленія матеріала и явилась потребность изданія хотя бы нѣкоторой части его, тѣмъ болѣе, что кромѣ статей, которыми обогатился Отдѣлъ послѣ изданія „Программъ",— въ архивахъ его находится еще запасъ свѣдѣній, присланныхъ разными лицами въ разное время и до изданія вопросныхъ пунктовъ.

Большинство статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ „Сборника", основано на матеріалахъ, собранныхъ членами Отдѣла во время ихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ разныя мѣстности Россіи; прочія присланы лицами, откликнувшимися сочувственно на „Программы". Въ дальнѣйшихъ выпускахъ Сборника, который предполагается издавать по возможности *каждый годъ*, будутъ печатаемы какъ статьи уже имѣющіяся въ Отдѣлѣ, такъ и тѣ, которыя мѣстные жители пожелали бы предоставить въ его распоряженіе.

Вообще нельзя не пожелать, чтобы именно жители разныхъ мѣстностей Россіи употребляли часть своего времени на собираніе данныхъ, касающихся быта русскаго крестьянскаго населенія. Проѣзжій изслѣдователь, имѣя лишь немного времени въ запасѣ, въ большинствѣ случаевъ, въ состояніи лишь бѣгло узнать бытъ крестьянина, увидать лишь выдающіяся черты крестьянской жизни. Въ этомъ отношеніи мѣстный житель имѣетъ то преимущество передъ заѣзжимъ изслѣдователемъ, что онъ, сталкиваясь каждодневно съ крестьяниномъ, усматриваетъ не только крупные, выдающіеся факты его жизни, но имѣетъ возможность изучить ее во всѣхъ деталяхъ и представить точную, правдивую картину крестьянскаго быта.

Не касаясь общихъ правилъ, руководствоваться которыми является необходимымъ при собираніи свѣдѣній о бытѣ крестьянина, такъ какъ они изложены съ должной полнотой въ предисловіяхъ къ Программѣ для соб. юр. свѣдѣній, отмѣчу, что изученіе быта нашего крестьянина, не смотря на многочисленныя работы, появившіяся уже въ печати, представляется существенно необходимымъ въ виду того, что съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ прежнія формы быта нашего крестьянина рушатся подъ напоромъ т. наз. городской культуры, уничтожающей остатки древнихъ, вѣковыхъ устоевъ коестьянской жизни. Собрать остав-

Digitized by Google

шіеся обломки, могущіе освѣтить многія стороны древняго быта, существенно важно для науки.

Но и изученіе быта тѣхъ мѣстностей, гдѣ городская культура имѣетъ перевѣсъ, даже тѣхъ мѣстностей, гдѣ она уже успѣла заполонить, разрушить древній бытъ, далеко не лишено интереса, такъ какъ оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ ужились новые взгляды, новыя идеи съ прежнимъ бытомъ, какъ видоизмѣнились они на новой, чисто крестьянской почвѣ. Такое изученіе, не ограничиваясь исключительно *научнымъ интересомъ*, способствуетъ нашему общественному самопознанію, вѣрному сужденію о крестьянахъ Поэтому каковы-бы ни были данныя, освѣщающія крестьянскій бытъ, въ какой бы мѣстности они ни были собраны,—они съ благодарностью будутъ приняты Отдѣломъ, хотя бы присылаемыя свѣдѣнія содержали отвѣты лишь на одинъ вопросъ касающійся быта крестьянина, такъ какъ, какъ бы ни были отрывочны свѣдѣнія, сообщаемыя въ нихъ,—они составятъ все-таки (хотя и небольшой) вкладъ въ общую сокровищницу науки. Поэтому пусть не стѣсняются желающіе работать ни скудостью матеріала, ни его кажущейся безъинтересностью, имѣя въ виду, что своей работой они приносятъ посильную дань изученію быта нашего крестьянина *).

*) Для руководства при собираніи свѣдѣній о бытѣ русскихъ крестьянъ изданы Отдѣломъ Этнографіи въ 1887 г. „Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“ и „Программа для собиранія Этнографическихъ Свѣдѣній“, высылаемыя безплатно обращающимся въ Отдѣлъ Этнографіи при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

Оглавленіе.

Стр.

Памяти Михаила Николаевича Харузина *Всев. Миллера*. 1
Отъ редакціи I
Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи. *П. М. Богаевскаго*. 1
О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. *В. Кандинскаго*. 13
О доказательствахъ на волостномъ судѣ. *А. Папне* 19
Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. *А. П. Звонкова* 24
Объ участіи сверхъ-естественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. *П. И. Астрова* 49
По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). *Н. Янчука*. . . . 57

I. Предисловіе. Цѣль и условія поѣздки. Раскопки. Антропологическія наблюденія. Затруднительность изслѣдованій въ Бѣлоруссіи 57
II. Этнографическія наблюденія, характеръ страны; костюмъ, языкъ; экономическій бытъ; народное образованіе; вѣрованія; «прощи», «присвятки»; отношенія къ раскольникамъ и къ евреямъ; пьянство 68
III. Прибавленіе. Бѣлорусскія народныя пѣсни Минской губ. 84
Примѣчанія. 112

Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ *А. Кельсіева*. 113
Изъ русской народной космогоніи, передано *С. Я. Деруновымъ* 118
Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. *Николая Харузина* 122

Приложенія.

Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. *Вас. Тихонова*. 1
О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ. *В. Н. Аршинова* 10
Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. 13
Ноты (бѣлорусскія пѣсни).

Digitized by Google

Digitized by Google

Zamietki o iuridicheskom bytie krest'ian Sarapul'skago uiezda Viatskoi gub.

ЗАМѢТКИ О ЮРИДИЧЕСКОМЪ БЫТѢ КРЕСТЬЯНЪ САРАПУЛЬСКАГО УѢЗДА ВЯТСКОЙ ГУБ.

Сарапулъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ прикамскихъ городовъ: его хлѣбная торговля и кожевенное производство извѣстны во всемъ прикамскомъ краѣ. Будучи лишь уѣзднымъ городомъ Вятской губерніи, онъ и по количеству населенія и по промышленности первый городъ названной губерніи.

Мѣстные крестьяне, имѣя не мало случаевъ бывать въ городѣ и болѣе или менѣе близко знакомиться съ его жизнью, являются піонерами его культуры. Послѣдняя, въ силу неподготовленности и неразвитости населенія, воспринимается въ самой нежелательной формѣ. Эта „культура“ рушитъ завѣты старины, сложившіеся вѣками; воспринимая ее, крестьяне, особенно молодежь, начинаютъ презрительно относиться къ старымъ дѣдовскимъ обычаямъ, которые дали русскому народу и форму общежитія и вѣками выработали его міровоззрѣніе.

Не будучи въ состояніи понять этой культуры, крестьяне, лишь въ силу того, что ея источникомъ являются „господа“, бросаютъ все свое и обращаются къ ней. Въ результатѣ получается самая безотрадная картина. Семейное начало, столь родное русскому народу, съ каждымъ годомъ слабѣетъ все болѣе и болѣе; правовыя воззрѣнія, выработанныя и провѣренныя вѣками, забываются; свое родное міровоззрѣніе замѣняется совершенно чуждымъ, наноснымъ.

Лишь малѣйшее облегченіе сношеній глухаго уголка съ центромъ – сейчасъ же замѣчается паденіе нравовъ, паденіе всякаго уваженія къ старинѣ и стремленіе, хотя внѣшнимъ образомъ, походить на носителей т. н. „культуры“. Сарапульскій уѣздъ въ этомъ отношеніи находится въ крайне невыгодномъ положеніи: тамъ три центра, являющихся, по крайней мѣрѣ по своей внѣшности, недосягаемымъ для крестьянъ идеаломъ—это городъ Сарапулъ и заводы Воткинскій съ Ижевскимъ. На Воткинскомъ заводѣ, разспрашивая мѣстныхъ крестьянъ о свадебныхъ обычаяхъ, я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что на другой день послѣ свадьбы молодые дѣлаютъ „визиты“; но рядомъ съ этимъ совершается слѣдующій обрядъ, послѣдній отголосокъ на Воткинскомъ заводѣ времени похищенія невѣстъ. Къ молодымъ собирается вся родня, при чемъ каждый изъ родственниковъ захватываетъ часть невѣстинаго приданого, съ которымъ всѣ толпою отправляются разъѣзжать по заводу, распѣвая при этомъ самыя разнообразныя пѣсни. Тамъ же посидѣлки замѣнены „танцовальными вечерами“; подобную замѣну пришлось встрѣтить и въ с. Козловѣ, отстоящемъ отъ Сарапула на 20 верстъ. Но на ряду съ этими танцовальными вечерами въ Козловѣ, въ Великій Четвергъ, бабы, у которыхъ не клохчатъ куры, отправляются въ курятникъ и клохчатъ тамъ сами, столкнувъ куръ съ сѣдалъ. Тамъ же самымъ вѣрнымъ средствомъ пріучить скотину возращаться съ поля домой считаютъ крикъ въ Вел. Четвергъ въ трубу: „Тпруте, матушка (при этомъ перебираютъ всякую скотину) поди домой; какъ бы заслонка стояла на шесткѣ, такъ бы и скотина дома бы находилась“.

Рѣдко можно услышать старую пѣсню—ее вытѣснили безграмотныя вирши московскихъ пѣсенниковъ. На просьбу сказать хорошую, старинную пѣсню, постоянно съ видимымъ удовольствіемъ поютъ или разсказываютъ самыя нелѣпыя, самыя безсмысленныя произведенія московскихъ пѣсенниковъ.

Вотъ, напримѣръ, любимая пѣсня, слышанная мною на протяженіи всего уѣзда, одинаково у раскольниковъ и православныхъ.

„Ахъ ты Ваня, разудала голова,
Сколь далече отъѣзжаешь отъ меня,
На кого же оставляешь здѣсь меня,
Ни на друга, ни на брата своего,
Ни на ближняго сусѣда своего.
Съ кѣмъ же буду зиму зимовать,
Красну весну весновать,
Тепло лѣтичко гулять?
Ой ты, Ваня, разудала голова,
Что ты сдѣлалъ надо мною,

Digitized by Google

Надсмѣялся надо мною,
Здѣсь оставилъ горе горькой сиротой,
Ни солдаткой, ни вдовой".

Впрочемъ, надо замѣтить, что это еще лучшая пѣсня, а то сплошь да рядомъ приходится слушать слѣдующія пожеланія:

„Киѵареечка моя любезная,
Утѣшай съ горя меня.
Скорбь моя тебѣ извѣстна:
Позабылъ милой меня.
Растворю я птичкѣ клѣтку,
Лети къ дружку моему..."

Заканчивается она слѣдующими словами:

„Лучше съ миленькимъ разстанусь,
Вѣкъ знакомымъ не бывать".

Присутствуя на празднованіи Троицына дня, я убѣдился въ томъ, что ни одного стараго обряда не уцѣлѣло; ни одной старинной пѣсни не удалось мнѣ слышать въ этотъ день. Цѣлый день прошелъ въ хороводахъ съ пѣніемъ почти фабричныхъ пѣсенъ. Укажу лишь на одну изъ нихъ, являющуюся отголоскомъ стараго времени. Записана эта пѣсня со словъ старухи, утверждавшей, что поется она въ Троицынъ день.

„Не гуси, не лебеди со лузей подымалися,
Подымалися дѣвицы со дубовыя лавицы,
Выносили дѣвицы соловья по зарукавью,
Садили дѣвицы на часъ его на ракитовъ кустъ,
Соловеюшка высвистываетъ,
А красны дѣвицы возыгрываютъ,
А старыя бабы востуживаютъ,
А молодицы расплачутся.
Поиграйте дѣвицы, да поиграйте красныя,
Тогда вамъ будетъ не игрывати
И вамъ тогда будетъ не плясывати,
Не ровенъ чортъ навяжется,
Не ровенъ и накачается,
Либо младъ человѣкъ,
Либо пьяница пропоица мужикъ,
Тогда и не игрывати и не плясывати".

Изъ обрядовъ, совершаемыхъ въ этотъ день, по крайней мѣрѣ въ д. Елкиной, я не могу указать ни одного. Интересенъ лишь тотъ фактъ, что по окончаніи хороводовъ, водимыхъ дѣвушками окрестныхъ деревень, онѣ вступаютъ въ половое общеніе съ парнями, при чемъ парни каждой деревни строго оберегаютъ своихъ дѣвушекъ.

Стремленіе подражать городскому населенію не могло не отразиться и на юридическомъ бытѣ Сарапульскихъ крестьянъ, который въ общихъ своихъ чертахъ ничѣмъ не отличается отъ быта остальнаго русскаго населенія. Каждый годъ приноситъ за собою небольшое утрачиваніе народомъ своего собственнаго правовоззрѣнія, замѣняемаго обращеніемъ къ городу за помощью; а послѣдній даетъ ее въ лицѣ писарей съ Х-ымъ и другими томами въ рукахъ. Вотъ почему крайне важно изученіе въ настоящее время даже того немногаго, что осталось въ мѣстностяхъ, зараженныхъ подражаніемъ внѣшней культурѣ цивилизованнаго общества.

Съ каждымъ годомъ растетъ стремленіе крестьянъ вѣками выработанную форму общежитія, большую семью, замѣнить новою, которая даетъ и больший просторъ иниціативѣ отдѣльнаго лица и возможность самостоятельнаго, независимаго существованія, растетъ стремленіе замѣнить большую семью малою.

„Въ малой семьѣ, по словамъ одного крестьянина, по себѣ каждый зарабатываетъ, по себѣ и получаетъ; а коли семья большая, такъ онъ ничего себѣ самому не дождется". Часто приходится слышать жалобы крестьянъ на то, что „народъ нынѣ зубастый сталъ, всякому охота большому быть въ дому; оттого и ссоры происходятъ въ семьѣ", а послѣднія доводятъ сплошь да рядомъ до совершеннаго распаденія большой семьи. Какъ на одну изъ причинъ этихъ ссоръ всегда почти указываютъ на зависть другъ къ другу женскаго состава семьи, вызываемую чаще всего матеріальною неудовлетворенностью, а послѣдняя происходитъ, по мнѣнію крестьянъ, отъ недостатка въ землѣ. Недостатокъ этотъ настолько ощутителенъ, что за послѣднее время, какъ говорили мнѣ въ с. Нечкинѣ, боятся приступить къ ея дѣлежу, и ограничиваются лишь тѣмъ, что „если замѣчаютъ, что у кого лишняя земля, такъ ровняютъ". „Потому я отошелъ, говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ, что у меня ребятъ много, а у братьевъ мало". Одежа дѣтей вызываетъ лишніе расходы, а эти послѣдніе даютъ поводъ къ попрекамъ. Другая причина частыхъ ссоръ заключается въ невозможности уравнять трудъ всѣхъ членовъ семьи: „одинъ говоритъ: ты много робишь, другой: ты меньше. Вотъ и пойдутъ къ раздѣлу. Это бываетъ, гдѣ домохозяинъ не можетъ вести порядокъ".

Въ настоящее время въ большихъ семьяхъ Сарапульскаго уѣзда рѣдко попадаются взрослые женатые племянники или внуки. „Все больше отцы съ сыновьями живутъ, да и послѣдніе норовятъ все въ раздѣлъ: работа то въ семьѣ казенная, такъ думаетъ уходящій,

Digitized by Google

буду лучше одинъ жить". Въ сел. Перевозномъ мнѣ указывали на то, что если дядя съ племянниками живетъ, „такъ уже развѣ только по сиротству". Тамъ же пришлось встрѣтить 6 совершенно отдѣльныхъ дворовъ, которые считаютъ, что они раздробились изъ одной большой семьи втеченіе 40 лѣтъ. Какъ очень рѣдкое явленіе, мнѣ пришлось встрѣтить въ с. Перевозномъ семью, живущую въ раздѣлѣ, но работающую вмѣстѣ. Подобный фактъ до нѣкоторой степени служитъ доказательствомъ тѣхъ объясненій крестьянами частыхъ дѣлежей, гдѣ они указываютъ, какъ на причину ихъ, стремленіе къ индивидуальности. На ряду съ постояннымъ распаденіемъ семьи нельзя не обратить вниманія на почти во всѣхъ деревняхъ широко практикуемый „пріемъ въ дѣти" и „въ зятья". Вызывается этотъ пріемъ, конечно, необходимостью въ сельскомъ хозяйствѣ рабочихъ рукъ. Въ то время какъ родные члены семьи стремятся зажить самостоятельнымъ хозяйствомъ, остающіеся лишаются работниковъ, выносящихъ на своихъ плечахъ все, даже незначительное, благосостояніе семьи, а потому волею неволею должны обращаться къ искусственному составленію семьи, что достигается пріемомъ къ себѣ въ домъ небогатыхъ крестьянъ частью въ качествѣ дѣтей, частью въ качествѣ зятьевъ. Не рѣдки случаи, когда въ домъ приходитъ цѣлое семейство и поступаетъ тамъ „въ дѣти", принося свое имущество, которое и соединяютъ съ имуществомъ принявшей ихъ семьи. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ о пріемѣ „въ дѣти" заявляютъ на сходѣ тогда, когда у принявшаго е ть родные, если же таковыхъ нѣтъ, не заявляютъ, и тогда по смерти домохозяина его имущество наслѣдуютъ пришельцы на томъ основаніи, что они заботились о немъ въ старости, а также всегда обращается вниманіе и на то, что они похоронили его.

Такимъ образомъ семьи сарапульскихъ крестьянъ можно раздѣлить на слѣдующіе 2 главные типа. I) Кровная семья, состоящая изъ кровныхъ родственниковъ; сюда же я отношу тѣ семьи, которыя въ числѣ прочихъ своихъ членовъ считаютъ принятыхъ зятьевъ.

II) Семья, не состоящая изъ близкихъ кровныхъ родственниковъ, какъ она была названа однимъ изъ крестьянъ, *сведеная семья*. Вотъ, по словамъ его, примѣръ такой семьи: „у хозяина родилась дочь, на которую онъ взялъ зятя. У послѣдней были двѣ дочери, обѣ выданныя замужъ. Мужъ одной изъ нихъ умеръ, тогда она пришла къ дѣду со своими двумя сыновьями. Кромѣ того къ этому домохозяину подбросили подкидыша, котораго онъ поженилъ. Это будетъ сведеная семья, потому что она изъ разныхъ колѣнъ".

Важно слѣдующее замѣчаніе разсказчика: „въ сведеной семьѣ робятъ всѣ вмѣстѣ, такъ и дѣлятъ поровну". Это замѣчаніе, мнѣ кажется, рельефно характеризуетъ воззрѣніе народа на семейную работу. Если кровный родственникъ, то, какъ говоритъ мѣстная поговорка: „брата сколько ни обидь, паю не лишишь", а въ сведеной семьѣ на первый планъ выдвигается тотъ принципъ, что „робятъ вмѣстѣ, такъ и дѣлятъ поровну".

На ряду съ этими двумя видами, которые можно отнести къ разряду большихъ семей, укажу какъ на третій типъ, на малую семью, которая состоитъ лишь изъ мужа съ женою съ малолѣтними дѣтьми. Такая семья образуется немедленно по отдѣленіи отъ большой, и иногда вновь разрастается до болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ.

Если бѣдность въ землѣ является одною изъ причинъ дѣлежей, то она же иногда и препятствуетъ имъ, такъ какъ лишаетъ возможности обзавестись особымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ образуется еще видъ семьи, самый нежелательный: это родственники, которые живутъ въ одномъ домѣ, но ведутъ разное хозяйство.

Главою большой семьи или, какъ называютъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кореннымъ хозяиномъ, большакомъ считаютъ чаще всего старшаго по лѣтамъ, хотя извѣстны случаи, когда для большака непремѣннымъ требованіемъ предъявляютъ умъ и опытность. „Старъ да молодъ, молодъ да старъ", говоритъ поговорка. „Большакомъ можетъ быть тотъ, кто порядокъ хорошо ведетъ", говорили крестьяне; „кто рѣзвѣе, тотъ и завѣдуетъ хозяйствомъ", „по дѣлу видно раньше, кому стать старшимъ". Впрочемъ, почти повсемѣстно добавляли, что хозяиномъ чаще всего становится старшій по лѣтамъ, что „мало по опытности выбираютъ, все же старшаго больше слушаютъ", что „все дѣло старики правятъ" и лишь если они начнутъ растрачивать имущество, „вступается общество и постановляетъ приговоръ на другого". Гдѣ въ семьѣ есть порядокъ, тамъ сынъ большакъ долженъ слушаться совѣтовъ вдовы матери. Женщина, хотя, если она ведетъ порядокъ хорошо, и можетъ быть самостоятельной большухой, но рѣдко бываетъ таковой при взрослыхъ мужчинахъ, членахъ семьи.

Какъ на очень рѣдкое исключеніе мнѣ указывали на случай въ д. Кварзѣ, „гдѣ дѣвушка, отцова сестра, всѣмъ дѣломъ правитъ". Слѣ-

Digitized by Google

дующее выраженіе крестьянъ наглядно показываетъ, что они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаютъ самостоятельную большуху женщину. На вопросъ, можетъ ли мужъ завѣщать своей женѣ все имущество помимо сына, они отвѣчали: „Если есть сынъ, какъ-же онъ женѣ оставитъ? все же не жена будетъ распоряжаться". Отвѣтъ до нѣкоторой степени характеризующій и взглядъ на цѣль завѣщанія. Бываютъ случаи, что большакъ устарѣвъ передаетъ свою власть сыну или другому члену семьи. „У Ѳоминыхъ, говорила мнѣ одна старуха, дѣдушка все сыну передалъ, а всетаки за большу голову считаютъ его". Дѣлается это въ глубокой старости, когда не станетъ силъ больше работать. „Коли по крестьянски не можетъ отецъ работать, передаетъ все сыну".

Большакъ распоряжается всѣми дѣлами семьи: онъ руководитъ работами, завѣдуетъ деньгами. Но надо различать большака брата и отца, такъ какъ на практикѣ власть того и другого различна. Крестьяне по идеѣ признаютъ, что всему воля большака, но въ жизни строго отличаютъ права большака брата и отца. Послѣдній можетъ сына, напримѣръ, побить, и тотъ не долженъ „обижаться"; но братъ не всегда можетъ прибѣгать къ этому средству, такъ какъ тотъ, по словамъ крестьянъ, можетъ „обидѣться". „Братъ брату сѣдъ", добавляли они при этомъ. Лишь только большакъ, или какъ назвали его „уполномоченный", можетъ „завѣщать, продавать и благословлять".

Въ тоже время „кто хозяйствуетъ, - тотъ и отвѣтственъ за проступки семьи".

Обыкновенно жена большака руководитъ работами женскаго состава семьи. Подобно тому какъ домохозяиномъ бываетъ иногда не старшій, но опытнѣйшій, бываетъ, что большухою выбирается умнѣйшая изъ снохъ. Главною обязанностью большухи въ иныхъ мѣстностяхъ является стряпня, тогда какъ снохи по очереди исполняютъ черную работу. „Во время страды большуха все больше передъ печкою, когда же снохи страдуютъ, она управляетъ всѣмъ домомъ". Въ иныхъ большихъ семьяхъ на большухѣ лежитъ лишь руководство, тогда какъ пища готовится всѣми снохами по очереди, а также и „кормить скотину, каждая свой чередъ знаетъ". Бываетъ, что старшія женщины управляютъ въ избѣ, а за скотиною смотритъ, кто помоложе. На обязанности каждой изъ женщинъ лежитъ обшиваніе своего мужа; вдоваго отца обшиваютъ дочери. Вотъ почему посѣянный ленъ бабы дѣлятъ между собою; поэтому же повсемѣстно слышишь, что „кудели бабы сѣютъ для себя". Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продажа огородныхъ овощей идетъ въ пользу бабъ, то въ несогласныхъ союзныхъ семьяхъ, таково названіе дается нѣкоторыми крестьянами большой семьѣ, обыкновенно огородъ раздѣляется между ними на грядки; деньги, вырученныя отъ продажи огородныхъ овощей, часто употребляются на покупку одежды. Тамъ, гдѣ овощи отъ огорода не идутъ на продажу, огородъ не дѣлятъ, „потому что тамъ всѣ сидятъ за однимъ припасомъ". „Мужики пользуются хлѣбомъ, говорили мнѣ, а бабы льномъ и коноплею", а эта послѣдняя идетъ на приготовленіе одежды, какъ мужу, такъ и себѣ съ дѣтьми. Вотъ почему крестьяне говорятъ, что „когда мужики пашутъ и сѣютъ, бабы ухаживаютъ за красными". Но въ то же время женщина участвуетъ и въ полевыхъ работахъ всей семьи. На себя, мужа и дѣтей она работаетъ лишь зимой; когда окончится молотьба, тогда женщины начинаютъ прясть.

Такимъ образомъ личныя обязанности членовъ семьи сводятся къ тому, чтобы какъ женщины, такъ и мужчины постоянно употребляли свой трудъ и свою силу на обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія семьи. Послѣдніе добываютъ хлѣбъ и деньги, первыя помогаютъ имъ въ этомъ, заботясь въ то же время, каждая о своемъ мужѣ и неженатыхъ дѣтяхъ. Въ семьяхъ, живущихъ „по согласу", „ничего безъ совѣту не дѣлается".

Деньги, остающіяся у женщинъ отъ продажи кудели и овощей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и другихъ продуктовъ ихъ труда, остаются ихъ неприкосновенною собственностью даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не употребляются на одежду для мужа и дѣтей. Помимо этого, отдѣльнымъ членамъ семьи принадлежатъ, какъ ихъ неприкосновенная собственность, всѣ деньги и вещи, заработанныя на сторонѣ въ т. н. праздничное время. Наконецъ, въ третьихъ, неприкосновенною собственностью снохи считается принесенное ею приданое, какъ платье, такъ и скотина; что касается до послѣдней, то тутъ можетъ возникнуть лишь вопросъ о приплодѣ, который, „коли несогласно живетъ семья", присваивается ею. Хотя тутъ указывается на присвоеніе приплода въ случаѣ „несогласа", мнѣ однако приходилось въ большинствѣ мѣстностей слышать, что приплодъ принадлежитъ семьѣ, такъ какъ его надо кормить, а „кормъ коня дороже", говорили крестьяне. Нельзя не указать того факта, что на вопросъ, имѣютъ-ли члены большой семьи, мужчины, свое соб-

Digitized by Google

ственное имущество, постоянно указываютъ, какъ на таковое, на женино приданое, не смотря на то, что въ „хорошемъ семействѣ“ сноха почти безконтрольно распоряжается имъ. Въ то же время характерны слѣдующія указанія крестьянъ: „кудель бабій хлѣбъ“, но: „съ женою мужъ въ большей семьѣ наживаютъ имущество: ленъ сѣютъ, робятъ въ праздничные дни“, „кудели сѣютъ мужъ и жена“, „на свои деньги отъ кудели сынъ можетъ разводиться все болѣе и болѣе, даже можетъ домъ завести“. Какъ выразился одинъ крестьянинъ, „отецъ, изъ уваженія къ своимъ дѣтямъ, по праздникамъ отпускаетъ ихъ работать на себя“. Если заработанныя деньги или вещи употреблены на наживу и дадутъ прибыль, то послѣдняя идетъ въ пользу того лица, которое употребляетъ свое праздничное время на добываніе себѣ средствъ. „У моего сына, говорилъ крестьянинъ с. Мостоваго, пчелы на свои деньги заведены, такъ я въ нихъ не вмѣшиваюся. Если онъ хочетъ, еще заводи“. Безъ дозволенія домохозяина никто не можетъ наживать себѣ самъ, потому что „всѣ работаютъ въ артели“. Поэтому деньги, получаемыя за мелкія услуги идутъ домохозяину— „все же отъ отца идешь, такъ просишься“. Крайне характеренъ для опредѣленія крестьянскаго взгляда на семейное имущество слѣдующій примѣръ, приведенный мнѣ въ одной изъ деревень: „Если отецъ заложитъ, напримѣръ, тулупъ, а сынъ выкупитъ его, то онъ опять въ домъ идетъ, вѣдь тулупъ отецъ носитъ и сынъ тоже“.

Съ одной стороны, необходимость въ рабочихъ рукахъ, съ другой, желаніе каждаго члена семьи имѣть свою „хозяйку“, которая постоянно заботилась бы о немъ, заставляютъ крестьянъ при первой возможности женить своихъ дѣтей, племянниковъ и другихъ членовъ семьи. Доказательствомъ первой причины является то обстоятельство, что въ жены выбираютъ дѣвушку, старшую лѣтами. Въ прежнее время часто, по словамъ крестьянъ, встрѣчался 14-лѣтній мужъ и жена 20 лѣтъ, а теперь „стараются соединять годами, но все больше и теперь жены старше“. Что же касается до второй причины, то тутъ весьма характерны слѣдующія слова крестьянки с. Перевознаго: „мужику долженъ быть и обѣдъ приготовленъ и рубашка припасена, поэтому тотъ только не женатъ, кому не на что жить“. Такъ какъ новая сноха является работницею на всю семью, то поэтому передъ выборомъ ея собирается совѣтъ всей семьи; послѣдняя при этомъ несетъ и всѣ расходы по свадьбѣ: „вся семья даетъ (деньги, подарки) на свадьбу, да не то, что со всего дома и детъ, вся родня даетъ“. Изъ общаго семейнаго имущества платятся расходы по свадьбѣ, платится калымъ, тогда какъ приданое составляется нѣсколько инымъ способомъ. „У насъ изъ семей, говорили мнѣ, почти никогда не даютъ приданаго; коли есть дѣвочка, то мать съ самаго начала складываетъ ей платье, затѣмъ и сама дѣвушка заботится“. Что касается до калыма, то у русскихъ крестьянъ обычай платить его не является распространеннымъ. „Я внесъ за сноху, разсказывалъ крестьянинъ деревни Нарядовой, 28 рублей, трои сапоги: братамъ невѣсты, отцу, матери. Подарки противъ подарковъ. Эти деньги на моихъ глазахъ сдѣлались. Заплатилъ я 28 рублей за своего сына и сватъ дѣвай ихъ, куда хочешь, хоть себѣ, хоть дочери. Я сперва 25 рублей (условился) да затѣмъ мой сынъ запросилъ драповые шаровары, ну, сватъ и осердился, еще 3 рубля запросилъ“. Приходилось также слышать, что калымъ разсматриваютъ, какъ помощь невѣстиному отцу сдѣлать подарки роднѣ жениха. „Отецъ невѣсты можетъ сказать: 50 рублей дай мнѣ на убытки“. Впрочемъ за *хорошую* невѣсту часто требуютъ калымъ въ прямомъ его смыслѣ. Но, не смотря на издержки, которыя несетъ родня жениха (издержки на свадьбу, подарки, иногда на уплату калыма), приданое, приносимое невѣстою, составляетъ, какъ уже было указано выше, ея неотъемлемую собственность, владѣніе которой лишь до извѣстной степени ограничено волею мужа. „Жена безъ дозволенія мужа не можетъ продать своего приданаго“, говорили въ д. Нарядовой. Въ случаѣ смерти жены, ея приданое переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, идетъ обратно въ ея родъ; мужу повсемѣстно оставляется лишь одна постель. „Коли дѣти остались, приданое, обыкновенно состоящее изъ платья и скотины, подаренной невѣстѣ при выходѣ въ замужество ея семьею, все равно, какъ утонуло.“

Переходя къ свадебнымъ обрядамъ, я буду говорить о нихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, отобравъ типичнѣйшіе моменты свадьбы и наиболѣе интересные обряды, являющіеся переживаніемъ отдаленнаго отъ насъ времени. Послѣ того, какъ вопросъ о женитьбѣ рѣшенъ, а выборъ семьи остановился на какой либо дѣвушкѣ, къ ея родителямъ прежде всего посылаютъ „сусѣдей“; затѣмъ, сообразуясь съ ихъ отвѣтомъ, отправляются сами. Сватовство совершается совершенно такимъ же образомъ, какъ и почти повсемѣстно у русскихъ крестьянъ: тѣ же аллего-

Digitized by Google

рическія вступленія, тѣ же выраженія желанія породниться... Затѣмъ, заручившись согласіемъ родителей невѣсты, черезъ нѣсколько дней отправляются на „рукобитье“ или „взглядушки“. Въ этотъ день новый сватъ, по словамъ крестьянъ, обращаясь къ пришедшему отцу жениха, говоритъ: „если хочешь брать невѣсту, то давай столько-то денегъ, сапоговъ, рубашекъ“, а послѣдній въ свою очередь опредѣляетъ свои требованія относительно приданаго. По окончаніи этихъ расчетовъ обыкновенно называютъ невѣсту „пропитою“. Если бракъ впослѣдствіи разстроится, то женихова сторона должна возвратить семьѣ невѣсты за то, что „та на жениха скроилася“, а послѣдняя возвращаетъ первой то, „что поистратились на угощеніе“, такъ какъ вино при рукобитьѣ приносится отцомъ жениха. Черезъ нѣсколько времени послѣ рукобитья бываетъ свадьба, незадолго до которой совершается „обрученіе“. Описаніе послѣдняго я передамъ словами одной изъ крестьянокъ. „Отъ невѣсты къ жениху приглашать на обрученье“ посылаются сваты. Если женихъ живетъ въ другой деревнѣ, то незадолго до этого онъ пріѣзжаетъ въ деревню къ невѣстѣ и останавливается въ одной изъ сосѣднихъ избъ. Когда гости вмѣстѣ съ женихомъ придутъ къ невѣстѣ, всѣ садятся за столъ и послѣдняя идетъ за „подарушками“, которые раздаетъ и „своему роду и женихову“. Потомъ невѣста съ женихомъ садятся за столъ и всѣмъ, сколько есть „природы“, дѣвки поютъ пѣсни“.... Вотъ, напримѣръ, пѣсня, которая поется въ то время, какъ раздаются подарки:

„Ужь вы гуси, вы гуси,
Куда вы летѣли,
Чего видали, слыхали?
А мы видѣли, какъ (Катеринушка) плачетъ,
Ко даройкамъ причитаетъ:
Ужь я свекру то рубашечку,
Я свекровушкѣ другую,
Деверю платочекъ,
Золовушкѣ вѣночекъ“.

Слѣдующая пѣсня поется вину:

„Не гостинчики я приняла,
А тоску кручиночку
Со всего то міра бѣлаго,
Со всего то міра крещенаго“.

Послѣ „обрученья“, оканчивающагося благословеніемъ иконами, бываетъ самая свадьба. Передъ церковнымъ вѣнчаніемъ у невѣсты въ домѣ обѣдаютъ. Въ то время, какъ садиться за столъ, совершается извѣстный обрядъ выкупа косы. По окончаніи обѣда и во время него дѣвки поютъ величанія. „Кого величаютъ хорошо, тотъ имъ денегъ много кладетъ“. Дружкамъ онѣ поютъ:

„Ой вы дружки, да друженьки,
Соколы ясные.
Куда вы, дружки, ѣздили,
Кого вы, дружки, видѣли?
Ужь мы видѣли красну дѣвицу въ теремѣ
Привезли мы потерехоньку,
Потеряли русы косы“.

Матери невѣсты поютъ:

„Вы не пойте рано пѣтухи,
Не будите родную матушку:
Матушка старешенка была,
За пылиночку запнулася,
За травиночку заплеталася“.

Въ этомъ же родѣ величанія всѣмъ остальнымъ членамъ семьи. Въ церковь ѣдутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „дружки“ съ образомъ и „бояре“, женихъ съ „тысяцкимъ“, невѣста со свахою и „повозникомъ“. Въ церкви расплетается коса и вѣнчаютъ съ распущенными волосами. По окончаніи церковнаго обряда надѣваютъ косынку и повойникъ. Везутъ изъ церкви молодую сълицомъ закрытымъ покрываломъ, которое привозитъ женихова сваха. Пріѣхавшихъ молодыхъ встрѣчаютъ родители, которые ломаютъ надъ ними коровай хлѣба. На слѣдующій день гости производятъ нарочно безпорядокъ и новая хозяйка должна при бирать брошенный ими соръ. Какъ на особенно интересный обрядъ укажу на слѣдующій, нѣсколько напоминающій собою т. н. „утренній даръ“. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, молодая разуваетъ своего мужа, а послѣдній кладетъ въ сапогъ деньги, которыя вынимаются ею утромъ и идутъ въ ея пользу. Укажу еще на одинъ обычай, соблюдаемый русскимъ населеніемъ Сарапульскаго уѣзда Молодая, первые дни послѣ свадьбы, всѣхъ приходящихъ къ ней въ домъ угощаетъ пивомъ; она одѣвается въ эти дни понаряднѣе, всякому подходящему подноситъ пива, которое тотъ, не говоря ни слова выпиваетъ, и затѣмъ цѣлуетъ молодую.

„Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Куда идти спроситися,
Отколь идти сказатися“.

Эти причитанія служатъ лучшею характеристикою положенія молодой въ новой семьѣ.

Digitized by Google

„Отдаютъ меня въ чужіе люди,
Въ чужіе люди, незнакомые,
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду племени,
Къ чужимъ кумушкамъ, подружкамъ,
Въ чужихъ людяхъ жить умѣючи, разумѣючи".

Какъ было указано выше, главныя заботы жены должны быть направлены на мужа: „жена должна мужу служить: вездѣ все мужской полъ первенствуетъ—напримѣръ, душа мужская ревизской считается, а женская нѣтъ". Но считая женщину ниже мужчины, крестьяне требуютъ отъ мужа нѣкотораго нравственнаго руководства женою. „Живетъ жена съ дурнымъ мужемъ, будетъ сама дурой и наоборотъ". „Жена мужемъ хороша" говоритъ пословица. Мужъ, какъ глава дома, встрѣчаетъ и принимаетъ гостей, тогда какъ жена имъ прислуживаетъ. Мужа своего жена зоветъ обыкновенно „хозяиномъ", иногда просто по имени. Одно изъ главныхъ требованій крестьянъ къ женѣ заключается въ требованіи отъ нея болѣе строгаго соблюденія правилъ половой нравственности, при чемъ оно формулируется слѣдующимъ образомъ: „Къ мущинѣ шашни не прилипаютъ, а къ женѣ больше, такъ какъ она всетаки домомъ живетъ". Потеря невинности для дѣвушки иногда много значитъ. „Если беременна дочь хорошаго отца, то она выходитъ замужъ за бѣднаго мужика". Въ прежнее время дѣвушки, выходившія замужъ невинными, клали въ напрестольное Евангеліе ленточку. Т. н. снохачество мало развито среди сарапульскихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, оно не представляется обычнымъ явленіемъ. Лишь изрѣдка, начитанные крестьяне, оправдываютъ его, ссылаясь на библію. Часто приходится слышать, распространенный по всей Россіи, разсказъ о томъ, какъ тянули колоколъ и до тѣхъ поръ не могли поднять его, пока не были удалены снохачи.

На обязанностяхъ женщины, между прочимъ, лежитъ и забота о своихъ дѣтяхъ. „Съ дѣтьми горе, а безъ дѣтей вдвое", говоритъ мѣстная поговорка. „Много дѣтей, говорили въ д. Нарядово, есть кому подъ старость шею наколотить". „Отецъ во всѣхъ дѣтяхъ властенъ. а мать по своему дѣлу, развѣ въ краснахъ укажетъ, но за то по секрету что сказать, такъ сынокъ всегда покалякаетъ съ матерью". „Я слыхалъ, говорилъ одинъ крестьянинъ, что отецъ не можетъ проклинать, а мать можетъ." Тѣмъ не менѣе, власть отца надъ дѣтьми очень велика. До сихъ поръ еще въ разговорномъ языкѣ сохранилось выраженіе: „отецъ заложилъ сына". „Отдалъ въ срочную работу, деньги взялъ впередъ, значитъ заложилъ сына". Къ числу правъ родителей, преимущественно отца, принадлежитъ право женить сыновей: „вѣдь отцы женятъ дѣтей". „Въ долгахъ отецъ за сына не отвѣтчикъ, только за подати и къ отцу причтутъ, вѣдь отецъ можетъ сына плохо надѣлить". „Неужто отецъ за сына платитъ", слышалъ я повсемѣстно. „А имѣніе у отца не продавать и съ него не требовать", читаемъ мы въ одномъ изъ рѣшеній мѣстнаго Волостнаго Суда. Нравственная и физическая связь родителей съ дѣтьми выразилась въ слѣдующихъ пословицахъ: „Отъ змѣя змѣенокъ, отъ свиньи поросенокъ", „куда иголка, туда и нитка". Забота родителей, ихъ нравственная поддержка много значитъ для дѣтей. Вотъ, напримѣръ, слова, которыми плачетъ круглая сирота, выходящая замужъ:

„Я иду то ли горе горькое, горемычное
По полечку, по дубовому,
Ищу то ли родимую мамоньку;
Дошло то ли горе горькое горемычное
До мамоньки, до родимыя,
Ты дайко мнѣ благословеньице
Твое-то благословеньице изо дна моря вынесетъ,
Отъ часта дождя покрышечка,
Отъ лихихъ людей оборонушка.
Я иду то ли горе горькое
По сѣничкамъ, по рѣшетчатымъ,
По лѣсенкамъ, мелкоступчатымъ,
По батюшку широку двору.
Свѣти ты, свѣтелъ мѣсяцъ,
На мою на русу косу,
На мою дѣвью красоту;
Просвѣти-ко мнѣ дороженьку
Ко батюшку теплу парушку,
Набѣги ка, туча грозная
Со восточныя сторонушки,
Выходи бѣлъ горючъ камень
На батюшки могилушку,
Расшиби ты мать сыру землю
И расколи-ко гробову доску,
И распахнитеся тонкіе саваны,
Разожмитеся бѣлыя рученьки,
Растворитесь уста сахарныя,
Промолви словечушко,
Оберися вольной пташечкой,
Прилети къ широку двору,
Сядь ко на окошечко,
Послушай горькихъ пѣсенъ:
Отдаютъ меня во чужіе люди...
. . . . . .

Digitized by Google

Въ другомъ мѣстѣ, прося у отца благословенія, поетъ она тѣ же слова, которыми проситъ благословенія у матери.

Неимѣніе родныхъ дѣтей тяжело отражается на семьѣ. Некому будетъ подъ старость „поить и кормить отца и мать", некому будетъ поддерживать и продолжать хозяйство. Вотъ почему въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ усыновленіямъ и, въ случаѣ, если есть дочери, принимаютъ на нихъ зятьевъ. „Брать въ дѣти согласнѣе маленькаго, а взрослый жить не станетъ". Обыкновенно малолѣтнихъ берутъ въ дѣти, составляя на этотъ предметъ приговоръ сельскаго общества, который такимъ образомъ освобождаетъ ихъ отъ рекрутчины.

Для принятаго въ дѣти прекращаются всѣ права и обязанности по отношенію къ его прежней семьѣ. Если принявшій впослѣдствіи прогонитъ его, то за работу его онъ обязанъ дать ему либо надѣлъ, либо заплатить, какъ простому рабочему. Что касается до вопроса о женитьбѣ пріемыша на родной дочери, то тутъ существуютъ два мнѣнія: 1) „Принятаго въ дѣти нельзя женить на дочери, всетаки они будуть, какъ братъ съ сестрой". „Когда не изъ роду возьмешь сына, то вѣнчать можно, но грѣшно: вѣдь онъ отцемъ меня зоветъ и какъ братъ съ сестрой живетъ съ дочерью". 2) „Женить можно, такъ какъ онъ не той крови, это часто бываетъ. Бываетъ, что и сынъ пріемный и жена на него пріемная".

На ряду съ пріемными сыновьями, въ случаѣ нужды въ рабочихъ рукахъ, широко практикуется крестьянами пріемъ въ домъ зятьевъ на родныхъ дочерей или на снохъ. Но зятьевъ берутъ крайне неохотно, обыкновенно избѣгаютъ дѣлать это въ случаѣ, когда есть сыновья. „Если у меня есть дѣти, такъ зятя принять въ домъ разстройство будетъ". „Хорошо бы взять (зятя) если бы онъ служилъ мнѣ, а то онъ потомъ все оттягаетъ отъ меня". „Теперь, продолжалъ этотъ же крестьянинъ, замѣсто сына работникъ у меня. Видишь какъ дѣло ведетъ хорошо, такъ и повѣнчаешь на дочери, а раньше жилъ въ работникахъ 4 года". „Если есть малолѣтній сынъ, берутъ зятьевъ на время изъ платы за работу". „Когда послѣ зятя родится сынъ, то иногда зятя оставляютъ и послѣдній дѣлится съ сыномъ пополамъ". Въ числѣ членовъ семьи иногда встрѣчаются подкидыши. Относительно этихъ послѣднихъ мнѣ говорили: „подкидышъ укореняется въ ту же фамилію, куда подкинутъ, такъ какъ онъ крестится въ ней. Къ семейству не подкидываютъ, а больше на одинокаго; если его не пожелаютъ взять, то отдаютъ въ то семейство, гдѣ нуждаются въ дѣтяхъ; когда подкидываютъ, смотрятъ, гдѣ нуждаются". „Понятіе „пріемышъ" въ Перевозинской волости мнѣ опредѣлили слѣдующимъ образомъ: „Если отецъ принялъ, а міръ не принялъ, то это будетъ пріемышъ". Несмотря на то, что подкидыши и пріемныя дѣти считаются членами семьи, но постоянное преимущество отдается кровнымъ родственникамъ. „Которые и родственники, говорили мнѣ, и далече чужаго, а все же, коли придетъ чужой и свой придетъ просить взаймы, все своему скорѣе дашь: онъ какъ будто миляе".

„Не верба ли въ избу склонялася:
Среди полу становилася, Богу молилася
(Имя), что же тебя долго не бывало?
За скупостью ли, за гордостью ли?
Шелъ бы ты поди всѣхъ поранѣе,
Сѣлъ же бы поди возлѣ роднаго батюшки,
Разговорилъ бы роднаго батюшку",

поется на свадьбѣ дядѣ или теткѣ. Женщины передъ всѣми мущинами, а особенно передъ родными, не могутъ показываться съ непокрытою головою. „Если идетъ хоть сторонній мужикъ, надо сейчасъ голову покрыть". Полная совокупность родственниковъ носитъ названіе „родство", „родъ"; лица, находящіяся въ близкомъ родствѣ, говорятъ про себя: „мы одной природы". „Дураку не отъ кого быть, говорилъ одинъ крестьянинъ про своего рабочаго, у него вся природа хорошая" Употребительно выраженіе „мужская природа". Про племя мнѣ говорили: „племень — это значитъ: отъ одного родства". Свойственники считаются близкими родственниками. „Что свойство, то родство — все одно". Большимъ почетомъ пользуются кумовья. „Кумовство роднѣе, говорятъ старики". „Я кума лучше желаю, какъ брата". „Кумовство большое родство". „Дальнородство" это то, которое „вышло изъ роду" (дальше 4-го колѣна). Изъ названій, даваемыхъ родственникамъ, мнѣ пришлось слышать слѣдующія: сестренница — это значитъ двоюродная сестра, братенникъ — двоюродный братъ, сводена сестра — дочь мачихи или вотчима. „Если свекръ и свекровка берутъ невѣстку, то она при первыхъ вечерахъ называетъ ихъ „богоданнымъ батюшкою, богоданною матушкою". „Свекра сноха все больше называетъ отцомъ, батюшкою, а то, развѣ, какая нибудь безстыдная назоветъ просто по имени".

Побратимство не является распространеннымъ среди Сарапульскихъ крестьянъ, хотя

Digitized by Google

изрѣдка встрѣчается: „Вотъ у меня есть крестовый братъ: подружились съ нимъ, перемѣнились крестами и стали, какъ родные. Молились мы при этомъ Богу, поклонились другъ другу въ ноги и поцѣловались. Называемъ другъ друга все больше „крестовый“. Дѣлается это, чтобы дружбу имѣть. Подарковъ не дѣлаемъ другъ другу и жениться на сестрахъ не ловко“. По большей части этотъ обрядъ побратимства смѣшиваютъ съ кумовствомъ. „Кумъ мой крестовый братъ“. „Если чужому отдамъ крестъ, то онъ называетъ меня: „крестный“. Вотъ у насъ живетъ работникъ. У него нѣтъ креста, онъ и говоритъ мнѣ: подари крестъ, а я буду звать тебя крестнымъ“. Интересенъ слѣдующій обычай, о которомъ передавалъ мнѣ сельскій учитель Верещагинъ. Приходя къ сосѣду, крестьянинъ приноситъ коровай хлѣба, который раздѣляетъ съ нимъ, говоря: „я не буду искать ни въ чемъ на тебя, а ты не дѣлай этого на меня“.

Какъ уже было указано выше, съ каждымъ годомъ растетъ все большее и большее стремленіе крестьянъ къ дѣлежамъ. На какихъ же условіяхъ происходятъ они? Слѣдуетъ различать дѣлежи при жизни отца (большака) и послѣ его смерти. Въ первомъ случаѣ почти повсемѣстно указывали мнѣ на то, что въ полной волѣ отца произвести раздѣлъ между своими сыновьями на условіяхъ, которыя ему представляются необходимыми. „Жребій мало кидаютъ при отцѣ—это чаще бываетъ при братовьяхъ“. „Въ прежнее время хозяинъ могъ подѣлить только одного, а нынче, если и даетъ тому, кто помиляе, побольше, то и другому все-таки даетъ“. „Отецъ, какъ можетъ, такъ и подѣлитъ—это его дѣло“. „Отецъ даетъ какъ хочетъ, вѣдь онъ дѣлитъ по заслугѣ; при этомъ солдатъ считается за ½ сына, словно не ихней природы. При отцѣ никому жребія нѣтъ, а что скажетъ кому, то онъ тѣмъ и будь доволенъ“. „При отцѣ получаютъ, какъ заслужатъ“. Если раздѣлъ происходитъ послѣ смерти отца (большака), и дѣлящіеся не придутъ къ мирному соглашенію, то они прибѣгаютъ къ бросанію жребія, который „у хорошихъ людей“ кидается торжественнымъ образомъ. Приглашается священникъ, который служитъ молебенъ, и затѣмъ въ присутствіи родныхъ совершается бросаніе самого жребія. Доли имущества, оставшагося по смерти большака, распредѣляются обыкновенно слѣдующимъ образомъ. „Братья получаютъ поровну; внуки и племянники—отцовскій пай“, лица, не связанныя кровнымъ родствомъ съ главными наслѣдниками, получатъ „сколько дадутъ по ихъ работѣ“, „незаконнорожденный получитъ что-либо, лишь если началъ работать; „пріемышъ смотря по работѣ“. „Подкидышу противъ сына не дадутъ; но если хорошо работалъ, то что нибудь дадутъ: опять, вѣдь, держали вродѣ, какъ сына“. Внуки, обыкновенно, получаютъ отцовскій пай, но если они взрослые, то, „по чести“ за заслугу, можетъ быть, сколько нибудь лишку дадутъ“. За года, которые членъ семьи проработалъ, не посылая, вычтутъ при раздѣлѣ: „тамъ работалъ, тамъ и получай“. Такъ какъ сестра обыкновенно переходитъ на житье къ одному изъ братьевъ, то на нее ему „накидываютъ“. „Матери мало идетъ, иногда ничего. Поживетъ у одного, пойдетъ къ другому; затѣмъ опять назадъ возвратится“. Меньшой братъ обыкновенно остается въ старой избѣ: „меньшой братъ остается на старыхъ повыткахъ“. Но получаютъ братья, какъ меньшой, такъ и старшій, равныя части: „заслуги отца для всѣхъ одинаковы“. Что касается до вещей, которыя нельзя раздѣлить поровну, то тутъ прибѣгаютъ къ жребію; особенно часто пользуются имъ при дѣлежѣ земли. Раздѣлившіеся братья обыкновенно условливаются объ отмѣтинахъ, которыя уходящій сдѣлаетъ на родовомъ „пятнѣ“, которымъ обыкновенно мѣтятъ скотину. Тысяча домохозяевъ, говорили мнѣ, а пятно въ пятно не сходится, и, главнымъ образомъ, отъ того, что цѣлый рядъ этихъ домохозяевъ имѣетъ одно основное клеймо, видоизмѣненное лишь различными нарѣзками. У одного брата, напримѣръ, пятно заключается въ томъ, что онъ лѣвое ухо срѣжетъ и распоретъ посередкѣ, на правомъ ухѣ спереди рѣзка; у другого брата скотина мѣтится слѣдующимъ образомъ: рѣжетъ на косо и поретъ посередкѣ; 3-й братъ поретъ съ другой стороны. Пятна эти служатъ доказательствомъ принадлежности скотины данному семейству, а поэтому, пока шкура не выдѣлена, съ нея нельзя срѣзать уши.

Съ каждымъ годомъ становится все чувствительнѣе недостатокъ въ землѣ. Въ прежнее время, при обиліи лѣсовъ, въ сарапульскомъ уѣздѣ крестьяне какой либо деревни, чувствуя потребность въ землѣ, отправлялись на такъ называемый „починокъ“. Они брали извѣстный лѣсной участокъ, вырубали его, и основывали на расчищенномъ мѣстѣ поселеніе. Объ основаніи подобнаго починка выходцами изъ с. Козлова, носящаго названіе Пальникъ, мнѣ пришлось слышать слѣдующее. Переселившіеся лѣтъ 40 тому назадъ изъ села Козлова до своего новаго мѣстожительства ѣхали нѣсколько дней. Тамъ они рас-

Digitized by Google

чистили мѣсто изъ подъ лѣса и зазимовали. Весною одна изъ бабъ, выгоняя корову, вдругъ услыхала пѣніе пѣтуха. Она направилась по направленію этого пѣнія и скоро дошла до села Козлова, откуда ея семья ушла на починокъ. Такъ велико было въ то время обиліе лѣса, что, проплутавъ нѣсколько дней, переселяющіеся пріѣхали на починокъ, лежащій въ 3-хъ верстахъ отъ ихъ родного села. Не то въ настоящее время, когда свободныхъ земель совершенно не осталось. Вѣроятно подобнымъ способомъ основанія поселковъ можно объяснить массу встрѣчающихся въ одномъ и томъ же поселеніи однофамильцевъ, такъ какъ вѣроятнѣе всего, что на починки шли лишь родственныя семьи. Въ поч. Заборьѣ живутъ почти все Шадринцевы, которые идутъ отъ одного крестьянина, переселившагося сюда изъ деревни Шадрино заборъ. Оттого и починокъ носитъ названіе „Заборье.“ „Часто, говорили мнѣ крестьяне, въ нашей мѣстности деревни бываютъ по фамиліямъ“.

Въ заключеніе представлю краткій очеркъ правовоззрѣній крестьянъ на договоры и сдѣлки. Обыкновенно всякій договоръ санкціонируется рукобитьемъ „отъ котораго отступиться все равно, какъ совѣсть потерять“. За рукобитьемъ слѣдуетъ могарычъ, относительно котораго всегда бываетъ ряда. Должно замѣтить, что рука при рукобитьи всегда должна быть голой. Крѣпость ряды выразилась въ пословицѣ: „ряда города беретъ. „Послѣ рукобитья дается задатокъ. „Задатокъ данъ, всегда можно заставить дѣло сдѣлать“. Иногда обязующаяся сторона представляетъ за себя поручителей, которыхъ стараются „подвести“ нѣсколько человѣкъ, чтобы каждому изъ нихъ было легче отвѣчать. Относительно способовъ установленія правъ на имущество самое видное мѣсто занимаетъ купля. Тутъ соблюдаются слѣдующія правила. Если есть нѣсколько покупателей, то обыкновенно, чтобы не набивать цѣны, бросается жребій: кому достанется онъ, тотъ и является покупателемъ даннаго предмета. При покупкѣ лошади нѣсколькими покупателями, она достается тому, кто первый схватится за полу. Лошадь, обыкновенно, передается изъ полы въ полу, при чемъ покупатель и продавецъ называютъ другъ друга сватами, названіе, которое, въ случаѣ доброкачественности товара, остается иногда на всю жизнь. Продавецъ даетъ иногда покупателю задатокъ, для того, чтобы тотъ не покупалъ у другого.—

Право на имущество пріобрѣтается иногда находкою, хотя не всякая найденная вещь достается нашедшему. „За находку, по совѣсти, даетъ—такъ хорошо, а то и ничего не даютъ, чаще всего виномъ угощаютъ“. Находки должно различать: 1) такія, которыя можно за деньги купить 2) вещи, которыя добываются, достаются случайно. „Лѣсину можно купить за деньги, а пчелу ужь счастье; по совѣсти, такъ за лѣсину надо платить.“

Изъ договоровъ особенно распространенъ въ крестьянскомъ быту договоръ найма, предметомъ котораго могутъ быть недвижимые предметы и личныя услуги. Нанимающій часто беретъ съ нанимаемаго задатокъ, обезпечивающій правильное исполненіе взятаго на себя обязательства. „Двѣ 'котомки положили мнѣ для задатку, у тебя, молъ, жить будемъ.“ „Если хозяинъ держитъ работника не въ порядкѣ, то послѣдній уходитъ отъ него; впрочемъ, за плохую работу, и самъ хозяинъ можетъ отказать до срока. Разъ рабочему данъ задатокъ, то онъ во чтобы то ни стало долженъ окончить свою работу, такъ что, въ этомъ случаѣ, даже по смерти рабочаго, хозяинъ можетъ требовать исполненія взятаго имъ на себя обязательства съ его семейства. Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ юридическій бытъ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда.

Наиболѣе рельефно правовыя воззрѣнія народа высказываются при рѣшеніи всевозможныхъ споровъ волостнымъ судомъ. Какъ и большинство другихъ волостныхъ судовъ, эти учрежденія въ Сарапульскомъ уѣздѣ не избѣгаютъ упрековъ въ слишкомъ большей довѣрчивости къ писарямъ и, главное, упрековъ, обращенныхъ къ самимъ судьямъ, по большей части, не отличающимся добросовѣстностью. Мнѣ, во время присутствованія на засѣданіяхъ волостныхъ судовъ, неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ, что, до начатія дѣла, крестьяне совѣтуются съ писаремъ и дѣйствуютъ сообразно съ его указаніями. „Что же ты Гр. Ф., обращался истецъ во время суда къ писарю, вѣдь я уже показывалъ тебѣ и ты обѣщался найти статью“. Незнаніе всевозможныхъ статей тяжело отражается на крестьянахъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ неоднократно обращались въ волостное правленіе съ цѣлью узнать „насчетъ судьбы законовъ“. Писарь—главное лицо въ волостномъ правленіи и отъ него зависитъ поставить дѣло такъ или иначе. „Писарь у насъ хорошій господинъ, онъ у насъ все правленіе исправитъ; теперь и пьянства нѣтъ и хорошо все идетъ“, говорили въ Козловской волости. Не смотря на такое сильное вліяніе писаря, проводника нашихъ формальныхъ законовъ, рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда представляютъ драгоцѣнный матеріалъ при изученіи обычнаго права. Тотъ или иной взглядъ

Digitized by Google

крестьянина почти всегда выскажется въ жалобѣ, подаваемой имъ; онъ выскажется и въ отвѣтахъ противника. Если рѣшенія зачастую несправедливы, постановляются подъ непосредственнымъ давленіемъ писаря, то въ то же время ихъ значеніе, какъ матеріала по обычному праву, нисколько не умаляется. Стоитъ лишь бѣгло просмотрѣть ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ни писарь, писавшій ихъ, ни судьи, подписавшіеся подъ ними, не въ состояніи отрѣшиться отъ воззрѣній, вошедшихъ въ ихъ плоть и кровь. Зачастую несправедливое рѣшеніе прямо бросается въ глаза, зачастую оно замаскировано показаніями подкупныхъ свидѣтелей, извращеніемъ ихъ показаній. Писарь, со своими многочисленными томами законовъ, лишь внушаетъ крестьянамъ понятіе о существованіи безчисленнаго въ ихъ глазахъ количества статей, посредствомъ которыхъ они могутъ получить то или иное право, но примѣнить къ нимъ эти статьи онъ не въ состояніи, уже отчасти потому, что самъ выросъ въ крестьянской же средѣ, воспитался на однихъ съ нею убѣжденіяхъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ к. н. крестьянинъ—я самъ былъ свидѣтелемъ этого—тщетно требуетъ примѣненія къ себѣ „152 статьи“, судьи рѣшаютъ его дѣло единственно на основаніи „принятыхъ въ крестьянскомъ быту обычаевъ“.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Сарапульскаго уѣзда должность судьи считается на столько доходною, что крестьяне домогаются попасть въ число судей, и ставятъ для этой цѣли вино; въ другихъ волостяхъ должность эта считается тяжелою повинностью. Повсемѣстно судьи не получаютъ вознагражденія, и имъ выдаются лишь деньги на проѣздъ изъ родной деревни въ село. Засѣданія происходятъ еженедѣльно или рѣже, смотря по количеству дѣлъ. Во время страды засѣданія волостнаго суда бываютъ крайне рѣдки. Обыкновенно засѣдаютъ трое судей; за однимъ столомъ съ ними сидитъ писарь, который, какъ мнѣ неоднократно приходилось замѣчать, часто вмѣшивается въ допросъ. Лишь на Воткинскомъ заводѣ судьи слушали дѣла безъ писаря, приглашаемаго по окончаніи каждаго дѣла для составленія рѣшенія по нему. Допросъ ведется тѣмъ изъ судей, который „побойчѣе“. Насколько пришлось замѣчать, присутствуя на засѣданіяхъ волостного суда, это самая слабая сторона народнаго суда, по крайней мѣрѣ въ Сарапульскомъ уѣздѣ. Допрашиваетъ, напримѣръ, староста относительно того, было ли подсыпано что-нибудь на дворъ крестьянина В., отчего у него поколѣли куры. Судья вполнѣ удовольствовался тѣмъ отвѣтомъ старосты, что „онъ лизалъ все мѣсто, куда, по мнѣнію В., была насыпана отрава, и не околѣлъ“. Нерѣдко судьи становятся въ тупикъ при вопросахъ, стоящихъ выше ихъ пониманія. Такъ, напримѣръ, въ Козловской волости долго не могли рѣшить вопроса, вмѣняема кликуша или нѣтъ, пока, наконецъ, не разрѣшили этого вопроса тѣмъ, что „она какъ будто не отъ ума дѣйствовала“. Что касается до вѣры различнымъ свидѣтелямъ, то тутъ практикуется, распространенное у всего русскаго народа, „глядя по человѣку“. Почти всякое уголовное дѣло, прежде чѣмъ быть обсуждаемо волостнымъ судомъ, разсматривается судомъ „стариковъ“, которые „обыкновенно наказываютъ виномъ“. „Меня общество, старики, приневолило мириться, чтобы до суда не доходить; я имъ $^1/_2$ в дра вина и $^1/_2$ ведра пива отдалъ“. Самосудъ, какъ обычное явленіе, почти исчезъ, и лишь слабымъ отголоскомъ его является вожденіе вора съ украденною вещью по деревнѣ.

Въ заключеніе укажу на слѣдующіе способы отысканія покраденныхъ вещей. Обыкновенно пострадавшій „гонитъ по слѣду“ и, въ присутствіи сельскаго начальства, производитъ обыскъ у заподозрѣннаго. Существуетъ повѣрье, что, если, зарывъ въ землю часть такого же предмета, какой былъ украденъ, отслужить надъ нею панихиду, воръ начнетъ чахнуть и умретъ.

Чтобы покончить съ предлагаемымъ очеркомъ, позволю себѣ привести два случая преній въ волостномъ судѣ, происходившихъ въ моемъ присутствіи.

Сарапульская волость 23 іюля.

Отвѣтчикъ, убійца свиньи, мальчикъ лѣтъ 10-ти, жмется къ матери.

Судья: (обращаясь къ свидѣтельницѣ). Ты что видѣла?

Свидѣтельница. Видѣла, камнемъ ударилъ свинью и стащилъ къ рѣкѣ.

Судья: Вы-ли, паренекъ, убили свинью?

Отвѣтчикъ плачетъ.

Писарь: Сколько она стоитъ?

Судья: Надо бы сперва освидѣтельствовать, а то можетъ она плоха была и могла сама пропасть.

Другой судья: Ну, такъ почто стащили въ рѣчку?

Истецъ: Свинья это тогда уже опоросилася.

Digitized by Google

Судья: Сколько предполагаете вѣсу въ ней? Хозяинъ твой (обращается къ матери мальчика) гдѣ?

Истецъ: Въ острогѣ.

Судья: Это Филиппъ, что лошадей уводилъ. Ладно, что посадили, а то бы и у меня мерина стащилъ.

Свидѣтельница: Я погляжу, какъ свинья лягается и какъ будто не вижу. Почто, спрашиваю, лягается. Да мы, говоритъ, камнемъ бросили.

Судья (къ матери отвѣтчика): А у васъ свиньи есть?

Мать отвѣтчика: Нѣтъ.

Судья: А то бы такъ, свинью за свинью отдать.

Пауза.

Судья: Такъ, поди, не стоитъ 10 рублей.

Истецъ: Рубля два уступлю.

Мать отвѣтч.: Много 8 рублей будетъ—и семи не стоитъ.

Судья: Такъ, можетъ, онъ кормилъ бы ее на подножномъ корму, такъ продалъ бы дороже. Вотъ на Ижу заводѣ баринъ самъ себя обсудилъ. Собака у него задавила утку и яица. Такъ за утку 1 руб., а за яичко по 50 копѣекъ заплатилъ.

Судья: Не поладитесь ли между собою; можетъ, теперь же заплатить, такъ онъ поменьше возьметъ.

Мать отвѣтч.: Да гдѣ же я возьму?

Постановляется рѣшеніе о взысканіи съ отвѣтчика 8 руб.

Истецъ Девятовъ отвѣтчику: Ты поряжался, $7\frac{1}{2}$ возовъ вывозить. Вывозилъ М. 2 вова, Н. 3, осталось $1\frac{1}{2}$ Изъ послѣдняго вова продалъ.

Истецъ: Это я чурочки продалъ.

Девятовъ: Прибѣгаютъ ко мнѣ и говорятъ: твои дрова продали. Я прихожу и дѣйствительно такъ. Я говорю, ты зачѣмъ дрова продалъ? Айда со мною!

Писарь: Довольно объ этомъ: здѣсь дѣло другое.

Девятовъ: Да, вѣдь, я тащилъ его на мѣсто; онъ не пошелъ: я и толкнулъ его. Свидѣтелей его я не знаю. Ты коренныхъ жителей давай.

Истецъ: Я не знаю, послѣ того меня увезли въ больницу.

Девятовъ: А много ты тамъ дочерей моихъ материлъ? Еще солдатъ, а воровать?

Судья: Объ этомъ нечего говорить. Тебѣ бы надо старосту позвать, а горячку пороть нечего.

Истецъ: Отчего ты не приходилъ тогда на меня говорить?

Девятовъ: Я его тащилъ тогда. Айда говорю, иди со мною.

Писарь: Вы не били его?

Девятовъ: Нѣтъ, я его тащилъ.

Писарь: И рубль не должны:

Девятовъ: Рубль не додалъ, довези дрова и эти отдай, которые проданы.

Истецъ и Девятовъ спорятъ.

Свидѣтельница Пр.: Я вышла на крыльцо телку поить и вижу: этотъ мужчина лежитъ, а тотъ бьетъ, а я телку пою, а у меня телка такая, что не пьетъ безъ меня. Потомъ этотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: больно.

Судья: Мальчика бы спросить.

Свидѣтель мальчикъ: Видѣлъ я, что онъ билъ ногами и за волосы таскалъ.

Свидѣтельница Пр.: Этотъ же Девятовъ былъ пьяный; если чего я видѣла, я за это присягу приму. Видѣла: билъ, а чего не знаю не говорю.

Судья (Девятову). Проси, дядя Тимоѳей, прощенія.

Девятовъ: Что же, если онъ у меня укралъ. Вы сами крестьяне, понимаете—свое собственное жалко. Рубль я долженъ ему за работу, такъ пускай онъ доставитъ дрова.

Судья: Да, вѣдь, о побояхъ дѣло.

Свидѣтельница Пр.: Я отроду въ свидѣтельницахъ не была, только пришла дѣвченка ихняя. Тебя какъ зовутъ? спрашиваетъ. Прасковья. А фамилія? Я и ее не сказала только дѣвченка имъ сказала.

По убѣжденію судей спорящіе помирились съ тѣмъ, чтобы Девятовъ заплатилъ истцу 1 руб. и поклонился ему въ ноги.

Судья: Ну, кланяйся въ ноги и айда въ кабакъ.

Засѣданіе волостнаго суда Сарапульской волости.

Карпъ: 9 р. 32 к. я взыскиваю съ троихъ, они мнѣ не заработали.

Судья: Вы что должны?

Всѣ отвѣтчики гуломъ: Онъ насъ оставилъ безъ работы, мы просидѣли 6 денъ. Мы два раза ходили къ сельскому старостѣ. (обращаясь къ истцу) Ты зачѣмъ товару не припасъ?

Происходитъ общій споръ.

Истецъ Карпъ: Вы хотѣли въ подать отдать, а сами въ кабакъ.

Рабочіе: У насъ сельскій староста свидѣтель.

Истецъ: Вы сельскому старостѣ четверть вина купили. У насъ сельскій староста безъ четверти не выѣзжаетъ. Сельскій староста безъ меня не можетъ свидѣтельствовать.

Рабочіе: Ты бы не уѣзжалъ.

Истецъ: Такъ я и буду цѣлую зиму сидѣть.

Волостной старшина, (сидящій въ сторонѣ). Тише, тише никто вашего разговору не понимаетъ.

Рабочіе: Мы вѣдь не зря ушли, насъ староста отпустилъ билетъ далъ.

Истецъ: Ты бы еще больше напоилъ его. Вы, какъ взяли задатокъ, пріѣхали: „хозяинъ, давай пива, давай четверть вина“. Этотъ (указываетъ на одного изъ рабочихъ) говоритъ: „Вы хоть-бы поработали“,—то-то они на него грызутся.

Рабочіе: Ты бы намъ давалъ работы, мы бы все равно работали.

Истецъ: Вы бы день работали, да три пировали.

Писарь (обращаясь къ рабочимъ): вы считаете себя должными?

Рабочіе: Нѣтъ.

Судья: Вы считаете, что не заработали, считаете за прогулъ?

Рабочіе: Да, за прогулъ.

Судья: По скольку вы зарабатывали?

Рабочіе: 60 коп. въ день.

Судья: 60 рѣдко кто въ день заработаетъ.

Рабочіе: Мы и то къ нему пили, намъ говорили, рѣдкій рабочій безъ слезъ уходитъ.

Одинъ изъ рабочихъ: И работы не даетъ, и отъ себя не пущаетъ.

Истецъ: Заработай сперва деньги.

Судья: А какъ пошли, работа осталась?

Рабочіе: Нисколько не осталось.

Судья къ истцу: Надо между ними счетъ свести, сколько они заработали. Они говорятъ: 6 денъ безъ работы жили. Гдѣ у васъ заявленіе отъ сельскаго старосты.

Писарь: Это ни къ чему. Развѣ правленіе знаетъ? Пришелъ кто либо заявить: я жилъ безъ работы. Ему и написали бы.

Истецъ: По нашей работѣ на каждый станокъ выдается книжка и для каждыхъ харчевъ выдается книжка. Они не предъявили ее.

Рабочіе: Ты намъ и билеты не даешь.

Истецъ: Заработайте, отдамъ.

Судья: У васъ условіе существуетъ: разсчетъ денегъ.—А билеты почто не отдаешь?

Рабочіе: Ты бы намъ книжки выдалъ.

Истецъ: Они и выданы, да вы ихъ бросили въ печь.

Digitized by Google

Судья: Ты бы хоть свою привезъ.

Другой судья: Да вѣдь въ книжкѣ написать онъ можетъ что хочетъ.

Судьи совѣтуются.

Одинъ изъ судей къ истцу: Послушай-ка, господинъ, и тебя хвалить нельзя: надо сперва выработать задатки, а затѣмъ хлѣбомъ давай, а денегъ не давай.

Истецъ: Что же мнѣ дѣлать? они какъ пріѣхали, такъ сейчасъ за пивомъ посылаютъ.

Судья: Ты за всѣми вообще считаешь?

Истецъ: За всѣми.

Судья: Такъ надо же указать, съ кого сколько

Истецъ: Да, вѣдь, условіе есть.

Условіе читается.

Рабочіе: Мы не отпираемся, кабы давалъ работу, такъ мы бы и работали.

Судья: Такъ много ли сробили?

Рабочіе: 1800 кулей, кажись.

Судья: А ты сколько принялъ? а то одни не знаютъ, сколько сробили, а другой не знаетъ, сколько принялъ.

Другой судья: Это не важно: они признаютъ себя должными, а говорятъ, что прожили безъ работы.

Судья: Сколько ты принялъ?

Истецъ: Не помню.

Судья: По моему отказать и тѣмъ и другимъ.
Вотъ что, сдѣлайтесь добровольно.

Рабочіе: Нѣтъ, ужь мы наплакались отъ него.

Судья: Вѣдь вы же пили, ѣли отъ него.

Рабочіе: Это все къ намъ ставится. Онъ насъ однимъ хлѣбомъ кормилъ.

Истецъ: А рыбы не давалъ я вамъ?

Рабочіе: Рыбы? а кто сталъ ее ѣсть?

Истецъ: Вы бы и не брали.

Судъ постановляетъ отказать въ искѣ.

П. М. Богаевскій.
P M Bogaevskiĭ

О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ московской губ.

О НАКАЗАНІЯХЪ ПО РѢШЕНІЯМЪ ВОЛОСТНЫХЪ СУДОВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБ.

„Волостной Судъ властенъ приговаривать: къ обществ. работамъ—до 6 дней, или къ деж. штрафу—до 3 р., или къ аресту—до 7 дней, или, наконецъ, лицъ отъ тѣл. наказанія не изъятыхъ,—къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого Суда“ (ст. 102 Общ. Пол. о кр., выш. изъ кр. завис.).

Такъ гласитъ 102 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Она даетъ 4 мѣры наказанія. Обычай добавляетъ къ нимъ еще 2: 1) выговоръ и внушеніе и 2) оставленіе на замѣчаніи (иначе въ подозрѣніи). Собственно въ мѣрахъ наказанія обычай не имѣетъ широкаго поприща для созданія чего либо новаго, оригинальнаго. Законъ предоставляетъ Суду лишь выборъ между указанными мѣрами и больше ничего. Вотъ въ этомъ-то выборѣ и должно искать вліяніе обычая, въ этомъ выборѣ заключается вся его дѣятельность, сила и право. Поэтому на эту именно сторону и слѣдуетъ обратить все вниманіе.

Въ наказаніяхъ, практикуемыхъ Волостнымъ Судомъ, сильны 2 характерныя черты: 1) онѣ относительно постоянны въ смыслѣ выбора наказанія, т. е. за одно и тоже преступленіе налагается почти всегда одинаковое наказаніе и 2) въ нихъ глубоко живетъ еще, свойственное древнему и обычному праву, понятіе о преступленіи, какъ личной обидѣ, поэтому и самыя наказанія не носятъ на себѣ характера непремѣннаго слѣдствія каждаго преступленія.

Эта 2-я характерная черта рѣзко разграничиваетъ наказанія Волостнаго Суда отъ наказаній „по закону“ и по наукѣ уголовнаго права.

Для иллюстраціи этихъ 2-хъ чертъ необходимо прослѣдить всѣ мѣры наказанія въ отдѣльности. „Дѣло“ собственно разбирается на Волостномъ Судѣ такъ: выслушиваются стороны, затѣмъ свидѣтели; по удаленіи тѣхъ и другихъ Судьи обсуждаютъ дѣло и рѣшаютъ, кто правъ, кто виноватъ. Если приходится наложить на виновнаго наказаніе, то очень часто „Волостной Судъ принимаетъ во вниманіе, совершенъ-ли проступокъ въ 1-й разъ, или виновный часто попадался въ недобромъ дѣлѣ, *какой онъ вообще человѣкъ*, учинилъ-ли сознаніе или сдѣлалъ запирательство [1])“. Затѣмъ Судъ выбираетъ, смотря по преступленію, одну изъ упомянутыхъ мѣръ наказанія. (Въ нѣк. волостяхъ употребляются только законныя 4 мѣры; напр., въ Митинской Дмитровскаго у., [2]) читаемъ: „наказанія употребляются только перечисленныя въ положеніи“; тоже и въ наказаніяхъ другихъ: (волостяхъ Парфентьевской Коломенскаго у., [3])

[1]) 93 Зюз. в. Моск. у.
[2]) 501 стр.
[3]) 769 стр.

Digitized by Google

Михалевской Бронницкаго у., [1]) Сергіевской Клинскаго у. [2]) и др.).

Обратимся къ разсмотрѣнію приведенныхъ мѣръ наказанія и соотвѣтствующихъ имъ преступленій.

Тѣлесное наказаніе ограничено Общ. Положеніемъ 20-ю ударами. Въ рѣшеніяхъ Волостнаго Суда встрѣчается въ высшей степени разнообразное количество ударовъ: начиная съ 8 (меньше мнѣ встрѣчать не приходилось) и кончая 20-ю въ законныхъ границахъ; иногда Судъ превышаетъ свою власть и назначаетъ большее количество. Назначается эта мѣра, главнымъ образомъ, за слѣд. проступки: неплатежъ податей и накопленіе недоимокъ, пьянство съ расточительностью, нерадѣніе къ хозяйству, кражу, неподчиненіе или грубость начальству и родителямъ. Каждый изъ этихъ проступковъ влечетъ за собой не всегда одно и то-же количество ударовъ; напротивъ, рѣшенія до того разнообразны, что нѣтъ возможности уловить общій законъ въ присужденіяхъ. Здѣсь особенно силенъ принципъ наложенія наказанія „глядя по человѣку". Въ общемъ, неплатежъ податей и накопленіе недоимокъ влечетъ высшую мѣру, т. е. 20 ударовъ [3]). Въ опросахъ членовъ коммиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ, на каждомъ шагу наталкиваешься на замѣчательно характерныя мнѣнія крестьянъ: розги „считаются самымъ главнымъ наказаніемъ. Наказываютъ розгами неплательщиковъ податей": „для неплательщиковъ", по мнѣнію крестьянъ, „не придумаешь другаго болѣе подходящаго наказанія", [4]) „большинство дѣлъ о наплатежѣ кончается тѣл. наказаніемъ [5]). И, когда читаешь въ двухъ волостяхъ мнѣніе противное, даже странно станетъ, до того привыкаешь видѣть все одно и тоже. Въ этихъ 2-хъ волостяхъ [6]) тѣл. наказаніе не играетъ такой предопредѣленной роли неизбѣжнаго рока недоимщиковъ: напротивъ, въ нихъ крестьяне „наказываются болѣе штрафомъ; розги почти не употребляются. Неплательщики недоимокъ вообще къ Суду не привлекаются, а привлекаются только тѣ изъ нихъ, которые пьянствуютъ и безобразничаютъ. Однако Судьи не сѣкутъ и этихъ, а стращаютъ или заставляютъ работать на обществен. нужды". Назначается не всегда 20 ударовъ, а встрѣчаемъ и 19 [1]), 18 [2]), 15 [3]) и даже 10 [4]). Все зависитъ отъ того, какой человѣкъ—виновный. Буньков. в. прямо высказала такое правило: „розги самое тяжкое, посрамительное наказаніе, а потому Волостной Судъ совершившихъ въ 1-ый разъ проступокъ приговариваетъ къ аресту или денежному штрафу; за повтореніе же проступка наказываетъ розгами [5])".

Кража, какъ преступленіе влекущее тѣл. наказаніе, встрѣчается сравнительно рѣдко, за исключеніемъ нѣск. весьма немногихъ волостей, гдѣ тѣл. наказаніе назначается преимущественно за кражу и, конечно, неплатежъ податей [6]). Г. Якушкинъ, въ своемъ „Обычномъ правѣ", говоритъ: „къ ворамъ по ремеслу крестьяне относятся весьма строго. Волостные Суды за кражу приговариваютъ большею частью къ высшей мѣрѣ тѣл. наказанія, къ 20 ударамъ розгами" [7]). Этого замѣчанія нельзя отнести къ Моск. губерніи, гдѣ кража часто не влечетъ даже вовсе никакого наказанія. Преслѣдуется собственно очень жестоко конокрадство: назначается даже 200 ударовъ [8]). Равное съ кражей послѣдствіе влечетъ за собой укрывательство: принявшій краденую рожь крестьянинъ И. получилъ 15 ударовъ, а жена его просидѣла 3 сутокъ подъ арестомъ [9]).

Довольно трудно разобраться въ рѣшеніяхъ съ назначеніемъ тѣл. наказанія за оскорбленія. Подобнаго рода проступки распадаются на 3 группы: 1) оскорбленіе начальства словами и дѣйствіемъ, 2) оскорбленіе родителей (куда подходитъ и неповиновеніе) и 3) оскорбленія постороннихъ лицъ. Подъ 1-ю рубрику подходятъ иногда въ высшей степени курьезные проступки. Такъ, въ Ногатин. в. Мск. у. „за подачу жалобы на Старшину приговариваютъ къ тѣл. наказанію, признавая такое дѣйствіе оскорбленіемъ начальства" [10]). Одного крестьянина присудили къ 60 ударамъ розгами за 3 жалобы Миров. Посреднику на незаконныя дѣйствія Старшины,

---

[1]) 452 стр.
[2]) 579 стр.
[3]) 97. Зюз. в. Моск. у. и 101 стр.; 117. Троиц.-Гол. и 121 стр.; 140. Шалов. в. Богород. у.; 334. Бухалов. в. Волокол. у. и т. д.
[4]) 112. Тр.—Гол. в. Моск. у.
[5]) 134. Шалов. в. Богород. у.; 127. Пехор. в. Мск. у.
[6]) 389. Гжельская в. Бронницк. у. и 459. Сандырев. в. Колом. у.

[1]) 220 Глазов. в. Мнеск. у. и 231 стр.
[2]) 231 Глаз. в. „
[3]) 117. Троицко-Гол. в. Мск. у.
[4]) 131. Пехор. в. Мск. у.
[5]) 143 стр.
[6]) Нпр., 93. Зюз. в. Мск. у.
[7]) „Обыч. право" стр. XXXIV.
[8]) Тр. Ком. т. VI, стр. 455.
[9]) 336. Бухолов. в. Волокол. у.
[10]) 124 стр. Еще примѣры: 126 стр., 324 Серидин. в. Волокол. у.

Digitized by Google

при чемъ послѣдній еще „предлагалъ осужденному получить заразъ или въ 3 пріема“ [1]). И такихъ примѣровъ не мало [2]). Подъ понятіе начальства подходятъ даже сходчики. Въ Нагат. в. крестьянинъ 42 хъ лѣтъ былъ приговоренъ къ 20 ударамъ за то, что назвалъ сходчиковъ, людей „благонадежныхъ“, не сходчиками, а „ловчими“ [3]).

Тѣл. наказаніе, налагаемое за оскорбленіе родителямъ, можетъ служить двоякой цѣли: педагогической и чисто юридической. Это зависитъ отъ самаго характера проступка. Если онъ не болѣе, какъ неповиновеніе, то служитъ первой цѣли, педагогической. Здѣсь Судъ по просьбѣ отца „учитъ“ сына [4]). Если же сынъ грубитъ отцу и, кромѣ того, вообще, ведетъ жизнь неразумную, то наказаніе служитъ 2-ой цѣли, юридической [5]). Это дѣленіе очень характерно обрисовываетъ Волостной Судъ и отношеніе къ нему крестьянства.

Третья категорія — оскорбленія посторонних лицъ — встрѣчается гораздо чаще двухъ первыхъ. Она замѣчательна тѣмъ, что никогда не выдѣляетъ оскорбленій словами. Видимо, къ такимъ оскорбленіямъ слишкомъ привыкли, чтобы доводить ихъ до Суда. Если же брань и имѣетъ какое либо значеніе, то это лишь тогда, когда она происходитъ уже на самомъ Судѣ. Въ данномъ случаѣ она считается уже оскорбленіемъ Суда, а не лица, на которое она собственно направлена. Въ Пехор. в. Мск. у. крестьянинъ на Судѣ назвалъ бабу „старой вѣдьмой“, за что немедленно и поплатился 15-ю ударами розогъ [6]).

Что касается оскорбленій дѣйствіемъ, то онѣ преслѣдуются строго (20 [7]) 19 [8]) 15 [9]) ударовъ). Къ этому разряду слѣдуетъ отнести побои женѣ, которые преслѣдуются относительно слабѣе [10]), если они не соединены съ другими проступками [11]).

Кромѣ помянутыхъ проступковъ, розгами наказываются еще, встрѣчающіеся гораздо рѣже, „безписьменность“ и бродяжничество (20 ударовъ) [1]), отлученіе изъ деревни, нищенство и безпаспортное проживаніе (20 ударовъ) [2]), безписьменность съ накопленіемъ недоимокъ (19 удар.) [3]), нарушеніе тишины и спокойствія (19 удар.) [4]), нарушеніе сдѣлокъ (15 удар.) [5]), неявка въ Судъ (10 удар.) [6]), игра въ запрещенныя закономъ игры (14 удар.) [7]), явка въ Волостное Правленіе въ пьяномъ видѣ и произведеніе шума [8]), ложное показаніе [9]).

Въ заключеніе очерка о тѣлесныхъ наказаніяхъ приведу случай назначенія превышающаго законное количество числа ударовъ: въ Шаловской вол. Богород. у. «за оскорбленіе и нанесеніе родительницѣ своей побоевъ со знаками на тѣлѣ, что противно и закону Божію», виновный будетъ приговоренъ къ 50 ударамъ розогъ [10]).

Вторая мѣра наказанія, примѣняемая Волостнымъ Судомъ—арестъ до 7 дней—ясно обрисовывается въ отвѣтахъ членамъ коммиссіи крестьянъ и судей. Вся масса этихъ показаній легко распадается на 3 группы:

1) арестъ употребительнѣе всѣхъ другихъ наказаній [11]).

2) арестъ „послѣ розогъ самое употребительное наказаніе“ [12]) и

3) арестъ почти не употребляется [13]).

Арестъ примѣняется въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь къ женщинамъ, старикамъ и прочимъ лицамъ, изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія [14]). Лица же, неосвобожденныя отъ тѣлеснаго наказанія, рѣдко подвергаются аресту, какъ наказанію; напр., крестьяне Буховловской вол. Волоколамскаго у. заявляли, что „подъ арестъ сажаютъ только пьяныхъ для вытрезвленія“ [15]). А если арестъ къ нимъ и примѣняется, какъ наказаніе, то весьма рѣдко, преимущественно за оскорбленія, за ослушаніе

---

[1]) 124 стр. Ног. в. Мск. у.
[2]) 354. Судник. в. Рузск. у.; 98 Зюз. в. Мск. у. и др.
[3]) 125 стр.
[4]) Н. Астыревъ „Въ вол. Писаряхъ“.
[5]) Примѣры: 253. Судник. в. Рузск. у.; 167. Кіясов. в. Српух. у.; 98. Зюз. в. Мск. у.; 146 Буньков. в. Богород. у.; 170, Кіясов. в.
[6]) 131 стр. Тоже стр. 355. Судник. в. Руз. у.; 137. Шалов. в.
[7]) 360 Судник. в. Руз. у., 100 Зюз. в. Мск. у.
[8]) 355 Судник. в. Руз. у.; 102 Зюзинск. в. Мск. у.; 231. Глазов. в. Мнсск. у.
[9]) 232. Глазов. в. Мнсск. у.
[10]) 140. Шалов. в. Богород. у.
[11]) 138. Шалов. в. Богор. у.

[1]) 121. Тр.-Гол. в. Моск. у.
[2]) 116. Тр.-Гол. в. Моск. у.
[3]) 230. Глазов. в. Можайск. у.
[4]) 354. Судник. в. Рузск. у.
[5]) 354. ibid.
[6]) 230. Глаз. в. Можайск. у.; 177. Хатун. в. Серп. у.
[7]) 138. Шилов. в. Богород. у.
[8]) 116. Тр.-Гол. в.
[9]) 166. Кіясов. в.
[10]) 136. стр.
[11]) 112. Тр.-Гол. в. Моск. у.; 93. Зюз. в.; 143. Буньков. вол. и др.
[12]) 123. Ногатин. в. Моск. у. и др.
[13]) 128. Пехор. в. Моск. у., 135. Шалов. в. Богор. у.; 156. Ямкин. в. Богород. у. и др.
[14]) 164. Кіясов. в., 178. Хатун. в.; 205. Высоцкая в.; 228. Глаз. в.; 255. Бухор. в.; 362. Судник. в.; 376. Добрят. вол.; 382. Дубров. в.; 385. Молод. в. и пр.
[15]) 330 стр.

Digitized by Google

[illegible]

...ротовъ: такъ называемыя „темн... ...секгаия" [illegible]. Эти комнаты предст... изъ себя въ большинствѣ случаевъ тѣсныя и грязныя помѣщенія [illegible] ино... даже и ... помѣщенія, а аресто... сажаютъ въ небольш... гряз... [illegible]

пикъ, такъ какъ Дубровицы—деревня завѣдомо бѣдная.

Еще рѣже штрафа практикуются приговоры къ общественнымъ работамъ. Во всѣхъ почти волостяхъ читаешь неизмѣнное: „никогда не употребляется по неимѣнію сего рода работъ“, „никогда не употребляются, потому что ихъ не имѣется“, „потому что ихъ нѣтъ“ и т. д. все въ томъ же лаконическомъ духѣ [1]). Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, волостяхъ къ общественнымъ работамъ приговариваютъ женщинъ „за распутство“. „Приговоренныхъ къ этой мѣрѣ наказанія заставляютъ мыть полы Волостнаго Правленія или мести улицу“ [2]). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ общественнымъ работамъ приговариваетъ не Судъ, а Старшина и Староста [3]). Что касается оставленія въ подозрѣніи, то оно примѣняется рѣдко и служитъ какъ бы предупредительнымъ средствомъ противъ преступленій. Въ Судник. в. читаемъ такого рода дѣло: крестьянинъ И. жалуется на сына своего за неповиновеніе и непочтеніе. Отвѣтчикъ Ф. не сознается, при чемъ добавляетъ: „если я буду за то наказанъ розгами, то тамъ будетъ видно“. Судъ постановляетъ: „за непочтеніе своего родителя Ф. наказать розгами при Волостномъ Правленіи 10 ударами, *что же касается до произношенія угрозъ, оставить Ф. на замѣчаніи* и вмѣнить въ обязанность сельскому старостѣ о строгомъ наблюденіи за нравственностью Ф.“ [4]) Далѣе, самою слабою мѣрою наказанія служатъ выговоры и внушенія. Первые встрѣчаются самостоятельно [5]), а вторыя почти всегда въ совокупности съ тѣл. наказаніями [6]). Первые встрѣчаются рѣже вторыхъ. Иногда внушенія имѣютъ характеръ угрозъ; напр., въ Шалов. в., виновному въ неуплатѣ податей даютъ 20 ударовъ розгами и внушаютъ, что „лишится и всего своего имущества“ [7]).

Вотъ краткій очеркъ всѣхъ мѣръ наказанія Волостнаго Суда. Онѣ исчерпываютъ почти всѣ рѣшенія Суда, но остается еще 3 весьма интересныхъ, совершенно своеобразныхъ института, которые невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе своею оригинальностью. Это—„грѣхъ пополамъ“ ,рѣшенія обоюдной обиды и примиреніе.

Когда, при утратѣ или порчѣ чужаго имущества, нельзя опредѣлить степень вины отвѣтчика, Судъ руководствуется принципомъ „грѣхъ пополамъ“, „и присуждаетъ истцу ½-у того, что онъ искалъ“ [1]). Случаи обоюдной обиды разсматриваются на Судѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Во 1-хъ, если обида разсматривается какъ личное оскорбленіе, то она и погашается обидою съ другой стороны [2]). Во 2-хъ, Судъ наказываетъ зачинщика [3]). Если же, въ 3-хъ, обида не считается только личной, то наказываются обѣ стороны, какъ совершившія проступокъ.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ примиренію, которое носитъ характеръ уже совершенно особый и не относится къ наказаніямъ непосредственно, слѣдуетъ сказать 2—3 слова о соотношеніи количества одновременныхъ наказаній съ одновременно совершенными проступками. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ виновный въ нѣсколькихъ проступкахъ наказывается за каждый проступокъ отдѣльно [4]). Въ другихъ наоборотъ въ подобныхъ случаяхъ налагается за всѣ проступки одно наказаніе, но „построже“ [5]). Часто же и почти во всѣхъ волостяхъ одинъ проступокъ влечетъ нѣсколько наказаній. Это бываетъ въ большинствѣ случаевъ при утратѣ или порчѣ чужаго имущества, при оскорбленіяхъ съ нанесеніемъ матеріальнаго ущерба. Въ такихъ случаяхъ Волостной Судъ взыскиваетъ извѣст. сумму, какъ возмѣщеніе ущерба и, кромѣ того, налагаетъ наказаніе за самый проступокъ [6]). Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ наказанія г. Чепурный [7]) добавляетъ „испрошеніе прощенія“. Но едвали это чисто случайное окончаніе дѣла можно отнести къ разряду мѣръ наказанія. Вѣдь Волостной Судъ не приговариваетъ виновнаго просить прощенія. Это случается само собой. Кромѣ того необходимо двустороннее примиреніе, и Судъ не принимаетъ мира во вниманіе, если обиженная сторона не прощаетъ. Но, не стотря на то, что примиреніе не есть наказаніе, оно представляетъ изъ

---

1) 112 Тр.-Гол. в.; 135 Шалов. в.; 143 Буньков. в.; 156 Ямкин. в.; 164 Кіясов. в.; 178 Хатун.; 352 Судник. в.; 384 Хотѣб. в.

2) 228 Глазов. в. 384 Модод. в.

3) 376 Добрят. в.; 382 Дтбров. в.

4) 353 стр. Въ выпискѣ помѣчено: „однород. рѣшенія № 11, 20, 36, 38“, но къ сожалѣнію эти дѣла не помѣщены въ Трудахъ Коммиссіи.

5) 117 Тр.-Гол. в. Моск. у.

6) 97 Зюз. в.; 230 Глаз. в.

7) 140 стр.

1) 97 Зюз. в.; 128 Пехор. в.; 134 Шалов. в.; 164 Кіясов. в; 177 Хатунск. в.; 204 Высоц. в.; 228 Глаз. в.; 255 Кукарин. в.

2) 205 Высоц. в.; 382 Дубров. в.; 376 Добрят. в.

3) 323 Серединс. в.

4) 135 Шалов. в.; 143 Буньков. в.; 156 Ямцин. в.; 376 Добрят. в.; 382 Дубровиц. в.

5) 128 Пехорская в.; 178 Хатунск. в; 323 Серелин. в.; 413 Спасская в.

6) 116 Тр-Голенищевская в.

7) „Сост. в. юст. Тамб. туб.“ Кіев. Унив Изв. 74 г. кн. II-я.

Digitized by Google

себя интересный институтъ, который можетъ оставить преступника безнаказаннымъ или подвергнуть его подобающей карѣ. Миръ играетъ не маловажную роль въ веденіи исковъ, производствѣ самаго дѣла и, наконецъ, производитъ извѣстное давленіе на систему наказаній. Съ этой стороны его и слѣдуетъ разсмотрѣть. Миромъ можетъ кончиться всякое дѣло, безъ различія преступленія. Миромъ могли бы кончаться и дѣла о недоимкахъ, если бы истецъ (въ данномъ случаѣ—государство — лицо юридическое) простилъ виновнаго. Всѣ остальныя дѣла могутъ кончаться и часто кончаются миромъ, даже дѣла о кражѣ. Черта права весьма архаическая по своему происхожденію. Основаніе такого порядка вещей не вездѣ одинаково. Часто въ немъ кроется простой страхъ передъ обвиняемымъ, часто—принципъ личной обиды. Въ Кукар. в. Можайск. у. откровенно заявляется, что „мировыя допускаются даже въ дѣлахъ о кражѣ, увѣчьѣ, мошенничествѣ, *въ томъ вниманіи*„, что Судьи *боятся* приговаривать виновныхъ къ наказанію изъ опасенія мести“ [1]). Иначе говоритъ Тр.-Гол. в.: „если воръ возвратитъ украденное, а хозяинъ его проститъ, то незачѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло Суду“ [2]). Очевидно, кража считается личной обидой, почему, разъ украденная вещь возвращена, хозяинъ ея прощаетъ, слѣд., обида заглажена, Суду не слѣдуетъ вмѣшиваться. Обоюдное примиреніе принимается во вниманіе Судомъ даже послѣ произнесенія приговора. Истецъ, поразмысливъ, является на засѣданіе Суда, вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ:

— Вамъ что?

— Да, вотъ, просимъ покорнѣйше нашъ судъ помарать, потому мы помирилися...

— На какихъ условіяхъ?

— Рублевку съ него беру. Что его обижать. Господь съ нимъ! [3])

„Болѣе $^1/_2$-ы дѣлъ кончается миромъ, говорятъ въ Бухоловской в., послѣ чего Волостные Судьи стараются всѣми средствами помирить стороны изъ боязни мести со стороны обвиняемаго“ [4]).

„При разборѣ дѣла главная цѣль Судей—помирить тяжущихся“, свидѣтельствуетъ Протопоповская в. Колом. у. [5]).

Нечего и говорить, что примиреніе имѣетъ свои хорошія стороны, но дѣло въ томъ, что оно обладаетъ также и дурными, которыя по своему количеству и силѣ превосходятъ первыя и дѣлаютъ изъ примиренія начало развращающее и нравы и юридическіе принципы. Дѣйствительно, будучи возможнымъ исходомъ всякаго дѣла, миръ оставляетъ проступки безнаказанными, подрываетъ все основаніе наказанія и отвѣтственности. Кромѣ того, невольно возбуждаетъ въ преступникѣ надежду на благопріятный исходъ и такимъ образомъ, если не порождаетъ, то развиваетъ, по крайней мѣрѣ, злую волю. Далѣе, переводитъ нравственную отвѣтственность на почву матеріальной выгоды, напримѣръ, въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ, которыя зачастую кончаются шкаликами водки или рублевкой. И, наконецъ, ставитъ рѣшеніе дѣла въ зависимость отъ воли, каприза или минутнаго настроенія истца. Всѣ эти доводы contra достаточно рельефно выставляютъ все дурное вліяніе мира на понятіе о наказуемости преступленія.

Для того, чтобы объяснить себѣ нѣкоторыя странности въ системѣ наказаній, какъ напримѣръ, такое ужасающее преобладаніе тѣлеснаго наказанія надъ другими, необходимо, въ заключеніе этого очерка, бросить хотя бѣглый взглядъ на тѣ причины, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе многихъ темныхъ сторонъ, которыя искажаютъ на первыхъ порахъ самое представленіе о Волостномъ Судѣ, его судьяхъ и наказаніяхъ, даютъ почву для ложнаго толкованія нѣкоторыхъ сторонъ крестьянскаго Суда.

Это причины — экономическаго характера. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, какъ не поголовною бѣдностью, какъ не безконечной нуждой, поглощающей съ жадностью всѣ силы, все время крестьянъ, объяснить ту громаду ударовъ розгами, которые еженедѣльно сыплются на мужицкія тѣла? Въ Пехорской в. Мск. у. приговариваютъ къ розгамъ сразу по 50 и болѣе человѣкъ [1]).

Въ рѣдкой волости не слышится желанія, чтобы увеличили число ударовъ до 50-ти и болѣе [2]). Розги это самое распространенное наказаніе, другія мѣры въ загонѣ. „Арестъ и штрафъ употребляются въ равной мѣрѣ, но, примѣрно, *втрое* рѣже, чѣмъ розги“, это въ Митинской в., [3]) а въ Сергіевской „штрафъ примѣрно раза въ 4 рѣже розогъ“ [4]). Да почему же это? А потому что оно „считается

---

[1]) 255 стр.
[2]) 111 стр.
[3]) Н. Астыревъ „Въ вол. писаряхъ“ стр. 221.
[4]) 330 стр.
[5]) 470 стр.

[1]) 127 стр.
[2]) 228. Глазов. в. Мжск. у. 376. Добрят. в. и 382. Дубров. в- Подол. у.
[3]) Дмитр. у. 501 стр.
[4]) Клинск. у. 579 стр.

Digitized by Google

самымъ „вразумительнымъ“ и полезнымъ“, [1]) потому что „розогъ опасаются всѣ“, [2]) потому, наконецъ, и это самое главное, что „отъ розогъ *нѣтъ убытка* ни мужику, ни обществу“. [3]) Потому и выходитъ, что „безъ розогъ нельзя обойтись“ [4]). „Крестьяне сами предпочитаютъ розги, говорятъ въ Шалов. в., потому что арестъ лишаетъ мѣста на фабрикахъ“. Въ Пехор. в. тоже „народъ все фабричный, нетрезвый, *взять съ него нечего*, а подъ арестъ посадить, мѣста лишится, недоимку еще больше накопитъ и подъ арестомъ будетъ пьянствовать и безчинствовать“ [5]). Это въ фабричныхъ деревняхъ, но и въ другихъ тоже самое: вездѣ встрѣчаешь однообразный отвѣтъ „взять съ него нечего, у него ничего нѣтъ“, [1]) „и безъ штрафовъ нечѣмъ податей платить“ [2]) и „безъ продажи имущества (т. е. и окончательнаго раззоренія) съ крестьянъ бѣдныхъ, которые составляютъ большинство, взять ничего нельзя“ [3]). Причина не многосложна и ясно показываетъ, что негуманныя розги дѣйствуютъ на гуманныхъ основаніяхъ, но къ этимъ гуманнымъ основаніямъ примѣшивается, конечно, и доля эгоизма: судья самъ мужикъ и, кромѣ того, по принципу круговой поруки, всю тяжесть неплатежа понесетъ само же общество. Это давленіе экономическихъ условій кладетъ тяжелую печать на систему наказаній, практикуемыхъ Вол. Судомъ.

В. Кандинскій.

O dokazatel'stvakh na volostnom sudie

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ НА ВОЛОСТНОМЪ СУДѢ.

Предметомъ настоящаго очерка будутъ служить способы доказательства, употребляемые въ современномъ крестьянскомъ процессѣ. Не имѣя возможности разсмотрѣть здѣсь всю совокупность этихъ процессуальныхъ нормъ обычнаго права, мы ограничимся только четырьмя наиболѣе распространенными изъ нихъ, и имѣющими въ глазахъ народа наибольшее значеніе. Эти четыре способа доказательства — *самопризнаніе отвѣтчика*, *свидѣтельскія показанія*, *письменные документы и присяга*.

Сознаніе отвѣтчика играетъ очень видную роль въ крестьянскомъ процессѣ: оно является суррогатомъ всякаго другаго доказательства, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ трудахъ коммиссіи по преобразованію Волостныхъ судовъ мы видимъ массу рѣшеній, основанныхъ на одномъ только добровольномъ сознаніи отвѣтчика, на его „чистосердечномъ раскаяніи“, при полномъ отсутствіи какихъ либо доказательствъ со стороны истца. Особенно часто встрѣчается это въ гражданскихъ искахъ при взысканіи долговъ. При маломъ, сравнительно, распространеніи письменныхъ документовъ среди крестьянъ, такое значеніе сознанія является понятнымъ. Для примѣра возьмемъ рѣшеніе одной волости Московскаго уѣзда. Крестьянка взыскиваетъ 100 р. за проданный ею садъ, причемъ никакихъ доказательствъ она не представляетъ. Волостной судъ присуждаетъ отвѣтчика къ уплатѣ исковой суммы, руководясь единственно его сознаніемъ въ долгѣ, не смотря даже на то, что со времени заключенія сдѣлки прошло уже 25 лѣтъ [4]).

Другой примѣръ изъ практики одного волостнаго суда Ковровскаго у.: крестьянинъ просилъ судъ взыскать съ отвѣтчика должныя ему деньги 2 р. Волостной судъ, имѣя въ виду сознаніе отвѣтчика, постановилъ взыскать съ него долгъ [5]).

Значеніе сознанія выступаетъ еще рельефнѣе, если принять во вниманіе то обстоятельство, что оно требуется даже и тогда, когда противъ отвѣтчика предъявлена долговая росписка.

Рѣшеній, въ которыхъ на ряду съ письмен-

---

[1]) 501. Митин. в. Дмитр. у.

[2]) 167. Кіясов. Српух.; 204. Высоцкая, Српх.; 177. Хатунск. в. Српух. 255. Кукор. Мжск. 228. Глдов. Мжск. и т. д.

[3]) 135 Шалов. в. Богород. у.

[4]) 164. Кіясов. в. Српхв. у.

[5]) 128 стр.

[1]) 156. Ямкин. в. Богород. у.

[2]) 135. Шалов. в.

[3]) 164. Кіясов. в. Српух. у.; 204. Высоцкая, 177 Хатунск. в. и т. д.

[4]) II, 109 № 67.

[5]) II, 73 № 15; 72 № 4 и мн. друг.

Digitized by Google

нымъ документомъ принимается, какъ доказательство, еще и сознаніе въ долгѣ очень много [1]).

Нельзя не отмѣтить того факта, что отрицаніе долга и упорное молчаніе отвѣтчика въ томъ случаѣ, если истецъ не представляетъ доказательствъ, встрѣчается на Волостномъ судѣ крайне рѣдко. „На 100 такихъ случаевъ говоритъ г. Скоробогатый, придется не болѣе 10 случаевъ отрицанія долга“ [2]). „Долгъ взыскивается часто и безъ доказательствъ, показывали крестьяне одной волости Харьковской губ., ибо честные люди никогда не отказываются отъ своихъ долговъ“. Въ уголовныхъ дѣлахъ сознаніе въ совершенномъ проступкѣ также служитъ полнымъ доказательствомъ и ведетъ часто за собой смягченіе наказанія. Вотъ, одно изъ рѣшеній Ставровской волости Владимірскаго уѣзда по дѣлу о кражѣ. Волостной судъ постановилъ, „что, хотя бы и слѣдовало подвергнуть виновнаго въ кражѣ строгому наказанію, но, принимая во вниманіе чистосердечное раскаяніе его въ содѣянномъ проступкѣ, подвергнуть его аресту на 7 дней“ вмѣсто обычнаго наказанія розгами [3]).

Перейдемъ теперь къ самому важному и наиболѣе употребительному способу доказательства на волостномъ судѣ, именно къ *показаніямъ свидѣтелей*.

Изъ опросовъ крестьянъ и изъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что свидѣтельскія показанія составляютъ наиболѣе вѣское доказательство, къ которому прибѣгаютъ, какъ въ уголовныхъ дѣлахъ, такъ и въ гражданскихъ искахъ. Гдѣ въ развитомъ гражданскомъ оборотѣ за доказательство совершенной сдѣлки принимаются исключительно письменные документы, тамъ, на волостномъ судѣ, очень часто опираются только на показанія свидѣтелей. Изъ самаго бѣглаго обзора рѣшеній волостныхъ судовъ можно замѣтить, что взысканіе долга производится въ большинствѣ случаевъ на основаніи такого доказательства [4]). „Свидѣтелями, говорятъ крестьяне, можно доказывать всякое дѣло; даже долгъ взыщется, если удостовѣрятъ они“. Обычай заключенія договора займа передъ свидѣтелями и доказательство его показаніями послѣднихъ на судѣ принадлежитъ къ числу очень древнихъ. Мы находимъ его еще въ эпоху Русской Правды [5]).

Значеніе свидѣтелей на народномъ судѣ по настоящее время еще такъ велико, что имъ дается очень часто даже предпочтеніе передъ другими доказательствами и, въ особенности, передъ письменными документами. Причина этого очевидно — неграмотность нашего простаго народа.

(Когда мы будемъ говорить о письменныхъ документахъ, мы постараемся подробнѣе выяснить то взаимное отношеніе, которое существуетъ между ними и свидѣтельскими показаніями).

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, кто можетъ быть свидѣтелемъ по воззрѣніямъ крестьянъ? Точныхъ указаній о возрастѣ свидѣтелей мы не имѣемъ. Извѣстны какъ такіе случаи, когда волостной судъ принималъ показанія маленькихъ дѣтей, равно какъ и такіе, когда онъ не давалъ вѣры свидѣтелю, потому что ему было 70 лѣтъ [1]).

Болѣе точныя указанія мы имѣемъ относительно допущенія или недопущенія къ свидѣтельству человѣка, состоящаго въ родствѣ съ одной изъ сторонъ. Въ большинствѣ волостей Московской губ. свидѣтели устраняются по родству, кумовству, свойству или враждѣ [2]). Но иногда судъ не прибѣгаетъ къ отводу такихъ свидѣтелей: „имъ не вѣрятъ, даже если они и не устранены“ [3]). Такъ въ одной изъ волостей Московской губ. судъ, нашедши, что свидѣтели—всѣ родственники и всѣ изъ одного дома, не могъ допустить полнаго вѣроятія въ ихъ показаніяхъ [4]). Но есть мѣстности, гдѣ родство не служитъ препятствіемъ къ принятію показаній. На Дону, напр., принимаются показанія отца за и противъ дѣтей, братьевъ, супруговъ, дѣтей за и противъ родителей [5]).

Особенно большое вниманіе судьи—крестьяне обращаютъ на нравственное достоинство свидѣтелей. „Людямъ худымъ судъ не вѣритъ“ [6]). Иногда, какъ напр., въ Кіевской губ., если свидѣтель только одинъ, ему вѣрятъ въ томъ только случаѣ, если онъ человѣкъ хорошій [7]). Въ этомъ особенно ясно проглядываетъ характерная черта нашего народнаго суда — примѣнять рѣшеніе къ особенностямъ каждаго индивидуальнаго случая, извѣстный принципъ—судить „глядя по человѣку“.—Это же начало устраняетъ на крестьянскомъ судѣ

---

1) II, 188 № 81, 181 № 38, 39 № 7, 371 № 4, 465 № 3 и друг.
2) Юр. В. 1883, II стр. 242.
3) II, 57 № 3; 55 № 4 и др.
4) II, 186 № 71, 393 № 7, 39 № 15 и мн. друг
5) Ст. 44. Кар.

1) VI, 385 (Приведено у Птицына стр. 106.
2) II, 92, 111, 134, 429, 440, 470 и др.
3) II, 406, 429.
4) II, 13 № 86.
5) Михаилъ Харузинъ, ibid.
6) II, 429.
7) Пахманъ стр. 414.

Digitized by Google

возможность существованія формальныхъ доказательствъ. Опредѣленнаго числа свидѣтелей не требуется. Случаи, когда показаніе считается достовѣрнымъ, если оно дано, по крайней мѣрѣ, 2-мя или 3-мя свидѣтелями, крайне рѣдки. Извѣстенъ напр. даже такой случай, что волостной судъ приговорилъ обидчика къ 3-хъ рублевому штрафу въ пользу истца „по уваженію къ тому, что у отвѣтчика 3, а у истца 4 свидѣтеля“ [1]). Но подобные факты крайне рѣдки и число ихъ слишкомъ мало, чтобы можно было сдѣлать на основаніи ихъ какой либо выводъ о формальныхъ доказательствахъ въ крестьянскомъ процессѣ.

Относительно способа допроса свидѣтелей слѣдуетъ замѣтить, что они допрашиваются поодиночкѣ или всѣ вмѣстѣ, и притомъ въ однѣхъ мѣстностяхъ въ присутствіи сторонъ, въ другихъ же наоборотъ. (Въ Московской и Владимірской губ. въ большинствѣ случаевъ допросъ происходитъ при сторонахъ. Изъ 15 вол., о которыхъ имѣются свѣдѣнія по этому вопросу, только въ 3-хъ истецъ и отвѣтчикъ должны удаляться при опросѣ свидѣтельскихъ показаній). Подобной мѣрой волостные судьи стараются, безъ сомнѣнія, предотвратить непріязнь, которая можетъ возникнуть между одной изъ сторонъ и свидѣтелями, если они будутъ показывать противъ нея. Но случаи такого удаленія сторонъ, какъ мы видѣли, сравнительно рѣдки. Напротивъ, гораздо чаще свидѣтели принимаютъ дѣятельное, живое участіе въ судоговореніи. Извѣстно, что они вставляютъ свои замѣчанія при дачѣ показаній, вступаютъ часто въ споръ съ истцомъ или отвѣтчикомъ. Вслѣдствіе этого допросъ свидѣтелей, по замѣчанію г. Скоробогатаго, представляетъ иногда не совсѣмъ привлекательную картину: среди шума и крика непривычному человѣку разобраться бываетъ довольно трудно. Но не смотря на это опросъ свидѣтелей въ присутствіи тяжущихся имѣетъ свою выгодную сторону, такъ какъ препирательства, возникающія между тѣми и другими, обыкновенно не мало содѣйствуютъ выясненію обстоятельствъ дѣла. Допрашиваются свидѣтели не всегда на судѣ. Очень часто допросъ производится на мѣстѣ волостнымъ старшиной или сельскимъ старостой, которые потомъ передаютъ судьямъ на словахъ или на письмѣ, что показали свидѣтели, причемъ эти послѣдніе обыкновенно въ судъ вторично не вызываются, такъ какъ „нѣтъ надобности ихъ вновь разспрашивать“ [2]). Свидѣтели обыкновенно не присягаютъ. Понятно, что при отсутствіи формализма въ нашемъ крестьянскомъ процессѣ и при указанномъ уже нами требованіи, чтобы свидѣтель былъ человѣкъ хорошій, формальная присяга eo ipso дѣлается излишней. Но, чтобы болѣе или менѣе обезпечить достовѣрность показаній свидѣтелей, судьи ограничиваются большей частью напоминаніемъ имъ показывать „всю правду“ [1]) „передъ Богомъ“ [2]), иногда же заставляютъ ихъ „перекреститься на Спасителя“ [3]). Но и послѣднее, какъ это видно изъ словъ крестьянъ, не считается ими присягой.

Въ случаѣ неявки на судъ свидѣтели обыкновенно подвергаются денежному штрафу или аресту [4]). Размѣръ штрафа опредѣляется „глядя по человѣку“ [5]); иногда же онъ колеблется между 25 коп. и 1 руб. Есть впрочемъ мѣстности, гдѣ за неявку никакого наказанія не полагается (напр. въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Мстерской волости [6]).

На свидѣтельство крестьяне смотрятъ, какъ на обоюдную услугу и потому, въ большинствѣ случаевъ, свидѣтели вознагражденія отъ тяжущихся не получаютъ. Такъ, изъ всѣхъ 54 обслѣдованныхъ волостей Московской и Владимірской губ., только въ 5 полагается имъ вознагражденіе на счетъ виновнаго за потерю времени. Вознаграждаются они, если только сами этого потребуютъ, и обыкновенно въ размѣрѣ дневного заработка [7]). Но и требованіе это предъявляется, повидимому, не особенно часто. Такъ, въ одной волости Вязниковскаго уѣзда крестьяне заявили, что не случалось, чтобы свидѣтели требовали себѣ вознагражденія [8]). Причина этого, очевидно,—указанное воззрѣніе крестьянъ на свидѣтельствованіе, какъ на обоюдную послугу.

„Свидѣтели являются охотно, другъ друга поощряютъ, говорятъ крестьяне, а то и по ихъ дѣламъ станешь выставлять просителя свидѣтелемъ, а онъ не явится“ [9]).

При разнорѣчіи показаній, а также въ случаѣ отсутствія свидѣтелей, судьи часто обращаются къ показаніямъ сосѣдей и околѣныхъ людей [10]).

---

[1]) VI. 389.—23 Ноября.

[1]) II, 412, 429, 458 и др. II, 470.

[1]) II, 463.

[2]) II, 64.

[3]) II. 70. („Допрашиваются свидѣтели безъ присяги, но имъ говорятъ, чтобы они перекрестились на Спасителя“).

[4]) II, 2, 23, 25 и проч.

[5]) II, 28. 31.

[6]) II, 46.

[7]) II, 59, 92, 375, 381, 382.

[8]) II, 46.

[9]) *Чепурный*. Волостн. юстиц. Тамбовской губ.

[10]) II, 228, 283: 52.

Digitized by Google

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію третьяго способа доказательства — письменныхъ документовъ. Не смотря на то, что эти послѣдніе составляютъ въ глазахъ крестьянъ очень важное доказательство, однако, сравнительно съ свидѣтельскими показаніями, они встрѣчаются гораздо рѣже, что и понятно при незначительныхъ еще успѣхахъ грамотности среди крестьянъ [1]).

Что касается формальной стороны письменныхъ документовъ, то слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно они считаются безспорными, если засвидѣтельствованы въ волостномъ правленіи [2]) или сельскимъ старостой [3]); если же эта формальность не соблюдена, то необходимо, чтобы свидѣтели удостовѣрили подлинность документа въ случаѣ его спорности [4]). (Замѣтимъ однако, что въ числѣ рѣшеній Бронницкаго уѣзда есть такое, по которому волостной судъ не призналъ дѣйствительной росписку, хотя и удостовѣренную свидѣтелями, единственно потому, что она была совершена безъ вѣдома старосты) [5]).—Подписи за неграмотныхъ имѣютъ силу, если только онѣ не отрицаются лицомъ, противъ котораго предъявляется росписка [6]), или подтверждаются свидѣтелями. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и относительно крестовъ, замѣняющихъ собой подписи [7]). Но есть мѣстности, гдѣ росписки, снабженныя крестами вмѣсто подписей, не составляютъ доказательства: „такъ писать всякій сумѣетъ“,—говорятъ крестьяне [8]).

Вотъ все, что можно сказать относительно внѣшней, формальной стороны письменныхъ документовъ. — Теперь представляется вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ ихъ доказательная сила къ доказательной силѣ свидѣтелей?

Сказать опредѣленно, какой изъ этихъ 2-хъ видовъ доказательства имѣетъ бо́льшую силу на волостномъ судѣ, при неполнотѣ существующихъ свѣдѣній, не представляется возможнымъ.— Есть мѣстности, гдѣ крестьяне считаютъ свидѣтельскія показанія важнѣй росписокъ, въ другихъ наоборотъ, послѣднимъ отдается предпочтеніе. Такъ, въ Зюзинской вол. Московскаго у. по заявленію крестьянъ, „если одна сторона представляетъ письменное доказательство, а другая свидѣтелей, то документъ считается поважнѣй“ [1]).

Въ другой волости того же уѣзда документы считаются „самымъ вѣрнымъ доказательствомъ“ [2]). Равно какъ и въ Подольскомъ у. (Молодинской волости) „въ долговыхъ дѣлахъ свидѣтельскія показанія силы не имѣютъ“ [3]). Въ Дмитровскомъ же уѣздѣ, наоборотъ, „судьи всего болѣе обращаютъ вниманіе на показанія свидѣтелей“ [4]). Наконецъ, въ одной изъ волостей Харьковской губ. документы принимаются, если только нѣтъ другихъ доказательствъ [5]).

Уже эти немногіе факты, (всѣ факты, имѣющіеся у меня, я считаю лишнимъ приводить) показываютъ, что, то свидѣтелямъ отдается предпочтеніе передъ письменными документами, то этимъ послѣднимъ передъ свидѣтельскими показаніями; это и не позволяетъ дать опредѣленный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. — Одной изъ причинъ такого неопредѣленнаго воззрѣнія на значеніе письменныхъ доказательствъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что документы, вслѣдствіе неграмотности нашего деревенскаго населенія составляютъ еще сравнительно новый способъ доказательства, еще не вполнѣ выработанный практикой народнаго суда. Невыработанность эта видна, между прочимъ, какъ изъ того, что дѣйствительность долговыхъ росписокъ ставится иногда въ зависимость отъ показаній свидѣтелей, какъ напримѣръ, въ одной волости Коломенскаго у. [6]), такъ, наконецъ, и изъ того, что въ однѣхъ мѣстностяхъ необходима явка документа у волостнаго начальства, въ другихъ же (напр. въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ на Дону [7]) это вовсе не требуется.

Намъ осталось разсмотрѣть послѣдній изъ намѣченныхъ способовъ доказательства—*присягу* или божбу, какъ ее называютъ крестьяне.

Хотя въ большинствѣ волостей, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, присяга принимается за доказательство, но къ ней прибѣгаютъ только съ согласія сторонъ, она носитъ чисто договорный характеръ. Подобная форма присяги, какъ извѣстно, допускается и нашимъ законодательствомъ. Случаи же, когда она принимается за доказательство по пред-

---

1) II, 128, 389, 463.
2) II, 429, 440, 452.
3) II, 459.
4) II, 459.
5) II, 423 № 88.
6) II, 2, 41, 134, 433 № 9.
7) II, 463, 470.
8) II, 31.

1) II, 92.
2) II, 142.
3) II, 385.
4) II, 487.
5) IV, 280.
6) II, 479.
7) См. Михаилъ *Харузинъ*—Каз. Общ. стр. 323.

Digitized by Google

ложенію судей крайне рѣдки. Такъ, напр. изъ всѣхъ изслѣдованныхъ коммиссіей волостей Московской и Владимірской губ., только въ 3-хъ присяга является самостоятельнымъ способомъ доказательства. Въ Шуйскомъ у. напр., „Божба допускается въ томъ случаѣ, *когда нѣтъ другихъ доказательствъ*“ [1]). Въ другой волости „если отвѣтчикъ или истецъ крестъ на себя положатъ, прини ая грѣхъ на душу, то это составляетъ уже полное доказательство для волостнаго суда“ [2]). Обыкновенно это бываетъ при разногласіи свидѣтельскихъ показаній и невозможности добиться истины; тогда сторонамъ предлагается побожиться передъ образомъ [3]), Подобныя же свѣдѣнія мы имѣемъ напр. и относительно Приволжской вол. Костромскаго уѣзда [4]) „Въ сомнительныхъ случаяхъ, говорили тамъ крестьяне, дѣло рѣшается божбою „кто побожится, тотъ и правъ“. „(Отмѣтимъ здѣсь одну любопытную черту. Въ Ростовскомъ у. хотя и допускается, по словамъ крестьянъ, отдача на душу или присяга, однако преимущественно между женщинами“ [5]).

Но всѣ подобные случаи сравнительно рѣдки. Въ большинствѣ же мѣстностей, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, присяга, какъ доказательство, вовсе не допускается или же носитъ договорный характеръ. Такъ, въ большинствѣ волостей Московской губ. божбѣ не вѣрятъ [6]), въ другихъ же судьи прямо запрещаютъ божиться [7]).—Относительно договорной присяги слѣдуетъ замѣтить, что она примѣняется, когда стороны хотятъ кончить ею дѣло. Истецъ говоритъ обыкновенно отвѣтчику: „побожись, такъ я тебя прощаю“, и если затѣмъ отвѣтчикъ побожится, то дѣло считается оконченнымъ [8]). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Саратовской губ. для рѣшенія дѣла договорной присягой, кромѣ такого обоюднаго согласія на это сторонъ, требуется еще отсутствіе другихъ доказательствъ [9]).

Нельзя однако не замѣтить, что и этому послѣднему роду присяги не придается крестьянами часто никакого значенія. Иной разъ, по ихъ словамъ, бываетъ, что оба божатся и на образъ крестятся, какъ ихъ тогда разобрать [1]).—Но даже и тамъ, гдѣ допускается присяга на волостномъ судѣ божиться можетъ не всякій, а только „человѣкъ хорошій“ [2]). Слѣдовательно правило судить глядя по человѣку имѣетъ и здѣсь полную силу.

Относительно внѣшней, обрядовой стороны присяги мы не имѣемъ достаточно матеріала. (Въ Трудахъ коммиссіи о волостныхъ судахъ даже нѣтъ совсѣмъ свѣдѣній по этому вопросу). Тяжущимся не воспрещается, конечно, подкрѣплять свои показанія обыкновенными, общераспространенными въ народѣ способами божбы или клятвы (напр. „лопни глаза“, „на себѣ креста не видать“ и т. п.), но, какъ показывали крестьяне одной волости Шуйскаго у., такая божба „въ резонъ не принимается“ [3]). Есть однако, такъ называемыя, тяжкія клятвы, которымъ народъ придаетъ особое значеніе, напр., клятва своими дѣтьми у Донскихъ казаковъ или въ Саратовской губ.—По свидѣтельству г. Харузина „если человѣкъ уже началъ такимъ образомъ клясться, то и судьи вѣрятъ ему“ [4]).

Къ одной изъ самыхъ древнихъ клятвъ принадлежитъ клятва посредствомъ дерна при поземельныхъ спорахъ. Она совершается такимъ образомъ. Присягающій вырѣзываетъ кусокъ дерна, держитъ его надъ головой и говоритъ, что если спорный участокъ не принадлежитъ ему, „то пусть сама родная земля прикроетъ его на вѣки“ [5]) *). Болѣе употребительной клятвой является, такъ называемая, „снятіе иконы“, особенно въ дѣлахъ между родными или близкими сосѣдями напр. въ Пермской губ. [6]), Нижегородской [7]), въ землѣ Войска Донскаго [8]).—Мы не имѣемъ свѣдѣній, употребляются-ли эти виды присяги и другіе подобные имъ на волостныхъ судахъ; по крайней мѣрѣ въ Трудахъ коммиссіи объ этомъ ничего не говорится.

Наиболѣе распространеннымъ видомъ присяги на волостныхъ судахъ, какъ это видно

---

[1]) II, 25.
[2]) II, 31.
[3]) II, 163.
[4]) III, 309.
[5]) III, 243.
[6]) II, 459, 463 и пр.
[7]) II, 501.
[8]) II, 60.
[9]) VI. 407. 418.

[1]) I, 14.
[2]) II, 440. 452. (См. также *За рудн.* зак. и жизнь стр. 153).
[3]) II, 31.
[4]) Казац. Общ. стр. 325.
[5]) *Макаровъ* Тр. О. И. и Д. Р. 1828, кн. 1. стр. 197.
*) *Примѣчаніе:* При спорахъ о межѣ присягающій, взявъ кусокъ дерна на голову, проходитъ по межѣ, которую онъ считаетъ правильной. Клятва при помощи дерна, какъ извѣстно, замѣнилась клятвой при посредствѣ иконы: такъ въ спорахъ о межѣ на голову возлагается не кусокъ дерна а икона. *Примѣч. ред.*
[6]) *Успенскій.* Пермскій сборн. 1859, т. I, стр. 39.
[7]) *Борисовскій.* Нижегородскій сборн. 1870, т. III, стр. 218.
[8]) *Михаилъ Харузинъ.* 327.

Digitized by Google

изъ опросовъ крестьянъ, является божба передъ образомъ: „кто перекрестится передъ образомъ съ того уже нельзя ничего болѣе искать“ [1]).

Мы указали раньше на нѣкоторыя мѣстности, гдѣ божбѣ или присягѣ не придается большаго значенія, гдѣ ей не вѣрятъ. Утверждать положительно на основаніи только приведенныхъ фактовъ, что присяга въ настоящее время представляетъ вымирающій способъ доказательства и распространять этотъ выводъ на всѣ остальныя мѣстности Россіи,— не представляется, конечно, возможнымъ. Но съ другой стороны само существованіе подобныхъ фактовъ можетъ уже дать поводъ къ постановкѣ вопроса, не представляетъ ли присяга дѣйствительно вымирающаго доказательства въ крестьянскомъ процессѣ. Отвѣтить на этотъ вопросъ можно, разумѣется, опираясь только на гораздо бо̀льшее количество фактовъ чѣмъ то, которое мы имѣли въ виду.

А. Панпе.

Sovremennye brak i svad'ba sredi krest'ian Tambovskoĭ gub. Elatom skago uezda

СОВРЕМЕННЫЕ БРАКЪ И СВАДЬБА СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ ТАМБОВСКОЙ ГУБ. ЕЛАТОМСКАГО УѢЗДА.

Большинствомъ ученыхъ спеціалистовъ по обычному русскому праву рѣзкими чертами проведены въ жизни крестьянина два начала: начало патріархальное и начало экономическое. Какъ продуктъ глубокой древности, начало патріархальное до сихъ поръ еще отражается на остаткахъ родоваго быта и упорно борется съ началомъ экономическимъ. Какъ сельскій житель я имѣлъ случай лично наблюдать этотъ интересный процессъ борьбы и провѣрить его на одномъ изъ глухихъ, но въ тоже время, типичныхъ уголковъ Тамбовской губ.—Елатомскомъ уѣздѣ. Болѣе рѣзкой и прозрачной стала эта борьба лишь за послѣднія 10, 12 лѣтъ. Какъ ни упорны и живучи патріархальныя формы жизни, какъ ни слабо поступательное движеніе крестьянъ,—успѣхъ борьбы однако слишкомъ замѣтно клонится на сторону экономическаго начала. Устарѣлыя соціальныя основы родоваго быта разбиваются о свѣжіе жизненные принципы трудоваго начала и уступаютъ мѣсто новымъ, болѣе содержательнымъ формамъ жизни. Въ сферѣ имущественныхъ отношеній болѣе всего замѣтно это явленіе, значительно менѣе — въ сферѣ личныхъ семейныхъ отношеній. Но и тутъ уцѣлѣла главнымъ образомъ форма, а менѣе всего содержаніе. Лучшій выразитель патріархальнаго начала—задруга (съ ея безусловнымъ обезличеніемъ и отсутствіемъ индивидуализаціи), теперь разложилась на естественныя свои единицы—малыя семьи, съ новымъ, болѣе или менѣе самостоятельнымъ характеромъ членовъ. Экономическій строй этой семьи оказалъ парализующее вліяніе на традиціонные взгляды, нещадно поломалъ старыя отношенія. Женщина поднялась изъ своего рабскаго приниженнаго состоянія, смѣло заявила о правахъ своихъ и глава семейства, прежде—гордый старѣйшина и безусловный повелитель рода, уступилъ теперь ея требованіямъ и началъ дѣлиться верховными правами. Для одной личности не стало физической возможности воплотить тѣ атрибуты власти, которые давили семью при родовомъ устройствѣ. Каждый работникъ въ семьѣ сталъ работникомъ съ извѣстной долей права и осязательной силы. Но чья власть удивительно возрасла—тихо, незамѣтно подъ шумъ перемѣны отношеній—это власть матери. Она отвоевала не только долю юридической свободы, но заставила подѣлиться мужа и верховными правами родительскими [1]). Въ полѣ она - работникъ, бокъ-о-бокъ съ мужемъ и вѣрный совѣтникъ его по дѣламъ хозяйства; придетъ домой—она мать, осязательный центръ семейства. А куда какъ сложна ея задача въ семьѣ! На ней лежитъ главная нравственная отвѣтственность за нее. Отецъ здѣсь глава развѣ юридически и распо-

[1]) III, 307. Костромской у.

[1]) Явленіе это объясняется не однимъ экономическимъ началомъ въ организаціи малой семьи, но и другими, чисто мѣстными пожалуй причинами, о коихъ будетъ сказано ниже.

Digitized by Google

лагаетъ только физической силой. Пожаловалась мать на сына—онъ побьетъ его, не пожаловалась—и слова худого не скажетъ. А что касается дочерей—тутъ ужъ совсѣмъ не воленъ отецъ. Забота, „глазъ“ за ними и вся будущая судьба ихъ почти всецѣло лежитъ на матери. Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пеньки, Савра—Мамышева и др.) мать удержала власть и надъ сыновьями. Сынъ тамъ, до 30, 35 ти лѣтъ приблизительно, не выходитъ изъ-подъ ея власти. За малѣйшую обиду она приказываетъ братьямъ или отцу связать его и сама расправляется съ виновнымъ. Нѣтъ семейной поддержки—обращается къ сходу, и мірской приговоръ всегда на сторонѣ матери.

И такъ, нравственная отвѣтственность въ семьѣ за дѣтей лежитъ главнымъ образомъ на матери. Нечего и говорить, что обязанности ея увеличиваются, по мѣрѣ того, какъ подростаютъ дочери и сыновья. Обязанность ея тѣмъ труднѣе, что она двоится между сухими, холодными требованіями отца и голосомъ души ея, всегда преисполненной любви къ дѣтямъ. Отъ отца ждутъ дѣти только работы, да грознаго слова,—отъ матери—ласки и удовольствій. Отецъ только приказываетъ, а мать является вѣрнымъ и точнымъ исполнителемъ ихъ собственныхъ желаній. Все еще держась за традиціи прежней власти главы семьи, отецъ потерялъ съ новымъ началомъ всякую юридическую почву, и никакъ не можетъ занять устойчиваго положенія, отыскать точку опоры для опредѣленной власти въ семьѣ. Онъ не понимаетъ новыхъ отношеній къ дѣтямъ, не понимаетъ отношеній къ женѣ, а между тѣмъ свѣжи въ памяти традиціи и, не имѣя другихъ средствъ, онъ старается осуществить ихъ голыми приказаніями, тономъ повелителя, иниціатора.

Къ порѣ физической зрѣлости дѣтей обязанность матери еще болѣе увеличивается. Самый характеръ ея становится строже, опредѣленнѣе. Судьей матери является тутъ не одинъ отецъ, а цѣлое общество. До сихъ поръ она „вспаивала-вскармливала“ дѣтей, теперь нужно выводить этихъ дѣтей въ люди, чтобъ семьѣ позору не было и „на улицѣ“ не смѣялись. А дѣти все чаще и чаще уходятъ съ глазъ матери. Пробуждается интересъ (хотя бы духовнаго) полового общенія и нѣтъ силъ противостоять ему. Въ каждой деревушкѣ организуются съ этой цѣлью „посидѣлки“, куда собираются дѣвушки подъ предлогомъ скромныхъ вечернихъ занятій, а парни—потѣхи ради. Крайній возрастъ молодыхъ людей того и другого пола 10 и 20 лѣтъ, средній — 16 — 18. Время проводится очень шумно; нескромныя остроты и шутки сыплются одинаково обильно какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Игры носятъ дикій характеръ. О какихъ нибудь „горѣлкахъ“ тутъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Парни даже не войдутъ никогда скромно на посидѣлки. Тихо собираются они обыкновенно кругомъ избы и разомъ врываются потомъ чрезъ двери и окна; тушатъ свѣчи и бросаются, кто на кого попалъ. Пискъ дѣвушекъ заглушается хохотомъ ребятъ; затѣмъ все оканчивается миромъ; обиженный полъ вознаграждается скудными гостинцами. Дѣвушки садятся за донца, но постоянныя объятія и пожиманія мѣшаютъ работамъ. Завязывается ссора; обѣ стороны вступаютъ въ состязаніе и обычные побѣдители-ребята утаскиваютъ, каждый свою жертву: кто на полати, кто на дворъ, кто въ сѣнцы. Игры, повторяю, носятъ характеръ дикій; въ основѣ ихъ лежитъ чувство полового общенія и чувство это слишкомъ обнаруживается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи молодыхъ людей. Взглянуть постороннему глазу на эту грубую картину сельской жизни—и легко составить себѣ неправильный взглядъ на нравственность крестьянина. Какъ и въ многихъ другихъ случаяхъ, невѣжество повліяло здѣсь на одну форму, не касаясь содержанія.

Случаи преступной связи здѣсь рѣдки. Религія и опытъ выработали для крестьянина самый строгій взглядъ на нравственность дѣвушки и жестоко караютъ виновниковъ ея потери. Правила эти держатся не одними стариками, они строго соблюдаются и молодымъ поколѣніемъ; послѣднее само ставитъ себя въ такія отношенія другъ съ другомъ, что преступленія прежде всего сдерживаются личной совѣстью каждаго.

Мы уже сказали, что средній возрастъ на посидѣлкахъ 16—18 лѣтъ,—возрастъ, наиболѣе совпадающій съ порой зрѣлости, когда молодые люди подумываютъ о женихахъ и невѣстахъ. У каждаго парня въ посидѣлкахъ есть своя „суженая“, почти каждая дѣвушка „держитъ на мысляхъ“ своего „милаго“, излюбленнаго. И парочки эти ревниво смотрятъ другъ за другомъ, ревниво оберегаютъ свои отношенія отъ вмѣшательства третьяго лица. Каждый парень знаетъ, кому изъ товарищей „люба“ извѣстная дѣвушка и не посмѣетъ обидѣть ее; тутъ сдерживаетъ его не одна боязнь расправы товарищей, не одна дружба съ ними, а нѣчто другое, болѣе сильное и дѣйствительное. Это „сильное“ есть суровый крестьянскій обычай, по которому „губитель дѣвичей красоты“ (невинности) навсегда лишается права же-

Digitized by Google

ниться на другой *дѣвушкѣ*. Обычай этотъ, изстари установившійся, до сихъ поръ твердо стоитъ среди крестьянъ и караетъ виновныхъ жестоко. Довольно слуховъ, что молодые люди „*любились*“ и что парень *бросилъ* дѣвушку; бросилъ ли онъ ее, добившись своихъ преступныхъ цѣлей или по чему другому — обычай никогда не освѣдомляется, опираясь на одни слухи. Слабой стороной его нерѣдко пользуются раздосадованныя матушки и дочки, и распускаютъ подобные слухи и тѣмъ навсегда изгоняютъ бѣдняка изъ дѣвичьяго общества. Какъ строгъ обычай къ парнямъ, такъ немилостивъ онъ и къ дѣвушкамъ. Замѣтили въ посидѣлкахъ, что какая либо дѣвушка любитъ „бросаться отъ одного на другого“,— мигомъ прослыветъ она „заблудящей“ и потеряетъ въ глазахъ молодежи все свое обаяніе; сами подруги отъ нея сторонятся, а ребята только смѣются, да подшучиваютъ. Полюбить такую „заблудящую“ совѣстно передъ товарищами, а жениться—стыдъ передъ родителями, зазоръ передъ міромъ. Нечего и говорить о тѣхъ, которыя далеко заходятъ въ отношеніяхъ къ парню; не возьметъ её онъ— не возьметъ и никто въ деревнѣ; даже вдовецъ побрезгуетъ такой дѣвушкой: она и мать плохая будетъ и хозяйка ненадежная. Отъ дѣвушекъ обычай требуетъ даже больше, чѣмъ отъ парней; точнѣе, онъ болѣе строгъ, болѣе взыскателенъ къ нимъ. При тѣхъ близкихъ, тѣсныхъ отношеніяхъ, какія бываютъ на посидѣлкахъ, отъ дѣвушки требуется много выдержки и разсудительности,—иначе не завидна будетъ ея доля. Даже отказъ женихамъ роняетъ ее въ глазахъ общества; „кто бракуетъ — тотъ гордъ, а гордую жену ни отецъ, ни мать не потерпитъ, да и сестры невзлюбятъ“. Такъ судятъ между собой разборчивые женихи, прислушиваясь къ голосу родителей.

Мы просмотрѣли вкратцѣ ходъ совмѣстной жизни молодежи и видѣли, что, въ періодъ физической зрѣлости, она почти всецѣло сосредоточена на посидѣлкахъ. Здѣсь дѣвушки присматриваются къ парнямъ; парни выбираютъ по сердцу дѣвушекъ: разглядываютъ ихъ характеръ и физическія достоинства; понравились другъ другу — сходятся, не понравились — сторонятся. Мнѣ казалось необходимымъ остановиться на посидѣлкахъ въ виду того прямаго отношенія, которое имѣютъ онѣ къ браку. Самые обряды, коими сопровождается бракъ, станутъ послѣ этого немного яснѣе и понятнѣе.

Прежде чѣмъ приступить къ предмету нашей статьи постараемся отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ *сходятся* брачущіяся стороны: отцы и дѣти. На вторую половину вопроса мы почти отвѣтили, постараемся отвѣтить и на первую. При описаніи посидѣлокъ само собою можетъ возникнуть вопросъ, не обусловливается-ли воля родителей желаніемъ дѣтей, тѣмъ или другимъ вліяніемъ ихъ и воздѣйствіемъ? *Отчасти* да. Мнѣ хотѣлось бы отвѣтить категорически, но пока я не могу этого сдѣлать: юридически до сихъ поръ нѣтъ у дѣтей активной роли въ бракахъ: она существуетъ только *отчасти*, фактически. Объяснюсь точнѣе. Въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ до сихъ поръ еще живетъ и дѣйствуетъ въ вопросѣ о бракахъ принципъ невмѣшательства дѣтей въ распоряженіе ихъ судьбою. Для недальняго прошлаго это можно было утверждать *абсолютно*— теперь не то. Не разъ приводилось слышать мнѣ отъ знакомыхъ мужиковъ, какъ вѣнчали ихъ, бывало, (лѣтъ 10, 12 назадъ) съ „незнамой“ дѣвушкой, подсовывали кривыхъ, больныхъ и уродовъ. Теперь другое дѣло: и „хитрѣй сталъ молодой народъ: съ немилой и на канатѣ не введешь ихъ въ церковь“. Нельзя еще сказать, чтобъ молодое поколѣніе „вершило“ свои браки, не спрашивая воли родительской, но это время *близко*. Все болѣе и болѣе захватываетъ себѣ право сельская молодежь, а въ дѣлахъ брака особенно падаетъ авторитетъ родительскій. Сознательно или не сознательно, а старики уступаютъ тутъ молодежи, благосклоннѣе относятся къ ея личнымъ стремленіямъ и желаніямъ. Возьму одно изъ типичныхъ явленій, гдѣ проглядываетъ (фактически) активная роль жениха и невѣсты. Если выберетъ себѣ парень дѣвушку, сойдутся другъ съ другомъ, они сначала стараются воздѣйствовать на матушекъ (эти рѣдко проявляютъ серьозную оппозицію), а ужъ чрезъ этихъ послѣднихъ и на суровыхъ отцовъ своихъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло оканчивается побѣдой молодежи; но случается и такъ, что родители изъ одного упорства не соглашаются на бракъ дѣтей; отказываютъ въ благословеніи, а въ крайнемъ случаѣ грозятъ проклятіемъ за неисполненіе ихъ воли. Послѣдняя мѣра самая страшная и дѣйствительная; рѣдко прибѣгаютъ къ ней родители, еще рѣже случаи, когда бы устояли противъ нея дѣти. Дѣти жертвуютъ тутъ лучшими чувствами, готовы отказаться отъ всего дорогого въ мірѣ, лишь бы не вызвать жестокаго приговора; „проклятыхъ дѣтей счастіе бѣжитъ: ихъ и земля [1])

[1]) Между матерью родной и матерью—сырой землей въ понятіи крестьянина существуетъ какая то связь;

Digitized by Google

не принимаетъ"—говоритъ объ нихъ глубокорелигіозное убѣжденіе. Случаи эти, повторяю, слишкомъ рѣдки: къ мѣрамъ проклятія прибѣгаютъ только матери: за отцами не признается этого права. Благословеніе — и то не въ одинаковой мѣрѣ, сильно со стороны отца и матери: „материнское благословеніе отъ дурного человѣка спасаетъ, отъ вражей силы избавляетъ" [1]). Зачастую приходилось мнѣ слышать тутъ споры между отцомъ и матерью; нѣкоторыя женщины основываютъ свою силу на апокрифическихъ сказаніяхъ, а большинство прибѣгаетъ къ болѣе простымъ и дѣйствительнымъ доказательствамъ: мы-де въ страданіяхъ производили дѣтей, своею грудью кормили ихъ, въ постоянныхъ *заботахъ* ростили,—а, стало быть, и болѣе власти имѣемъ надъ ними. Какъ бы то ни было, а фактъ на-лицо: дѣти крѣпко убѣждены въ силѣ материнскаго проклятія и благословенія; за отцомъ же первой силы совсѣмъ не признаютъ, а благословеніе съ его стороны гораздо менѣе уважаютъ. Поступательное движеніе молодежи обусловливается прежде всего отхожими промыслами; эти послѣдніе развиваютъ мужика умственно, за то развращаютъ физически и нравственно. Женщина до сихъ поръ нераздѣльна съ домашнимъ очагомъ своимъ. Она отстала отъ мужчины въ умственномъ развитіи, за то крѣпче держится за старые принципы. Она выше его въ нравственномъ отношеніи и за послѣднее время все болѣе и болѣе сознаетъ за собой это достоинство. Сильная реакція эта не скрылась, разумѣется, и отъ дѣтей. Чрезъ каждые три двора встрѣтите вы теперь гуляку въ почтенной главѣ семейства и въ каждомъ семействѣ противоположный ему лагерь трезвыхъ: мать въ главѣ дѣтей своихъ. Мать и дѣти здѣсь столько же близки другъ къ другу, сколь далеки отъ главы семейства. Самые интересы ихъ разобщаются: отецъ несетъ изъ-дому, а дѣти въ домъ. Тутъ не только чувство уваженія и страха—чувство любви подчасъ теряется въ дѣтяхъ; на мать переносится весь почетъ и уваженіе, ей начинаетъ принадлежать иниціатива дѣлъ и всѣ привилегіи главы семейства [1]). Само собою разумѣется, что паденію авторитита отцовскаго не мало способствовали и общія причины — естественныя, такъ сказать, разница въ отношеніяхъ къ отцу и матери. Матеріальная связь, точнѣе зависимость, скорѣе замѣчается въ отношеніяхъ къ отцу. Въ отношеніяхъ къ матери рельефнѣе выдвигается связь духовная. Отношенія эти болѣе святы для дѣтей, они болѣе дорожатъ ими, болѣе страшатся попрать или оскорбить ихъ. Матеріальная связь между отцомъ и дѣтьми держалась безспорно крѣпче *до* начала отхожихъ промысловъ. Подушный надѣлъ крестьянъ все уменьшается; отцы семействъ видятъ, что одной сохой не прокормишь семейства и шлютъ дѣтей на заработки. Съ развитіемъ отхожихъ промысловъ развивается и новая сила у дѣтей; въ среднемъ она равна уже теперь половинной силѣ родителя, а иногда и превышаетъ ее.— Было время, вздыхаютъ старики, когда дѣтки во всемъ покорствовали, да прошло; теперь ужъ изъ ихъ рукъ смотри, ихъ приказанія слушай.

Мы прослѣдили бѣгло перемѣны въ семейныхъ отношеніяхъ, видѣли постепенный упадокъ родительскаго авторитета и усиленіе власти дѣтей, теперь легче отвѣтить на вопросъ: какъ сходятся отцы брачущихся сторонъ. Оффиціально сватовство всегда ведется родителями сторонъ: одна дѣлаетъ запросъ, другая даетъ тотъ или другой отвѣтъ на него; женихъ съ невѣстой какъ бы не существуютъ: они только предметы сдѣлокъ; для совершенія самихъ сдѣлокъ они еще „глупы", „неразумны". Въ большинствѣ случаевъ дѣти и не гонятся за этимъ: они напередъ знаютъ, какъ устроится судьба ихъ и не особенно безпокоятся за нее.

Сватовство бываетъ двухъ главныхъ видовъ, сообразно тому, *кто* ведетъ его: родители *жениха* или родители *невѣсты;* хоть и рѣдко, но все же бываетъ такъ, что родители невѣсты (не имѣя сыновей напр.) сами начинаютъ сватовство, желая „принять во дворъ" будущаго зятя. Другой видъ—самый обыкновенный и заурядный, когда невѣста идетъ въ домъ жениха. И тамъ, и тутъ наружная сторона дѣла не измѣняется, за то

отказываюсь объяснить, — какая именно. Думаю, что основаніемъ здѣсь—общность идей плодотворной силы. Отсюда проклятые *матерью* скорѣе не принимаются *землей*, чѣмъ проклятые отцомъ, лишеннымъ плодотворной силы.

[1]) Изъ апокрифическихъ сказаній (кои въ самыхъ ужаснѣйшихъ редакціяхъ водятся по нашимъ селамъ) крестьяне почерпнули преданіе о томъ, какъ *Матерь Божія* надѣлила всѣхъ матерей земныхъ благотворной силой благословенія и губительной силой проклятія.

[1]) Жена называла прежде мужа „отцомъ" (хотя бы въ присутствіи дѣтей), въ настоящее время это встрѣчается рѣже и рѣже: теперь она зоветъ его по имени: Ѳедока, Ванька, Гришка... Здѣсь видно сильно упавшее чувство уваженія къ мужу со стороны жены. Называя мужа отцомъ, она какъ бы *выдѣляла* его прежде изъ всего семейства, его одного считала главой, а себя и дѣтей—только покорными членами семьи.

Digitized by Google

существенно измѣняется характеръ сватовства: онъ всецѣло зависитъ отъ той или другой доли участія, которую принимаютъ отцы и дѣти брачущихся сторонъ. Идетъ женихъ „во-дворъ", онъ безусловно имѣетъ рѣшающій голосъ въ семьѣ, *самъ* почти и *договаривается* рука объ руку съ матерью; за то невѣста его теряетъ долю активной роли: „не въ чужіе люди отдаетъ ее отецъ съ матерью: будетъ жить она *по-прежнему* — такъ нечего ее и спрашиваться, нечего потакать ея слезамъ дѣвичьимъ". Беретъ женихъ невѣсту въ домъ отца—тутъ ужъ онъ не обладаетъ тѣмъ полномочіемъ, какъ въ первомъ случаѣ. Новый человѣкъ принимается въ семью; хорошъ-ли онъ, плохъ-ли, это живой интересъ цѣлой семьи жениха, гдѣ онъ—только одинъ изъ членовъ, гдѣ есть родители, которые прежде всѣхъ должны блюсти общій интересъ. Оказались они (родители) слабы или податливы, тогда, за общій интересъ семьи, вступится одинъ изъ братьевъ жениха и, подъ угрозой раздѣла, не позволитъ ввести нежеланную „молодицу". Мы предположили два вида сватовства, но такое дѣленіе оказалось бы слишкомъ грубымъ, слишкомъ нецеремоннымъ для тѣхъ всевозможныхъ оттѣнковъ и разновидностей его, которыя существуютъ на самомъ дѣлѣ. Мы указали только на главные виды; эти виды имѣютъ свои подраздѣленія и развѣтвленія. Чтобъ не вдаваться въ мелочи и скучный разборъ ихъ, мы укажемъ только на главныя, опредѣляющія условія. Дѣло въ томъ, что характеръ сватовства, со всѣми его оттѣнками, всецѣло ставится въ зависимость отъ состава семей и ихъ матеріальныхъ отношепій. Сойдись бѣдный женихъ съ богатой невѣстой или наоборотъ, тутъ ужъ менѣе простора для ихъ активной роли: богатые родители не захотятъ породниться съ бѣдными и вліяніе молодежи оказывается въ большинствѣ случаевъ недѣйствительнымъ. Много значитъ и составъ семьи той и другой стороны; будь семья жениха большая — туда ужъ съ меньшей охотой идетъ невѣста и сами родители рѣдко насилуютъ ея волю въ такихъ случаяхъ: „тамъ тьма-тьмущая золовокъ со снохами: онѣ поѣдомъ съѣдятъ меня, горемычную", вопитъ дѣвушка — и родители внимаютъ ея голосу: зачастую отказываютъ жениху. Подобный составъ семьи (со множествомъ снохъ и сестеръ) нерѣдко бываетъ причиной того, что женихъ рѣшается оставить родительскій домъ и идти „во-дворъ" къ невѣстѣ: и „жизнь не въ жизнь будетъ ему, какъ съ женой станутъ грызться сестры, да снохи его". Отъ семейнаго и матеріальнаго положенія сторонъ вполнѣ зависитъ то обстоятельство, кому принадлежитъ иниціатива брака: отцу, матери, жениху (невѣстѣ) или остальнымъ членамъ семьи; кому изъ нихъ будетъ принадлежать иниціатива брака—тому и опредѣляющее вліяніе на характеръ сватовства. Сообразно этимъ 4-мъ случаямъ распадаются и виды сватовства. Самый обыкновенный изъ нихъ тотъ, гдѣ иниціатива принадлежитъ матери. Въ большинствѣ случаевъ она первая поднимаетъ вопросъ о бракѣ дѣтей, первая и разрѣшаетъ его такъ или иначе. Для этого она и сильнѣе, и компетентнѣе всѣхъ въ семействѣ. Она наперечетъ знаетъ всѣхъ невѣстъ по деревнѣ, знакома почти съ каждой родословной; и всегда найдетъ причину забраковать чужимъ выборомъ. Мы уже говорили, что самыя отношенія ея къ дѣтямъ слишкомъ тѣсны, слишкомъ близки, что-бы не отвести ей больше права и вліянія надъ ними. Крестьяне давно привыкли къ этому, давно привыкли отчислять сватовство къ разряду „бабьихъ дѣлъ" и рѣдко врываются въ ихъ компетенцію. Болѣе или менѣе однообразный матеріальный бытъ крестьянъ успѣлъ повліять на развитіе существенныхъ сторонъ брака. Тутъ нѣтъ причинъ заботиться главнымъ образомъ о матеріальной сторонѣ дѣла: „выкупъ" за невѣсту и скудное приданое ея установлено обычаемъ: сдѣлокъ тутъ почти никакихъ не требуется. Рельефнѣе выступаютъ тутъ наоборотъ чисто нравственныя, духовныя стороны, и забота о нихъ лежитъ на той же матери. Она ближе ко всему этому не по однимъ только „бабьимъ" познаніямъ, а потому что она выше мужчины въ нравственномъ отношеніи, болѣе развита его эстетически. Многое говоритъ вообще за иниціативу матери въ дѣлѣ браковъ: можно указать и на мотивы чисто практическіе. Домашній трудъ лежитъ, главнымъ образомъ, на женщинѣ; одновременно съ этимъ занимается она полевыми работами, не отстаетъ отъ „мужика" и въ луговой уборкѣ сѣна. Все это требуетъ большой затраты силъ, и лишняя женщина въ семьѣ никогда не мѣшаетъ крестьянину. Недостатокъ этотъ сильнѣе всего ощущается хозяйкой дома и, какъ только подростаетъ сынъ, она начинаетъ ужъ наводить его на вопросъ о женитьбѣ, склоняетъ къ этому мужа и прочихъ членовъ семьи [1]). Практическіе доводы ея въ такихъ случаяхъ сильнѣе всякихъ нравственныхъ доводовъ и, всегда почти,

[1]) Если живъ дѣдъ въ семьѣ брачущагося, отецъ этого послѣдняго спрашиваетъ у него совѣта: дастъ согласіе дѣдъ—и отецъ дать не прочь, не дастъ – противъ его воли идти не ладно.

Digitized by Google

уважаются семейными. Второй видъ сватовства болѣе древній—это тотъ, когда всѣ сдѣлки учиняются исключительно между родителями. Отецъ невѣсты не просватываетъ, а „пропиваетъ", какъ говорятъ, дочерей своихъ. И въ самомъ дѣлѣ: сдѣлки происходятъ тутъ обыкновенно по кабакамъ или шинкамъ, а результаты ихъ зависятъ болѣе отъ дружбы стариковъ, чѣмъ (не говоря уже о *взаимномъ* чувствѣ дѣтей) отъ *ихъ* сочувствія къ дѣтямъ [1]). Есть, положимъ, „всякіе отцы": „дѣло вершатъ" иногда лучше самихъ матерей,— но это ужъ будетъ исключеніе, а мы имѣемъ въ виду только типичныя явленія. Третій видъ сватовства, снаружи почти незамѣтный и блѣдный формами,—это тотъ, который обусловливается иниціативой дѣтей. Въ существѣ дѣла онъ чаще всѣхъ и тѣмъ дѣйствительнѣе, что совпадаетъ всегда съ первымъ видомъ, гдѣ иниціатива,— говорили мы — принадлежитъ матери. Мнѣ хотѣлось бы даже оговориться здѣсь, — назвать вообще вліяніе матери при бракахъ просто только юридическимъ, а за дѣтьми, въ томъ и другомъ (1-мъ и 3-мъ) случаѣ, признать практическую силу. Суть въ томъ, что мать рѣдко представляетъ тутъ серьозное препятствіе для дѣтей, рѣдко бываетъ открытымъ врагомъ ихъ желаній и вкусовъ; она, правда, часто противорѣчитъ имъ, добрыхъ сто разъ поругается съ ними до дня помолвки, но, въ концѣ концовъ, все-таки согласится, а мужу порой не подастъ и вида въ своемъ неудовольствіи. Къ силѣ дѣтей, выходитъ, тутъ присоединяется сила матери, а такой надежный союзъ всегда выигрываетъ въ семьѣ. Что касается 4-го вида сватовства, когда бракъ происходитъ въ интересахъ *цѣлой* семьи,—тутъ говорить много не приходится: явленіе это и рѣдко, и слишкомъ блѣдно, чтобъ заинтересовать наблюдателя.

Таковы виды сватовства, которые чаще всего встрѣчались мнѣ и показались наиболѣе типичными.

Читатель поинтересуется, можетъ быть, узнать, какими соображеніями руководятся крестьяне при выборѣ невѣстъ. Вкусы у нихъ болѣе или менѣе однообразны. Женихи ищутъ живыхъ, сильныхъ дѣвушекъ, чтобъ бровь была черная, грудь высокая, лицо „кровь съ молокомъ"! Въ умъ и характеръ они рѣдко вглядываются: все основываютъ на наслѣдственности: хороши мать съ отцомъ—стало-быть, и дочка ихъ съ хорошими задатками, а разбирать эти задатки „добру-молодцу не пристало". [1]) Нравственныя цѣли, повторяю, рѣдко преслѣдуетъ женихъ: всѣ его требованія въ этомъ случаѣ сводятся къ тому, чтобъ невѣста была „смирна". Слово это, положимъ, употребляетъ крестьянинъ въ самомъ широкомъ смыслѣ; сюда входитъ и понятіе покорности и здраваго разсудка и самой наконецъ добродѣтели смиренія. Женихъ съ своими вкусами, а мать его—съ своими; ему бы только красоту дѣвичью, а ей— побольше нравственныхъ достоинствъ: чтобъ не попалась въ снохи какое нибудь „веретено", [2]) „сорока пустая" [3]) иль „непочетница", а была бы „покорна да податлива; была-бъ охоча до дѣтей маленькихъ, могла бъ утѣшить на старости свекровь свою богоданную". Отецъ жениха рѣдко предъявляетъ свои требованія отъ будущей снохи.—„Не мнѣ съ ней жить, не мнѣ съ ней вѣкъ вѣковать"— такова ихъ обычная отговорка въ этомъ случаѣ. Иногда впрочемъ высказываютъ и они свои вкусы. Вкусы эти въ общихъ чертахъ сходны со вкусами свекрови, развѣ только погрубѣе и не такъ требовательны. Больше же всего пріятно имъ видѣть въ снохахъ рослыхъ и сильныхъ женщинъ; „чтобъ на всякую работу годилась: и щи вкусны варила и траву рядомъ съ мужемъ косила". Въ этомъ ихъ гордость и слава передъ остальными свекрами на селѣ. Значительно строже другихъ къ невѣстѣ будущія золовки ея: сестры и невѣстки жениха. Онѣ всегда требуютъ отъ нея такое множество добродѣтелей, которыхъ едва-ли совмѣщалъ въ себѣ и самый совершеннѣйшій человѣкъ въ мірѣ. И добродѣтель и пороки — одинаково должны уживаться въ ней, если хочетъ „молодая" прійтись по вкусу золовкамъ. Что бы ни „настряпали" онѣ въ отсутствіе „мужиковъ", — должна молчать, сдѣлали какое либо упущеніе „по домашности" — пополняй этотъ хозяйственный пробѣлъ, а жаловаться не моги: иначе будутъ звать наушницей, подха-

---

[1]) Въ Пенькахъ, Жуковкѣ и др. захолустныхъ селахъ Елат. уѣз. такое явленіе — самое обыкновенное и заурядное. Въ деревняхъ, близкихъ къ городу или къ селеніямъ однодворцевъ, отцы встрѣчаютъ наоборотъ серьозную оппозицію со стороны дѣтей, и время ужъ успѣло научить ихъ уступать дѣтямъ.

[1]) Здѣсь, какъ нельзя болѣе, сквозятъ остатки родового быта, когда, при бракахъ своихъ членовъ, семья глядѣла только на родъ, совершенно игнорируя отдѣльную личность: „что родъ то и племя", „хорошъ родъ, хорошо будетъ и отродье".

[2]) Веретено, вертопрахъ — неустойчивый въ нравственномъ отношеніи; противоположное качество—нерасхожій разумъ.

[3]) „Сорока пустая",—пустомеля, человѣкъ, любящій много болтать. Отъ невѣсты требуется больше молчанія; это лучшее выраженіе женской скромности.

Digitized by Google

лимомъ. О мужьяхъ ихъ должна собирать всякія свѣдѣнія и немедленно доносить обо всемъ; но попрекать тутъ чѣмъ нибудь,—Боже ее упаси! Глаза всѣ повыцарапаютъ, волосы повыдерутъ. Болѣе трезвыя требованія въ данномъ случаѣ сводятся къ тому, чтобъ „молодая“ была не горда, не заносчива, дружно жила бы только съ ними, въ одинаковой ненависти къ свекрови (свекровь и снохи рѣдко живутъ между собою въ согласіи); вмѣстѣ бы ее обманывала, за-одно проводила. Таковы требованія къ невѣстамъ 4-хъ главныхъ членовъ семьи, обладающихъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ иниціативой брака. Но крестьянскія дѣвушки обладаютъ подчасъ замѣчательной выдержкой: легко могутъ обмануться тутъ въ своихъ расчетахъ и золовки, и свекрови. Дѣвушки рано угадываютъ женіховъ своихъ и коль полюбится парень,—понравиться его родственникамъ пустое дѣло! Вся сила вліянія на дѣтей въ порѣ зрѣлости какъ мы сказали, всецѣло переносится на мать. Она, главнымъ образомъ, наводитъ дѣтей на мысль о бракѣ, внушаетъ глубину и святость этого таинства, толкуетъ о его необходимости въ жизни; руководитъ иногда выборами ихъ, вліяетъ на тѣ или другіе вкусы. Началось сватовство—она главное оффиціальное лицо въ немъ, и дѣйствуетъ какъ лучшій повѣренный интересовъ жениха или невѣсты. Поладитъ дѣло — тутъ только вздохнетъ немного счастливая мать: отведетъ душу на вечерахъ у свата. Канунъ и день брака опять полны трудовъ и заботъ: надо ублажать дѣвокъ, ежеминутно утѣшать „горемычную“ дочку, „снаряжать“ и „отпускать“ ее къ „суду Божію“. Обрядовая сторона лежитъ на тѣхъ же матеряхъ: онѣ слѣдятъ за ходомъ ихъ и строго смотрятъ, что бы не произошло какихъ либо упущеній и пробѣловъ въ ритуалѣ: тогда не будетъ ужъ такой „талики“ сынку иль дочкѣ ея. Всѣмъ руководитъ тутъ, повторяю, мать: свахи и дружки только помощники ея;—самъ супругъ подчасъ—простое орудіе ея воли.

Приступимъ теперь къ описанію свадьбы. Свадьбы въ нашей мѣстности двухъ типовъ: свадьба собственно крестьянская и однодворская. Тамъ, гдѣ живутъ тѣ или другіе отдѣльнымъ поселеніемъ – обряды ихъ чище, строже сохранили свою физіогномію и понятнѣе для наблюдателя. Тамъ, гдѣ однодворцы мѣшаются съ крестьянами или живутъ близко другъ къ другу—въ обрядахъ, какъ и во всемъ складѣ жизни ихъ, оказывается взаимодѣйствіе: каждый перенимаетъ у другого то, что болѣе нравится ему, болѣе приходится по вкусу и совпадаетъ съ матеріальнымъ благосостояніемъ. Богатый крестьянинъ отталкиваетъ свои обычаи и идетъ занимать ихъ у однодворца; бѣдный однодворецъ часто не гонится за своими; все ставитъ на крестьянскую ногу: такъ будетъ проще и дешевле. Одновременно съ тѣмъ какъ богатые мужики брали смѣлость присватываться къ „политичнымъ“ однодворцамъ, бѣднѣйшіе изъ этихъ послѣднихъ перестали гнушаться предложеніями первыхъ. Такіе смѣшанные браки стали замѣтны въ нашей мѣстности лишь 7, 10 лѣтъ назадъ и особенно повліяли на смѣшеніе обрядовъ. Явленіе это нѣсколько затрудняетъ изслѣдователя, затемняетъ для него истинное происхожденіе тѣхъ или другихъ обычаевъ. Нужно знать хотя бы одну изъ группъ населеній,—чтобы отдѣлить отъ формъ ея жизни все чужое и наносное. Я, лично, мало знакомъ съ однодворцами, мало видѣлъ цѣльной эту группу населенія и не рѣшаюсь поэтому распространяться объ ихъ обрядахъ. (У насъ, наприм., въ Саверкахъ однодворцы живутъ вмѣстѣ съ обѣднѣвшими барскими семьями, много переняли отъ нихъ обычаевъ цѣной утраты своихъ собственныхъ.)

Сколько я знаю, однодворцевъ Елатомскаго уѣзда можно раздѣлить на слѣдующія группы: или они подходятъ къ городскому населенію (мѣщанамъ), или уподобляются крестьянамъ, или, наконецъ, представляютъ нѣчто среднее между тѣми и другими. Въ основѣ лежитъ вообще смѣсь разныхъ элементовъ—отсюда и смѣсь обычаевъ. Это даетъ мнѣ поводъ заключить, что бытъ населенія однодворцевъ вообще—крайне безъинтересный предметъ для изученія.

Такъ будемъ говорить лучше о средѣ чисто-крестьянской. Тутъ мужикъ крѣпче держится за традиціи, бережнѣе обходится съ завѣтомъ старины и сохраняетъ иногда въ цѣлости самые исконные русскіе обычаи.

Говоря о свадебныхъ обрядахъ, мы *наперед условимся имѣть въ виду свадьбы только крестьянскія.* На бракъ крестьянинъ смотритъ съ трехъ точекъ зрѣнія: съ религіозной, нравственной и матеріальной; на каждую обращаетъ серьезное вниманіе. Слабѣе, сравнительно, дѣйствуютъ здѣсь взгляды религіозные. Бракъ—главное условіе порядочности человѣка, его матеріальнаго благосостоянія и вѣса въ обществѣ. Не женятся въ селахъ только физическіе и нравственные уроды, да „забубенныя головы“, кои „завертятся“ смолоду, забудутъ страхъ Божій и наставленія родительскія. Такихъ людей презираютъ въ обществѣ и клеймятъ самыми позорными именами; ни дѣвка, ни баба не упустятъ случая посмѣяться надъ нимъ. Прозы-

Digitized by Google

ваютъ вѣкоушей, вслухъ выражаютъ свои догадки о физическомъ уродствѣ. Такіе строгіе взгляды на безбрачіе обусловливаются экономическимъ бытомъ крестьянъ. Каждый изъ нихъ живетъ подушнымъ надѣломъ; чѣмъ больше у него дѣтей, тѣмъ больше земли и шире хозяйство. Кто не женился—тотъ становится въ неопредѣленныя отношенія къ обществу. Это не только не подойдетъ подъ складъ обычной жизни крестьянина, а прямо идетъ въ разрѣзъ съ нимъ; подрываетъ самые принципы организаціи сельской общины, какъ-то рѣзко и непріятно диссонируетъ съ ними. Мужикъ привыкъ видѣть въ мужикѣ прежде всего домовитаго человѣка, живущаго своимъ домомъ и семействомъ. Разъ онъ не видитъ этого—онъ затрудняется даже назвать по-имени такое явленіе: до того непривычно-рѣзко рябитъ оно въ глазахъ его.

Экономическія невыгоды безбрачія сдѣлали его почти невозможнымъ въ глазахъ крестьянина; онъ не можетъ представить себѣ холостой жизни земледѣльца. „Въ нашемъ быту, говоритъ онъ, безъ бабы никакъ невозможно: хозяйства порядкомъ не заведешь, домъ пойдетъ прахомъ, чего добраго и самъ завертишься; да и какая то жизнь: сиди весь вѣкъ бобылемъ; никто тебѣ привѣтнаго слова не скажетъ, никто не присмотритъ на старости лѣтъ, а умрешь—и похоронить некому будетъ!“ Такова самодѣльная философія крестьянина. Среди другихъ мотивовъ тутъ слышится и желаніе чисто нравственной, духовной поддержки жены; безъ этой надежной подруги онъ боится вступить на жизненный путь свой, труситъ одиночества.

Браки въ селахъ совершаются въ очень раннемъ возрастѣ; рѣдко-рѣдко встрѣтишь невѣсту за 20, а жениха за 25 лѣтъ; сильный, полный здоровья и свѣжести крестьянинъ менѣе всего стѣсняется возрастомъ. Въ 15 лѣтъ дѣвушка „заневѣстилась“ — смѣло засылай къ ней сватовъ, а чрезъ годъ честнымъ пиркомъ и за свадебку. Парню тоже не резонъ засиживаться; погулялъ лѣтъ до 18 и довольно: время „законъ принять“, своей семейкой обзаводиться; не все ему за отцовской шеей жить, пора самому „за разумъ“ браться, снимать со старины заботы по хозяйству. У насъ нигдѣ не дожидаются даже узаконеннаго возраста, и, не смотря на увѣщанія, одолѣваютъ священниковъ просьбами о ходатайствѣ. На каждые 5 браковъ обыкновенныхъ всегда придется 1 бракъ не разрѣшенный, когда невѣстѣ или жениху не хватаетъ полгода до установленнаго возраста. Сватовство происходитъ обыкновенно за годъ и за полгода; иногда впрочемъ и раньше—года за $1\frac{1}{2}$, 2, если боятся упустить хорошаго жениха или невѣсту. Сватовство такое рѣдко бываетъ оффиціальнымъ и происходитъ все больше келейно, между одними родителями. Сойдутся хорошо два семейства, подберется добрая парочка молодыхъ людей—вотъ и „пошабашутъ“ дѣло взаимнымъ обѣщаніемъ породниться. Обѣщаніе держится крѣпко, оно нерушимо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ обѣднѣетъ или потерпитъ другое какое несчастіе. „Грѣшно будетъ нарушить слово, хоть люди его не слышали, за то свидѣтелемъ Богъ: Онъ можетъ покарать гордыхъ родителей „не дать талики дѣтямъ“. Такіе сговоры особенно развиты въ сосѣднихъ намъ селахъ: Питалинѣ, и Мочалахъ. Тамъ сватанье происходитъ открыто. Всѣмъ становится извѣстнымъ, что такого-то двора 14 лѣтняя дѣвочка стоворена за такого-то 15 лѣтняго мальчика. Сзывается кругъ родныхъ невѣсты, тутъ и произносятся вслухъ взаимныя обѣщанія сторонъ. Никто этому особенно не удивляется: всѣ считаютъ ихъ съ этихъ поръ близкими семействами, а мальчугана съ дѣвочкой—женихомъ съ невѣстой. Сравнительно дольше удержался тамъ этотъ обычай потому, что въ составъ населенія вошли полуземледѣльческіе и полуремесленные крестьяне. Они живѣе ощущаютъ практическій интересъ связей и всегда спѣшатъ предупредить сватовство къ богатымъ родителямъ. Подтверждается это тѣмъ, что наряду съ такимъ раннимъ сватовствомъ частенько бываютъ тамъ и поздніе браки: явленіе обратное, но причины его тѣ же самыя—практическіе виды родителей. Не представляется выгоднаго брака—нечего и спѣшить имъ: надо выжидать болѣе благопріятнаго случая. Въ Мочалахъ и Питалинѣ — передавали мнѣ—не такъ еще давно (лѣтъ 15, 20) происходили и самые ранніе браки. Возрастъ брачущихся не превышалъ иногда 12, 13 лѣтъ. На этотъ счетъ сохранилось много разсказовъ: какъ живетъ мололая чета, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ родителямъ той и другой стороны и т. п... Молодая сохраняетъ почти прежнюю связь съ своимъ домомъ: ей носятъ куколъ, ублажаютъ гостинцами, мать даже ночуетъ постоянно у дочки въ сватьиномъ домѣ. Женихъ въ свою очередь сохраняетъ старыя отношенія къ отцу; никакихъ новыхъ правъ съ женитьбой онъ не пріобрѣтаетъ; родители все также треплютъ его за уши, не поцеремонятся наказать и розгой за крупную шалость. Невѣсты они

Digitized by Google

рѣдко касаются: *при ней своя* мать—столь же строгая и нецеремонная. Молодые сначала дичатся другъ друга, плачутъ даже первое время и живутъ страшными врагами. Потомъ мало по малу сходятся какъ дѣти: бѣгаютъ, играютъ вмѣстѣ. Въ зажиточныхъ семьяхъ къ нимъ приставлялась какая нибудь дальняя родственница—старушка; она была всегда неотлучна при молодой парочкѣ: затѣваетъ для нихъ игры, разсказываетъ сказки, миритъ при ссорахъ, разнимаетъ въ дракахъ. День молодые рѣзвятся — вечеромъ идутъ спать, каждый въ свою половину: молодая съ матерью (или со старушкой), женихъ съ своими родителями. Годикъ-другой ихъ разъединяютъ,—не кладутъ въ одной комнатѣ. Потомъ мало-по-малу начинаютъ снимать контроль старшихъ: старушка чаще и чаще оставляетъ ихъ однихъ; родители стараются быть къ нимъ благосклоннѣе: постепенно разъясняютъ имъ супружескія отношенія, стараются отвлечь отъ дѣтскихъ игръ и забавъ. Мать жениха внушаетъ своему сыну; мать невѣсты учитъ уму-разуму свое дѣтище. Когда доходило до щекотливыхъ вопросовъ—дѣло поручалось всегдашнему посреднику молодыхъ—старушкѣ. Что касается отношенія возрастовъ молодыхъ, то, въ большинствѣ разсказовъ на этотъ счетъ, выдается одинъ любопытный фактъ; отношенія эти какъ разъ обратны теперешнимъ. Невѣста бывала обыкновенно и развитѣе и старше жениха; за 13 лѣтняго мальчика часто выходила 16 и 17 лѣтняя дѣвушка. До сихъ поръ сохранились шутливые разсказы о томъ, какъ молодая жена носила въ передникѣ своего маленькаго супруга, отбивала отъ уличныхъ мальчишекъ и т. п. Не знаютъ только, что сказать объ ихъ отношеніяхъ: такъ же ли скромно слѣдятъ за молодыми старшіе: приставляютъ-ли къ нимъ разныхъ старушекъ или предоставляютъ имъ полную свободу, — сразу допускаютъ супружескія отношенія. По духу разсказовъ скорѣе можно склониться къ послѣднему; гарантія для родителей—достаточно зрѣлости одного изъ супруговъ, чтобъ не безпокоиться особенно за ихъ отношенія. Слабый контроль тутъ можетъ быть и существовалъ, но онъ все же не измѣнялъ самого характера отношенія (такихъ супруговъ)... Не много прошло съ тѣхъ поръ, а далеко ушло время и для крестьянина. Теперь такіе браки живутъ только въ разсказахъ, слышатся въ шутливыхъ бесѣдахъ о причудливой старушкѣ. Не нужна крестьянину переступившая время зрѣлость, плохая невѣста для него и слабая „глупенькая дѣвочка, не успѣвшая собраться съ умомъ-разумомъ“ раскинуться сѣлками. Она и работница плохая будетъ и жена ненадежная. „Изъ подъ вѣнца прямо въ хомутъ должна быть готова молодая, а не даромъ ѣсть хлѣбъ у свекра, служить одной потѣхой мужниной“. Земледѣльцу не надо мѣшкать женитьбою, не слѣдъ и спѣшить ею особенно; нечего бояться упустить ту или другую невѣсту; достатки у всѣхъ почти одинаковые; невѣстъ богатыхъ на селѣ не водится; упускать жениху тутъ, стало быть, нечего. Придетъ время найдутся и родители честные и дѣвка добрая: „не занимать-стать этого добра на селѣ“. Пошелъ парню 19-й годъ, тогда приспѣло время, надо свахъ засылать. Невѣсты рѣдко бываютъ старше 18, 19-ти лѣтъ, чаще всего 16-ти, 17-ти, иногда даже 15½; въ 20 лѣтъ дѣвушкой начинаютъ браковать: есть стало-быть недостатки, коль цѣлыхъ 4 года „сидитъ въ дѣвкахъ“; а переступитъ еще два года, тогда и калачомъ не заманешь парня: зазорно будетъ жениться на „перестаркѣ“, стыдъ на селѣ показаться съ ней. Незавидна бываетъ доля этихъ перестарокъ, хотя лѣтъ до 26—7-ми у нихъ не отнимается еще надежда выйти замужъ; на этотъ случай есть другіе женихи, въ свою очередь забракованные невѣстами. Сюда относятся парни плохаго рода, раззорившихся семействъ, слабые здоровьемъ или крайне безнравственные, прослывшіе на селѣ за „непутящихъ“. Такіе молодцы живутъ холостыми иногда до 28 и 30 лѣтъ и всегда готовы жениться на перестаркѣ. Есть и другой исходъ для перестарокъ — пойти за вдоваго. Эти уже навѣрняка не откажутся, за честь почтутъ жениться на дѣвушкѣ; но перестарки бракуютъ больше такими женихами; помимо другихъ причинъ тутъ мѣшаютъ дѣвушкамъ нѣкоторыя предубѣжденія, суевѣрія даже если хотите. Введу маленькое объясненіе. Случаи смертности въ молодыхъ годахъ болѣе чѣмъ рѣдки среди крестьянъ. Смерть привыкъ видѣть мужикъ только въ старости: „похитить“ человѣка въ молодости она можетъ только по особому насланію Божьему — въ какихъ нибудь несчастныхъ случаяхъ. Если ничего подобнаго нѣтъ и человѣкъ, въ полномъ разцвѣтѣ силъ, умираетъ отъ невидимыхъ причинъ, крестьянинъ видитъ тутъ что-то „неладное“, „недоброе“. Онъ менѣе всего склоненъ объяснить дѣло физіологически и ищетъ тутъ присутствіе чего-то сверхъестественнаго, „вражьяго“; дѣло происходитъ не какъ „изволенно“ Божеству, а только по Его „попущенію“: работаетъ тутъ одна злая сила. Сила эта дѣйствуетъ или непосредственно въ лицѣ разныхъ домовыхъ и

Digitized by Google

кикиморъ или чрезъ злыхъ, подвластныхъ ей, людей. Люди эти колдуны, обладающіе *извѣстными* [1]) волшебными чарами, могущіе призывать къ себѣ самихъ злыхъ духовъ въ случаѣ надобности. Этой-то силѣ въ разныхъ проявленіяхъ ея приписываетъ крестьянинъ тѣ или другіе случаи смертности въ молодыхъ годахъ въ „недобромъ“. Если умерла невѣста въ семействѣ, родители оплакиваютъ тутъ двойное горе: потерю дочери и потерю стараго положенія въ обществѣ: на селѣ навѣрно пойдутъ всевозможные слухи и розсказни касательно несчастнаго семейства; тутъ услышите вы всевозможныя предположенія: и касательно „порчи“ покойной, и о „гнилости“ рода, предрасположенности его къ недугамъ и т. п. Остались сестры или братья покойной, — можно быть увѣреннымъ, что ни одна сваха не заглянетъ къ нимъ, не переступитъ порогъ злосчастнаго дома. Если дѣвушка вышла за-мужъ и чрезъ годъ-другой неизвѣстно отчего умерла – простора для суевѣрій еще больше. Чего только не наболтаютъ тутъ досужія бабы въ объясненіе такой быстрой смерти молодицы! Однѣ говорятъ: не ко двору пришлась,—домовой задушилъ [2]); другія во всемъ обвиняютъ супруга: мужъ нечистъ [3]),—онъ свелъ въ гробъ молодицу. Изъ боязни поминать лихомъ покойника большинство склоняется на сторону тѣхъ, кои видятъ корень зла въ мужѣ; всѣ наперерывъ стараются обвинять его и разносятъ по селу ужаснѣйшіе слухи: будто по ночамъ онъ страдалъ падучей, бѣсновался съ пѣной у рта, привязывалъ жену къ кровати, запиралъ въ подполъ и т. п. Для пущаго эффекта всѣ эти басни подкрѣпляютъ иногда обильными фактами, и не безъ успѣха; всѣ охотно вѣрятъ этимъ розсказнямъ и, въ свою очередь, передаютъ ихъ другимъ съ необходимыми дополненіями. Личность вдовца получаетъ такимъ образомъ подозрительный оттѣнокъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣвушки всегда брезгуютъ подобными женихами. Лучше остаться въ дѣвкахъ, чѣмъ занять мѣсто покойной молодицы: первую жену замучилъ—замучитъ и вторую. Вдовцы рѣдко и присваиваются къ дѣвушкамъ, особенно когда остались дѣти отъ первой жены: плохія онѣ матери чужимъ дѣтямъ. Въ 30, 35 лѣтъ бездѣтный вдовецъ рѣдко и женится: помимо другихъ грустныхъ мотивовъ, тутъ сдерживаетъ его извѣстное предубѣжденіе противъ святости 2-го брака. На 1-й бракъ крестьянинъ смотритъ какъ на глубокое таинство, какъ на освященную основу предсупружеской жизни; нарушилась эта основа, со смертью жены—такъ, стало-быть, самому Господу было угодно, надо терпѣть несчастье и нести крестъ, указанный самимъ Провидѣніемъ. Пытается человѣкъ создать новую основу семейной жизни—этимъ онъ только доказываетъ свою слабость, робость передъ несчастьемъ; церковь соединитъ его новыми узами, но бракъ этотъ будетъ не отъ *Бога*, а отъ людей; не будетъ безусловно освященъ Его Святою Волей; Богъ только „попускаетъ“ этотъ „людской“ бракъ ради слабости человѣческой. Онъ отнималъ жену не для того, чтобъ дать другую, а ради того, чтобы несчастьемъ искупить грѣхи живого супруга, или испытать его. Только въ 1-мъ бракѣ видитъ онъ прямую волю Бога, во 2-мъ одно Его „попущеніе“, въ 3-мъ совсѣмъ какъ бы отрицаетъ присутствіе святыни, называетъ его бракомъ „отъ черта“. Оговорюсь нѣсколько; онъ не то чтобы отрицаетъ святое (церковный обрядъ онъ не можетъ не признавать), а видитъ тутъ человѣка еще болѣе слабымъ, болѣе грѣшнымъ предъ Богомъ. Смертью второй жены Господь какъ бы напоминаетъ ему о томъ пути, который раньше еще назначенъ ему Провидѣніемъ; если и тутъ онъ явится ослушникомъ, поддастся страстямъ своимъ, — онъ служитъ скорѣе врагу рода человѣческаго и самый бракъ называется бракомъ отъ черта. Изъ этого религіознаго предубѣжденія крестьянина само собой вытекаютъ взгляды его на счастье въ бракѣ. Въ 1-мъ бракѣ, какъ въ изволеніи Божіемъ, онъ видитъ и главный залогъ счастья; во 2-мъ бракѣ онъ совсѣмъ не видитъ дара свыше и самое большее, что предполагаетъ въ немъ, это достиженіе практическихъ цѣлей; въ 3-мъ бракѣ отрицается и это послѣднее; имъ безусловно выражается служеніе страстямъ и дьяволу (о счастьѣ говорить тутъ не мѣсто). Религіозное предубѣжденіе хотя и живетъ среди крестьянъ, но сдерживаетъ ихъ развѣ отчасти только. Мужикъ не признаетъ святости 2-го и 3-го брака только тогда, когда не отыскиваетъ въ душѣ ничего кромѣ одной страсти; если же и тамъ и тутъ преслѣдуется практическая цѣль—тогда бракъ является дѣломъ житейской необходимости и грѣха тутъ никакого особеннаго не будетъ. Практическая необходимость можетъ явиться напр., когда останутся дѣти отъ 1-й и 2 й жены; мужику надо работать, ему не время нянчиться съ ними:

[1]) Всѣми чарами обладаетъ только „самъ“.

[2]) Есть повѣрье, что людей и животныхъ „не ко двору“ домовой душитъ и всячески мучитъ по ночамъ.

[3]) Духовно и физически.

Digitized by Google

обзавестись „бабой“ первое дѣло въ его положеніи. Другое дѣло бездѣтный вдовецъ; для него нѣтъ уважительной причины къ браку; онъ если и женится, то развѣ для потѣхи собственной: это будетъ грѣшно, тутъ ужъ врагъ попуталъ человѣка. Отсюда понятно, почему избѣгаютъ вдовцы присватываться къ дѣвушкамъ: въ такомъ случаѣ сомнительнѣе всего цѣли жениха и само общество недовѣрчиво глядитъ на нихъ, неодобрительно встрѣчаетъ такіе браки. Особенныхъ упрековъ заслуживаютъ люди почтенныхъ возрастовъ: за 30 и 35 лѣтъ; тутъ нечѣмъ уже и оправдаться человѣку, коли „сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро“ [1]). Коли вдовецъ хорошій человѣкъ, онъ долженъ искать въ женѣ только хорошую хозяйку и добрую мать дѣтямъ; къ чему тутъ дѣвка? надо брать бабу опытную, разумную, вкусившую семейной жизни; вдовы самыя подходящія невѣсты въ такихъ случаяхъ, а бракъ съ ними—лучшее доказательство „степенности“ жениховъ.

При описаніи посидѣлокъ мы видѣли, какъ сходятся парни съ дѣвушками; — сами выбираютъ себѣ своихъ суженыхъ. Въ большинствѣ случаевъ такъ и начинается дѣло. Парень говоритъ объ этомъ матери, а та старается воздѣйствовать домашнимъ образомъ на отца. Нѣчто подобное, въ меньшей степени развѣ, происходитъ единовременно и въ домѣ будущей невѣсты. Родители довольствуются тутъ одной ролью опытныхъ руководителей, провѣряютъ выборъ дѣтей и указываютъ на тѣ или другіе его недостатки. Часто происходятъ тутъ несогласія, но и тутъ большею частью уступаютъ родители. За послѣднее время все болѣе и болѣе обозначаются границы ихъ дѣйствительной власти, при этомъ все яснѣе опредѣляются скудныя требованія родителей, коимъ не смѣютъ еще не удовлетворять дѣти. Требованія эти незначительны: будущій супругъ долженъ быть хорошаго роду, не близкій родственникъ, съ честнымъ хорошимъ именемъ на селѣ. Требованіямъ этимъ удовлетворить не трудно тѣмъ болѣе, что понятіе о хорошемъ родѣ весьма растяжимо для крестьянина и на этомъ пунктѣ легче всего примириться. Каковы дѣтки, впрочемъ. Нѣкоторые парни не дѣлаютъ и этой скудной уступки старинѣ. Объявляетъ прямо, что люба ему на селѣ только одна дѣвка—и дѣло съ концомъ: ни съ чѣмъ останутся тутъ и самые суровые родители. Гораздо труднѣе въ этомъ случаѣ положеніе дѣвушки. Въ умственномъ развитіи женщина вообще далеко отстала отъ мужчины, въ глазахъ его она попрежнему нѣчто въ родѣ дополненія къ нему и никогда не должна обладать одинаковыми правами. Многія дѣвушки не смѣютъ даже заикнуться предъ родителями о своемъ сердечномъ выборѣ и скромно отвѣчаютъ только на ихъ предложенія: „на все-де ваша родительская воля, а я *вольна* только покорствовать“. Слезы—единственный протестъ невѣсты, ея единственное нравственное орудіе противъ суроваго батюшки. Но эта юридическая слабость невѣстъ не исключаетъ однако нѣкоторой доли фактической силы ихъ; силу эту полагаютъ они въ женихахъ своихъ. Какъ жалки и слабы онѣ предъ родителями, такъ сильны и энергичны въ своемъ вліяніи на излюбленнаго парня. Въ этихъ отношеніяхъ всегда первенствующая роль принадлежитъ дѣвушкѣ; приглянись она хотя немного парню, она уже сумѣетъ его сдѣлать орудіемъ своихъ желаній, сумѣетъ добиться при его помощи самыхъ завѣтныхъ цѣлей. Она создастъ такую конструкцію отношеній той и другой стороны, что дѣло навѣрняка увѣнчается бракомъ. Хитрость не оставляетъ ее до конца дѣла: все постарается скрыть она отъ старшихъ; никому и въ умъ не придетъ, гдѣ лежитъ иниціатива брака. Сравнительно сильнѣе родительскій авторитетъ тамъ, гдѣ предстоитъ другого рода препятствіе къ браку—духовное или кровное родство брачущихся. Да и то впрочемъ *какъ гдѣ*. Въ Темиревѣ, Пенькахъ и Поселкахъ можно вѣнчать съ 4-го колѣна. Всѣхъ колѣнъ насчитывается 7, 8. (1-е колѣно — родные братъ съ сестрой 2-е—двоюродные и т. д...) Первыя три степени — сравнительно близкое родство, 4-е „изъ роду вонъ“: къ вѣнцу вези смѣло [1]). Дѣленіе до 7-го именно колѣна имѣетъ тотъ смыслъ, что цифра 7 здѣсь конечный предѣлъ такъ называемому „сродству“. Сродство—это кругъ родныхъ извѣстнаго *двора*, начиная съ самыхъ высшихъ и до низшихъ степеней родства. Происходятъ ли въ дому крестины, свадьба или другой какой нибудь торжественный случай, „сродство“ это сзывается въ полномъ составѣ и, чѣмъ больше оно, тѣмъ больше гордости у хозяевъ, составляющихъ въ данный моментъ, какъ бы

[1]) Не имѣетъ ли это выраженіе какой либо связи съ церковнымъ преданіемъ о сотвореніи первой жены?

[1]) 5 и 6 колѣно — „родня съ боку припеку“; 7 и 8 „нашей природы“. Тутъ замѣчается впрочемъ маленькое колебаніе; если родство идетъ по мужской линіи—избѣгаютъ вѣнчаться до 5-го колѣна, если по женской — можно и съ 3-мъ.

Digitized by Google

главный центръ обширнаго родственнаго круга. Въ селахъ впрочемъ различно дѣленіе, какъ различны самые предѣлы „близкаго“ и „дальняго“ родства. Въ Петелинѣ, напримѣръ, различается больше 5, 6 колѣнъ „сродства“; на случай брака вычеркиваются тамъ развѣ два первыя; троюродные братъ съ сестрой могутъ вѣнчаться, не погрѣшая противъ обычая. Въ Петелинѣ былъ случай замужества двоюродныхъ братьевъ съ родными сестрами [1]) и никто особенно не былъ возмущенъ этимъ. Въ объясненіе прошу припомнить сказанное раньше о составѣ и характерѣ тамошняго населенія: крестьянская среда въ Петелинѣ, какъ въ базарномъ селѣ, утратила чистый видъ крестьянской семейной общины и носитъ характеръ торгово-ремесленный. Въ такихъ селахъ слабѣетъ старина, быстро таютъ самые коренные обычаи; слабѣютъ и принципы нравственные, и принципы религіозные. Отсюда и эта нецеремонность въ различеніи степени родства при бракахъ. Въ Темиревѣ напримѣръ, (при чисто земледѣльческомъ характерѣ населенія) болѣе чѣмъ возмутились бы бракомъ родныхъ сестеръ съ двоюродными братьями, да никто никогда не согласился бы на него: жениться такимъ образомъ — значитъ стать врагомъ себѣ и будущимъ дѣтямъ. Не будутъ жить въ согласіи такіе супруги, прахомъ пройдетъ у нихъ все хозяйство, [2]) не пошлетъ Богъ талики и дѣтямъ. Впрочемъ и у насъ тутъ сказывается нѣкоторая двойственность во взглядахъ. Во 2-мъ и 3-мъ колѣнѣ жениться непростительный грѣхъ, а въ 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ поощряются браки самими стариками (хранителями старины). Если отецъ семейства имѣетъ въ виду женить сына на какой нибудь изъ двухъ дѣвушекъ на селѣ, то онъ остановится скорѣе на той, которая „ихъ природы“ — состоитъ въ родствѣ ихъ двору въ 7-мъ или 8-мъ колѣнѣ. Отказываюсь объяснять такую двойственность: можетъ быть это остатокъ родового быта, можетъ быть что и другое. Духовное родство различается для браковъ гораздо строже, чѣмъ кровное. Не говоря уже о кумѣ съ кумомъ, дѣти ихъ—братъ съ сестрой и не могутъ вѣнчаться другъ съ другомъ. Церковь тутъ церковью, а обычай—обычаемъ; бокъ-о-бокъ слѣдитъ онъ за этимъ и безусловно воспрещаетъ подобные браки. Преступная *связь* и *бракъ* тутъ различаются; строже бичуются послѣдніе: въ нихъ видятъ какъ бы двойной грѣхъ: грѣхъ кровной связи и новой духовной связи (брачной), совершенно уничтожающей прежнюю духовную связь предъ тѣмъ же алтаремъ. Человѣкъ будто шутитъ здѣсь святыми обрядами церкви, если дерзаетъ уничтожать ихъ другими. Этимъ можно объяснить отчасти и тотъ фактъ, что случай связи духовно-родныхъ гораздо чаще, чѣмъ браки въ тѣхъ же отношеніяхъ.

Продолжаемъ прерванное о брачныхъ обрядахъ. Мы замѣтили раньше, что родители возбуждаютъ сватовство и чинятъ браки дѣтей только формально: всему тутъ причиной сами женихъ и невѣста. Формальная сторона тамъ безусловно входитъ въ область родительскаго авторитета. Дѣло обсуждается двоякимъ образомъ, смотря по той или другой степени развитія семейныхъ отношеній. Чаще всего бываетъ такъ: послѣ совѣта съ отцомъ мать предлагаетъ сыну жениться, иногда указываетъ при этомъ на невѣсту. Сынъ большей частью не прочь отъ женитьбы, и, какъ бы вскользь, при этомъ пускаетъ фразу: такая-то дѣвка хорошей была бы *снохой* ей, она, дескать, и роду хорошаго и дурного про нее не слышешь. Не обойдется разумѣется безъ обычнаго спора между сыномъ и матерью; но послѣдняя всегда сдается и является предъ отцомъ его надежной ходатайницей. Подумаютъ старики день-другой, посовѣтуются, съ дѣдомъ жениха, поразспросятъ людей, а тамъ скоро готово и обычное рѣшеніе—засылать сватовъ къ избранной дѣвушкѣ. Другой видъ возбужденія браковъ по существу значительно разнится отъ перваго. Родители сами подыскиваютъ невѣсту и предлагаютъ ее сыну *одновременно* съ вопросомъ о женитьбѣ. Сынъ можетъ и согласиться и не согласиться (рѣдко дѣйствуютъ тутъ особымъ принужденіемъ), но за то не смѣетъ пикнуть о той дѣвушкѣ, которую облюбовалъ онъ гдѣ-нибудь на игрищахъ или посидѣлкахъ. Родители посердятся-посердятся, а все таки оставятъ въ покоѣ непокорнаго сына. Пройдетъ мѣсяцъ, другой—отецъ предлагаетъ новую невѣсту; если послѣдуетъ опять старый отвѣтъ — отецъ, что называется „отступается“ отъ сына и между ними возстановляются холодныя, почти враждебныя отношенія. Примирителемъ является всегдашній посредникъ — мать. Въ какіе нибудь полгода она уладитъ все дѣло и побѣда остается всегда на сторонѣ сына. Жаль только, что такіе браки

[1]) Тутъ различается родство по женской и по мужской линіи; родство по этой послѣдней гораздо ближе; отсюда родным *сестрам* скорѣе простительно выйти за двоюродныхъ братьевъ чѣмъ на оборотъ.

[2]) Существуетъ повѣріе, что жена — родственница должна умереть отъ 1-хъ же родовъ.

Digitized by Google

рѣдко бываютъ счастливы. Примиряются отецъ съ сыномъ больше наружно, во имя необходимости, и затаенная вражда нерѣдко вспыхиваетъ послѣ брака. Введетъ сынъ нежеланную сноху и пойдутъ въ домѣ всевозможныя непріятности; хорошо еще, если мать за сына, а то бѣда: волей-неволей придется выйти молодымъ изъ родной хаты, да обзаводиться своей собственной. А съ этого момента пойдутъ, чего добраго, упреки молодой женѣ; изъ-за нея де приходится бросить родителей, терпѣть нужду и т. п. Непріятности, какъ водится, идутъ далѣе и легко могутъ породить новое несчастіе. Всѣ эти невыгоды жениться противъ воли родителей и поддерживаютъ отчасти старую власть родителей надъ дѣтьми. Не будь этой матеріальной зависимости, измѣнись хотя немного экономическій складъ крестьянской жизни — и вы увидѣли бы, какъ открыто и безцеремонно стали бы заявлять дѣти о своей свободѣ — требовать законныхъ правъ своихъ.

Когда порѣшатъ въ семействѣ вопросъ о выборѣ невѣсты, посылаютъ за какой нибудь родственницей - старушкой (чаще всего за теткой жениха) и сообща упрашиваютъ ее идти свахой. Потчуютъ и ублажаютъ ее тутъ до-нельзя. Она обыкновенно соглашается, и на другой же день, разрядившись въ пухъ и прахъ, бредетъ въ домъ невѣсты. Чинно переступаетъ она черезъ порогъ дома, чинно помолится Богу и откланяетя хозяевамъ. И по одеждѣ, и по особой важности въ разговорѣ и движеніяхъ сейчасъ же узнаютъ „откуда эта птица“ и съ какимъ порученіемъ „прилетѣла“. А кто не догадливъ—у бойкой свахи всегда держатся про запасъ особыя аллегоріи. Сейчасъ же, послѣ обычныхъ привѣтствій, произнесетъ иная многозначительно: „не было снѣга—не было слѣда; снѣгъ выпалъ и слѣдъ къ невѣстамъ выпалъ“. Тутъ поймутъ и самые недогадливые хозяева, на что намекаетъ баба. Мигомъ накрываютъ столъ, уставятъ его всевозможными яствами и часикъ-другой избѣгаютъ говорить прямо о дѣлѣ: все потчуютъ, да ублажаютъ сваху, чтобъ не было покору „столу хозяйскому“, нечѣмъ было бы попрекнуть ихъ гордой свахѣ; а первымъ заговорить—упаси Боже, никогда не позволятъ себѣ хозяева: таковъ ужъ характеръ вообще сельскаго гостепріимства; начнетъ сваха — тогда другое дѣло. А сваха все сидитъ, да кушаетъ, закидывая удочки и аллегоріи. Поѣстъ, какъ слѣдуетъ, чинно встанетъ и помолится Богу, чинно поблагодаритъ всѣхъ за угощеніе и тогда только приступаетъ къ дѣлу. Въ открытую однако не идетъ еще дѣло: самое предложеніе начинаетъ сваха съ аллегоріи: „ изъ такого-то двора (точное указаніе его) пропала лебедь бѣлая, не къ вамъ ли на дворъ она сѣла хозяюшки?“ Если родители невѣсты имѣютъ какія либо причины отказать жениху — они прерываютъ сваху на ея фразѣ и довольно рѣзко спѣшатъ отвѣтить: „не знаемъ, *роднáя*, куда залетѣла лебедь ваша бѣлая, къ намъ не прилетала!“ Сваха спѣшитъ удалиться, наговоривъ при этомъ тысячу дерзостей, и дѣлается съ этихъ поръ открытымъ врагомъ гордому дому.

Если же родителямъ по-сердцу женихъ, мать невѣсты уклончиво отвѣчаетъ свахѣ ласковымъ тономъ: „не знаемъ, *сваха любезная*, можетъ быть и залетѣла къ намъ лебедь ваша бѣлая!“ Слѣдуетъ новый, уже болѣе прямой вопросъ со стороны свахи: не желаютъ ли *„родичми“* сдѣлаться. Мать отвѣчаетъ въ томъ же уклончивомъ духѣ: „такой родней мы не брезгуемъ, приходите завтра: я *невѣсты спрошусь*.“ Все дѣло тутъ происходитъ исключительно между свахой и матерью: отецъ въ большинствѣ случаевъ рѣдко и присутствуетъ, а если и присутствуетъ, то никакихъ полномочій не имѣетъ: добрая сваха и толковать съ мужикомъ не станетъ. Я говорилъ ранѣе, повторяю еще разъ, что сначала самого сватанья и до послѣдняго брачнаго обряда дѣтей, первенствующая роль вездѣ принадлежитъ одной матери; она напутствуетъ дѣтей къ таинству брака, даетъ нравственные и практическіе совѣты для предстоящей ихъ новой жизни. Ей всего лучше, наконецъ, знакома обрядовая сторона дѣла; она зорко глядитъ за ея ходомъ, точнымъ и строгимъ ея выполненіемъ. По уходѣ свахи наскоро посовѣтуются старики другъ съ другомъ, спросятъ своихъ родителей, буде они живы, и тогда только предлагаютъ дочери. Та разумѣется въ слезы, и съ этихъ поръ мать неотлучно при ней въ роли утѣшительницы; вмѣстѣ съ родными невѣста не пьетъ, не ѣстъ, рѣдко заговоритъ съ кѣмъ-либо изъ нихъ, а заговоритъ — глаза опуститъ, кумачемъ вспыхнетъ бѣло личико. Долго не дождется мать настоящаго отвѣта отъ дочки: только и слышно отъ нея: „загубили меня горькую головушку, съ молодыхъ годочковъ во чужи люди шлютъ“. Прямого отвѣта, впрочемъ, никогда и не дождешься отъ невѣсты. Не то забота не то стыдъ за собственныя чувства никогда не позволяетъ ей сказать прямо — да. Мать и не требуетъ этого: сама была въ дѣвкахъ, сама знаетъ, что тяжело раскрывать тутъ предъ людьми свою душу — нечего и на дочку ди-

Digitized by Google

виться. Для положительнаго отвѣта тутъ достаточно одного отсутствія отрицанія, достаточно того, что дочка не отмахивается отъ жениха и руками и ногами. Коли не по сердцу молодецъ, тутъ отъ ея крика хоть святыхъ вонъ выноси. Заголоситъ, завопитъ, да такъ „жалобно," такъ „бо̀лѣзно", что не вытерпѣть тутъ родной матушкѣ; станетъ ублажать она свое дѣтище, станетъ утѣшать ее, что не выдастъ за парня немилаго. А попадется мать суровая иль мачиха „постылая," что будетъ грозить ей „плеткой отцовской",— на все можетъ рѣшиться дѣвушка бойкая. Убѣжитъ къ какимъ нибудь сосѣдямъ или въ посидѣлки, да такъ и не является домой по цѣлымъ недѣлямъ: пусть ждутъ ее свахи постылыя съ свекровью ненавистною. За косы приволочетъ отецъ непокорную дочку, „поучитъ" разикъ-другой плеткою, да строго-настрого закажетъ слѣдить за ней матери. А тутъ придетъ еще мать жениха немилаго, пойдетъ бражничанье, глядишь, и по рукамъ старухи ударили, подъ окномъ дѣвки запѣли.... Сидитъ горемычная невѣста въ чуланчикѣ, ни жива ни мертва, сидитъ и рѣкой разливается [1]): „выдаютъ ее безсчастную за немилаго, сговариваютъ за постылаго"..... Такъ и отдадутъ дѣвушку противъ ея воли: „стерпится слюбится"—говорятъ родители,— „глупа еще не разумна, нечего смотрѣть на ея слезы дѣвичьи: сама не понимаетъ, зачѣмъ плачетъ". Случаи такихъ насильственныхъ браковъ крайне рѣдки. У насъ они имѣютъ обыкновенно мѣсто только при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ: когда, напримѣръ, невѣста потеряла мать, отца или если онасовсѣмъ круглая сирота, подъ опекой неблагонадежныхъ родственниковъ; чаще всего, когда въ семействѣ невѣсты только злая мачиха да „смирный" отецъ. Тутъ рѣдко и спрашиваются дочери, „пропьютъ" ее, что называется, за перваго попавшагося жениха — и не моги сказать слова противнаго. Только и утѣхи дѣвушкѣ, что въ слезахъ; пойдетъ на могилку родной матери [2]), выплачетъ тамъ свое горе и легче будто станетъ ей: вернется домой со свѣжими силами. Рѣдко прибѣгаютъ тутъ къ послѣднему средству — заявить свою „неволю" предъ алтаремъ Божьимъ: изобьетъ тогда отецъ до полу-смерти, поберетъ все добро, съ позоромъ выгонитъ изъ родительскаго дома и выпадетъ ей жребій горше прежняго: надѣвать суму, да кормиться именемъ Божьимъ [1]). Есть тутъ и другіе мотивы. У дѣвушки смутны еще взгляды на свою свободу и власть отца; она смѣшиваетъ то и другое, и никакъ не можетъ провести тутъ границы для нормальныхъ отношеній (отцовъ къ дѣтямъ). Она и злится на родителей: упрекаетъ ихъ за что-то и одновременно шлетъ упреки себѣ за непокорность волѣ родительской. Крестьянская дѣвушка боится еще *измѣрять* глубину родительской власти, хоть и видитъ подъ часъ ея *чрезмѣрность*, грѣхомъ считаетъ открыть заявленіе своей свободы, хоть и дѣйствуетъ подъ часъ наперекоръ родительской волѣ. Это особенно проглядываетъ въ одномъ изъ захолустныхъ селъ Елатомскаго уѣзда Мамышевѣ. Тамъ сплошь и рядомъ выдаютъ дѣвушку за едва-едва знакомаго парня. Чаще всего тамъ, разумѣется, случаи насилія души человѣческой, но никто до сихъ поръ не осмѣлился тамъ назвать этотъ фактъ его настоящимъ именемъ, никто не дерзнулъ заявить хоть бы маленькаго протеста; на дѣвушку ложится главной тяжестью подобное явленіе, но она еще плохо *сознаетъ* его, она только *ощущаетъ* эту тяжесть и безропотно переноситъ ее, благо силъ хватаетъ. Возьмемъ наконецъ другія села (Темирево) съ ихъ относительно либеральнымъ женскимъ населеніемъ. Послушайте на посидѣлкахъ, какъ перетираютъ дѣвушки отцевъ и матерей своихъ. Тотъ пьяница, та безтолковая, тотъ „чистый разбойникъ" для дѣтей, та «хуже змѣи лютой». Наслушаешься такихъ вещей и сочтешь ихъ, чего добраго, прямымъ результатомъ мысли, объяснишь такую смѣлую критику дѣломъ прямого развитія крестьянской среды. А загляните вы поглубже въ души тѣхъ же бойкихъ, острыхъ дѣвушекъ—и увидите совсѣмъ другое. Въ веселомъ беззаботномъ кружкѣ своемъ онѣ *перебираютъ* только болѣе или менѣе крупные факты изъ крестьянской жизни, но только *перебираютъ*: тутъ нѣтъ ни строгой критики, ни анализа жизни. Одна дѣвушка плачется, что отецъ хочетъ отдать ее за рябого Гришку и обвиняетъ за это родителей—всѣ подружки горячо вступаются за дѣвичьи интересы, оттого и подхватываютъ ея обвиненіе; найдется бойкая дѣвка и посовѣтуетъ взять съ *нея примѣръ* — стать противъ воли родительской: пусть бьетъ, дескать, а ты знай свое: «не пойду и не пойду за постылаго». И дѣвушки часто *слушаютъ* эти совѣты: идутъ наперe-

---

[1]) Плакать тутъ всегда должна дѣвушка; идетъ ли охотой или неохотой: иначе „осудятъ добрые люди".

[2]) Невѣста-сирота всегда должна ходить на могилу родителей и просить благословенія.

[1]) Такихъ дѣвушекъ рѣдко берутъ на заработки по селу.

Digitized by Google

коръ родителямъ. Вы спросите, гдѣ же причины этого, какъ не въ развитіи дѣвушки, какъ не назвать этотъ смѣлый протестъ ея—сознательнымъ протестомъ, вытекающимъ изъ строгой критики семейныхъ отношеній? Мнѣ думается,—совсѣмъ нѣтъ. Я не хочу этимъ отрицать фактъ развитія крестьянской дѣвушки, но развитіе это слишкомъ еще мало, для того чтобъ брать его *за основаніе* въ данномъ случаѣ. Дѣвушки корятъ отцовъ за ихъ *видимые* недостатки и противятся родительской волѣ, когда самый близкій интересъ ихъ сталкивается лицомъ къ лицу съ этими недостатками и можетъ потерпѣть отъ этого. Но предъ глазами дѣвушки тутъ вовсе не «преступная чрезмѣрность родительской власти» передъ ней безусловно одинъ дѣвичій интересъ ея, и болѣзненный страхъ за него. Противится она не потому, что сознаетъ свое *право* и ясно различаетъ злоупотребленіе отца, а потому, что *слишкомъ* дорога ей утрата дѣвичьяго интереса своего. Пройдетъ время, „слетитъ горячка“, и она всегда найдетъ въ своей душѣ упрекъ за несправедливость противъ отца. Упрекъ этотъ выйдетъ изъ сознанія; его не было бы, еслибъ поступокъ съ отцомъ вытекалъ изъ глубокаго убѣжденія. Поставьте вы любой крестьянской дѣвушкѣ категорическій вопросъ: можно-ли въ *какихъ-бы то ни было случаяхъ* противиться волѣ родительской и, повѣрьте, она не задумается отвѣтить вамъ такъ-же категорически: „никогда не нужно ей противиться; отецъ властенъ надъ своими дѣтьми, власть его священна и преступать ее—великій грѣхъ дѣтямъ“. Какъ видится, у нея есть уже убѣжденіе, но тѣсное, совершенно несогласное съ поступками, диссонирующее и съ ея смѣлыми словами въ кругу подругъ. Во взглядахъ на отношенія родителей къ дѣтямъ крестьянская дѣвушка какъ бы отдѣляетъ *личные* недостатки отцовъ, совсѣмъ не принимаетъ ихъ въ разсчетъ, когда доходитъ до глубокаго размышленія объ ихъ власти — безусловно-священной. Все это можно подтвердить фактами. Матери невѣстъ также думали въ свое время, какъ ихъ теперешнія дочки, но какъ только появились свои дѣти, — мигомъ отлетѣли старыя „блажныя“ мысли ихъ дѣвичьи и установился твердый, строго-опредѣленный взглядъ на *безусловную* покорность дѣтей. Взглядъ этотъ не выработался бы такъ скоро, еслибъ онъ не таился въ душѣ ранѣе, насажденный традиціями старины. Такъ точно и всѣ эти шустрыя, бойкія дѣвушки теперешняго времени. Развитіе ихъ сказывается только въ томъ, что онѣ *смѣлѣе* наступаютъ подчасъ на родителей, сознательнѣе заявляютъ имъ *о чемъ то въ родѣ правъ своихъ*. Но въ жизнь онѣ глубоко не вдумываются, не разбираютъ строго отношеній, а только замѣчаютъ въ нихъ что то ненормальное, застарѣлое, ощущаютъ отъ нихъ какую-то тяжесть, и порой пытаются столкнуть эту тяжесть. Выйди онѣ за-мужъ—и чрезъ 2, 3 года вы увидите въ нихъ только суровыхъ крестьянскихъ матерей болѣе похожихъ на своихъ бабушекъ и прабабушекъ, чѣмъ на предполагаемое вами новое либеральное поколѣніе. Всему тутъ одна причина—слишкомъ медленное умственное движеніе крестьянъ. Дѣвушка чувствуетъ ненормальность окружающаго, кричитъ и мечется въ ней, какъ бы въ душной атмосферѣ, но нигдѣ не находитъ средствъ къ улучшенію: ни въ себѣ ни въ окружающихъ. Вотъ тутъ-то и кроется вся причина: время слишкомъ быстро ушло впередъ, а крестьянинъ слишкомъ далеко отсталъ отъ него, слишкомъ плохо подвигается. Впереди видно лучъ новой жизни, чувствуется легкая атмосфера ея, но трудно вылѣзть изъ смрадной ямы, трудно *вытащить самого* себя изъ ея тины.

Будемъ говорить дальше: мы начали о сватовствѣ и прервали на томъ случаѣ, когда родители невѣсты согласны принять предложеніе жениха. О добромъ результатѣ дѣла сообщаетъ сваха. Ее честь-честью угостятъ за хорошее начало и на другой же день мать жениха (иногда съ отцомъ) сама идетъ къ родителямъ невѣсты для окончательныхъ переговоровъ; тѣ радушно встрѣчаютъ ее, называютъ „свашенькой“; въ этой формѣ фактически выражается согласіе на предложеніе жениха. Тутъ происходитъ обыкновенно лада: что дастъ женихъ, что „понесетъ“ съ собой невѣста (послѣднее не всегда обязательно; эту часть вопроса возбуждаютъ больше сами матушки невѣстъ, чтобъ похвастаться добромъ дочки). Лада идетъ не долго, на этомъ пунктѣ мало бываетъ разногласія, хотя торгуются обѣ стороны нецеремонно, не упустятъ изъ виду послѣдней мелочи. Приданаго за невѣстой не полагается; она несетъ съ собою только холстъ да кое-какую одеженку; съ жениха напротивъ требуется полный годовой костюмъ[1]) невѣсты и 25 рублей денегъ. Явленіе это вполнѣ объяснимо, иначе и быть не можетъ въ крестьянской средѣ. Вмѣстѣ съ женой

[1]) Зимній и лѣтній: валенки, „коты“ (нѣчто въ родѣ кожанныхъ туфель), чулки (бѣлевые и шерстяные) „казинетъ“ (кафтанъ изъ казинета) и полусапожки.

Digitized by Google

парень беретъ въ домъ отца даровую безотвѣтную работницу, — къ чему-жъ тутъ приданое? Этого было бы слишкомъ много. Во время лады на столъ ставятъ двѣ бутылки вина и каравай хлѣба съ солоницею и брагу, покрытую 3-мя разными полотенцами. Конецъ лады и обоюдное согласіе сторонъ выражается торжественнымъ *рукобитіемъ*. Всѣ присутствующіе (и дѣвки за окномъ) встаютъ; *мать* невѣсты подходитъ къ отцу жениха и даетъ ему свою руку; этимъ дается и слово и торжественное обѣщаніе сдержать это слово. За окномъ уже давно собрались подружки невѣсты; слышатся шумъ и крики: „просватали" „просватали"; всякій, кто только идетъ по улицѣ, останавливается и толпа все увеличивается. А въ хатѣ между тѣмъ зажигаютъ лампаду предъ образомъ: говоръ стихъ и началась общая молитва о счастіи брачущихся, мирѣ и согласіи семействъ ихъ. Все это время мать стоитъ съ караваемъ; затѣмъ торжественно поднимаетъ его кверху, срѣзаетъ горбушку и подаетъ за окно дѣвкамъ. Раздается плачъ невѣсты и жалобныя причитанія ея: „погубили меня, бѣдную головушку; съ молодыхъ лѣтъ въ чужіи люди шлютъ"... Все это время она сидѣла въ чуланчикѣ тихо-смирно, ни однимъ звукомъ не выдавая своего присутствія: обычай запрещаетъ дѣвушкѣ плакать до той минуты, какъ всѣ помолятся Богу и срѣжутъ горбушку съ каравая; только съ этого момента она *отрѣзанный ломоть* въ родномъ семействѣ, только *тогда она—просватанная дѣвушка*— станетъ оплакивать свою дѣвичью долюшку. Въ чуланѣ идетъ плачъ, а за перегородкой у старины веселый говоръ, да бражничанье: отецъ угощаетъ свата съ сватенькой—„пропиваетъ свою дочку родную". Мать даритъ гостей отъ лица невѣсты: два большихъ полотенца свекру съ свекровьей, поменьше—сестрѣ жениха. Даритъ каждаго отдѣльно, въ поясъ кланяется имъ, проситъ не взыскать, „коли плохо сработала дочка". Жениху шлютъ особые подарки съ матерью: платокъ и еще ч. н. Дѣвушки мало-по-малу набираются въ избу, начинаютъ утѣшать „горемычную" невѣсту; однѣ утѣшаютъ, другія пуще разстраиваютъ. Приглашенныя подружки обнимаются съ ней и начинаютъ вторить ея рыданью и плачу. Горькія чувства выражаютъ тутъ въ причитаньяхъ по утратѣ дѣвичьей волюшки. Пора дѣвичья представляется сплошнымъ весельемъ, беззаботной жизнью подъ крыломъ матушки; жизнь замужняя — рядомъ заботъ по хозяйству, непосильныхъ работъ на свекра съ свекровью; мужъ рисуется въ самыхъ ужаснѣйшихъ видахъ: онъ и пьянъ и сердитъ, и немилостивъ; невѣстки попадутся „присудливы", мужу станутъ шептать да наговаривать. Свекровь „строгая да взыскательная" за каждую малость тому же мужу жалуется. Свекоръ-батюшка „строгій, непривѣтный": никогда отъ него ласковаго слова не услышишь; бьетъ ее мужъ плеткой, а онъ только приговариваетъ: „прибавь, прибавь, сынокъ любезный: учи уму-разуму глупую бабу!" Вся будущая обстановка, словомъ, рисуется діаметрально противоположной настоящей жизни ея въ кругу родныхъ. Вмѣсто отца снисходительнаго — свекоръ строгій, вмѣсто матери-баловницы—свекровь взыскательная, вмѣсто сестрицъ да братцевъ любезныхъ—деверья да невѣстки „присудливы".

Такъ и идетъ плачъ кругомъ невѣсты; половина причитываетъ, половина утѣшаетъ. Заполночь разойдутся гости со сватьями, а невѣста все плачетъ — не унимается. Кое-какъ удастся утѣшить ее дѣвкамъ съ матерью. Въ родной семьѣ съ этого времени всѣ становятся къ ней ласковѣе, всячески ублажаютъ ее: отецъ каждый базаръ накупаетъ гостинцевъ, мать даритъ платками да бу сами. На посидѣлкахъ положеніе просватанной измѣняется. Дѣвки относятся къ ней съ большимъ уваженіемъ, парни становятся дальше, не позволяютъ себѣ прежней свободы въ обращеніи; да и она отъ нихъ какъ-то сторонится: чего добраго, наговорятъ на нее чего злые люди, очернятъ въ глазахъ суженаго.... Другое дѣло женихъ: съ нимъ можно и побаловаться и слово лишнее сказать: свои почти люди, никто не осудитъ. Отъ сговора до свадьбы проходитъ обыкновенно годъ или полгода; все это время женихъ ходитъ на посидѣлки, просиживаетъ каждый разъ часовъ до 12 и позднѣе. Невѣста мудритъ надъ нимъ, елико возможно. Чего-чего только не дѣлаетъ она въ союзѣ съ подружками! Придетъ — его не пускаютъ, томятъ добрыхъ полчаса около двери; войдетъ—обольютъ водой иль сажей измажутъ. Попытается обнять невѣсту — подружки не пускаютъ: дай выкупъ, покажи принесъ ли гостинцевъ своей суженой. Только тогда пропустятъ его къ невѣстѣ, позволятъ сѣсть съ ней рядомъ, „заглянуть въ очи ясныя". Тайные сердечные разговоры ведутся, гдѣ нибудь въ сѣнцахъ, на дворѣ иль на завалинѣ. Женихъ напередъ угощаетъ для этого товарищей; добромъ невѣста ни за что не выйдетъ да и дѣвки не пустятъ. Соберется человѣкъ 8, 10 парней, ворвутся дружно на посидѣлки и вытащутъ ему невѣсту: иди съ ней куда хочешь, дѣлай что угодно, никто

Digitized by Google

слова не скажетъ. Удалыя дѣвки сами науськаютъ подъ-часъ жениховъ на подобныя шутки; такъ выйти стыдно: дѣвки задразнятъ; вотъ она и подговариваетъ его набрать парней да и вытащить ее силою. Большинство дѣвушекъ, впрочемъ, избѣгаетъ этого; слишкомъ рискованно это для невѣсты. Женихи часто „отстаютъ“, [1]) тогда чего добраго и замужъ не выйдешь. Пойдетъ дурная слава: была де въ близкихъ отношеніяхъ къ жениху—чего добраго—„потеряла себя“. Каждый женихъ на селѣ ее обходитъ, каждый сомнѣвается въ ней и невольно бракуетъ.

Свадьбы бываютъ обыкновенно зимой съ Крещенія и осенью съ Покрова Пресвятой Богородицы. Лѣтомъ рѣдко: тутъ самый разгаръ дѣловой поры, „день годъ кормитъ“: не время заниматься пирами да свадьбами. Женихъ послѣ сговора нерѣдко уходитъ на заработки; посылаютъ больше родители, чтобы зашибъ лишнюю копѣйку на свадьбу; ходитъ и по своей охотѣ, когда отца нѣтъ иль хозяйство разстроено. Невѣста задолго до свадьбы (за мѣсяцъ или за 2 мѣсяца) отстаетъ отъ веселыхъ пѣсенъ, мало участвуетъ въ дѣвичьихъ играхъ; на посидѣлки ходитъ рѣже, чтобы, „повыть“ съ подружками,—подѣлиться своимъ горемъ-дѣвичьимъ. Начинаетъ обыкновенно съ обвиненія родителей: „родимый ты мой батюшка! накинулся ты на винную чарочку, на ласковы слова, на низкіи поклоны! — родимая ты, моя матушка! накинулась ты на *бражную* чашечку, на ласковы слова, на низки поклоны!“ Ей также „на голосъ“ отвѣчаютъ подружки; рисуютъ опять мрачные образы супружеской жизни: пьянаго мужа съ плеткой, холоднаго свекра, свекровь „подколодную“, золовокъ „причудливыхъ“. Въ концѣ разжалобятъ другъ-друга просватанныя дѣвушки, плачутъ, не унимаются; кое-то какъ удастся утѣшить ихъ остальнымъ дѣвкамъ. Придетъ парень съ заработковъ, надаритъ невѣстѣ платковъ да „вёрстокъ“, ну, уймется немного—попріутихнетъ.

Свадьбы назначаются обыкновенно по воскресеньямъ, вся недѣля передъ этимъ всецѣло почти проводится въ пирахъ, да вечерянкахъ. Пируютъ то у жениха, то у невѣсты, но вмѣстѣ они другъ съ другомъ не бываютъ; на посидѣлки не ходятъ и до самаго брака не видятся. Главныя „вечерушки“ начинаются съ четверга — дня за 3 до свадьбы. Замѣчу кстати, что всѣ пиры и самое свадебное гулянье устраивается на женихов счетъ; гости только приходятъ къ невѣстѣ, а „гулять“ она отправляетъ ихъ къ свекру. У родителей невѣсты бываетъ только обѣдъ на другой день свадьбы. Въ четвергъ невѣста шлетъ дѣвокъ къ свекру; тутъ ихъ поятъ виномъ, брагой, угощаютъ обѣдомъ и гостинцами. Въ пятницу опять собираются къ невѣстѣ на *дѣвичникъ*. Посидятъ у нея часокъ-другой — и опять къ жениху. Предводительствуетъ тутъ дѣвушками, такъ называемый, „кислый сватъ“; безъ него не обходится ни одного вечера, онъ—приближенное лицо невѣсты и на свадебныхъ вечерахъ. Кислый сватъ—обыкновенно мальчикъ лѣтъ 7—10-ти, выбирается изъ братьевъ невѣсты: двоюродныхъ или троюродныхъ; если не случится ихъ въ такомъ возрастѣ — выбираютъ иногда изъ родныхъ братьевъ, въ крайнемъ случаѣ—кого бы то ни было изъ сродства. Въ субботу дѣвушки собираются къ невѣстѣ на блины, а „гулять“ и ужинать опять къ жениху. Тамъ въ это время самое главное, самое широкое предсвадебное пиршество. За часъ или за два собираются ребята и близкія родственницы изъ бабъ; ихъ напоятъ обыкновенно пьяными и, въ качествѣ „позыватыхъ“, отправляютъ приглашать все женихово „сродство“. Шумной толпой выходятъ всѣ на улицу: бабы, обнявшись, рядами, сзади ихъ ребята и толпа зѣвакъ. Выходятъ сначала съ пѣснями, потомъ раздаются милые звуки гармоники, впередъ вылетаютъ двѣ три „ухарскихъ“ бабы и начинается пляска; такъ пройдутъ они чрезъ всѣ улицы, возвѣщая канунъ свадьбы. Усталъ игрокъ—его замѣнятъ игривые плясовые мотивы; подъ нихъ еще веселѣе пойдетъ пляска, еще лучше „заговорятъ молодые суставчики“. „Ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь“,—дробью разсыпается—потомъ, „Ахъ кости болятъ: лихой болѣсти хотятъ!“—подхватитъ какая-нибудь лихая бабенка и молодецки несется впереди толпы подъ свистъ и гиканье молодежи.

По дворамъ „сродственниковъ“ ходятъ ребята, стучатъ палками и зовутъ „хозяюшекъ“ на пиръ „за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя“. Къ вечеру потянутся званые гости, полна *изба* наберется у родителей жениха. Самъ женихъ сидитъ съ ребятами въ горницѣ иль у сосѣдей. Гостей встрѣчаютъ мать и „дружко“. Дружко такой-же шаферъ. Онъ выбирается обыкновенно въ тотъ же день утромъ изъ ближнихъ род-

[1]) Случаи эти нерѣдки. Потерпѣвшая сторона обращается всегда къ сельскому сходу или въ волостное правленіе; тамъ разбирается дѣло и съ виновныхъ присуждаютъ по 10 и 15 р. Когда потерпѣвшей является невѣста—рѣдко удовлетворяетъ ее судъ; сама де забаловалась съ кѣмъ нибудь изъ чужихъ парней. Жалоба жениха, напротивъ, всегда почти удовлетворяется.

Digitized by Google

ственниковъ, зрѣлыхъ лѣтъ (30 и 40); чаще всего изъ родныхъ или двоюродныхъ дядей жениха. Непремѣнно долженъ быть женатымъ [1]) кромѣ того веселымъ и „разбитнымъ“ мужикомъ; зналъ бы, какъ кого принять, какое кому слово сказать, гостей повеселить, завести бесѣду шутливую; онъ наперечетъ долженъ знать все „сродство“, чтобы не ошибиться, *кого куда* посадить, *кому когда* вина поднести. Дружкѣ должна быть знакома хорошо и обрядовая сторона дѣла: онъ главный менторъ жениха все время, какъ провожатая (сваха) у невѣсты, на каждомъ шагу учитъ его уму-разуму, наставляетъ въ дѣлахъ супружескихъ. Въ богатыхъ домахъ на подмогу дружкѣ выбирается еще „поддружка“, тоже изъ ближайшихъ женатыхъ родственниковъ. Выбираютъ того и другого родители жениха съ крестнымъ отцомъ его. Крестный отецъ послѣ родного — первое лицо въ свадебномъ ритуалѣ. На ряду съ роднымъ отцомъ онъ благословляетъ духовнаго сына, а въ церкви замѣняетъ ему обоихъ родителей. Если нѣтъ крестнаго, выбираютъ „посаженаго отца“ изъ почтенныхъ, непьющихъ, родственниковъ, чтобъ могъ замѣнить онъ въ церкви батюшку роднаго. Соберется сродство въ полномъ составѣ, дружко становится посреди хаты и торжественно испрашиваетъ у всѣхъ позволенія жениху посидѣть съ дѣвушками:

„Добрые люди!

Не всѣхъ я васъ прошу по имени,
Прошу я васъ челомъ всѣхъ:
(кланяется)
Благословите, батюшка и матушка,
Своего сына роднаго
На дѣвичій праздникъ посидѣть,
За столы дубовые, за скатерти браныя,
за яства сахарныя“:

(снова кланяется).

—Господь васъ благословитъ! говорятъ родители. Съ этими словами присоединяются къ дружкѣ, и вмѣстѣ съ крестными родителями идутъ къ жениху. Передъ дверью останавливаются; крестный отецъ произноситъ краткую молитву — „Господи Іисусе Христе“... женихъ отвѣчаетъ „аминь“ и всѣ входятъ въ горницу. Мать открываетъ коробки, вынимаетъ оттуда полный праздничный нарядъ сына и всѣ начинаютъ торжественно одѣвать его. Главная роль принадлежитъ матери. Обѣими руками беретъ она весь нарядъ жениха, три раза обводитъ имъ вокругъ головы сына, три раза творитъ въ это время молитву! „во имя Отца и Сына и Святаго духа!“ при словѣ „аминь“ плюнетъ каждый разъ въ сторону, какъ бы желая удалить этимъ все нечистое. Потомъ начинается самое обряжанье: прежде всего надѣваютъ сапоги; въ лѣвый мать кладетъ перья, чтобъ легче на работу былъ сынокъ; въ правый кладетъ отецъ деньги, чтобъ копѣйка лишняя водилась, — хозяйство шло въ порядкѣ. Въ рубашку мать крестная втыкаетъ протежъ (иглу безъ ушковъ), за пазуху поминанье: злой человѣкъ не испортитъ, нечистая сила будетъ сторониться. Обрядивъ такимъ образомъ жениха, всѣ ведутъ его (дружко съ крестной—подъ руку) въ избу къ гостямъ. Черезъ порогъ шагаютъ—всѣ молитву творятъ; до избы дойдутъ — опять остановятся, опять старая церемонія. Крестный отецъ произноситъ молитву: „Господи Іисусе Христе“... имъ отвѣчаютъ: „аминь“ и всѣ входятъ, произнося каждый: „Спаси, Господи, въ святыхъ Твоихъ молитвахъ раба (такого—то). Жениха проводятъ въ передній уголъ и сажаютъ между родителями. Въ это время набираются въ избу дѣвушки съ кислымъ сватомъ, а иногда и посторонніе люди. Посидятъ минутъ пять въ торжественномъ молчаніи, затѣмъ всѣ встаютъ по знаку дружка и молятся Богу. Поддружко въ это время держитъ дверь; никого нельзя пускать во время общей молитвы, какъ-бы чего *худого* не случилось, — злой человѣкъ не вошелъ — не смутилъ общей молитвы. По окончаніи молитвы жениха уводятъ въ горницу, за нимъ парни и дѣвки. Тутъ только начинается настоящее пиршество: и въ *избѣ*, и въ *горницѣ*. Дружко носится и туда и сюда, но сидитъ больше среди почетныхъ гостей въ *избѣ*, угощаетъ ихъ водкой, а захмелѣютъ особенно, уговариваетъ не шумѣть, не драться. Скандалы тутъ постоянные и каждому дружкѣ всегда уже выпадетъ на долю разнимать гостей, а чего добраго—поплатиться и своими боками. Другое дѣло въ горницѣ! Тамъ все тихо, скромно; водки пьютъ мало; дѣвки все больше гостинцами забавляются, щелкаютъ зернышки, пьютъ брагу медовую. Женихъ съ поддружкомъ сидитъ чинно среди стола; не пьетъ ни вина ни браги. Дѣвушки поютъ ему разныя пѣсни, въ коихъ искусно вставляются его имя и имя невѣсты. Содержаніе пѣсенъ самое простое и краткое. Въ нихъ указывается на „писанную красоту“ невѣсты, на „голубиную“ кротость ея и смиреніе.

[1]) Дружко при женихѣ—то же, что сваха при невѣстѣ: долженъ научать его уму-разуму *супружескому*. Отсюда ясно, почему и самъ онъ долженъ быть женатымъ.

Digitized by Google

Про достоинства жениха не говорится ни единаго слова. Въ пѣсняхъ стараются только ласкать его воображеніе заманчивыми картинами супружеской жизни. О самомъ женихѣ если и зайдетъ рѣчь у дѣвокъ, то весьма для него невыгодная; найдется поудалѣе дѣвка—такъ и законфузитъ его, бѣднаго: гдѣ, дескать, тебѣ, „чувашѣ неумытому“, дойти до „бѣлой лебеди“ нашей: сто разъ она тебя краше, сто разъ добрѣй! Тутъ ужъ спѣши поддружко угощать ихъ, а то наговорятъ такихъ вещей, что хоть изъ избы вонъ уходи... Поужинаютъ, парни распростятся съ женихомъ и идутъ къ невѣстѣ съ курникомъ; курникъ—это пирогъ съ запеченой курицей или серебрянымъ гривенникомъ въ мылѣ. Подойдутъ ребята къ невѣстиной хатѣ, произнесутъ молитву—ихъ впустятъ. (Дѣвки приходятъ обыкновенно раньше ребятъ). Угощеній тутъ никакихъ не бываетъ; происходятъ обыкновенно игры съ ребятами, мажутъ другъ друга сажей, наряжаются въ вывороченныя шубы и т. п... Невѣста сидитъ среди просватанныхъ дѣвушекъ да думаетъ думушку горькую: какъ-то будетъ жить она въ замужествѣ, не попался бы мужъ пьяница, да свекровь „змѣя подколодная“. Мрачныя мысли свои она выражаетъ опять въ причитаніяхъ; ей вторятъ попрежнему просватанныя дѣвушки. Такъ проголосятъ онѣ часовъ до 12-ти и лягутъ далеко за-полночь. По-утру раньше всѣхъ встанетъ невѣста и начинаетъ будить всѣхъ подругъ:

„Вставайте, мои подруженки!
Вставайте, мои любезныя:
Бѣлая заря занимается, —
Мои супостаты поднимаются!“

Затѣмъ обращается въ сторону брата:

„Родимый, мой братецъ!
Ты поди-ка во зеленую рощу:
Ты сруби-ка березу бѣлую:
Загороди моимъ супостатамъ дороженку!“

Съ этими словами невѣста начинаетъ рыдать... Дѣвки мало-по малу просыпаются, начинаютъ ее успокоивать. Скоро встаютъ всѣ въ домѣ, собираются родственницы невѣсты: замужнія сестры и тетки. Успокоившись невѣста обращается къ кому либо изъ нихъ:

„Любезная моя тетушка (или сестрица)!
Ты скажи мнѣ про чужи люди:
Какъ мнѣ съ чужими людьми быть,
Во чужихъ людяхъ жить?“

— Любезная, моя племянница! отвѣчаетъ тетка:

Не тебя пошлютъ, —
А ты догадывайся;
Не тебя скричатъ, —
А ты откликивайся:
Чужи люди мудрены,
Чужи люди присудливы“! [1]).

Тутъ приходятъ родители, начинаютъ обряжать невѣсту „къ суду Божію“. Одѣваніе невѣсты почти тождественно съ одѣваніемъ жениха. Мать беретъ въ кучку праздничный женскій костюмъ (запонъ, гашникъ, поньку и платокъ); также три раза обводитъ имъ вокругъ головы дочери, произнося каждый разъ молитву и сплевывая въ лѣвую сторону (есть повѣрье, что по правую сторону человѣка всегда ангелъ, по лѣвую—бѣсъ). Въ нѣкоторыхъ селахъ: Пенькахъ, Шинковѣ и др... сохранился интересный обычай—*послѣдней* дѣвичей пляски невѣсты. Какъ только обрядятъ ее, она съ напускнымъ весельемъ прыгаетъ на лавку, гикаетъ, скачетъ и пляшетъ по ней, приговаривая какія-то слова: „скачи, дочка, скачи!“ говоритъ ей мать—„хочу скачу, хочу не скачу!“ задорно отвѣчаетъ невѣста и оканчиваетъ эту оригинальную пляску. Обрядъ этотъ представляетъ значительный интересъ, но трудно объяснимъ, мнѣ кажется.

Въ большинствѣ селъ Елатомскаго уѣзда обрядъ пляски выводится, въ настоящее время Дѣвушку честь честью обрядятъ, дадутъ ей маленькій каравай за пазуху въ залогъ будущаго хозяйства и только! Не пляшетъ тутъ невѣста, а только пуще завопитъ, когда увидитъ себя въ бабьемъ нарядѣ. Вопятъ обыкновенно вмѣстѣ съ матерью Начинаетъ невѣста:

„Родимая, моя матушка!
Куда ты меня собираешь,
Куда ты меня, горькую, соряжаешь?
Аль на гульбу,
Аль на игры дѣвичьи,
Аль въ чужи люди
Собирать хочешь?“

Мать отвѣчаетъ ей также воплемъ:

„Дитятко мое милое!
Съ молодешенька тебя погубили:
Не дали тебѣ съ умомъ-разумомъ собраться,
На рѣзвыя ноженьки подняться, —

[1]) Присудливый—любящій осуждать.

Digitized by Google

Погубили твою буйную головушку!..
. . . . . .
Хорошо тебѣ—счастье завѣдуетъ,
Хорошо тебѣ—талика будетъ:
Съ плохой таликой тошно жить!"
. . . . . .

Мать смѣняется подъ-часъ крестной или тетушкой. Такъ провопитъ невѣста часовъ до 11, 12-ти. Къ этому времени всѣ собираются обѣдать. Невѣсту сажаютъ въ передній уголъ, между крестной и родной матерью; подъ ноги подстилаютъ платокъ. Она, разумѣется, ничего не ѣстъ; сначала сидитъ молча, потупивъ глаза, потомъ снова начинаетъ рыдать и проситъ прощенія у братьевъ, сестеръ и тетокъ:

„Родимый мой братецъ,
Не попомни моихъ досадъ:
Можетъ, я тебя чѣмъ обижала,
Глупымъ словомъ досаждала!"

Съ такими же словами обращается и ко всѣмъ прочимъ. У отца съ матерью испрашиваетъ прощеніе болѣе торжественно: при самомъ благословеніи. Послѣ обѣда невѣсту сажаютъ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ; подружки заплетаютъ ей косу, оправляютъ нарядъ. Затѣмъ всѣ садятся кругомъ въ ожиданіи жениха съ поѣздомъ.

Перенесемся теперь въ хату жениха, посмотримъ что дѣлается тамъ. Съ утра заявляются тамъ вчерашніе гости опохмелиться и пообѣдать. Около полудня совершенно почти параллельная картина обѣда. Въ избу къ гостямъ съ старыми церемоніями приводятъ жениха, сажаютъ его въ переднемъ углу между родителями; подъ ноги подстилаютъ потникъ (войлокъ). По окончаніи обѣда поддружье беретъ потникъ и кладетъ его среди комнаты. Дружко подводитъ сюда жениха, становится рядомъ съ нимъ противъ родителей и испрашиваетъ у нихъ благословенія:

„Батюшка родный!
Благословите своего сына роднаго
Къ Суду Божію [1]) постоять,
Златъ вѣнецъ принять,
Животворящій Крестъ цѣловать!
. . . . . .
Какъ святые отцы принимали,
Такъ и намъ грѣшнымъ".

— „Благослови, батюшка!" добавляетъ женихъ и три раза кланяется ему въ ноги, испрашивая прощенія.

— „Богъ благословитъ!" говоритъ отецъ, троекратно обнимаетъ его и вручаетъ ему благословленный образъ съ караваемъ. Затѣмъ женихъ становится противъ матери, дружко точно также проситъ ее благословить сына: женихъ проситъ у нея прощенія и получаетъ второй образъ съ караваемъ. Въ ряду благословляющихъ стоятъ еще духовные родители: крестные жениха. Женихъ и имъ кланяется по разу, цѣлуетъ и проситъ благословенія; образъ тутъ даютъ рѣдко. Присутствуютъ во время благословенія только близкіе родные въ 1-мъ колѣнѣ. Остальные родственники и всѣ званые гости расходятся тотчасъ послѣ обѣда, запрягаютъ каждый свою подводу, для свадебнаго поѣзда. Кончилось благословеніе — они уже всѣ на дворѣ, заплетаютъ только гривы конямъ, да убираютъ ихъ разноцвѣтными ленточками. Еще разъ поцѣлуется со всѣми женихъ, еще разъ попроситъ у всѣхъ прощенія однимъ общимъ поклономъ и выходитъ на крыльцо. За нимъ (до самаго крыльца) идутъ родители съ молитвами и напутствованіями... Дружко, перевязанный черезъ плечо широкимъ краснымъ кушакомъ, 3 раза обходитъ съ образомъ весь поѣздъ; всѣ въ это время крестятся, читаютъ про себя молитвы. Затѣмъ всѣ разсаживаются и ѣдутъ: впереди женихъ съ дружкомъ и поддружьемъ, за ними крестные мать съ отцомъ, тетка, сестра и т. д., смотря по близости родства. На дугахъ развѣваются широкіе кушаки; визжатъ безчисленные колокольчики. Далеко услышатъ этотъ шумный поѣздъ у невѣсты и спѣшатъ запереть ворота: отдай прежде „выкупъ" за невѣсту, тогда и въѣзжай на невѣстинъ дворъ. Дружко быстро слѣзаетъ съ повозки и идетъ въ калитку, за нимъ поддружіе съ деньгами и „вылаженнымъ" платьемъ невѣсты. Передадутъ все это въ руки какой нибудь теткѣ ея, затѣмъ въѣзжаютъ на дворъ. Дружко подбѣгаетъ къ повозкѣ жениха, разстилаетъ передъ нимъ потникъ; кругомъ становятся: крестная мать съ отцомъ и поддружье. На крыльцо въ это время выходятъ почти тѣ же со стороны невѣсты: провожатые и отецъ съ крестной матерью; ка-

[1]) Обрядъ вѣнчанія — одно изъ самыхъ великихъ таинствъ для крестьянина. Онъ не только уважаетъ его, но и благоговѣйно готовится къ нему, со страхомъ встрѣчаетъ. Тутъ Богъ благословляетъ человѣка на новую жизнь, рѣшаетъ для нея счастье или несчастье. Былъ женихъ добрый, невѣста честная,—присудитъ Господь талику въ брачной жизни, нѣтъ—не пошлетъ Господь и радости. Моментъ таинства поэтому самый крупный и страшный въ жизни—моментъ исполненія предопредѣленія Божія. Отсюда и названіе таинства — Судомъ Божьимъ

Digitized by Google

ждый выноситъ свою поставку браги и деревянную чашку. Всѣ поѣзжане подходятъ и угощаются. Происходитъ нѣчто въ родѣ торжественнаго выраженія согласія всего невѣстина родства породниться съ жениховымъ родомъ. Крестные жениха поднимаются на крыльцо и первыми идутъ въ хату; за ними женихъ между дружкой и поддружьемъ, а тамъ собирается мало по малу и все сродство [1]). Войдутъ—ихъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью родители и начинаютъ усаживать дорогихъ гостей. Всѣхъ усаживаютъ хозяева—одному жениху не даютъ мѣста: ему еще надо выкупить его у кислаго свата; грозный мальчуганъ съ мѣшалкой сидитъ около невѣсты и недружелюбно поглядываетъ на прибывшихъ гостей. Къ нему подходитъ дружко и шутливо—ласковымъ тономъ начинаетъ просить его уступить мѣсто жениху. — Не уходи, не уходи, держится за него невѣста, мнѣ кромѣ тебя никого не надо!“ И кислый сватъ не отходитъ, только крѣпче держится за мѣшалку. Дѣлать нечего: вынимаетъ дружко мелкую монету и отдаетъ ему выкупъ за сестру. Тогда только уйдетъ мальчуганъ кислый сватъ и уступитъ жениху свое мѣсто (около невѣсты).

Посидятъ всѣ минутъ пятокъ, затѣмъ встаютъ, отодвигаютъ столъ на средину и по̀солонъ обводятъ кругомъ него три раза жениха съ невѣстой; впереди идетъ дружко. Затѣмъ снимаютъ кушакъ съ жениха и въ три узла связываютъ его вмѣстѣ съ невѣстой. Въ связываніи принимаетъ участіе и та и другая сторона: этимъ онѣ какъ бы уступаютъ молодыхъ сочленовъ своихъ другъ другу, во имя обоюдной любви ихъ и крѣпкой, неразрывной связи въ супружеской жизни. Затѣмъ всѣ поднимаются, начинается благословеніе невѣсты; дружко подводитъ ее къ родителямъ вмѣстѣ съ женихомъ и троекратно проситъ каждаго благословляющаго:

. . . . . .
— Благословите свое дѣтище родное
Къ суду Божію постоять,
Златъ вѣнецъ принять,
Животворящій крестъ цѣловать!“...

Женихъ съ невѣстой земно кланяются всѣмъ и цѣлуются. Благословляютъ также четверо: кровные и духовные родители невѣсты; иногда, впрочемъ, и старшій братъ. Невѣста обыкновенно *больше* кланяется, больше и цѣлуется съ родителями. О благословеніи, иногда проситъ сама:

Батюшка, ты мой родимый,
Благослови-ка меня въ чужи люди жить.

Также обращается и ко всѣмъ остальнымъ. Образа съ караваемъ передаетъ невѣста провожатой, а та обыкновенно — теткамъ невѣсты. Когда даетъ образъ крестный отецъ, невѣста даритъ его полотенцемъ своей работы; взамѣнъ получаетъ сейчасъ же полотенце отъ крестной матери.

Затѣмъ всѣ выходятъ на крыльцо и начинаютъ разсаживаться. Невѣста на своихъ лошадей съ провожатой и теткой, а женихъ на своихъ [1]) между обоими дружками. Весь поѣздъ 3 раза обходятъ съ образами дружки и сваха (провожатая). Затѣмъ всѣ крестятся, кланяются на всѣ 4 стороны и выѣзжаютъ. Впередъ ѣдетъ женихъ, но потомъ останавливается и пускаетъ невѣсту впередъ. Затѣмъ слѣзаетъ, догоняетъ ее и слегка ударяетъ три раза кнутомъ, приговаривая:

„Покинь волю батюшкину,
Отставай отъ нѣги матушкиной:
Привыкай къ обычаю мужнину;
Забудь красоту свою дѣвичью!“

(Тутъ уже перестаетъ плакать дѣвушка, обычай строго запрещаетъ это). Потомъ садится на повозку и возвращается звать родителей невѣсты на званный пиръ свадебный. Тѣ, обыкновенно, сейчасъ же отправляются въ домъ его родителей. Послѣ священнаго обряда [2]), всѣ поздравляютъ молодыхъ, уводятъ въ притворъ и сажаютъ тамъ на скамейку.

Обрядятъ невѣсту въ кокошникъ, (иногда въ рога), затѣмъ осыпаютъ ихъ обоихъ хмелемъ, чтобы подвижнѣе да легче были молодые, косу молодой расплетаютъ и выбиваютъ изъ платковъ. Выводитъ молодыхъ обыкновенно дружко, сажаетъ вмѣстѣ между провожаткой и замужней сестрой жениха. На разныхъ лошадяхъ молодые не ѣздятъ: съ этого момента они и сидятъ, и ходятъ тѣс-

[1]) Не всегда впрочемъ такъ бываетъ; иногда входятъ въ домъ невѣсты только женихъ, да крестный отецъ съ дружкой—и никто больше.

[1]) Ѣхать жениху или невѣстѣ на чужихъ лошадяхъ въ церковь страшный позоръ и стыдъ для ихъ „сродства“.

[2]) Во время вѣнчанія дружко все время нашептываетъ жениху разныя наставленія, когда поцѣловать руку у священника, когда свѣчу принять, когда погасить, какъ перекреститься и сколько разъ поклониться. А передъ началомъ таинства убѣждаетъ его впередъ стать на платокъ брачущихся: жена будетъ „смирнѣе да податливѣе“. То же самое дѣлаетъ и сваха — провожатая невѣсты.

Digitized by Google

нясь другъ къ другу, чтобъ злой духъ не поселился между ними, не произошло бы чего худого.

Изъ церкви поѣзжане обыкновенно обгоняются, пляшутъ на повозкахъ, поютъ пѣсни, играютъ на гармоникахъ. Первыми въѣзжаютъ на дворъ дружки съ крестными, затѣмъ молодые (невѣста покрыта большой шалью); ихъ берутъ подъ руки и ведутъ на крыльцо, гдѣ стоятъ уже родители съ хлѣбомъ и солью. Всѣ приступки крыльца устланы широкимъ бѣлымъ холстомъ, чтобъ, какъ холстъ, полна и ровна была жизнь молодыхъ [1]).

Подойдутъ близко къ родителямъ — земно поклонятся имъ, перекрестятся, цѣлуются и принимаютъ хлѣбъ съ солью. Тутъ ихъ опять посыпаютъ хмелемъ до самой двери На порогѣ кладутъ всегда запертой замокъ, чтобъ крѣпко—„въ замокъ“ молодые жили—не расходились. Впередъ входятъ родители и крестятся, за ними уже молодые, поддерживаемые свахой и дружкой. Переступаютъ черезъ порогъ,—за косяки не хватаются—и произносятъ молитву: „Господи Іисусе Христе“... А крестный: „Спаси, Господи, въ святыхъ твоихъ молитвахъ раба такого-то и такую-то“... Только что входятъ въ избу, какъ ихъ встрѣчаетъ съ кочергой какая ниб. старуха—родственница въ перевернутомъ полушубкѣ, съ закрытымъ лицомъ. Стучитъ, замахивается на молодую, произноситъ какую-то безсвязную, строгую рѣчь. Этимъ олицетворяется суровая свекровь—совершенный контрастъ родной „матушки-потачницы,“ строго взыскивающая со снохи за каждую малость. Есть основаніе думать, что въ старину наряжались такимъ образомъ сами свекрови. Въ с. Пеньяхъ до сихъ поръ удержался этотъ обычай во всей цѣлости. На крыльцѣ она встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ, а затѣмъ быстро перебѣгаетъ въ избу, одѣвается въ заранѣ перевернутый полушубокъ и встрѣчаетъ въ томъ видѣ молодыхъ.

Когда соберутся всѣ въ избу, дружко выступаетъ впередъ и, обращаясь къ родителямъ, спрашиваетъ:

„Ну, матушка—батушко,

Чѣмъ вы молодыхъ своихъ пожертвуете?..“

Отвѣчаетъ обыкновенно мать въ сторону снохи:

„Коровку съ рогами,
Лошадку съ ногами,
Одно одонье ржи,
А другое сама нажни“!

Тутъ молодые опять въ ноги кланяются родителямъ, а затѣмъ дѣлаютъ поклону на всѣ четыре стороны. Священникъ читаетъ молитву и всѣ начинаютъ усаживаться за столъ; молодая сидитъ все время закрытая, молчитъ, ничего не ѣстъ. Свекровь подходитъ къ ней съ сковородникомъ и поднимаетъ имъ длинную шаль ея со словами:

„Не крива-ли, не слѣпа-ли
Наша молодица“?..

Молодую скоро уводятъ „обряжаться“; за ней уходитъ и молодой въ горницу, а если нѣтъ ея—къ сосѣдямъ. Въ избѣ остаются одни гости. Какъ только уходитъ священникъ, посылаютъ обыкновенно за колдуномъ. Колдуновъ на селѣ боятся въ такихъ случаяхъ: долго ли испортить молодыхъ, насадить килъ или поселить между ними нечистую силу. Колдуны всегда наперечетъ извѣстны по селу: одни посильнѣе, другіе послабѣе. Задобришь „сильнаго“, не посмѣетъ тогда сдѣлать худого „слабый“. Въ каждомъ селѣ почти найдутся двое-трое такихъ молодцовъ. Обыкновенно это—пожилые, вдовые крестьяне, бездѣтные, отнюдь не земледѣльцы, а какіе-нибудь ремесленники: рыбаки, лѣсники или караульщики. Всегда при этомъ самая ужаснѣйшая наружность: некрасивые съ свирѣпымъ видомъ, длинными бровями, большой всклокоченной бородой и волосами. Колдуновъ создаетъ тутъ само общество, начиная съ суевѣрныхъ бабъ и глупыхъ ребятишекъ. Умерла у престарѣлаго крестьянина жена, захандрилъ онъ, оставшись бобылемъ, сталъ нелюдимъ въ міру—вотъ уже и первое подозрѣніе на него: не спроста, дескать, все это дѣлается, съ чертями знаться начинаетъ. А тамъ глядишь мало по-малу накопляются факты. Какой-нибудь паренекъ видѣлъ старика во ржахъ съ заколдованными травами, другой сообщаетъ, что „ѣхалъ съ лошадьми“ мимо кладбища, видѣлъ его по-поясъ въ могилѣ; разрывалъ ногтями землю, доставалъ оттуда кости человѣческія... Такія новости нарасхватъ принимаютъ крестьяне и скоро не только по этой деревнѣ, но и въ окружныхъ селахъ становится извѣстнымъ, что такой-то — колдунъ, знается съ нечистымъ духомъ, обладаетъ той, или другой силой. Вотъ и начинаютъ къ нему стекаться отовсюду бабы: одна проситъ приво-

[1]) Смотря по погодѣ въ день брака—существуютъ разныя примѣты у крестьянъ. Если дождь идетъ: вѣкъ плакаться молодымъ на своихъ родителей. Ясно — и жизнь ихъ будетъ ясная да веселая. Идетъ погода—богатымъ быть; пасмурно—и въ супружествѣ будетъ неладно.

Digitized by Google

рожить къ ней мужа, другая насадить килы какому нибудь ненавистному человѣку, третья разрѣшить ея безплодіе. За все это онъ наперед проситъ богатыя жертвы и обильныя возліянія. Каждая навѣрняка принесетъ полуштофчикъ водки, рубль-другой денегъ, да холста, аршинъ десятокъ. Какъ устоять тутъ бездомному старику, у котораго нѣтъ ни жены, ни дочерей, что бы „ухеталъ“ его: сшилъ лишнюю рубашку, справилъ кафтанъ къ празднику. Тутъ сами идутъ деньги, чего же отъ нихъ отказываться: коли даютъ, бери! Вотъ онъ и беретъ посильныя приношенія, ворожитъ за нихъ по планамъ изобрѣтательной фантазіи, придумываетъ различныя травы и нашептыванія. По долгомъ опытѣ ознакомляется онъ хорошо съ растительнымъ царствомъ: узнаетъ дѣйствія различныхъ травъ и настоекъ. Сначала профессія его носитъ характеръ самоучки-лѣкаря, потомъ уже онъ начинаетъ злоупотреблять своими знаніями: портитъ людей, нагоняетъ повальныя болѣзни на скотъ и становится заправскимъ колдуномъ. Онъ завоевалъ уже себѣ нужный кредитъ въ обществѣ, ему нѣтъ нужды зашибать копѣйку *лѣченіемъ*, онъ всегда возьметъ деньги и за то, что не *портитъ*. Не далеко отъ насъ есть сплошное почти село колдуновъ. Тамъ доброму человѣку, говорятъ крестьяне, и жить невозможно: не угостишь, не заплатишь хорошенько „первостатейнымъ“ колдунамъ — и не думай заводиться хозяйствомъ: овцы дохнутъ, лошади не ходятъ, у коровъ вымя сохнетъ. Призываетъ хозяинъ заглаваго:—Ты сдѣлалъ? „Нѣтъ“.—Можешь поправить дѣло? „Могу, коли расчетъ будетъ“! Нечего дѣлать. Вынимаетъ хозяинъ 5 рублевую—идетъ опять наладъ хозяйство. Чѣмъ старше колдунъ, тѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ больше у него опытности въ нечистыхъ дѣлахъ. Крестьянинъ строго различаетъ тутъ „учениковъ“ отъ *настоящихъ* колдуновъ. Ученики эти—тоже какіе-нибудь сельскіе неудачники, рѣшающіеся „идти въ науку“ къ колдунамъ. Уроки эти преподаются обыкновенно въ нечистыхъ мѣстахъ: на чердакѣ, въ овинахъ или болотныхъ трущобахъ. Колдунъ сначала испытываетъ ученика, ужасаетъ его привидѣніями, погружаетъ въ воду по самую шею, зарываетъ въ могилахъ, заставляетъ прыгать черезъ костеръ и т. п... Когда выдержитъ ученикъ искусъ, тогда онъ открываетъ ему часть своихъ знаній и заповѣдуетъ строго держать ихъ втайнѣ; въ противномъ случаѣ онъ угрожаетъ самой ужасной смертью. Водятся по селамъ и колдуньи, коихъ создаетъ въ народѣ тотъ же факторъ—слѣпое невѣжество крестьянина. Колдуньи—тоже вдовы. Замѣчаются ночью, когда разсыпается надъ ея домомъ огненный змѣй [1]) въ искрахъ. Увидитъ какой-нибудь мальчишка и разнесетъ по всей деревнѣ. Вырабатываются точно также, какъ и колдуны; сначала онѣ простыя ворожеи: не портятъ, а только лѣчатъ. Станутъ постарѣе, заберутъ силы въ обществѣ—и изъ простой знахарки обращаются въ злую колдунью. Колдуньи гораздо слабѣе колдуновъ и далеко не такъ страшны для мужчины. Онѣ рѣдко портятъ людей; до полночи ворожатъ дѣвушкамъ, а съ полночи въ трубу вылетаютъ, оборотнями по селу ходятъ. Онѣ гораздо добрѣе колдуновъ: развѣ пошутятъ порой надъ запоздавшимъ пьянымъ человѣкомъ; оборотится свиньей да и пролетитъ между ногъ его, съ дикимъ визгомъ. Оборачивается вѣдьма у себя въ сѣняхъ: воткнетъ 12 ножей остріемъ кверху, перепрыгнетъ чрезъ нихъ—и станетъ любымъ оборотнемъ.

Колдуны люди нечистые; со смертію попадаютъ прямо въ адъ, но это не мѣшаетъ имъ безпокоить земныхъ враговъ своихъ. Они являются во снѣ, дѣлаютъ какіе-то завѣты и произносятъ угрозы за неисполненіе ихъ. На каждомъ сельскомъ погостѣ увидите вы двѣ—три могилы съ осиновыми кольями: ихъ вбили на могилахъ колдуновъ, чтобъ они не выходили по ночамъ изъ могилъ, не смущали бы мира живущихъ. Нечистые люди колдуны, не надо знаться съ ними, но не слѣдъ и раздражать ихъ: случится ли праздникъ или какой-нибудь торжественный случай въ семьѣ - надо звать колдуна: какъ бы худого чего не случилось. Такъ и на свадьбѣ. Родители жениха всегда позаботятся объ этихъ гостяхъ и съ поклонами отправятъ къ нему поддружье. Колдунъ не отказывается, но приходитъ послѣ священника: не боится онъ его самого, да боится креста его съ Божіимъ распятіемъ. На всякій случай хозяева принимаютъ нѣкоторыя мѣры отъ порчи: осѣняютъ крестомъ комнату, пишутъ кресты на притолкахъ входной двери. Попадутся удалые сваха съ дружкой и настроятъ подъ-часъ самыхъ пренепріятныхъ вещей для колдуна. Заткнутъ подъ столъ ножикъ, воткнутъ топоръ на порогѣ или перевернутъ рогачи съ ухватами; тогда бѣда колдуну: замечется, запрыгаетъ по комнатѣ какъ бѣшеный и убѣжитъ домой безъ шапки. Ве-

[1]) Змѣй—одно изъ основныхъ представленій нашихъ крестьянъ. Онъ попускается Богомъ за непростительный грѣхъ—тоски по мертвымъ. Вдовѣ змѣй является въ образѣ мужа, дѣвушкѣ въ образѣ жениха ея: возбуждаетъ въ нихъ томительное чувство любви и „сушитъ“ въ преступной связи съ собою.

Digitized by Google

селы эти шутки, но рѣдко онѣ имѣютъ мѣсто при свадьбахъ: и свахѣ съ дружкой достанется отъ разобиженнаго колдуна и молодой не сдобровать: либо зачахнетъ, либо въ „по кликушу“ [1]) обратится. Всегда поэтому избѣгаютъ раздражать колдуна, при свадьбахъ его особенно ублажаютъ: угощаютъ предпочтительно предъ всѣми. Долго онъ съ гостями не сидитъ, посидитъ часокъ, другой и распрощается съ хозяевами. Коли скажетъ на прощаніи: пусть, дескать, живутъ молодые въ *здоровьи* да въ *согласіи*, — все стало быть обойдется счастливо, а коли пойдетъ да покряхтитъ, только изъ подъ-лобья взглянувъ на хозяйку, тутъ ужъ дѣло неладно: жди чего нибудь худого, почаще молебны служи.

По уходѣ колдуна самые гости чувствуютъ себя какъ-то свободнѣе. Пойдутъ шутливые, сердечные разговоры, тутъ уже почаще станутъ прикладываться и къ чарочкѣ: скажешь лишнее слово бояться особенно некого: ушелъ „злой человѣкъ“.

Часовъ до 3-хъ, до 4-хъ кутятъ обыкновенно гости званые; (потомъ начинаютъ расходиться). Называютъ всѣ другъ друга сватами, да сватьями; названіе это присвоивается сторонами брачующихся по отношенію другъ къ другу. Часамъ къ 5 начинаютъ расходиться; длинной вереницей потянутся ряды охмелѣвшихъ мужиковъ съ бабами; идутъ, кто съ кѣмъ попалъ, непремѣнно обнявшись и съ пѣснями. (Остались силы — пустятся въ плясъ). Шумно проводятся вообще крестьянскія свадьбы; много шума по домамъ, еще больше выносятъ его на улицу!

А молодые пируютъ отдѣльно: въ „сосѣдяхъ“ или въ горницѣ. Тутъ все больше дѣвки, да близкія родственницы. Къ вечеру всѣ начинаютъ расходиться. Уводятъ и жениха съ невѣстой въ кухню. Тутъ начинаютъ готовить имъ брачную постель. Постель всегда справляется невѣстой [2]), она состоитъ обыкновенно изъ потника, грубой вотолы и 2-хъ, 4-хъ жесткихъ подушекъ. Съ измалолѣтства не привыкаютъ крестьяне къ роскоши: вполнѣ довольствуются и такой спартанской обстановкой. Стелятъ постель обыкновенно сваха съ замужней сестрой молодого. Въ Богоявленіи и Шакуровѣ (Елат. уѣз.) тутъ необходимо присутствуетъ еще поддружіе, смотритъ какъ бы тутъ не явилась попытка скрыть отсутствіе цѣломудрія молодой; случаи эти, говорятъ, бываютъ. Готова постель — на нее укладываются прежде всего, дружко со свахой; заигрываютъ обыкновенно другъ съ другомъ, отпускаютъ различныя нескромныя шуточки. Этотъ обычай обновленія новобрачной постели держится почти во всѣхъ нашихъ селахъ, но повсюду почти утратилъ старое содержаніе свое, всякій смыслъ для крестьянъ. Держится только потому, что нравится забавная форма, шутливая сторона дѣла. Приводятъ прежде молодую. Ее укладываетъ сваха въ присутствіи замужней сестры молодого; долго шепчется съ ней: учитъ ее уму разуму въ отношеніяхъ супружескихъ. Въ составъ этихъ оригинальныхъ наставленій входитъ между прочимъ совѣтъ: играть да „не заигрываться“ съ женихомъ; какъ бы не дошло до чего худого: грѣшно будетъ „худое дѣло“ до 3-хъ дней — до молебна [1]). Скоро приводятъ и жениха: та же сваха съ дружкой, укладываютъ и оставляютъ наконецъ молодыхъ съ шутливыми напутствованіями. Въ первые три дня отношенія молодыхъ сохраняются въ большинствѣ случаевъ чистыми. Невѣста особенно свято хранитъ этотъ обычай; въ крайнемъ случаѣ она нерѣдко бѣгаетъ отъ мужа и призываетъ на помощь свекровь съ дружкой. Въ селахъ, гдѣ замѣчается вліяніе однодворцевъ — обычай этотъ выходитъ изъ употребленія. Въ Шакуровѣ и Богоявленіи первая ночь для невѣсты носитъ почти обязательный характеръ. На другой день заявляются обыкновенно контролеры ея честности, дружко со свахой, и легко могутъ сдѣлать ее безъ вины виноватой,—опозорить въ глазахъ родителей. У насъ узнается все только на третій день; входитъ опять дружко со свахой и, если видятъ обоихъ въ хорошемъ расположеніи духа, тутъ стало-быть и толковать нечего: все обстоитъ благополучно. Золовка готовитъ ушатъ съ водой, сваха беретъ рубашку новобрачной и идутъ съ дружкой къ колодцу торжественно проливать ушатъ съ водою на виду всей деревни [2]). Невѣста даритъ тутъ золовкѣ поясъ. Обрядъ этотъ есть нѣчто въ родѣ публичнаго доказательства невинности

---

[1]) Покликуши — испорченныя, одержимыя злымъ духомъ женщины. Въ церковь ходятъ рѣдко, а если бываютъ за литургіею, нечистая сила сотрясаетъ больную и дважды (во время Херувимской пѣсни и чтенія Евангелія) вопитъ въ ней дикимъ потрясающимъ голосомъ. (Не разъ приходилось мнѣ самому быть очевидцемъ такихъ явленій).

[2]) За постелью посылаютъ передъ вечеромъ; выдаютъ дѣвушки послѣ выкупа мелкой монетой.

[1]) Иногда до недѣли.

[2]) Обрядъ имѣетъ очевидную связь съ представленіемъ народа о ключѣ, какъ источникѣ животворящей, плодотворной силы; ушатъ съ водой никогда не бываетъ заранѣе приготовленнымъ: воду достаютъ при самомъ обрядѣ и непремѣнно изъ *колодца*, гдѣ бьютъ водяныя жилы.

Digitized by Google

молодой и особенно имѣетъ мѣсто тогда, когда про невѣсту ходили по селу дурные слухи. Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пеньки, Абухово, отчасти и Темирево) обманувшійся супругъ наказываетъ свою молодую плетью. Входитъ сваха съ дружкой, а она стоитъ у него на колѣняхъ передъ кроватью, плачетъ и проситъ прощенія.

Дружко говоритъ обыкновенно: „прибавь, прибавь“! сваха заступается, старается умилостивить разгнѣваннаго супруга. На этотъ же день, если придутъ родители молодой, дружко выговариваетъ имъ за несоблюденіе чести дочкиной:

„Умѣли вы, родители любезные,
Вскормить-вспоить дочку родную,
А соблюсти не умѣли“!

Когда невѣста окажется честной, тотъ же дружко торжественно благодаритъ ихъ:

„Благодаримъ васъ, родители любезные,
Что умѣли вы вспоить-вскормить свою дочку родную,
Умѣли вскормить, — умѣли и добру научить“.

Въ нѣкоторыхъ селахъ (Пателино, Хохловка) на утро послѣ первой ночи бьютъ горшки о двери горницы, а войдутъ молодые въ избу — посуду объ полъ. Среди чистыхъ крестьянъ обычай этотъ почти не встрѣчается. По идеѣ у крестьянъ есть уже однородный обычай — проливаніе воды у колодца, но онъ происходитъ обыкновенно на третій день только. Другой день свадьбы проводится у крестьянъ всегда чинно, безъ особаго шума. Новобрачные идутъ съ утра къ родителямъ молодой, за ними и всѣ близкіе родственники. Устраивается нѣчто въ родѣ завтрака. Молодыхъ кормитъ мать отдѣльно; угощенія подаетъ большія и изысканныя. Отсюда всѣ идутъ на обѣдъ къ родителямъ жениха. Молодыхъ усаживаютъ въ передній уголъ, заставляютъ постоянно цѣловаться, спрашиваютъ объ имени другъ-друга; мужъ назоветъ ее обыкновенно по имени и отчеству, но никогда не дождется этой чести отъ молодой супруги; либо скажетъ „никакъ“, либо назоветъ ругательно: какимъ нибудь Степкой или Яшкой [1]). За столомъ подводятъ къ молодой какого нибудь маленькаго *мальчика* и сажаютъ на колѣнки. Она цѣлуетъ его, даритъ гостинцами и „дѣвичьимъ поясомъ“. Обрядъ этотъ сильно распространенъ между нашими крестьянами и твердо хранится ими.

Цѣль тутъ по понятіямъ крестьянъ двоякая: расположить молодую женщину къ рожденію дѣтей и внушить любовь вообще къ маленькимъ дѣтямъ. Послѣднее доказываетъ молодая предъ всѣми своимъ цѣлованьемъ и ласками, а духовную расположенность свою къ рожденію дѣтей отдачей *дѣвственнаго* пояса. Освобожденіе дѣвичихъ чреслъ отъ пояса имѣетъ какъ бы нѣкоторую связь съ рожденіемъ дѣтей.

Послѣ обѣда гости пьютъ обыкновенно брагу. Золовка беретъ вѣникъ и 3 раза подметаетъ полъ; молодая даритъ ее платкомъ. Обычай этотъ имѣетъ цѣлью установить добрыя отношенія золовокъ къ молодой, чтобъ помогали другъ другу въ хозяйствѣ, не перекорялись бы изо всякихъ пустяковъ, изъ того, напр., кому подметать полъ, топить печку и т. п... Первые два дня послѣ свадьбы гуляютъ обыкновенно у молодыхъ, а затѣмъ уже сами молодые ходятъ по своимъ родственникамъ, всегда почти съ родителями и дружкой. Свадебный пиръ длится обыкновенно цѣлую недѣлю, а иногда и больше, смотря по времени и достаткамъ. Молодая сама догадывается, когда нужно браться за работу; иная съ 3-го 4-го дня начинаетъ присматриваться къ хозяйству и помогать свекрови съ золовками. Супружескія отношенія „молодыхъ“ создаются и укрѣпляются постепенно. Попадаются жены, что по году и по два не зовутъ даже своихъ мужей по имени; долгое время дичатся ихъ, избѣгаютъ оставаться наединѣ; обращаются съ ними грубо, какъ бы обиженныя иль раздраженныя чѣмъ либо.

Съ первыхъ же дней выбираютъ себѣ „подружекъ“ изъ сосѣднихъ „молодицъ“ иль изъ старыхъ близкихъ дѣвушекъ. Имъ повѣряютъ онѣ всѣ тайны, дѣлятся и горемъ и радостью супружеской жизни. Въ большинствѣ случаевъ подруженьки — замужнія молодыя женщины изъ такъ называемыхъ названныхъ сестръ. Въ нѣкоторыхъ селахъ сохранился еще обычай посестрія [1]), которое переходитъ съ замужествомъ сторонъ въ „подружіе“. Отно-

[1]) За обѣдомъ берутъ у невѣсты полотенца и кладутъ ей деньги.

[1]) Самый обыкновенный обрядъ посестрія слѣдующій: „Дѣвушки (болѣе или менѣе подходящаго возраста) зажигаютъ восковыя свѣчи, становятся передъ иконами молча и долго кладутъ земные поклоны. Затѣмъ становятся другъ противъ друга, произносятъ взаимныя обѣщанія вѣрной дружбы и троекратно цѣлуются (въ уста и плечи) со словами: „будь же ты моя названная старшая, (или—младшая, смотря по возрасту) сестра, милѣе братцевъ единоутробныхъ, милѣе батюшки роднаго!!!

Digitized by Google

шенія подружекъ крайне тѣсныя, мало будетъ назвать ихъ даже отношеніями сестеръ. Тайнъ у нихъ почти никакихъ не бываетъ, онѣ откровеннѣе и задушевнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ съ родителями и мужьями своими. При всякомъ удобномъ случаѣ помогаютъ другъ другу, справляютъ разныя хозяйственныя обязанности; вѣрныя ходатайницы и посредницы при ссорахъ и семейныхъ непріятностяхъ. За мужьями другъ друга слѣдятъ такъ же ревниво, какъ за своими собственными; замѣтитъ одна что нибудь недоброе за мужемъ другой, услышитъ какіе нибудь толки на этотъ счетъ и сейчасъ спѣшитъ повѣдать все горемычной подругѣ. Поплачутъ, поголосятъ вмѣстѣ надъ несчастьемъ, а потомъ начнутъ совѣтъ держать какъ помочь горю, возстановить старыя отношенія. У мужей на этотъ случай есть свои помощники – „товарищи“; они выбираются изъ взрослыхъ парней и служатъ такую же службу, какъ подружки другъ другу. Товарищество холостыхъ съ женатыми за послѣднее время все увеличивается и увеличивается по мѣрѣ развитія отхожихъ промысловъ. Молодой супругъ не проживетъ иной разъ и году, какъ ужъ отецъ отправляетъ его на Волгу иль куда нибудь въ работники. Жена остается одна подъ слабымъ контролемъ свекрови и оставляетъ естественно тысячу опасеній за свою вѣрность. Хорошо еще есть въ семействѣ золовки да невѣстки, а если нѣтъ ихъ—тогда молодой женѣ и воля и доля: любись съ кѣмъ знаешь: кому нужно подсматривать грѣшки ея сердечные, да разсказывать о нихъ супругу „богоданному“? Печальные „грѣшки“ къ несчастью съ каждымъ годомъ все прибавляются и прибавляются. Все чаще и чаще можно встрѣтить среди крестьянъ случаи супружеской невѣрности. Виновны тутъ и отхожіе промыслы, и солдатчина: ранніе браки здѣсь положительно растлѣваютъ нравственность сельской молодежи, въ конецъ извращаютъ ее. За послѣднее время выбивается наружу болѣе грустное и оскорбительное явленіе „снохачества“.

A P Zvonkov
А. П. Звонковъ.

Ob vchastii sverkh'estestvennoy zily v narodnom sudoproizvodstvie

ОБЪ УЧАСТІИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЙ СИЛЫ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ

krest'ian elatomskago uiezda Tambovskoy gub.

КРЕСТЬЯНЪ ЕЛАТОМСКАГО УѢЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБ.

Одной изъ отличительныхъ чертъ древнѣйшаго процесса является безспорно та выдающаяся роль, которая принадлежала въ немъ Божеству. Судебная истина являлась въ глазахъ древняго человѣка одной изъ тѣхъ многочисленныхъ, недоступныхъ его пониманію тайнъ, которыя онъ считалъ исключительнымъ достояніемъ Божества и за раскрытіемъ которыхъ къ нему обращался. По характерному сравненію М. М. Ковалевскаго, древнѣйшее судебное разбирательство являлось скорѣе чѣмъ-то въ родѣ гаданія или вопрошанія оракула, а древнее судебное рѣшеніе не столько основывалось на холодной разсудочной дѣятельности человѣка, сколько являлось лишь выполненіемъ того или другого Божьяго внушенія *). Судебные поединки испытанія огнемъ и водой, бросаніе жребія, присяга истца, отвѣтчика, ихъ родственниковъ и другихъ лицъ и нѣкоторыя другія дѣйствія - вотъ тѣ способы, послѣ примѣненія которыхъ,—человѣчество вѣрило,—Божество въ той или другой формѣ обнаруживаетъ свою волю. Древнѣйшія законодательства наряду съ современнымъ обычнымъ правомъ многихъ некультурныхъ народностей въ обиліи сохранили намъ слѣды этого рода судебныхъ доказательствъ. Въ меньшемъ количествѣ, но все-таки находимъ мы ихъ и въ русскомъ обычномъ правѣ и притомъ по преимуществу въ

*) М. М. Ковалевскій: Современный Обычай и Древній Законъ, т. 2-й стр. 236.

Digitized by Google

правѣ тѣхъ мѣстностей, которыхъ наименѣе коснулось вліяніе новыхъ цивилизующихъ началъ, гдѣ въ бо̀льшей цѣлости сохранилось старинное религіозное міросозерцаніе, и гдѣ наряду съ оффиціальными волостными судами продолжаютъ существовать тѣ чисто народные, неоффиціальные суды родственниковъ, сосѣдей, схода и проч., въ практикѣ которыхъ обращеніе къ Божеству по премуществу сохранило свою силу. Но и здѣсь слѣды этой стороны старыхъ судебныхъ порядковъ сохранились лишь въ видѣ немногихъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ обломковъ. Лишь коегдѣ изрѣдка находимъ мы указаніе на рѣшеніе дѣла жребіемъ, на примѣнявшуюся когда-то ордалію, на выдающееся сравнительно съ закономъ значеніе присяги, на нѣкоторое юридическое значеніе божбы, на существованіе сверхъестественныхъ способовъ раскрытія виновнаго и отысканія краденой вещи еще до судебнаго разбирательства.

Одной изъ такихъ мѣстностей являются безспорно посѣщенные мною нынѣшнимъ лѣтомъ по порученію Отдѣла Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи—Елатомскій и Темниковскій уѣзды Тамбовской губерніи. Въ настоящемъ очеркѣ я попытаюсь свести воедино всѣ тѣ случаи вмѣшательства сверхъестественной силы въ судебное разбирательство, которые мнѣ удалось лично наблюсти въ этой мѣстности, или о которыхъ пришлось слышать. Одни изъ нихъ какъ присяга, божба, жребій и т. п. съ полной силой продолжаютъ примѣняться вплоть до настоящаго времени, разсказы объ другихъ, какъ объ ордаліяхъ, представляютъ собой только преданія отомъ, что имѣло здѣсь мѣсто когда-то, въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ. Изложенное вмѣстѣ, это представитъ тотъ матеріалъ, который мнѣ удалось по данному вопросу извлечь изъ этой мѣстности.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ вмѣшательства Божества какъ въ судебномъ разбирательствѣ, такъ и въ обыденной жизни является тотъ способъ призыванія его въ свидѣтели истины, который обыкновенно называютъ божбою,—способъ, нечего и говорить, давно утратившѝй всякое религіозное и юридическое значеніе. Еще во Второзаконіи находимъ мы извѣстное запрещеніе пользоваться имъ, какъ такимъ, въ которомъ имя Божіе упоминается не серьезно, при чемъ тотъ же памятникъ вполнѣ допускаетъ пользованіе клятвой въ важныхъ случаяхъ. Кромѣ обычныхъ формулъ божбы: „Ей Богу“, „вотъте Христосъ“ и т. п., крестьянѐ называютъ также божбою нѣкоторыя другія, на первый взглядъ не имѣющія съ божествомъ ничего общаго. Такъ „христіанской“ божбой называются выраженія „съ мѣста не сойти“, „глаза лопни“ и т. п. Названіе этой божбы христіанской по всей вѣроятности объясняятся тѣмъ, что слова „христіанскій“ и „крестьянскій“ у крестьянъ постоянно смѣшиваются и слова „христіанская божба“, по всей вѣроятности, равносильны словамъ „обычная, общеупотребительная божба, которою пользуются всѣ добрые люди“. Юридическаго значенія, какъ я уже сказалъ, божба не имѣетъ. „Не божиться, такъ и не воровать“ говорятъ крестьяне; „попался, такъ и божится, на божбу его не глядишь. Что же, что божится! я самъ видѣлъ!“ говорятъ крестьяне о тѣхъ, кто божится. Но въ видѣ исключенія, по обоюдному согласію сторонъ случается иногда, что судебное разбирательство кончается простою божбою. Одинъ изъ спорящихъ, не желая, какъ говорятъ крестьяне, „доходить изъ за малаго до большихъ дѣловъ“, предлагаетъ другому побожиться въ присутствіи родственниковъ или стариковъ схода (смотря по тому, гдѣ разбираетея дѣло), и, если тотъ побожится, считаетъ дѣло оконченнымъ. Трудно сказать, на чемъ больше основывается доказательная сила божбы въ этомъ случаѣ: на ея ли собственной внутренней силѣ или только на той обстановкѣ, въ которой она произносится. По всей вѣроятности послѣдняя играетъ въ этомъ случаѣ такую же, если если еще не болѣе важную роль, что и первая. Кромѣ обыкновенныхъ формъ божбы, въ этомъ случаѣ употребляется другая, болѣе страшная божба женой, дѣтьми и самимъ собой, формулъ которой я, къ сожалѣнію, не могъ узнать. Окончаніе дѣла божбой бываетъ по преимуществу въ спорахъ между родственниками и при томъ тогда, когда они разбираются на судѣ родственниковъ же или на судѣ сельскаго схода. „Бываетъ такъ“, говорятъ крестьяне, „спорятъ братъ съ братомъ; выйдутъ на сродство или на стариковъ. Кто жалуется, скажетъ: побожись дѣтьми или собою или такъ просто по христіански побожись: „вотъ съ мѣста не сойти“ или „не видать мнѣ ничего“. Тотъ побожится и дѣло кончаютъ; попа не тревожатъ. Братъ, который жаловался, скажетъ: „владѣй моимъ добромъ, коли ложно божбу принялъ! Богъ съ тобой, я не гонюсь“.

Совершенно иное значеніе имѣетъ присяга, какъ призываніе Бога въ свидѣтели истины, дѣлаемое въ особой торжественной формѣ, къ которому прибѣгаютъ только въ тѣхъ слу-

Digitized by Google

чаяхъ, когда нѣтъ возможности иными путями добраться до истины. Для людей присяга является тѣмъ крайнимъ средствомъ раскрытія истины, къ которому прибѣгаютъ, когда всѣ остальныя средства уже испробованы и не привели ни къ какимъ результатамъ. Присяга—это то средство, послѣ примѣненія котораго крестьяне вѣрятъ, что самъ Богъ раскроетъ истину людямъ. Крестьяне убѣждены, что тотъ, кто приметъ присягу, будетъ дѣйствительно говорить правду, подъ страхомъ въ противномъ случаѣ жестокаго Божья гнѣва и неминуемой жестокой Божьей кары. Увѣренность въ неминуемости этой послѣдней, какова бы она ни была,—точныхъ представленій объ ней мнѣ встрѣтить не удалось,— у крестьянъ такъ велика, такимъ невѣроятнымъ и исключительнымъ является одно предположеніе о возможности ложной присяги, что эта послѣдняя не теряетъ своей безусловной доказательной силы даже и тогда, когда завѣдомо она принята ложно. Будетъ сказана ложь,—все равно присягѣ вѣрятъ, пускай вся совокупность другихъ доказательствъ говоритъ противное. Другое дѣло ложно присягнувшій. Онъ творитъ страшный грѣхъ, за который въ той или иной формѣ, въ этой или будущей жизни, такъ или иначе, но ему придется жестоко платиться. Опредѣленныхъ представленій относительно того, въ какой именно формѣ обрушивается на него Божье наказаніе, я не встрѣчалъ. Тяжесть вины ложно присягнувшаго увеличивается еще тѣмъ, что кромѣ обмана Божества, онъ является виновникомъ постановки неправильнаго судебнаго рѣшенія, отвѣтственность за которое съ этого времени также, по понятіямъ крестьянъ, всею своей тяжестью ложится не на судей, а на него одного. Судьи, послѣ принятія обвиняемымъ присяги, свободны отъ всякаго нареканія общественнаго мнѣнія, отъ всякой отвѣтственности какъ нравственной, такъ и юридической. „Коли приметъ присягу, ей вѣрятъ," говорятъ крестьяне; „хоть онъ тамъ и согрѣшилъ, принялъ присягу — его дѣло. Присягу кто даетъ, пущай отвѣчаетъ за свои грѣхи самъ. Начальство все покрываетъ подъ присягу. Такъ божится не вѣрятъ." Юридической отвѣтственности за ложную присягу, сколько мнѣ извѣстно, не бываетъ. Все то, чѣмъ могутъ наказать ложно присягнувшаго человѣческія власти, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ждетъ его отъ Бога. Ниже я приведу случай, гдѣ завѣдомо была принята ложная присяга. Немаловажнымъ обстоятельствомъ, укрѣпляющимъ въ глазахъ крестьянъ уваженіе къ присягѣ, является, по ихъ собственнымъ словамъ, то, что они знаютъ, что присяга признается и закономъ, и между прочимъ примѣняется, по ихъ взглядамъ, съ тѣмъ же значеніемъ, что и у нихъ, и въ такъ называемыхъ „большихъ" т. е. окружныхъ судахъ.

По словамъ крестьянъ, къ присягѣ прибѣгаютъ въ практикѣ судовъ родственниковъ и въ практикѣ суда сельскаго схода. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ она примѣняется крайне рѣдко. Говоря о случаяхъ обращенія къ ней на судѣ родственниковъ, я основываюсь только на словахъ нѣкоторыхъ крестьянъ, говорившихъ мнѣ, что, „какъ ни въ чемъ нельзя уличить, знамо присягу. Бываетъ, да рѣдко, и отъ сродниковъ присяга: все больше по большимъ судамъ." Лично я не знаю ни одного случая ея примѣненія у родственниковъ, что и неудивительно, такъ какъ вообще суду сосѣдей и родственниковъ подвѣдомственъ довольно узкій кругъ дѣлъ, и, если присяга въ нихъ и примѣняется, то, конечно, это бываетъ крайне рѣдко. Приведенныя слова во всякомъ случаѣ указываютъ на то, что присяга у родственниковъ не является чѣмъ-то немыслимымъ, по крайней мѣрѣ по понятіямъ крестьянъ. Что касается до суда старостъ и стариковъ схода, то мнѣ лично извѣстенъ одинъ случай ея примѣненія, случай, къ которому я вернусь ниже. Относительно практики волостнаго суда я имѣю рядъ указаній на то, что по крайней мѣрѣ, въ названныхъ двухъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, къ ней не прибѣгаютъ. Что касается до того, для кого изъ тяжущихся допускается присяга, то мнѣ извѣстны только случаи приведенія къ ней отвѣтчика. На существованіе такъ называемой „дополнительной" присяги т. е. той присяги, которая предоставляется истцу въ небольшихъ искахъ при отсутствіи другихъ доказательствъ, то мнѣ не пришлось встрѣтить указаній. Если она и допускается, то несомнѣнно, что это встрѣчается крайне рѣдко.

Какъ и присяга, приносимая отвѣтчикомъ, доказательную силу имѣетъ иногда и присяга, приносимая кѣмъ-нибудь изъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступленію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она освобождаетъ отъ преслѣдованія всѣхъ обвиняемыхъ, даже и главныхъ. Говоря это, я имѣю въ виду одинъ случай, имѣвшій мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ селѣ Поляковскій Майданъ, Елатомскаго уѣзда. Два мужика совершили кражу у третьяго пьянаго: во время сна украли у послѣдняго деньги. Одна женщина, какъ всѣмъ было извѣстно, близко знала объ этомъ преступленіи, такъ какъ послѣ кражи мужики были

Digitized by Google

у нея. Свидѣтельницами кражи были двѣ дѣвушки. Женщина, о которой было сказано, приняла присягу и освободила обвиняемыхъ отъ преслѣдованія. Все село было убѣждено, что присяга была принята ложно, что подозрѣваемые дѣйствительно совершили кражу. Говорили о 5 рубляхъ, которые были обѣщаны женщинѣ обвиняемыми, (которые послѣ, не были ей отданы); „баба приняла присягу за грошъ"—говорили крестьяне. Тѣмъ не менѣе, присяга всетаки сохранила полную доказательную силу и освободила обвиняемыхъ отъ преслѣдованія, на основаніи того убѣжденія, что „начальство все покрываетъ подъ присягу". Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны подробности этого любопытнаго случая. Повидимому присяга принималась въ томъ, что не было совершено самаго факта воровства; неизвѣстнымъ, далѣе, является то, почему было рѣшено окончить дѣло присягой въ то время, какъ на лицо были свидѣтели преступленія, и при томъ свидѣтели „видоки", которымъ крестьяне очень вѣрятъ, и показанія которыхъ пользуются предпочтеніемъ даже передъ письменными документами [1]); прибѣгли ли къ ней по требованію судей или по предложенію одной изъ сторонъ. Но несомнѣннымъ слѣдствіемъ этого факта, слѣдствіемъ подтверждаемымъ и другими показаніями крестьянъ, является то, что присяга имѣетъ болѣе доказательной силы, нежели свидѣтельскія показанія. Неудалось мнѣ также узнать, приводилась ли эта женщина къ присягѣ, какъ обвиняемая, или какъ свидѣтельница.

Иногда присягой кончаютъ дѣло, не доводя его до суда. Въ томъ же селѣ (Поляковскій Майданъ Елатомскаго уѣзда) былъ слѣдующій случай. У одной бабы была совершена кража. Потерпѣвшая подумала на сноху. Сноха и свекровь условились „не доходить до суда, кончить дѣло между собою". Свекровь привела сноху въ церковь и заставила ее при священникѣ принять присягу. Присяга была принята, и сноха стала отъ подозрѣній свободна.

Говоря о присягѣ, я долженъ замѣтить, что описанное ея значеніе мнѣ пришлось встрѣтить далеко не во всѣхъ селахъ, а по преимуществу въ нѣкоторыхъ бывшихъ государственныхъ селахъ Елатомскаго уѣзда, гдѣ въ болѣе развитомъ видѣ сохранились суды родственниковъ, сосѣдей, схода и прочіе народные суды. Въ большинствѣ другихъ селъ мнѣ неоднократно заявляли, что „присягой дѣлъ не рѣшаютъ, что ей теперь вѣры нѣту". Я не имѣлъ возможности провѣрить, на сколько въ этихъ послѣднихъ факты соотвѣтствуютъ показаніямъ крестьянъ.

Присяга принимается, какъ я уже сказалъ, въ церкви, въ присутствіи священника, передъ крестомъ и евангеліемъ.

Въ близкомъ отношеніи, по своей силѣ, къ присягѣ стоитъ особая извѣстная народная клятва, такъ же какъ и прочія, называемыя божбой, формула которой выражается словами „провались я сквозь землю". Божба эта является одной изъ тѣхъ, которыми не злоупотребляютъ, и къ которымъ прибѣгаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Послѣдствія произнесенія ея для подтвержденія неправды — на этомъ свѣтѣ сухотка и смерть, на томъ — почти тѣ же мученія, что ждутъ и ложно присягнувшаго.

Присяга—не единственный способъ, посредствомъ котораго слабое человѣчество обращалось въ старину къ Божеству и находило у него помощь въ разрѣшеніи темныхъ судебныхъ дѣлъ. Присягой человѣкъ призывалъ Божество ближе, если можно такъ выразиться, слѣдить за ходомъ дѣла и особенно за словами обвиняемаго и, какъ всевѣдущее и всемогущее, поразить его въ случаѣ ложнаго показанія. Вѣрованіе въ благосклонное участіе Божества въ судебномъ разбирательствѣ и до сихъ поръ, какъ мы видѣли, такъ крѣпко живетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что присяга и до сихъ поръ считается въ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, должна считаться, вполнѣ цѣлесообразнымъ средствомъ побудить подозрѣваемаго сказать правду. Случаи ложной присяги, хотя и бываютъ, но бываютъ, сравнительно, рѣдко. Но присяга, какъ я сказалъ, не единственный способъ, которымъ въ старину Божество призывалось на помощь при разбирательствѣ темныхъ судебныхъ дѣлъ. Кромѣ нея существовалъ другой путь, которымъ Божество приглашалось немедленно обнаружить свою волю, немедленно рѣшить дѣло въ ту или другую сторону, сообразно съ сокрытой отъ людей, но открытой его Божескому всевѣдѣнію и премудрости истиной, а не быть только его всемогущимъ, всевѣдущимъ и всеправеднымъ свидѣтелемъ. Тѣмъ болѣе основанія бывало для людей прибѣгать къ этому послѣднему способу рѣшенія дѣла, когда споръ шелъ о какомъ-нибудь предметѣ, имѣю-

[1]) Словомъ „видокъ" крестьяне и до сихъ поръ обозначаютъ свидѣтелей очевидцевъ Отъ свидѣтелей видоковъ крестьяне отличаютъ—послуховъ, подъ которыми разумѣютъ всѣхъ лицъ, тѣмъ или инымъ путемъ, послухомъ слышавшихъ о преступленіи Показанія послѣднихъ не имѣютъ никакой силы. „Мало ли что мы—слышимъ, что люди говорятъ"! Первое слово и до сихъ поръ довольно часто употребляется крестьянами.

Digitized by Google

щемъ особое отношеніе къ Божеству. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время судовъ Божіихъ уже давно не существуетъ, тѣмъ не менѣе въ этой мѣстности и до сихъ поръ сохранились преданія объ обращеніи къ нимъ въ былое время. Мнѣ извѣстно одно изъ этихъ преданій, слышанное мною отъ многихъ крестьянъ села Чермныхъ, Темниковскаго уѣзда. Тонъ разсказчиковъ, ихъ убѣжденность въ полной цѣлесообразности того способа рѣшенія дѣла, о которомъ они разсказываютъ, наконецъ,—самая популярность, которой пользуется этотъ разсказъ въ данной мѣстности, не даютъ, повидимому, основаній сомнѣваться въ томъ, что, повторись старый случай опять, многіе, если не всѣ, не видѣли бы основанія, почему опять не прибѣгнуть къ старому способу его рѣшенія. Разсказъ этотъ слѣдующій. Нѣкогда, очень давно тому назадъ, разсказываютъ, крестьяне села Чермныхъ имѣли одну общую церковь съ крестьянами сосѣдняго села Котельни (Елатомскаго уѣзда). Церковь находилась по срединѣ между обѣими деревнями, приблизительно въ равномъ разстояніи отъ той и другой, и въ праздники крестьяне изъ обѣихъ деревень ходили туда къ обѣднѣ. Съ теченіемъ времени обнаружились неудобства этого положенія дѣлъ, и крестьяне рѣшили построить въ каждомъ селѣ свою особую церковь. Тогда возникъ споръ о томъ, кому строить у себя новую, кому воспользоваться старою церковью; и тѣмъ, и другимъ хотѣлось воспользоваться послѣдней. Послѣ долгихъ и безплодныхъ споровъ, въ которыхъ та и другая сторона всѣми способами старались доказать свое преимущественное право собственности на церковь было рѣшено переговоры прекратить и отдать дѣло на Божью волю. И Котельня и Чермные находятся на берегу рѣки Мокши. На берегу той же рѣки находилась и старая церковь; вверхъ отъ нея, противъ теченія были Чермные, внизъ—Котельня. Было рѣшено разобрать церковь по бревнамъ, пустить ихъ въ воду и смотрѣть, куда они поплывутъ; если бревна поплывутъ внизъ по теченію, церковь должна была принадлежать Котельнѣ, если вверхъ — Чермнымъ. Бревна поплыли вверхъ, противъ теченія. Крестьяне поняли Божью волю, и старая церковь была перенесена въ село Чермные, а въ Котельнѣ построили новую. Разсказъ объ этомъ чудѣ Божіемъ и до сихъ поръ хорошо извѣстенъ въ этой мѣстности; всякій Чермнскій крестьянинъ хорошо знаетъ, что его село владѣетъ церковью по особому Божьему изволенію. Безспорно, что случай этотъ не представляетъ собой въ полномъ видѣ того, что обыкновенно называютъ ордаліей. Несомнѣнными признаками, сближающими его съ этими послѣдними, являются существованіе спора между двумя сторонами, обращеніе къ Божеству за его разрѣшеніемъ и дѣйствительное (по воспоминаніямъ), сверхъестественное рѣшеніе этого послѣдняго. Но съ другой стороны является неяснымъ, по какому основанію Божество вынесло свой приговоръ. Въ ордаліи Божество своимъ приговоромъ обнаруживаетъ справедливость притязаній одной изъ сторонъ. Въ приведенномъ случаѣ рѣшеніе дѣла въ пользу крестьянъ села Чермныхъ не служитъ еще доказательствомъ правоты ихъ притязаній. Притязанія обѣихъ деревень могли быть одинаковы законны, такъ какъ церковь могла быть ихъ общею собственностью, и тогда рѣшеніе могло основываться только на томъ, что ему, по какимъ-нибудь непонятнымъ для людей соображеніямъ, могло быть угодно имѣть церковь именно на этомъ, а не на какомъ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ мы и имѣли бы здѣсь передъ собой одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ разсказовъ о томъ, какъ Богу или святому угоднику бывало желательно имѣть церковь на опредѣленномъ мѣстѣ [1]). Преданіе не даетъ основанія рѣшать вопросъ въ ту или другую сторону. При допущеніи втораго предположенія въ разсказѣ всетаки остаются признаки, несомнѣнно дающіе возможность сближать его съ ордаліей: это именно обращеніе къ Божеству при рѣшеніи спорнаго дѣла и дѣйствительное сверхъестественное рѣшеніе имъ этого послѣдняго. Преданіе это несомнѣнно народное; духовенство знаетъ его отъ крестьянъ [2]).

Другимъ способомъ рѣшенія судебныхъ дѣлъ не обнаруживающимъ такъ осязательно непосредственнаго вмѣшательства Божества, но тѣмъ не менѣе находящимся въ тѣсной связи съ его сверхъестественной силой, его всевѣдѣніемъ и готовностью въ трудныхъ случаяхъ приходить на помощь людямъ, является рѣ-

[1]) Разсказы эти довольно распространены въ этой мѣстности Ср. разсказъ о построеніи церкви въ честь явленной иконы св. Николая Можайскаго въ с. Темиревѣ Елатомскаго уѣзда.

[2]) Близко напоминаетъ приведенную ордалію разсказъ о чудѣ Божіемъ бывшимъ со св. Іоанномъ, архіепископомъ Новгородскимъ, память котораго празднуется 7 сентября. Святый Іоаннъ, разсказываетъ житіе, путешествовалъ на бѣсѣ верхомъ въ Іерусалимъ. Впослѣдствіи святый не исполнилъ просьбы бѣса никому не говорить объ этомъ и поэтому подвергся его преслѣдованіямъ. По его наущенію Новгородцы заподозрили святаго въ безнравственной жизни и рѣшили изгнать его за это изъ города. Епископа привели къ мосту на Волховѣ, поставили его на плотъ и пустили внизъ по рѣкѣ.

Digitized by Google

шеніе темныхъ судебныхъ дѣлъ посредствомъ жребія. Кому извѣстный жребій достанется, тотъ и является тѣмъ лицомъ, по отношенію къ которому, согласно Божьему указанію, рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе той или другой своей стороной по разъ установленному значенію жребія. Въ гражданскихъ дѣлахъ жребіемъ опредѣлялся тотъ порядокъ, который долженъ былъ установиться, какъ наиболѣе правомѣрный. Случай при рѣшеніи дѣла жребіемъ не имѣлъ мѣста: то или другое рѣшеніе считалось прямымъ результатомъ непосредственнаго высшаго божескаго вмѣшательства и благосклоннаго раскрытія высшихъ божественныхъ предначертаній. Таково значеніе жребія въ его первоначальномъ видѣ, такова его древнѣйшая роль въ процессѣ, и такимъ мы находимъ его въ правѣ многихъ некультурныхъ народностей. Не совсѣмъ такимъ является его значеніе въ *русскомъ обычномъ правѣ*, имѣя въ настоящую минуту главнымъ образомъ въ виду обычное право крестьянъ Елатомскаго и Темниковскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи. Тамбовскому крестьянину уже не совсѣмъ ясно представляется мысль о непосредственномъ вмѣшательствѣ Божества въ рѣшеніе этимъ путемъ судебныхъ дѣлъ. „Жребіемъ рѣшаемъ, чтобы никому обидно не было“—вотъ то утилитарное основаніе, которое придается въ настоящее время жребію. Участіе Божества сводится къ принятію какой то простой непонятной сверхъестественной силы, которая какъ-нибудь рѣшаетъ дѣло и, какъ бы она ни рѣшила, является иногда желательной уже по одному тому, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть лицъ сознательно противъ кого нибудь недовольныхъ за рѣшеніе. Какъ отголосокъ, впрочемъ, другихъ представленій о жребіи можно слышать иногда еще и теперь, хотя и не особенно часто, слова, что жребій—это судъ Божій, что это не случай, а обнаруженіе его святой воли, и что рѣшеніе, вынесенное на основаніи жребія, должно считаться особенно священнымъ. Такъ между прочимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ, части, полученныя при раздѣлѣ жребіемъ, въ силу, между прочимъ, одного этого, на ряду съ другими основаніями, считаются неприкосновенными: „по суду Божію пришли,“ „Богъ опредѣлилъ,“ говорятъ крестьяне, „супротивъ Бога не пойдешь.“ Но представленія такого рода, какъ я уже сказалъ, являются только въ видѣ отживающихъ свой вѣкъ отголосковъ далекаго прошлаго, отголосковъ, лишь тамъ и сямъ заявляющихъ о своемъ существованіи, но на каждомъ шагу уступающихъ свое мѣсто другимъ, менѣе высокимъ, но за то болѣе соотвѣтствующимъ современному состоянію умственнаго и нравственнаго уровня крестьянъ представленіямъ о жребіи. Самое количество и характеръ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ прибѣгаютъ къ жребію, указываютъ на то невысокое значеніе въ судебномъ разбирательствѣ, которое въ настоящее время ему придается. Правда, обращаются къ нему лишь въ крайнихъ случаяхъ, лишь послѣ того, какъ безуспѣшно испробованы всѣ остальныя человѣческія средства примиренія, — черта, безспорно сближающая его съ прочими судами Божьими—но обращеніе это имѣетъ мѣсто, сколько мнѣ извѣстно, лишь въ судахъ родственниковъ, сосѣдей и схода, и при томъ лишь въ одномъ только случаѣ, именно въ дѣлахъ о раздѣлахъ, да и въ этомъ случаѣ люди стараются сдѣлать все зависящее отъ нихъ, чтобы сдѣлать могущее быть неправильнымъ т. н. Божье рѣшеніе въ этомъ случаѣ какъ можно менѣе ощутительнымъ для спорящихъ сторонъ. Задолго до бросанія жребія имущество съ заботливостью дѣлится на возможно равныя части и только какое нибудь неравенство въ мелочахъ предоставляется безобидному рѣшенію, когда то игравшей столь большую роль въ судебномъ разбирательствѣ Божьей воли. О рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ жребіемъ не можетъ быть и рѣчи; также не примѣняется онъ и въ другихъ гражданскихъ дѣлахъ.

Жребій примѣняется, какъ я уже сказалъ, въ практикѣ судовъ родственниковъ, сосѣдей и сельскаго схода. Что касается до примѣненія его на волостномъ судѣ, то въ уѣздахъ, посѣщенныхъ мною нынѣшнимъ лѣтомъ, мнѣ

„Но неповинность праведнаго“, повѣствуетъ житіе, „поспѣшествующей благодати Божіей, преможе и посрами врага: ибо святому на плотъ посаждену бывшу, поплове плотъ той вверхъ рѣки, противу великія быстрины водныя, яже есть у великаго моста, никимже влекомый, точію силою Божіею, и пловяше къ монастырю святаго Георгія, отстоящему отъ града за три поприща. Людіе же видяше таковое чудо, ужасахуся, и премѣнишеся отъ злобы, растерзаху ризы своя, и рыдаху глаголюще: согрѣшихомъ и неправедное содѣяхомъ, овцы суще пастыря осудихомъ“. Новгородцы провожали святаго Іоанна вдоль берега и просили его вернуться назадъ. Святой внялъ ихъ просьбамъ и не доѣзжая полъ поприща отъ названнаго монастыря, присталъ къ берегу. „Народи же“, продолжаетъ житіе, „съ плачемъ припадающе къ нему прощенія просяху, и радовахуся, яко умолиша святаго, и *яко откры Господь неповинное и чистое житіе его*“ (Четьи-Минеи изд. 1816 г. 7 сентября). Г. Звонковъ сообщалъ мнѣ, что житіе св. Іоанна Новгородскаго извѣстно и крестьянамъ Елатомскаго уѣзда, при чемъ особенной популярностью пользуется разсказъ о путешествіи этого святаго на бѣсѣ въ Іерусалимъ·

Digitized by Google

неоднократно заявляли, что жребій на волостномъ судѣ здѣсь совсѣмъ не примѣняется. Бѣглый просмотръ рѣшеній волостныхъ судовъ, за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ подтвердилъ эти слова, за полную справедливость которыхъ я всетаки не могу поручиться. Что же касается до дѣлъ о раздѣлахъ, то, по неоднократнымъ заявленіямъ крестьянъ, провѣреннымъ фактами, мнѣ извѣстно что они въ этой мѣстности до суда почти не доходятъ, а, если это когда нибудь и бываетъ, то, большею частью, снова возвращаются волостными судьями на разсмотрѣніе схода, или же судьи только подтверждаютъ старыя рѣшенія. „Какъ сходъ рѣшитъ, такъ волостные судьи поэтому и дѣлаютъ," говорятъ крестьяне. „Старики пуще всего знаютъ". Объ общемъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о раздѣлахъ крестьяне говорятъ такъ: „Дѣлежъ если, сосѣдовъ, сродство кличутъ. Не довольны — качнется на сходъ. Не довольны — волостной судъ. Да старики пуще всего знаютъ. Онъ потѣшитъ себя, подастъ прошеніе, а оно опять на стариковъ вернется. Волостной судъ стариковъ не обходитъ: они лучше все знаютъ." „Знаютъ, и грѣшатъ немножко," прибавляютъ крестьяне, „да ихъ много: 12 человѣкъ. Сходъ нынче больше все на вино, да и волостной судъ тоже: мы, говорятъ, безъ жалованья." Въ другихъ извѣстныхъ мнѣ уѣздахъ Тамбовской губерніи (Шацкомъ и Моршанскомъ) дѣла о раздѣлахъ до суда доходятъ чаще, рѣшаются ли они тамъ жребіемъ — мнѣ неизвѣстно. Въ практикѣ схода и на судѣ родственниковъ жребій допускается и тамъ.

Есть разница въ характерѣ рѣшенія, основаннаго на жребіи, смотря по тому, брошенъ ли онъ на судѣ у родственниковъ, или на судѣ схода. Разница находящаяся въ тѣсной связи съ разницей въ общемъ характерѣ рѣшеній этихъ народныхъ судовъ, на которой я въ силу этого и принужденъ въ настоящую минуту въ короткихъ словахъ остановиться. Судъ сосѣдей не отдѣляется въ данной мѣстности отъ суда родственниковъ. И тѣ и другіе, безъ различія въ главномъ, одинаково призываются для рѣшенія большею частью маловажныхъ дѣлъ между родственниками. Если и является разница между сосѣдями и родственниками, какъ судьями, такъ это только въ томъ, что не ко всякому дѣлу между родственниками допускаются на ряду съ родственниками и сосѣди, а не на оборотъ. Какъ самостоятельнаго вида народныхъ судовъ, суда сосѣдей въ этой мѣстности не существуетъ. Что касается до тѣхъ взглядовъ, которые существуютъ у крестьянъ на сосѣдей, то они прекрасно выразятся въ разговорѣ каждаго объ этомъ предметѣ. Всякій скажетъ, что „сосѣдъ все видитъ, онъ тутъ близко, а родственникъ далѣе; сосѣда позовешь помочь справиться съ сыномъ; сосѣди первые придутъ мирить, если ссора въ домѣ случится, къ сосѣду, коли онъ хорошій, пойдешь въ бѣдѣ посовѣтоваться и т. п. Относительно „почитанія" сосѣдей существуютъ особыя правила, при томъ правила не вездѣ одинаковыя. Въ однихъ селахъ „почитаютъ" только сосѣдей „п'обочь", т. е. сосѣдей направо и налѣво отъ двора, въ другихъ кромѣ нихъ почитаютъ еще два двора насупротивъ. „Почитаніе" сосѣдей выражается обыкновенно въ приглашеніи ихъ гулять на свадьбы, крестины и праздники. Характерную черту этого суда родственниковъ, какъ я буду называть этотъ смѣшанный изъ родственниковъ и сосѣдей судъ, въ которомъ родственники являются всетаки преобладающимъ элементомъ, представляетъ то, что рѣшенія его, основывая свою силу исключительно на обоюдномъ согласіи сторонъ ему подчиниться, не имѣютъ никакой юридически обязательной силы, не снабжены никакими средствами принужденія. Отъ доброй воли лицъ, обратившихся къ суду родственниковъ, зависитъ, подчиниться его рѣшенію или не подчиниться. Но если нельзя говорить, по отношенію къ этимъ судамъ объ обязательности юридической, то рѣшенія ихъ являются безспорно нравственно обязательными для сторонъ, разъ рѣшившихся къ нимъ прибѣгнуть. Если бы, основываясь на его, такъ сказать, незаконности, кто-нибудь не захотѣлъ ему подчиниться, то онъ встрѣтилъ бы сильное нареканіе общественнаго мнѣнія. Судъ схода и волостной судъ являются по отношенію къ суду родственниковъ чѣмъ-то въ родѣ аппелляціонныхъ инстанцій, къ которымъ, если нельзя сказать, что должно и что всегда такъ бываетъ, то во всякомъ случаѣ къ которымъ, по мнѣнію крестьянъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ слѣдовало бы обращаться лишь въ случаѣ неудовлетворительнаго рѣшенія дѣла родственниками. Но и въ этомъ случаѣ съ рѣшеніемъ родственниковъ считаются, какъ съ настоящимъ судебнымъ рѣшеніемъ, и слова, „чего просите: вѣдь вы уже сошлись", будутъ первыя, которыя услышитъ тотъ, кто, недовольный родственниками, захотѣлъ бы, чтобы его дѣло разобрали старики на сходѣ. Дѣятельность этого суда родственниковъ также, какъ и всѣхъ народныхъ судовъ, извѣстна подъ названіемъ „мирить". — Что касается до суда сельскаго схода, то въ дѣлахъ о раздѣлахъ при-

Digitized by Google

говоры его имѣютъ обязательную силу. Рѣшеніе его постановляется старостой съ выборными стариками, которые, по назначенію схода, производятъ раздѣлъ на мѣстѣ. Такимъ образомъ, возвращаясь въ жребію, разница между жребіемъ, бросаемымъ при раздѣлѣ родственниками и сосѣдями съ одной стороны, и старостой со стариками съ другой—такова, что жребію, бросаемому первыми, стороны подчиняются только по обоюдному согласію подчиниться, жребій же, бросаемый вторыми, для нихъ обязателенъ, и не позволить его бросить или отказаться отъ повиновенія разъ брошенному—не въ ихъ волѣ. Выше были указаны тѣ соображенія, которыя придаютъ рѣшеніямъ судовъ родственниковъ больше чѣмъ простой факультативный характеръ.

Бросаніе жребія при раздѣлѣ совершался иногда въ особой торжественной обстановкѣ. Изба чисто выметается, столъ въ переднемъ углу накрывается бѣлымъ столешникомъ, приготовляется хлѣбъ-соль и благословенная икона, передъ иконами въ углу на т. н. „поличкѣ“ [1]) зажигаются свѣчи. Задолго до дѣлежа изба наполняется сосѣдями и родственниками, которые, кромѣ призванныхъ совершать дѣлежъ, приходятъ посмотрѣть, какъ другіе будутъ дѣлиться. Старики или родственники, производящіе дѣлежъ, дѣлятъ все имущество на заранѣе уже намѣченные, опредѣленные возможно равные паи; недостающее въ одномъ родѣ имущество вознаграждается соотвѣтственной прибавкой въ другомъ. Присутствующіе, по преимуществу родственники, высказываютъ иногда свое мнѣніе относительно той или другой доли, и дѣлящіе, слѣдуя ихъ указаніямъ, сдѣлаютъ иногда въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія. Когда все готово, дѣлящіе въ послѣдній разъ приглашаютъ спорящихъ подѣлиться миромъ и, получивъ отказъ, приступаютъ, наконецъ, къ бросанію жребія. Обрядъ заканчивается извѣстнымъ разрѣзаніемъ хлѣба и благословеніемъ иконою.

Говоря о жребіи въ практикѣ народныхъ судовъ, я ни слова не говорилъ объ его примѣненіи въ обыденной жизни. Сфера обращенія къ нему въ этомъ случаѣ гораздо обширнѣе обращенія къ нему на судѣ. Въ обыденной жизни жребіемъ рѣшаются разнообразные дѣла: жребіемъ опредѣляютъ, кому изъ братьевъ идти на заработки, если никто не хочетъ идти добровольно, жребій употребляется при полюбовныхъ семейныхъ дѣлежахъ и т. п. И здѣсь во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшителемъ недоумѣній является высшая человѣческой сверхъестественная сила, которая въ глазахъ большинства является непонятнымъ случаемъ, по понятіямъ же меньшинства —Божьей волей. Набожные большею частію старики и старухи говорятъ: „Богъ далъ“; молодежь, а за нею все населеніе, говоритъ: „такъ знать судьба“, „такое твое счастье“!

Вотъ тѣ способы, которыми крестьяне призываютъ и призывали сверхъестественную силу на помощь при рѣшеніи темныхъ судебныхъ дѣлъ. Сверхъестественной силой во всѣхъ этихъ случаяхъ являлось Божество. Обращеній къ нечистой силѣ въ такихъ случаяхъ не бываетъ.

Въ заключеніе мнѣ остается въ короткихъ словахъ сказать о тѣхъ способахъ обращенія къ сверхъестественнымъ силамъ, къ которымъ заинтересованные прибѣгаютъ по собственному почину еще до судебнаго разбирательства. Эти обращенія къ сверхъестественной силѣ бываютъ по преимуществу въ дѣлахъ о кражахъ. Способы эти не представляютъ ничего характернаго, и поэтому я скажу о нихъ лишь въ самыхъ короткихъ словахъ. Въ противуположность судебному разбирательству, въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ не только къ Божеству, но и къ нечистой силѣ. Однимъ изъ средствъ найти краденую вещь и въ Тамбовской губерніи является такая популярная во всей Россіи т. н. „забидящая“ свѣча. Крестьяне вѣрятъ, что, послѣ того какъ она будетъ поставлена, воръ начнетъ сохнуть, чахнуть, и въ концѣ концовъ самъ принесетъ вещь назадъ или какъ-нибудь ее подброситъ. Ставится она передъ иконами св. Іоанна Воина или Обидящей Божьей Матери. Другимъ подобнымъ же средствомъ для достиженія этого являются молебны святому Іоанну Воину. (Святой этотъ имѣетъ особое отношеніе къ воровству). И тотъ и другой способъ не имѣютъ ни для Божьей Матери, ни для святаго обязательной силы; отъ послѣднихъ зависитъ, проявить свою силу или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, крестьяне твердо вѣрятъ въ дѣйствительность этихъ средствъ, и случаи обращенія къ нимъ бываютъ довольно часто. Другимъ средствомъ отыскать вора и найти краденую вещь, какъ я уже сказалъ, является обращеніе черезъ посредство колдуна или ворожеи къ нечистой силѣ. Въ этомъ отношеніи никто изъ крестьянъ не сомнѣвается, что колдуны въ состояніи раскрыть искомую тайну; тѣмъ не менѣе не всякій рѣшается къ нимъ обратиться: грѣшно имѣть дѣло съ нечистой силой, да и страшно къ тому же: самъ поплатишься хоть и узнаешь, кто укралъ вещь, и гдѣ она

[1]) Мѣсто гдѣ стоятъ иконы.

Digitized by Google

находится. И сами колдуны необязательные люди: „не станетъ говорить. Тутъ того и гляди съ нимъ заспоришь, тамъ поссоришься. Отъ этого добра не будетъ: онъ надѣлаетъ тебѣ такихъ бѣдъ, что послѣ и не расхлебаешь. Лучше съ ними не связываться". Опасенія эти наряду съ увѣренностью въ томъ, что не всякій колдунъ все знаетъ, отстраняютъ иногда крестьянъ отъ нихъ, и заставляютъ предпочитать имъ другіе болѣе чистые и святые, хотя и не всегда такіе вѣрные, способы раскрытія истины, каковы молебны, изобидящая свѣчка. Не смотря на это, колдуны и ворожеи, какъ указатели воровъ и краденыхъ вещей, пользуются большой популярностью, и нѣкоторые изъ нихъ именно этимъ составили себѣ имя. Среди смѣшаннаго русскаго, мордовскаго и татарскаго населенія Елатомскаго, Тешанковскаго и Спасскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи особенной славой пользуется въ этомъ отношеніи одна старуха — ворожея мордовка изъ Спасскаго уѣзда, къ которой обращается, въ случаѣ темныхъ кражъ, почти все окрестное и русское, и мордовское населеніе.

P I Asmrov
П. И. Астровъ.

Po minskoĭ gubernii zamĕtki iz poĕzdki v 9.

ПО МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ (ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ 1886 Г.)

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ. ЦѢЛЬ И УСЛОВІЯ ПОѢЗДКИ. РАСКОПКИ. АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ. ЗАТРУДНИТЕЛЬНОСТЬ ИЗСЛѢДОВАНІЙ ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Бѣлоруссія, эта настоящая падчерица въ семьѣ славянскихъ народностей, много потерпѣвшая отъ судьбы-мачехи, и до сихъ поръ остается какимъ-то забытымъ, заброшеннымъ краемъ, никого не интересующимъ и какъ будто не заслуживающимъ вниманія. Не говоримъ уже о вопросахъ, касающихся администраціи, экономическаго положенія бѣлорусскаго народа, судовъ, народнаго образованія и т. п.: это вопросы такого рода, что ими не всегда удобно заниматься. Но удивительно, что даже отвлеченная наука, свободная отъ всякихъ злобъ дня и не могущая никого обидѣть и задѣть за живое, сторонится этого края. Мы не знаемъ языка бѣлоруссовъ, не смотря на то, что чуть-ли не десятки молодыхъ лѣтъ тратимъ на изученіе лингвистическихъ тонкостей мертвыхъ языковъ и даже начинаемъ охотно изучать „всякіе волапюки"; мы не знаемъ міросозерцанія бѣлоруссa, его религіозныхъ воззрѣній, его взглядовъ на семейныя и родовыя отношенія, хотя беремся широко трактовать о какой-то народной религіи, о народномъ правѣ, нерѣдко навязывая нашему народу такія мысли и взгляды, отъ которыхъ истинный представитель народа открещивался-бы обѣими руками.

Если весь народъ вообще представляется намъ, такимъ образомъ, какою-то жалкою единицею, которою всякій считаетъ себя въ правѣ помыкать, вовсе не зная ея, то еще болѣе незавидна роль отдѣльныхъ частей этого народа, отличающихся своими спеціальными особенностями быта, языка и характера. Теоретическія разглагольствованія людей, берущихся рѣшать общіе вопросы на народной подкладкѣ, къ сожалѣнію, мало помогаютъ дѣлу настоящаго изученія народной жизни какъ внѣшней, такъ и духовной, и самый этотъ народъ такъ и остается для насъ какою-то неопредѣленною величиною, какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ. А что касается въ частности Бѣлоруссіи, то мы, кажется, не далеко ушли отъ того времени, когда греки, эти носители цивилизаціи, были убѣждены, что всякій бѣлоруссъ обязательно долженъ одинъ разъ въ годъ пробѣгать извѣстное время по лѣсамъ въ видѣ волка. Мы и теперь готовы представлять себѣ бѣлорусса какимъ-то полудикаремъ, полузвѣремъ, живущимъ въ лѣсу, и только наука, только правильное, систематическое изученіе типа, характера и быта этого народа, а также самой страны, въ которой онъ живетъ, можетъ про-

Digitized by Google

лить истинный свѣтъ на эту темную страницу нашего народовѣдѣнія и позволитъ со временемъ сдѣлать какіе-нибудь общіе выводы и заключенія.

Но гдѣ-же эта наука и каковы ея силы? Силъ много, но наука въ этомъ смыслѣ покамѣсть только въ зародышѣ. При отсутствіи систематичности, силы эти дѣйствуютъ крайне разрозненно, а кромѣ того, такъ какъ нѣтъ вѣрнаго руководствующаго начала, нѣтъ основательнаго знакомства съ требованіями положительной науки, то почти каждый, кто-бы ни взялся трактовать о народности, осмѣливается считать только себя авторитетомъ въ разбираемомъ имъ вопросѣ, выставлять только свое мнѣніе справедливымъ. Бѣлоруссію изучаютъ и изучали давно и русскіе изслѣдователи, и польскіе, но всѣ эти труды такъ разбросаны, что́ рѣдко одинъ изслѣдователь знаетъ то, что сдѣлано другимъ въ той-же области, а человѣку, принимающемуся вновь за изученіе этого края, приходится тратить много времени на разысканіе этихъ крохъ, что притомъ не всегда оказывается возможнымъ. Кромѣ того, имѣющійся на лицо матеріалъ не всегда надеженъ, такъ какъ, во-первыхъ, собиратели его не всегда имѣли должную подготовку къ этому дѣлу, а во-вторыхъ, они часто приступали къ изученію этого края съ предвзятыми мыслями, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ партійныхъ взглядовъ, національныхъ предубѣжденій, вражды и шовинизма, который такъ не присталъ людямъ науки. Еще въ 1840 г. была издана, напримѣръ, интересная книжечка на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Białorus“, но авторъ ея, эмигрантъ А. Рыпинскій, такъ глубоко ненавидитъ все русское, что эта ненависть доходитъ иногда до смѣшного, и сквозь призму этой ненависти онъ представляетъ многое въ ложномъ свѣтѣ, глубоко вѣруя, что бѣлоруссъ и полякъ — одно, что Бѣлоруссія никогда не была русскимъ краемъ и не должна считаться таковымъ. Съ другой стороны, наши изслѣдователи доходятъ до противоположной крайности: когда дѣло коснется культурнаго вліянія Польши на Бѣлоруссію, они всегда стараются кстати или некстати выразить всю свою непримиримую ненависть и вражду ко всему польскому даже въ такихъ мелочахъ, которыя кажутся смѣшными, и, какъ будто желая вычеркнуть изъ исторіи Бѣлоруссіи цѣлые вѣка, стремятся представить бѣлоруссовъ не только болѣе русскими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, но даже болѣе, чѣмъ какими они могутъ быть. Однимъ словомъ, почти на всѣхъ трудахъ, касающихся изученія Бѣлоруссіи, лежитъ печать отрывочности, случайности, научной несостоятельности, или же, что еще хуже, печать тенденціозности, мѣшающей вѣрно смотрѣть на дѣло какъ самому автору, такъ и читателю.

Остается послѣдняя надежда на болѣе безпристрастные авторитеты, именно на ученыя общества; наступила ихъ очередь ввести порядокъ въ томъ хаосѣ, какой представляетъ собою нынѣшнее состояніе изученія того края, о которомъ мы говоримъ; имъ слѣдуетъ постараться поставить дѣло на должную почву и взять на себя руководство надъ разрозненными учеными силами. Мы не станемъ подробно говорить, въ чемъ должно состоять это вмѣшательство ученыхъ обществъ; необходимость этого вмѣшательства и тѣ пути, по какимъ должно идти настоящее научное изученіе народности, ясно указаны людьми авторитетными и болѣе насъ компетентными, напр. А. Н. Пыпинымъ въ его недавнихъ статьяхъ о задачахъ русской этнографіи [1]). Вы спросите: какія-же именно эти общества? Главный очагъ нашей этнографической науки — петербургское Русское Географическое Общество; его задача—изученіе отдѣльныхъ странъ Россіи въ физическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, надо признаться, что для изученія Бѣлоруссіи имъ сдѣлано весьма немного. Въ прежнее время появлялись довольно цѣнныя работы о Бѣлоруссіи въ изданіяхъ этого общества, напр. о Виленской и Гродненской губерніяхъ; но, на сколько извѣстно, въ этихъ трудахъ участвовала болѣе иниціатива частныхъ лицъ, принимавшихся за изученіе края, чѣмъ иниціатива самого общества. Въ послѣднее время труды П. В. Шейна тоже являются, такъ сказать, счастливою случайностью и результатомъ неутомимой личной энергіи собирателя. Изъ всего этого нельзя усмотрѣть, чтобы Геогр. Общ. задавалось какимъ-нибудь болѣе широкимъ планомъ всесторонняго изученія Бѣлоруссіи. Между тѣмъ, если бы была снаряжена въ этотъ край ученая экспедиція, она убѣдила бы всѣхъ, что онъ представляется совершенно нетронутымъ наукою.

Есть еще въ Москвѣ младшее ученое Общество, состоящее при университетѣ; это Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Въ этомъ Обществѣ давно уже ясно сознавалась необходимость подвергнуть изученію обитателей Бѣлоруссіи съ антропологической и этнографической сторо-

[1]) Вѣстн. Евр. 1885 г. Апрѣль и Май.

Digitized by Google

ны. Но при всемъ искреннемъ желаніи пополнить сколько нибудь этотъ пробѣлъ въ отечественной наукѣ, Обществу не всегда оказывается возможнымъ приводить въ исполненіе свои планы въ виду скудости матеріальныхъ средствъ, имѣющихся въ его распоряженіи; а всякія экспедиціи и экскурсіи сопряжены прежде всего съ большими денежными затратами: и есть кого послать, да не на что.

Въ 1886 году, благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ лицъ, сочувствующихъ начинаніямъ Общества, ему оказалось возможнымъ сдѣлать попытку командировать двухъ своихъ членовъ, К. Н. Икова и меня, на лѣтнее время въ Бѣлоруссію.

Цѣль этой поѣздки была двоякая: антропологическая и этнографическая. Съ одной стороны, имѣлось въ виду изученіе типа бѣлорусской народности, ея особенностей въ физическомъ строеніи; съ другой стороны, хотѣлось при случаѣ пополнить запасъ свѣдѣній относительно народнаго быта бѣлоруссовъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, міровоззрѣнія, а также языка, что́ достигается личнымъ ознакомленіемъ съ разговорнымъ языкомъ, а равно какъ точнымъ записываніемъ пѣсенъ, повѣрій, суевѣрій, обычаевъ и т. п. Для первой цѣли нужно было, во-первыхъ, собрать сколько удастся антропометрическихъ свѣдѣній, иначе говоря, произвести подробныя измѣренія головы, лица и всего тѣла бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ и въ различныхъ мѣстностяхъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ можно было сдѣлать какіе-нибудь выводы касательно типа нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. Но подобныя данныя, добытыя изъ наблюденій надъ современными жителями страны, не всегда позволяютъ заключать отъ настоящаго къ прошедшему. Мы не можемъ быть увѣрены, что современный типъ бѣлорусса есть его исконный типъ; скорѣе онъ представляетъ собою результатъ многихъ смѣшеній и перерожденій. Въ какой степени и какъ именно происходили послѣдовательныя измѣненія типа подъ вліяніемъ вѣковыхъ историческихъ и бытовыхъ условій,—объ этомъ могли бы намъ сказать только прежніе обитатели Бѣлоруссіи, но ихъ не вызовешь изъ могилы и не поставишь живьемъ подъ аршинъ или измѣрительный циркуль. Остались отъ нихъ только черепа и нѣкоторыя другія полусгнившія кости въ могилахъ и курганахъ, которые повсемѣстно въ Бѣлоруссіи встаютъ мрачно передъ нашими глазами, напоминая о былomъ. Наука осмѣливается заглянуть своимъ испытующимъ окомъ внутрь этихъ могилъ и потревожить покой ихъ обитателей. Черепа и костяки она подвергаетъ своему изслѣдованію, и хотя по мертвой головѣ нельзя судить ни о цвѣтѣ глазъ, ни о характерѣ и цвѣтѣ волосъ того, кому она принадлежала, что представляется первостепенною важностью при опредѣленіи типа, тѣмъ не менѣе измѣренія череповъ, добытыхъ изъ старыхъ кургановъ и изъ старинныхъ, завѣдомо бѣлорусскихъ кладбищъ, могутъ дать весьма важныя антропологическія свѣдѣнія относительно исторіи бѣлорусскаго типа, въ сравненіи съ типами другихъ народностей.

Для антропологической науки бѣлоруссъ представляется чрезвычайно важнымъ. Во первыхъ, является вопросъ: кто такіе бѣлоруссы въ самомъ своемъ основаніи? къ какому племени, къ какой народности принадлежали отдаленные предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, совсѣмъ исчезнувшіе съ лица земли? Высказывалось даже сомнѣніе, дѣйствительно-ли бѣлоруссы чистые славяне по своему происхожденію и нѣтъ-ли въ нихъ примѣси иноплеменной крови, сказывающейся и въ настоящее время въ косыхъ глазахъ и въ большихъ скулахъ. Кромѣ этого принципіальнаго вопроса, важно также историческое перерожденіе типа. Бѣлоруссы съ незапамятныхъ временъ поставлены судьбою на перепутьи между разными народностями: великоруссами, малоруссами, поляками, литовцами; отсюда понятно, что въ теченіе вѣковъ они претерпѣвали самыя разнообразныя вліянія и смѣшенія. Слѣдить за всѣми этими измѣненіями значитъ уяснять себѣ причины и условія образованія видоизмѣненныхъ, такъ сказать, вторичныхъ и третичныхъ типовъ и наблюдать законы примѣненія, приспособленія основнаго типа къ извѣстнымъ условіямъ, представляемымъ исторіею и культурою.

Безъ сомнѣнія, задача, изложенная нами, слишкомъ обширна и слишкомъ трудна, чтобы она могла быть легко и скоро рѣшена. Поэтому, благоразумный читатель не станетъ тотчасъ требовать отъ насъ отвѣта на затронутые нами вопросы. Для рѣшенія каждаго болѣе или менѣе сложнаго вопроса необходимо прежде всего возможно больше данныхъ, а ихъ-то у насъ и нѣтъ еще въ достаточномъ количествѣ. Для собиранія необходимаго матеріала нужно немало времени, а за собираніемъ данныхъ должна далѣе слѣдовать ихъ разработка, для которой тоже требуются не мѣсяцы, а годы и десятки лѣтъ. Для примѣра возьмемъ хоть вопросъ о языкѣ. Образцы бѣлорусской рѣчи стали записываться еще съ начала сороковыхъ годовъ, въ видѣ пѣсенъ, загадокъ и т. п., а между

Digitized by Google

тѣмъ до сихъ поръ нѣтъ полныхъ основательныхъ изслѣдованій въ области этого языка. Недавно появился интересный трудъ г. Карскаго о бѣлорусскомъ нарѣчіи, но и этотъ опытъ, при всей его научности, далеко не исчерпываетъ вопроса. Этнографическихъ свѣдѣній точно также собиралось и записывалось довольно много въ Бѣлоруссіи, но всѣ они недостаточны для того, чтобы можно было по нимъ нарисовать полную картину народнаго быта, чѣмъ и объясняется отсутствіе такихъ общихъ очерковъ, касающихся всей Бѣлоруссіи. Можно развѣ упомянуть прекрасные очерки знатока этого края, покойнаго А. Киркора, помѣщенные въ „Живописной Россіи“ (т. 3), изящно изданной Вольфомъ; но они имѣютъ болѣе популярный, чѣмъ чисто научный характеръ, такъ какъ предназначались для болѣе широкаго круга читателей. Новѣйшіе „Матеріалы“ П. В. Шейна задуманы по довольно широкому плану, но въ программу этого изданія, повидимому не входитъ внѣшній бытъ бѣлоруссовъ. Археологія края также довольно усердно съ давнихъ поръ разрабатывается мѣстными учеными и любителями, и по этой части есть хорошія работы на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Археологическія разысканія продолжаются и до сихъ поръ, и съ результатами ихъ можно отчасти ознакомиться не только по ученымъ изслѣдованіямъ, но и по тѣмъ коллекціямъ, которыя имѣются у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а также въ разныхъ музеяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, какъ напр. при губернскихъ статистическихъ комитетахъ, въ особенности же въ виленскомъ музеѣ древностей. При всемъ томъ и въ этой области, можно сказать, сдѣлано только начало. Еще въ болѣе заброшенномъ состояніи находится антропологія бѣлоруссовъ, тѣмъ болѣе, что эта наука и вообще очень молода у насъ въ Россіи. Если по другимъ отраслямъ науки относительно Бѣлоруссіи дѣлаются даже попытки нѣкоторыхъ обобщеній, подведенія итоговъ собранныхъ данныхъ, то по части антропологіи не можетъ быть объ этомъ и рѣчи: не чему подводить итогъ. Всѣ данныя по вопросу о Бѣлоруссіи, какими располагаетъ антропологическій отдѣлъ московскаго Общества Любителей Естествознанія, ограничиваются чуть-ли не нѣсколькими десятками череповъ, добытыхъ двумя — тремя мѣстными изслѣдователями при археологическихъ раскопкахъ въ Минской губ. и присланныхъ гр. К. Тышкевичемъ и Р. Игнатьевымъ на бывшую въ Москвѣ въ 1879 г. антропологическую выставку. Въ нынѣшнемъ году Минскій Губернскій Статистическій Комитетъ предоставилъ въ распоряженіе Общества около 30 череповъ, добытыхъ при раскопкахъ въ послѣднее время Г. Татуромъ и другими. Благодаря этому, хотя нѣсколько пополнятся необходимыя данныя по краніологіи бѣлоруссовъ. Но краніологія непремѣнно должна идти рука объ руку съ антропометріею, т. е. съ точнымъ измѣреніемъ живыхъ субъектовъ, а въ этомъ отношеніи для Бѣлоруссіи до сихъ поръ ничего не было сдѣлано.

Въ виду всего сказаннаго, въ виду крайней скудости свѣдѣній, касающихся бѣлорусскаго края и его обитателей, нужно дорожить всякими, даже самыми ничтожными свѣдѣніями, какія при удобныхъ обстоятельствахъ удается получить. Только подъ этимъ условіемъ я и рѣшаюсь говорить о своихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ во время моей командировки, которая, замѣчу кстати, продолжалась весьма короткое время, всего одинъ мѣсяцъ.

Скажу прежде всего о произведенныхъ мною раскопкахъ. Первую болѣе продолжительную остановку я сдѣлалъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ Юревичской волости. Тамъ, на берегу рѣчки Усы, подъ лѣсомъ есть урочище подъ названіемъ Городище, а при немъ курганы. Оно представляетъ изъ себя довольно большой окопъ, съ одной стороны круто спускающійся къ рѣчкѣ, имѣющій въ своемъ валѣ два входа или въѣзда съ востока и запада и окруженный рвомъ. Внутренняя его площадь была нѣкогда заросшая лѣсомъ, но крестьяне, поселенные помѣщикомъ на Городищѣ, срубили лѣсъ, землю вспахали, въ валу настроили погребовъ; курганы также большею частью распаханы. При паханіи площади городища, по разсказамъ, находили нѣмецкія монеты первой половины XVIII в., большія, довольно оригинальныя стальныя шпоры, черепки посуды толщиною въ палецъ и притомъ иногда съ признаками лѣпки безъ помощи гончарнаго станка, наконецъ, много желѣзнаго нагара, по мѣстному „дзындры“, и еще какія-то вещицы — небольшіе, немного сплюснутые шарики изъ обожженной глины, въ родѣ огромныхъ бусъ, съ дырой посрединѣ. Изъ этого видно, что здѣсь остались слѣды разныхъ эпохъ, какъ болѣе древняго, такъ и болѣе поздняго времени. Въ особенности загадочны эти шарики. Ихъ находили изслѣдователи и въ другихъ частяхъ Бѣлоруссіи, напр. въ Витебской губ., и по поводу ихъ были высказываемы различныя мнѣнія: одни видѣли въ нихъ принадлежности рыболовныхъ сѣтей, что̀ врядъ-ли вѣроятно, такъ какъ шарики слишкомъ легки; другіе считали ихъ принадлежностью наряда

Digitized by Google

языческихъ жрецовъ, а можетъ быть и простыхъ смертныхъ, на подобіе того, какъ теперь цыгане увѣшиваютъ себя разными костяными, мѣдными, желѣзными шариками, бубенцами. Что-бы не захватывать слишкомъ отдаленныхъ временъ, во всякомъ случаѣ лучше предположимъ, что эти вещицы имѣли какое то назначеніе въ обыденномъ, домашнемъ быту; можетъ быть, ихъ вѣшали на шею животнымъ для украшенія или для отмѣтки; быть можетъ, подобные шарики разныхъ величинъ служили для счета. Какъ бы то ни было, разъ существовала довольно хлопотливая ихъ выдѣлка, они должны были составлять какой-то предметъ необходимости; при томъ, такъ какъ и старики-крестьяне не знаютъ и не помнятъ ихъ примѣненія, то эти вещи все-таки довольно древнія. Мѣстный священникъ, почтенный старичекъ, проживши́й едва ли не все время своего священства на этомъ приходѣ, настаиваетъ на томъ убѣжденіи, что, по народному преданію, на мѣстѣ Городища нѣкогда было языческое капище; то-же самое, вѣроятно, по догадкѣ батюшки, утверждаютъ и крестьяне. Впрочемъ, у нихъ есть и другое преданіе, повидимому, удачнѣе объясняющее происхожденіе и назначеніе Городища. Умершій лѣтъ 10 тому назадъ въ глубокой старости крестьянинъ Ковга̀нъ разсказывалъ, что онъ слышалъ отъ своего дѣда, будто окопъ на Городищѣ устроенъ былъ какимъ-то княземъ *Мечѐемъ*, который защищался въ немъ вмѣстѣ съ своею дружиною противъ другого князя, но не устоялъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Объ этомъ событіи прежде была извѣстна даже пѣсня, но теперь ея никто не знаетъ, и самъ Ковга̀нъ помнилъ только ея начало:

„Якъ узяли Мечееньку
Коло Новой Нивы“....

Новая Нива – ближайшая деревня. Кто же такой этотъ Мечей и съ кѣмъ онъ воевалъ, достовѣрно нельзя сказать. Можетъ быть, онъ даже не былъ владѣтельнымъ княземъ, а только простымъ предводителемъ извѣстнаго отряда, превратившимся въ народномъ преданіи въ князя. Хотя, съ другой стороны, мало-ли было русскихъ и литовскихъ князей и князьковъ, имена которыхъ не записаны на страницахъ исторіи? Всѣ они когда то жили и дѣйствовали, воевали и мирились, а мы ничего не знаемъ о ихъ жизни. Жители мѣстностей, ознаменованныхъ ихъ дѣятельностью, хранили нѣкоторое время въ своемъ преданіи ихъ имена, но мало-по-малу и этотъ источникъ исторіи изсякъ, прежде чѣмъ какой-нибудь ученый успѣлъ имъ воспользоваться. И сколько такихъ преданій гибнетъ безвозвратно!... Съ своей стороны, я бы предложилъ догадку, не скрывается ли подъ Мечеемъ какой-нибудь Мечиславъ, или-же украинскій Нечай. Раскопки самаго Городища, можетъ быть, бросили-бы какой нибудь свѣтъ на этотъ темный вопросъ; но для этой работы у меня не было достаточно средствъ, и притомъ не хотѣлось вводить въ убытокъ крестьянъ, засѣявшихъ площадь Городища.

Я долженъ былъ ограничиться раскопкою вблизи лежащихъ кургановъ; три изъ нихъ были у самаго Городища, еще два – три—въ лѣсу, наконецъ, нѣкоторые совсѣмъ распаханы. Что они довольно стары, видно хотя-бы изъ того, что на нихъ уже успѣли отжить свой вѣкъ такія долголѣтнія деревья, какъ дубъ. Курганы были довольно большіе, съ опавшими вершинами: всѣ насыпаны изъ песку и окружены рвами. Интересно, какъ сами крестьяне объясняютъ происхожденіе кургановъ, или „копцо́въ“, какъ ихъ называютъ бѣлоруссы Минской губерніи. Большинство кургановъ, по мнѣнію народа, осталось отъ разныхъ войнъ, и въ нихъ зарыты тѣла убитыхъ воиновъ; но есть и такіе курганы, которые сыпались и въ мирное время надъ тѣлами отдѣльныхъ умершихъ. Въ старину, говорятъ крестьяне, когда наши прапрадѣды были еще некрещеные, если кто умиралъ, то при его похоронахъ каждый родственникъ былъ обязанъ принести на его могилу подолъ земли; потомъ, каждый годъ, когда совершались поминки, повторялось тоже самое, и такъ длилось черезъ нѣсколько поколѣній, пока память объ умершемъ не успѣла загладиться. Чѣмъ больше было у покойнаго родственниковъ, тѣмъ больше выходилъ курганъ; этимъ и объясняетъ народъ различіе въ величинѣ кургановъ. Когда умиралъ великій панъ или князь, то указанная обязанность лежала не только на родственникахъ, но и на всѣхъ ему подвластныхъ; отсюда, чѣмъ богаче и знатнѣе былъ умершій, тѣмъ большій курганъ насыпался на немъ, и въ этомъ другая причина различія въ величинѣ кургановъ. Во всемъ этомъ есть значительная доля правды; по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что почетныхъ и богатыхъ покойниковъ очень часто отличали большими курганами въ то время, когда эти насыпи были единственными памятниками славы предковъ. Что-же касается вышеупомянутаго обычая поминанія съ присыпаніемъ, то очень вѣроятно, что онъ также существовалъ въ той или другой формѣ, и этимъ, можетъ быть, объясняются въ иныхъ

Digitized by Google

случаяхъ разные слои земли въ могильныхъ насыпяхъ. И теперь бѣлоруссы черезъ годъ послѣ чьей-нибудь смерти совершаютъ такъ называемыя „прикладины“ т. е. кладутъ на могилу доску, иногда съ выгибомъ, чтобы она обхватывала могилу, какъ сѣдло, что, можетъ быть, находится въ связи съ предполагаемымъ обычаемъ присыпанія.

Всѣ эти разсказы о курганахъ и о самомъ Городищѣ еще болѣе подстрекали мое любопытство, и я разрылъ три кургана. Въ каждомъ изъ нихъ оказалось по одному человѣческому скелету, чему крестьяне не мало дивились: они были увѣрены, что это курганы отъ какой-нибудь войны и что въ каждомъ зарыто нѣсколько человѣкъ. Давность кургановъ доказывается уже тѣмъ, что при костяхъ не осталось и признаковъ одежды или амуниціи и даже самыя кости уже начали перегнивать; а кромѣ того на давность указываетъ и способъ погребенія. Всѣ покойники были, очевидно, положены прямо на землю безъ всякаго углубленія, головою къ юго-западу, и прикрыты досками, а за тѣмъ уже на нихъ насыпались курганы. Что доски были положены только сверху, ясно изъ того, что снизу къ костямъ прямо прилегалъ чистый песокъ, а сверху и между костями былъ рыжеватый слой отъ истлѣвшаго дерева и одежды. Всѣ кости оказались приблизительно въ одинаковомъ состояніи, и на основаніи этого можно бы заключить, что всѣ три покойника были погребены приблизительно въ одно время. Если это такъ, то скорѣе всего эти курганы остались отъ какой-нибудь битвы, и такъ какъ остальные курганы давно распаханы, — вѣроятно потому, что были меньшихъ размѣровъ,—то эти, оставшіеся въ цѣлости, должны бы обозначать могилы болѣе важныхъ лицъ, напр. полководцевъ. Странно только одно, что въ курганахъ не оказалось никакого оружія, кромѣ остатка небольшого ножа съ костяной ручкой; кромѣ этого, изъ вещей было найдено только одно серебряное, плетеное, неспаянное колечко и больше ничего. Въ добытыхъ мною изъ этихъ кургановъ черепахъ бросается въ глаза одна особенность, которая вовсе не составляетъ отличительной черты нынѣшнихъ жителей этой мѣстности; это, именно, слишкомъ низкій и притомъ довольно покатый лобъ съ сильно выдавшимися впередъ бровными костями; врядъ-ли это бѣлорусскій лобъ.

Дальнѣйшимъ мѣстомъ моихъ раскопокъ было село Языль, Бобруйскаго уѣзда, Горковской волости, гдѣ мнѣ оказано было просвѣщенное вниманіе со стороны мѣстнаго священника, уважаемаго о. протоіерея І. Пигулевскаго. Село Языль довольно старинное, что́ уже видно хотя бы изъ того, что въ немъ три кладбища. На одномъ изъ этихъ кладбищъ, лежащемъ на возвышенномъ мѣстѣ, часть площади занята курганами, которыхъ теперь только 10, но прежде, по разсказамъ, было больше; именно, за границею кладбища, гдѣ теперь пашня и гдѣ уцѣлѣлъ только одинъ курганъ у самой канавы, замѣняющей ограду кладбища, были еще курганы, но они распаханы. Интересно это кладбище въ историческомъ отношеніи, если вѣренъ тотъ взглядъ, какой я себѣ составилъ о немъ. Повидимому, здѣсь было нѣкогда языческое кладбище. Впослѣдствіи, изъ укоренившагося уваженія къ этому мѣсту, продолжали тутъ-же хоронить и христіанъ, вслѣдствіе чего размѣры кладбища увеличились въ одну сторону, и границы его измѣнились. Прежнее кладбище, вѣроятно, было исключительно курганное и не имѣло точно опредѣленной границы. По мѣрѣ того, какъ приростало христіанское кладбище, старые курганы осѣдали, и со временемъ часть прежняго кладбища обращена подъ пашню; вокругъ кладбища сдѣлана канава, при чемъ въ чертѣ нынѣшняго кладбища оказались и всѣ оставшіеся курганы, кромѣ одного. Замѣчательно то, что въ той части кладбища, гдѣ находятся курганы, теперь почему-то избѣгаютъ хоронить, не смотря на то, что мѣста свободнаго около кургановъ и между ними много, въ остальной-же части кладбища могилы чрезвычайно скучены. Изъ кургановъ два очень малы, остальные же размѣрами гораздо больше юревичскихъ. Всѣ они имѣютъ круглую форму, точно также съ осѣвшими вершинами; около кургановъ замѣтны канавы, откуда брали для нихъ землю. При мнѣ раскопано шесть большихъ кургановъ, въ томъ числѣ и находившійся за чертою кладбища, а также одинъ маленькій. Въ послѣднемъ ничего не оказалось, кромѣ весьма малаго количества угольевъ и остатковъ сожженныхъ костей, которые были не на днѣ кургана, а недалеко отъ поверхности и при томъ какъ-то съ боку. Въ бѣлорусскихъ и литовскихъ курганахъ не рѣдко находили ясные признаки древнѣйшаго погребальнаго обычая, именно сожиганія мертвыхъ: отрывали даже остатки костра съ обожженными костями, или же сосуды съ пепломъ отъ сожженнаго трупа и т. д. Но въ данномъ случаѣ трудно усматривать подобные признаки, и вотъ почему. Во всѣхъ остальныхъ, тутъ-же находящихся курганахъ, оказалось по одному скелету, при томъ въ нѣкоторыхъ, приблизи-

Digitized by Google

тельно на половинѣ высоты, показывалась также сажа. Поэтому надо думать, что въ маленькомъ курганѣ также былъ скелетъ, но онъ успѣлъ совершенно истлѣть и превратиться въ прахъ, потому-ли, что этотъ курганъ древнѣе прочихъ, или потому, что въ немъ былъ зарытъ ребенокъ, чѣмъ можно объяснить и меньшую величину кургана. Что-же касается обгорѣлыхъ косточекъ, угольковъ и чернаго пепла не далеко отъ поверхности кургана, то все это, можетъ быть, остатокъ поминальныхъ тризнъ. Положеніе покойниковъ было такое-же, какъ и въ юревичскихъ курганахъ; только у двухъ черепа были повернуты вправо, на бокъ, что̀ могло случиться и отъ напора земли; кости точно также почти на столько же истлѣли, какъ и въ юревичскихъ курганахъ, такъ что на основаніи этого можно отнести тѣ и другіе курганы приблизительно къ одному времени. Изъ вещей здѣсь точно также найдено весьма немного. Въ курганѣ, находившемся за чертою кладбища, была, очевидно, похоронена женщина богатой семьи: на рукахъ у нея было нѣсколько колецъ, хотя и плохого серебра; на шеѣ—шнурокъ бусъ не дурной работы: однѣ серебряныя, другія стеклянныя, съ позолотою внутри между двумя слоями стекла. Эти бусы никакъ не мѣстнаго приготовленія, а очевидно привозныя. Съ юга и съ сѣвера черезъ Балтійское море, этого товару въ древнія времена шло много къ латышамъ, литовцамъ и бѣлоруссамъ, какъ это показали раскопки. Кромѣ этихъ вещей, въ одномъ курганѣ былъ еще найденъ перержавѣвшій ножъ, подобный тому, какой найденъ въ одномъ изъ юревичскихъ кургановъ. Они оба имѣютъ величину и форму нынѣшнихъ охотничьихъ ножей, если только дѣйствительно ихъ можно принимать за ножи; это могутъ быть и наконечники копій или остатки другихъ орудій: за ржавчиной нельзя сказать опредѣленно. Никакихъ преданій о языльскихъ курганахъ я не слышалъ; только одна старуха разсказывала, что кому-то изъ сосѣдей снилось, будто въ одномъ изъ этихъ кургановъ зарыты деньги, а въ другомъ-крайнемъ — рукавицы, хотя и никто не могъ объяснить значенія этихъ рукавицъ; можетъ быть, по народному представленію, онѣ служатъ символами рукъ, оберегающихъ кладъ. Когда въ маленькомъ курганѣ, одномъ изъ крайнихъ, ничего не было найдено, то крестьяне рѣшили, что въ немъ-то и были рукавицы, но сгнили; а относительно клада они убѣждены, что онъ находится въ одномъ изъ тѣхъ трехъ кургановъ, которые остались не раскопаны, хотя въ каждомъ изъ нихъ, очевидно, зарыты покойники, такъ какъ всѣ они имѣютъ впалыя вершины.

Въ той-же Горковской волости, но уже въ другой мѣстности, именно въ урочищѣ Нижеровкѣ, въ лѣсу, въ 4 верстахъ отъ м. Урѣчья, былъ раскопанъ мною еще одинъ большой курганъ, носящій названіе „князевой могилы.“ Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ какимъ-то неизвѣстнымъ княземъ, при томъ, какъ увидимъ, довольно древнимъ; значительная величина кургана указываетъ на его знатность, или славу. Есть еще и другіе курганы въ томъ-же лѣсу, но всѣ они меньше; кромѣ того, въ разстояніи полуверсты на полѣ, поросшемъ теперь лѣсомъ, разсѣяно болѣе 80 маленькихъ кургановъ, оставшихся, несомнѣнно, отъ войны и не очень древнихъ. „Князева могила“ стоитъ особнякомъ у рѣчки Нижеровки въ глухомъ лѣсу; на немъ росла когда-то вѣковая ель, но она срублена. Надъ могилой князя, или около нея, по преданію, висѣла стальная сабля, принадлежавшая ему; но потомъ она пропала и была замѣнена деревянной, которая тоже лѣтъ 40 тому назадъ неизвѣстно куда дѣвалась. Въ курганѣ отрытъ мною мужской скелетъ, сильно сгнившій. Покойникъ былъ положенъ прямо на землѣ головой къ западу; у лѣваго бока была у него сѣкира или бердышь, древко котораго совершенно сгнило, а на ржавчинѣ самаго бердыша видны слѣды ткани одежды, отъ которой найдены также куски пряжекъ, или застежекъ. Въ ногахъ покойника былъ поставленъ большой горшокъ съ поминальной кашей, которая обратилась въ сѣрый, бѣловатый пепелъ. Этотъ то именно погребальный обычай и указываетъ на значительную древность. Горшокъ, ко сожалѣнію, оказался раздавленнымъ отъ напора земли; онъ, очевидно, имѣлъ форму широкой, осадистой кубышки, съ довольно тонкими стѣнками, безъ ручекъ, безъ поливы, сдѣланъ при помощи станка; никакихъ изображеній, ни мѣтокъ на черепкахъ не оказалось.

Тѣмъ и закончились мои раскопки на этотъ разъ. Разумѣется, это была только попытка, одна капля въ морѣ, особенно въ виду того безчисленнаго множества кургановъ и городищъ, которыми переполнена Минская губернія, какъ и вся Бѣлоруссія съ Литвою. Всѣ эти археологическіе и историческіе памятники ждутъ еще систематическаго изученія. На первыхъ порахъ хорошо было бы покрайней мѣрѣ привести ихъ всѣ въ точную извѣстность путемъ описанія и перечисленія. По Минской губерніи въ этомъ отношеніи уже сдѣлано доброе начало по иниціативѣ Губерп-

Digitized by Google

скаго Статистическаго Комитета. Въ 1876 г. тогдашнимъ губернаторомъ Чернышевымъ былъ розосланъ по волостямъ циркуляръ, предписывавшій доставить въ Комитетъ подробныя свѣдѣнія о находящихся въ губерніи курганахъ, городищахъ и другихъ памятникахъ этого рода съ описаніемъ ихъ по особой программѣ. Результатомъ этого распоряженія явились довольно значительные матеріалы, которые окажутъ изслѣдователю незамѣнимую помощь. Однимъ изъ членовъ Комитета, г. Генр. Христ. Татуромъ, сдѣлана также попытка распредѣленія собранныхъ свѣдѣній на картѣ, которая хранится въ Комитетѣ. Будемъ надѣяться, что начатое дѣло найдетъ продолжателей.

Въ ближайшей и непосредственной связи съ раскопками, имѣющими цѣлью разысканіе останковъ представителей прежнихъ поколѣній бѣлорусской народности, должны быть поставлены изслѣдованія надъ живыми субъектами, какъ представителями современнаго типа, нынѣшняго поколѣнія. Я разумѣю изслѣдованія, производимыя путемъ точныхъ измѣреній всего корпуса, головы, конечностей.

Антропометрія и краніометрія—наука новая, молодая не только у насъ въ Россіи, но и заграницею. Появленіе ея можно отчасти приравнять къ появленію статистики, какъ науки. Было время, когда разные финансовые, экономическіе и многіе другіе вопросы рѣшались на основаніи общихъ данныхъ, поверхностныхъ наблюденій, неправильныхъ обобщеній отдѣльныхъ случаевъ и т. д. Съ развитіемъ болѣе строгихъ и серьезныхъ пріемовъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и науки потребовалась провѣрка общепринятыхъ выводовъ при помощи точныхъ цифровыхъ данныхъ и таблицъ, воплощающихъ въ себѣ группировку фактовъ изъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, явилась настоятельная необходимость въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Точно также антропологи нѣкогда довольствовались общими разсужденіями о расахъ, о типахъ, о народностяхъ, основывая эти разсужденія на поверхностныхъ наблюденіяхъ, довѣряясь, такъ сказать, глазу. Но когда это оказалось недостаточнымъ для серьезнаго обоснованія научныхъ выводовъ, касающихся человѣчества вообще и разныхъ племенъ въ отдѣльности, на помощь наукѣ явились цифры, таблицы съ ихъ итогами, пропорціональными и процентными отношеніями и т. д.; явилась, однимъ словомъ, своего рода статистика, безъ которой въ настоящее время немыслима и сама наука о человѣкѣ.

Эти цифровыя данныя, необходимыя для антропологическихъ выводовъ, добываются постепенно путемъ измѣреній. У насъ починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Императорскимъ Обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ, и благодаря такимъ даровитымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, какъ нынѣшній президентъ этого Общества, профессоръ Анатолій Петровичъ Богдановъ и нѣкоторые другіе, это дѣло поставлено на должную высоту, и заслуги русскихъ антропологовъ признаны и оцѣнены по достоинству и заграничными учеными. Прежде всего, конечно, Обществомъ обращено было вниманіе на главное племя — великорусское, и антропометрическимъ изслѣдованіямъ подвергались жители центральныхъ губерній; а такъ какъ, по установившемуся общему мнѣнію, на типъ великоруссовъ оказали не малое вліяніе разные инородцы, какъ то: татары, финны, монголы и др., то для, уясненія степени этого вліянія, подвергнуты изслѣдованію и инородцы, населяющіе Россію *). Затѣмъ, наступила очередь малоруссовъ и, наконецъ, бѣлоруссовъ, которыхъ и мнѣ пришлось измѣрять въ эту поѣздку.

Измѣренія эти для начала производились мною, такъ сказать, между прочимъ, и кромѣ того, имѣя въ виду непродолжительность срока и другія занятія, пришлось ограничиться лишь измѣреніями головъ бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ; при этомъ также отмѣчался цвѣтъ волосъ и глазъ и другіе наружные признаки, наконецъ мѣсто рожденія, лѣта, происхожденіе, родъ занятій, мѣсто и время наблюденія. Эти краніометрическія и другія данныя собраны мною въ разныхъ волостяхъ четырехъ уѣздовъ Минской губерніи: Минскаго, Игуменскаго, Слуцкаго и Бобруйскаго, причемъ, конечно, попадалось также немало уроженцевъ и другихъ уѣздовъ и волостей. Въ теченіе іюня мѣсяца, при постоянныхъ переѣздахъ, мнѣ удалось измѣрить такимъ образомъ 160 человѣкъ, въ числѣ которыхъ попалось также 8 евреевъ, 5 поляковъ, 1 великоруссъ, 1 татаринъ и 1 цыганъ, остальные же 134 мѣстные бѣлоруссы, которые главнымъ образомъ и имѣлись въ виду при поѣздкѣ. Цифра эта, конечно, слишкомъ недостаточна для общихъ выводовъ; эти данныя имѣютъ значеніе только въ совокупности съ другими, какъ имѣющими еще быть собранными въ будущемъ, такъ и уже отчасти собранными въ томъ же году К. Н. Иковымъ, посѣтившимъ

*) Въ этомъ отношеніи не мала заслуга и другихъ ученыхъ обществъ, напр. Казанскаго Общ. Естествоиспытателей.

Digitized by Google

почти одновременно со мною нѣкоторыя части Бѣлоруссіи исключительно съ этою цѣлью. Покамѣстъ я могу только слегка коснуться вопроса о бѣлорусскомъ типѣ, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ и надѣясь въ будущемъ при случаѣ пополнить эти свѣдѣнія новыми данными.

Человѣческое племя, какъ извѣстно, раздѣляется на нѣсколько расъ, при чемъ въ основаніе этой классификаціи кладутся чисто внѣшніе признаки, каковы: цвѣтъ кожи, цвѣтъ волосъ и ихъ характеръ, форма и цвѣтъ глазъ, форма черепа и еще нѣкоторые признаки. О цвѣтѣ кожи бѣлоруссовъ говорить нечего, такъ какъ въ этомъ отношеніи бѣлоруссъ не отличается отъ великорусса или малорусса. Въ цвѣтѣ волосъ уже можетъ быть больше различія, такъ какъ извѣстно, что народы живущіе въ сѣверныхъ странахъ отличаются болѣе свѣтлыми волосами, чѣмъ живущіе на югѣ, хотя бы и тѣ и другіе принадлежали къ одному и тому же племени. У бѣлоруссовъ преобладаютъ русые волосы, при чемъ свѣтлорусыхъ больше, чѣмъ темно-русыхъ, приближающихся къ чернымъ, такъ что вообще у нихъ замѣтна сильная склонность къ свѣтловолосости, и между тѣмъ, какъ настоящіе брюнеты почти не встрѣчаются среди чистыхъ бѣлоруссовъ, блондиновъ довольно много. Это преобладаніе свѣтлаго элемента въ цвѣтѣ волосъ, а также глазъ и даже одежды бѣлоруссовъ служитъ, по мнѣнію ученыхъ, нѣкоторымъ объясненіемъ самаго названія „бѣлоруссъ“ въ противоположность, напримѣръ, чернороссамъ, у которыхъ замѣчается большая склонность къ темному цвѣту. Рыжеволосыхъ бѣлоруссовъ почти не встрѣчается, хотя на первый взглядъ казалось бы, что рыжій цвѣтъ близокъ къ бѣлому и долженъ бы во всякомъ случаѣ считаться свѣтлымъ. Но дѣло въ томъ, что рыжеволосость имѣетъ свое особое значеніе: рыжіе волосы, особенно вмѣстѣ съ темными глазами, по изслѣдованіямъ ученыхъ, указываютъ на примѣсь финской крови, которую въ бѣлоруссахъ врядъ-ли можно допустить. Что-же касается характера волосъ, то они у бѣлоруссовъ почти всегда прямые, не вьющіеся, иногда слегка волнистые и довольно мягкіе.

Глаза у бѣлоруссовъ, какъ я уже замѣтилъ, точно также преобладаютъ свѣтлые: голубые, сѣрые и голубоватые. Но очень много и сложныхъ глазъ, являющихся слѣдствіемъ смѣшеній, скрещиваній болѣе чистыхъ представителей типа; таковы глаза съ сѣрымъ или голубымъ полемъ, по которому идутъ желтые или каріе штрихи или пятнышки, что̀ издали нерѣдко придаетъ глазамъ зеленоватый цвѣтъ; но настоящіе зеленые глаза почти не встрѣчаются у бѣлоруссовъ. Карихъ глазъ довольно много, настоящихъ-же черныхъ почти не бываетъ, а если и бываютъ то очень рѣдко. По своей формѣ глаза у бѣлоруссовъ чаще бываютъ узкіе и какъ бы вдавленные, рѣже круглые, широкіе и открытые. Г. Сементовскій указывалъ даже именно въ этомъ рѣзкое отличіе бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ *). Надо еще прибавить, что у бѣлоруссовъ нерѣдко замѣчается прорѣзъ глазъ не горизонтальный, а приподнятый наружными углами нѣсколько кверху. Узкіе глаза вмѣстѣ съ приподнятыми наружными углами ученые привыкли считать характеристичными чертами монгольскаго типа; но ничѣмъ не доказано, чтобы эти черты не могли появиться и независимо отъ расовыхъ смѣшеній, такъ что на основаніи этихъ чертъ еще рисковано было бы утверждать въ бѣлоруссахъ присутствіе монголизма, примѣсь монгольской крови.

Несомнѣнно, что часть типическихъ чертъ нынѣшнихъ бѣлоруссовъ нужно отнести на долю того народа, который нѣкогда обиталъ въ мѣстахъ, заселенныхъ впослѣдствіи бѣлоруссами, и слился мало-помалу съ послѣдними; но какой это именно былъ народъ и вообще съ какими народцами приходилось еще въ доисторическое время сталкиваться и смѣшиваться той славянской отрасли, изъ которой произошелъ бѣлорусскій народъ, этого опредѣленно сказать нельзя, и потому единичныя черты монголизма такъ и остаются пока единичными, мало говорящими. Можно, впрочемъ, и еще кое-что къ этому прибавить. Такъ, напримѣръ, скуластость также считается признакомъ монголизма, а у бѣлоруссовъ очень часто попадаются выдающіяся скулы, пожалуй чаще, чѣмъ у великоруссовъ; при этомъ скулы нерѣдко выдаются именно въ бока, такъ что характеристическою чертою бѣлорусскаго лица является значительная ширина его у скулъ, т. е. посрединѣ, съ замѣтнымъ суженіемъ книзу. Но тутъ можетъ явиться вопросъ, не есть ли эта скулатость слѣдствіе вліянія польскаго типа, въ которомъ эта черта также замѣчается, хотя тамъ она не такъ ярко выступаетъ при сравнительно болѣе короткомъ лицѣ поляка. Далѣе, въ характерѣ лица не маловажную роль играетъ переносица, т. е. вѣрнѣе разстояніе между глазами, или такъ называемое межглазнич-

*) Сборникъ въ память 1-го статист. съѣзда въ 1870 г., т. I (статья; „Этногр. обзоръ Витеб. губ.“).

Digitized by Google

ное пространство. Чѣмъ шире пространство между глазами, чѣмъ дальше глаза удалены одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе это придаетъ лицу какое-то татарское выраженіе. Несоразмѣрная же ширина межглазничнаго пространства особенно тогда бросается намъ въ глаза, когда она очень приближается къ ширинѣ носа въ его нижней части, или даже превосходитъ ее. При сравненіи ширины носа съ шириною межглазничнаго пространства у изслѣдованныхъ мною бѣлоруссовъ оказалось, что не рѣдки случаи, когда эти величины равны между собою, а еще чаще вторая больше первой, хотя въ большинствѣ случаевъ все-таки ширина носа больше, чѣмъ разстояніе между глазами. Интересно, что у дѣтей въ этомъ отношеніи замѣчается меньшее колебаніе, чѣмъ у взрослыхъ.

По формѣ черепа, среди бѣлоруссовъ въ числѣ моихъ наблюденій оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, громадное большинство короткоголовыхъ какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но значительный процентъ приходится также и на долю длинноголовыхъ и еще болѣе среднеголовыхъ. Между дѣтьми, которыхъ впрочемъ измѣрено мною немного, длинноголовыхъ я вовсе не встрѣчалъ. Такимъ образомъ, бѣлоруссы, при громадной склонности къ короткоголовости, все-таки представляютъ довольно большое разнообразіе относительно формы головы. Замѣтимъ кстати, что такое же разнообразіе въ этомъ отношеніи замѣчено и среди малоруссовъ, напримѣръ, въ Кобелякскомъ уѣз. Полтавск. губ. *).

Чтобы не утруждать читателя сухими выкладками, я не буду останавливаться на другихъ измѣреніяхъ, касающихся лица, лба, носа и пр., такъ какъ эти данныя для неспеціалиста представляютъ меньше интереса. Взамѣнъ этого скажу нѣсколько словъ о тѣхъ затрудненіяхъ, на которыя придется наталкиваться всякому, кто будетъ имѣть дѣло съ бѣлоруссами. Во-первыхъ, иногда немалую трудность представляетъ опредѣлить, дѣйствительно-ли изслѣдуемый субъектъ есть бѣлоруссъ, тѣмъ болѣе, что названіе „бѣлоруссъ“ — книжное, сочиненное, а сами бѣлоруссы никогда не называютъ себя бѣлоруссами. Въ народѣ существуетъ только подраздѣленіе на русскихъ и поляковъ; но не слѣдуетъ думать, что это различіе дѣйствительно основано на національности: это—дѣленіе по вѣроисповѣданію. Народъ отожествляетъ вѣроисповѣданіе съ происхожденіемъ, и всякій бѣлоруссъ, числящійся католикомъ, считается уже, благодаря этому, полякомъ, и наоборотъ, исповѣдующій православіе считается уже русскимъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ.

Правда, иногда и изслѣдователи склонны къ такому неправильному отожествленію. Такъ, напримѣръ, Р. Ф. Эркертъ, издавшій „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“ (сначала на франц. яз. 1863 г., а потомъ на русскомъ. Спб. 1864 г.), замѣчаетъ: „Ничто въ западныхъ губерніяхъ Россіи не опредѣляетъ черты, отдѣляющей русскую народность отъ польской такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій.“ Но, зная исторію тамошняго края, конечно, смѣшно было бы признавать всякаго православнаго бѣлоруссомъ, хотя бы онъ былъ и коренной мѣстный житель, а всякаго католика считать полякомъ. Поэтому при вопросѣ о національности нерѣдко приходится выспрашивать всю родословную лица, чтобы составить себѣ хоть приблизительно вѣрное понятіе о томъ, кто такое оно по народности, и всетаки не всегда можно быть увѣреннымъ въ безошибочности, особенно, когда имѣешь дѣло съ городскимъ населеніемъ. Языкъ, какимъ говорятъ дома, въ семьѣ, можетъ иногда помочь въ этомъ вопросѣ, хотя и этому указанію не всегда слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе, такъ какъ съ одной стороны, напримѣръ бѣлоруссы-мѣщане большею частью говорятъ по-польски, съ другой стороны, мелкая польская шляхта, живущая среди крестьянъ-бѣлоруссовъ, говоритъ очень часто побѣлорусски.

Другое затрудненіе происходитъ оттого, что на мѣстномъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на польскомъ, нерѣдко смѣшиваются въ названіи Бѣлоруссія и Литва, бѣлорусскій языкъ и литовскій, т. е. по старинной памяти о тѣхъ временахъ, когда Бѣлоруссія и Литва составляли одно цѣлое, все бѣлорусское называется литовскимъ. Спросите вы, напримѣръ, какую-нибудь мѣщанку, кто она такая? — Polka, отвѣтитъ она вамъ. — Откуда родомъ?—Z Litwy. —Какъ говорятъ дома?—Po litewsku. Между тѣмъ, по наведеніи болѣе точныхъ справокъ оказывается, что ни сама она, ни ея родные ни слова не понимаютъ по-литовски, а исключительно говорятъ по бѣлорусски. Такъ и за Бугомъ, напр. въ Сѣдлецкой губ., бѣлоруса иначе не назовутъ, какъ литвиномъ. Слишкомъ довѣрчиваго изслѣдователя подобные случаи очень легко могутъ вводить въ обманъ.

Точное опредѣленіе возраста также иногда затруднительно, какъ это бываетъ вообще,

*) В. Эмме, Антропологія и Медицина Полтава, 1882.

Digitized by Google

когда имѣешь дѣло съ простымъ народомъ. Приходится опредѣлять приблизительно, или же, по крайней мѣрѣ, въ очень сомнительныхъ случаяхъ, справляться съ метрическими записями, паспортами, что не всегда удобно, а иногда и невозможно. Между тѣмъ въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ антропологическія, лѣта имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ организмъ въ разныхъ фазисахъ своего развитія можетъ представлять тѣ или другія особенности.

Но всего болѣе затрудненій встрѣчаетъ изслѣдователь вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія народа къ нему. На всѣхъ такихъ господъ, посѣщающихъ деревни съ научною цѣлью или по дѣлу службы, деревенскій людъ смотритъ съ большимъ подозрѣніемъ, и, сколько бы вы ни объясняли настоящую цѣль вашего пріѣзда, народъ всегда подозрѣваетъ другое. Въ данномъ случаѣ и объяснять то было не особенно легко. Какъ растолковать въ самомъ дѣлѣ крестьянину цѣль и значеніе этнографическихъ, а тѣмъ болѣе антропометричесоихъ изслѣдованій? Приходилось измышлять сколько-нибудь понятныя и подходящія объясненія въ родѣ, того, напримѣръ, что измѣренія нужны для докторовъ, чтобы они могли успѣшнѣе лѣчить людей, когда изучатъ побольше разнородныхъ формъ человѣческаго тѣла. Такъ какъ это былъ первый опытъ измѣреній среди бѣлоруссовъ, то самая новизна дѣло какъ-то запугивала ихъ и заставляла ихъ ожидать для себя какихъ-нибудь дурныхъ послѣдствій, какъ напримѣръ, новыхъ налоговъ, выселеній и т. п. Такъ, въ одной волости распространилась легенда, что Царь хочетъ заселить какую-то дикую страну, а для того, чтобы народъ тамъ былъ одноколиберный, выберутъ всѣхъ, у кого мѣрки сходятся, и поселятъ въ одномъ мѣстѣ, притомъ свѣтловолосыхъ особо, а темноволосыхъ особо, или же голубоглазыхъ отдѣльно отъ черноглазыхъ и т. д. Я пересталъ записывать имена и фамиліи измѣряемыхъ, говоря, что если бы и захотѣли кого нибудь выселить, то не найдутъ; на это мнѣ замѣтили, что по мѣркѣ всегда разыщутъ кого надо и безъ фамиліи. Проѣзжая черэзъ г. Слуцкъ, я обратился къ г. смотрителю мѣстнаго тюремнаго замка съ просьбою позволить мнѣ производить измѣренія надъ арестантами. Это была очень счастливая мысль, потому что въ тюрьмѣ оказалось, конечно, не мало бѣлоруссовъ и притомъ, изъ разныхъ мѣстностей губерніи, такъ что, сидя на одномъ мѣстѣ, можно было брать для себя матеріалъ отовсюду, чѣмъ я и воспользовался, благодаря любезности смотрителя. И вотъ тутъ-то особенно ясно сказалось, какое значеніе придавалъ народъ моему пріѣзду. Каждый арестантъ, котораго я измѣрялъ, былъ увѣренъ, что съ этимъ связана какая-то перемѣна въ его судьбѣ. Каждый считалъ своею обязанностью разсказать мнѣ исторію своей жизни, хотя его объ этомъ и не спрашивали, объяснить, за что онъ арестованъ, и выставить себя совершенно невиновнымъ. Всѣ эти бытовыя картинки чрезвычайно интересы, но мнѣ, къ сожалѣнію, некогда было все это выслушивать съ должнымъ вниманіемъ. Охотнѣе всего измѣрялись тѣ, которые присуждены къ ссылкѣ, каторгѣ и т. п.: все равно, дескать, хуже не будетъ. Иной мужичекъ, оторванный отъ семьи, отъ хозяйства и тяготящійся болѣе другихъ бездѣльемъ, тоже становится подъ мѣрку, махнувъ рукой: „одно изъ двухъ, говоритъ, или выпустятъ, или повѣсятъ, — все же лучше, чѣмъ тутъ томиться“. На другой день я узналъ, что иные со слезами на глазахъ просили смотрителя вычеркнуть ихъ изъ числа измѣренныхъ.

Существуетъ еще въ народѣ одно суевѣріе, которое также заставляетъ его бояться измѣреній: измѣренный человѣкъ, по мнѣнію бѣлоруса, или заболѣетъ или даже умретъ. Снятіе мѣрки съ человѣка сближается въ этомъ случаѣ со снятіемъ его портрета, а по исконному народному вѣрованію, все, что ни дѣлается надъ изображеніемъ человѣка или его тѣнью, все это испытываетъ онъ самъ, какъ будто это производилось надъ нимъ самимъ. Поэтому, напримѣръ. въ средніе вѣка существовалъ преоригинальный юридическій обычай подвергать наказанію не самого виновнаго (особенно, если это было знатное лицо), а только его тѣнь. На этомъ же основаны многія чары, заговоры, заклинанія, которыя производятся или надъ полнымъ изображеніемъ человѣка въ видѣ куклы, рисунка, тѣни, или же только надъ его частью, напр. надъ слѣдомъ, т. е. оттискомъ, изображеніемъ ноги на землѣ. Страхъ передъ чарами, колдовствомъ до сихъ поръ такъ великъ въ народѣ, что уже одно сниманіе мѣрки, хотя бы и съ самою невинною цѣлью, наводитъ суевѣрнаго человѣка на мысль о болѣзни и смерти. — Одинъ старикъ отказался отъ измѣреній, и всѣ свои доводы онъ выразилъ въ одной лаконической фразѣ: „Якъ умру, тагды и безъ васъ помѣряюць“. Смыслъ тотъ, что только мертвыхъ мѣряютъ, когда нужно сдѣлать гробъ, и слѣдовательно измѣряющійся заживо какъ бы заранѣе обрекается на смерть. Женщины не даютъ измѣрять дѣтей еще и потому, что

Digitized by Google

боятся, чтобы не прекратился ихъ ростъ. Былъ со мною, впрочемъ, и такой случай, что баба сама просила измѣрить ея больного сына, не будетъ-ли онъ послѣ этого здоровѣе. Однимъ словомъ, приходится безпрестанно наталкиваться на самыя курьезныя неожиданности, которыя иногда даже не знаешь, какъ устранить. Опытъ показалъ, что лучше всего начинать изслѣдованія съ лицъ, имѣющихъ въ деревнѣ особое значеніе, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, напр. старшинъ, священниковъ, писарей, урядниковъ. Содѣйствію этихъ лицъ я много обязанъ. Вниманіе, оказанное мнѣ во время поѣздки разными лицами и учрежденіями, конечно, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что у меня былъ открытый листъ отъ г. губернатора. Поэтому, прежде всего я приношу мою глубокую благодарность Его Сіятельству Князю Николаю Николаевичу Трубецкому за оказанную помощь; затѣмъ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе словомъ или дѣломъ.

II.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ: ХАРАКТЕРЪ СТРАНЫ; КОСТЮМЪ; ЯЗЫКЪ; ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ; НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ; ВѢРОВАНІЯ; „ПРОЩИ“, „ПРИСВЯТКИ“; ОТНОШЕНІЯ КЪ РАСКОЛЬНИКАМЪ И КЪ ЕВРЕЯМЪ; ПЬЯНСТВО.

Наблюдатель-этнографъ обыкновенно находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ антропологъ: уже одно то, что онъ можетъ собирать свой этнографическій матеріалъ, такъ сказать, издали, со стороны, не подвергая никакимъ особеннымъ манипуляціямъ изслѣдуемыхъ субъектовъ, очень облегчаетъ ему дѣло. За то у него есть свои трудности. Антропологъ, куда бы ни направился, вездѣ для него найдется живой матеріалъ; этнографъ же долженъ изыскивать для себя матеріалъ; ему нужно умѣніе и особенная наблюдательность въ подмѣчаніи фактовъ и явленій, которыя легко могутъ ускользнуть отъ его наблюденія; ему часто приходится подолгу выжидать удобный случай, чтобы быть свидѣтелемъ того или другого интереснаго явленія въ народной жизни; ему, однимъ словомъ, нужно время при его изслѣдованіяхъ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было систематичности въ наблюденіяхъ,— что̀ и сказалось во время моей поѣздки.

Двойственность задачи, которую я имѣлъ въ виду, не мало мѣшала мнѣ въ болѣе или менѣе успѣшномъ ея выполненіи. Именно, для того чтобы собрать побольше антропологическихъ свѣдѣній, мнѣ хотѣлось захватить пошире районъ для наблюденій, такъ какъ въ антропологическомъ отношеніи одна отдѣльная мѣстность, казалось мнѣ, представляетъ менѣе интереса, чѣмъ отдѣльные уголки разныхъ мѣстностей, хотя бы взятые на удачу. Въ виду этого я не могъ засиживаться долго въ одномъ мѣстѣ, но долженъ былъ дѣлать частые переѣзды. Между тѣмъ, для этнографическихъ наблюденій этотъ способъ менѣе всего удобный. Чтобы присмотрѣться къ нравамъ, обычаямъ и быту народа, необходимо подольше пожить въ одной мѣстности, потомъ въ другой и т. д., потому что, только сжившись до извѣстной степени съ той или другой мѣстностью, можно вѣрно подмѣтить ея этнографическія особенности; при частыхъ же переѣздахъ наблюдатель принужденъ ограничиться одними отрывочными случайными свѣдѣніями, краткими замѣчаніями, по которымъ очень трудно составить сколько-нибудь полную и интересную картину народной жизни съ ея отличительными особенностями.

Это общее правило приложимо ко всѣмъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, въ какихъ бы странахъ они ни производились; но для Бѣлоруссіи оно въ особенности важно, такъ какъ эта страна чрезвычайно разнохарактерна. Разнохарактерность же эта, быть можетъ, всего рѣзче выступаетъ именно въ Минской губерніи. Уже по своей обширности эта губернія не можетъ отличаться однообразіемъ;

Digitized by Google

если же мы обратимъ вниманіе на ея физическое устройство и природу, то еще болѣе убѣдимся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, сѣверная и сѣверо-восточная ея часть занята лѣсами, среди которыхъ не мало находится болотъ; къ серединѣ лѣса рѣдѣютъ, почва становится суше, возвышеннѣе; къ югу опять больше лѣсовъ, а ужъ болота тутъ непроходимыя. Здѣсь-то, въ котловинѣ Припети, обитаетъ таинственный полѣшукъ, не признающій себя даже за человѣка. Существуетъ такой анекдотъ: когда полѣшука спросили, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „а какой я человѣкъ? я полѣшукъ!“ Каждая изъ этихъ трехъ полосъ имѣетъ свои отличительныя черты, во многомъ обусловливаемыя именно природою: „въ лѣсу“ вы увидите иное, чѣмъ „на полѣ“ или „на болотѣ“. Привыкшій жить въ лѣсу, положимъ, игуменецъ или борисовецъ, выскажетъ вамъ даже съ убѣжденіемъ такой парадоксъ, что только въ лѣсу и можно жить безопасно, потому что тамъ никого нѣтъ, кромѣ звѣря, а звѣрь не подожжетъ, не ограбитъ; отъ звѣря можно защититься оружіемъ, а отъ злого человѣка — ничѣмъ. Напротивъ, живущій „на полѣ“ случанинъ или новогрудецъ какъ будто боится лѣса и весь привязанъ къ землѣ. Пинчукъ, въ свою очередь, не можетъ представить себѣ, какъ можно жить безъ воды и болота, гдѣ такое раздолье въ отношеніи рыбы и дичи: многія озера не замерзаютъ, и дичь живетъ на нихъ круглый годъ.

Кромѣ различія въ характерѣ, даже и относительно внѣшности существуютъ коренныя отличія у бѣлоруссовъ разныхъ мѣстностей. На сѣверѣ и с.-востокѣ Минской губерніи вы видите, напримѣръ, характерную для бѣлорусса бѣлую одежду, свиты изъ бѣлаго сукна, шапки зимой изъ бѣлаго барашка, и если вы спросите, почему тамъ держатъ почти исключительно бѣлыхъ овецъ, вамъ прямо скажутъ, что черныя здѣсь не ведутся. Удаляетесь вы къ югу и замѣчаете, что этотъ бѣлый цвѣтъ постепенно темнѣетъ, переходитъ въ сѣрый и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, замѣняясь чернымъ и красноватымъ. Такъ и видите постепенный переходъ отъ Бѣлой Руси къ Черной и Красной или Червоной. Само собою разумѣется, что точно также мѣняется по мѣстностямъ и покрой платья, и форма головныхъ уборовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и пр., но объ этомъ говорить подробнѣе мы здѣсь не станемъ.

Что касается языка, то въ этомъ отношеніи также нѣтъ какого-нибудь единства даже и въ той небольшой области, которую я ближе наблюдалъ. Такъ, напримѣръ „дзѣканье“, т. е. произношеніе мягкихъ *д* и *т*, какъ *дзь* и *ць*, повидимому, слабѣетъ по мѣрѣ приближенія къ Могилевской губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ эти звуки, какъ мнѣ извѣстно, выговариваются уже, какъ въ великорусскомъ. Особенность, которую мнѣ впервые случилось здѣсь подмѣтить и которой я не зналъ по записямъ другихъ собирателей, касается произношенія ударяемаго *ѣ*, *о*, *ё*, какъ *іе*, *уо*, *юо*, съ удареніемъ на первый изъ каждыхъ этихъ двухъ гласныхъ, напр. *сіено* (сѣно), *вуолъ* (волъ), *мюодъ* (медъ). Эта черта для меня, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно важна, потому что она связываетъ минскій говоръ съ однимъ малорусскимъ говоромъ въ Польшѣ, который я имѣлъ случай характеризовать при изданіи пѣсенъ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго уѣзда *). Такое произношеніе въ Минской губ. я слышалъ въ уѣздахъ: Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ; но опять-таки я долженъ замѣтить, что къ сѣверу, къ востоку и отчасти къ ю.-востоку эта особенность постепенно исчезаетъ, и даже очень легко подмѣтить, какимъ образомъ происходитъ этотъ переходъ. Именно, въ сѣверной части Игуменскаго уѣзда и въ восточной и ю.-восточной Бобруйскаго удареніе въ названныхъ дифтонгахъ, или двугласныхъ, ставится уже не на первой, а на второй части: *сіено*, *вуол*, *мюод*, и такимъ образомъ дается перевѣсъ первоначальной, основной гласной, между тѣмъ, какъ первая часть дифтонга остается только въ видѣ слабаго призвука; еще далѣе — и этотъ призвукъ совсѣмъ исчезаетъ, такъ что, напримѣръ, въ Борисовскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, а также на восточной окраинѣ Бобруйскаго уѣзда слышится уже прямо *ѣ* (*е*), *о*, *ё*. Что касается „аканья“, т. е. произношенія неударяемаго *о* какъ *а*, то въ этомъ отношеніи трудно установить какія нибудь обобщенія. Какъ-то очень неаккуратно произносятъ бѣлоруссы этотъ звукъ *о*, когда на немъ нѣтъ удареніе. Достаточно того, что одинъ и тотъ-же субъектъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же или аналогичномъ случаѣ произноситъ то *о*, то *а*; большею же частью слышится нѣчто среднее между *о* и *а*. Но во всякомъ случаѣ *а* вмѣсто *о* рѣзче выступаетъ по сосѣдству съ настоящей Бѣлоруссіею. Еще на одну характерную особенность я обратилъ

*) Въ „Извѣстіяхъ Имп. Общ. Любит. Естествознанія Антр. и Этногр.“ т. 48 и отдѣльный оттискъ: „Малорусская свадьба въ Константиновск. уѣзд. Сѣдлецкой губ.“ Москва, 1886 г.

Digitized by Google

вниманіе, именно на употребленіе твердаго *л* вмѣсто *ль* въ Игуменскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ; тамъ говорятъ, напримѣръ: *силко, болно, палцы* и т. п., хотя, впрочемъ такое произношеніе не составляетъ общаго правила даже и для этихъ мѣстностей. Въ этой особенности какъ будто замѣтно стремленіе къ нѣкоторому уравновѣшиванію звуковъ: твердое *л* во многихъ случаяхъ въ устахъ бѣлорусса перешло въ полугласное *ў* или даже въ *в* (*воўкъ пашоў* — волкъ, пошелъ и т. п.), и чтобы пополнить образовавшійся пробѣлъ, бѣлоруссъ дѣлаетъ твердое *л* изъ *ль*, хотя опять-таки только въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы это было не въ ущербъ мягкому *л*, которое все-таки употребительно у бѣлоруссовъ. Въ какихъ случаяхъ эта замѣна возможна, этого я здѣсь касаться не стану, потому что это спеціально-филологическій вопросъ. Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губерніи, въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго. Въ рѣчицкихъ говорахъ я знаю одну интересную особенность, которая на первыхъ порахъ можетъ показаться странною; это именно употребленіе *у* вмѣсто *ы*, на пр. *му, сунъ, букъ, буйстрый* — мы, сынъ, быкъ, быстрый и т. п. Это можно объяснить филологически родствомъ этихъ звуковъ (*у* и *ы*), такъ какъ, напримѣръ, наше слово *сынъ*=санскритск. sûnus и проч. Но какъ понять самое это родство? Конечно, причина его чисто физіологическая и прослѣдить ее весьма легко на иностранцахъ. Заставьте, напримѣръ, француза сказать *быкъ*: онъ или скажетъ *бикъ*, или, понатужившись, произнесетъ *буйкъ*, т. е чтобы произнести трудный для него звукъ *ы*, онъ прибѣгаетъ къ хитрости, именно, начинаетъ какъ будто произносить *у* вмѣсто *ы*, а затѣмъ быстро сворачиваетъ на *и*; это мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать надъ иностранцами. Можетъ быть въ вышеприведенномъ словѣ *буйстрый* такъ и объясняется двугласная *уй*, хотя вставка *й* въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснена и трудною для произношенія группою согласныхъ *стр.*, какъ это бываетъ и въ другихъ случаяхъ, напр. *войстрый* — вострый (Могилевской губ.). Но вмѣсто того, чтобы утомлять читателя теоретическими объясненіями, я лучше сошлюсь на подлинные образцы языка бѣлоруссовъ Минской губ., именно на пѣсни, записанныя мною въ эту поѣздку и приложенныя въ концѣ этой статьи.

Понятное дѣло, что пѣсни не всегда могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для изученія языка, потому что съ одной стороны онѣ удерживаютъ многія традиціонныя формы, слова и выраженія, не употребляемыя въ настоящее время, но твердо сохраняющіяся въ пѣсняхъ, по пословицѣ: „изъ пѣсни слова не выкинешь“; съ другой стороны, пѣсни не передаютъ всѣхъ особенностей и тонкостей обыденной рѣчи. Самую вѣрную характеристику живого народнаго языка можно составить только на основаніи разговорной рѣчи, и въ этомъ случаѣ могутъ быть болѣе полезны другіе памятники народнаго творчества, какъ напр. сказки, преданія, легенды, и т. п., записываемыя прямо со словъ народа, въ которыхъ разсказчикъ не стѣсненъ традиціонными формами и болѣе придерживается языка разговорнаго. Говоря о языкѣ бѣлоруссовъ, необходимо еще отличать языкъ чисто народный отъ языка тѣхъ бѣлоруссовъ, которые, хотя и очень близко стоятъ къ народу и большею частью сами вышли изъ народа, однако уже, такъ сказать, нѣсколько вкусили плодовъ, хотя и мнимой, цивилизаціи. Во всѣ времена и у каждаго народа языкъ людей полуобразованныхъ составлялъ и составляетъ нѣчто среднее между языкомъ литературнымъ и чисто-народнымъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отожествляемъ съ послѣднимъ. Когда мы теперь читаемъ, напримѣръ, старинные акты или грамоты, писанныя, по общепринятому выраженію, на бѣлорусскомъ языкѣ, то мы не должны думать, что и весь бѣлорусскій народъ того времени говорилъ именно такимъ языкомъ. Это было бы ошибочно по отношенію къ далекому прошлому, какъ и по отношенію къ настоящему. Кто бывалъ въ Бѣлоруссіи, тотъ вѣроятно имѣлъ случай прислушаться, какимъ языкомъ говорятъ писаря, старшины, помѣщичьи управляющіе, экономы и т. п. *)

*) Для характеристики этого особаго типа бѣлорусскаго языка я приведу одинъ интереснѣйшій документъ, который кстати, можетъ быть, нѣсколько развеселитъ того, кто имѣетъ терпѣніе читать мою сухую статью. Это, именно, письмо влюбленнаго помощника волостного писаря къ своей возлюбленной, дочери фельдшера. Такъ какъ это письмо досталось мнѣ черезъ третьи руки, то я не стану упоминать фамилій; въ остальномъ же точно послѣдую оригиналу, который относится къ 1876 г. и хранится у меня. „Милая Юлька! Скучно! скучно! не только на сердцу, но и всюдую. Поглядите на надворье, наветъ и тое скучае по васъ, солнце зайшло за горку, помнице за тую, что кала церкви и пойшовъ такій великій снѣгъ што не можно изъ хаты

Digitized by Google

Конечно, это языкъ не народный и не литературный а нѣчто среднее; но въ то же время это языкъ разговорный, употребляемый извѣстнымъ классомъ людей въ обыденной рѣчи.

Итакъ, съ какой бы мы стороны ни взглянули на Бѣлоруссію, намъ представится картина пестроты и разнообразія. И только одна черта въ этой картинѣ повторяется повсемѣстно, это – бѣдность населенія, доходящая до нищеты, и невѣжество. Очень невзрачно смотрятъ бѣлорусскія хижины. Почти всѣ онѣ очень маленькія, въ видѣ квадрата, съ маленькими окошечками; большая часть изъ нихъ и до сихъ поръ не имѣетъ трубъ; сложены онѣ кое-какъ, дрань навалена на крышу часто въ безпорядкѣ и даже не приколочена гвоздями. И страннымъ кажется, что тамъ, гдѣ больше лѣсу, тамъ избы гораздо хуже, чѣмъ тамъ, гдѣ его меньше или совсѣмъ нѣтъ. Но это понятно. Во-первыхъ, гдѣ мало лѣсу, тамъ крестьянинъ привыкъ дорожить каждой щепкой, и уже при постройкѣ дома онъ, конечно, употребитъ все стараніе, чтобы домъ вышелъ прочнѣе; притомъ, у него и средствъ къ этому больше, потому что „на полѣ“ живется крестьянину лучше, такъ какъ земли больше и она лучше. Въ лѣсистыхъ же мѣстахъ лѣсъ не имѣетъ никакой цѣны; его жгутъ цѣлыми участками, лишь бы только раздѣлать лишній клочекъ земли подъ пашню. Собственный лѣсъ крестьяне большею частью уже давно извели такимъ образомъ, и теперь они снимаютъ въ аренду или покупаютъ участки лѣса вмѣстѣ съ землей у помѣщиковъ, которые иногда не прочь воспользоваться стѣснительнымъ положеніемъ крестьянъ при ихъ малоземельности. Если крестьянинъ пожелаетъ арендовать нѣсколько десятинъ готовой пашни, то съ него требуется вдвое большая плата, чѣмъ за такой же участокъ, поросшій лѣсомъ. Понятное дѣло, что крестьянинъ возьметъ лѣсной участокъ: ему важнѣе всего, чтобы отдавать меньше денегъ, а сколько онъ положитъ труда на разчистку и распашку, этого онъ въ счетъ не ставитъ; бѣлоруссъ до сихъ поръ не привыкъ цѣнить свой личный трудъ на деньги. То-же самое бываетъ и при покупкѣ земли въ собственность. Заплативъ 40—60 руб. за десятину, поросшую лѣсомъ, крестьянинъ, только на второй или на третій годъ получаетъ плоды своихъ трудовъ; а готовая пашня цѣнится опять вдвое дороже и доходитъ до 80 руб. за десятину и болѣе.

Бывшія казенныя деревни смотрятъ болѣе приглядно: домики исправнѣе, выстроены въ линію, а не разбросаны; на крышахъ виднѣются трубы, большею частью желѣзныя. Но жалобы на безземелье вездѣ повторяются. Семейные раздѣлы, раздробленія надѣловъ на мелкіе участки между сыновьями по мѣрѣ ихъ наростанія еще болѣе усиливаютъ это бѣдственное положеніе. Понятно поэтому, что малѣйшая хотя бы и ложная надежда на улучшеніе экономическаго быта можетъ произвести броженіе среди мѣстныхъ крестьянъ. Неудивительно, что, напр., въ Игуменскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился какой-то бродяга, выдававшій себя за тайнаго посла отъ Царя и приглашавшій всѣхъ желающихъ получить землю записываться у него съ извѣстной платой. Много народа онъ смутилъ: иные, какъ передаютъ, поспѣшили даже продать свое имущество въ надеждѣ скораго переселенія на Амуръ.

При такихъ условіяхъ жизни гдѣ уже тутъ думать бѣлоруссу объ образованіи, задаваться какими-нибудь отвлеченными вопросами. Умъ его до сихъ поръ продолжаетъ питаться обломками старинныхъ воззрѣній, остатками отъ древней системы вѣрованій. Школа пока только начинаетъ давать утѣшительные результаты. На духовенство тоже нельзя много разсчитывать. Трудность сообщеній не мало мѣшаетъ въ этомъ отношеніи. Иной крестьянинъ по мѣсяцамъ не можетъ посѣщать церковь, находящуюся за нѣсколько верстъ. Какъ же можно ожидать исправнаго посѣщенія школы маленькими дѣтьми? Болѣе дѣятельные священники многаго

вылесци. Нетое было у Заболоцьи, коли вы были у насъ, Слонце всегда такъ весело играло на небѣ, а я на гармонику, а якъ пойшли вы скакаць польку, такъ было радостно глядѣть якъ вевіорочка (*бѣлочки*) скикъ скикъ, помнице тогды якъ пріѣхали отъ N и коли говорили што выпили три бутельки вина и тогды на другій дзень написали на цыгарной попѣрцѣ што любице менѣ, яжъ тую попѣрку сховавъ собѣ напамяць у штаны въ кишеню, не думайце кабъ я вздумавъ кампузоваць (*конфузить*) васъ сохраны Богъ, я ее такъ счира люблю што ни коли не закуру еѣ. А якъ успомню вашъ взглядъ якій хорошенькій такъ и пронизвае менѣ, стрѣлки вашихъ миленькихъ очекъ (и) упились въ мои грудаи. Богъ свидзѣцель якъ яны мнѣ боляць и скажу вамъ!.. коли не буду васъ довга бачиць такъ умру. Горизетъ (*горизонтъ*) нашъ цеперь пахмурный што васъ нима, а може не знаеце што такое гаризетъ, ета Мардафара (*метафора*) ?.. такъ выражаютца только разумные людзи и я думаю што колись буду разумный человѣкъ.

Съ исцинным почитаніемъ вашего добродушія остаюсь поклонникъ вашего благоутробія и целуя ваши малиновые уста Искрѣнейшій другъ и доброжелатель NN.

Хотъ ето письмо написавъ не даштыху (*нескладно*), Алешъ смѣшна. N. (postscriptum самого же автора)“.

Digitized by Google

ожидаютъ отъ церковно-приходскихъ школъ, и онѣ дѣйствительно принесли бы здѣсь громадную пользу, если-бы ихъ программа не была такъ узка. Но и священниковъ такихъ, правду сказать, не много. Бѣлорусскій батюшка часто самъ раздѣляетъ съ народомъ всѣ его предразсудки или же, который по смышленѣе, не прочь извлечь изъ нихъ кое-какую выгоду для себя. Положимъ, на полѣ крестьянина во ржи злой человѣкъ сдѣлалъ завѝтку или залѝмъ. Чтобы избѣжать бѣдствія, которое ему грозитъ отъ этой козни, онъ немедленно приглашаетъ священника, который за извѣстную плату читаетъ извѣстную молитву противъ бѣсовскаго навожденія, торжественно вырываетъ завѝтку и предаетъ сожженію. Впрочемъ, священники не могутъ похвастать, что они одни властны въ этомъ. И до сихъ поръ часто крестьянинъ предпочитаетъ призвать знахаря, который къ тому-же разгадаетъ, съ какою цѣлью сдѣлана была завѝтка: на скотъ, на поле, или на самого хозяина, или его дѣтей, чего священникъ, конечно, не въ состояніи сказать; а иногда знахарь укажетъ даже виновника злого умысла, и тогда онъ беретъ завѝтку и переноситъ тайкомъ на поле этого виновника со всею бѣдою, какая должна произойти отъ завѝтки; конечно, это дѣлается съ тою мыслью, что другой тоже пригласитъ того-же знахаря и заплатитъ за развивку завѝтки. Иногда приглашаютъ сначала знахаря, колдуна для разъясненія завѝтки, а потомъ уже священника для ея уничтоженія, такъ что здѣсь вы видите уже маленькое превосходство христіанскаго элемента надъ языческимъ, хотя оба они, такъ сказать, уживаются еще рядомъ.

Такъ какъ я заговорилъ объ остаткахъ язычества, то прибавлю еще кое-что въ этомъ родѣ и, прежде всего, упомяну о такъ называемыхъ „прѝщахъ“.

Прѝща — собственно моленіе о прощеніи грѣховъ съ приношеніемъ пожертвованій въ какомъ нибудь святомъ или чудесномъ мѣстѣ. Но въ обыденной рѣчи прѝщею называется самое это мѣсто, прослывшее почему-нибудь въ народѣ, который въ опредѣленные дни стекается туда въ большомъ числѣ на богомолье. Итти на прѝщу, значитъ итти на богомолье. Такими прѝщами бываютъ ключи, источники, особенные камни, горки, наконецъ старинные кресты и т. п. Съ каждою изъ такихъ прощъ связано преданіе о какомъ-нибудь необыкновенномъ событіи или совершившемся здѣсь чудѣ, въ которое народъ вѣритъ безусловно. Эти прѝщи открываются и до сихъ поръ по поводу разныхъ случаевъ. Представьте себѣ, напримѣръ, деревенскую бабу, у которой тяжелое горе на душѣ; вотъ она, пася скотъ, заснула на пригоркѣ и видитъ во снѣ исполненіе всѣхъ ея мечтаній, видитъ, что горе ея прошло, и ей даже представляется, что сама Богородица явилась возвѣстить ей эту радость. Какъ только сонъ сбудется, хотя бы черезъ годъ или черезъ два, баба спѣшитъ на пригорокъ съ приношеніями, кладетъ на мѣстѣ видѣнія деньги, свѣчи, воскъ, лёнъ, полотно, молится, наконецъ, оповѣщаетъ объ этомъ сосѣдокъ, мѣсто огораживается — и прѝща готова. Съ тѣхъ поръ ежегодно въ этотъ день, а также одинъ разъ въ мѣсяцъ и во всякіе богородичные дни, сюда стекается народъ, и каждый разъ все въ большемъ количествѣ; они молятся, приносятъ, „офіеры“ (офіера, польск. ofiara—приношеніе). Эти приношенія потомъ раздаются нищимъ или собираются въ ближайшій монастырь или церковь. Въ концѣ концовъ духовенство принимаетъ такую прѝщу подъ свое покровительство; тогда вмѣсто ограды или навѣса строится часовенька, мѣсто освящается, служатся въ извѣстные дни молебны, а мелкіе торговцы къ этимъ днямъ привозятъ туда разный товаръ: пряности, игрушки, посуду и пр., и открывается нѣчто въ родѣ ярмарки. Если мѣстный священникъ вздумаетъ останавливать это поклоненіе, то онъ самъ рискуетъ потерять уваженіе у прихожанъ, и если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, то ее тотчасъ объясняютъ наказаніемъ Божьимъ за его противодѣйствіе Божьей волѣ. Такой случай былъ, напр., въ д. Евличахъ, около Ивани, гдѣ священникъ скоропостижно умеръ, будто бы за то, что не хотѣлъ признать новой прѝщи на горкѣ, гдѣ дѣвушка видѣла сонъ на счетъ урожая и своей судьбы, который вскорѣ исполнился. Замѣчательно, что всего усерднѣе посѣщаются прѝщи въ каждое первое воскресеніе послѣ новолунія. Вообще, эти новолунныя воскресенія въ большомъ уваженіи у бѣлоруссовъ. Считается большимъ грѣхомъ не быть за обѣдней въ такое воскресеніе; иные старики даже считаютъ долгомъ въ этотъ день исповѣдываться и причаститься. Думаютъ объяснять почитаніе новолунныхъ воскресеній вліяніемъ католичества, которое совершало въ эти дни крестные ходы, или же вліяніемъ іудейства; но эти объясненія несостоятельны: культъ луны былъ, конечно, извѣстенъ и древнимъ обитателямъ Бѣлоруссіи и онъ достаточно ясно выступаетъ въ другихъ обрядахъ и пѣсняхъ, напр. свадебныхъ, гдѣ этихъ вліяній нельзя подозрѣвать. Надо замѣтить еще, что отъ новолуній бѣлоруссы ожидаютъ атмо-

Digitized by Google

сферическихъ перемѣнъ: хорошей погоды послѣ дождя, дождя послѣ засухи, и дѣйствительныя измѣненія погоды по четвертямъ мѣсяца еще болѣе поддерживаютъ уваженіе къ лунѣ. Когда бѣлоруссъ долго ожидаетъ перемѣны погоды, онъ возлагаетъ послѣднюю надежду на молодой мѣсяцъ: „увидзимъ, што маладзикъ покаже“, говоритъ онъ въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ. Завидѣвъ впервые серпокъ молодика, онъ крестится и говоритъ вполголоса: „Маладзичокъ маладый, рогъ залатый, великій князь, поздаравляй насъ; дай намъ способъ и раду до жиця, сабіе на прибытокъ а намъ на спасене“, а затѣмъ читаетъ „Отче нашъ“ и другія молитвы. Однимъ словомъ, культъ луны, проявляющійся въ прощахъ и въ другихъ случаяхъ жизни бѣлорусса, это древнѣйшій культъ, который въ Бѣлоруссіи опять-таки замѣчательнымъ образомъ уживается съ христіанскими догматами.

Кстати, въ параллель къ только что приведенной молитвѣ я позволю себѣ привести здѣсь еще одну такую же апокрифическую молитву „на сонъ грядущи“, хотя это и будетъ маленькимъ отступленіемъ. Одна старуха, которой теперь болѣе 90 лѣтъ, ложась спать и осѣняя крестнымъ знаменіемъ постель, себя и все кругомъ, говоритъ: „Лажуся спаць; Пречистая, придзи ка мнѣ начеваць зъ дванадцацью ангѣлами, съ тринадцатымъ апостоломъ. Ангѣлы майѣ (мои), старожи майѣ, сцережиця душу маю до поўночи, Пречистая до свѣта, апостолъ до конанія вѣка, пакуль будзе маѣ павѣдане. Самъ Гасподь знае, дзѣ маю душу падзѣеци“. Надо замѣтить, что старуха эта вывезена еще въ молодости, при крѣпостномъ правѣ, изъ Румыніи и совсѣмъ обрусѣла, хотя свой языкъ нѣсколько помнитъ, и если очень разсердится, то начинаетъ бормотать по своему. Неизвѣстно, гдѣ она научилась этой молитвѣ, но во всякомъ случаѣ можно спросить себя, не есть ли эта молитва переложеніе или переводъ какой нибудь румынской молитвы. Это очень интересно было-бы знать, потому что, какъ извѣстно, въ Румыніи была нѣкогда сильно распространена богомильская ересь (первые ея послѣдователи, впрочемъ, отвергали почитаніе Богородицы), подъ вліяніемъ которой явилось тамъ много ложныхъ молитвъ и цѣлыхъ книгъ и сочиненій, которыя, между прочимъ, не остались безъ вліянія и на нашу апокрифическую или отреченную литературу, особенно черезъ посредство болгарской. Впрочемъ, и среди коренныхъ бѣлоруссовъ есть не мало подобныхъ молитвъ, прямо сочиненныхъ или представляющихъ только искаженія общеизвѣстныхъ. Измѣряя одного парня, которому предстояло итти на призывъ и который хвасталъ передо мною, что онъ учился въ школѣ, я спросилъ у него изъ любопытства, знаетъ ли онъ „Отче Нашъ“.

— Чамужъ ня знаць? отвѣчалъ онъ, нѣсколько обиженный: „Отче нашъ, иже вездѣ сый и вся исполняй...“.

— А „Царю небесный“?

— А Царю небесный — такъ само-жъ, только починаетца трохи ня такъ. — Вотъ вамъ примѣръ искаженія молитвы.

Но вернемся еще къ прощамъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ прощъ, извѣстныхъ мнѣ, упомяну прежде всего Марьину горку въ Игуменскомъ уѣздѣ. Проѣзжая по Либаво-Роменской жел. д., вы видите здѣсь, на 3-й станціи отъ Минска, прекрасную каменную церковь на пригоркѣ, среди рощи. Эта церковь вся построена на приношенія богомольцевъ и еще часть оставшихся суммъ пошло на устройство здѣсь-же прекраснаго ремесленнаго училища. Предметомъ поклоненія теперь здѣсь служитъ икона Божьей Матери, но по преданію тутъ была прощa на холмѣ. Въ другомъ мѣстѣ, около мѣстечка Смиловичи того-же уѣзда, есть Святая горка; тамъ находится камень со знакомъ, похожимъ на человѣческій слѣдъ. Этотъ камень долго служилъ предметомъ поклоненія, а теперь тамъ церковь. Преданіе гласитъ, что шли нѣкогда три Богородицы, ища себѣ мѣста, гдѣ бы объявиться. Одна пошла въ Дудичи, другая въ Новоселки, а третья въ Ляды (въ поименованныхъ мѣстахъ теперь находятся чудотворныя иконы Богородицы). Послѣдняя, т. е. Лядянская, остановилась отдыхать на горкѣ между Смиловичами и Лядами, гдѣ и оставила свой слѣдъ на камнѣ. Первымъ чудомъ ея здѣсь было исцѣленіе помѣщика, случайно ослѣпшаго. Онъ спалъ на этой горкѣ и видѣлъ во снѣ, будто къ нему подошла Богородица, коснулась его глазъ, и онъ проснулся зрячимъ. Увѣряютъ, что это неожиданное исцѣленіе — фактъ дѣйствительный и не особенно давній. — Подобнымъ уваженіемъ пользуется камень, находящійся около Новогрудка, съ изображеніемъ какихъ то слѣдовъ, какъ будто пятки и пальцевъ. Пальцы — это, по народному вѣрованію, слѣдъ Богородицы, а пятка — слѣдъ чорта, который гнался за нею, но не могъ догнать: она скрылась въ ближайшій монастырь, гдѣ стала оказывать чудеса. Къ этому камню также стекаются крестьяне на поклоненіе, кладутъ деньги, воскъ, лёнъ и т. п., молятся и цѣлуютъ слѣдъ Богоматери, а на слѣдъ чорта плюютъ, при

Digitized by Google

чемъ нерѣдко происходятъ ошибки: гдѣ нужно цѣловать, туда плюютъ, и наоборотъ. Другіе иначе объясняютъ знаки на этомъ камнѣ: будто во время нашествія шведовъ передовой шведскій отрядъ оставилъ этотъ знакъ, чтобы послѣдующіе отряды знали, куда направились шведы. Камень съ подобіемъ человѣческаго слѣда есть еще на полдорогѣ изъ г. Слуцка въ мѣстечко Грозовъ. Увѣряютъ, что это слѣдъ св. Николая, который, шелъ въ ближайшую церковь, чтобы тамъ творить чудеса.

Въ разныхъ мѣстахъ западной окраины, въ особенности въ Виленской губерніи, существуютъ подобные камни съ болѣе или менѣе явственными знаками, похожими на оттискъ человѣческой ноги, чаще всего принимаемый народомъ за слѣдъ Богородицы; напримѣръ: въ Ошмянскомъ у., при большой дорогѣ изъ Трокъ въ Ольшаны, въ Лидскомъ у. при д. Мейры, въ Трокскомъ у. въ имѣніи Микишки на правомъ берегу Виліи, въ Виленск. у. Эти камни были когда-то описаны А. Киркоромъ въ его этнографическомъ описаніи Виленской губ. (Этнографич. Сборникъ, изд. Имп. Рус. Географич. Общества, вып. 3. Спб. 1858). Были случаи, что эти камни разбивались на куски по приказанію властей, но народъ опять ихъ складывалъ, или же приписывалъ каждому обломку такую же чудесную силу.

Немалымъ уваженіемъ и почитаніемъ пользуются также камни съ надписями, въ особенности если надпись непонятна для народа. Такіе памятники называются „писанными камнями“. Мнѣ встрѣтился такой камень по дорогѣ изъ г. Слуцка въ Бобруйскъ въ Новодорожской волости, близь деревни Пастовичи. Онъ довольно большихъ размѣровъ и кругомъ покрытъ высѣченными надписями, которыя никому до сихъ поръ, равно какъ и мнѣ, не удалось прочесть. Около него крестъ, на камнѣ икона.

Кромѣ камней, большимъ почитаніемъ пользуются еще ключи, источники.

По дорогѣ изъ Бобруйска въ Могилевъ при р. Алѣ, въ урочищѣ Вольскъ, Качеричскаго прихода, есть приписная церковь съ мѣстночудотворной иконой Божьей Матери. Преданіе говоритъ, что жили два брата Кондрата по прозванію Сокоры; младшій былъ тяжко боленъ. Во снѣ ему Богородица указала ключъ (крынницу), отъ котораго онъ получилъ исцѣленіе, въ память чего и поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ. Открылась прорва, посыпались приношенія, и въ 63 г. выстроена здѣсь большая церковь на одни эти пожертвованія. Въ Минскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Ракова, есть прорва-ключъ. Слѣпой старикъ нашелъ его по тайному голосу Богородицы и исцѣлился отъ него. Въ Слуцкомъ у., около села Доросина, находится прорва-колодецъ. Два раза въ годъ, 1-го авг. (Маккавей) и въ Преполовеніе, здѣсь бываетъ громадное стеченіе народа, совершается служба съ водосвятіемъ, и каждый беретъ себѣ запасъ цѣлебной воды. Можетъ быть, дѣйствительно нѣкоторые изъ этихъ ключей, почитающихся святыми, имѣютъ цѣлебныя свойства, такъ-же какъ и нѣкоторыя озера, напр. оз. Свитязь въ Новогрудскомъ уѣз., воспѣтое Мицкевичемъ, куда привозятъ больныхъ для купанія, иногда даже въ холодную пору. Нѣтъ возможности перечислить всѣ подобныя мѣста; если бы имъ составить списокъ по всей губерніи, то ихъ навѣрно оказались бы десятки, если не сотни.

Рядомъ съ этимъ множествомъ мнимо святыхъ мѣстъ существуетъ въ Бѣлоруссіи такое-же множество мнимо-святыхъ дней, въ которые считается грѣхомъ работать, несмотря на то, что эти дни не освящены церковью и называются „присвятками“, т. е. полупраздниками при большихъ праздникахъ; въ иные же дни, какъ напр. въ середу и пятницу послѣ новолунія, не приступаютъ только къ особенно важнымъ дѣламъ. Вообще эти празднованія больше всего выпадаютъ на долю середы и пятницы, слѣдующихъ за большими праздниками. Такъ, напримѣръ, на Святой празднуется „градовая“ середа и пятница (иначе ледоватый день), чтобы лѣтомъ поля не страдали отъ градобитія.

Еще празднуются пятницы: 1) послѣ Рождества Хр., 2) на масляницѣ, 3) послѣ Троицы—среда и пятница, такъ называемая „сему́ха“, 4) на 10-й недѣлѣ послѣ Пасхи. т. н. „дзесяту́ха“, также отъ града. Іезуиты сумѣли примѣнить къ этому послѣднему народному празднику свое главное церковное торжество въ честь sanctissimi cordis Jezu, и этимъ еще болѣе упрочилось уваженіе народа къ этому дню, къ „дзесяту́хѣ“. Нѣчто подобное сдѣлала наша церковь, примѣнивъ къ народному празднованію девятаго четверга, или „дзевятника“, церковное торжество въ память воссоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковью. „Дзевятникъ“ — важный праздникъ еще и потому, что въ этотъ день народъ приноситъ въ церковь травы и вѣнки для освященія къ Ивану-Купалѣ. Католики и уніаты праздновали девятникъ въ честь тѣла Господня и совершали крестные ходы съ большими церемоніями. Празднуется также и десятый четвергъ по Пасхѣ—„дзесятникъ“.

Среда и пятница, какъ дни, посвященные

Digitized by Google

воспоминанію страданій и смерти Спасителя, всегда почитались и церковью, и народомъ. Но у народа это почитаніе уже съ давнихъ поръ имѣло нѣкоторый нехристіанскій оттѣнокъ. По пятницамъ, по народному повѣрью, не должно ни прясть, ни пахать, чтобы не запылить матушку Пятницу и не засорить ей глаза кострикой и пескомъ. Здѣсь видимъ олицетвореніе пятницы, о чемъ будетъ сказано еще ниже. Въ „Регламентѣ“ указывается на существовавшій обычай „водить простоволосую жонку, подъ именемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары“. Во времена Грознаго, какъ видно изъ Стоглава, ходили „по погостамъ и по селомъ и по волостемъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія (съ греч. воскресеніе) и велятъ имъ заповѣдати крестьяномъ кануны завѣчивати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменья (камина) не разжигати, и иные заповѣдаютъ богомерзскіе дѣла творити“. Соборъ предалъ проклятію всѣхъ этихъ лжепророковъ, но почитаніе дня пятницы этимъ не прекратилось, да и не могло быть прекращено.

По рукамъ старинныхъ грамотныхъ людей ходило множество списковъ такъ называемаго преданія о 12 пятницахъ. Въ этомъ апокрифическомъ писаніи перечислялись 12 пятницъ въ году, въ которыя будто бы не слѣдуетъ работать подъ страхомъ тяжкаго грѣха; это именно пятницы: 1) 6-го марта, 2) предъ Благовѣщеньемъ, 3) на Страстной недѣлѣ, 4) предъ Вознесеніемъ, 5) предъ Пятидесятницей, 6) предъ Петровымъднемъ, 7) предъ Успеньемъ, 8) предъ Усѣкновеніемъ главы Предтечи, 9) предъ Воздвиженіемъ, 10) предъ днемъ Михаила Архангела, 11) предъ Рождествомъ Христ., 12) по Рождествѣ. Съ каждою изъ этихъ пятницъ соединяется какое-нибудь воспоминаніе преимущественно о ветхозавѣтномъ событіи, и въ этомъ нельзя не видѣть слабаго отголоска іудейства; между прочимъ, имя Параскевы-Пятницы объясняется также тѣмъ, что Параскева по гречески значитъ „приготовленіе“, а у іудеевъ пятница есть именно приготовленіе къ празднованію субботы. Перечисленныя пятницы, по словамъ того-же ложнаго писанія, „подобаетъ блюсти постомъ и молитвою и пѣніемъ, единою днемъ хлѣба вкусити, аще можно, то и милостыню творити убогимъ. А отъ плотскихъ похотій грѣховныхъ сохранитися; аще ли кто въ ты пятницы зачнется, нездравъ бываетъ: любо хромъ, любо слѣпъ, или иною вещію прокаженъ, или тать, или разбойникъ, злу начальникъ“ и пр. Въ настоящее время особенно въ ходу такіе листки у раскольниковъ, при чемъ тамъ указывается цѣль празднованія каждой пятницы отдѣльно. Вотъ какія могутъ быть самыя разнообразныя причины, обусловливающія то или другое явленіе въ духовной жизни народа.

Интересно то, что, по понятіямъ народа, большинство присватковъ имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ, къ пашнѣ; работая на ней въ праздникъ, можно накликать на нее бѣду въ видѣ неурожая, градобитія, засухи и т. п. Но при этомъ имѣется въ виду только земля, принадлежащая христіанину. Работать на собственной землѣ въ неважный полупраздникъ нельзя, но на еврейской можно. Если на землѣ, принадлежащей христіанину, но арендованной евреемъ, работаютъ въ христіанскій праздникъ, хотя бы только сами евреи, то это все таки можетъ навлечь гнѣвъ Божій на собственника земли. До того доходитъ иногда это уваженіе къ землѣ, что, напримѣръ, католики, поселившіеся на землѣ, принадлежавшей русскимъ, считаютъ долгомъ совѣсти хранить, хотя отчасти, русскіе праздники и посты, а равно и давать въ церковь на поминовеніе прежнихъ владѣльцевъ, обливавшихъ своимъ потомъ ихъ землю; православные, осѣвшіе, такъ сказать, на католическомъ грунтѣ, поминаютъ прежнихъ его собственниковъ въ костелѣ. Это бывало особенно часто въ прежнее время, когда въ Бѣлоруссіи было больше костеловъ и вообще польское вліяніе было сильнѣе.

Въ числѣ наказаній за несоблюденіе праздниковъ самое страшное — это обращеніе виновнаго въ камень. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Житина въ Осиповичи, около с. Кринки указываютъ камень, называемый „волами“. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ вышелъ пахать въ Свѣтлый праздникъ и обратился въ камень вмѣстѣ съ волами и сохой. Впрочемъ этотъ разсказъ варьируется на разные лады. Въ безформенномъ камнѣ народъ усматриваетъ фигуру пахаря, воловъ и т. д. Указываютъ тутъ-же и другіе камни, имѣющіе какъ будто форму птицъ, напр. утки, и считающіеся таинственными, обладающими какою-то силой. Разсказовъ и преданій объ окаменѣніи за ослушаніе волѣ Божьей живетъ не мало среди бѣлоруссовъ и всѣ они, безъ сомнѣнія, составляютъ отголосокъ далекой старины, такъ какъ этотъ мотивъ мы

Digitized by Google

знаемъ и изъ ветхаго завѣта, изъ окаменѣнія жены Лота. Слѣдуетъ замѣтить еще, что по понятіямъ бѣлоруссовъ, не столько Богъ наказываетъ за ослушаніе его волѣ, сколько мститъ самый праздникъ за неуваженіе къ нему. Каждый праздникъ и даже дни недѣли бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ олицетворенномъ видѣ. Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ, который мнѣ случилось услышать отъ одной старухи. Шли три женщины: св. Пятница, св. Суббота и св. Недѣля. Самая красивая, нарядная и веселая изъ нихъ была именно Суббота, между тѣмъ, какъ двѣ другія были грустны, заплаканы и отрепаны; Пятница была вся въ ранахъ, истыкана, исцарапана, а о Недѣлѣ ужъ и говорить нечего: на ней живого мѣста не оставалось,—одни раны и синяки, а платье все въ клочкахъ. Всему этому причиною люди; они не чтятъ, какъ слѣдуетъ, пятницы и воскресенья и этимъ заставляютъ страдать свв. Пятницу и Недѣлю. Шьетъ-ли баба въ пятницу; она колетъ св. Пятницу; работаетъ-ли крестьянинъ топоромъ въ воскресенье или заводитъ драку въ пьяномъ видѣ — онъ наноситъ раны и побои св. Недѣлѣ. Одна только св. Суббота живетъ весело и спокойно, потому что евреи во всей строгости хранятъ посвященный ей день.

Кромѣ обращенія въ камень есть еще и другіе способы наказанія за несоблюденіе праздниковъ. Болѣзнь и смерть—это второй послѣ окаменѣнія самый страшный родъ наказанія ослушниковъ воли Божьей; иногда эти наказанія распространяются даже на все семейство виновнаго и на скотъ. И вообще это самое обычное, по понятіямъ бѣлорусса, наказаніе за всякое тяжкое преступленіе. Такъ, напр., если кто украдетъ съ поля соху у сосѣда или другое хозяйственное оружіе, то у виновнаго подохнутъ волы, не будетъ вестись скотъ въ теченіе семи лѣтъ и наконецъ самъ онъ заболѣетъ или умретъ. Поэтому-то такъ рѣдки случаи воровства среди бѣлоруссовъ: ульи въ лѣсахъ стоятъ безопасно, хлѣба въ копнахъ никто не тронетъ подъ страхомъ смерти, лошади спокойно остаются ночью на дворѣ. Конечно нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не было кражъ; еслибъ не было такихъ случаевъ, то не за чѣмъ было бы придумывать бѣлоруссу такое страшное наказаніе ворамъ. Добрые старые обычаи и патріархальныя отношенія начинаютъ сильно рушиться и въ глухой Бѣлоруссіи.

Въ послѣднее время особенно часто слышатся жалобы на старовѣровъ, въ особенности въ Игуменскомъ у., гдѣ ихъ поселилъ на своей землѣ б. рижскій губернаторъ, генералъ Шевичъ. Они очень часто попадаются въ дерзкихъ кражахъ и грабительствахъ, и крестьяне-бѣлоруссы ненавидятъ ихъ до глубины души. Когда встрѣчается старовѣръ, котораго они тотчасъ узнаютъ по длиннополой одеждѣ и бородѣ, они пальцами въ него тыкаютъ и ругаютъ въ голосъ „кацапомъ“ и другими бранными словами.

Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Кояловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлоруссіи высказывалъ какъ-то жалобы на уменьшеніе великорусскаго элемента среди населенія этого края. Если рѣчь идетъ о выселеніи оттуда старовѣровъ, то объ уменьшеніи этого вреднаго элемента сожалѣть нечего. Не думайте, однако, чтобы я хотѣлъ представлять самого бѣлорусса безпорочнымъ, хотя бы даже относительно воровства. Онъ, конечно, не пойдетъ въ домъ красть деньги, не взломаетъ амбаръ, не уведетъ лошадь, развѣ за рѣдкими исключеніями; но, напримѣръ, чужое дерево, если оно не загорожено, трава чужая, особенно въ лѣсу, не считаются неприкосновенными, и въ этомъ отношеніи нерѣдко нарушаются права собственности; въ особенности помѣщики часто жалуются на кражи крестьянами строеваго лѣса и дровъ изъ лѣсу, также на потраву луговъ. Нерѣдко крестьяне высказываютъ ту мысль, что вся земля должна принадлежать народу, и потому еще болѣе считаютъ себя вправѣ присвоивать себѣ собственность помѣщиковъ и казны. Впрочемъ, большею частью это дѣлается по необходимости. За скудостью собственнаго надѣла, крестьянину часто некуда дѣваться со скотомъ, и онъ пасетъ его на чужомъ участкѣ; вслѣдствіе расчистки лѣса подъ пашню, ему иногда не изъ чего возвести самую пустячную постройку, и онъ тащитъ потихоньку лѣсъ отъ помѣщика или отъ казны. Случаются иногда и бунты крестьянъ въ Бѣлоруссіи подъ вліяніемъ разныхъ подстрекателей. И не удивительно. Приведенный выше случай изъ Игуменскаго уѣзда служитъ иллюстраціей къ этому. Всякій пройдоха можетъ безъ труда провести и эксплоатировать легковѣрнаго, безграмотнаго бѣлорусса, и онъ же еще будетъ защищать предъ вами своего эксплоататора. Заговорите вы съ нимъ, напр., про какого-нибудь фактора-еврея, у котораго онъ весь въ рукахъ; онъ вамъ скажетъ: „да вѣдь еврей еще бѣднѣе меня; если бы евреи тянули съ мужиковъ деньги, то они и были бы у нихъ; а какія у еврея деньги? Иной, можетъ быть, два дня не ѣвши бѣгаетъ, а ужъ оборваны всѣ—тѣло видно! А вотъ, что

Digitized by Google

жидъ во всякой бѣдѣ поможетъ,—это правда; недаромъ говорится: якъ бѣда, то до жида". Такое разсужденіе мнѣ пришлось услышать самому отъ крестьянина въ Слуцкѣ, на ярмаркѣ.

Итакъ, пусть не удивляется читатель, если я нахожу возможнымъ, на основаніи личныхъ наблюденій, сказать прямо, что простой бѣлорусскій народъ очень рѣдко высказываетъ жалобы на то, что онъ терпитъ отъ евреевъ зло. Сознаетъ ли онъ это зло или нѣтъ,—это другой вопросъ; но мнѣ кажется, что общая нужда, постоянная борьба изъ-за насущнаго хлѣба, гнетущія экономическія условія, въ какихъ приходится жить и крестьянину, и простому еврею, – все это какъ то приводитъ всѣхъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, заглушаетъ всякіе другіе вопросы какъ религіозные, такъ и національные. Присматриваясь лично къ взаимнымъ отношеніямъ бѣлорусскаго народа и евреевъ, прислушиваясь къ сужденіямъ самихъ крестьянъ о евреяхъ, вы не замѣтите той непримиримой вражды, того антагонизма, о которомъ вы такъ часто привыкли слышать отъ другихъ.

Ни одинъ крестьянинъ, конечно, не станетъ отрицать отдѣльныхъ случаевъ грубаго нахальства, дерзости, обмана, явнаго обирательства со стороны евреевъ, какъ класса преимущественно торговаго; но это не мѣшаетъ добродушному бѣлоруссу миролюбиво и даже черезъ-чуръ довѣрчиво относиться къ евреямъ вообще. Чтобы вѣрнѣе судить объ этихъ отношеніяхъ, не надо упускать изъ виду еще одну очень характерную черту бѣлорусскаго народа. Бѣлоруссъ, какъ и малоруссъ, очень скептически и неодобрительно относится къ занятію торговлею вообще. Всю жизнь копаясь въ землѣ и изъ нея добывая себѣ пропитаніе въ потѣ лица, онъ смотритъ на торговлю, какъ на барышничество, и никакъ не можетъ одобрить такого занятія, при которомъ приходится жить исключительно „выручкою" съ другого. И согласно съ этимъ, нельзя не замѣтить, что недовольство бѣлоруссовъ скорѣе всего могутъ возбудить евреи, занимающіеся мелкою торговлею. Напротивъ, разъ еврей занимается какимъ нибудь другимъ, по понятіямъ народа, болѣе благороднымъ промысломъ, бѣлоруссъ ничего противъ него не имѣетъ и всегда отдаетъ справедливость при оцѣнкѣ честнаго труда еврея. Ремесленный классъ евреевъ, составляющій также не малый процентъ сравнительно съ торговымъ, всегда пользуется бо́льшимъ уваженіемъ со стороны бѣлоруссовъ.

Но что всего болѣе можетъ удивить посторонняго наблюдателя, мало знакомаго съ жизнью западнаго края, это—необыкновенная довѣрчивость народа къ евреямъ. Мнѣ случалось встрѣчать лицъ, которыя, по назначеніи на службу въ Бѣлоруссію, ѣхали туда впервые ни болѣе ни менѣе, какъ съ тою мыслью, чтобы спасать бѣлоруссовъ отъ жидовства и заранѣе приготовляли, такъ сказать, свои уши и нервы, чтобы быть въ состояніи выносить народные стоны и вопли подъ заѣдающею еврейскою массою. И каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что тотъ самый мужикъ, которому они желали протянуть руку помощи, относится къ нимъ съ какимъ то подозрѣніемъ, бѣжитъ отъ нихъ и всегда охотнѣе обратится за совѣтомъ и за помощью къ знакомому еврею, чѣмъ къ какому бы то ни было „пану". Такъ или иначе, а приходится сознаться, что къ лапсердаку мужикъ до сихъ поръ имѣетъ больше довѣрія, чѣмъ къ сюртуку, подъ которымъ онъ скорѣе склоненъ подозрѣвать своего тайнаго врага. И это недовѣріе и нерасположеніе замѣчается не только къ людямъ пріѣзжимъ, чиновнымъ, оффиціальнымъ, но и къ частнымъ и притомъ хорошо знакомымъ, напр. къ помѣщикамъ, хотя бы они желали добра народу. И замѣчательно, что именно еврей служитъ большею частью для мужика какимъ то авторитетомъ. Если крестьянину придется выслушать отъ помѣщика или чиновника какой-нибудь полезный совѣтъ, услышать какую-нибудь важную новость, для провѣрки всего этого онъ отправится прежде всего къ какому-нибудь знакомому шинкарю-еврею. Если помѣщикъ будетъ самъ нанимать подводы для возки дерева, то крестьяне потребуютъ съ него рубля по полтора; если же наемъ будетъ производиться черезъ шинкаря или другого фактора-еврея, то они согласятся взять не болѣе какихъ-нибудь 75 копеекъ. Такіе факты происходили, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Еврей угоститъ мужиковъ водкой, пообѣщаетъ кое-кому вычеркнуть какой-нибудь ничтожный долгъ или позволитъ повременить его уплатою, посулитъ впередъ помогать имъ, стоять за нихъ горой передъ помѣщикомъ и т. д., и они готовы исполнить за полцѣны ту-же работу, за которую желали получить вдвое больше; другая половина или хоть часть этой платы въ томъ или иномъ видѣ идетъ, конечно, въ пользу фактора, въ видѣ награды отъ помѣщика.

Во всѣхъ подобныхъ сдѣлкахъ всемогущимъ двигателемъ является водка. Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастье бѣлорусса, его разоръ! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой гибельной слабостью бѣлорусса

Digitized by Google

для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, по пословицѣ: „свои люди—сочтемся", дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею или принадлежитъ ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги, такъ какъ деньгами бѣлоруссъ не въ состояніи платить: ихъ у него нѣтъ и въ поминѣ, и продукты хлѣбопашества составляютъ для него единственно-возможный способъ расчета.

Кому случалось быть на ярмаркѣ въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ, тотъ особенно наглядно можетъ представить себѣ, какъ сильно вкоренилась въ бѣлорусскомъ народѣ склонность къ пьянству и какъ гибельно отзывается этотъ порокъ на народномъ благосостояніи. Въ эту мою поѣздку мнѣ пришлось наблюдать въ одномъ мѣстечкѣ много печальныхъ ярмарочныхъ сценъ, которыя закончились прискорбной картиною. Была ярмарка наканунѣ шабаша, и вотъ, съ наступленіемъ захода солнца, евреи засуетились еще пуще, стали запирать лавченки; проползъ по площади старикъ, зовущій визгливымъ голосомъ въ синагогу, и ярмарка прекратилась. Я былъ за городомъ. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ изъ мѣстечка въ видѣ радіусовъ къ деревнямъ, потянулись крестьянскія телѣги и группы пѣшеходовъ. Въ каждой телѣгѣ вы видите пьянаго мужика, который уже не въ состояніи удержать вожжей; баба правитъ лошадью и заливается слезами отъ побоевъ и оскорбленій пьянаго мужа или отца, или оттого, что онъ пропилъ всѣ деньги, которыя предназначались на подать или хозяйственныя необходимости. Рядомъ ѣдетъ телѣга, нагруженная цѣлой кучею мужиковъ и бабъ; всѣ они пьяны до крайности, орутъ всевозможныя срамныя пѣсни, бранятся, ругаются и наконецъ дерутся. Присматриваетесь къ кучкѣ пѣшеходовъ и видите то-же самое: пьяные ведутъ подъ руки одни другихъ, сопровождая свое шествіе такимъ-же аккомпанементомъ, или же сваливаются въ канаву, гдѣ спятъ до утра; и это еще лучшій исходъ: по крайней мѣрѣ, домашніе спасены отъ буйства, которымъ всегда сопровождается возвращеніе съ ярмарки.

Я вошелъ въ центръ города, и тутъ опять тѣ же сцены: бабы подымаютъ съ мостовой пьяныхъ мужиковъ, или плачутъ, убиваясь надъ лошадьми; пьяные бредутъ спотыкаясь, сами не зная куда, а въ вертепахъ пьянства — трактирахъ, которые остаются незакрытыми и въ шабашъ съ наемной христіанской прислугой, идетъ неустанный гомонъ, пѣсни, брань, драка, пока наконецъ всѣхъ пьяныхъ не вытолкаютъ оттуда на улицу, хотя бы и деньги не были заплачены: онѣ не пропадутъ, шинкарь въ томъ увѣренъ. И какъ больно и тяжело на душѣ, когда рядомъ съ этимъ развратомъ видишь, какъ трезвые евреи съ книгами и своими пестрыми покрывалами подъ мышкой чинно, молча направляются вереницами въ синагогу, старые и малые, начинаютъ тамъ молиться во весь голосъ, какъ бы стараясь заглушить своимъ благочестивымъ крикомъ оргіи близлежащихъ трактировъ. И вотъ они возвращаются домой, окна освѣщаются, начинается трапеза со всею чинностью и скромностью, въ полномъ составѣ семьи и съ гордымъ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства, своей правоты и благочестія.

— „Что-же дѣлается теперь въ тѣхъ мрачныхъ деревенскихъ избенкахъ, куда возвратились съ ярмарки пьяные члены семьи?" думалось мнѣ, когда я въ сумерки проходилъ по улицамъ городка, освѣщаемымъ изъ оконъ шабашевыми огнями. Грубая брань, драка, плачъ испуганныхъ дѣтей, ломка и битье всего, что ни попадется подъ руку,—вотъ эпилогъ печальной драмы, разыгрывающійся уже въ избѣ, въ семьѣ. А тамъ болѣзни, какъ послѣдствія пьянства, поврежденія, нанесенныя себѣ и другимъ въ нетрезвомъ видѣ; еще далѣе—судебные процессы, наконецъ разореніе, нищенство, голоданіе...

Подъ впечатлѣніемъ всего этого невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели славянская натура бѣлоруса, не смотря на поддержку высокихъ христіанскихъ началъ, настолько все-таки дрябла и слаба, что не можетъ противостоять деморализаціи, не можетъ дать отпора заѣдающей ее средѣ? Вѣдь низшій классъ еврейства находится никакъ не въ лучшихъ, если не въ худшихъ, экономическихъ условіяхъ, чѣмъ нашъ мужикъ, и точно такъ-же непросвѣщенъ; а между тѣмъ бѣдность и нищета не погружаютъ его въ развратъ и не убиваютъ въ немъ энергіи и бодрости. Еврей, въ какихъ бы трудныхъ условіяхъ ему ни приходилось жить, остается вѣчно дѣятельнымъ и не только не даетъ себя забрать въ руки другому, особенно мужику, но самъ сумѣетъ при удобномъ случаѣ взять надъ нимъ верхъ и вертѣть имъ, какъ ему заблагоразсудится.

Главное преимущество еврея предъ мужикомъ это—твердое и неуклонное исполненіе своихъ правилъ и предписаній, а затѣмъ, что еще важнѣе, житейская опытность и умѣнье

Digitized by Google

пользоваться обстоятельствами. Круглый день еврей, подобно древнему греку, живетъ на площади своего мѣстечка, трется между людьми всякаго званія и состоянія и этимъ путемъ достигаетъ такой практичности и опытности, которая ему вполнѣ замѣняетъ образованіе и до которой деревенскому мужику никогда не дойти. Онъ болѣе или менѣе знаетъ всякія правила, постановленія и законы, знаетъ, какъ приступить къ какому человѣку, будетъ-ли то частное лицо или начальникъ, или чиновникъ, знаетъ чѣмъ на него подѣйствовать, и въ случаѣ возникновенія какого-нибудь дѣла сумѣетъ его скорѣе выиграть при помощи своихъ многочисленныхъ друзей, изъ которыхъ каждый представляетъ собою ходячую энциклопедію свѣдѣній относительно всѣхъ и каждаго. Поэтому то такой силою пользуются въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ бѣлорусскихъ разные ходатаи по дѣламъ и „адвокаты“, большею частью изъ евреевъ. Это люди, часто получившіе только начальное образованіе, люди пытавшіеся было выбиться изъ мелкой торгашеской среды, но почему-нибудь оборвавшіеся и не имѣющіе ходу. Не смотря на свой низкій образовательный цензъ, они все-таки ведутъ дѣла, выступаютъ весьма дѣятельными и иногда полезными помощниками въ мелкихъ процессахъ, и этимъ кормятся и живутъ. Есть между ними люди болѣе или менѣе честные. Но за то, сколько же и обманщиковъ, продѣлки которыхъ даютъ матеріалъ для цѣлыхъ страницъ мѣстной ежедневной прессы, въ видѣ судебной хроники или частныхъ извѣстій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, бѣлоруссъ остается совершенно безпомощнымъ, безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни. Это общее впечатлѣніе, какое оставляетъ въ наблюдателѣ этотъ несчастный край, впечатлѣніе далеко не выгодное. И какова должна быть живучесть этого народа, если вся эта совокупность отрицательныхъ условій не въ состояніи еще убить бѣлорусса, стереть его съ лица земли! Очевидно, что при всей своей нравственной дряблости, бѣлоруссъ обладаетъ достаточнымъ количествомъ просто силы животной, которая поддерживаетъ его существованіе и даетъ надежду на возможность совершенствованія. Кабы намъ хоть въ этомъ отношеніи помочь бѣлоруссу, постараться сохранить его физическую бодрость разумными заботами о народномъ здравіи. Я говорю именно о разумныхъ заботахъ, потому что до сихъ поръ наши старанія по части сельской медицины въ этомъ краѣ доводили часто до того, что народъ въ одинъ голосъ кричалъ на сельскомъ сходѣ: „Не надо намъ доктора! не надо больницы!“ И больницы закрывались, а вмѣсто докторовъ въ нихъ поселялись урядники и пр. Примѣры подобнаго рода печальныхъ фактовъ можетъ представить, напримѣръ, Игуменскій уѣздъ. Значитъ-ли это, что народъ не понимаетъ пользы медицинскаго лѣченія, какъ обыкновенно думаютъ? Нѣтъ, это значитъ только, что содержаніе докторовъ, фельдшеровъ и больницъ повело за собою лишніе расходы для крестьянскихъ обществъ, а всякій новый налогъ, хотя бы самый ничтожный, является для бездольнаго бѣлорусса лишнимъ ударомъ по головѣ. Лучшія доказательства въ пользу этого могли бы дать тѣ молодые медики, которые, оканчивая медицинскій факультетъ, пробуютъ на каникулахъ въ деревнѣ заниматься практикой для собственнаго упражненія безъ всякаго вознагражденія: ихъ крестьяне, что называется, рвутъ на части, приглашая на перерывъ къ больнымъ или привозя больныхъ къ нимъ на-домъ. Увѣрить бѣлорусса, какъ и всякаго крестьянина, въ пользѣ медицины очень не трудно: два-три случая удачнаго излѣченія совершенно достаточны, чтобы докторъ не имѣлъ отбоя отъ больныхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ все-таки долго будутъ держаться и разныя домашнія, симпатическія, знахарскія средства, которыя укоренились въ народѣ, именно благодаря отсутствію дѣйствительной медицинской помощи. Употребленіе ихъ тѣмъ труднѣе можетъ быть прекращено, что оно во многихъ случаяхъ тѣсно связано съ народными вѣрованіями, съ извѣстными представленіями о болѣзняхъ, и облечено таинственностью, которая невольно поражаетъ воображеніе простого, необразованнаго крестьянина. Мы должны здѣсь считаться волей неволей съ вѣковыми традиціями, и современный медикъ, вооруженный положительнымъ знаніемъ не станетъ требовать внезапнаго искорененія этихъ традицій, помня, что даже такой великій переворотъ въ умственной и нравственной жизни народа, какъ введеніе христіанства, не могъ сразу изгладить въ народной памяти все прошлое и заставить забыть все съ чѣмъ народъ сжился. Въ понятіяхъ бѣлорусса, какъ мы видѣли, священникъ и до сихъ поръ иногда замѣняетъ знахаря, и кто знаетъ, не тѣ-ли-же полуязыческіе взгляды и убѣжденія заставляютъ бѣлорусса и въ разныхъ болѣзняхъ прибѣгать подъ охрану церкви, къ помощи священника или даже внѣшнихъ аттрибутовъ его сана

Digitized by Google

такъ какъ и вообще религію онъ понимаетъ почти исключительно во внѣшнемъ, вещественномъ, осязательномъ смыслѣ. Болитъ-ли у него рука или нога, онъ жертвуетъ тому или другому святому слѣпокъ, рѣзное или шитое изображеніе болящаго члена; падаетъ-ли скотъ, онъ вѣшаетъ въ церкви изображеніе коровы и т. п. Разные священные и церковные предметы въ особенности имѣютъ для бѣлорусса цѣлительное значеніе. Такъ, во время большого выхода съ дарами, страдающіе глазами стараются протереть ихъ епитрахилью; даже прикосновеніе къ ризѣ считается часто предохраняющимъ отъ болѣзней, — обычай, явившійся, конечно, уже подъ вліяніемъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи кровоточивой. Не мало есть курьезныхъ способовъ лѣченія, такъ или иначе связанныхъ съ церковью. Такъ, напримѣръ, въ предупрежденіе разныхъ болѣзней бѣлоруссъ при выходѣ крестнаго хода изъ церкви ложится у церковныхъ дверей для того, чтобы священникъ перешагнулъ черезъ него; въ великій четвергъ во время чтенія евангелій онъ завязываетъ 12 узелковъ на суровой ниткѣ и опоясывается ею отъ лихорадки. Нельзя однако не замѣтить, что постепенное исчезновеніе старинныхъ народныхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи идетъ такъ же быстро, какъ и паденіе другихъ обычаевъ старины. Школа и духовенство имѣютъ въ данномъ случаѣ самое сильное вліяніе на народные умы. Церковь вмѣняетъ въ обязанность пастырямъ искоренять всякіе отголоски язычества въ народѣ, и многіе священники дѣйствительно могутъ похвастать тѣмъ, что они вполнѣ успѣли въ этомъ; хотя съ другой стороны этотъ успѣхъ часто бываетъ только кажущійся, чисто внѣшній.

Въ видѣ небольшого отступленія приведу здѣсь мой разговоръ съ однимъ бѣлорусскимъ батюшкой по этому вопросу. Спросилъ я вообще, нѣтъ-ли у мѣстныхъ прихожанъ какихъ-нибудь особенныхъ обычаевъ. Вопросъ показался подозрительнымъ, и отвѣтъ былъ отрицательный. Батюшка, очевидно, готовъ былъ видѣть во мнѣ опаснаго человѣка, пріѣхавшаго поразвѣдать, насколько духовенство рачительно къ своей паствѣ, и донести куда слѣдуетъ.

— Нѣтъ-ли какихъ-нибудь остатковъ язычества?—пытаюсь я еще спросить.

— Язычества? переспросилъ батюшка съ нѣкоторымъ испугомъ. Неужели вы, пріѣхавши изъ столицы въ наше захолустье, думаете, что ужъ мы тутъ и истиннаго Бога забыли и покланяемся какому нибудь Перуну? Нѣтъ, господинъ добрый, мы помнимъ о Богѣ и вѣруемъ въ Него по простотѣ душевной; а язычники тѣ, которые мнятъ себя очень умными и говорятъ, что нѣтъ Бога. У насъ, слава Богу, такихъ нѣтъ.

— Да вы, батюшка, не такъ меня поняли. Вѣдь, знаете, есть въ народѣ вездѣ, не только здѣсь, много такихъ обрядовъ, которые, очевидно, остались отъ очень давняго времени и которые никакъ не могутъ быть признаваемы христіанскими, хотя бы, напримѣръ, празднованіе Ивана Купалы съ обрядовыми огнями и пр.

— Иванъ Купала? Такъ это просто обычай необразованнаго народа, а не язычество. Какое-же тутъ язычество? Вы, господинъ добрый, пожалуй поѣдете тамъ куда нибудь да наговорите или напишите, чего у насъ вовсе нѣтъ, а потомъ къ намъ будутъ летѣть циркуляры съ вопросами: „какіе у васъ тамъ развелись язычники?“

— Помилуйте, батюшка, за кого же вы меня принимаете?

— Да я не про васъ собственно; а только ничего у насъ этого нѣтъ. Можетъ быть, тамъ по другимъ приходамъ и есть что-нибудь такое, не знаю; но въ моемъ приходѣ этого нѣтъ: я стараюсь все искоренить, если что такое заведется. Я вѣдь не даромъ живу на приходѣ и жалованіе получаю. Я вотъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ и, слава Богу, свои обязанности знаю, ничего такого не позволю въ своемъ приходѣ.

— А значитъ все-таки и вамъ, батюшка, приходится вести нѣкоторую борьбу?

— Да, знаете, были въ прежнее время и здѣсь разные такіе обычаи или обряды, какъ вы ихъ называете. Теперь, конечно, нѣтъ, но были, и мнѣ приходилось съ ними воевать.

— Это очень любопытно. Въ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, только строгостью и можно чего-нибудь достигнуть,—стараюсь я поддѣлаться къ батюшкѣ.

— Да, истинно. Съ простымъ народомъ, знаете, иначе нельзя; а поприжать немножко, онъ и оставитъ свои дурныя привычки. Вотъ вы вспомнили про Купала. У насъ тоже все это было, и огни, и купанье, и пѣсни. Такъ вотъ бывало узнаешь, что какая-нибудь дѣвушка прыгала съ парнемъ черезъ огонь— и не станешь ихъ вѣнчать, когда вздумаютъ жениться: другимъ наука. А то еще, напримѣръ, у насъ Рождество называли всегда Колядою: все Коляда, да Коляда, а по-христіански никто и не назоветъ. Я, знаете, и въ проповѣди и въ разговорахъ объяснялъ, что нѣтъ у насъ такого святого, чтобы Коля-

Digitized by Google

дою назывался,— ничего не помогло; а какъ я не допустилъ одного-другого къ причастію за это самое названіе, такъ и стали всѣ называть Рождествомъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ боятся вспоминать Коляду.

Я хотѣлъ замѣтить, что изгнать изъ употребленія названіе обычая еще не значитъ искоренить самый обычай, но счелъ за лучшее воздержаться и продолжалъ слушать батюшку. Онъ разсказалъ еще, сколько труда ему стоило отучить своихъ прихожанъ надѣвать на умершихъ мужчинъ шапки. Теперь они по крайней мѣрѣ въ церковь не вносятъ покойниковъ въ шапкѣ, а только кладутъ ее сбоку.

Бесѣда наша была прервана приходомъ крестьянина, съ которымъ батюшка началъ говорить о какихъ то дѣлахъ и горячился. Крестьянинъ, повидимому, требовалъ отъ батюшки какого то противозаконнаго поступка (впослѣдствіи оказалось, что онъ хотѣлъ женить сына, которому еще не вышли года). Въ концѣ концовъ батюшка прочиталъ ему строгую нотацію и посовѣтовалъ лучше не доводить его до злости. Крестьянинъ предобродушно замѣтилъ на это, что ему нѣтъ никакого расчета ссориться съ батюшкой и что не даромъ говорится пословица: „Бога не гнѣви, а чорта не дразни“... Это мудрое житейское правило, примѣненное такъ некстати, готово было вызвать бурю. Но тутъ я вмѣшался въ разговоръ и, между прочимъ, замѣтивъ, что у крестьянина какой то очень болѣзненный видъ, сталъ разспрашивать его о здоровьѣ, при чемъ узналъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о взглядахъ народа на нѣкоторыя болѣзни. Оказалось, что крестьянинъ страдаетъ изнурительной хронической лихорадкой, и что именно его болѣзненность и заставила его думать о ранней женитьбѣ сына, хотя его хлопоты по этому дѣлу остались тщетными.

Въ вопросѣ о взглядахъ бѣлоруса на разныя болѣзни интереснымъ является олицетвореніе ихъ. Очень многія болѣзни бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ человѣческомъ образѣ, и этимъ объясняются нѣкоторыя странныя отношенія его къ той или другой болѣзни, какъ, напримѣръ, желаніе обмануть болѣзнь, схитрить передъ нею или, наконецъ, запугать ее. Лихорадку, напримѣръ, бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ образѣ холодной красавицы или наоборотъ въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, выходитъ изъ подъ земли, именно весною, и шатается всюду, пока не наткнется на кого нибудь спящаго на весеннемъ солнышкѣ Если это ей удастся, то она подкрадется къ спящему, поцѣлуетъ его и уже не разстанется съ нимъ. Проснувшись, онъ чувствуетъ, что спалъ особенно сладко, и только впослѣдствіи непрошенная гостья начинаетъ заявлять свои права. Поэтому заботливыя матери, выводя своихъ дѣтей весною на солнце, предостерегаютъ ихъ главнымъ образомъ, чтобы они не заснули. Тутъ уже, безъ сомнѣнія, сказывается не одно только суевѣріе бѣлоруса, но и практическій опытъ. Нѣтъ ничего обманчивѣе первыхъ теплыхъ лучей весенняго солнышка, когда выглянетъ наружу изъ-подъ снѣга земля, протекутъ говорливые ручьи вешней воды, начнетъ показываться травка, въ воздухѣ раздастся веселая трель жаворонка. Сколько опьяняющаго въ этомъ возвращеніи весны! Такъ и клонитъ васъ ко сну подъ ласкающими лучами солнца. Вы готовы повалиться на ожившую мать-сыру землю, прильнуть своею полно-дышащею грудью къ ея груди и забыться въ сладкомъ упоеніи. И дѣйствительно вы засыпаете; солнышко, какъ бы подкрадываясь къ вамъ, нѣжно лобзаетъ васъ своими лучами, но эти лобзанія предательскія; они заставляютъ васъ забыть, что подъ вами земля, еще полная вредныхъ испареній, еще недостаточно осушенная отъ излишней сырости, и тогда-то къ вамъ незамѣтно, потихоньку прильнетъ страшное порожденіе этой земли, прикинувшись красавицей - незнакомкой. Такая лихорадка всего страшнѣе. Конечно, она можетъ пристать и при другихъ обстоятельствахъ, но самая неотвязчивая она бываетъ тогда, когда вы ее „приспите“ и какъ-бы признаете своею. „Приспать“ болѣзнь, по западно-русскому повѣрью, вообще очень опасно. Поэтому часто бываетъ, что когда кто начинаетъ жаловаться на недомоганіе, на головную боль и т. п., то стараются не дать ему заснуть не въ урочное время, авось скорѣе переможется.

Поселившись въ человѣкѣ, лихорадка очень неохотно оставляетъ его. Для того чтобъ ее выжить, употребляются разныя внутреннія средства, отличающіяся особенною горечью или противнымъ вкусомъ. Пьютъ, напримѣръ, крѣпкій настой полыни на спирту, настой изъ воробьинаго помета и т. п. Внутреннія средства употребляются именно въ томъ убѣжденіи, что лихорадка сидитъ внутри человѣка. Но есть и наружныя средства, напримѣръ, упомянутая выше нитка съ 12 узлами, служащая впрочемъ болѣе предохранительнымъ талисманомъ. Совѣтуютъ также носить

Digitized by Google

на шеѣ освященное пасхальное яйцо, пока оно не засохнетъ; вмѣсто него употребляется также первое яйцо, снесенное насѣдкою послѣ того, какъ она бросила своихъ цыплятъ. Двѣнадцать узловъ на ниткѣ, конечно, стоятъ въ непосредственной связи съ народнымъ вѣрованіемъ въ существованіе 12-ти сестеръ-лихорадокъ, именуемыхъ дочерями царя Ирода, который и самъ представляется трясущимся, въ пословицѣ: „трасетца, якъ тэй Иродъ“; такъ говорятъ объ очень сердитомъ человѣкѣ, а также о скрягѣ. Двѣнадцать лихорадокъ на весь свѣтъ — это слишкомъ мало. Имъ приходится постоянно переходить отъ одного къ другому по очереди, и вотъ почему лихорадка часто оставляетъ паціента, а потомъ опять является въ опредѣленный срокъ. Пользуясь этими ея отлучками, можно иногда избавиться отъ нея хитростью. Разсказываютъ про одного, который, ожидая въ урочный часъ свою неотвязную гостью, вздумалъ притвориться мертвымъ, легъ подъ образами, а домашнимъ велѣлъ причитать, какъ по умершемъ. Лихорадка повѣрила, что онъ умеръ, и больше къ нему не возвращалась. Другой сыгралъ съ нею еще лучшую штуку. Ко времени ея возвращенія онъ забрался подъ квашню, перевернутую вверхъ дномъ, а сверху на дно велѣлъ налить воды. Вдругъ слышится стукъ у двери — пришла. Домашніе кричатъ въ окно: „его нѣтъ дома“; но она все-таки вошла въ избу и окликаетъ старика. Онъ отзывается подъ квашней то съ одной стороны, то съ другой, а потомъ и затихъ. Лихорадка ходила—ходила кругомъ, ища его, наконецъ посмотрѣла сверху, видитъ—вода: утонулъ значитъ, бѣдняга. Такъ и ушла, оставивъ старика на всегда въ покоѣ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что теткѣ-лихорадкѣ съ родни, должно быть, родимчикъ, который мучитъ дѣтей: его тоже легко надуть. Когда онъ является въ гости, ребенокъ начинаетъ кричать, а ему это и любо. Тогда нужно поскорѣе высадить ребенка за окно. Родимчикъ, услышавъ за окномъ его крикъ, пойдетъ его искать, а пока онъ будетъ выходить въ дверь, ребенка слѣдуетъ взять обратно и закрыть окно. Родимчикъ и будетъ его все искать на дворѣ, потомъ пойдетъ по другимъ избамъ, пока не облюбуетъ себѣ другого. У великороссовъ вмѣсто этого накрываютъ ребенка въ такомъ случаѣ съ головою скатертью со стола, можетъ быть, тоже съ цѣлью спрятать его отъ родимчика, или „крикая,“ какъ его называютъ иначе. Скатерть тутъ могла получить особенную силу и отъ хлѣба, считающагося святымъ; такую-же силу получилъ и столъ, который, напримѣръ, играетъ важную роль въ лѣченіи отъ коклюша: нужно больному проспать по одной ночи подъ всѣми столами, какіе имѣются въ домѣ, и кашель пройдетъ, коли совсѣмъ не задушитъ. Высаживаніе кричащихъ дѣтей за окно напоминаетъ намъ еще одно суевѣрное средство, къ какому прибѣгаютъ крестьяне гродненской и сѣдлецкой губ. въ томъ случаѣ, когда ребенокъ кричитъ съ—перепугу. Тогда отодвигаютъ отъ стѣны „лаву“, т. е. скамью, приподнимаютъ немного тотъ ея конецъ, который прилегаетъ къ окну, и высаживаютъ подъ нею три раза ребенка противъ окна, чмокая каждый разъ губами и сплевывая въ сторону. Предпочитаютъ производить это поближе къ камину, такъ что здѣсь можно еще усматривать остатокъ почитанія домашняго очага, какъ хранилища огня, считавшагося и считающагося до сихъ поръ священнымъ и очистительнымъ. Бѣлоруссъ и теперь не позволитъ себѣ непочтительно отозваться объ огнѣ; плевать въ него или производить надъ нимъ какое бы то ни было безчинство также считается великимъ грѣхомъ.

Но вернемся еще къ лихорадкѣ. При всей своей глупости, она къ тому же еще большая трусиха. Она, напримѣръ, боится ружейнаго выстрѣла хуже всякой женщины. Какъ только почувствуется холодъ вслѣдствіе ея приближенія, стоитъ только неожиданно выстрѣлить такъ, чтобы самого больного передернуло, и она уйдетъ и больше не вернется. Вмѣсто ружья можетъ быть употреблено и другое подобнаго рода запугивающее средство, напримѣръ: стукъ, крикъ и т. п. Кромѣ указаннаго взгляда, что лихорадка сидитъ внутри человѣка, есть у бѣлоруссовъ и другой взглядъ, по которому она будто бы живетъ подъ ногтями; по крайней мѣрѣ, она прежде всего забирается туда, вслѣдствіе чего при наступленіи лихорадки первымъ дѣломъ синѣютъ ногти. Когда она заберется туда, ее никакъ нельзя выжить, развѣ что ногти остричь при самомъ тѣлѣ; да и то все-таки найдется тамъ такой уголочекъ, въ которомъ она притаится, а потомъ и начнетъ подергивать все дальше да больше; отъ ногтей она разойдется потихоньку по всему тѣлу, и какъ доберется до нутра, тутъ и начнется трясь.

По мѣстному повѣрію, и морозъ тоже забирается подъ ногти, и у кого они велики, у того скорѣе зябнутъ ноги и руки, начиная съ кончиковъ пальцевъ. Большіе ногти очень удобная защита для лихорадки, и потому великоруссы совѣтуютъ для устраненія этой болѣзни остричь ногти и сжечь ихъ. Но бѣло-

Digitized by Google

руссъ, конечно, жечь ихъ не станетъ, потому что онъ знаетъ, что на томъ свѣтѣ спросятъ даже про самую малѣйшую частицу тѣла, и если чего не будетъ доставать, то пошлютъ разыскивать. А гдѣ-же тогда найдешь сожженные ногти? Такъ и будешь бродить весь свой загробный вѣкъ, разыскивая свои собственные ногти, словно древній грекъ или римлянинъ, умершій безъ погребенія. Поэтому, обстригая ногти, необходимо ихъ завертывать въ тряпочку и складывать въ опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, подъ печкою: когда понадобится, прищелъ и взялъ, какъ свое.

Такъ-же слѣдуетъ поступать и съ выпавшими или выдернутыми зубами. Впрочемъ зубы не всегда сберегаются. Часто ребенка, у котораго выпалъ зубъ, подводятъ къ печкѣ, велятъ ему бросить свой зубъ подъ печь, приговаривая: „Мышка, мышка, на табѣ косцяный, дай мнѣ зелѣзный!“ Это дѣлается для того, чтобы выросъ новый зубъ, болѣе крѣпкій, не уступающій мышиному. Такъ какъ мышь въ состояніи разгрызть почти все, что угодно, то зубамъ ея приписывается необыкновенная крѣпость и здоровье. Поэтому даже мышинымъ огрызкамъ придается нѣкоторое цѣлительное и предохранительное свойство: нужно съѣсть, не брезгуя, то мѣсто въ хлѣбѣ или въ чемъ нибудь еще, гдѣ надгрызла мышь, и зубы не будутъ болѣть.

По поводу зубовъ мнѣ вспоминается одинъ курьезъ. При раскопкахъ кургановъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, мнѣ удалось вырыть нѣсколько человѣческихъ череповъ съ прекрасно сохранившимися зубами. Я взялъ эти черепа и велѣлъ одному парню отнести ихъ на мою квартиру. Парень отказался, и когда я самъ поклалъ ему въ полу эти головы, онъ даже заплакалъ отъ страха. А другіе еще его пугаютъ:

— Сцяражись, Ясюкъ, кабъ яны къ табѣ у начи ня пришли по гэты головы; тагды яны и табѣ галаву знимуць.

Я успокоилъ парня, что отвѣтственность падетъ на меня, и мы кое-какъ принесли эти головы домой. Спустя нѣсколько минутъ, являются ко мнѣ бабы и именно желаютъ видѣть черепа. Меня удивила такая смѣлость. Но мало того: осмотрѣвъ черепа, онѣ начали меня упрашивать, чтобы я имъ далъ хоть по зубочку.

— Зачѣмъ вамъ мертвецкіе зубы? спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Барыньку, яны-жъ дужа помощны: кажуць, якъ у каго зубы баляць, то поцярець гэтымъ зубомъ, такъ и занѣмѣюць“. Дѣлать нечего, пришлось пожертвовать нѣсколькими зубами, пускай трутъ. Хотя я и старался увѣрить бабъ, что это вздоръ, но мои убѣжденія, конечно, не подѣйствовали.

Какими умозаключеніями дошелъ народъ до этого симпатическаго средства, это ясно изъ слѣдующихъ малорусскихъ заговоровъ противъ зубной боли, вѣроятно извѣстныхъ и въ Бѣлоруссіи, въ томъ или иномъ видѣ: 1) „Мисяць у неби, *Мертвець у гроби*, камень у мори: якъ три браты до купы зберутця и будуть бенкетъ робыты, тоды у мене зубы будутъ болиты“. 2) „Ты мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болять? — *У мертвого зубы николы не болять*: кости здубилы, зубы занимилы, николы не будуть болить. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нароженого, молытвенного, крещоного *(имя)* зубы занимилы, николы не болилы!“ Стало быть: какъ мертвецъ не можетъ встать изъ гроба, такъ пусть никогда не болятъ мои зубы; какъ у мертвеца задубѣвшіе и занѣмѣвшіе зубы не могутъ болѣть, такъ пусть не болятъ и у меня. Эти эпическія сравненія и подали поводъ къ дѣйствительному употребленію зубовъ мертвеца противъ зубной боли.

Еще въ той-же болѣзни, говорятъ, помогаетъ „громничная“ (срѣтенская), страстная и вообще освященная свѣча: нужно ее кусать больнымъ зубомъ, и боль утихнетъ. Когда понадобится кусочекъ воску отъ святой свѣчки (напр. для писанія яицъ), то никогда ее не рѣжутъ, а всегда откусываютъ, сколько надо. Концы такихъ свѣчей, имѣющихся въ каждомъ домѣ, всегда изгрызены. Эти слѣды зубовъ на святыхъ свѣчахъ бываютъ, впрочемъ, иногда совсѣмъ иного происхожденія. Дѣло въ томъ, что эти свѣчи вѣшаютъ также въ хлѣвахъ для предохраненія скота, особенно коровъ и лошадей, отъ вѣдьмъ и домовыхъ. Завидѣвъ такую свѣчу въ хлѣву, вѣдьма со злостью бросается на нее и грызетъ, не для того, конечно, чтобы полѣчить зубы, а потому, что освященный предметъ служитъ ей помѣхой при выдаиваніи коровъ и т. п. Причину зубной боли приписываютъ маленькому червячку, который точитъ зубъ.

Другія болѣзни приносятся вѣтромъ съ моря или изъ-за моря, изъ горъ, изъ лѣсовъ по волѣ Божьей или же по насланію колдуновъ и чаровницъ. Съ вѣтромъ приходятъ, кажется, только эпидемическія болѣзни, почему народъ и называетъ ихъ „повѣтріемъ“; таковы: моръ, чума, холера, оспа, и т. п. Эти болѣзни являются въ деревню въ видѣ женщинъ, которыхъ однако рѣдко кому случится видѣть. Прики-

Digitized by Google

нувшись красавицей, такая болѣзнь обыкновенно останавливается за селомъ на кладбищѣ и оттуда въ сумерки и предъ восходомъ солнца помахиваетъ на село краснымъ или чернымъ платочкомъ, и отъ этихъ взмаховъ люди мрутъ, какъ мухи; ночью она въ томъ или иномъ видѣ ходитъ и по домамъ, хотя иногда бѣжитъ отъ собакъ. Въ одномъ селѣ Бобруйскаго уѣзда во время послѣдней холеры по всѣмъ избамъ умирали, а у батюшки всѣ были здоровы: это потому, что сердитыя собаки не пустили холеру къ священнику во дворъ. Село это раздѣлено на двѣ слободы рѣчкою. Разсказываютъ, что холера началась въ одной слободѣ и долго не перебиралась черезъ рѣчку. Крестьяне будто бы рѣшили и совсѣмъ не пустить ее въ другую слободу и устроили на мосту караулъ. Въ одну темную ночь видятъ они, пробирается черезъ мостикъ холера въ видѣ черной коровы; они налетѣли на нее съ дубьемъ и убили. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, холера прекратилась; другіе-же утверждаютъ напротивъ, что и въ другой слободѣ послѣ этого начали умирать, потому что крестьяне по ошибкѣ убили настоящую корову вмѣсто холеры и, успокоившись на этомъ, сняли карантинъ. Приведу здѣсь кстати слѣдующій весьма интересный случай, хотя онъ имѣлъ мѣсто уже въ другой губерніи. Появилась холера въ одномъ селѣ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго у. Чего-чего только не придумывали мѣстные малоруссы, чтобы ее изгнать, ничто не дѣйствуетъ. Наконецъ, кто-то надоумилъ сдѣлать вотъ что: бросить одного изъ умершихъ въ могилу, не опрятывая, не одѣвая, безъ гроба, безъ отпѣванія, да еще лицомъ книзу, и засыпать землею. Такъ и сдѣлали. Была въ этомъ селѣ какая-то шляхтянка безъ роду, безъ племени, при томъ, кажется, старая дѣвушка. Жила она въ церковномъ домѣ, занималась шитьемъ покрововъ для аналоевъ, вышиваніемъ ликовъ для хоругвей, починкой ризъ, дѣланіемъ искусственныхъ цвѣтовъ для иконъ и т. п. Умираетъ эта женщина отъ холеры, и ее-то обрекли міромъ какъ бы принести въ жертву холерѣ: бросили въ яму, какъ попало, не посмотрѣли даже на ея добродѣтельную и благочестивую жизнь, зарыли, — и холера прекратилась: этой жертвы, стало быть, ей только и нужно было. Въ древнія, болѣе грубыя времена холера, можетъ быть, захотѣла бы живой жертвы, и тогда эту женщину, вѣроятно, зарыли бы живьемъ въ землю; теперь нравы стали далеко мягче, и человѣческія жертвы вышли изъ употребленія... Да вышли ли? .. Посмотрите въ наши захолустья, хотя бы въ Бѣлоруссіи: сколько тамъ здоровыхъ силъ, сколько жизней уноситъ смерть ежедневно! Какъ иначе назовемъ мы этихъ несчастныхъ, если не невинными, напрасными человѣческими жертвами? Оставленные безъ медицинской помощи на произволъ судьбы эти захолустные жители мечтаютъ о томъ, чтобы хоть собаками или дубинами прогнать отъ себя болѣзни. Это не смѣшно, а грустно и больно . . . . . .

Прерывая на этомъ наши бѣглые очерки, мы воздержимся отъ какихъ бы то ни было общихъ выводовъ и заключеній. Основанные на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ подобные выводы были бы, съ одной стороны, слишкомъ скороспѣлыми, а съ другой стороны, можетъ быть, не представили бы ничего новаго.

III (*прибавленіе*).

Бѣлорусскія народныя пѣсни Минск. губ.

Въ видѣ сырого, необработаннаго научно матеріала предлагаю народныя пѣсни Минской губ., отчасти записанныя мною лично, отчасти собранныя при посредствѣ другихъ лицъ, изъ которыхъ считаю должнымъ назвать здѣсь двухъ съ выраженіемъ моей искренней признательности: 1) Петръ Александровичъ Гарднеръ, казенный лѣсничій, нынѣ умершій, прислалъ мнѣ 22 пѣсни, записанныя имъ въ Любоничахъ Бобруйскаго уѣзда въ 1882—83 гг. 2) Маркъ Ѳедоровичъ Давидовскій, народный учитель въ м. Городкѣ Бобруйскаго уѣзда, доставилъ мнѣ въ 1886 г. 60 пѣсенъ [1]) изъ м. Городка, въ томъ числѣ 21 съ напѣвами. Имена этихъ собирателей обозначены въ своихъ мѣстахъ подъ пѣснями буквами Г и Д. Остальныя пѣсни записаны мною въ 1886—87 гг. въ разныхъ мѣстахъ Минской губ. съ образцами нотъ; онѣ обозначены буквою Я съ указаніемъ мѣста записи. Что касается точности записей со стороны языка, то я лично старался по возможности сохранять особенности говора; тексты же, доставленные другими, я не счелъ себя въ правѣ измѣнять, исключая нѣкоторыя явныя неточности и ошибки, которыми въ особенности погрѣшилъ П. Гарднеръ, какъ великороссъ, не вполнѣ освоившійся съ бѣлорусскимъ языкомъ. Обѣ упомянутыя рукописи, доставленныя изъ Бобруйскаго уѣзда, не различаютъ дифтонговъ *іе* (=ѣ, е, и,), *у̀о*(=о), *ю̀о*

[1]) Двѣ изъ нихъ не печатаются, какъ совершенно сходныя съ великорусскими (*Сизенькій голубчикъ сидѣлъ на дубочкѣ* и *Не велятъ Машѣ за рѣченьку ходить*).

Digitized by Google

= ё) подъ удареніемъ, между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ этого уѣзда эти дифтонги слышатся довольно ясно. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною, буквы *ѣ*, *е*, *ѣ*, *о*, *ё*, произносимыя въ качествѣ указанныхъ дифтонговъ, отмѣчены курсивомъ, причемъ надо замѣтить, что дифтонгъ *іе* въ началѣ слова и послѣ гласной произносится какъ јіе; буква *у*, стоящая на мѣстѣ *л* и *в*, произносится въ ползвука.

Ноты прилагаемыя особо въ количествѣ 39 номеровъ *) (для 45 пѣсенъ), надѣемся, будутъ имѣть свою цѣну хотя бы въ виду того, что въ печати этого матеріала до сихъ поръ появилось очень мало. Отдѣльные бѣлорусскіе мотивы можно найти только въ сборникѣ г-жи З. Радченко, въ „Матеріалахъ“ П. В. Шейна, да кое-что у г. Славянскаго. Другіе собиратели пренебрегаютъ этой частью, забывая, что пѣсня безъ музыки все равно, что тѣло безъ души. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ музыкантовъ имѣютъ собранія бѣлорусскихъ мотивовъ, напримѣръ, обыватель Минскаго уѣзда Михаилъ Ельскій; будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени эти лица познакомятъ насъ со своими матеріалами и тѣмъ помогутъ спасти бѣлорусскую музыку отъ забвенія и отъ пренебреженія къ ней.

Подъ вліяніемъ искусственной музыки въ нашемъ образованномъ обществѣ установился далеко невыгодный взглядъ на народную музыку вообще: она обыкновенно представляется намъ скучною, а величественные обрядовые мотивы считаются монотонными, однообразными, томительными. И бѣлорусская народная музыка едва-ли не болѣе всего подвергается этимъ упрекамъ. А между тѣмъ сколько въ ней можно найти красоты, силы, граціи! Вслушайтесь, напримѣръ, въ какую угодно весеннюю пѣсню, которую молодая бѣлорусская дѣвушка поетъ гдѣ нибудь въ полѣ, среди разцвѣтающей природы: это сплошное ликованіе, неудержимо льющееся изъ груди, полной радости, любви и нѣги; это дѣйствительно гимнъ веснѣ, къ которому вамъ такъ и хочется присоединить свой слабый голосъ, если бы не боязнь внести дисгармонію въ эти веселые, полные жизни и силы звуки.

И эта настоящая непосредственная поэзія изсякаетъ, гибнетъ годъ отъ году непризнанная нами. Ее замѣняетъ поэзія пошлаго пошиба, проникающая даже въ самые глухіе закоулки черезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, отставныхъ солдатъ, лицъ отправляющихся на заработки и т. д. И не удивляйтесь если въ какой-нибудь бѣлорусской деревушкѣ вы услышите варіантъ подмосковной фабричной пѣсни (напр. „Нидзѣ дружка я не вижу“=„Кто повѣритъ моей скукѣ“). Отъ городскаго населенія и къ простому народу переходитъ тотъ уродливый взглядъ, что старинныя народныя пѣсни смѣшны, некрасивы, и пѣть ихъ при другихъ стыдно. Когда я спросилъ однажды своего ямщика, не знаетъ ли онъ какихъ нибудь пѣсенъ, онъ отказался спѣть что-нибудь, говоря, что я самъ буду смѣяться надъ ихъ пѣснями, а то еще, пожалуй, завезу куда нибудь къ „панамъ“, и они будутъ насмѣхаться надъ глупыми пѣснями и надъ тѣми, кто ихъ поетъ. Мало того, поинтересовавшись, зачѣмъ я записываю простыя пѣсни, онъ высказалъ даже предположеніе, что, должно быть, за нихъ наложатъ штрафъ и не велятъ пѣть. Впрочемъ, и безъ того, прибавилъ онъ, ихъ уже мало поютъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Да и до пѣнія ли тутъ, когда ѣсть нечего и на душѣ скребетъ...

*) № 36 записанъ въ Сѣдлецк. губ. (съ малор. словами) и помѣщенъ здѣсь кстати потому, что слова сходны, а мотивъ къ нимъ изъ Минск. г. мнѣ неизвѣстенъ.

---

1. Свадебныя пѣсни. *)

а) Изъ с. Языля, Бобр. уѣзда.

1. Прилецѣли гусочки а зъ раю,
Ци уже караваю посаджали?
Ци уже караваю посаджали?
Чаму насъ гусочекъ не звали?
Мы бъ вамъ караваю посаджали
Да своими лапками пописали.

(Я.)

2. Откуль каравайницы, 2.
Ци зъ Мира, ци зъ Несьвижа?
Ци зъ Мира, ци зъ Несьвижа, 2.
Ци зъ Языльского села?
Откуль да воду брали, 2.
Каравай расчиняли?
Ни зъ Мира, ни зъ Несьвижа, 2.
Но зъ Языльского села.
Съ калодзязя да воду брали, 2.
Каравай расчиняли

(Я.)

3. Да съ суботоньки на недзѣленьку гадзина.
Зъѣжджалася Марцинкова радзина.
Звязли, знясли двѣ бочки муки на каравай.
Хвалиць Бога, вяликъ будзе нашъ каравай.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли кваску масла на каравай.

*) Сравнительныя примѣчанія см. въ концѣ.

Digitized by Google

Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли два вѣсы соли на каравай.
Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли яецъ три копъ на каравай.
(Я.)

4. Черезъ поле да широкее,
Черезъ мѣсто да великее,
Туды бъ ишли каравайницы,
А слуцкіе мѣщаночки.
Нясли муку пшаничную,
Ены йдучи да гаварили:
Станьмо мы да паслухаймо,
Дзѣ музыченьки играюць,
Тамъ аны каравай пякуць
Ручками да бяленькими,
Перстнями залаценькими.
(Я.)

5 Чія бъ жана каравай мясила,
Каравай мясила да Бога прасила:
Ой дай же Боже што дзень, то сьвята,
Што нядзѣлю, то вясѣля.
Кобъ я малада канапель не брала,
Кобъ мае личенько да пыломъ не упало,
Да пыломъ не упало, не упылилося,
Кобъ я малада не утамилася.
(Я.)

6. Въ садзѣ гальé висиць,
Тамъ Марцинковъ каравай мѣсяць,
Боярье избы топяць,
Шоуковые да дымы йдуць,
Съ Кіева купцы ѣдуць,
Залаты обручъ вязуць;
Залаты обручъ вязуць,
Да на нашъ каравай кладуць.
(Я.)

7. Добре табѣ, Марцинка,
Што твой баценько багаты,
Да родзиць пшаница въ навинѣ,
Да каравайко на сталѣ;
Сталовыя ножки пагнутца,
Да людзи караваю дзивятца.
Сталовыя ножки згибнули,
Да людзи караваю здзивили.
(Я.)

8. Злеталиса пташечки
На чирвону калину,
На салодку малину,
Не сядзѣце, пташечки, не сядзѣце,
Озьмѣце малиночку, обламѣце.
Озьмѣце малиночку, обламѣце,
Сабѣ ягодки обярѣце.
Да збирауса родъ къ роду,
Да старыя бабки на параду,
Маладые молодочки къ караваю.
Не сядзѣце, молодочки, не сядзѣце,
Озьмѣце каравай усадзѣце,
Сабѣ гарѣлочки зарабѣце.
(Я.)

9 Нихто не угадае,
Што у нашумъ караваю.
Лучиночка (*или* свѣчечка) погасиласа,
Целя съ хвастомъ умясилоса.
Целя было не лапóе (=малое)
Да на лѣто на другое;
Целя было куртате (=куцее)
Да на лѣто на пяте;
Целя было бесхвосте
Да на лѣто на шосте.
(Я.)

10. Хадзѣмъ же мы до коваля,
А скуймо мы да востры мечъ,
Порубаймо мы камяную печъ,
Откуль каравайка убираци,
Съ печечки да у вѣчечко,
Да й поставимъ на жицѣ,
Дай Боже маладымъ на жице.
(Я.)

11. Да хвалиць цябе, Боже,
Усё дзѣло зрабила,
Уже каравай усадзила
Ручками да бяленькими,
Перстнями залаценькими.
(Я.)

12. Ѣхала Кацяринка до вѣнца,
Зламала бярозку съ коренца;
Росьци, мая бярозка, безъ верха,
Бо уже я малада безъ вѣнка. *)
(Я.)

13. Ѣхау Марцинко рѣкою,
Обняу Кацяринку рукою:
Сѣдзи, мая Кацяринка, не дрижи,
Я твой Марцинко, не чужи.
Прошу цябе, конику, подбѣсьци,
Дамъ табѣ аброку подъѣсьци.
Добре табѣ, Марцинко, ѣхаци,
Якаво мнѣ конику бѣгаци.
Добре табѣ, Марцинко, подъѣжджаць,
Што ты будзешъ у сьцилка начеваць,
Да й за новою скамнею,
Съ Кацяринкою сваею.
(Я.)

14. Выйдзи 2. мая матко, съ сьвичами,
Мы твае дзицятко звинчали
Да съ тымъ чалавѣкомъ, што учора буу,

*) Поется и въ м. Урѣчьѣ, Бобр. у.

Digitized by Google

А сягодня рано пріѣхау 2.
Привёзъ госьцинцы—арѣхоу.
Да не бяри-жъ, Кацяринка, арѣхоу,
Бо тые цябе арѣшки сподманяць,
Отъ роднои матухны отманяць,
Да къ лютому сьвекратку приманяць.
(*Я.*)

15. Ой знаци, знаци, што чужая маци:
Вывернула кажуха, хоче спужаци.
(*Я.*)

16. Ой попе, попе, гардзѣю,
Не звони раненько у недзѣлю,
Зазвони раненько у суботу,
Кабъ кидали дзѣвочки работу.
Одна наша Кацяринка пышна была,
Да кинула гребенець подъ столець,
Да кинула гребенець подъ столець,
Сама ена пошла подъ вѣнець.
Верниса, Марцинко, по гребенець!
Я табѣ, Кацяринка, да не маладзець,
Я табѣ, Кацяринка, да не маладзець,
Кобъ я табѣ варочауса по гребенець.
Есьць у цебе дружечка—служечка.
Ена табѣ вернетца по гребенець.
Ена табѣ вернетца по гребенець,
Расчесаць кусочки подъ вянець.
(*Я.*)

17. Завивала ее дзядзинка да не жалослива,
А сястрица якъ узяласа,
Такъ слёзками облиласа.
(*Я.*)

18. Не давайса, Кацяринка,
Русое косы расплетаць.
Рада бъ же я да не даласа,
Да скубуць да нибо мясо.
(*Я.*)

19. На дварѣ сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцинка праводзиць
За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный.
Верниса, Кацяринка, верниса,
На травѣ росочка роситца,
На цябе бацюхна грозитца.
Я жъ тую росочку отрошу (отрушу?),
Я своего бацюхна упрашу. (2)
Таки своего Марцинка проведу.
За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный
(*Я.*)

20. Не жалосливы жъ бацюхна,
Што процивъ ночи вонъ жене,
Мнѣ проводничка не дае,
А ни самъ со мною не ѣдзе.
Пошлабъ же я сама—боюся,
Дарога вялика—утомлюся;
Да на той дарозѣ сторожи,
Тые-жъ мене сторожи споймаюць, (2)
По русой касѣ познаюць;
Отъ родного бацюхна отманяць,
Да къ лютому сьвекратку приманяць.
Дзѣ мнѣ маладзѣ ночъ ночеваци:
Ци мнѣ-жъ маладзѣ на вадзѣ;
Ци на поповуй синожаци,
Ци у Марцинковуй караваци?
Да не на поповуй синожаци,
Да у Марцинковуй караваци.
(*Я.*)

21. Да казала маци: не збуду дзицяци,
Ажно мое дзицятко да само збулоса.
Въ суботу зъ вечера да не вечерало,
А въ недзѣльку рано да не абѣдало;
А яжъ думала, што волы погнало,
Ажно мое дзицятко да на вѣкъ забрано.
А яжъ думала, што коровуки доиць,
А маи коровы да стояць въ обори.
(*Я.*)

22. Цябе повязуць, а я тутъ буду,
Цябе по...ць, а я такъ буду.
Цябе повязли, отъ и конь пристау,
Мене по..ли, отъ и х..не встау.
(*Я.*)

23. Выйду я замужъ да подумаю:
Кали добре будзе, я замужемъ буду,
А кали не добре—я назадъ вернуса.
(*Я.*)

24. Гуляйце, братцы, гуляйце,
Моего сорома не знайце;
Ще я сорома не дойшла,
Сличною панною къ вамъ пришла,
Да на ложу упала дзявою,
А зъ ложи устала жаною.
(*Я.*)

25. Стояла Кацяринка на ганку,
Кроила чирвону китайку
И послала бацюхну подарку:
Ѣдзь, мой бацюхна, не бойса,
Въ чирвоные чоботки обуйса,
Сядзь сабѣ, бацюхна, на куцѣ,
Будзе табѣ гарѣлочка у сыцѣ.
(*Я.*)

26. Што зъ лугу, зъ лугу да хмарочка встала,
Наша Кацяринка зъ Марцинкомъ спала;
Ена думала, што сорочъ будзе,
Ажъ на ёй сорома да николькі нема.
Ее бацюхна да на покуць вядуць,

Digitized by Google

Да на покуць вядуць, червонцы кладуць,
Да виномъ частуюць, словцемъ шануюць,
Виномъзеленькимъ,словцемъвѣрненькимъ.
Дзякую, бацюхна, за твое дзицятко,
Хоць ано маленьке, абы ано добреньке;
Хоць ано не величке, абы румяне личко.
Ци на нашуй улицы рабятъ не было?
Да были рабята, да усё хлопята;
Стояли москали, къ ёй не пристали;
Стояли жоунеры, къ ёй не посьмѣли;
Якъ пришла пора, то й сама дала.

(Я.)

27. Зъ виннаго да калодзязя
Тамъ Кацяринка да воду брала,
Въ свой край да позирала:
Ци не ѣдзе мой бацюхна,
Ци не вязе мнѣ госьцинчика,
Госьцинчика—моего кубличка.
Я не рада госьцинчику,
Тульки рада своему бацюхнѣ.
Ѣдзь, (2) мой бацюхна,
Бо я тутъ не знаюса,
Кажному поклонюса,
И старому, и малому,
И своему Марцинкови маладому.
Кацяринко, дзицятко,
Старому поклониса,
Маладому не схисниса,
Бо стареньки похвалиць,
Маладзеньки сподманиць.

(Я.)

28. Чiабъ тые да приданочки блудзили,
Въ чистумъ поли да дорожечку згубили,
Да пытalиса славнаго села Языля.
Съ подъ нового двора да вышло панеця:
Да сюды, сюды, маи приданочки, до двора;
Это-жъ тое подворье, што вамъ быць,
Это-жъ тое застолейко, што медъ-вино пьюць.

(Я.)

б) Изъ с. Юревичъ, Игум. у.

29. Ходзиць рай по улицѣ,—раю мой,
А за раемъ Иванкова мамочка,—раю мой,
За раемъ ходзиць и Бога просиць,—раю мой:
Ко мнѣ, раю, ко мнѣ, Божи, ко мнѣ у дворъ!
Я сына женю и Бога хвалю,—раю мой,
Веселейко на дубейко, (?) раю мой.

(Я.)

30. Тадорчина матка 2.
По улицы ходзиць,
По улицы ходзиць 2.
Да сусѣдочекъ просиць:
Сусѣдочки мои, 2.
А ходзице-жъ вы ко мнѣ 3.
А не ко мнѣ—къ дзицяци 3.
Коровай учиняци.
Ручками бяленькими, 2.
Персценьками золоценькими.
Милые сусѣдочки. 2.
Чи вы дзѣтокъ не маце, 3.
Што ко мнѣ не бываце?
Кобы вы дзѣтки мѣли, 2.
Вы бы ко мнѣ присъпѣли.

(Я.)

31. Ишла дзѣвочка на посадъ,
Махнула хустою напередъ:
Встаньце, бояра, усѣ у радъ,
Будзе ици Марулька на посадъ,
Будзе шукаць батьку мижъ бояръ,
Низенько галовочку клонючи
Свого батьку ищучи.
Усѣ бояре перейшла,
Родного батька не нашла;
Вся моя голова у квѣци,
Нема мого таточка на сѣвѣци.

(Я.)

в) Изъ с. Любовичъ, Бобр. у.

32. Забращали кованы возы на дварѣ,
Зазвонили кубки, талерки на сталѣ,
Защебетали два салавейки на окнѣ,
Да забили маладые свахи у долони,
Заплакала маладая дзѣвочка у комори.
Не отдай 2, мой таточка, отъ себе,
Останетца мая руточка у цебе.
Да и вставай мой таточка раненько,
Паливай мою руточку часценько;
Не паливай маеи руточки водою,
Да паливай маю руточку сытою:
Отъ воды мая руточка желцѣе,
А отъ сыты мая руточка зеленѣе.

(Г.)

33. А паѣдземъ мы, браточка, да дому,
Да повеземъ невольницу съ собою,
Пусцимъ ее въ своёмъ домѣ по волѣ,
Дадзимъ ей золотый ключъ отъ каморы,
Да будзе ана поцихусеньку хадзици,
Да будзе ана аццу й матоццѣ гадзици.
Да вставайце, пышные бояре, уже свѣтъ,
Паѣдземъ у каралевщину на привѣтъ.
Будземъ ѣхаць чатыри мили борами,
А пятую цихусенькимъ Дунаемъ.
На томъ Дунаѣ дзѣвочка хусты бѣлила;
Она бѣлила, вѣрненько Бога прасила:
Принеси, Боже, таго паничка, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

Digitized by Google

34. Умненькій да разумненькій дзѣцина:
Привязау каня къ зелёному явору,
Самъ пошоу сивой зязюли слухаци.
Мнѣ здаетца, сива зязюля кукуя,
Мая дзѣвочка хусточку рубитъ, спѣвая:
Принеси, Боже, того панича, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.
(Г.)

35. Да по мору, по синему озеру
Малады дзѣцинка на лебёдочку стрѣляя,
Да правымъ очкомъ на дзѣвочку взирая.
Да по комъ же ты, мая дзѣвочка, удаласа,
У старое золото у ковалёвъ *) поясъ увиласа.
Пусцила сваю касу по кованому поясу:
Нехай косочка зъ буйными вѣтрами лялѣе,
Нехай мамочка по маей косѣ жалѣе.
Да годзи, годзи маей косонцѣ лялѣци,
Годзи матонцѣ по маей косѣ жалѣци.
(Г.)

36. Постаяла староженька у браду,
Да и сама сѣла у вишнёвому саду.
Да аткель ясенъ мѣсяцъ узыйдае?
Да аткель-же маладый дзѣцинка придзе?
Зыйшоу ясенъ мѣсяцъ зъ зорами,
Пріѣхау маладый дзѣцинка съ сестрами.
(Г.)

37. Ты кланяйса, мае дзиця, не пыжиса,
Пашлюць цебе къ дихаму Дунаю по воду
И скажуць людзи: разумныя маточки, научены бацюшки...
(Г.)

38. На дворѣ дощъ, мяцелица, пляхота,
Нашему дзѣцинкѣ жанитца ѣхаць ахвота.
Его бацюшко въ варатахъ стаиць—не вялиць:
Не ѣдзь 2, мой сыночокъ жанитца!
Ты сваи вараны кони потопишь,
Да ты сваи дарагія шубы помочишь,
Да не журися, мой таточка, обо мнѣ:
Есць у моего сцилухны (тестя) зелёный яворъ на дворѣ.
Я подъ яворомъ вараныя кони напасу,
А на яворѣ дарагія шубы посушу.
(Г.)

39. На гарѣ два браценька ячмень жнуць,
Да у далинѣ двѣ Кацярины пшаницу.
Дзѣвочка умна, вышла изъ гумна, гукнула:
Принеси, Боже, панича, што люблю,
Дарую ему хусточку, што рублю.
(Г.)

*) = кованый

40. Зажурыуса дзѣцинка у дорозѣ,
Што не ковань его коникъ у возѣ.
Да зачуля тое дзѣвчинка:
Да не журиса, дзѣцинка.
Есць у мене залатыя персценьки,
Будуць тваему конику подковки.
Есць у мене маладыя (?) плёточки,
Будуць тваему конику вожжечки.
(Г.)

41. Ударили лютые марозы на дварѣ,
Замарозили маладую дзѣцинку на канѣ;
Да выходзила его дзѣвочка съ черема,
Вынасила кубочекъ вина, мёду два.
Напейса, развеселиса.
Ты самъ маленькій, твой конь старенькій,
Дакъ ты и замёрзъ.
Не журися, дзѣвочка, не правда твая:
Я самъ маладый, конь мой вараный,—
Я не замёрзъ.
(Г.)

42. Разгарѣласа калина,
Да у цёмнумъ лѣсѣ стоючи.
Тушиу вѣтричекъ—не утушиу,
А больше искры разнасиу.
Я цебе, калина, не утушу,
Да утушитъ цебе добры (=дробны?) дощъ.
Расплакаласа дзѣвочка
Предъ сваимъ бацюшкомъ родненькимъ.
Сунимау бацюшко, да не суняу,
Большей жалосци ей поддау:
Я цебе, дзицятко, не суйму,
Да уними небе канчучокъ.
Да утре слёзочки ручничокъ.
(Г.)

43. Гдзѣ наши оченки глядзѣли,
Што свае даиня утопили.
Да у это седо дурное,
За эты мужики-дураки,
Што мѣняюць коней безъ паны,
Да бьюць жонокъ безъ вины.
По самыя вороты—болоты
А по качережникъ—березникъ.
Братки маи родные,
Берице тапорики острые,
Прорубиде, братки, шире дворъ, (=боръ?)
Штобъ обачила бацькова дворъ.
(Г.)

г) Изъ д. Строчищъ, Минскаго уѣзда
(отъ гг. Срочинскихъ).

44. Да ляцѣли гусачки циразъ садъ,
Крикнули, гукнули на увесь садъ: (2)
Пара табѣ, Канярика, на насадъ.

Digitized by Google

Да што-же вамъ, гусачки, да таго?
Есьць у мяне панойцы для таго.
Яны у мяне да шлюбу выправяць.
Братко мяне на пасадъ пасадзяць.
(*Я*)

45. Памажи Боже вянки виць,
Дай Боже маладымъ доуга жиць.
Ня стой же Боже подъ акномъ,
Да идзи Боже у хату.
Сядзь сабѣ Боже на куцѣ,
Дай Боже долю сирацѣ.
Да я и у сѣнцахъ пастаю,
Сирацину доляй надзялю.
(*Я.*)

46. Отъ табѣ, Кацяринка, уся надзѣя.
Што твой Марцинка да рабиць ня умѣя,
Ни ораць, ни сямѣнька сѣяць,
Да тольки у карчомцѣ кватерки мѣраць
(*Я.*)

47. Отъ табѣ, Марцинка, уся надзѣя,
Што твоя Кацяринка да робиць ня умѣя,
Ни шиць, ни прасьци, ни красенкоу ткаци,
Да тольки па улицѣ зъ малаццами гуляци.
(*Я.*)

48. Сьцерва свацця, сьцерва,
На што касу сцерла,
Змяла, счесала,
Подъ чапецъ схавала.
(*Я.*)

---

2. Родинныя и крестинныя.

Изъ Городка, Бобр. уѣз.

49. Хто у насъ, хто у насъ повночи ходзиць?
Иванка голубчикъ повночи ходзиць,
Ёнъ своей бабочки хорошенько просиць:
Бабочка, голубочка, ходзи ты ко мнѣ.
Иванка, голубчикъ, чаго-жъ я пайду?
Бабочка, голубочка, жена-жъ моя да не дужа.
Иванка, унучекъ, чаго-жъ ена да недужа?
Бабочка, голубочка, животочекъ болиць.
Иванка, унучекъ, помолимся Богу и Духу Святому,
Дасць намъ сына, ци дочухну.
Коли сынъ—господаръ будзе,
Коли дочка голубочка—госцина моя.
(*Д.*)

50. Учора зъ-вечера на родзинкахъ была,
А сегодня поранесенько на хрисцинки пришла.
Закладзице, запражице дванаццать верабьёу,
Отвезице отправацьце бабусю дамой.
Ницъ не поможе, (2) дванаццать верабьёу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе бабуся дамой.
Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице дванаццать паръ волоу,
Отвезице, отправацьце кумусю дамой.
Ницъ не поможе, (2) дванаццать паръ волоу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе кумуся дамой.
Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице вороного коня,
Отвезице, отправацьце молодого кума,
Ницъ не поможе, (2) вороненькій конь:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе мой кумочекъ дамой.
(*Д.*)

---

3. Посидѣлочныя *).

Изъ с. Языля, Бобруйскаго уѣзда.

51. Сѣдзѣла Рында да на печищи—Рында, 2.
Задрала ноги да на градзище—Рында, 2.
Пришли къ Рындзѣ женихи, взяли Рынду ворухи—Рында 2.
Ой пошла ана по сусѣдочкахъ—Рында 2.
Да сусѣдочки, маи матушки—Рында 2.
Ой дайце мнѣ по сарочеццѣ—Рында 2.
По сарочеццѣ, по наметоццѣ—Рында 2.
Не спаць було Рындзѣ Пилиповой ночи—Рында 2.
Продзираць було дзеркачемъ вочи—Рында 2.
Чортъ-же васъ бери, маи сусѣдочки—Рында 2.
У маего бацька да берозъ много—Рында 2.
Да здзеру-же я бересьциночку—Рында 2.
Да пошію-жъ я хвартушиночку—Рында 2.
Пазьдзёрочкомъ подпережуса—Рында 2.
Передъ сваимъ женишкомъ якъ наражуса—Рында 2.
Накрыюса я мѣшкомъ, не мнѣ соромъ—женишкомъ—Рында 2.
(*Я.*)

52.**) Запрагу я бугая, куды людзи, туды й я,
Да гаю, гаю,—куды людзи, туды й я, ***).
Да насѣку жъ я да вазокъ пруцья.
Загараджу агародъ на чатыри углы.
Да у первумъ углѣ посею я моркву,
А у другумъ углѣ да посею бурака,

*) «Пяюць у Пилипоуки, сѣдзячи на кудзели».
**) „Дзѣучата хлопцамъ".
***) Такъ повторяется половина каждаго стиха.

Digitized by Google

А у трецюмъ углѣ да косою постернякъ,
А у чецьвёртумъ углѣ да посаджу рѣпу,
Серодъ агароду—чирвоную рожу.
Кому тая морковъ? Да Марцинку морковъ.
И у хату йдзе—скребетца, и съ хаты йдзе—скребетца.
Кому той бурачокъ? Да Пилипу бурачокъ.
И у хату йдзе чирвоны, и съ хаты йдзе чирвоны.
Кому той постернякъ? Да Ехиму постернякъ.
И у хату йдзе—постаиць, и съ хаты йдзе—постаиць.
Кому тая рѣпа? Да Павлюку рѣпа.
И у хату йдзе лупитца, и съ хаты йдзе—лупитца.
Кому тая рожа? Да Ивану рожа,
Кабъ я яму была да дзѣвочка гожа,
Да гаю, гаю,—да дзѣвочка гожа.
(Я.).

---

4. Колядки и щедровки.

а) Юревичи, Игум. у.

53. А у поли, у поли зялёная елочка,
Сьвятый вечёръ *)—зялёная елочка.
Подъ тою елочкою—зялёная далинка,
А на той далинцѣ вараны конь ходзиць,
А на томъ кони—залатое сядзелце,
А на томъ сядзелцы—залатое стременце,
А на томъ стременцы—маладый паничикъ.
А на томъ паничику вишнёвая шапочка,
А на той шапоццѣ—чирвоная квѣточка,
А на той квѣтоццѣ—яровая пчолочка.
То-жъ ня квѣточка—его дзѣвочка,
То-жъ ня пчолочка—его жоночка.
Мнѣ съ квѣточкою только дзень быци,
А зъ жоночкою треба вѣкъ жици,
Святый вечоръ—треба вѣкъ жици.
(Я)

54. Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
Сввятый вечоръ*)—чоуночокъ плыве.
А у томъ чоуночку—малады паничикъ.
Приплывае ёнъ къ царскому двару.
Выносяць яму полмисокъ грошей.
Вонъ шапки ня зняу и грошей ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—малады паничикъ;
Приплывае ёнъ къ панскому двару.
Выводзяць яму вараного каня.
Ёнъ шапки ня зняу и коня ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у томъ чоуночку—маладый паничикъ;
Приплывае ёнъ къ сьцёвому двару:
Выводзяць яму маладую панну.
Ёнъ и шапку зняу, и панну, собѣ узяу.
Сьвятый вечоръ,—панну собѣ узяу.
(Я)

*) Послѣ каждаго стиха.

б) С. Горки, Бобр. у.

55. Щодры вечеръ добрымъ людзямъ,
Ци дома дома самъ панъ господаръ?
Ой дома дома самъ панъ господаръ:
Сѣдить онъ собѣ у конца стола.
Позвольте (ци позволять) нашему козлу погуляць...
Ну-ну-ну, козёлъ, поворочайся
Да и на ножечки, да и на рожечки,
На копыцики на золотые.
Тыжъ гаспадынька не будь такая,
Якъ тая была барабаниха.
А будь ласкава, запали скѣпочку,
Запали скѣпочку, да падзи у клѣточку,
Да набери мачку на тарилочку.
Нашему козлу не много треба:
Семъ печъ перяпечъ, решето овса,
Решето овса, на верхъ колбаса,
На ресьцѣ мачку хоць на тарелочку,
Було-бъ намъ маладзёнамъ на гарелочку.
Судзи тобѣ Боже сынки женици,
Сынки женици, дочки оддаваци, (2)
Да й насъ молодыхъ на веселе зваци.
(Я).

в) С. Языль, Бобр. у.

56. Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечерище 2.
Да усимъ дзѣукамъ по казаку,
А мнѣ овчарничка 2.
Да й погнау мой овчарничка
Да у поле овечки 2.
Да й загубиу овчарничка
Малое ягнятко 2.
Была у мене жуковинка
Съ трема каменцами 2.
Нема моего овчарничка
Исъ поля съ овцами 2.
Кали-бъ же я щука-рыба,
То-бъ я помырнула 2.
Таки-бъ же я своего овчарничка
Къ серцу пригорнула 2.
Кали-бъ же я крыла мала,
То бъ я палецѣла 2.
Таки-бъ же я своему овчарничку
Въ очки поглядзѣла 2.
(Я)

Digitized by Google

57. При дарозѣ дзьвѣ берозѣ,
Сарока зависла 2.
Кличе маци вечераци,
Вечера покисла 2.
Да вже-жъ бо мнѣ, моя матка,
Вечера не мила 2.
Не бачила, моя матка,
Съ кимъ я говорила 2.
Якъ бачила у середу,
Жанучи череду 2.
Якъ бачила у вувторокъ,
То уже недзѣль сорокъ 2.
Да выйду я на улочку,
Рассыплю я карты 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе жарты 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я иглы 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе игры 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я рѣшки 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе сьмѣшки 2.

(Я)

---

5. Масляничныя.

Юревичи, Игуменск. уѣзда

58. Я маладзенька не угадала,
Цы было лѣто, цы не было.
Мамка на вулку не пускала,
Въ каморочку замыкала,
А въ каморочцы окенечко,
А на окенечку—кватерочка.
А я выбью вокенечко,
Зярну, гляну на вулечку:
На вулеццы дзѣуки ходзяць;
Дзѣуки ходзяць и гуляюць, (2)
А мой нелюбый передъ водзиць.
А бодай ёнъ таночку не зводзиу,
Якъ я вѣночка не зносила.

(Я.)

59. Кароука мыче, вясну кличе;
Воликъ бушуе—вясну чуе.
(Курка кудахче—ѣсьци хоче);
Дзѣвочка плаче—замужъ хоче.
Не мычъ, кароука, намычисся.
Не бушуй воликъ, набушуесся (2)
Не плачъ, дзѣвочка, наживесся

(Я.)

---

6. Великодныя

а) Юревичи, Игуменск. уѣзда.

60. А на рыночку проти ганочку,
Зялёны яворъ, зялёны. (прип.)
Тамъ сядзѣла да паненочка,
Да паненочка—молода Ходорка.
У правой руцѣ да кубокъ несе.
А у лѣвой руцѣ—ўциральничекъ.
А тудой ишоу купецкій сынъ,
Проситъ кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Ни дала кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Хоць купецки сынъ, да не роуня мнѣ.
А на рыночку... и пр.
Тудою ишоу мужицкій сынъ
Проситъ кубка... и пр.
Хоць мужицкій сынъ, да ты роуня мнѣ.
Дала кубочка умывацися,
Уциральничка уцирацися.

(Я.)

61. У гародзи за клѣткою,
Росла рожа исъ квѣткою.
Хтожъ тую рожу щипаць будзе?
Молода паненка защипала,
Защипавши у рукавецъ клала,
Зъ рукавца брала, къ лицу ровновала:
Кобъ мое лицо да такое было,
Не пошла бъ я за богатого,
А пошла бъ я за сенатора,
Што съ коника не ссѣдае,
Меча съ плеча не скидае,
Пуховой шапки не знимае.

(Я.)

б) Новыя Дороги, Бобр. у.

62. У городчичку на трасочничку
Да не макъ—рожа расцвѣтала,
Христосъ воскросъ на увесь сьвѣтъ!
(прип.)
Вышла—выцекла красна паненка,
Красна паненка, молода Кацеринка,
Тую рожу сощипала,
Къ своему лицу ровновала:
Кобъ маё лицо таково было,
Не вышла бъ я ни за селянина,
Ни за селянина, ни за дворанина,
А вышла бъ я за такого пана,
Што съ коника не ссѣдае,
Съ стременъ ножекъ не выймае.

(Я.)

Digitized by Google

7. Весенніе.

а) С. Языль, Бобр. у.

63. Волъ бушуе, весну чуе;
Воронъ краче, сыра хоче;
Дзѣука плаче, замужъ хоче.
Не бушуй, воликъ, найоресса;
Не крачъ, воронъ, нажерееса;
Не плачъ, дзѣука, наживесса.
Волъ бушуе, найоравшиса;
Воронъ краче, нажравшиса;
Дзѣука плаче, сына мѣуши.

(*Я.*)

64. На муравѣ на муравѣ
Лежитъ цѣло, якъ дзень бѣло.
Прилецѣло три пташэки...
Одна сѣла у головочкахъ,
А другая блиско серца,
А трецяя у ножечкахъ.
Што у головкахъ—матка яго,
Блиско серца—сестра яго,
А у ножкахъ—жена яго.
Матка плаче вѣкъ одъ вѣку,
Сестра плаче годъ одъ году,
Жена плаче до й-обѣду.
По й-обѣдзѣ други ѣдзе:
Якъ гай, дакъ гай наймилѣйши,
Цебе у голоу, у мене лѣпши.

(*Я.*)

8. Купальскія

М. Городокъ, Бобр. уѣзда.

65. Ой мала ночка Петровочка,
Ня выспалася молодочка,
Да сукала шнуры шоуковы
Да на черевички замшовы,
Сяму таму запродала,
А своему милому й такъ оддала.

(*Я.*)

66. Да плавау чоуночокъ по рѣчеццы,
Да плакау Донатко по дзѣвоццы;
Содрау лычечко съ крапивочки:
Хоць задавѣце безъ дзѣвочки.

(*Я.*)

67. Да на Купалья ночка мала,
Ой яжъ молодзенька не доспала,
Да сукала шнуры шоуковые,
Да рубила хусты рипсовые,
Да сему тому продавала,
Молодому Гардзѣйку даромъ давала.

(*Д.*)

9. Жнивныя и покосныя.

Строчище, Минск. уѣзда.

(Отъ гг. Строчинскихъ).

68. Я думала—зажалася,
Ажъ зноу съ хвастомъ засталася;
Я думала—скрипки йграюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ вядуць;
Я думала—пирогъ даюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ лаюць.

(*Я.*)

69. Да я у полѣ жита жала,
Ажъ мянѣ у дому бяда стала:
Звалилася сьвякроу съ тыну,
Да у жижкую крапиву.
Ня щкода жъ мнѣ сьвякровачки,
А шкода жъ мнѣ крапивачки.
Бо сьвякроу сама зноу устане,
А крапиука зноу завяне.

(*Я.*)

70. Кациуся вянокъ съ поля,
Да прасиуся ёнъ да пакоя:
Пусьци мяне, панокъ, да пакоя,
Да ужо жъ я у полѣ настаяуся,
Да мяне вѣтрикъ намахауся,
Да мяне дощикъ накрапляуся.

(*Я.*)

б) Юревичи, Игумен. уѣзда.

71. Ишоу Богъ дарогою 2.
А за Богомъ нашъ паночокъ:
Ка мнѣ, Боже, ка мнѣ, 2.
До маёго гуменца.
Маё гумно вяликое 2.
Азяроды высокіе.
Маё гумно великое 2.
Переплёты широкіе.
Есьць дзѣ азяредзиць,
Е дзѣ копы класьци.

(*Я.*)

72. Пора домоу, пора,
Сьцюдзёная раса пала.
А першая Боговая,
А другая дождковая, 2.
А трецяя снѣговая.
Мы першую будземъ пици,
А другою лицо мыци, 2.
А трецюю топтань будземъ.
Боговую будземъ пици,
Дождковою лицо мыци 2.
Снѣговую топтань будземъ.

(*Я.*)

Digitized by Google

73. Пойду я дарогою,
Пущу голосъ дубровою;
Нехай голосъ голосуе.
Нехай же мой татка чуе,
Нехай же мой татка чуе,
Дзѣ мое дзиця ночуе.
Колижъ мое дзиця пѣе,
Нехай воно домоу идзе;
Коли вона невѣхночка,
Нехай болѣ пожинае,
Мого поля повидае,
Къ моему полю привыкае,
(Къ моёй ячной лусьци,
Къ нясолоный капусьци),
Къ моему полю далёкому
Къ моёй нивѣ да широкуй.
Мое поле далёкое,
Моя нива широкая.

(*Я.*)

в) с. Языль, Бобр. уѣз.

74. Нашъ панъ баранъ, баранъ, 2.
Не пускае домоу зарань.
Наша пани овечая, 2.
Дзержитъ жнеекъ до вечера.
Пусьци, пани, до дому 2.
Старыхъ бабокъ ручки зябнуць,
Молодочекъ дзѣтки плачуць, 2.
На дзѣвочкахъ вѣнки вянуць.

(*Я.*)

75. Говорила татарочка 2.
Да на своихъ пивоварувъ:
Коли мене не уварице, 2.
То вы мене не удзержице
Ни у дубовыхъ бочечкахъ, 2
Ни у залѣзныхъ обручикахъ.
Говориу же Марцинка 2.
На своего бацюхна:
Коли жъ мене не женице, 2.
То вы мене не удзержице
Ни у цёмнуй цямницы, 2.
Ни у сьвѣтлуй сьвѣтлицы.

(*Я.*)

76. Да вишенька цярашенька
На дворъ налягае,
А съ-пудъ тое вишеньки
Сивы конь убѣгае;
Не самъ же ёнъ убѣгае,
Да паничикъ уѣжджае.
На ёмъ кудры маюць,
Да на ёмъ шубы зяюць.
Паничикъ молодзеньки,
Хто кошулю вышиваў?
Шила матка старенька,
А сестрица маленька:
Шила матка, вышивала,
Сестрица злотомъ укладала, 2.
Да на мене ускладала.

(*Я.*)

г) с. Любовичи, Бобр. у.

77. Великъ нашъ боръ, великъ
Надо усѣми борами,
Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надо усѣми панами.
Нема таки пана дома,
Поѣхау онъ у въ Шклово
Чарочекъ покупаци,
Жнеечекъ частоваци.
Наши жнейки маладые,
И(ихъ?) серпочки залатые,
По мѣсячку жито жали
И серпочки поламали.

(*Г.*)

78. Лѣтомъ, дзѣвочка хороша,
Я улюбиуса у цебе.
Я улюбиуса у нещасье,
Намъ съ табою не владаць.
Не имѣу нидзѣ я щасья,
Сизы бъ крылушки сабѣ:
Стрепенууса, полецѣу бы
У размашистъ, зелёный садъ;
Сѣу бы, пау бы я Машенькѣ,
Сѣу бы на правое плечо,
Посмотриу бы я Машенькѣ
Во румяное лицо.
— О чёмъ, о чёмъ, раз-Машенька,
У лицѣ худа и блѣдна?
— О томъ, о томъ, разголубчикъ,
Тосковала о табѣ.

(*Г.*)

79. Жена мужа пробовала,
На попари припинала.
Ой мой мужу татарину,
Да ѣшь траву попарину,
Да пи воду луговую,
Люби мене молодую.

(*Д.*)

80. Коля коля рѣчки
Да ходзила паненочка,
Да сѣяла руту—мяту.
Росци, росци, рута мята,
И тонкая, й высокая,
Съ кореньейка глубокая.
Якъ у восень за—мужъ пойду,
Такъ я цебе свинямъ порву;
Якъ у свойго татки буду,
Такъ я цебе полоць буду;
Якъ у восень за—мужъ пойду,
Нехай цебе кони стопчуць,

Digitized by Google

Да коники гарцуючи,
Молойчики танцуючи. (Д.)

10. Лѣтнія *).

Изъ м. Городка, Бобр. у.

81. Зелёная дубровочка,
Чаго рано зашумѣла,
Жоутымъ листомъ зажауцѣла?
Ой якъ же мнѣ не шумѣци,
Жоутымъ листомъ не жауцѣци?
Черезъ мене дубровочку
Да битая дорожечка:
Да што дзень купцы ѣдуць,
На коники дубцы рѣжуць,
На кореняхъ огни кладуць,
Съ—подъ каменя воду беруць,
Везуць соби волыночку,
Молодую украиночку;
Да за ею погонъ идзе—
Ее родный ойченько.
Вернися, волыночка,
Вернися, дзиця моё!
Вернися, мой ойченько,
Вернися, не томися:
Ты мене не догонишь,
Только ножки потомишь.
Да кали мнѣ добро будзе,
То я къ табѣ листы пришлю,
А кали мнѣ лихо будзе,
То я къ табѣ саму приду.
У виръ, дзиця, галавою,
А не ко мнѣ удавою! (Д)

82. Да гула пчолка, гула, (2)
По бору летаючи,
Да медокъ збераючи:
Горки мой медочку
Да безъ цебе, мой бортничку.
Да плакала удовочка,
Да по двору ходзячи,
Да дровца збираючи,
Да обѣдъ готуючи:
Горкій мой обѣдзе
Да безъ цебе, мой миленькій.
Сама сяду на покуци,
А дзѣтками осаджуся,
Слёзками оболюся.
Дзѣтки жъ мои маленькія,
Слёзки мои дробненькія;
Дзѣтки мои побольшали,
Слёзки мои погоршали.
(Д)

*) Такъ значится въ рукописи г. Давидовскаго.

11. Историческія.

а) Изъ Слуцкаго уѣзд.

(по рукописи гимназиста г. Н. Береснева)

83. Изъ—за Слуцка, изъ - за Клецка
Будзе дружба молодзецка,
Отъ княжати мѣста Пинска,
Мѣста Пинска воевати, (2)
Отъ ляховъ обороняти.
Хоть пришли, не дали рады,
Погинули уси одъ здрады.
А я пойду у постъ велики
До Турова до владыки,
Щобъ молебень отслужити,
Да й покаюсь за грѣхи.
День и ночъ буду молити,
День и ночъ буду просити,
Щобы згинули ляхи.
(Я)

б) Изъ м. Городка, Бобр. уѣзда.

84. Ой мяцежница Варшава,
Бунтовщица издавна.
Збунтовалися поляки,
Черци стары оборваны,
Всѣ косцёлы поламали,
Хресты, звоны познимали, 2.
Саби пушки поуливали.
Якъ поуливади саби пушки,
Пошли всякій дзень пирушки...
(Д.)

12. Разныя *).

а) Изъ д. Строчицъ, Минск. уѣз.

(Отъ гг. Строчинскихъ).

85. Парасла крапива выше гарадзища,
Кабъ не наши паничи, не былобъ игрища.
Пагарѣли хамуты, пагарѣли лямцы,
Пагалѣли дзѣцюки, не съ кимъ исьци у танцы.
А я тыхъ хамутоу тушици ня буду,
А я тыхъ блазноу просици ня буду.
Чи я у маци не дочка, чи я не дачушка,
Руса коса да пояса, червоная устужка.
У гародзѣ на градзѣ три каливы мяты,
А хто мене пацалуе, не вылѣзе съ хаты.
У гародзѣ на градзѣ три каливы бобу,
А хто мене пацалуе, не выбудзе году.
Сѣю руту, сѣю мяту, рута зеляненька,
Еще замужъ не пайду, еще маладзенька.

*) Поются, когда угодно; нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно рекрутскія и солдатскія.

Digitized by Google

А я той руцѣ-мяцѣ вяршки посьцинаю,
Еще замужъ не пайду, еще пагуляю.
Еще сабѣ пагуляю, якъ рыбачка па Дунаю,
Туды-сюды повярнусь и никого не баюсь.
(*Я*)

б) Изъ г. Минска.

(отъ г. Г—га).

86. Ишоу Тодоръ и съ Тадорой,
Знайшоу лапоць и зъ аборой:
Ой ты Тодоръ, я Тадора,
Табѣ лапоць, мнѣ абора.
(*Я.*)

87. Ишли дзѣуки баразною,
Нашли х . . зъ барадою.
Адна каже: рѣжмо!
Друга каже: ѣжмо!
Третця каже: ня псуймо,
Да па разу усуньмо!
(*Я.*)

88. Нашъ татулька упиуся,
На матульку узбиуся;
А матулька лихая,
Татулька спыхае.
(*Я.*)

89. А што жъ гэто за Лявониха была!
Не салёную капусту дала,
Не салёную, не вареную,
Толька трошки перяпареную.
А дзѣ-жъ тые кавалёчики,
Што куюць тапарочики. . . . .
(*Я.*)

Изъ с. Юревичъ, Игум. уѣз.

90. Ай на морѣ волма бье,
Салдатъ на войну идзе;
Дзѣука плаче а рыдае,
Хустой слёзы уцирае.
Ня плачъ, дзѣука, не рыдай,
Хустой слёзы не уцирай;
Тогда, дзѣука, заплачешъ,
Якъ на войнѣ обачишъ.
Ай салдацкая ѣда—
Сухари да вода,
А салдацкая посьцель—
Мундирикъ да шинель.
Мундирикъ подъ бочокъ,
Шинеликомъ обкрыуся, 2.
Слёзками облиуся,
Вы слёзки мои гарачіе,
Откацицеся отъ мене,
Я на чужой старанѣ,
Прикацицеся къ тому,
Хто зъ жаною у дому.
Да пріѣхау бѣлый царъ,
Нашъ бацюшка государъ.
— Харашо вамъ, ребята,
На страженіи стаяць?
Ай харашо, харашо,
Нашъ бацюшка государъ:
По капыты у крывѣ,
По калѣни у трупѣ.
А царица, наша мацъ
Стала ребятъ абучаць:
Ой вы, дзѣтушки маи,
Вы рабятушки маи,
Мы у крѣпосьць забяромся,
Тогда съ туркамъ подзяромся.
Наши кулюшки идуць,
Та-дыкъ (такъ какъ) пчолушки гудуць.
Салдатъ идзе на Капкасъ,
Мужикъ ѣдзе на кирмашъ;
Салдатъ идзе съ Капкасу,
Мужикъ ѣдзе съ кирмашу.
Салдатъ празника дажжотца,
Серце кроую оболлётца;
Мужикъ празника дожжотца,
Какъ сьвинья водки нажротца;
Закотитца за жану,
Какъ за камянну сьцяну.
Салдатъ идзе *на во́сьци*, *)
Мужикъ ѣдзе у госьци;
Салдатъ идзе зъ восьце́й,
Мужикъ ѣдзе зъ госьцей;
Мужикъ ѣдзе пахаць,
Салдатъ жонку у караваць.
(*Я.*)

91. За Дунаемъ за рѣкой,
Тамъ малойчикъ гуляу,
Полынь-тро́вушку зрывау,
На конюшню брасау,
Своего коня напасау...
(*Я.*)

г) Изъ с. Языля, Бобр. у.

92. Ляжиць камень надъ (*sic*) водою, 2.
Енъ не разобьецца;
Стоиць милый съ чужой жаной 2.
Енъ не разойдзецца.
Яжъ молода коло ихъ ишла, 2,
Яжъ ихъ ни чипала;
Только тяжко моёму серцу, 2.
Што я присягала.
(*Я.*)

---

*) „Въ калавуръ", поясняя [illegible] солдатъ). Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть, *осець* овинъ? Есть еще *осци,-ей* (острога), которое больше подходило бы по формѣ, но меньше по смыслу.

Digitized by Google

93. Оддау мене бацько замужъ молодую,
Ой дау же мнѣ Гóспудъ долечку лихую.
Была у мене коса, коса до пояса,
Вырвау яе милый усю до волоса.
Ой уу поли у поли стаитъ садъ зелёны,
А у томъ садочку дзѣучина гуляла,
Проколола ножку на калючу розку.
Балиць моя ножка, балиць оченъ болно,
Нагуляуся баринъ зъ дзѣукою доволно.
Запражице яму да новые санки,
Поѣдзе нашъ баринъ до свае коханки;
Запражице яму да новый вазочокъ,
Поѣдзе нашъ баринъ у новый гарадочокъ.
А за имъ дзѣучина, за имъ у слѣдочокъ;
Гнала ена гнала, никакъ не догнала:
Заболѣли еи воченъ болно ножки,
Стала ночоваци ена упоудорожки.
Ѣхали казаки яны съ украины,
Стали пробужаци прекрасной дзѣучины;
Уставай, дзѣучина, устань и ѣдзь изъ нами,
Устань и ѣдзь изъ нами, зъ нами казаками.
Дзѣучиночка устала, цяженько здыхнула,
Цяженько здыхнула, жалко заплакала.

(*Я.*)

д) *Горки, Бобр. уѣзда.*

94. Выхадзила дзѣучиночка за новыя ворота,
За новыя, кляновыя, за решетистыя,
Вынимала исъ кармана тонкой бѣленькой платокъ,
Воцерала любезному свему горкія слёзы.
А уцёрши горки слёзы, на крутую пошла горушку,
А на тую гору крутую, дзѣ скончаласа любовъ.
Наша любовъ не большая, вотъ разлука цяжела,
Разлучила насъ неволя, чужедальня сторона.

(*Я.*)

е) *Новыя Дороги, Бобр. уѣзда.*

95. Соловейко маленьки,
Твой голосокъ тоненьки,
Леци у нашу старану,
Накажи роду моему,
Што я бѣдна сирота,
Што у мене роду нема,
Тольки адзинъ дзядзько,
Якъ родны мой бацько.

(*Я.*)

96. И сёгодня не быу, и учора не быу:
Видно мой милы на мене забыу.
О, не забыу, хиба забуду,
Якъ поѣду, семъ годъ не буду.
О, есьць у мене муляри свои,
Отмулюю я милого къ собѣ.
Отмулюю его хоць на дощеццѣ,
Да й поставлю его у концы стола,
Поставлю его у концы стола,
Да й буду смотрить, якъ на сокола.
Ой зачимъ соколъ смуценъ не весёлъ?
Ой якъ-же мнѣ весёлому быци:
Учора зъ-вечора уточка была,
А сёгодня разстрѣляная.
Не жаль бы було, кабъ ее на водзѣ,
А то у лузѣ, у черецѣ.
Ой чому козакъ смуценъ, не весёлъ?
А якъ-же мнѣ весёлому быци:
Што учора зъ—вечора дзѣвочка была,
А сёгодня засватана.
Не жаль бы мнѣ было, кабъ ена далёко,
А то за сусѣдочку:
У клѣць идзе, добраночъ дае,
Исъ клѣци йдзе, добрыдзень дае.

(*Я.*)

ж) *Городокъ, Бобр. уѣзда.*

97. Эхъ, не могу я зъ гора разгуляцца,
Эй да тоски, скуки свае разогнаць.
Пойду зъ гора на быструю рѣчку,
Ой да сама сяду на крутъ бережка.
Ни одна тутъ я здзѣси на рѣццѣ:
Эхъ виджу—бачу свой цѣнь на водзѣ.
(Цѣнь пустая, цѣнь холодная,—да,
Эхъ цѣнь не грѣе мене ничово;
Цѣнь не грѣе мене ничово,
Эхъ, при мнѣ здзѣси нѣту никово).
А съ—пудъ лѣсу ой да поцихеньку,
Ой бачу ѣдзе милый на кони.
Здраствуй, милая моя красаука (забаука)!
Ахъ я нарочно просьцитца зайшоу.
Езьли дасьць Богъ—назадъ повернуса,
Эхъ, три подарки тобѣ привезу:
Первый подарокъ, ты моя красаука,
Ой на голову да шалёвый платокъ;
Други подарокъ, ты-жъ моя забаука,
Ой да на шiечку замша—замшушка;
А треци подарокъ, ты-жъ моя красаука,
Ой да на ручечку злоты персьценёкъ.

(*Я.*)

98. Была я у бацьки на выгодзѣ,
Сѣяла орѣшки въ огородзи;
Росцице орѣшки выше плоту,
Отдау мене бацька за блазноту.
Чужiе молойцы пьюць, гуляюць
А моей блазноты не примаюць.
Бодай вамъ, молойцы, лиха у грудзи,
А зъ моей блазноты будуць людзи.

(*Д.*)

Digitized by Google

99. Якъ мнѣ тошненько, якъ мнѣ нудненько,
Сама не знаю чего.
Эй, ой пойдзице-жъ вы, приведзице мнѣ,
Кого я вѣрно люблю: *)
Эй, черномазаго, черноглазаго,
Русы кудзерки у его.
Эй, ёнъ чау (-чесау) кудри, ёнъ чау русы.
До барыни поспѣщау.
Эй, черезъ рѣченьку, черезъ быструю
Мостовинушка лежиць;
Эй, о по той же да мостовинушкѣ
Другъ любезный проходилъ;
Эй, мостовинушка возыбнулася,
Другъ сердечный утонулъ.
Эй, о пойду же я молодёшенька
Всё й по крутымъ бережкамъ,
Эй, ци не сустрѣну, ци не споткаю
Рыбалойцау молойцоу.
Эй, вы молойчики рыбалоуники,
Закидайце невода!
Эй, ци не зловице, не споймаеце
Мойго милаго дружка.
Эй, коли зловице и споймаеце,
Буду рѣчку вспоминаць;
Эй, якъ не зловице, не споймаеце,
Буду рѣчку проклинаць:
Эй, да бода рѣчка, да бодай быстра
Жоутымъ пескомъ заплыла,
Эй, якъ же ты мойго милаго дружка
Въ цихій Дунай занесла.

(Д.)

100. Ой скучно мнѣ, скучно,
Якъ былинцы въ поли,
Нихтожъ не разважиць
Мене молодои.
Яжъ тую развагу
Я й сама разважу,
Посцелю посцельку,
Сама спаци лягу.
Посцелька бѣленька,
Сама молодзенька,
Подушка пухова,
Сама черноброва.
Устану раненько,
Умыюся бѣленько,
Сяду подъ оконце,
Навсходъ ясна сонца.
Ёще ясенъ мѣсяцъ,
Ёще не заходзиць,
Да уже мой миленьки
По рыночку ходзиць, (2)
Молодушекъ водзиць.
Ахъ, мой ты миленьки,
Якій не вѣрненьки!
Гардуешь ты мною,
Якъ вѣцеръ горою, (2)
Туманъ долиною,
Такъ и ты да мною,
Мною молодою.

(Д).

101. Была саби удова,
Породзила сыны два;
Породзила повила,
Въ колыбелюшку вшила, (2)
Въ цихій Дунай пусцила.
Ты, Дунайчику мой,
Ты досматривай ихъ.
А вы, цихія волны,
Покалыхивайце!
А вы, ницыя лозы,
Содзѣвайце вы ихъ!
А вы, жоутые пески,
Накармляйце вы ихъ!
На пятнадцатомъ году
Пошла удова по воду,
Стала удова воду брать,
Стау каребчикъ приплываць,
А на томъ же карабцы
Два удалые молойцы!
Одзинъ сѣдзиць на брусу,
Чеше русую косу;
Другій сѣдзиць на долу,
Поглядая на удову.
Ой, ты, удова молода,
Да ци любишь ты мене, (2)
Да ци пойдзешь за мене!
Я за цебе пойду,
За другого дочь отдамъ.
Щтобъ же ты така маць
Наскрозь землю прошла,
Штобъ за роднаго сына
Сама замужъ пошла.

(Д.)

102. Калина—малина
У лузи стояла,
У лузи стояла,
Стоячи совяла.
Ци вѣтру боишься,
Ци дожджу жадаешь?
Вѣтру не боюся,
Дожджу не жадаю.
Дзѣучина—рыбнина,
Чаго смутна ходзишь?
Ци свѣтъ у неволи,
Ци горкая доля?
Мнѣ свѣтъ не у неволи,
Ни горкая доля.
Не дай же мнѣ, Боже,
Заслужнаго хлѣба.

*) Для слѣдующаго куплета повторяется 2-я половина предыдущаго (безъ эй): *Ой пойдзице и т. д.*

Digitized by Google

Бо хлѣбъ той заслужный,
Вельми ёнъ потужный:
Якъ я стану кроиць,
Пани гордо мовиць;
Якъ я его укушу,
Заплакаци мушу.
Ой тамъ да на горѣ
Церковка стояла,
Тамъ же любезная
Зъ нелюбымъ шлюбъ брала;
Брала-жъ ена брала,
Да у шлюба пытала:
Ой шлюбе мой, шлюбе,
Скажи щиру праўду!
Ци горы копаци,
Ци зъ немилымъ шлюбъ браци?
Горы копаючи,
Водзицы напьешься,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши.
Слезьми обольешься;
Горы копаючи,
Сядешь, сопочинешь,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
Навѣки загинешь.

(Д.)

103. Прилецѣла галка,
Чужая землянка,
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ;
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ,
Да на сухой соснѣ,
Спѣвая жалосне:
„Не хилися, сосна,
Бо мнѣ вельма тошно,
Што я въ чужомъ краю
Дармо пропадаю,
Безъ ойца, безъ матки,
Безъ роднаго братки.
Пріѣдзь, братка, въ госци,
Пріѣдзь голубочекъ!
Пріѣдзь, голубочекъ,
Хоць разъ у годочекъ;
Пріѣдзь, пріѣдзь, братка,
Хоць не умывавшися;
Хоць не вмывавшися,
Хоць не вциравшися:
У мене водзица
Съ подъ саду крыницы;
Вода у кубочку,
Ручникъ на колочку:
Возьми, братка, умыйся,
Ручничкомъ утрися;
Ручничкомъ утрися,
Богу помолися,
Богу помолися,
Да й спаци ложися!
А вы, соловейки,
Вы не пѣйце рано,
Вы не пѣйце рано,
Не будзице пана!
Нашъ панъ маладзенькій,
Мой братка родненькій,
Учора зъ—вечора
Поздненько пріѣхау,
А сегодня рано
Да уже отъѣжжая,
Мене молодую
Одну покидая.

(Д.)

104. Ой у поли, поли
Вѣцеръ калину колыша,
А братъ до сестрички
Часто листы пиша.
Ци привыкла, сестра,
На чужой сторонцы?
Я хоць не привыкла,
Треба привыкаци,
Треба тое знаци,
Што чужая маци.
Матка-жъ моя, матка!
Дзѣ мнѣ цебе узяци?
Ци мнѣ заслужици,
Ци мнѣ заробици, (2)
Да й матку купици?
Моляры молюють,
Матку одмалюють,
Да все не такую,
Якъ матку родную.
Моляры молюють,
На личко бѣленько,
Да не одмалюють
На словцо вѣрненько.
Моляры молюють
Съ черными бровами,
Да не одмалюють
Вѣрными словами.

(Д.).

105. Жалко было вечерочка,
Што не была учора; (2)
А змѣнився голосочекъ,
Якъ цихая мова.
Голосочекъ у лѣсочекъ,
Циха мова розна. (2)
Не гнѣвайся, мой миленькій,
Што я хожу позно.
Я хожу, гуляю,
Добрый розумъ маю; (2)
Коля рѣчки, коля гаю
Коня наповаю.
Конь вороный воды не пье,
Ёнъ дорожку чуя, (2)

Digitized by Google

Ой Богъ зная, Богъ вѣдая,
Дзѣ милый ночуя.
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Ночуй, обдымайся! (2)
Жена твоя молодая
Слезьми обливайся.
Ци всѣ тые сады цвили,
Што мы поливали? (2)
Ци всѣ тые вѣнчалися,
Што залецалися?
Половина саду цвице,
Половина вяне; (2)
Половина свѣту скаче,
А другая плаче.

(*Д.*)

106. Не знала дзѣучина,
Што ёй будзе́ лиха,
Пусцила жаунѣра
Въ каморочку циха.
Жаунѣръ тамъ побыуши,
Причину зробиуши,
Коника сѣдлая,
Зъ двора выѣжжая;
Зъ двора выѣжжая,
Дзѣучина рыдая;
Дзѣучина остается,
Слезьми обольется.
Не плачь ты, дзѣучина,
Годуй мойго сына!
Назадъ ворочуся,
Съ тобой оженюся.

(*Д.*)

107. Ой, калина—малина,
Да што цебе ссушило?
Ссушили мене буйные вѣтры
И лютые морозы.
Ой, казаче—бурлаче,
Да што цебе ссушило?
Ссушила мене тая дзѣучина,
Што съ чорными очима.
Ты, дзѣучиночка моя,
Да й сухотонька моя,
Выйдзи, дѣвчина, серце, рыбчина,
Поговоримъ съ тобою.
Ой рада бъ я выходзици
И съ тобою говорици,
Лежиць немилый на правой ручицы,
Я боюся пробудзици.
Ты боишься пробудзици,
Я его мушу забици.
Да ци забьешь, ци не забьешь,
Только зъ свѣту изведзешь;
Бери коня, зъѣжжай зъ двора:
Ты не мой, я не твоя.

(*Д.*)

108. Бѣлая береза похилилися,
Жена по мужу зажурилася,
По зелёномъ саду похожаючи,
Свойго милаго побуждаючи:
Устань, миленькій, уже свѣтъ бѣленькій;
Ой по подворку пѣтушки пѣюць,
Да по городахъ барабаны бьюць,
Мойго милаго у пріёмъ ведуць;
Хоць его ведуць, его не здадуць,
Его не здадуць, ему кару дадуць.
Пойду я молода на высоку гору,
Зирну я молода зъ горы у далину;
Ажно у далинѣ да сивый конь стоиць,
Подъ тымъ коникомъ мой братка лежиць,
Надъ имъ сестрица родная стоиць.
Ци я не казала, да мой браточка:
Не бери жены съ чужой стороны,
Ой возьми жену у своёмъ селѣ,
У своёмъ селѣ хоць сусѣдочку,
Хоць сусѣдочку сироциночку.

(*Д.*)

109. Прилецѣли два сизые голубы,
Сѣли, пали у удовушки на дворѣ,
Крыльячками подворьечка подмели,
Очечками свѣцёлышку свѣцили,
Голосами удовушку будзили:
Устань, устань, молодая удова,
Да послухай, да ци шумиць дуброва,
Да ци стогне широкая дорога,
Да ци ѣдуць козаченьки изъ войны.
Шумиць, шумиць зелёная дуброва,
Стогне, стогне широкая дорога,
Ѣдуць, ѣдуць козаченьки изъ войны.
Ведуць, ведуць миленькаго на кони:
Рубашечка вся же кровью излита
И пулями вся же она избита.
Вотъ цеперь же я на вѣки удова.
Дѣтки-жъ мои да на вѣки сироты.

(*Д*)

110. Ой выйду я на гору, (2)
Посмотру я на рѣку.
Ой на быстрой на рѣцѣ (2)
Нова лодочка стоиць,
Ой у той же лодоццѣ (2)
Страшна смертхуна сѣдзиць.
Ой ты смерць ты моя, смерць, (2)
Приплыви къ моему дому, (3)
Замори мою жену.
Яжъ такъ даромъ не хочу, (2)
Сребромъ золотомъ заплачу.
Не поспѣла ена умерци, (2)
Полотномъ вочи накрыу, (3)
Самъ до дзѣвушекъ пошоу.
Усѣ дзѣуки хороши, (2)
Одна дзѣука лутше всѣхъ,

Digitized by Google

Што зачесана коса,
Што заплаканы глаза,
То моей жены сестра.

(Д)

111. Чимъ дубъ не зелёный?
Ци туча побила?
Козакъ не весёлый,
Лихая годзина.
Якъ мнѣ молодому
Весёлому быци?
Я любиу дзѣучину,
Не могу забыци, 2.
Бо сватали людзи:
Знаць мнѣ молодому
Пареньки не будзе;
Только всее пары,
Што воченьки кары,
Только всей любови,
Што чорныя бровы.
Чорны бровы маю,
Да не оженюся,
Ой пойду я зъ жалю
Въ рѣчку утоплюся.
Не топись, козаче,
Марне душу сгубишь;
Пойдземъ звѣнчаемся,
Кали вѣрне любишь.
Ѣдземъ же мы поле,
Ѣдземъ и другое,
На трейцее поле
Стау конь спотыкаться,
Вернемся, дзѣучина,
Ни будземъ вѣнчаться
Вернемся, дзѣучина,
Нема попа въ дому:
Ци твое нещасце,
Ци моя недоля.

(Д)

112. Охъ, не спится, не дремится
И сонъ мене не бероць;
Пошоу бы я до дзѣучины,
Самъ, не знаю дзѣ живець;
Да спрасиу бы товариша,
Пущай мене заведзе,
Такъ товаришъ краснѣй мене,
Ёнъ дзѣвушку отобье.
Ночью дзѣвушка уснула,
Видзѣла дружка во снѣ;
Я уснула, воздыхнула,
Закипѣла кровь во мнѣ.
Чимъ я цебе огорчила,
Скажи миленькій мой мнѣ.
Коли вѣрно не любила.
Отправляй мене домой;
А не хочешь отправляци,
Возьми у ручки пистолетъ.
Узяуши у ручки пистолецикъ,
Разстрѣляй же грудзь мою,
То я буду тымъ довольна,
Што ты укончилъ жисць мою.

(Д.)

113. На гуляньи у каипани
Барынь дзѣвушку обняу,
А дзѣучонкѣ стыдно стало,
Покацились слёзы зъ глазъ,
А мальчишку жалко стало,
Стау дзѣучонку унимаць:
Полно, полно, дзѣучоночка,
Табѣ плакаць и рыдаць.
Заболѣло мое сердце,
Возьму замужъ за себе.
Ты богатый, а я бѣдна,
Не пойду я за цебе.
Хоць ты бѣдна, я богатый,
Не покину я цебе.

(Д.)

114. Маць моя, маци,
Маць моя родима,
Не оддай мене за рудаго,
Бо я чорнобрыва.
Отдай мене за того,
Што чорные очи;
Ёнъ вочима заморгая,
А я засмѣюся.
Маць мене не слушала,
Отдала за рудаго,
Еще ена приказала
Шановаци его.
Я-жъ его не люблю,
Шановаць не мушу,
Ой Боже мой, Боже,
Прими его душу.
. . . . . .
Черезъ боръ да въ контору
За писара пошла.
Бодай тому писару
Три болячки въ лысину,
Кабъ ёнъ письма писау
И болячки чесау.
Ой тамъ за горою
Цыгане стояли,
Ой тамъ за другою
Шацёръ напинали.
Охъ у той шацёръ
Дѣвокъ зазывали
. . . . . .
Охъ у сади, у сади
Трава зеленѣя,
За хорошимъ человѣкомъ
Жена молодзѣя.

Digitized by Google

Охъ у сади, у сади
Трава посыхая,
За поганымъ человѣкомъ
Жена пропадая.
Въ огородзи мята,
За городомъ мята,
На улицы гарны хлопцы,
Молоды дзѣучата.

(Д.).

115. Въ рѣцѣ вода лялѣя,
Писаръ гуси гоняя.
Эй, эй, о—хо—хо,
Писаръ гуси гоняя. *)
Писаръ гуси гоняя,
На дзѣвушекъ моргая.
Вы дзѣвушки—красотушки,
Накажице паненцы,
Накажице паненцы,
Што въ чирвоной сукенцы,
Пущай мене не жде,
Пущай замужъ иде,
Нехай мене не любиць
Своихъ лѣцеу не губиць.
Дзѣука тое зачула,
Въ вишнёвый садъ скочила,
Накопала коренья
Съ—подъ бѣлаго каменя,
Перемыла у рѣцѣ,
Приставила въ молоцѣ,
Присунула до жару,
Кипи корень помалу.
Еще корень не укипѣу,
Писаръ къ дзѣуцы прилецѣу.
А чего-жъ ты прилецѣу?
А ты-жъ мене не хацѣу.
А што цебе принесло,
О ци човенъ, ци весло?
Мене привёзъ сивый конь
Къ красной дзѣвушкѣ въ покой.

(Д.)

116. Ой да не спится не дремится,
Голова моя болиць,
Ой никого мнѣ не жалко,
Жалко тройки вороной;
Жалко тройки воли вороной,
Молодого ямщика.
Ямщикъ у доми не бывая,
По Россіи поѣжжая.
Всю Россіюшку Ваня проѣхау,
Лутшей Маши не нашоу.
Ёнъ зъ Россіи вороциуся,
Живой Маши не застау.
Лежиць Маша у свѣтлицы,
У свѣтлицы подъ окномъ:
Вся головушка у цвѣты убрана,
Грудзь накрыта китаёмъ.
Я китаечку открыю,
Хоць на Машу посмотру,
Въ ручки, въ ножки поцѣлую,
Въ ея бѣлое лицо,
Пущай Маша не жалкуя,
Што быу Ваня подлецомъ.

(Д.)

117. Да усѣ хмарочки да по парочки,
Одна хмара розна.
Да свариць мене моя мамочка,
Што я хожу позно.
О хоць ты свари, о хоць не свари,
Ты мене не научишь.
Кого вѣрно люблю,
Ты мене не разлучишь.

(Д.)

118. Росла, росла трава зеленая,
Расцилалась по земли,
Расцилалась по земельцы,
По круценькимъ бережкамъ.
Нихто травушки ни косиць,
Нихто ее не сожнець;
Нихто дѣвушки не любиць,
Нихто замужъ не берець.
Якъ я была у малыхъ лѣтахъ,
Зъ ойцомъ, зъ матушкой спала,
А цеперь я пребольшая,
Пожалуйце молойца...
Хмары цёмны, тучи грозны
Всё й подъ небесахъ идуць,
Хороши наши ребята—
На ученье сами йдуць;
Ены идуць машеруюць,
Сами съ собой говораць:
Трудно, трудно намъ, ребята,
Пребольшой городъ узяць,
Еще-жъ было потруднёй-же,
Якъ подъ пушки подбѣжаць.
Якъ подъ пушки подбѣжали,
Разкричалися мы вразъ.
Михаилъ нашъ князь великій
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
Вы палице, братцы, не робѣйце,
За морами знаюць насъ!
Окаянные пранцузы,
Покарицеся вы намъ!
Якъ не будзеце карится,
Мы порубимъ васъ, побьёмъ;
Мы порубимъ васъ, побьёмъ,
У Россію жиць сошлёмъ.

(Д.)

*) Припѣвъ къ каждой строфѣ съ повтореніемъ 2-го стиха.

Digitized by Google

119. Поглядзице, братцы, за моремъ погодушка,
За моремъ погодушка, сильна безуремене.
Уже намъ, братцы, горе надокучило,
Жоутые пески зъ мора вытаскаючи,
Крутые береги, братцы, выроуняючи.
Тамъ да гуляла красная дѣвушка,
Красная дѣвушка—душа Палагеюшка.
Ена гуляла, ена умывалася,
Лицу своймy бѣлому дзивовалася:
Кому-жъ, мое личико, кому-жъ призастанешься?
Ой ци тому ся, братцы, полковничку,
Ой ци тому ся, братцы, невольничку,
Што сѣдзиць въ корчмѣ, сѣдзиць напивается,
Придзе до дому, со мной разбивается,
Своимъ родомъ выхваляется:
Ой мой родзе съ панами ѣдзе,
А твой родзе съ старцами ходзиць.

(*Д.*)

120. Сторона моя, старонка,
Развесёла сторона,
Што по табѣ по старонцы
Росли зелены лужка.
Што по тыхъ же лужочкахъ
Разливалася вода,
Разливалась, напоунялась
Ровно съ крутычъ бережкомъ.
Зроблю я нову лодку,
Переѣду я къ милой
Переѣхауши къ милой,
Устрою черемъ цесовой;
Устроиуши цесовъ черемъ,
По садочку похожу;
Походзиуши по садочку,
Разны цвѣты разсажу;
Разсадзиуши разны цвѣты,
Русы волосъ расчешу;
Расчесауши русы волосъ,
Вижу дѣвушку въ глаза.
Здраствуй, здраствуй, красавица,
Давно я цебе видалъ,
Якъ думау я женицися,
Намѣронъ я васъ узяць, 2.
Не посмѣю вамъ сказаць.
Женись, козакъ, женись, бурлакъ,
Женись, удалый молодецъ.
Вотъ не може тому статься,
Штобъ я была за тобой.
Якъ я была въ малыхъ лѣтахъ,
Насмѣуяся ты зъ мене;
Якъ цеперь же уразумѣла,
Отыдзи прочь отъ мене.

(*Д.*)

121. Граю, граю на гитары,
Граю, граю, веселюсь.
Нихто горесци не зная,
Якъ я зъ милымъ разстаюсь.
Запалю я лампу—свѣчку
На всю млода цёмну ночъ.
Гари, гари, лампа—свѣчка,
Гари, гари, не згасай.
Ты жъ, мой дружокъ любезный,
Часто въ госци заѣжжай;
Накажи мойму батюшку,
Што я въ горесци живу
За сцѣною каменною,
За рѣшоткой драцяной.
Ой вы, ракитовы кусточки,
Прихилицеся къ земли:
Вы, звѣри мои, соболёчки,
Выходзице вы ко мнѣ,
Расцерзайце цѣло бѣло
По ракитовымъ кустамъ,
Разолице кровъ гарачу
Всё по жоуценькимъ пескамъ,
Положице моё серце
На серебранный подносъ,
Занесице моё серце
Къ мойму милому дружку.

(*Д.*)

122. Унадзиуся, унадзиуся, унадзиуся
Да соколъ до чайки,
Да што у ее горѣлки ни чарки.
Гэта табѣ, чаечка, за тое,
Да што твое крыльейко рябóе,
Гэта табѣ, чаечка, заплата,
Да што твоя голоука чубата.
Ой тамъ дзѣука, ой тамъ дзѣука
Пшениченьку жала
И къ зелёному дубу позирала.
Яжъ думала, яжъ думала,
Што дубъ зеленький,
Ажно выпоу козакъ молодзенькій.
Козаченьку, козаченьку, козаченьку,
Господъ Богъ съ тобою,
Выведзь мене млоду на дорогу.
Коли будзешь вѣрнымъ дружкомъ звати,
Велю хлопцамъ дорогу указаци.
Хоць я буду у лузи ночеваци,
А не буду вѣрнымъ дружкомъ звати.
Помолюся я святому Богу,
Ци не выйду сама на дорогу,
Поклянуся я святой Миколи,
Што не пойду по грибцы николи.
Бодай тые грибцы не родзили,
Кабъ дзѣучата по ихъ не ходзили,
Да по цёмныхъ лужкахъ не блудзили.

(*Д.*)

123. Не шуми дуброва,
Не шуми зелёна,

Digitized by Google

Не задавай серцу жалю,
Што я у чужомъ краю.
Ой я у чужомъ краю,
Якъ на пожаринѣ,
Нихто жъ мене не жалѣя
При лихой годзинѣ.
Нихто мене не жалѣя,
Ни оцецъ, ни маци,
Только-жъ мене той жалѣя,
Хто захоче узяци.
Плыви, плыви, сѣра утка,
Процивъ воды хутко,
Да не кажи мойму роду,
Што я тутъ горую,
Да скажи ты мойму роду,
Што я тутъ пануя:
Мое пановане—
Цяжкое вздыханье.
Выжъ мои раскошечки—
Дробныя слёзочки.
Да говораць людзи,
Што я не журуся:
Якъ выйду я за ворота,
Такъ зъ вѣтру валюся.
Да говораць людзи,
Што я не плачу,
А якъ выйду на улицу,
Сцежечки не бачу.

(Д.)

124. Береза, береза, зелёная, кудрава,
Што цебе, береза, сѣкуць да рубаюць?
Мене молодую хто хоче ругая.
Ой нудно мнѣ, тошно да на моемъ серцу,
Што мой миленькій со мной не говориць;
Со мной не говориць, по вечоркахъ ходзиць,
И къ бѣлому свѣту да дому приходзиць.
Ёнъ ложится спаци вперокъ короваци,
На хату вочима, а къ сцѣнѣ плечима.
Устань, устань, милый, я цебе раззую,
Я цебе раззую, въ личко поцѣлую.
Оступися, жонка, оступися, шельма,
Я не съ такими ночку пересѣдзяу,
Ночку пересѣдзяу, на ихъ перегледзяу.
Хоць у цебе, милый, и три и четыры,
Но я старшѣйшая надъ ими усими:
Я съ тобою, милый, въ косцели стояла,
Въ косцели стояла, персцёнки мѣняла,
Персцёнки мѣняла Богу присягала.

(Д).

125. Горе горе, пребольшое:
Зъ гора ноженьки не ходзяць,
Ручки дзѣленька не робяць,
Сонъ головушку хиляя,
Мене милый покидая,
Самъ на войну уѣжжая,
Мене въ гори покидая
Всё зъ дробными дзѣточками.
Дзѣтки мои дробненькіе,
Служки мои вѣрненькіе,
Безъ поры мене ссушили,
Серце мое выкрушили,
Красоту зъ лица змѣнили.
Красота моя прекрасна,
Только доленька нещасна.
Выйду млода за ворота.
Ажно леціць воронъ чорный,
Воронъ чорный, бѣлокрылый,
Пытается: дзѣ твой милый?
О, мой милый у забоци,
У государа на рабоци:
У дзень ходзиць—ружьё носиць.
Въ ночи ходзиць—калауриць,
Калауриць, люльку куриць.
Люлька моя золотая,
Жонка моя молодая,
Я покинуу цебе у гори,
Якъ уточку у синемъ мори.

(Д.)

126. Ой што-жъ кому да за дзѣла,
Што я зъ милымъ сѣла.
Вотъ я сѣла посидзѣла,
Пѣсеньку запѣла:
Развивайся, клёнъ дзіравый,
На четыре листы,
Любиу барынь трохъ дѣвчонокъ,
Ёнъ не мѣу корысци.
Одна пошла зимой замужъ,
А другая у лѣтку,
А трейцея черноброва
У лѣсъ по чернушку.
Чернушечки не набрала,
Ой Боже-жъ мой милый,
Што у той же дзеревенцы
Казакъ чернобривый.
Его шапочка боброва,
Голоука съ кудрами,
Его личинько бѣленько,
Сапожки сафьяны.

(Д.)

127. Доня моя милая,
На што глупа здзѣлала?
Любила Ваню, бросила.
Матка моя родная,
Якъ же мнѣ его любиць,
Коли мое серце не церпиць.
Што дзень вижу пьянаго:
Ёнъ за столикомъ сидзиць,
Зелёное вино пье,
Молодая жонка йдзе.
Ступай, пьяница, домой!
Пропиу мое имячко,
Пропиу бѣлое личко,

Digitized by Google

Изъ головушки платокъ,
Съ правой руки персценёкъ.

(Д.)

128. Цёмна ночка да не видная,
Головочка моя бёдная!
Дзёжъ я буду да ночеваци,
Што я буду да вечераци?
Вечерацьму да щуку—рыбу,
Щуку—рыбу да й осетрину.
Коня пущу да на долину,
А самъ лягу да й отпочину.
Ой тамъ дзёука да жита жала,
Жита жала да пшениченьку,
Меня будзиць да пьяниченьку:
Устань, милый, бо татары йдуць,
Татары йдуць, коня возьмуць.
Коня возьмуць, конь другій будзе,
Цебе забьюць, то намъ жаль будзе.
Ой дзёучина, серце, рыбчина,
Ци ты мене да такъ вёрно любишъ,
Што ты мене да заране будзишъ?
Штобъ я цебе да не любила,
То бъ я цебе да не будзила.

(Д.)

129. О, ты поле, поле чистое,
Поле чистое, неуродливое,
Только породзило кустъ ракитовый.
Ой на кусцику—соловеюшко,
А подъ кусцикомъ—салдатъ молодой.
Посцелька его—шоукова трава,
Въ головахъ у его—шляпа чорная,
У грудзи его—пуля быстрая,
А при боку его—шабля вострая,
Въ головахъ стоиць сивый конь его.
Ой, ты конь мой, конь, ты товаришъ мой,
Отвези жъ ты поклонъ къ ойцу мацери моей
Не кажи жъ ты, коню, што я убитый лежу.
Да скажи ты, коню, што я въ войску служу,
Што я въ войску служу, я жениться хочу
Оженила мене куля быстрая,
Одружила мене шабля вострая.

(Д.)

130. Выйду, выйду за ворота,
Покачу ведзерце.
Выйдзи, выйдзи, душа радосць,
Да поцёшь мое серце.
Да мое серце вельма мляво,
Лучше-бъ я его не знала.
Да коля луга, да коля цёмна
Сизъ голубъ летая;
Ёнъ летая, ёнъ пытая,
Да голубки шукая:
Да сизые два голубчики,
Ци не видзёли да мае голубки?
Да скажи, скажи, да голубчику,
Якая твоя голубка?
Да сама сиза, да бёлы крылья,
А личко, якъ калина.
Полецёла да твоя голубка
У чистое поле;
Сёла, пала да голубочка,
Коля синяго мора.
Да вмывается да голубочка
Морскою водою,
Да уцирается да голубочка
Русою косою.
Расци, коса, до пояса,
Я буду чесаци.
Да любиу барынь дзёуку,
Да стау покидаци.
Да любиу три годы й недзёльку,
Якъ пришлося браци,
Такъ стау покидаци.

(Д.)

131. Коля луга хожу, свойго друга гляжу.
Ой, друже мой, друже, любилися дуже;
Любилися дуже да четыре года,
А не бачилися четыре недзёльки,
А въ одну недзёлю разомъ заболёли.
Казаченько лежиць у зелёной дубрави,
Дзёучиночка лежиць у новой каморы.
Дзёучиноццы носяць ёсци, пици досыць,
Казаченько лежиць, зимной воды просиць:
Земля моя земля, дай воды напиться,
Ци ни покинуу бы по дзёучинё журиться.
Да у недзёлю рано звоны зазвонили,
Дзёучиночка бёдна своей матки просиць:
Послухай, матка, ци усё звоны звоняць.
Коли усё звоняць, казака хороняць;
Коли у половинё, будзе й по дзёучинё.
Дзёучиночка бёдна своей матки просиць:
Поховай насъ, матка, да въ одной могилё,
Положи насъ, матка, впоручъ головами,
Штобъ была размова на томъ свёцё зъ нами.

(Д.)

132. У поли калина
Зъ вётромъ говорила:
Повёнь вёцеръ, повёнь буйны,
Штобъ я не совяла.
У поли дубочекъ
Зродзиу желудочекъ,
Якъ не вижу миленькаго,
Болиць животочекъ.
Ой у поли хвойка
Изломила голька.
Якъ не вижу миленькаго,
Такъ болиць голоука.
Ой у поли жито
Зелёное збито,
Подъ бёлою берозою

Digitized by Google

Казаченько убитый.
Ой убитый, убитый,
Да укинутый у жито,
Чирвоною хустынькою
Оченьки накрыты.
Ой пришла дзѣучина
Съ черными очима,
Да подняла хустыночку
Да й заголосила.
Ой пришла другая,
Совсѣмъ не такая,
Да подняла хустыночку
Да й поцѣловала,
Неживому казаченьку
Всю правду сказала:
Ой устань, казаче,
Устань, молодзенькій,
Ходзиць, блудзиць по дубровѣ
Твой конь вороненькій.
Ой нехай ёнъ ходзиць,
Хоць и заночуя;
Ёнъ до маи миленькои
Дороженьку чуя.
Ой нехай ёнъ ходзиць,
Покуль напасется;
Нехай моей миленькой
Лёгонько икнется.

(Д.)

133. Пошла дзѣука къ цёмному броду по воду,
Приблудзила къ цихому Дунаю и къ бору,
А жъ тамъ звощикъ, перевощикъ молодой.
Ой ты звощикъ, перевощикъ молодой,
Перевези да й да матушки родной,
То я табѣ за перевозъ заплачу.
Дамъ я табѣ всё й ядбабненькій платокъ,
Еще къ тому атласовый поясокъ.
Не хочу твойго ядбабнаго платка,
Не хочу твойго й атласна пояска,
Только хочу съ тобой подъ шлюбомъ стояць
И серебранны персцёнки помѣняць.
Лутше буду я у мори потопаць,
Якъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць:
Лутше буду кременны горы копаць,
Чимъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць.

(Д.)

134. Малолѣтна дѣвчоночка
Научилася страдаць.
Страдай, страдай дѣвчоночка,
Еще въ лѣтахъ молода.
Въ гэтыхъ лѣтахъ будзешь вѣдаць
Всѣ любовныя дѣла.
Мнѣ подружки говорили,
Што милого очень жаль,
А я свойго миленькаго
Запросила ночеваць:
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Хотя ночку у меня.
Ой радъ бы я, моя мила,
И двѣ ночи ночеваць,
Да боюся, моя мила,
Штобъ до свѣту не проспаць.
Не бойсь, не бойсь, мой миленькій,
Я сама рано встаю,
Я сама рано встаю,
Цебе дружка обужу.
Й обудзила, проводзила,
Дзѣ сканчалася любовъ.
Дзѣ сканчалась, распрощалась,
Такъ тамъ рѣчка процекла.
Молодая дѣвчоночка
Пала грудзью на воду:
Празъ цебе я, мой миленькій,
Празъ цебе я утону.

(Д.)

135. Вечеръ цёмный, (2)
А ночка видная;
Бацька добрый, (2)
А матка лихая,
Не пущая на улицу,
Што я молодая.
Пусци, маци, (2)
Я не забаулюся,
Только хлопцамъ добраночъ дамъ,
И назадъ вернуся.
Да расчесау барынь кудри,
А дѣвчина косу,
Да пожану сивы волы,
На раннюю росу.
Пасицеся, сивы волы,
Не бойцеся воука,
А я пойду до дѣвчины,
Бо болиць голоука.
Напасвились сивы волы
И усѣ у радъ постали:
Да дзѣ тые оратые,
Што нами орали?
Пошли наши оратые,
Пошли у косарину,
Покосили руту—мяту,
Погребли на сѣно.
Бодай сѣно коломъ сѣло,
Коса зломилася,
Якъ у мойго миленькаго
Ручка утомилася.

(Д.)

136. Ой, волы мои все й половые,
Чаму сами не ореце?
Ой лѣта мои молодзенькіе,
Чаго марно йдзеце?
Ой я на волы повью поводы,
А на коники пута.

Digitized by Google

О кали бъ не ты, серце дѣвчина,
То бъ не быубы я тута.
Ой взыдзи, взыдзи, ясенъ мѣсячикъ,
Якъ млиновое коло.
Ой выдзи, выдзи, серце дѣвчина.
Поговоримъ мы съ тобою.
Ой рада бъ я выйць, рада бъ говориць,
Объ насъ людзи говораць.
Ой нехай судзяць, нехай говораць
Хоць по цѣлому свѣту.
Я цебе любиу и цюбиць буду,
Мой ты дороги крѣту.
Мала пташечка маленькая
По былиноцды скаче,
Дурна дѣвчина неразумная,
По казаченьку плаче.
Ой я не плачу, я и не тужу,
Сами слёзоньки льются,
Што отъ милаго листочка нема,
Отъ немилаго шлются.
Ой кали бъ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣда за бѣдою,
То бъ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Хоць я й за водою.
Ой калибъ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣдонька докучила,
Тобъ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Штобъ я тутъ не скучила.

(Д.)

137. Зъѣздзиу коня, зъѣздзиу вороного,
Да скажи, серце, правду,
Да ци будзе што съ того,
Да ци будзе, да ци не,
Да не суши серца мнѣ.
Да покинь, дѣвка, годзи жартоваци,
Да пойдземъ до косцёла
Съ тобою шлюбъ браци.
Да свяжуць намъ ручки стулою,
Да будземъ жици съ тобою.
Да цеперъ ты кажешъ, што зоронька ясна,
А потымъ ты скажешъ: долечка нещасна.
Да цеперъ берешъ и дужу й здорову,
Самъ же ты видишъ по очкахъ весёлу,
А бронь Боже недуги,
То ты помыслишъ о другихъ.
Скарай мене Боже на души, на цѣли,
Коли я помыслю объ иншихъ цебе.
Скарай мене Боже найвысшій,
Коли я помыслю объ иншихъ.
Да не скажешъ ты, то маци:
Было мене бѣдной не браци,
Бо у мене посагу не было й не будзе,
Бо у мене посагу я сама,
Якъ на небѣ ясная зара.

(Д.)

138. За моремъ далёкимъ,
Межъ горъ высокихъ,
Гдѣ моя любезная Машенька живець,
Ой съ той стороны воздухъ пріятный несець.
Ой радъ бы я засцигнуць, правды распытаць.
Когда любишъ вѣрно, люби ты мене;
А когда не любишъ, убью самъ себе,
Самъ себе убью, въ сыру землю йду.
Пущай людзи скажуць, што я боленъ быу;
А того не знаюць, што серце скрушиу.
Бо старые людзи не разсудливы:
Знаць ены молодыми знаць не бывали,
Знаць ены любови знаць ены не знали;
Только ены знаюць, што я веселиуся,
А того не знаюць, што серцемъ скрушиуся.

(Д.)

139. Быу у матки одзинъ сынъ.
Да й той матки не слухау,
Да на войну поѣхау.
Матка сына провела
И зъ жалосци прокляла:
Бодай сынокъ яворомъ,
А коничекъ каменемъ,
А шапочка купинкой,
А хусточка рѣченькой,
А поясокъ сцежечкой!
Тудой ишла дзѣвочка...
Ой явору, явору,
Я съ тобою говору:
Будзе на цебе дробный дождж,
Еще къ тому зъ вѣтрикомъ,
Твойго голья надломиць,
Твое лисцья обгониць.
Ой дзѣвочка, дзѣвочка,
Цеперъ же ты у бацюшки,
Цеперъ же ты молода,
Цеперъ же ты хороша;
А якъ пойдзешъ ты замужъ,
Будзе табѣ лихій мужъ:
Твое личко надобье,
Твоихъ косокъ надорве,
Твоихъ слёзокъ надолье.

(Д.)

140. Долина (3) широкая,
По табѣ, долинушка,
Туманъ разсцилается,
Сонце выкатается,
Зара занимается.
У недзѣлю раненько
Выйду я на улицу,
Стану, подумаю,
Кого я любиць буду.
Любила бъ я женатаго,
Жена будзе сердится;
Любила бъ холостого,
Холостой оженится,
Любощъ перемѣнится.

Digitized by Google

Буду любиць прежняго,
Солдата военнаго.
Солдатъ будзе у войску служиць,
А я буду здзѣся жиць;
Солдатъ будзе воеваци,
А я буду гореваци;
Солдатъ будзе съ пушекъ биць,
А я буду слёзы лиць.

(*Д.*)

141. Ой крапива, ты крапивица,
Чаго рано позаивлевала?
Ни сцежечки, ни дорожечки,
Нима миленькому проходочки.
Мой милый су походу йдзе,
За собою пару лошадей ведзе.
Конь буланый попереду йдзе,
Помижи ножекъ буйну голову несе.
Коню, конь буланый мой,
Чимъ на табѣ я цежело сѣджу?
Не сами вы цежелы,
Цежела мнѣ муница ваша.

(*Д.*)

142. Ходзиу, блудзиу молодой молодчикъ по крутой горы,
Расчесая русы кудзерки по всей головѣ,
Русые кудзерки расчесаючи,
На чужія на хорошія заглядаючи.
Што чужія да хорошія, якъ рожевый цвѣтъ,
Процивъ мои невдашечки въ бѣломъ свѣци нѣтъ.
Возьму я невдашечку за бѣлу руку,
Поведу невдашечку на круту гору,
Кину, брошу невдашечку у виръ головой,
Еще трошка почекауши и самъ за тобой.
Остается конь вороненьки, сѣдзелышко,
Только сѣсци да поѣхаць икъ сцю на совѣтъ.
Дзень добрый, мой цесцюхно, да й на добрый дзень.
Здоровъ, здоровъ, мой зяцюхно, да й на довги вѣкъ.
Отдау дочку да невдашечку только на семъ лѣтъ.
Трудно, трудно, мой цесцюхно, безъ невдашечки,
Десятая да недзѣлечка безъ рубашечки.
Бодай же ты, мой зяцюхна, семъ лѣтъ не дабыу,
Якъ ты мою цаненочку изъ свѣту згубиу.

(*Д.*)

143. Возлѣ рѣчки, возлѣ гаю,
Возлѣ цихаго Дунаю,
Берёза кудрявая
Надъ рѣчкою стояла.
Тожъ не берёза,
Тожъ не кудрява
Надъ рѣчкою стояла. } *прик.*

Ой тамъ казакъ, ой тамъ молоды
Стаду коней наповау. Береза и т. д.
Стаду коней наповау,
На красну дѣвку моргау. Береза...
Поможи, поможи, красна дѣвка,
Стаду коней мнѣ загнаць. Береза...
Ой рада бъ я помощи,
Да боюся бацюшки. Береза...
И боюся бацюшки,
И худой славушки. Береза...
Мене бацюшка не пабьёць,
Худа слава такъ пройдёць. Береза...
Худа слава такъ пройдёць,
Нихто замужъ ни возьмёць. Береза...

(*Д.*)

144. Скука мнѣ, досада,
На улицу не йду.
Ёнъ шельма не зная,
Што я его люблю. } 2.
Не любиць зломучицель,
Чаго мнѣ больше ждаць?
Кацицеся, горки слёзы,
Кацицеся изъ глазъ. } 2.
Напрасно я страдаю,
Журу сама себе;
Я про гэта знаю,
Не любиць ёнъ мене. } 2.
Якъ у поли вѣцеръ
Всё одно цвердиць,
Такъ ёнъ въ моей доли
Смѣется и шуциць. } 2.
Смѣйся ты, безсовѣсный,
Смѣйся надо мной,
Богъ цебе накаже
Нещасною судьбой. } 2.
Нещасною судьбой,
Невѣрною дружбой,
Невѣрною дружбой,
Нелюбою женой. } 2.

(*Д.*)

145. Нихто того не вознау,
Да хто у мене ночевау;
Ночевау же папоу сынъ,
Даровау же коней семъ.
Дурна была не брала:
Шесцёркою катала-бъ,
А семаго продала-бъ,
Да звощика наняла-бъ.
Звощикъ, баринъ молодой,
Ведзи коня да й напой,
Дзѣ криничная вода,
Тамъ дзѣучина молода.
Ой, дзѣучина молода,
Люби мене молойца.
Хозь я хаты не маю,
Женицися думаю.

Digitized by Google

Роби хату зъ лебеды,
Да у чужую не ходзи:
Чужа хата не своя,
Гоняць съ хаты гультая.
Вѣцеръ дуба хиляя,
Дзѣука воду цягая, (2)
Баринъ дзѣуки пытая.
Не пытай ты мене,
Не кохау ты мене;
Кохау мене татка
И родная матка.
Давелося дураку
Руки поцираци.
Поцирай, негодзяй,
Коли давелося,
А мнѣ млодзѣ—молодзѣ
Такъ и осталося.

(*Д.*)

146. Охъ ты моя бражечка зелёная,
А хто жъ цебе бражечку будзе пици?
Поѣхау Иванечка въ городочекъ
На малое времячко, на часочекъ,
За имъ, за имъ Машечка во слѣдочекъ.
Гнала, гнала Машечка, не догнала,
Въ вишнёвый садочекъ забѣжала.
Въ вишнёвумъ садочку вишня зелёная,
На вищанцы яблачко чирвоное.
Гнула, гнула Машенька, не нагнула,
Пріѣхавъ Иваночка, дакъ не чула.
Устань, устань, Машенька, пробудзися,
На мою колясочку подзивися,
Што моя колясочка не простая,
Што моя колясочка золотая.

(*Д.*)

147. Дѣвушка моя прекрасна,
Лицомъ бѣла и хороша.
Жисць наша съ тобой нещасна,
Што влюбиуся я въ цебя;
Улюбиуся, укахауся
Въ твое бѣлое лицо.
Колько съ тобой я не знауся,
Знаць тобою не владзѣць.
Не мѣу бы я лѣпшаго щасця—
Сизы крылушки у себе:
Встрепенувся, полецѣу бы
У вишнёвый садъ гуляць.
У вишнёвумъ садочку
Дѣвушки гуляли,
Распрекрасну, расхорошу
Пѣсеньку играли.
Сѣу бы я, посѣдзѣу бы
На твое право плечо,
Посѣдзѣу бы, посмотрѣу бы
На твоё бѣло лицо.
Посѣдзѣуши, распросиу бы
Про здоровье про твоё,
Ци жива и здорова,
Ци весёленько живешъ,
Когда мене, любезная,
Къ сабѣ въ госци зазовешъ.
Я дужа и здорова,
И весёленька живу;
Когда придзе часъ—уремя,
Тогда въ госци зазову.

(*Д.*)

148. Ой лецѣла пава,
Середъ двора пала,
Траву разгортала,
Сокола шукала.
Соколе мой ясный—
Молодецъ прекрасный,
Козаче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
— „Пошла моя донька
Пшениченьку жаци“.
Козакъ до пшеницы,
Не нашоу дѣвицы;
Ко́заче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя“?
— „Пошла моя донька,
Пошла до коморы,
Пошла до коморы
Посцель бѣлу слаци“.
Козакъ до коморы
И знашоу дзѣвицу:
„Дзѣвица сиротка,
Не сцели широка!
Посцели узенько,
Полягамъ близенько.
Будземъ говорици,
Якъ на свѣцѣ жици,
Будамъ размовляци,
Якъ ночъ коротаци“.

(*Д.*)

з) Любоничи, Бобр. уѣзда.

149. Бѣлая березочка голья опусцила,
Чаго мене молодую замужъ покрутила!
Я у своего татуля не упила, не уѣла,
Я не упила, не уѣла, хорошо не походзила,
Только лѣты молодые свае потрацила.
Ой выду я молодая за вороты,
Покочу я два тарали (=талера) по дорозѣ
Одзинъ тараль покациуся, другий призостауся,
Гдѣ мой милый, другъ любезный зъ другой распознауся.
Што мене молодой милый очурауся.

(*Г.*)

Digitized by Google

150. Да выду я за вороты,
Ажно луги да болоты;
Да выду я за другіе,
Ажно мое серце ные,
Ано ные, понывае,
Любиць милый, покидае.
Да на дворѣ снѣгъ бѣленькій,
Ѣдзе, ѣдзе мой миленькій.....
Яка дзѣука чорноброука
У вороцяхъ стояла?
Охъ ты дзѣука—гордовница,
Не гордуй ты мною,
Будзе твоя руса коса
Подъ моей нагою,
Будзе твоя бѣла посцель
Въ моей новой камори. ....
Будзе твоя посцель слатца,
Да слёзы ко мнѣ вливатца.
Будзешъ мои ножки мыць,
Да тую воду будзешъ пиць.

(*Г.*)

151. Гориць серце, разгарае,
Любиць милый, покидае,
Не могу я жиць,
Безъ милаго быць.
Милый по улицы йдзе,
Зъ гора пѣсенку пѣе.
Выхадзила свѣтъ—надзежа
Да изъ новаго двора,
За ручку взяла,
У горницу увяла.
Посадзила на кроваць,
Стала его спрашиваць:
Цы ты будещь со мной, милый,
Ночку ночеваць?
Онъ ничово не говоритъ,
Посцель слаць не велитъ.
Только говоритъ
Его проводзиць.
Я съ таго свѣта не устану,
Проводзиць цебе не стану,
Боюся цебе,
Обманешъ мене.
Ты же мене молода обманешъ,
Маю родню осмѣешъ.
Нельзя варациць
Къ атцу, къ матушкѣ.
Любилъ, любилъ – не буду,
За полчаса позабуду.

(*Г.*)

152. Сынку мой, Иване,
Серце мое кохане,
Ти мнѣ тебе жаниць,
Ти мнѣ тебе въ войско подаць?
Якъ я тебе ожаню,
Сама себе узвеселю;
Якъ я тебе въ войско оддамъ,
Сама сабѣ жалю поддамъ.
Выкупи мнѣ, мамонька,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Чецьвёрту золотую.
У перву трубу затрублю,
Коника сѣдлаючи;
У другу трубу затрублю,
Зъ двора выѣжджаючи;
А у трецюю затрублю,
Серодъ войска стоючи;
У золотую затрублю,
Салдатоу воюючи,
Галауки сцинаючи,
У поле брасаючи.

(*Г.*)

153. Ходзиць Маша по дубровѣ,
Разчорныя у Маши брови.
Сама Маша говорила,
Пастушка дружка манила:
„Сюда, сюда, пастушочекъ,
Сюда, миленькій дружочекъ,
Не спокинь мене сирацины
При широкой при далинѣ (*)
Въ лужку однае“.....
За частые куспики хоронилася.
Пущай мужъ прійдзець....
Не сцерпѣлося сердзечко,
Я промолвила словечко:
Я Машенька здзѣсь.
Онъ началъ зваць.....
Онъ цалуе, размилуе,
Сваей женой называе:
Ты жена жъ моя, жонушка,
Жена, вѣрная служанка,
Не жджи ночеваць;
Не жджи мене порою,
Да вечернею зарею,
Я къ тебѣ приду, усю правду скажу.
Что жъ, Маша, что жъ ты, хороша,
Ты Ванюшу любишъ, мене кинула?
Ваня часто разчасценько ходзиць,
Да госцинчики мнѣ носиць,
А ты никогда.

(*Г.*)

154. Журуся, журуся, не знаю чаго;
Съ миленькимъ разлука, очень цижало.
Разлучила судьба, судьба далеко,
Судьба далеко, далеко и высоко.
Оттуль вѣтричокъ дуе, пріятно дуець,
Дзѣ моя кралечка, кралечка живець.
Когда будуць слыхи, слыхи про нее,
Возьму ее замужъ, замужъ за себе,
А слыховъ не будзе, забью самъ себе;

*) Дальнѣйшіе стихи сильно испорчены.

Digitized by Google

Я самъ себе забью, у сыру землю пойду.
Пущай людзи судзяць, што я болень быу;
А того не знаюць, што вѣрно любиу.
Пущай людзи судзяць, што сестра была,
А того не знаюць, якъ жена была;
Пущай людзи судзяць, што рожоная;
А того не вѣдзяць, што сужоная.
(*I'*).

155. Соловейка мой размалюсенькій,
Голосочекъ твой растонюсенькій,
Ты не щебячи, угору летучи,
Не обивай росы, згоры летучи.
Буду щебятаць, сестрица моя,
Обобью росу сестрица моя.
Ти есць у цебе хлѣбъ, ти купляетца?
Ти есць у цебе родъ. ти признаетца?
Есць у мене хлѣбъ, онъ купляетца;
Есць у мене родъ—не признаетца.
(*I'*.)

и) Борисовск. у.

(отъ свящ. Павла Вуколовича**).

156. Ахъ вы сотнички, полковнички,
Вы чините свою волю, што я вамъ позволю.
Выведите коня вороного и усю его збрую,
Ти не заржеть конь вороной хоть разъ надо мною.
Ти ни услышить отецъ мати съ каменной палаты...
Ти ня той же конь вороной по полю гуляить?
Ти ня той же казаченько, што роду ни маить?
Померъ, померъ казаченька у воскресенье рано...
Положили казаченьку у сьвѣтлицѣ на лауцѣ,
Прилетѣла кукушечка, стала куковати:
Устань, устань, казаченька, устань, мой миленькій!
Ой радъ бы, радъ бы я устати, — голоуки ни узняти.
Дубовыя да усё дошки притиснули ножки,
А жаутые усё пясочки притиснули животочка.
(*Я.*)

157. Ай рѣка, рѣка, рѣка быстрая,
Отчаго жъ рѣка такъ смутна стала?
Чаму жъ мнѣ рѣцѣ не смутитися?
Надо мной рѣкой три роты стоить.
А у первой роти сивый конь иржеть,
Сивый конь иржеть, дарожку чуить.
А у другой роти малайцы пяють,
Малайцы пяють, у паходъ идуть.
А у третей роти шабельки зьвинять,
Шабельки зьвинять голоуки стинать,
Дявица плачить: у палонъ беруть.
Не плачъ, дѣвица, не плачъ, молода;
Коли жъ буду я да и женитися,
Возьму жъ я тябе за жану свою".
(*Я.*)

158. Якъ паѣхау Данилушка во на Русь на войну, *)
Мати яго родитялка листъ па листу писала:
„Твоя жана Катярина свою волю узяла:
„Коній твоихъ вороненькихъ позаганивала,
„Мяды тваи салодкіе пораспаивала,
„Сукни тваи бялёвыя позанашивала,
„Служакъ тваихъ вярнюсенькихъ позымѣнивала,
„Дѣтокъ твоихъ драбнюсенькихъ пораскидывала".
Вотъ вярнууся жъ Данилушка во со русской войны,
Жонка яго маладая пала у ноги яму.
Вотъ выну же Данилушка свой сувострусенькій мечъ,
Ды й сняу же имъ Катярынѣ головушку съ плечъ.
Якъ пашау же Данилушка во да стаенки сваей,
Ажъ кони яго вороные пазастаивали.
Якъ пашоу же Данилушка во да клѣти своей.
Ажъ мяды яго салодкіе пазаплѣсьнивали 2.
Сукни яго бялёвыя пазапыливали.
Якъ пашоу же Данилушка да пакоевъ сваихъ,
Ажъ служки яго вярнюсеньки усѣ тихонька сидять 2.
Да на ручкахъ драбнюсенькихъ дѣточекъ диржать.
Богъ-дай тябе, моя мати, сыра зямля убила,
Якъ ты маю жонку Катярину со сьвѣту згубила.
(*Я.*)

*) 2 раза каждый стихъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

Нѣкоторые варіанты къ напечатаннымъ здѣсь пѣснямъ находимъ въ сборникахъ: 1) *Шейна*, Бѣлор. пѣсни, С.-Пб. 1870 (въ сокращеніи—Ш.): 2) *Шейна*, Матеріалы для изуч. быта и яз. рус. населенія зап. края, С.-Пб. 1887 (въ сокр.— Ш. Мат.); 3) *Безсонова*, Бѣлор. пѣс. (Бзс.); 4) *Романова*, Бѣлор. сборникъ, I, вып. 1 и 2 (Рм); 5) *Siesiota*, Piosnki Wiesniacze, Wilno, 1846, и др.

Ограничиваемся указаніемъ главнымъ образомъ бѣлорусскихъ параллелей, хотя можно было бы привести и множество другихъ, въ особенности малорусскихъ.

№ 3. Ш. стр. 292 и 340, № 611. — **№ 5.** Ш. № 616. — **№ 14.** Рм. 342, № 21. — **№ 16.** Ш. 290 и 464, № 87. — **№ 29.** Ср. жнивныя, № 71. — **№ 30.** Ш. № 610. — **№ 38.** Ср. ниже, № 39. — **№ 48.** Рм. 341, № 14.—**№ 50,** Ш. Мат. № 18 — 20.—**№ 51.** Рында – прозвище лѣнивой, нерадивой, неумѣлой женщины, какъ и у Ш. Мат. № 135; не можемъ утверждать навѣрное, то-ли же это слово, что и въ малорус. загадкѣ: „скунда скаче, рында рые" (ворона и свинья). *Сементовскій*, Малор. заг. 1872, № 342, и *„Закревскій*, Старосвѣтск. бандуристъ, 232, № 19. — **№ 52.** Ш. № 252.—**№ 53.** Бзс. 152, № 164.—**№ 54.** Ш. № 149 и 155. Бзс. 13, № 15.—**№ 55.** Поется, когда ходятъ съ козою. Существуетъ выраженіе: „пѣць козла"=щедровать — **№ 56.** Ср. отчасти Малор. у *Лисенка*, Збирникъ II, № 31; ср. ниже **№ 126.** — **№ 57.** Ш. № 426. Ш. Мат. № 350. Ср. мою „Малор. свадьбу" № 7 и примѣч. *).—**№ 58.** Бзс 56, № 99; 157, № 170.—**№ 59.** Поется и какъ веснянка. Ср. № 63 — **№ 61.** Ср. № 62; Ш. № 165; Бзс. 15, № 20 — 1 и 59, № 105.—**№ 62** Ср. предыд. — **№ 63.** Ср. № 59.—**№ 64.** Ср. литовск. у *Куршата*, Grammatik der Lit. Sprache, 454, № 7 и примѣч. ib. 463, § 1672. Ш. Мат. № 379; Чечотъ 59, № 96, и друг. — **№ 65.** Ср. ниже, № 67. Ш. № 269, 270. Ш. Мат. № 204. Бзс. 49, № 89 и 90; начало ср. у Ш. № 241. — **№ 66.** Ш. № 127. — **№ 67.** Ср. № 65. — **№ 69.** Ш. № 305. Рм. 280, № 1.— **№ 70.** Ш. Мат. № 314.— **№ 71.** Ср. выше свад. № 29. Ш. № 357 — 362. Ш. Мат. № 301 — 309. — **№ 72.** Рм. 284, № 15.—**№ 73.** Ш № 316, 352. Ш. Мат. № 283. Рм. 443, № 40.—**№ 76.** Ш. № 100 и 377.—**№ 77.** Ш. № 381—385. Ш. Мат. № 316—318, 326. Рм. 286, № 24.—**№ 78.** Покосная. Ср. ниже № 147 —**№ 79.** Ш. Мат. № 289, 534—6. Рм. 18, № 34.—**№ 80** Ш. № 32[illegible]. Ш. Мат. № 269, 274. — **№ 81.** Рм. 87, № 40. Ш. Мат. № 173, 220, 263; начало ср. ниже № 124 и у Бзс. 58, № 103.— **№ 82.** Ш. № 312, 448, 451. Ш. Мат. № 505.—**№ 84.** Неоконч. Содержаніе напоминаетъ стихи о повстаньи; ср. у М. Дмитріева, Собр. пѣс., сказ., обряд. и обыч. крест. с.-зап. края, 113, Вильна 1869. **№ 85.** Рм. 244, № 165 и 251, № 208.— **№ 86.** Ш. № 543. — **№ 89.** Ш. № 486. — **№ 90.** Рм. 82, № 30. — **№ 91.** Рм. 84, № 34. — **№ 94.** Рм. 130, № 76. — **№ 95.** Ср. начало ниже, № 155 и у Рм. 40, № 75 —**№ 96.** Ш № 253 и мног. малор., напр. Чубин. V, 242.—**№ 99.** Ср. нач. въ моей „Малорус. свадьбѣ", пѣс. 115, 171 и примѣч.; конецъ ср. у Рм. 122, № 57 и 420 № 162.—**№ 100.** Оконч. малор., ср. мою „Малор. свадьбу", примѣч. къ п. 76.—**№ 101.** Ш. № 452. Ш Мат. № 507. Рм. 13, № 26.—**№ 102** Ш. Мат. № 364. Бзс. 148, № 157.—**№ 103.** Ш. Мат. № 451—2. Малор. ср. напр. Лисенка II, № 37. — **№ 104.** Малор., ср Чубин., 474, № 59. См. Потебни, Объясн. малор. и сродн. пѣс. II, 209.—**№ 105.** Малор., ср. начало и мотивъ у Лисен. III, № 20; оконч. ср. въ моей „Малор. свадьбѣ, примѣч. къ п. 257 и у Ш. Мат. № 401, 415. — **№ 106.** Ш. Мат. № 424. Малор. ср. у Лисен. II, № 25.—**№ 107.** Ш. Мат. № 173, 220, 263. Рм. 5, № 13. Ср. ниже № 111. — **№ 109.** Ш. Мат. № 591, 598 — **№ 110.** Ш. № 445. Ш Мат. № 463—4. — **№ 111.** Ш. Мат. № 522. Малор. ср. у Чуб. V. 1208 и въ моей „Малор. свад.", прим. къ п. 296 Ср. выше № 107. — **№ 112.** Рм. 416, № 156; нач. ib. 154, № 126. Малор., напр. у Чуб. V, 248. Великор. извѣстная: „Пошелъ бы я къ Сашѣ въ гости".—**№ 114.** Отрывки изъ нѣсколькихъ пѣс. Малор. у Лисен. I, № 20, III, № 36. и друг.—**№ 115.** Ш. Мат. № 366. —**№ 118.** Первые 12 стих. изъ другой пѣс. См. мою „Малор. свад.", прим. къ п. 167 (косить-любить) и къ п. 18.—**№ 121** Рм. 67, № 7.—**№ 122.** Ш. Мат. № 287, 419, 425. Ср. Чуб. V. 160, 346—7; Kolberg, Pokucie II, № 194, 237; Zbiór wiad. do antrop. kraj. (Краковъ), II. 3, стр. 261, № 8; VII. 3, 190, № 16; VIII. 3, 12, № 19; Жегота Паули. II. 118; Kollár I. 322, № 10.—**№ 123.** Отдѣльные отрывки по-малор. у Лисен. IV. № 27; I. № 18, 9.—**№ 124.** Ш. Мат. № 473—4; нач. ср. выше № 81.— **№ 125.** Ш. Мат. № 498.—**№ 126.** Нач. ср. у Рм. 67, № 8; продолж. малор. у Лисен. II. № 31; ср. выше № 56—**№ 128** Ш. Мат. № 387, 398.—**№ 129.** Чечотъ, 25, № 42; есть масса варіантовъ на другихъ языкахъ.—**№ 132.** Ш. № 397.— **№ 136.** Малор.; ср. Чубинск. V, 275, № 540 и 184 № 373; Максимовича, 1834 г., 169; Головац. I. 256; Вацл. зъ Ол. 201 и 434; Лисен. II. № 34. Ср. мою „Малор. свад.", примѣч. къ п. 61.—**№ 137.** Ш. № 398. Малор. у Голов. I, 383.— **№ 138.** ср. № 154. — **№ 139.** Для оконч. см. мою „Малор. свад.", прим. къ п. 76 и 269. — **№ 141.** Рм. 136, № 87.— **№ 142.** Рм. 19, № 36.—**№ 143.** Рм. 341, № 13.—**№ 145.** Ср. отчасти Рм. 258, № 268; Ш. Мат № 441. Малор. у Закревск., 95.—**№ 147.** Ср. выше № 78.—**№ 149.** Ш. № 481. Ср. Лисенка II. № 35.— **№ 154.** Ср. № 138.—**№ 157.** Три роты, ср. у Потебни, Малорус. пѣсня по спис. XVI в., Ворон. 1876 г., 33; Ш. Мат № 602. **№ 158.** Ш. Мат. № 533. Рм. 375, № 113; 400, № 161. Чечотъ, 49, № 85.

Ноты прилагаются для слѣд. пѣсенъ: 1, 2, 3, 44 — 47, 51—2, 56—7, 63, 66—9, 74—5, 85, 97—113, 128, 135—7, 144, 148, 156—8.

Н. Янчукъ.

Москва.

31 дек. 1888 г.

*) Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этнограф., т. 48, в. 1.

Digitized by Google

Peterburgskija valagannyja pribautki

ПЕТЕРБУРГСКІЯ БАЛАГАННЫЯ ПРИБАУТКИ

V I Kel'siev

Записанныя В. И. Кельсіевымъ.

Печатаемыя здѣсь прибаутки записаны моимъ покойнымъ братомъ Вас. Ив. Кельсіевымъ въ Петербургѣ, весною 1871 года, за полтора года до кончины, и вмѣстѣ съ прочими его бумагами перешли ко мнѣ.

Обычныя въ Петербургѣ народныя гулянья на масляной и на святой недѣлѣ происходили тогда на Адмиралтейской площади; нынѣ они переведены на Марсово поле. Закостюмированныя дѣйствующія лица даваемыхъ въ балаганахъ представленій выходятъ во время антрактовъ на наружный балкончикъ и стоятъ молча. Чтобы гуляющій народъ замѣтилъ ихъ и столпился къ балагану, вмѣстѣ съ ними выходитъ, такъ называемый, *старикъ*. нарочно для сего нанимаемый балагуръ, знающій присказки. Старикъ одѣтъ русскимъ мужикомъ въ лаптяхъ и армякѣ; на головѣ у него большой парикъ, накладные усы и борода, сдѣланные изъ чесанаго льна,—за пазухой полуштофъ. Старикъ съ разными смѣшными тѣлодвиженіями обращается съ балкона съ рѣчью къ публикѣ, по возможности громко произнося свои шутки. Его каждый возгласъ обыкновенно прерывается взрывами хохота слушателей.

Покойный братъ мой предполагалъ записать эти прибаутки въ Петербургѣ и по другимъ мѣстностямъ Россіи и издать ихъ вмѣстѣ съ біографіями балагуровъ и существующими свѣдѣніями объ ихъ учителяхъ цѣлымъ сборникомъ. Онъ успѣлъ записать прибаутки только отъ двухъ, выступавшихъ въ роли *стариковъ*, отставныхъ еще бравыхъ солдатъ: Ивана Евграфова и Гаврилы Казанцева. Они оба приходили къ брату и диктовали ему все, чѣмъ умѣли съ балкона потѣшать публику. Въ печатаемомъ въ текстѣ Ивану Евграфову принадлежатъ номера: 6, 12, 13, 14, 16 и частію 19, всѣ прочіе записаны отъ Казанцева. Старики, повидимому, вносятъ въ рѣчь мало собственнаго вымысла, а только собираютъ, запоминаютъ и, сообразно случаямъ, группируютъ ходячія простонародныя остроты. Дѣйствительно, прибаутки эти имѣютъ всѣ признаки народнаго творчества. Мимолетность вниманія гуляющей толпы и трудность громкой рѣчи на холодѣ, при шумѣ, заставляютъ стариковъ быть сжатыми, что придаетъ языку ихъ шутокъ большую силу. Покойный братъ мой смотрѣлъ на эти прибаутки, какъ на остатки балагурствъ старинныхъ русскихъ скомороховъ и потѣшниковъ.

Печатаемый матеріалъ имѣетъ конечно петербургскій колоритъ. Разбирать его можно было бы только сравнительно съ прибаутками другихъ городовъ. Но, сколько извѣстно, даже въ Москвѣ подобныхъ записей еще не дѣлалось, что очень жаль, такъ-какъ народныя гулянья, отъ перенесенія ихъ съ мѣста на мѣсто и отъ возникновенія многихъ народо-просвѣтительныхъ учрежденій, утрачиваютъ свои былыя краски. Московскіе зазыватели, напримѣръ, имѣютъ большое отличіе отъ петербургскаго *старика* уже потому, что всегда выходятъ по двое, одинъ одѣтый *русскимъ дуракомъ*, а другой, съ палкой, его *учителемъ нѣмцемъ*.

Я точно скопировалъ записные листы моего брата, въ двухъ-трехъ листахъ смягчилъ слова, опустилъ повторенія, расположилъ тексты въ порядкѣ содержанія, перенумеровалъ и озаглавилъ ихъ, придерживаясь помѣтокъ на оригиналѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ нумеровъ неудобныхъ къ печатанію, здѣсь все, что я нашелъ въ рукописяхъ брата. Орѳографическія неправильности должны быть отнесены къ произношенію.

Александръ Кельсіевъ.

1. Книга.

Вотъ что, милые друзья, я пріѣхалъ изъ Москвы сюда, изъ гостиннаго двора — наниматься въ повара; только не рябчиковъ жарить, а съ рыжимъ по карманамъ шарить.

Вотъ моя книга раздвига. Въ этой книгѣ есть много чего, хотя не видно ничего. Тутъ есть диковинная птичка, не снигирь и не синичка, не пѣтухъ, не воробей, не щеголъ, не соловей, — тутъ есть портретъ жены моей. Вотъ я про ее разскажу и портретъ вамъ покажу. Отъ прелести – лести — сяду я на этомъ мѣстѣ.

Вы, господа, на меня глядите а отъ рыжаго карманы берегите.

2. Свадьба.

Задумалъ я жениться, не было гдѣ деньгами разжиться. У меня семь бураковъ мѣдныхъ пятаковъ, лежатъ подъ кокорой, самъ не знаю подъ которой.

Присваталась ко мнѣ невѣста, свѣтъ – Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромонога — кривая, лепетунья и заика. Сама ростомъ не велика, лицо узко какъ лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребята.

Digitized by Google

Когда я посватался къ ней, какая она была щеголиха, притомъ-же франтиха. Зовутъ ее Ненила, которая юбки не мыла. Какія у ней ножки, чистыя какъ у кошки. На рукахъ носитъ браслеты, кушаетъ всегда котлеты. На шеѣ два фермуара, чтобы шляпку не сдувало. Сарафанъ у ней французское пике и рожа въ мукѣ.

Какъ задумалъ жениться, мнѣ и ночь не спится. Мнѣ стало сниться, будто я съ невѣстой на балѣ; а какъ проснулся, очутился въ углу въ подвалѣ. Съ испугу не могъ молчать, началъ караулъ кричать. Тутъ сейчасъ прибѣжали, меня связали, невѣстѣ сказали, такъ меня связаннаго и вѣнчали.

Вѣнчали насъ у Флора, противъ гостиннаго двора, гдѣ висятъ три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишняго. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денегъ не давали. Невѣсту въ телѣгу вворотили; а меня, добраго молодца, посадили къ мерину на хвостъ и повезли прямо подъ Тючковъ мостъ. Тамъ была и свадьба.

Гостей-то гостей было со всѣхъ волостей. Былъ Герасимъ, который у насъ крыши красилъ. Былъ еще важный франтъ, сапоги въ рантъ, на высокихъ каблукахъ, и поганое ведро въ рукахъ. Я думалъ, что придворный поваръ, а онъ былъ французъ Тельдантъ, собачій комендантъ. Еще были на свадьбѣ тараканъ и паукъ, заморской пѣтухъ, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лѣсная лисица, да стараго попа кобылица.

Была на свадьбѣ чудная мадера, новаго манера. Взялъ я бочку воды, да полфунта лебеды, ломоточекъ красной свеклы утащилъ у тетки Феклы; толокна два стакана въ воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести, да березовымъ полѣномъ по затылку оплести—право на ногахъ не устоишь.

3. Жена.

У меня жена красавица. Подъ носомъ румянецъ, во всю щеку сопля. Какъ по Невскому прокатитъ, только грязь изъ подъ ногъ летитъ.

Зовутъ ее Софья, которая три года на печкѣ сохла. Съ печки то я ее снялъ, она мнѣ и поклонилась, да на трое и развалилась. Что мнѣ дѣлать? Я взялъ мочалу, сшилъ, да еще три года съ нею жилъ.

Послалъ ее къ рынку, купить изъ подъ хвоста грудинку, хрящикъ, самый-то ящикъ. Тамъ фурманщики ее убили, такъ мнѣ досадили, даже слезы покатились, только назадъ воротились. Съ головы вошь свалилась, да съ трёмъ курамъ драться схватилась; я насилу рознялъ.

Пошелъ на Сѣнную, купилъ за грошъ жену другую, да и съ кошкой. Кошка-то въ грошѣ, да жена-то въ барышѣ, что ни дай такъ поѣстъ.

4. Жена.

Жена моя солидна, за три версты видно. Стройная, высокая, съ недѣлю ростомъ и два дни загнувши. Ужъ признаться сказать, какъ бывало въ красный сарафанъ нарядится, да на Невскій проспектъ покажется—даже извощики ругаются, очень лошади пугаются. Какъ поклонится, такъ три фунта грязи отломится.

5. Жена.

У меня, голова, жена красавица. Глаза-то у ней по булавочкѣ, а подъ носомъ двѣ табачныя лавочки. У ней, голова, рожа на мой лапоть похожа. Она у меня, голова, тужа, гдѣ постоитъ тамъ и лужа. И хорошаго, голова, поведенья — изъ Полторацкаго заведенья. Была въ магазинѣ, плела, голова, корзины. Еще, голова, по домашнему я что скажу: щи варить, жаркое жарить, пироги печь, али на печь лечь—и то умѣетъ. Я, голова, недалеко скажу: вчера она, г., полъ мыла, грязь-то, г., и соскоблила, въ кучу собрала, да мнѣ блиновъ напекла. Вотъ, г., какъ она мнѣ щи варитъ, въ одномъ горшкѣ два кушанья. У ней горшокъ съ перекладиной. Въ одной половинѣ щи болтаетъ, въ другую помои выливаетъ. Я разъ и хлебнулъ, такъ руками и ногами и дрыгнулъ. Жаркое жарила въ двухъплошкахъ, а только все изъ тараканьихъ ножковъ.

Вотъ, голова, жена у меня мальчика родила сегодня, лѣтъ шести весь въ шерсти. Послѣ родовъ и захворала. Я, голова, къ дохтуру; я, г., къ другому. Вотъ, г., одинъ прохожій, вотъ эдакій толсторожій, онъ меня и научилъ, а ужъ я раньше рубли полтора пролѣчилъ. Дай ей, г., порошокъ, который дается до самыхъ кишокъ. Я, г., пришелъ домой и женѣ, г., сказалъ. Она, голова, у меня порошокъ-то и приняла, такъ меня рукамъ и ногамъ и обняла.

6. Жена стряпаетъ.

Мастерица моя жена варить, въ каждомъ горшкѣ по два кушанья. Кашу варитъ: крупу всыпаетъ, не мѣшаетъ, — такъ въ печь и пихаетъ. Потомъ вынимаетъ, меня старика-то ѣсть и заставляетъ. Со старости не разберу, все съ горшкомъ и уберу.

Мастерица печь пироги и короваи, пекетъ всегда въ сараѣ. Готовитъ въ кухнѣ, чтобы

Digitized by Google

больше пухли, съ начинкой, съ телячьей овчинкой, съ лукомъ, съ перцемъ, съ селедочными головками, съ яичной скорлупой, съ собачьей требухой—во какой! Съ одного конца разорвалося, по всей деревнѣ раздалося. А ѣсть только свиньѣ удалося. Рыжій облизывается, вѣрно попробовалъ.

Мастерица хлѣбы печь. Становитъ съ вечера на дрождяхъ, утромъ подымаетъ на вожжахъ. Сажаетъ на лопатѣ, вытаскиваетъ на ухватѣ. Сажаетъ два, а вытащитъ тридцать два. Да что и за хлѣбы! Снизу подопрѣло, сверху подгорѣло, съ краевъ-то прѣсно, въ серединѣ-то тѣсто. Не рѣжь ножичкомъ, а черпай ложечкой. Я со свиньей перебиралъ, да рыло все перемаралъ.

7. Обѣдъ.

Что случилось со мной намедни, когда бабушка ушла къ обѣдни. Зажегъ я свѣчку, полѣзъ съ Акулькой на печку. Мнѣ не спится и не лежится, на брюхѣ ничего не вертится; я на тотъ бокъ, на другой бокъ, все не спится. Думалъ—думалъ: отчего? Какъ на брюхото погляжу, а я не ѣвши лежу. Съ печки то я соскочилъ, да три хлѣбца и обточилъ.

Проклятой женѣ что то и не понравилось. Она меня голоднаго увидала, какъ сабакѣ въ чашку говядину накидала, и къ этому припасу налила рѣпнаго квасу. Это все хорошо, только ложка была узка, таскала по три куска. Надо-бы ее пошире развести, чтобъ таскала кусковъ по шести. Поѣлъ то я слегка, раздуло какъ телка. Ни Богу помолиться, ни къ стѣнкѣ прислониться. Живъ-то-живъ,—а если я умру, на тебя, рыжій, столько чертямъ навру. Ты думаешь, буду я въ аду, а я и тамъ буду съ чертями въ ладу. На томъ свѣту соломенную шляпу тебѣ, рыжій, сплету.

8. Домъ.

Вотъ я, голова, семь лѣтъ дома не бывалъ и оброка не плачивалъ. Пріѣхалъ домой, свой домъ поправилъ, четыре синяка сосѣду подставилъ. Мой домъ каменный, на соломенномъ фундаментѣ. Труба еловая, печка сосновая, заслонка не благословленная, глиняная. Въ домѣ окна большія, буравомъ наверченныя. Черная собака за хвостъ палкой привязана; хвостомъ лаетъ, головой качаетъ, ничего не чаетъ. Четверо воротъ, и всѣ въ огородъ. Кто мимо меня ѣдетъ, ко мнѣ заворачиваетъ, я карманъ выворачиваю. Такъ угощаю, чуть живыхъ отпущаю.

Былъ я тогда портнымъ. Иголочка у меня язовенькая, только безъ ушка—выдержитъ ли башка? Какъ разъ стегну, такъ кафтанъ-шубу и сошью. Я и разбогатѣлъ. У меня на Невскомъ лавки свои: по правой сторонѣ это не мое, а по лѣвой вовсе чужія. Прежде я былъ купцомъ, торговалъ кирпичемъ и остался ни причемъ. Теперь живу день въ водѣ, день въ дровахъ и камень въ головахъ.

9. Звѣринецъ.

Былъ я въ звѣринцѣ. Ну ужъ тамъ удивленье, со звѣрями представленье. Тамъ медвѣдь боролся съ козой. Коза не выдавала, медвѣдю въ зубы поддавала. Вотъ на что поддалась она—въ помочь привели слона.

Тамъ много было народу, смотрѣли на урода,—и я взялъ мысли такія, посмотрѣть какъ и другіе. Я смотрѣлъ не одинъ, былъ съ невѣстой, какъ господинъ. Мы смотрѣли больше на слона.

Вотъ какъ слонъ съ медвѣдемъ началъ бить, ся—коза бросилась топиться. Я вижу, что намъ не мѣсто: пойдемъ домой, невѣста. Она захлопотала: посидимъ покуда. А насъ и выгнали оттуда.

10. Баня.

Я по Невскому шолъ, четвертака искалъ, да въ чужомъ карманѣ рубль нашелъ, едва и самъ ушелъ. Потомъ иду да подумываю.

Вдругъ навернулся купецъ знакомый да нездоровый, только очень толсторожій. Я спросилъ: Дядюшка, въ которой сторонѣ деревня? А онъ мнѣ сказалъ: у насъ деревни нѣтъ, а все лѣсъ. А я къ нему въ карманъ и влѣзъ. Онъ меня взялъ да въ баню и пригласилъ. А я этого дѣла не раскусилъ: я на доровщинку и самъ не свой.

Приходимъ мы въ баню. Баня-то баня—высокая. У воротъ стоитъ два часовыхъ въ мѣдныхъ шапкахъ. Какъ я въ баню-то вошелъ, да глазомъ-то окинулъ, то небо и увидѣлъ. Ни полка, ни потолка, только скамейка одна. Есть полокъ, на которомъ чертъ орѣхи толокъ. Вотъ, голова, привели двоихъ парильщиковъ, да четверыхъ держальщиковъ. Какъ положили меня дружка не на лавочку, а на скамеечку, какъ начали парить съ обѣихъ сторонъ гладить. Вотъ тутъ я вертѣлся, вертѣлся, насилу согрѣлся. Не сдержалъ, караулъ закричалъ. Баньщикъ то добрый, денегъ непроситъ, охапками вѣники такъ и носитъ.

Какъ съ этой бани сорвался, у воротъ съ часовымъ подрался.

11. Баня.

Вотъ, голова, я сегодня, наканунѣ Обухова мосту, двѣ недѣли въ сторону, не доходя,

Digitized by Google

прошедши, на уголку въ Семеновскомъ полку осклизнулся, голова, да упалъ—а рыжій за меня въ карманы попалъ А городовой меня, г., къ мировому отправлялъ. А мировой то меня зналъ, что я бани на смерть не люблю, лучше раньше умру. Онъ меня, г., осудилъ, въ баню и сводилъ. А какая, г., баня-то! безъ крышки безъ дна, только скамейка одна. Какъ, г., меня привели, на меня, г., парильщики то и глядятъ, точно сейчасъ съѣдятъ. Какъ меня, добраго молодца, шесть человѣкъ положили: двое парильщиковъ, четверо держальщиковъ. Разъ, г., отпустили и другой, г., отпустили; какъ я, г., третій порошокъ то принялъ, такъ, г., скамейку руками и ногами обнялъ. Потомъ, г., я оттудова бѣжать да бѣжать споткнулся да упалъ, да къ приставу прямо въ карманъ и попалъ. Онъ, г., меня и благодарилъ, на косушку 12 к. подарилъ.

12. Часы.

У васъ, господа, есть часы? У меня часы есть. Два вершка пятнадцатаго.

Позвольте, господа, у васъ повѣрить, или мнѣ аршиномъ помѣрить. Если мнѣ мои часы заводить, такъ надо за Нарвскую заставу выходить. У насъ таперича здѣсь неразрѣшено, и въ публикѣ не заведено. Мои часы, господа, трещатъ, а рыжіе изъ чужаго кармана тащатъ.

13. Лотерея.

Вотъ, господа, я къ вамъ пришелъ, съ масляницей васъ проздравить да ваши карманы ошарить.

Вотъ, господа, я сегодня сюды шолъ, въ одномъ карманѣ четвертакъ и нашолъ. Потомъ, г., дальше пошолъ, въ другомъ карманѣ полтинникъ нашелъ. Потомъ, г., попадается мнѣ прохожій. Я къ нему, спотыкнулся да упалъ, прямо на шесть рублей въ карманъ и попалъ. Онъ, г., меня такъ благодарилъ, чуть-чуть до смерти не убилъ.

Теперь, г., я съ несчастья розыграю лоторею. По пятачку билетъ, а разыграется черезъ сто лѣтъ.

Розыгрывается у меня, г., лоторея: подержаный жидъ, два заячьихъ филея.

Еще, г., двѣ шинели безъ фланели, да подкладка отъ сертука, старый замокъ отъ сундука.

Постой, г., я сбился, не пересчитать. Разъ два, три - а ты, Марѳа, съ носу утри.

Еще, г., розыгрываются у меня двѣ дамы, [illegible] вчерась изъ помойной ямы. Я, г., ихъ перемылъ — переполоскалъ, да зубамъ на карусель перетаскалъ.

Еще, г., подсвѣчникъ аплике, и тотъ заложенъ въ Полторацкомъ кабакѣ. А ты, рыжій, свѣчку погаси, а подсвѣчникъ въ Апраксинъ продать снеси.

Еще, г., самоваръ накладнаго серебра, безъ трубы, безъ дна, только крышка одна.

Еще, г., полдюжины марокъ, да дюжина старыхъ кухарокъ.

Еще, г., тулупъ новый, крытый, только не шитый. Дубовый воротникъ, сосновая подкладка, а на верху 91 заплатка.

Еще, г., кровать объ трехъ ногахъ и березовое полѣно въ головахъ.

Еще, г., часы на 13 камняхъ, которые возятся шестерней на дровняхъ. Они, г., глухіе и въ серединѣ пустые. На масляницѣ блины пеку, да здѣшнихъ мазуриковъ кормлю.

Еще, г., салопъ женинъ атласный, только портной нечаянно пришилъ воротникъ красный.

Еще, г., кольцо золотое, даже заказное, у Берта отлитое, полтора пуда вѣсомъ.

Еще, г., имѣнье, въ гавани два воза каменья, а только не простое, все булыжное.

Еще, г., полдюжины платковъ изъ моихъ синихъ портковъ.

Еще, г., шубка безъ ватки, безъ подкладки, а на верху 73 заплатки.

Господа, на лоторею давайте сюда. Я съ лотореей то прощусь, а съ карманомъ съ вашимъ подѣлюсь. Не всѣ, не всѣ! Лучше отдохните, сразу по полтинѣ махните.

14. Лотерея.

Розыгрывается лоторея: киса стараго бородобрѣя, въ Апраксиномъ рынкѣ въ галереѣ. Вещи можно видѣть на балѣ, у огородника въ подвалѣ.

Въ лотореѣ будутъ раздавать билеты два еврея; будутъ розыгрываться воловій хвостъ и два филея.

Чайникъ безъ крышки, безъ дна, только ручка одна.

Изъ чистаго бѣлья два фунта тряпья; одѣяло, покрывало, двухъ подушекъ вовсе не бывало.

Серьги золотыя, у Берта на заводѣ изъ мѣди литыя, безо всякаго подмѣсу, девять пудовъ вѣсу.

Бурнусъ вороньяго цвѣту, передникъ половинокъ совсѣмъ нѣту. Взади есть мѣшокъ, кисточки на вершокъ. Берестой наставленъ, а задъ то на Невскомъ проспектѣ за бутылку пива оставленъ.

Digitized by Google

Французскіе платки, да мои старые портки, мало ношеные, только были въ помойную яму брошеные. Каждый день на меня надѣваются, а кто выиграетъ—назадъ отбираются.

Двѣнадцать подсвѣчниковъ изъ воловьихъ хвостовъ, чтобы рыжіе не забывали великихъ постовъ.

Будетъ розыгрываться золотая булавка, — а у этой кухарки подъ носомъ табачная лавка.

Перина ежоваго пуха, разбиваютъ кажное утро въ три обуха.

Шляпка изъ навознаго пуха, носить дамамъ для духа.

Сорокъ кадушекъ соленыхъ лягушекъ.

Матерія маремора съ воробьиныхъ горъ.

Шкапъ краснаго дерева, и тотъ въ закладѣ у повѣреннаго.

Краснаго дерева диванъ, на которомъ околѣвалъ дядюшка Иванъ.

Два ухвата, да четыре поганыхъ ушата.

Пять козъ, да мусору возъ.

Салопъ на лисьемъ мѣху, объѣли крысы для смѣху. Атласный, весь красный, съ бахрамой лиловаго цвѣту, воротника и капишона совсѣмъ нѣту.

Будетъ розыгрываться великимъ постомъ подъ Воскресенскимъ мостомъ, гдѣ меня бабушка крестила, на всю зиму въ прорубь опустила. Ледъ-то раздался, я такой чудакъ и остался.

15. Прохожій

Вижу, голова, я нынче на Рождествѣ — прохожій, вотъ на этого рыжаго похожій. Онъ меня, голова, и позвалъ Христа славить, въ чужихъ домахъ по стѣнамъ шарить. Мы, голова, и прославили, шубу съ бобровымъ воротникомъ сгладили.

Потомъ, голова, въ Свѣтло Христово Воскресенье мнѣ онъ попался у заутрени. Священникъ сказалъ: Христосъ-Воскресъ, а онъ къ купцу прямо въ карманъ и влѣзъ.

Онъ, г., хорошій мастеровой: кузнецъ, слесарь, токарь, столяръ, а еще плотникъ, по чужимъ карманамъ лазить охотникъ. Еще, г., литейщикъ, башмачникъ, сапожникъ, портной—только онъ г., за Московской заставой съ вязовой иголкой стоялъ. Разъ г., стегнулъ, енотовую шубу сразу и махнулъ.

16. Кухарка.

Кухарка съ Бертова завода— сегодня только пустилъ въ моду. Готовитъ разные макароны, изъ которыхъ вьютъ гнѣзда вороны. Варитъ супъ изъ разныхъ крупъ, которыми мостовую посыпаютъ. Вѣрно была въ пассажѣ— замарала носикъ въ сажѣ. Кофей-то варила, меня не напоила, Богъ покаралъ, послѣ въ сажѣ замаралъ. Забыла мою хлѣбъ-соль, какъ я у тебя обѣдалъ.

17. Цырульникъ.

Былъ я цырульникомъ на большой Московской дорогѣ. Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцомъ поставить, а нѣтъ, такъ и совсѣмъ безъ головы оставить. Кого я ни бривалъ, тотъ дома никогда не бывалъ. Эту цырульню мнѣ запретили.

18. Рыболовъ.

Я записался рыболовомъ. Купилъ 50 саженъ веревокъ, у Берта на заводѣ заказалъ крючокъ. На крючокъ посадилъ курицу-цыцарку и бросилъ съ Николаевскаго моста въ Неву, подъ арку. Вижу—идутъ два налима, только мимо. Одинъ налимъ одумался да воротился, за курицу схватился. За налима схватилась щука, за щуку два карася, за карасей два окуня, за окуней два сига, за сиговъ два ерша, за ершей два язя — тащить то и нельзя.

Рыжій, подсоби тащить, что стоишь да пожимаешься? Сразу опѣшилъ — вѣрно усталъ, еще изъ кармановъ не досталъ.

19. Публика.

Рыжій, помнишь великій постъ, какъ теленка тащилъ за хвостъ. Теленокъ кричитъ *ме*, а онъ говоритъ пойдемъ на праздникъ ко мнѣ.

У кого есть въ карманѣ рублей двѣсти, у рыжаго сердце не на мѣстѣ. Признаться сказать, у кого волосы чёрны, и тѣ на эти дѣла задорны. Въ особенности рыжіе, да плѣшивые самые люди фальшивые. Кому лапоть сплесть, кому въ карманъ влѣзть—и то умѣютъ.

А вишь и русый не даетъ чужому карману трусу. Какъ увидитъ, такъ и затрясетъ, въ свой карманъ понесетъ.

Вотъ этотъ капралъ у меня два хлѣба укралъ.

А вотъ дикій баринъ дрожавши спотѣлъ, купаться захотѣлъ.

Господа, вамъ фокусъ покажу: что вы дадите, я въ свой карманъ положу.

Вотъ что я, вамъ, господа, скажу. У меня сегодня несчастье случилось, въ пустой кор-

Digitized by Google

зинкѣ кошка утопилась. Осталось семеро котятъ на молочко-то, господа, давайте сюда.

А я вотъ что, господа, скажу: пряники да орѣхъ кидать великій грѣхъ. Лучше отдохните, да копѣе къ по шести мнѣ махните.

Дай тебѣ Богъ полну пазуху блохъ, четверть вшей, огородъ чертей. Нова хата провались, а старая загорись.

Iz russkoĭ narodnoĭ kosmogoniĭ

ИЗЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КОСМОГОНІИ*).

S. IA. Derunov

Пошехонскій уѣздъ—самый глухой и сѣверный уѣздъ Ярославской губерніи; онъ занимаетъ площадь въ 5.165 кв. верстъ, населенную 94 тыс. жителей. Совершенно отрѣзанный отъ всѣхъ торговыхъ путей, исключая небольшаго пространства, прилегающаго своей западной частью къ Шекснѣ, онъ представляетъ мѣстность почти исключительно земледѣльческую: ни большихъ торговыхъ селъ, ни заводовъ, ни фабрикъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ не встрѣчается; изъ отхожихъ промысловъ, какъ наиболѣе развитой, можно указать только на портняжничество; грамотность между жителями стоитъ на самой низкой степени развитія: во всемъ уѣздѣ существуетъ всего пять школъ.

Суровъ и непривѣтливъ этотъ сѣверный край Ярославской губерніи. Какимъ-то унынiемъ и тоской вѣетъ на свѣжаго человѣка, при взглядѣ на эти поля, съ убогими нивами, на эти топи и непроходимыя болота, на эти дремучіе лѣса, то глухо шумящіе, то угрюмо и глубоко молчаливые, словно заколдованные. Не надъ чѣмъ здѣсь остановиться, ничто не приласкаетъ вашъ взоръ и не обрадуетъ: печально все и дико вокругъ. Изрѣдка коегдѣ на встрѣчу попадется забытая Богомъ деревнишка, выглянетъ изъ-за лѣса полусгнившій крестъ бѣдной сельской колокольни—и только; а тамъ пойдутъ опять болота, валуны и лѣсъ, безконечный лѣсъ...

Здѣсь, въ этой мрачной сторонѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе люди ведутъ упорную борьбу съ природой, воюютъ съ враждебными стихіями, непрерывно бьются за свое существованіе.

Не трудно объяснить, почему въ мѣстномъ населеніи, не смотря на принадлежность послѣдняго къ вѣроисповѣданію православному, такъ крѣпко еще держатся языческія вѣрованія. Весь міръ, по народному представленію, населенъ добрыми и злыми существами, но злыми больше, чѣмъ добрыми. Къ покровительству и защитѣ первыхъ народъ прибѣгаетъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ, къ нимъ-же онъ обращается за помощью во всѣхъ бѣдахъ, неразлучныхъ спутниковъ его трудовой жизни. Здѣсь, мы встрѣчаемся еще съ поклоненіемъ деревьямъ, ключамъ и камнямъ; находимъ заговоры и молитвы отъ болѣзней, порчи колдуновъ, нечистой силы, начальниковъ и недобрыхъ людей. Деревья, рощи и колодцы считаются святыми съ незапамятныхъ временъ. Къ нимъ постоянно стекаются цѣлыя массы больныхъ и несчастныхъ, которые приносятъ съ собою полотенца, крестики и пояски, развѣшивая ихъ на деревьяхъ и колодцахъ. Точно также большимъ почетомъ со стороны народа пользуются и святые камни, къ которымъ богомольцы приходятъ за нѣсколько десятковъ верстъ. Еще недавно при святыхъ березахъ и рощахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, служили молебны и были къ нимъ крестные ходы. Нѣкоторыя изъ деревьевъ избавляютъ отъ болѣзни, другія подаютъ исцѣленія испорченнымъ и т. п. Святыя деревья большею частію съ отверстіями, черезъ которыя пролѣзаютъ больные. Когда пролѣзаютъ, то говорятъ: „сосна, тебѣ на стояніе, а мнѣ рабу Божію, на здоровье“.

Послѣднее обстоятельство указываетъ какъ много придаетъ народъ значенія слову, нашептываньямъ и разнымъ заговорамъ, безъ которыхъ, даже при всей своей увѣренности въ цѣлебныхъ свойствахъ деревьевъ, обойтись не можетъ. Заговоры и молитвы, хотя многіе изъ нихъ ничего въ себѣ *божескаго* и не заключаютъ, имѣютъ широкое распростра-

*) Передано крестьяниномъ с. Козмодемьянска, Пошехонскаго уѣзда, С. Я. Дерунovымъ.

Digitized by Google

неніе въ народѣ и занимаютъ первенствующее мѣсто въ исторіи народныхъ суевѣрій. Они встрѣчаютъ человѣка съ момента появленія его на свѣтъ и провожаютъ его до самой могилы. Едва ребенокъ родится, бабка-повитуха, произноситъ надъ нимъ уже молитву, моетъ его, потомъ завертываетъ въ подолъ и по три зари выноситъ его изъ избы, приговаривая: „заря-зарница, красная дѣвица, Крикса, Фокса, возьми свой крикъ, подай младенцу (имрекъ) сонъ". Случится-ли у младенца родимецъ, его парятъ, продѣваютъ сквозь лѣстницу и говорятъ: „Тихонькій, тихонькій, тихонькій, не ломайся надъ младенцемъ (имя), ломайся надъ лѣстницею". Отправляются женихъ съ невѣстой въ церковь, на паперти они должны взяться за скобу и сказать: „пусть всѣ наши скорби и болѣзни не пойдутъ съ нами подъ вѣнецъ, а остаются на тебѣ, на желѣзной скобѣ". Если женщина страдаетъ ломотою въ спинѣ, больная ходитъ шесть зорь къ отвореннымъ воротамъ и, наклонившись подъ запоръ, говоритъ три раза: „запоръ, запоръ, возьми и мой упоръ отъ рабы Божіей (имя) во вѣки вѣковъ. Аминь". Вздумаетъ крестьянинъ пойти на охоту, онъ точно также произноситъ заговоръ: „встану я, рабъ (имя). не умоюся, не помолюся, одѣнуся и обуюсь, не перекрещуся, выйду я не изъ дверей—въ окошко, не въ ворота—въ подворотню, пойду я не на востокъ солнца краснаго,—въ ночную, темную сторонушку, не помоляся на всѣ четыре стороны. Приду я рабъ (имя) ко всѣмъ своимъ ставушкамъ, ловушкамъ, ко булатнымъ клепамъ; стану я сзывать, кликать всѣхъ своихъ слугъ, сторожей, приговорю я всѣ къ нимъ призывы, привороты; заставлю всѣхъ стражей, загонщиковъ и пригонщиковъ, водяныхъ, лѣсныхъ, болотныхъ боровъ и поддорожныхъ, большеухихъ, малоухихъ, рогатыхъ и косолапыхъ, хвостатыхъ и шерстнатыхъ загонять въ мои ставушки, ловушки и въ булатные клепы"... Далѣе, перечисляются всѣ животныя, находящіяся въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Заговоръ оканчивается словами: „пусть имъ кажется по сторону огонь, по другую — стѣна, сзади—калена стрѣла; пусть будутъ по моимъ приговорамъ и заговорамъ бѣгать—ходить въ каждомъ днѣ и часу, ночью и за полночь утромъ въ утреннюю зорюшку, вечеромъ при звѣздахъ и мѣсяцѣ, во всякую пору, отнынѣ и до вѣка. Аминь. Кои слова не договорлъ — позади, кои переговорилъ — впереди". *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, житель сѣвера ведетъ непрестанную борьбу съ природою съ одной стороны и нечистой силою, чертовщиною—съ другой стороны. Въ этой двойной и страшной борьбѣ проходитъ вся жизнь народа. Но таковы ужъ видно свойства человѣческой натуры, что, подъ вліяніемъ какихъ-бы гнетущихъ условій ни слагалась жизнь народа, умъ человѣка не откажется отъ пытливости и станетъ доискиваться разрѣшенія тайнъ. Какъ произошелъ міръ? Кто создалъ землю и небо? Откуда взялся человѣкъ? задаетъ себѣ вопросы народъ. Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ сказаніяхъ русскаго народа, легендахъ его, сказкахъ и памятникахъ литературы, названной отреченною.

Въ основѣ большинства подобнаго рода произведеній, какъ извѣстно, лежитъ дуализмъ. Слѣды этого дуализма видны и въ народномъ сказаніи Пошехонскаго края. Нужно замѣтить, что это сказаніе, обращаясь среди народа въ живомъ разсказѣ, называется теперь сказкою; только въ немногихъ спискахъ, которые иногда попадаются, осталось названіе—сказаніе.

Къ нему теперь мы и перейдемъ.

Чтобы показать—какое отношеніе имѣетъ наше сказаніе къ другимъ уже извѣстнымъ и чѣмъ оно отъ нихъ отличается, приведемъ отрывки изъ „Свитка божественныхъ книгъ" и „Сѣверныхъ сказаній о Лембояхъ и Удѣльницахъ".

„Свитокъ" начинаетъ разсказъ еще до сотворенія міра и затѣмъ переходитъ къ исторіи мірозданія и человѣка. По слову Божію являются небо, заря, облака, звѣзды и т. д.; за ними слѣдуетъ созданіе тьмы столповъ на воздухѣ, „а на томъ столпѣ камень неподвиженъ"; далѣе — твореніе земли и ада; на землѣ является „море Тиверіадское, а береговъ у него не было".

„И сниде Господь на море по воздуху... и видѣ на морѣ *гоголя* плавающа, а той есть рекомый Сатана, заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанаилу, аки не вѣдая его: ты кто еси за человѣкъ? — И рече ему Сатана: азъ есмь богъ. — А меня како нарещи?—Отвѣщавъ же Сатана: Ты Богъ богомъ и Господь господемъ. — Аще бы Сатана не рекъ Господу такъ, тутъ-же-бы Господь его сокрушилъ въ морѣ Тиверіадскомъ".

Богъ велитъ Сатанаилу нырнуть въ море и

*) См. Труды Ярославскаго Губернскаго Статист. Ком. 1869 г. Статьи Е. И. Якушкина: „Молитвы и заговоры въ Пошехонскомъ уѣздѣ" и С. Я. Дерунова: „Крестьянская свадьба въ Пошехонскомъ уѣздѣ".

Digitized by Google

вынести оттуда песку и кремень. Сатанаилъ безпрепятственно выноситъ. Изъ песку Богъ создаетъ землю, а изъ одной половины кремня – ангеловъ. Сатанаилъ тоже проявляетъ силу творчества: посредствомъ другой половины кремня онъ создаетъ своихъ ангеловъ. Богъ дѣлаетъ Сатанаила начальникомъ надъ всѣми чинами ангельскими; послѣдній возгордился и захотѣлъ быть подобнымъ Богу. Богъ повелѣлъ архангелу низвергнуть Сатану; но тотъ воротился не исполнивъ повелѣнія. За ослушаніе архангелъ былъ постриженъ въ чернецы и названъ Михаиломъ. Богъ послалъ его во второй разъ; Михаилъ ударилъ скипетромъ силу Сатанину и она пала на землю, какъ дождь. *).

По другому народному сказанію,—сказанію о Лембояхъ, — дѣло творенія происходило нѣсколько иначе. Была одна вода. Спустился Саваоѳъ на землю и спросилъ; *кто здѣ е?*—И откликнулся Сатана и рекъ: *я здѣ е?* – И спросилъ Саваоѳъ Сатану: есть-ли гдѣ земля, не видалъ-ли? — Есть на днѣ моря,—отвѣчалъ Сатана. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о ныряніи Сатаны, но земли онъ не досталъ. Саваоѳъ его укоряетъ и говоритъ: *„немощенъ, братъ, ты.* – Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону— дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли". Сатана сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваоѳъ и принесъ земли. За твореніемъ земли послѣдовало твореніе ангеловъ: Сатана, по повелѣнію Саваоѳа, беретъ молотъ и бьетъ имъ въ каменную гору правою рукой – изъ камня вылетаютъ свѣтлые воины и кланяются на востокъ Богу. Сатана попробовалъ бить лѣвой рукой — стали выскакивать черти и кланяться молотобойцу. Саваоѳъ увидалъ это и скорѣе зааминилъ. Саваоѳъ строитъ небо, а Сатана—другое; оба сдѣлали по семи небесъ, а Сатана все выше забирается. Саваоѳъ зааминилъ и велѣлъ Михаилу архангелу столкнуть Сатану со всѣми его небесами. Два раза прогонялъ Сатана архангела; но въ третій разъ, при помощи иконы, дѣвы съ младенцемъ, Михаилу удалось побѣдить Сатану **).

Пошехонское сказаніе о сотвореніи земли разсказываетъ такъ:

„Когда не видно было ни неба ни земли, по всюду носилась тьма и вода: ни звѣзды, ни солнце, ни луна не выглядывали съ небесъ. Господь въ это время носился во тьмѣ и водѣ, за нимъ всюду шествовали всѣ силы небесныя: архистратиги, архангелы, ангелы, херувимы и серафимы.

Въ одно время Господь и надумалъ сотворить землю; надумалъ и подозвалъ къ себѣ перваго и любимѣйшаго своего архистратига Сатанайла. Говоритъ ему:

– „Любимѣйшій мой духъ, Сатанайле, опустись ты въ воды глубины неизмѣримыя, за тридевять поприщъ, въ тридесятомъ возьми на днѣ водномъ земли пригоршни, вынеси ю на поверхность воды: посѣю — да будетъ твердь земная"!

Выслушалъ Сатанайлъ слова Господни. Взвился надъ бездною водной, — поднялся отъ шума вихрь великій, яко громъ небесный; нырилъ въ воду, — водныя брызги летятъ, какъ дождь и градъ, клокочутъ точно въ котлѣ. Все успокоилось, вынирилъ Сатанайлъ, глядь на пригоршни, а въ нихъ земли— ни зернышка: выполоскало водой до чиста! Взвился Сатанайлъ пуще прежняго, пуще перваго вода всколыхалася, пуще перваго пошелъ рокотъ по околицѣ; нырилъ во второй разъ. Погодя вынирилъ Сатанайлъ, глядь, а въ пригоршняхъ земли ни зернышка: всю выполоскало до чиста! Паче прежняго поднялся шумъ отъ взмаховъ Сатанайла. Тутъ ему Господь и рыкнулъ гласомъ веліимъ:

— „Остановись"!

Сатанайлъ остановился. Господь ему и говоритъ:

— „Сатанайле, духъ мой возлюбленный, приди ко мнѣ, попроси со смиреніемъ и кротостію у меня благословенія на такое дѣло великое. Съ нимъ достанешь и вынесешь землю на поверхность водную".

Подошелъ Сатанайлъ къ Господу, преклонилъ выю ниже чресла Господня. Возложи на него Господь руцѣ своя, благословилъ.

Смиренно и кротко нырилъ Сатанайлъ: не возшумѣлося окрестъ, не взбрызгалися воды глубокія. Скоро вынирилъ Сатанайлъ и вынесъ земли пригоршни, подалъ ю ко Господу.

Господь трижды бралъ земли сырой, трижды леталъ съ ею въ даль незримую, разсѣвая о десную и о шую руку; за нимъ летали сонмы небесныхъ силъ: архистратиговъ, архангеловъ, ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ; всѣ они славили мудрость Господню. За полетами Господними возставала твердь земная и дѣлалась прекрасною, ровною равниною; засинѣла голубая твердь небесная; засіяло солнце, засверкали звѣзды, заходили тучи и заблистала молонья. Увидавъ Господь великолѣпіе земли, возрадовался; шибко воз-

*) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

**) Труды Этнограф. отд. кн 3, вып. 1. Ст. Е. В. Барсова: „Сѣверныя сказанія о Лембояхъ и Удѣльницахъ".

Digitized by Google

радовались съ нимъ и всѣ силы небесныя, лики ихъ сдѣлались, ровно заря ясная, пѣли онѣ передъ Господомъ пѣсни чудныя радости веліей, приносили хвалу Господу. Одинъ изъ силъ небесныхъ, Сатанайлъ, стоялъ поодаль отъ Господа, какъ туча черная, нахмуривъ чело, не приносилъ хвалу Господу. Господь и возговоритъ къ Сатанайлу:

— „Сатанайле, духъ нашъ возлюбленный, что не возрадуешься съ нами, не воздашь хвалы намъ?“

Съ гордостью великой говоритъ Сатанайлъ Господу:

— „Мнѣ за сіе придите и воздайте хвалы: мои труды!“

Сатанайлъ указалъ на сіяющую красой землю.

Трижды Господь призывалъ къ себѣ на поклоненіе Сатанайла; трижды Сатанайлъ отрекался и призывалъ къ себѣ на поклоненіе Господа воздать ему славословіе и почести. Тогда Господь съ гнѣвомъ сказалъ:

— „Отойди отъ меня, Сатана гордый“!

Взвился Сатанайлъ выше облака ходячаго, рыкнулъ голосомъ страшнымъ:

— „За мной, мнѣ вѣрные духи“!

„Сдѣлался шумъ ужасный, небеса потряслися, звѣзды попадали и померкли, солнце и луна потемнѣли; всѣ силы небесныя шумѣли, отъ шума земля колебалася, вихри крутилися, даль незримая тьмой покрылася.

Долго-ль коротко-ль — стихло.

Осмотрѣлъ Господь свои вѣрныя силы небесныя, увидалъ, что отъ него отошла девятая часть на сторону Сатанайла.

Тучей темной чернѣлась сила Сатанайлова въ дали необозримой. Опять рыкнулъ Сатанайлъ къ своей силѣ темной:

— „За мной, на дѣло, втопчемъ землю въ глубь водную“!

Зашумѣла темная сила Сатанайлова, полетѣла. Гдѣ пролетитъ да хлопнетъ крылами,— дѣлаются на землѣ провалы, выступаютъ моря водныя; гдѣ пуститъ изъ себя воду, — тамъ бѣгутъ рѣки и ручьи; гдѣ крошитъ изъ себя калъ, — тамъ дѣлаются камни; гдѣ топнетъ ногой,—тамъ выдвигаются горы; гдѣ пуститъ изъ себя дыханіе,—тамъ изъ земли пышетъ поломя.

Господь видитъ такія каверзы Сатанайла и его темной силы, подзываетъ къ себѣ юнаго духа Миха, говоритъ ему:

— „Юный и любимый мой духъ Миха, благословляю тебя на брань съ Сатаною! Отнынѣ ты имѣй силу и именуйся Михайломъ архистратигомъ, воеводою всѣхъ небесныхъ воинствъ. Иди и свергни Сатану въ преисподнюю земли“.

Проговоривъ такія слова, Господь подалъ юному архистратигу Михаилу огненное копье, мечъ кладенецъ, броню булатную, на головушку надѣлъ шлемъ духовный съ перьями изъ павлина и благословилъ его правою рукою. Припалъ юный архистратигъ Михаилъ къ стопамъ Господнимъ, всталъ, потрясъ копьемъ и полетѣлъ; за нимъ полетѣли всѣ силы небесныя, въ ризахъ, яко снѣгъ бѣлыхъ, съ лаврами на головушкахъ, сотворити брань съ Сатаною и съ его темною силой.

Произошла битва великая, тряслася земля и небо, крутились вихри буйные, слышался рокотъ лютый, солнце было какъ уголь черное, луны и звѣздъ не видно было во тьмѣ. Трижды три дня стояла тьма и была ночь, слышалось рокотанье отъ побоища. И побѣдилъ юный архистратигъ Михаилъ Сатану и всю силу его, сверзилъ въ треисподнюю земли.

Возвратился юный архистратигъ предъ очи Господни со всѣми силами небесными, словословиля всѣ силу и крѣпость Господню, принося хвалу каждочасно отъ нынѣ и до вѣка“.

Таково сказаніе или сказка пошехонцевъ о сотвореніи земли. Это сказаніе весьма живо обращается въ мѣстномъ населеніи и является такимъ образомъ, какъ бы проводникомъ извѣстной группы знаній, потому что многіе ему вѣрятъ и крѣпко убѣждены, что дѣло именно происходило такъ, какъ въ сказкѣ разсказывается.

Digitized by Google

Iz materialov sobrannykh sredi krest'yan pudozhskago uyezda olonets gub

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ СОБРАННЫХЪ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ ПУДОЖСКАГО УѢЗДА ОЛОНЕЦ. ГУБ.

Пудожскій уѣздъ являлся до сихъ поръ, если такъ позволено выразиться, пасынкомъ изслѣдователей Олонецкой губерніи. Большинство изъ нихъ направлялось въ дебри Повѣнецкаго уѣзда, въ уѣзды Каргопольскій, Петрозаводскій и другіе и лишь сравнительно очень немногіе заѣзжали и въ Пудожскій уѣздъ, да и то нѣкоторые изъ нихъ лишь мимоѣздомъ. Эта нелюбовь изслѣдователей къ Пудожскому краю объясняется тѣмъ, что онъ рѣзко отличается во многихъ отношеніяхъ отъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ. Въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ губерніи, благодаря разнымъ условіямъ, населеніе сохранило въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ цѣлый рядъ архаизмовъ, сохранило много слѣдовъ своего стариннаго быта — крестьяне Пудожскіе на первый взглядъ мало чѣмъ отличаются отъ крестьянъ нашихъ среднихъ губерній. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними приходится лишь убѣждаться, что это первое впечатлѣніе касательно общихъ чертъ быта не было ошибочнымъ. Въ ихъ правовыхъ воззрѣніяхъ мало найдешь оригинальнаго, своеобразнаго, архаическаго: всюду видишь ломку прежнихъ устоевъ, ломку, прогрессирующую съ поразительной быстротой. И какой бы отдѣлъ права ни взялись вы изслѣдовать — всюду васъ поразитъ какая-то бѣдность, неопредѣленность данныхъ, всюду вы замѣтите усилившееся вліяніе волостныхъ писарей, успѣвшихъ замѣнить въ умѣ крестьянина его прадѣдовскіе обычаи — взглядами на дѣло статей нашего Свода Законовъ.

Еще недавно преобладающимъ типомъ семьи была, такъ называемая, большая семья, — теперь большія семьи даже въ болѣе глухихъ углахъ уѣзда встрѣчаются лишь рѣдкими оазисами среди распадающихся все больше и больше семей. Еще недавно большинство селеній уѣзда были, по выраженію мѣстныхъ жителей, „*загнáно мѣсто*“, гдѣ не было въ употребленіи ни чаю ни кофе — это время помнятъ еще не очень пожилые люди; — теперь не только самовары встрѣчаются во всякой семьѣ, но и употребленіе кофе распространено до того, что нѣкоторыя бѣдныя семьи ходятъ подъ окнами, собираютъ подаяніе и, собравъ копѣекъ 60—80, удовлетворяютъ прежде всего своей потребности въ кофе. Нѣкоторые даже просто просятъ: „подайте ради Христа на кофе“ и т. д.

Прислушаетесь вы къ пѣснямъ — ясно слышите въ нихъ заводское и кабацкое вліяніе, — пойдете на бесѣду — увидите крестьянъ, танцующихъ „кандрель“ и „ланцьетъ“. Итакъ начиная съ крупныхъ сторонъ быта, кончая такими мелочами — вы всюду увидите, что, такъ называемая, городская культура сказывается съ чрезвычайной силой. Но это лишь одна сторона дѣла. Въ деревнѣ, гдѣ постоянно вы слышите заводскія пѣсни, гдѣ молодежь поетъ даже „По синимъ волнамъ океана“ и извѣстное всѣмъ „Казъ-Булатъ удалой“ — оказывается, живетъ пѣвецъ былинъ или сказитель сказокъ, знающій старину. Подобно тому какъ среди разрозненныхъ семей вы встрѣтите еще, какъ рѣдкое исключеніе, большую семью, живущую по устоямъ завѣщаннымъ дѣдами — можете вы увидѣть и среди обучавшейся въ школахъ молодежи еще старика грамотнаго, начитаннаго въ апокрифическихъ книгахъ, драгоцѣннаго для него наслѣдія его предковъ-раскольниковъ и т. д. и т. д.

Такія явленія, какъ пѣвецъ былинъ, сказитель сказокъ, начитанный въ старыхъ книгахъ человѣкъ — лишь рѣдкія исключенія, одинокіе столбы, не поддавшіеся еще общему теченію, охватившему молодежь и людей среднихъ лѣтъ. Все представляетъ какое-то хаотическое состояніе, какое-то ниспроверженіе стараго и поспѣшную замѣну новымъ, схватываемымъ безъ разбора; все смотритъ какъ будто недодѣланнымъ, неоконченнымъ,

* Примѣчаніе: Нижеслѣдующее есть лишь нѣсколько распространенный рефератъ, читанный мною въ Отдѣлѣ Этнографіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (въ 1888 г.). Будучи лѣтомъ 1887 г. командированъ Обществомъ для собиранія этнографическихъ данныхъ о бытѣ населенія въ Олонецкой губерніи, — я, по невозможности познакомиться со всѣми уѣздами губерніи, выбралъ райономъ своихъ изслѣдованій Пудожскій уѣздъ, причемъ, главнымъ образомъ ту часть его, которая лежитъ къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ уѣзднаго города, какъ часть уѣзда наиболѣе глухую. Знакомясь главнымъ образомъ съ юридическимъ бытомъ крестьянъ, я имѣлъ лишь немного времени для ознакомленія своего съ вѣрованіями населенія. Вотъ почему свѣдѣнія, сообщаемыя мною, страдаютъ подчасъ и неполнотою, и отрывочностью. Что касается собранныхъ мною данныхъ о юридическомъ бытѣ населенія, то они составятъ содержаніе особаго изданія. Въ настоящемъ сообщеніи я имѣлъ въ виду представить лишь общую характеристику быта крестьянъ Пудожскаго уѣзда и то, что являлось болѣе интереснымъ въ ихъ вѣрованіяхъ. Собранныя мною свѣдѣнія я дополнилъ свѣдѣніями, собранными моей сестрой и спутницей В. Н. Харузиной, за доставленіе которыхъ приношу ей свою благодарность.

Digitized by Google

сколоченнымъ наспѣхъ. Видно, что съ сравнительно недавняго времени произошла эта рѣзкая перемѣна въ умахъ, что, разрушивши старый строй, не успѣли его еще замѣнить прочнымъ новымъ, выработать себѣ, въ замѣнъ старыхъ устоевъ, новое, трезвое міровоззрѣніе.

Не буду подробно касаться на этотъ разъ причинъ, вызвавшихъ такое смѣшеніе въ умахъ Пудожскихъ крестьянъ, укажу лишь на нѣкоторыя изъ этихъ причинъ, приводимыхъ самими крестьянами въ объясненіе этого факта. Это—удобства сообщенія съ Петербургомъ, благодаря недавно проложеннымъ земствомъ дорогамъ въ глухія мѣста уѣзда, (куда еще лѣтъ 10—12 вела лишь тропинка изъ Пудожа, по которой съ трудомъ можно было проѣхать даже верхомъ) и пароходное сообщеніе, сближающее Олонецкую губернію съ Петербургомъ, уничтожающимъ такія препятствія, какъ Онежское и Ладожское озера. Это улучшеніе путей сообщенія и сближеніе съ Петербургомъ, полезно отразившееся на экономическомъ состояніи крестьянъ, считается ими одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ разрушеніе быта.

Далѣе къ числу причинъ относятъ крестьяне еще отхожіе промыслы. Каждую зиму въ лѣсахъ, окружающихъ деревни Пудожскихъ крестьянъ, рубится лѣсъ, который затѣмъ весной сплавляется по теченію рѣкъ къ Онежскому озеру и дальше идетъ на Петербургъ. Насмотрѣвшись въ Петербургѣ разныхъ чудесъ, познакомившись съ трактирной жизнью, крестьянинъ приноситъ съ собой въ свое „загна́но мѣсто“ и новыя пѣсни, и новыя прихоти въ костюмѣ и пищѣ, и новые взгляды. Наконецъ, въ третьихъ, причиной, разрушающей древній бытъ, считается воинская повинность, когда парень, проживъ нѣсколько лѣтъ далеко отъ дома, въ совершенно новой для него сферѣ, возвращается по окончаніи срока службы совершенно новымъ человѣкомъ, авторитетомъ для своей семьи и подчасъ для всей деревни. Другихъ причинъ пока я касаться не буду. Если мнѣнія крестьянъ о причинахъ, рушащихъ ихъ бытъ вѣрны, если они не ошибаются, сопоставляя въ причинную связь эти явленія, то эта ломка быта должна была наступить лишь въ очень недавнее время, такъ какъ пароходство появилось недавно на нашихъ сѣверныхъ озерахъ; воинская повинность—также явленіе недавнее.

Разъ же признать, что ломка быта началась сравнительно недавно, то a priori уже можно заключить, что въ средѣ крестьянъ Пудожскаго уѣзда должны сохраниться слѣды прошлаго ихъ быта, которые не успѣли еще стереться и забыться подъ напоромъ новыхъ идей, что за этимъ слоемъ новыхъ взглядовъ, новой внѣшней оболочки, должны таиться взгляды, вѣрованія, воззрѣнія болѣе старинныя, воспоминаніе эпохи предшествующей современному крушенію прежнихъ устоевъ крестьянской жизни.

Къ таковымъ относятся похищеніе невѣстъ и обычай катанья свата на боронѣ

Что касается похищенія невѣстъ, то этотъ обычай сохранился въ полной силѣ на Кенозерѣ Если парень полюбитъ дѣвушку — онъ посылаетъ сначала къ родителямъ ея сватовъ. Если родители невѣсты не соглашаются на бракъ, то парень, сговорившись съ ней и 2—3 товарищами, увозитъ ее къ себѣ въ деревню и передаетъ ее на руки какой-нибудь бабѣ, которая въ данномъ случаѣ и называется „сватья“. Дѣвушки обыкновенно знаютъ о предполагаемомъ похищеніи своей подруги и провожаютъ ее съ особенной пѣснью торжественно за ворота. Иногда родители дѣвушки, прослышавъ про похищеніе своей дочери, гонятся за похитителемъ и отбиваютъ ее у него. Похититель, славъ дѣвушку на руки сватьи, не долженъ съ нею вступать въ сожительство, до тѣхъ поръ, пока не помирится съ ея родителями: онъ посылаетъ къ нимъ либо крестнаго, либо родного отца или идетъ самъ „мириться“.

Если родители дѣвушки не помирятся, то похититель *обязанъ* вернуть дѣвушку. Даже фактъ вступленія съ ней до примиренія въ сожительство не обязываетъ родителей ея выдать свою дочь за-мужъ за него. Лишь послѣ „примиренія“, вѣнчаются и изъ церкви отправляются къ родителямъ молодой „прощаться“, то есть, просить прощенія.

Интереснымъ также является обычай свата, не имѣвшаго успѣха въ своемъ сватовствѣ, катать на боронѣ по деревнѣ. Этотъ обычай, сохранившійся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ деревняхъ уѣзда, встрѣчается до послѣдняго времени и среди мѣщанъ города Пудожа. Послѣдній извѣстный мнѣ случай этого рода былъ въ городѣ года 2—3 тому назадъ, когда несчастнаго свата прокатили на боронѣ по всѣмъ главнымъ улицамъ города.

Если подобныхъ архаизмовъ мы мало и очень мало находимъ въ юридическихъ воззрѣніяхъ населенія, въ его внѣшней обстановкѣ и бытѣ, то въ области вѣрованій это не такъ. Легче было разрушить правовое воззрѣніе, измѣнить бытъ, костюмъ, пищу, ввести въ языкъ массу чуждыхъ населенію словъ, чѣмъ поко-

Digitized by Google

лебать, ниспровергнуть вѣрованія, которыми жила, дышала такъ много вѣковъ Пудожская земля.

Молодое поколѣніе многимъ изъ отцовскихъ вѣрованій не придаетъ значенія; затемняются вѣрованія подчасъ въ головахъ и у среднихъ лѣтъ мужиковъ, но они живы еще и въ полной силѣ среди женскаго населенія уѣзда. Женщины, болѣе консервативныя и въ своей одеждѣ, и въ своихъ пѣсняхъ, оказались таковыми же по отношенію и къ вѣрованіямъ. И теперь еще въ праздничные дни крестьянка надѣваетъ парчевую душегрѣйку на шелковый сарафанъ, украшаетъ голову повязкой унизанной жемчугомъ, на шею нацѣпляетъ прабабушкины жемчужныя нитки, а въ уши вдѣваетъ жемчужныя серьги. Женщина-пудожанка сохранила и древнія вѣрованія подобно тому, какъ она сохранила свой древній костюмъ и въ настоящее время является по-преимуществу носительницей прежняго культа. Этимъ и объясняется, почему большинство свѣдѣній о вѣрованіяхъ мы слышали отъ крестьянокъ. Мужское населеніе уѣзда мало ихъ умѣло передать намъ.

Религіозныя вѣрованія Пудожскихъ крестьянъ, взятыя въ общихъ чертахъ, мало чѣмъ отличаются отъ вѣрованій большинства населенія великорусскаго племени. Оригинальныхъ, характерныхъ фактовъ — мы здѣсь не встрѣтимъ. Тѣ же великорусскіе домовые населяютъ дома, тотъ-же водяной живетъ въ глубинѣ озеръ, тотъ-же лѣшій пугаетъ и заводитъ путника въ дремучихъ пудожскихъ лѣсахъ. Мало оригинальнаго имѣютъ въ себѣ и представленія о молніи; затемнилось, какъ это мы видимъ почти повсюду, воззрѣніе на свѣтила. Бѣдно и какъ-то невидно празднуется тутъ Иванова ночь; въ иныхъ мѣстахъ на Иванову ночь не происходитъ никакого праздника и т. д. Однимъ словомъ, повторяю, эти вѣрованія, взятыя *въ общихъ чертахъ*, мало дадутъ намъ новыхъ данныхъ, — данныхъ, которыя обогатили-бы наши свѣдѣнія о вѣрованіяхъ великоруссовъ.

Но и тутъ по нѣкоторымъ остаткамъ мы увидимъ, что это лишь обломки нѣкогда развитыхъ религіозныхъ представленій, узнаемъ въ нихъ остатки прежняго развитаго культа. Эти робкія переживанія сохранились въ народѣ такъ долго, устояли лучше другихъ въ общей ломкѣ, не поддались напору могучей волны новыхъ идей — главнымъ образомъ потому, что они принаровлены къ быту пудожанина, относятся къ тѣмъ божествамъ и святымъ, которые явились населяющими и правящими въ той природѣ, среди которой приходилось преимущественно жить крестьянину этого уѣзда, бороться для охраненія собственной жизни.

Естественно, что и въ древнія времена культъ именно этихъ святыхъ и божествъ долженъ былъ болѣе всего развиться, запечатлѣться въ умахъ пудожанъ и, разъ запечатлѣвшись, устоять, сохраниться все-таки цѣльнѣе, чѣмъ другія религіозныя воззрѣнія, не имѣющія такой тѣсной связи съ природой и съ главными средствами существованія пудожанина.

Пудожскій уѣздъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ своихъ, покрытъ лѣсомъ, выросшимъ преимущественно на болотистыхъ низинахъ и отчасти по вершинамъ и склонамъ горъ, песчаная почва которыхъ благопріятствуетъ развитію хвойныхъ деревьевъ. Среди этихъ дремучихъ лѣсовъ, растянувшихся подчасъ на десятки и сотни верстъ, раскинуты, словно зеркала, озера, разнящіяся какъ размѣрами, такъ и глубиной. По берегамъ болѣе или менѣе значительныхъ озеръ стоятъ деревни, окаймляющія ихъ словно изгороди.

Если не большинство, то многія изъ этихъ деревень (какъ и урощищъ, лежащихъ на всемъ протяженіи уѣзда) сохранили несомнѣнно финскія имена, какъ напр.: Кудъ-наволокъ, Конза-наволокъ и т. д. Въ именахъ рѣкъ и озеръ, мы также встрѣчаемъ явные слѣды финскаго языка, напр. Водло-зеро съ рѣкой Водла, рѣка Шала, Саръ-озеро, Тягъ-озеро и т. п.

Въ иныхъ мѣстахъ и самые мѣстные жители помнятъ, хотя и смутно, свое финское происхожденіе; такъ напр. на Водлозерѣ они сами говорятъ, что однѣ деревни происходятъ отъ Шведовъ (шведами называютъ здѣсь финляндцевъ), другія отъ Чуди, а нѣкоторыя были заселены бѣглецами „ворами и разбойниками“ русскими и положили тѣмъ основаніе русской колонизаціи. Жители дер. Гость-Наволокъ происходятъ, по словамъ крестьянъ, отъ купцовъ, гостей, которые приходили торговать сюда и впослѣдствіи остались здѣсь жить. Другія деревни имѣютъ чисто русское происхожденіе. Къ такимъ относится большинство деревень и поселковъ, лежащихъ по берегамъ Купецкаго озера, такъ наприм.: дер. Авдѣевская, Алексѣевская, Воробьевка и т. п.

Интересно то, что даже для человѣка, не занимающагося антропологіей, бросается въ глаза, что въ большинствѣ селеній, носящихъ финскія имена, типъ населенія носитъ явные признаки финской расы (такъ напр.,

Digitized by Google

рѣдкость бороды, небольшой ростъ, бѣлокурость и т. д.) и наоборотъ въ тѣхъ деревняхъ, которыя носятъ русскія названія, типъ у жителей совершенно другой. Это по преимуществу люди высокаго роста, съ густой бородой, цвѣтъ волосъ преимущественно темно-русый или черный. Особенно бросается это въ глаза, когда направляешься къ Купецкому озеру.

Не доѣзжая 15 верстъ до послѣдняго, вы проѣзжаете Сарозеро съ деревней того же имени. Еслибъ не русскій языкъ, которымъ говорятъ сарозеры, можно было-бы ихъ принять за несомнѣнныхъ финновъ, пріѣзжаете въ дер. Авдѣевскую и вы чувствуете себя въ другой мѣстности. Типъ крестьянъ похожъ въ общемъ на типъ жителей бѣломорскаго побережья.

Загнанный въ свои лѣса и дебри пудожанинъ поддерживаетъ свое существованіе рыболовствомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Значеніе двухъ первыхъ изъ этихъ занятій колеблется по мѣстностямъ. Въ иныхъ мѣстахъ главное занятіе крестьянина рыболовство, и хлѣбопашество отходитъ до извѣстной степени на *второй* планъ; въ другихъ наоборотъ, хлѣбопашество является главнымъ занятіемъ, и рыболовство имѣетъ лишь субсидіарное значеніе. Что всегда идетъ параллельно—это хлѣбопашество и скотоводство.

Гдѣ болѣе развито хлѣбопашество, тамъ развивается и скотоводство. Это и понятно: земля у пудожанина очень плоха, она даже при хорошемъ удобреніи не можетъ обезпечить крестьянина на годъ, а безъ удобренія почти что ничего не даетъ. Этой неплодородностью и объясняется необходимость имѣть больше скота, чтобы какъ ни-какъ а обрабатывать землю. Неплодородностью земли объясняется также необходимость обращаться къ такъ называемому лядинному, подсѣчному хозяйству, которое, доставляя мѣстнымъ жителямъ много трудовъ и лишеній, которыя являются подчасъ невыносимыми даже для привыкшаго ко многимъ невзгодамъ пудожанина, даетъ ему все-таки возможность обезпечить себя хлѣбомъ на круглый годъ.

Итакъ, борьба съ лѣсомъ, съ бурными озерами поглощаетъ главнымъ образомъ дѣятельность крестьянина.

Неудивительно поэтому, что изъ разрушившихся вѣрованій наиболѣе уцѣлѣли тѣ, которыя стоятъ въ связи съ лѣсомъ, съ озерами и со скотоводствомъ, какъ главнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянина.

Начну съ описанія вѣрованій, связанныхъ съ лѣсомъ; вѣрованія эти наиболѣе цѣльно сохранились до сихъ поръ, такъ какъ все-таки подсѣчное хозяйство встрѣчается въ разныхъ степеняхъ на *всемъ* протяженіи уѣзда.

Лѣсовикъ, обитатель лѣса, представляется не одинаково. Обыкновенно, впрочемъ, онъ представляется ростомъ съ дерево, является людямъ то въ видѣ военнаго, то въ видѣ плохо одѣтаго старика. У лѣсовика свои собачки, маленькія, пестрыя, которыхъ, однако, увидѣть не легко. Въ народномъ представленіи онъ является то добрымъ, то злымъ. То онъ заводитъ людей въ чащахъ, держа ихъ у себя по нѣсколько дней, то наоборотъ оказываетъ заблудившимся благодѣянія. Повстрѣчаться съ лѣсовиковой свадьбой обыкновенно считается опаснымъ. Такъ, разсказываютъ въ Авдѣевской, что одинъ мужикъ, повстрѣчавъ лѣсовикову свадьбу, сдѣлался, по выраженію крестьянъ „глупенькимъ“... „Цѣлый вечеръ, прости Господи, просмѣялись надъ нимъ, передавала разскащица: говоритъ, Богъ знаетъ что: Я въ окошко пойду, да на Вытегру попаду“. Но по мнѣнію другихъ, „лѣсовикъ праведный, такъ безъ причины не подшутитъ“. И если кто будетъ имѣть несчастіе повстрѣчаться съ его свадьбой, того онъ оборонитъ. Вотъ разсказъ одной крестьянки о томъ, какъ дѣвушка повстрѣчала лѣсовикову свадьбу, поѣхавъ въ лѣсъ.

„Ѣдетъ ихъ много, много, какъ люди точно, только что почернѣе нашихъ будутъ. Старикъ одинъ соскочилъ и отвелъ ея лошадь въ сторону. Такъ и держалъ все—а они ѣхали. Кто помоложе изъ нихъ зашучивалъ даже съ дѣвушкой-то,—теребятъ ее. А какъ проѣхали всѣ, вывелъ старикъ ея лошадь на дорогу и уѣхалъ самъ.“ Вотъ это то представленіе о лѣсовикѣ, какъ о существѣ благодѣтельномъ, получаетъ полное развитіе и ясность въ представленіи о лѣсномъ царѣ. Лѣсной царь – есть глава и управитель лѣсомъ; онъ съ своей женой, лѣсной царицей, правитъ въ своемъ царствѣ и ему повинуются всѣ остальные духи (лѣсовики, боровики и моховики *). Этотъ лѣсной царь является по существу своему добрымъ, но согрѣшившихъ по отношенію къ нему онъ караетъ. Его, однако, можно смягчить просьбами и жертвами.

Вотъ что передавала одна баба изъ собственной жизни (Купецкое оз.): въ жаркій лѣтній день, утомившись въ лѣсу отъ работы по приготовленію мѣста для лядины, эта баба выкупалась въ лѣсномъ прудикѣ, отъ чего она скоро заболѣла. За помощью она обращалась и къ мѣстному фельдшеру и къ знахаркѣ; но ни лѣкарства, даваемыя фельдшеромъ, ни тай-

Digitized by Google

ныя слова, произносимыя знахаркой, нисколько ей не помогали. Знахарка, наконецъ, убѣдила больную идти къ прудику, гдѣ послѣдняя выкупалась, „прощаться“ т. е. просить прощенія. Придя къ прудику, знахарка велѣла разскащицѣ повторить громко за нею слѣдующія слова: „Царь лѣсовый и царица лѣсовая и лѣсовыя малыя дѣтушки, простите меня въ чемъ я согрѣшила.“ Она повторила эти слова три раза и послѣ каждаго раза онѣ клали по земному поклону. Послѣ третьяго раза послышался около нихъ шумъ, словно выстрѣлъ. Обѣ вернулись домой. Знахарка стала лѣчить больную и въ скоромъ времени ей удалось вылѣчить ее.

Это лишь частный случай. Но разскащица не представляла исключенія изъ общаго уровня бабъ и мужиковъ. Очень часто, если кто захвораетъ въ лѣсу, то, приписывая болѣзнь лѣсовику, больная отправляется въ лѣсъ. Она несетъ яйцо и, ставъ на перекресткѣ, кладетъ яйцо на лѣвую руку и въ лѣсу произноситъ слѣдующую молитву: **)

„Кто этому мѣсту житель, кто настоятель, кто содержавецъ—тотъ даръ возмите, а меня простите во всѣхъ грѣхахъ и во всѣхъ винахъ, сдѣлайте здраву и здорову, чтобы никакое мѣсто не шумѣло, не болѣло.“ Яйцо оставляется на перекресткѣ. Если лѣсовикъ услышитъ эту мольбу—болѣзнь пройдетъ.

Но будучи по существу добрымъ, этотъ лѣсной царь наноситъ не мало вреда мѣстнымъ жителямъ, похищая у нихъ скотъ, либо самъ для себя, либо насылая дикаго медвѣдя на стадо. Иногда порученіе похитить скотину у мужика лѣсной царь передаетъ одному изъ подчиненныхъ ему духовъ. Взявъ къ себѣ скотину, онъ однако поддается извѣстнымъ просьбамъ потерпѣвшихъ и иногда возвращаетъ взятое имъ. Для этого нужно рано утромъ на зарѣ пойти къ лѣсу и на перекресткѣ принести жертву, о которой я скажу ниже, для того чтобы лѣсовой царь вернулъ похищенную у крестьянина скотину. Хотя, по убѣжденію населенія, идти къ лѣсу съ этой цѣлью тяжкій грѣхъ, хотя ему и становится страшно при принесеніи такой жертвы, такъ какъ лѣсной царь не всегда является милостивымъ къ просителю, тѣмъ не менѣе рѣдкій крестьянинъ, изъ неутратившихъ еще прадѣдовскія вѣрованія, способенъ противостоять искушенію. Скотина ему слишкомъ дорога, слишкомъ большое подспорье въ его хозяйствѣ, требующемъ отъ него такъ много хлопотъ и жертвъ, чтобы не рѣшиться совершить ради нахожденія ея и грѣхъ, чтобы не побороть свой страхъ, который онъ испытываетъ, подходя къ лѣсу, съ цѣлью жертвоприношенія лѣсному царю.

Понятіе о лѣсномъ царѣ очень часто смѣшивается съ понятіемъ о простомъ лѣсовикѣ; вотъ почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣсто лѣснаго царя занимаетъ лѣсовикъ — жертвоприношеніе совершается этому послѣднему. Во всякомъ случаѣ этотъ видъ отношенія крестьянина къ лѣсовику или лѣсному царю заслуживаетъ вниманія оттого, что это одинъ изъ рѣдкихъ остатковъ, прежде быть можетъ и болѣе развитаго культа.

Да и въ настоящее время, когда христіанство заставило поблѣднѣть прежнія представленія о духахъ, населяющихъ лѣсную чащу, крестьянинъ все-таки относится къ лѣсовику съ прежнимъ суевѣрнымъ страхомъ своихъ отдаленныхъ предковъ: это жертвоприношеніе *не* является, такъ сказать, симпатическимъ средствомъ, способствующимъ нахожденію скотины, обрядомъ, перешедшимъ отъ далекихъ временъ, значеніе котораго не вполнѣ ясно крестьянину. Напротивъ того онъ вѣруетъ въ дѣйствіе этой жертвы также сильно, также убѣжденно, какъ вѣровали его, быть можетъ, не просвѣщенные христіанствомъ предки.

Какъ ни могущественъ лѣсной царь или лѣсовикъ, но противъ козней его существуютъ средства, которыми можно его сдѣлать безсильнымъ. Это особый заговоръ. Каждый хорошій пастухъ знаетъ его. И одно изъ условій, которое предъявляютъ крестьяне при наймѣ пастуха—это знаніе заговора. Когда около Николина дня отпускаютъ скотъ на пастбище, пастухъ три раза обходитъ скотъ съ заговоромъ. Этотъ заговоръ называется „отпускомъ.“

Если онъ не грамотенъ, то достаточно

*) Примѣчаніе: Дѣятельность этихъ божествъ почти тожественна; представленія о нихъ у крестьянъ обыкновенно смѣшиваются, разнятся они другъ отъ друга лишь ростомъ: лѣсовики самые большіе, моховики самые маленькіе.

**) Примѣчаніе. Считаю долгомъ отмѣтить, что упомянутое обращеніе къ лѣсовику самими крестьянами называется молитвой. Дѣло въ томъ, что населеніе въ обращеніи своемъ къ духамъ, населяющимъ природу, дѣлаетъ рѣзкое различіе между молитвой и заговоромъ, который называется просто „слова.“ Послѣдній имѣетъ обязательную силу: заговоръ, произнесенный безъ ошибокъ, *обязываетъ* къ совершенію или несовершенію извѣстныхъ дѣйствій духа, къ которому заговоръ относится. Молитва имѣетъ лишь просительное значеніе. Къ такимъ относится и воззваніе къ лѣсовику. Оно не обязываетъ лѣсовика ничѣмъ: онъ воленъ или неволенъ исполнить просьбу просителя. Этого отдѣленія заговора отъ молитвы, установленнаго самими крестьянами, я буду придерживаться и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Digitized by Google

молча обойти съ отпускомъ стадо. Послѣ этого звѣрь не тронетъ скота. Приведу заговоръ, который намъ удалось достать въ уѣздѣ: „Выйду въ чистое поле, въ широко раздолье, обойду около широкаго двора и обнесу свой приданный образъ и свою зажженную свѣчу воскòвую около своего широкаго двора, около своей милой береженной скотинушки, около любимыхъ конюшекъ, около своихъ дойныхъ коровущекъ, около своихъ маленькихъ овечушекъ, чтобы черные медвѣди и сѣрые волки, злыя россомахи, чтобы они на мою милую боженую скотинушку, чтобы они глазомъ не глядѣли и ухомъ не слышали, вонью не воняли, носомъ не слышали; около моей скотинушки будь огненна рѣка и каменна стѣна и желѣзный тынъ и Миколинъ замòкъ, чтобы эта скотинушка была бы цѣла и сохранна, а вы, черные медвѣди и сѣрые волки и злыя россомахи, идите къ синему морю, у синяго моря бейте и копайте черный сонотливый пень и черную глиную колоду и отъ нынѣ бы и до вѣку и отъ вѣку и до по вѣку. Аминь.“

Другой заговоръ, оказывающій то же дѣйствіе, гласитъ такъ: „Стану я, рабъ Божій, благословясь, выйду я, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ сѣней воротами, въ чистое поле, принимая милый скотъ, крестьянскій животъ, на свои на бѣлыя руки и пойду около своего скоту и около своего стада и за тотъ ли желѣзный тынъ, замкну тридевять замками, тридевять ключами и снесу эти ключи Пречистой Божіей Матушкѣ.—Пречистая Божія Матушка, Пресвятая Богородица, закрой своей ризой нетлѣнною мой милый скотъ и крестьянскій животъ отъ звиря широколапаго и кажись мой милый скотъ, крестьянскій животъ, дубьемъ-колодьемъ и сѣрымъ каменьемъ, и какъ народъ сходится, сбирается въ одну Божію Апостольскую Церковь, такъ солнце пойди на западъ, какъ весь милый скотъ и крестьянскій животъ, сходись, сбирайся къ своему двору и кто буде завидовать, осужать переговаривать, и тому лѣсы считать и съ лѣсъ хвоя вырубать и въ морѣ воду вынимать и около моря песокъ вызубать.“

Позволю себѣ привести еще одинъ видъ заговора скота, доставленный мнѣ учителемъ Водлозерскаго училища, при Ильинскомъ погостѣ, М. С. Стратонниковымъ, и найденный имъ у Водлозеровъ. Это старинная рукопись, находящаяся въ большомъ употребленіи у мѣстныхъ жителей. Заговоръ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды раскольничьяго вліянія. Привожу заговоръ буквально: слова, которыя за ветхостью рукописи нельзя было разобрать, отмѣчены точками.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, рабъ Божій, пастырь (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, отцомъ своимъ прощенъ и матерью благословенъ, выду на бѣлый свѣтъ, стану на мать сырую землю на востокъ лицемъ и на западъ хребтомъ, помолюсь я, рабъ Божій пастырь (имя рекъ), Господу Богу Саваоѳу Исусу Христу Сыну Божію и Приснодѣвы Маріи, Іоанну Предтечу Крестителю Христову, Михаилу Архангелу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ, Петру и Павлу, верховнымъ апостоламъ, и святому Николаю Чудотворцу, преподобнымъ отцамъ Зосимѣ и Савватію, соловецкимъ чудотворцамъ, и святому великому мученику Георгію храброму и святому священномученику Власію, епископу Севастинскому и всѣмъ небеснымъ силамъ со умиленіемъ припадаю молюся Вамъ, Господи, пособите и помогите и благословите и на путь спроводите меня, раба Божія пастыря (имя рекъ), съ моимъ милымъ скотомъ, съ крестьянскимъ животомъ, съ коровьимъ стадомъ почти..... во всѐ теплое лѣто и до бѣлое снѣгу, закройте и защитите и заградите и закрѣпите святыми своими божественными ризами ходячи волови по скотинѣ посеку по тропамъ и поухожамъ моимъ меня, раба Божія пастыря (имя рекъ), и мой милой скотъ крестьянской животъ, коровъ и быковъ, кладенныхъ и не кладенныхъ ..... и малыхъ и подтелковъ комолыхъ и рогатыхъ, домокормленыхъ и новоприведенныхъ, бѣлыхъ и черныхъ, бурыхъ и красныхъ, и пестрыхъ и всякую разношерстную скотину, отъ чернаго звиря и отъ бураго звиря широколапаго мидведя, отъ опрокидня отъ накостнаго отъ перехожалаго отъ волка и отъ волчицы рыскучей и отъ всякой зміи скорпіи и отъ всякаго злого и лихого человѣка пытощика и порченника, отъ пострѣлу ..... и повѣтрія и отъ всякаго ..... силы дьявольскаго нечистаго духа отъ ..... тущаго отъ постигающаго ..... видящаго отъ пола отъ старца отъ мужа отъ жены отъ парня отъ дѣвки отъ черноволоса отъ бѣловолоса отъ всякаго разнаго чина людей и отъ всякаго дьявольскаго нечистаго духа, и закрѣплю я, рабъ Божій ..... (имя рекъ), и заговорю свое вышеписанное коровье стадо, сколь крѣпко и твердо основаніе земное и ничто съ мѣста двинути не можетъ и коль крѣпко гробъ Господень на воздусе во святомъ градѣ Іерусалимѣ и сколь крѣпокъ и жестокъ синій камень въ окіянѣ морѣ не крошится и не колется и не родится и не котится и не ро-

Digitized by Google

дится и столь крѣпокъ и жестокъ сей мой буде вышеписанный заговоръ кругомъ моего вышеписаннаго коровья стада вѣкъ по вѣку. Аминь, аминь, аминемъ заключается, о пречистая госпоже Богородице Мати Христова, какъ заграждала закрывала сына своего господа Исусо Христа въ граде Виѳліемѣ Іудейстемъ отъ Ироды .... безбожнаго и такъ закрой и защите и загради и закрѣпи Святой Своей ризою нетлѣнною меня, раба Божія пастыря (имя рекъ), и мой милый скотъ, крестьянскій животъ, любимое мое коровье стадо коровъ и быковъ и не телей и малыхъ подтелковъ, комолыхъ и рогатыхъ кладенныхъ и не кладенныхъ, домокормленныхъ и недомокормленныхъ и новоприведенныхъ, бурыхъ и красныхъ и пестрыхъ и всякую ..... ходячи въ мірѣ и по скотамъ и тропамъ и по ухожамъ моимъ отъ чернаго звиря отъ бѣлаго звиря широколапаго мидведя ..... пакостника переходня и отъ волка и отъ волчицы рыскучей и отъ всякой зміи скорпіи и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка .... и отъ всякаго дьявольскаго нечистаго духа .... по вѣку Аминь Аминемъ залѣчуся ..... О пречистый царь Господи, сошли, Господи, съ небесъ святаго пророка Божія Илію на огненной колесницѣ съ громомъ и молніею и со стрѣлою кременною, чтобы жгло и ранило и стрѣлою отстрѣливало изъ моей поскотины, и отъ моего вышеписаннаго коровья стада чернымъ и дивнымъ и разнымъ разношерстнымъ звѣрямъ и мидведямъ моего вышеписаннаго коровья стада вѣкъ по вѣку не видать. Аминь, Аминь Аминемъ заключается. О пресвятый царь Господи, нашли, Господи, злыхъ лютыхъ тридевять мяеденскихъ кобелей—съ вострыми ногтями съ желѣзными зубами чтобъ прогоняли ..... отъ скотины и осеку отъ моего ..... коровья стадо старожили .... и разныхъ разносильныхъ и разношерстныхъ звѣрей и мидведей ..... синемъ морѣ на дикой лѣсъ тамо ..... зеленую ту рѣку ..... болотную воду сломайте и ворочайте пенье ..... и дикое каменье, а у меня, раба Божія пастыря имя рекъ, въ моей поскотинѣ и осеку нѣтъ вамъ килатую кидяры вѣкъ по вѣку а кажись мой милый скотъ ..... вышеписанное мое коровье стадо въ моей поскотинѣ и осеку по тропамъ и по ухожамъ моимъ чернымъ и дикимъ и различнымъ звѣрямъ и мидведямъ ..... лѣсомъ, при горѣ горой, при камени каменемъ, при травѣ травой, при водѣ водой, при грязи грязь вѣкъ .... Аминь Аминь Аминемъ заключается. Сбирайся, милъ народъ православный, къ звону колокольному къ пѣнью церковному, къ отцу духовному и какъ собираются муравьевы дѣти со всѣ четыре стороны къ всякой ночи къ Царю своему Муравью, служатъ ему и слушаютъ его всегда, и какъ летаются медовые пчелы по гнѣздамъ своимъ и къ дѣтямъ ко всякой ночи и гнѣздъ своихъ не забываютъ и дѣтей своихъ не покидаютъ и какъ стекаются ..... источники со всей святой русской земли въ одно синее море и такъ бы мой вышеписанный скотъ любимый мое коровье стадо ..... меня раба Божія пастыря имя рекъ шли-бъ ..... и въ одно мѣсто стекалися ..... и на трусья .... изъ лѣсовъ, изъ мховъ, изъ болотъ и рѣкъ, изъ ручьевъ .... черныхъ грязей .... вковце въ ветхъ въ переходное мѣсяца и въ меженные дни и во всякое время шли-бъ дружка отъ дружку не останаваючись безопасно .... ко всякой ночи къ домамъ, къ хозяевымъ и къ дѣткамъ своимъ, вѣкъ по вѣку аминь, аминь, аминемъ заключается. Да будетъ на меня, раба Божія пастыря имя рекъ, и на мой милый скотъ, крестьянскій животъ, любимое мое коровье стадо какой злой и лихой человѣкъ подумаетъ зло лихо. ..... или какое врождевное и у того бы порченника ..... языкъ воротило, жилы со лба спрыгнулибъ и подколѣнное жилье рвало, чтобы ему супостату порченнику и пытащику въ день покоя а въ ночь усыпу не было и до смертнаго его часу буди, Господи, во вѣки вѣковъ аминь, аминь, аминьемъ заключается, о пресвятый Господи ... съ умиленіемъ припадаю .... постави, Господи, меня, раба Божія пастыря имя рекъ, и около моей поскотинѣ и около моего милаго вышеписаннаго коровья стада и коровъ и быковъ и нетелей и малыхъ подтелковъ, комолыхъ и рогатыхъ и домокормленныхъ и новоприведенныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, бурыхъ и красныхъ и пестрыхъ и околь всякой разношерстной скотины и около всего моего вышеписаннаго закрѣпною ..... вору ..... постави еси стѣну каменную глубиною три сажени въ землю а вышиною до небеси а кругомъ стѣны завали, Господи, землею матерью а кругомъ валу земляного проведи, Господи, рѣку огненную глубиною ... и повели, Господи, тѣ вышеписанныя ... и стѣну каменную и замкнуть заложить стѣну ..... Петру златыми его ключами да нести .... ключи къ самому Господу Исусу Христу Сыну Божію на престолъ, подъ святую его нетлѣнную одежду и какъ сего замки ..... люди не видятъ въ моей поскотинѣ и осеку моего вышеписаннаго ко-

Digitized by Google

ровья стада чернымъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Этотъ обычай обходить скотину съ отпускомъ очень распространенъ среди крестьянъ Олон. губ., не только Пудожскаго, но и другихъ уѣздовъ. Такъ, въ уѣздѣ Вытегорскомъ, по словамъ В. Реброва *), пастухи покупаютъ отпускъ и тщательно хранятъ его, чтобы чужія руки не коснулись этой рукописи: вслѣдствіе такого прикосновенія отпускъ можетъ потерять свою силу. Они прячутъ его либо въ своей свирѣли, либо въ фуражкѣ, либо въ глубинѣ дремучаго лѣса, вмѣстѣ съ шерстью отъ каждой головы пасомаго ими скота.

Само чтеніе этого отпуска сопровождается еще лишнимъ обрядомъ: скотъ окропляютъ водой, взятой изъ трехъ ключей. Если пастухъ безграмотенъ, то въ Вытегорскомъ уѣздѣ приглашается для этого грамотный, который и обходитъ стадо, читая заговоръ, и окропляетъ скотъ. „По прочтеніи молитвы **) и окропленіи стада, пастухъ принимаетъ остатки воды и рукопись отъ чтеца и въ свою очередь тоже кропитъ его водою, боясь, чтобы онъ чего-либо не похитилъ изъ молитвы, удаляется въ лѣсъ и тамъ прячетъ принадлежащую ему молитву, гдѣ вздумается; остатки же воды или выпиваетъ, или же изливаетъ на землю подъ камень".

Этихъ интересныхъ подробностей мнѣ не удалось узнать въ Пудожскомъ уѣздѣ. И обычай окропленія скота водой, взятой изъ трехъ ключей, и боязнь, что чтецъ, не окропленный той же водой, какъ и обойденный имъ скотъ, можетъ похитить часть силы молитвы, дышатъ такой отдаленной эпохой, такими свѣжими воспоминаніями того времени, когда вода считалась священной, что какъ-то невольно переносишься въ гораздо болѣе отдаленныя отъ насъ времена; эти обряды рисуютъ случайно сохранившееся переживаніе очень далекаго отъ насъ быта и я поэтому позволилъ себѣ подробнѣе остановиться на нихъ.

Въ Пудожскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ его частяхъ, по крайней мѣрѣ, соблюдаются при обходѣ скота слѣдующіе обряды: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ читается первый изъ приведенныхъ мною заговоровъ, наблюдаются при обходѣ скота слѣдующія формальности: скотъ загоняютъ во дворъ или въ загородку и съ иконой и зажженной восковой свѣчей въ рукахъ обходятъ скотъ по солнцу 3 раза. Затѣмъ изъ свѣчи дѣлаютъ три шарика и, по прочтеніи заговора, приклеиваютъ изъ за воротъ, затѣмъ бросаютъ.

Тамъ, гдѣ употребителенъ второй заговоръ, пастухъ также дѣлаетъ три шарика изъ воска и приклеиваетъ ихъ къ иконѣ; за иконой же хранится и отпускъ. Въ иныхъ случаяхъ каждая домохозяйка дѣлаетъ это для себя и своего скота. Въ шарики закатывается подчасъ немного шерсти, срѣзанной отъ каждой выгоняемой на пастьбу коровы. Эти восковые шарики домохозяйки хранятъ за иконами и, по окончаніи пастьбы, спускаютъ либо въ рѣку, либо въ озеро. Тамъ, гдѣ шарики катаетъ самъ пастухъ, спусканіе шариковъ въ воду производится имъ самимъ по окончаніи пастьбы.

Когда читаютъ третій видъ заговора, то, по словамъ рукописи, слѣдуетъ при прочтеніи отпуска „взять отъ всякой скотины изъ уха сѣры въ чистый воскъ закатать да ключъ съ замкомъ, да съ муравейника земли, съ которой четыре дороги, и около скота... да кругомъ обойти... трижды по солнцу на все на то наговаривать трижды; воску положить на обѣ стороны воротъ, ключъ на сторону: на другую—замокъ, на обѣ стороны воротъ земли положить: на сторону воротъ; на другую ножикъ.. (конецъ рукописи испорченъ).

Хотя въ этихъ обрядахъ мы и не видимъ тѣхъ архаизмовъ, какъ въ обрядахъ, употребляемыхъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, такъ какъ здѣсь вліяніе христіанства повидимому отразилось сильнѣе на измѣненіи суевѣрныхъ обрядовъ населенія, тѣмъ не менѣе и здѣсь мы замѣчаемъ также остатокъ мышленія первобытнаго человѣка: вѣра въ то, что собранная часть шерсти, закатанная въ шарики изъ воска и сберегаемая за иконой, спасаетъ все стадо, что отданная подъ непосредственное покровительство иконы pars pro toto, что шарики и шерсть, сберегаемые и отъ дурного глаза и вліянія злого человѣка самой иконой сохраняетъ достояніе крестьянина,—дышитъ такимъ архаизмомъ, такой далекой эпохой, что какъ-то странно встрѣтить его среди сравнительно развитого населенія Пудожскаго уѣзда.

Какъ отдаленное воспоминаніе культа воды, сохранился обрядъ бросанія этихъ шариковъ, по окончаніи пастьбы, въ воду. Это можетъ быть, впрочемъ, объяснено двумя способами: либо какъ вещь священную, лежавшую за иконами, шарикъ нельзя выбросить просто на улицу и во дворъ, гдѣ его могутъ попирать

*) „Олонецкій Сборн.", вып. 1886 г.

**) В. Ребровъ не дѣлаетъ различія между заговоромъ и молитвой.

Digitized by Google

ногами; либо эти шарики являются предметомъ, съ которымъ связано какое-либо суевѣрное представленіе. Взглядъ, что вещь священную нужно уничтожить либо посредствомъ огня, либо воды, либо погребенія въ землю, однимъ словомъ, при помощи такъ назыв. „чистыхъ стихій“, какъ извѣстно, очень распространенъ въ народѣ. Извѣстно, что, напримѣръ, испортившіяся иконы не бросаютъ, а либо сожигаютъ, либо погребаютъ, либо спускаютъ въ воду.

Объ обычаѣ пускать старую ненужную икону упоминаютъ и древніе писатели о Россіи. Въ самой Москвѣ этотъ обычай сохранился до послѣдняго времени. Тоже дѣлаютъ съ просфорой, высохшей и неудобосъѣдаемой: ее даже въ Москвѣ до послѣдняго времени бросали въ колодцы. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ обрядахъ сохранилось, какъ переживаніе, темное воспоминаніе о водѣ, которая наиболѣе достойна принять священный предметъ, такъ, быть можетъ, это же воззрѣніе лежитъ въ основаніи обряда бросанья упомянутыхъ восковыхъ шариковъ въ озеро.

Быть можетъ и другое соображеніе обусловливаетъ вышеупомянутый обрядъ: извѣстно по народнымъ повѣріямъ, что для того, чтобы „испортить“, погубить человѣка или животное, нужно, чтобы желающій погубить имѣлъ въ своихъ рукахъ кусокъ одежды обрекаемой на погибель жертвы, или вообще что-нибудь, что составляло-бы необходимую принадлежность данной личности или животнаго. Естественно, что человѣкъ, находящійся на низкой степени развитія, боится, что, если шерсть животнаго или кусокъ одежды или часть волосъ кого-либо, порчи котораго онъ не желаетъ, попадется въ руки человѣка, могущаго „навести порчу“, что такимъ образомъ все его достояніе, самое дорогое изъ всего его имущества, даже, онъ самъ, можетъ подвергнуться опасности быть испорченнымъ. Отсюда и обычай сожигать или бросать въ воду, напр. срѣзанные волосы, ногти и т. д.

Будучи брошены въ воду, они затериваются и для колдуна, для человѣка злого нѣтъ возможности получить ихъ. Этимъ, быть можетъ также объясненъ обычай бросать шарики съ шерстью отъ коровъ въ воду, чтобы никто не могъ ихъ найти и заклятіями и заговорами надъ ними, причинить вредъ находящемуся въ домѣ скоту.

Какъ-бы то ни было, но ни молитва, которой начинается „отпускъ“, ни такія предосторожности, какъ положеніе отпуска и шариковъ за иконы не считаются жителями Пудожскаго уѣзда достаточными, чтобы „оберечь“ свой скотъ отъ лѣсовика или лѣсного царя. Маленькая упущенная формальность, случайно невѣрно произнесенное слово можетъ уничтожить всю силу заговора, и лѣсной царь, гнѣваясь на лицъ, желавшихъ силой заговора и обрядовъ ограничить его власть надъ скотомъ, нашлетъ намѣренно больше дикихъ звѣрей на стадо и большее количество коровъ заведетъ въ глубину лѣса, къ себѣ. Поэтому-то лучше дружить съ лѣснымъ божествомъ. Благодаря этому, пастухи предпочитаютъ заключать договоръ съ лѣсовикомъ, по которому ему предоставляется право взять къ себѣ извѣстную часть скота (обыкновенно, впрочемъ, не больше одной, двухъ коровъ).

За это лѣсовикъ обязанъ оберегать стадо. Этотъ договоръ съ лѣсовикомъ считается очень грѣховнымъ, но и на него соглашаются крестьяне, лишь бы ихъ стадо оставалось цѣлымъ. Договоръ заключается при посредствѣ строго опредѣленной формулы—заговора, изъ котораго нельзя выкидывать ни слова.

Дѣйствительно не всѣ пастухи знаютъ какъ это сдѣлать; а тѣ, которые знаютъ, хранятъ эту тайну и не всегда рѣшаются говорить объ этомъ односельчанамъ. Нѣкоторые крестьяне также знаютъ слова заговора, но боятся разсказывать его. Этимъ-то страхомъ сообщить вещь, которая считается столь грѣховной, и объясняется, что до сихъ поръ этотъ заговоръ не проникалъ въ печать; этимъ-же объясняется, что крестьяне, сообщавшіе намъ объ этомъ договорѣ съ лѣсовикомъ, всѣ, поголовно, отзывались незнаніемъ словъ заговора, ни за что не соглашались открыть намъ слова его.

Въ виду возможности заключить съ лѣсовикомъ подобный договоръ и является существенно необходимымъ при пропажѣ скота изъ стада узнать, пропала-ли она по „шалости“ лѣсовика или была пропавшая скотина ему завѣщана Чтобы узнать это, обращаются къ лицамъ, которыя, по мнѣнію населенія, „знаются съ лѣсовикомъ“,—„есть такіе люди“, прибавляютъ обыкновенно при этомъ.

Эти люди обыкновенно отправляются въ лѣсъ, становятся на перекресткѣ и свищутъ. Лѣсовикъ приходитъ на свистъ. „Человѣкъ, который знается съ лѣсовикомъ“, спрашиваетъ его, что пропавшая скотина была ему завѣщана или нѣтъ. Если она была завѣщана, то хозяину пропавшей скотины остается лишь примириться съ своимъ горемъ: ничто не можетъ помочь ему вернуть скотины (корову или лошадь), уведенную лѣсовикомъ. Другое дѣло, когда лѣсовикъ по

Digitized by Google

хитить у него скотину ему не завѣщанную.

Потерпѣвшій узнавъ отъ того' „кто съ лѣсовикомъ знается", что онъ можетъ вернуть пропавшую скотину, такъ какъ она лѣсовику завѣщанной не была, совершаетъ то жертвоприношеніе, о которомъ я уже говорилъ выше. Хозяинъ пропавшей скотины, взявъ завернутое въ тряпку или бумажку яйцо, отправляется въ лѣсъ на перекрестокъ и, положивъ на лѣвую руку яйцо (иногда и ржаныя лепешки), произноситъ слѣдующія слова: „ Кто этому мѣсту житель, кто настоятель, кто содержавецъ тотъ возьмите даръ, возьмите и домой скотинку спустите, нигдѣ не задержите, не за рѣками, и не за ручьями, и не за водами"; онъ оставляетъ яйцо на перекресткѣ для лѣсного царя. Скотина послѣ этого должна найтись.

Таковъ въ общихъ чертахъ культъ лѣсного божества. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ чертахъ лѣсовика, которыя мы можемъ встрѣтить почти во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ великорусскимъ племенемъ, отмѣчу лишь то, что въ наиболѣе развитой формѣ этотъ культъ является среди жителей, населяющихъ берега оз. Купецкаго и въ близъ лежащихъ отъ него деревняхъ. Этотъ культъ сохранился здѣсь наиболѣе цѣльнымъ не оттого, что лѣса, окружающіе это озеро, болѣе дремучи, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ уѣзда, не оттого, что городская культура здѣсь оказала меньшее дѣйствіе, чѣмъ въ другихъ деревняхъ. Напротивъ того, во многихъ частяхъ уѣзда лѣсъ заполонилъ большее пространство земли, болѣе дремучимъ растянулся онъ по берегамъ озеръ и по кряжамъ горъ. Городская культура болѣе чѣмъ въ большинствѣ другихъ частяхъ уѣзда оказала свое дѣйствіе. Вѣрнѣе будетъ искать причину сохраненія культа лѣсовика въ самой жизни крестьянина, поселившагося издревле на Купецкомъ озерѣ.

Главное занятіе его хлѣбопашество; рыболовство уступаетъ ему первенство, такъ какъ само Купецкое озеро съ прилежащимъ къ нему Тягозеромъ не велики (первое 4—5 в. шир. и приблизительно такой-же длины; второе 6—7 вер. длины) и не въ состояніи обезпечить жителей рыбой. Хлѣбопашество, какъ я уже сказалъ, требуетъ отъ мѣстнаго крестьянина усиленной борьбы съ лѣсомъ. Проводя почти все лѣто въ лѣсу, крестьянинъ невольно сживается съ нимъ. Дѣло въ томъ, что въ виду того, что лядины отстоятъ иногда верстъ за 15 — 20 отъ деревни, крестьяне, запасшись провизіей на недѣлю, отправляются утромъ рано въ понедѣльникъ, пробываютъ въ лѣсу цѣлую недѣлю и лишь въ субботу вечеромъ возвращаются домой. И такъ почти все лѣто.

Неудивительно поэтому, что лѣсъ долженъ былъ оказать наиболѣе сильное вліяніе на воображеніе крестьянина данной мѣстности, что изъ духовъ, населяющихъ, по вѣрованіямъ крестьянъ землю,—лѣсовикъ, какъ наиболѣе близкій, долженъ былъ пользоваться и наибольшимъ почетомъ, что культъ его наиболѣе развился.

Понятно поэтому также, что въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ рыболовство занимаетъ первое мѣсто въ экономическомъ быту крестьянина, гдѣ ему приходится не столько проводить время въ лѣсу, сколько на волнахъ озеръ, что въ такихъ мѣстностяхъ культъ лѣсного духа долженъ былъ отойти на второй планъ.

Къ такимъ относятся жители береговъ оз. Водлозера. Близость этого послѣдняго, имѣющаго 60 в. длины и 40 в. шир., изобилующаго при этомъ рыбой, должно было повліять на занятія мѣстныхъ жителей, которые и являются съ давнихъ временъ рыболовами, и лишь отчасти хлѣбопашцами. Поэтому естественно, что культъ духа лѣсного не могъ здѣсь развиться, но за то также естественно, что именно здѣсь, гдѣ большая часть дня крестьянина проходитъ на озерѣ, которое, какъ и всѣ озера сѣвера, крайне непостоянно, долженъ былъ развиться культъ вѣтра и духа воды. То стоитъ тишь и ловъ идетъ удачно, то вдругъ подуетъ сѣверикъ и рыбы не станетъ. „Сѣверикъ подуетъ—изъ котла рыбку повынетъ", говорятъ водлозёры, желая указать зависимость главнаго источника ихъ дохода отъ случайныхъ перемѣнъ вѣтра.

Поэтому здѣсь, на Водлозерѣ, является антропоморфизація вѣтровъ, если и не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, главнаго и самаго опаснаго для крестьянина-сѣверика. Это старикъ, и старикъ суровый. Вѣтры то помогаютъ, то препятствуютъ плавающему на озерѣ рыболову. Они ѣдутъ на тройкахъ и дуютъ, поднимая то попутный, то встрѣчный вѣтеръ. Употребительно у водлозёровъ заклинаніе вѣтра, которое мнѣ не приходилось встрѣчать въ другихъ мѣстностяхъ Пудожскаго уѣзда. Если вѣтеръ попутный, но дуетъ слишкомъ вяло, такъ что парусъ не надувается, водлозёры произносятъ слѣдующее заклинаніе:

Сивушки-бурушки,
Вѣщіе вороняюшки
Пособите, дружки,
Помогите.
Какъ моего дѣдушку слухали,

Digitized by Google

Этотъ островъ считается священнымъ: онъ поросъ лѣсомъ и рубить этотъ лѣсъ считалось грѣховнымъ и опаснымъ, такъ какъ, если сама убитая Чудь и не вступится непосредственно за свои права, то она впослѣдствіи такъ или иначе должна была отомстить оскорбившему ея святыню. Какъ ни украшено это преданіе о Чуди поэтическими арабесками, все-таки, за рядомъ вымысловъ, мы можемъ замѣтить, что основаніемъ этого разсказа послужило воспоминаніе о бывшей здѣсь нѣкогда битвѣ, и вѣроятно битвѣ съ народомъ мало знакомымъ съ предками современныхъ водлозеровъ, такъ какъ остальныя воспоминанія о битвахъ деревни съ деревней или союза нѣсколькихъ деревень съ другимъ подобнымъ же союзомъ ярко запечатлѣлись въ памяти жителей.

Какъ бы то ни было оба водяные являются совершенно самостоятельными господами, каждый въ своей части озера. Они то дружатъ другъ съ другомъ, то враждуютъ. Въ настоящее время оба водяные породнились. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ преданіе: у водяного ильинскаго была дочь; за ней сватались водяной пречистенскій и водяной,— владѣлецъ Кенозера, которое въ ту отдаленную эпоху было соединено съ Водлозеромъ. Какъ пречистенскій, такъ и кенозерскій водяные часто навѣщали ильинскаго. Кенозерскій водяной первый посватался и ему отказали. Посватался затѣмъ пречистенскій водяной и старикъ — ильинскій отдалъ за него свою дочь. Кенозерскій разсердился, ушелъ къ себѣ въ озеро и, чтобы никогда не ходить больше въ Водлозеро, засыпалъ большими каменьями дорогу; съ тѣхъ поръ Кенозеро не сообщается больше съ Водлозеромъ. Отправляя свою дочь къ зятю, къ пречистенскому погосту, ильинскій водяной далъ ей въ приданое много золота и драгоцѣнностей и, наконецъ, цѣлый островъ изъ своихъ владѣній послалъ вмѣстѣ съ дочерью въ ея новое жилище. Этотъ островъ лежалъ прежде недалеко отъ рѣки Илексы и, ведомый пѣтухомъ, прибылъ къ деревнѣ Большой Кулъ-Наволокъ, недалеко отъ которой онъ остановился. Вѣщій пѣтухъ затѣмъ улетѣлъ, а островъ стоитъ до сихъ поръ и прозванъ въ память того, что его привезъ пѣтухъ, Пѣтуньимъ островомъ.

Кстати замѣтить, что понятіе о пѣтухѣ какъ о птицѣ вѣщей, сохранилось у народа, на протяженіи всего Пудожскаго уѣзда, до

ляло и весь современный Пудожскій уѣздъ и было вытѣснено новыми пришельцами быть можетъ также финскаго или русскаго происхожденія.

вольно ясно. Онъ, между прочимъ, помѣщается въ рязрядъ птицъ, ѣсть которыхъ грѣшно.

Что касается жертвоприношеній водяному, то мнѣ не удалось открыть ихъ; но не безъинтересенъ тотъ фактъ, что водлозёры, проѣзжая черезъ проливы, въ которыхъ живутъ водяные, отвѣшиваютъ глубокіе поклоны водяному царю, снимая шапку. Большинство проѣзжаетъ съ суевѣрнымъ страхомъ и радостно крестится, когда проѣздъ совершился благополучно.

Но указывая и оттѣняя, что водяной особенно чтится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жизнь жителя тѣсно связана съ этой стихіей, а культъ лѣсовика, тамъ, гдѣ подсѣчное хозяйство является *главнымъ* подспорьемъ въ жизни крестьянина, я отнюдь не хочу сказать, что культъ водяного отсутствуетъ у послѣдней категоріи крестьянъ, а культъ лѣсовика у крестьянъ первой категоріи. И то и другое божество чтится повсемѣстно, но въ разныхъ степеняхъ.

Такъ, на Водлозерѣ, гдѣ развитъ особенно культъ водяного, чтится и лѣсовикъ. Послѣднему также какъ и на озерѣ Купецкомъ приносятъ жертвоприношенія въ случаѣ пропажи скота. Это понятно: водлозёры также занимаются хлѣбопашествомъ въ лѣсахъ и до послѣдняго времени оно являлось все-таки важнымъ подспорьемъ въ ихъ хозяйствѣ. За нѣсколько лѣтъ жители стали обращаться главнымъ образомъ къ рыболовству. Поэтому культъ лѣсовика не исчезъ, но онъ отступилъ лишь на второй планъ; культъ же водяного занимаетъ первое мѣсто въ вѣрованіяхъ крестьянъ, поэтому - то водяной пользуется меньшимъ почетомъ у жителей озера Купецкаго, чѣмъ у водлозёровъ и наоборотъ, водлозёры меньше почитаютъ лѣсовика, чѣмъ обитатели Купецкаго озера.

Лучшимъ подтвержденіемъ того, что даже на Купецкомъ озерѣ, гдѣ роль водяного низведена до minimum'a – воспоминаніе о водяномъ царѣ все-таки очень сильно, служитъ слѣдующая молитва, которую читаютъ всякій разъ, когда берутъ воду для лѣченія ею больного.

„Бережокъ батюшка, водушка матушка, *царь водяной и царица водяная съ малыми дѣтьми, съ приходящими гостями*, благословите воды взять не ради хитрости, не ради мудрости, но ради добра и здоровья рабу Божію". На Водлозерѣ, гдѣ культъ лѣсовика стоитъ сравнительно съ озеромъ Купецкимъ очень низко, молитва, которую читаютъ при черпаніи воды для больного гласитъ такъ:

„Царь земной и царица земная и царь во-

Digitized by Google

дяной и царь лѣсной, благословите водушки взять не ради хитрости, не ради мудрости, для добраго здоровья раба Божія". Обѣ эти молитвы важны, какъ доказательства того, что въ общемъ божества у всѣхъ жителей уѣзда одинаковы, лишь степень поклоненія каждаго изъ нихъ зависитъ отъ условій быта. Поэтому, хотя въ молитвѣ, читаемой на Купецкомъ озерѣ и не поминается царь лѣсной, а въ той, которая читается на Волдозерѣ, онъ поминается, — все-таки культъ водяного занимаетъ главное мѣсто у водлозёровъ, а культъ лѣсовика на Купецкомъ озерѣ. Приведенныя выше слова молитвы интересны для насъ еще тѣмъ, что здѣсь встрѣчается упоминаніе о земномъ царѣ и земной царицѣ. Понятіе объ этихъ двухъ божествахъ земли, объ ихъ дѣятельности и отношеніи къ людямъ, у крестьянъ тѣхъ мѣстностей по крайней мѣрѣ, гдѣ эти молитвы записаны, намъ не удалось открыть.

Повидимому, въ настоящее время эти представленія о божествахъ земли совершенно исчезли изъ народной памяти и лишь въ видѣ переживанія ихъ имена сохранились въ молитвахъ, свидѣтельствуя о древности ихъ также, какъ это дѣлаютъ и олицетворенія берега и воды, встрѣчающіяся въ этой молитвѣ („бережокъ-батюшка, водушка-матушка"). Что касается этихъ послѣднихъ олицетвореній, то и они для современнаго пудожанина утратили истинное свое значеніе и служатъ въ настоящее время лишь формой, значеніе которой крестьяне не понимаютъ. Но безспорно, что въ тѣ отдаленныя времена, когда культъ языческихъ божествъ былъ еще крѣпокъ, эти олицетворенія имѣли для крестьянина свое буквальное значеніе.

Не останавливаясь болѣе на водяномъ, перейду теперь къ тѣмъ божествамъ и духамъ, которые связаны съ жилищемъ пудожанина какъ съ его очагомъ, такъ и постройками, такъ или иначе необходимыми ему въ его хозяйствѣ; къ этимъ духамъ относятся: дворовой, подполянникъ, запеченникъ, жихарь, овинянникъ, хлѣвный и баенникъ. Изъ нихъ четыре первые живутъ въ домѣ; хлѣвный—въ хлѣвѣ, овинянникъ—въ овинѣ, и баенникъ – въ банѣ. Подробно на этихъ домашнихъ духахъ я останавливаться не буду какъ по малому количеству данныхъ, имѣющихся у меня подъ руками, такъ и благодаря безъинтересности этого культа у подожанъ. Всѣ домашніе духи, какъ дворовой (иногда назыв. домовымъ), подполянникъ и запечникъ имѣютъ, какъ извѣстно, въ своемъ происхожденіи связь съ домашнимъ очагомъ, но эта связь въ настоящее время утратилась и утратилась при томъ на столько, что мы почти-что лишь по аналогіи можемъ судить, что современныя вѣрованія въ этихъ домашнихъ духахъ — не болѣе, какъ слабые слѣды древняго поклоненія предковъ. Дворовыхъ поселяютъ въ подпольѣ. Ихъ число бываетъ равно числу членовъ семьи; они управляются большакомъ; есть у нихъ большуха, есть и дѣти. Дворовые живутъ, какъ обыкновенные люди: они ѣдятъ, пьютъ, женятся. Однимъ словомъ, проводятъ въ своемъ подпольѣ время также, какъ крестьянинъ въ избѣ. Большакъ-дворовой обыкновенно называемый „избенный большакъ" пользуется въ своей подпольной семьѣ такимъ-же объемомъ власти, какъ и крестьянскій большакъ: „что онъ прикажетъ дѣлать, то и дѣлаютъ".

Дворовой является людямъ, и видъ его описывается либо какъ обыкновенный человѣческій, либо также „почернѣе" обыкновенныхъ людей. Съ нимъ можно вступать и въ разговоръ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ одной крестьянки, деревни Авдѣевской: „мужикъ разъ лежитъ себѣ ночью. Видитъ вдругъ вошла баба съ зыбкою. Повѣсила зыбку, а сама у печки грѣться стала: А-а-а! говоритъ, холодно! а сама зыбку качаетъ. Испугался мужикъ, взялъ да и зажегъ спичку. Она сейчасъ въ дверь и зыбку съ собой взяла. Потушилъ мужикъ огонь—лежитъ. Вошелъ самъ-то дворовой—говоритъ: „жалко тебѣ избы стало, что-ли? не пустилъ бабу обогрѣться" Онъ мужъ ея былъ, знать. Мужикъ опять зажегъ спичку и тотъ въ ходъ пустился". Этотъ разсказъ, ярко рисующій намъ дворового, интересенъ между прочимъ тѣмъ, что и онъ и его жена какъ-бы боятся свѣта, словно они не совсѣмъ „чисты" и какъ духи нечистые отъ зажиганія огня мгновенно удаляются.

Но это представленіе о дворовыхъ, какъ о существахъ не совсѣмъ чистыхъ, является лишь обезображеніемъ древнихъ вѣрованій, обезображеніемъ, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ въ отношеніи къ домашнимъ духамъ почти повсемѣстно въ Великороссіи, гдѣ домовой также чаще представляется злымъ, чѣмъ добрымъ. Но въ другихъ мѣстахъ Пудожскаго уѣзда, какъ напримѣръ, на Кенозерѣ, дворовой является скорѣе духомъ свѣтлымъ, котораго боится нечистая сила. Тамъ, какъ впрочемъ и во многихъ мѣстахъ уѣзда, при входѣ въ лѣсную избушку для ночевки считается необходимымъ произнести слѣдующую молитву, какъ сами крестьяне называютъ это обращеніе къ дворовому лѣсной избы:

„Большачекъ и большушка, благословите

Digitized by Google

ночевать и постоять раба Божія (имя рекъ)". Уже то, что при обращеніи къ дворовому употребляются слова «рабъ Божій» доказываетъ, что дворовой не считается мѣстнымъ населеніемъ въ числѣ, такъ называемой, „нечистой силы". Кромѣ того существуютъ и разсказы, изъ которыхъ явствуетъ, что онъ, дворовой, охраняетъ отдавшихся подъ его покровительство лицъ отъ вторженія нечистой силы и наоборотъ отказываетъ въ покровительствѣ тѣмъ, которые упомянутой молитвы не читаютъ.

Приведу для примѣра одинъ изъ такихъ разсказовъ: „Мужикъ одинъ вошелъ въ избушку лѣсную ночевать, да не благословясь. Лежитъ онъ себѣ, а въ углу у печки видитъ стоитъ себѣ лѣшій—большой такой, согнулся въ избушкѣ, грѣется: „А-а а". Мужикъ, знать, печку-то не благословясь затопилъ. Вѣдь, какъ никого нѣтъ въ избушкѣ то, такъ они и налѣзутъ туда, нечисть-то". Изъ этого разсказа слѣдуетъ, что благословись мужикъ, т. е. прочитай онъ упомянутую молитву дворовому, тотъ оградилъ-бы его отъ вторженія въ избу лѣшаго, который въ мѣстности, гдѣ записанъ этотъ разсказъ, именно Кенозеро, дер. Вершинино, считается въ разрядѣ нечистой силы. И такъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ, хотя и отдаленное воспоминаніе о дворовомъ, какъ о благодѣтельномъ духѣ, покровителѣ жилища—воспоминаніе, которое въ большинствѣ мѣстностей уѣзда окончательно уступило мѣсто другому воззрѣнію на дворового, какъ на духа суроваго, на духа не совсѣмъ „чистаго".

Кстати, отмѣтить при этомъ извѣстную странность. Между тѣмъ какъ въ лѣсной избушкѣ живетъ, повидимому, одинъ дворовой съ женой—въ избахъ населенныхъ ихъ столько, сколько членовъ семьи, хотя крестьянамъ и неизвѣстно, умираетъ-ли дворовой по смерти одного изъ членовъ семьи.

Объясненія соотношенія числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи также нѣтъ никакого. Вообще въ этомъ представленіи царствуетъ какая-то неопредѣленность, какое-то смѣшеніе понятій. Мнѣ кажется, что въ видѣ гипотезы, это соотношеніе числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи, въ виду ея неопредѣленности, могло-бы быть объяснено слѣдующимъ путемъ: вѣра въ дворовыхъ, какъ они являются повсюду, произошла, какъ извѣстно, отъ вѣрованія, что души умершихъ предковъ продолжаютъ жить въ домѣ: чѣмъ больше предковъ умершихъ, тѣмъ больше и дворовыхъ; предокъ, основатель рода и является въ такомъ случаѣ большакомъ своихъ, пришедшихъ къ нему послѣ смерти потомковъ.

Таково первоначальное вѣрованіе и, быть можетъ, впослѣдствіи, когда вѣра въ предковъ утратилась, явилось необъяснимымъ для крестьянина произвольное и не одинаковое у всѣхъ домохозяевъ число дворовыхъ и онъ, стремясь выйти изъ этого затрудненія, опредѣлилъ число дворовыхъ равнымъ числу членовъ семьи, такъ что каждый изъ членовъ семьи имѣетъ своего покровителя *).

Лишь съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ христіанства, дворового стали считать силой „нечистой", „черной". Если кто пожелаетъ увидѣть двороваго - стóитъ ему лишь надѣть хомутъ на себя, причемъ этимъ способомъ можно узнать о будущемъ. Вотъ разсказъ одной крестьянки о томъ, какъ лицо ей знакомое, видѣло дворового. Передаю ея разсказъ вкратцѣ. Одна изъ двухъ подругъ-дѣвушекъ сѣла въ большой уголъ, между тѣмъ какъ другая влѣзла на печку и стала смотрѣть сквозь хомутъ. Вдругъ она увидѣла двухъ страшныхъ „черныхъ" мужиковъ, которые несли гробъ: они поставили гробъ въ большой уголъ. Это и были дворовые. Дѣвушка такъ испугалась, что упала съ печки. „А та дѣвушка, прибавила разскащица, что въ большомъ углу сидѣла, въ тотъ годъ умерла".

Болѣе интереснымъ является другой способъ увидѣть дворового: надо спуститься на 3-ю ступень внутренней лѣстницы, ведущей въ хлѣвъ и нагнувшись посмотрѣть промежъ ногъ. Дѣвушки дѣлаютъ это обыкновенно на святкахъ, чтобы въ лицѣ дворового увидѣть своего суженнаго. При помощи этого же способа можно увидѣть и подполянника, съ которымъ очень часто смѣшиваютъ дворового. Онъ также живетъ въ подпольѣ; ихъ также нѣсколько въ домѣ и подпольная жизнь ихъ ничѣмъ не отличается отъ жизни крестьян-

*) *Примѣч.* Не безынтересенъ слѣдующій фактъ, сообщенный мнѣ П. М. Богаевскимъ, касающійся собственно Сарапульскихъ Вотяковъ, но могущій до извѣстной степени подтвердить только что высказанное мною предположеніе: Когда Вотяки устраиваютъ поминки, они увѣрены, что покойники ихъ присутствуютъ на пиршествѣ; послѣ пиршества Вотяки приглашаютъ ихъ гулять, въ баню и т. д. *Во время помипальнаго пиршества* каждый изъ присутствующихъ живыхъ родственниковъ находится подъ особымъ покровительствомъ одного изъ умершихъ предковъ, слѣдовательно, они полагаютъ, что присутствующихъ родственниковъ-покойниковъ столько, сколько родственниковъ живыхъ принимаютъ участіе въ пиршествѣ. Вѣрованіе, которое можетъ до извѣстной степени освѣтить вѣрованіе пудожскихъ крестьянъ о соотношеніи числа дворовыхъ съ числомъ членовъ семьи.

Digitized by Google

ской семьи. Это сходство подполянника съ дворовымъ невольно наводитъ на мысль, не являются-ли оба домашніе духа тождественными и лишь обозначаемыми разными именами. Въ разсказахъ крестьянъ они часто смѣшиваются, хотя подполяннику, когда говорятъ о немъ собственно, приписываютъ больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ чертъ. Онъ вообще не добръ. Какъ примѣръ смѣшенія дворовыхъ съ подполянниками, позволю себѣ указать, что крестьянка, передававшая о томъ способѣ, которымъ можно видѣть *дворового*, въ доказательство правды своихъ словъ привела слѣдующій разсказъ: „Мать свою дочь прокляла. *Подполянникъ* и затащилъ ее къ себѣ въ подполье. Такъ она тамъ и замужъ выйти успѣла и стала ужъ сына женить, да и пришла къ матери просить сыта:

„Матушка, говоритъ, коли хочешь видѣть какъ я живу, сойди три ступени въ подполье (именно по лѣстницѣ, ведущей въ хлѣвъ) и гляди промежъ ногъ своихъ". Ну и увидѣла ихъ, мать-то. Сидятъ они всѣ, какъ наши мужики. Такъ она и сыта принесла дочкѣ и рубашку".

Средство смотрѣнья съ третьей ступени промежъ своихъ ногъ, чтобы увидѣть дворового или подполянника, — обратившееся въ настоящее время въ простое повѣрье, быть можетъ, имѣетъ въ своемъ основаніи связь съ глубокой древностью, когда умершихъ предковъ хоронили подъ очагомъ, подъ порогами, подъ поломъ. Быть можетъ то, что въ настоящее время пудожанки продѣлываютъ изъ любопытства увидать своего суженаго или узнать знакомый имъ лишь по разсказамъ бытъ подпольныхъ обитателей родительскаго дома, — ихъ прабабушки-язычницы дѣлали съ цѣлью увидѣть дѣйствительно похороненныхъ здѣсь прежде своихъ предковъ.

Къ числу домашнихъ духовъ принадлежатъ еще: хлѣвный, жихарь и запеченникъ. Про этихъ духовъ крестьяне немного умѣютъ разсказать. Первый живетъ въ хлѣвѣ, отличается своей добротой, помогаетъ содержать хлѣвы.

Второй—жихарь—злой духъ; гдѣ въ домѣ онъ живетъ, въ точности неизвѣстно, но онъ опасный для матери сосѣдъ: въ отсутствіи матерей онъ крадетъ дѣтей изъ зыбки, но въ присутствіи матери онъ сдѣлать это не рѣшается. Если мать бываетъ вынуждена уйти изъ избы, то для предохраненія отъ покушеній жихаря украсть ребенка въ отсутствіе матеря, принимаются слѣдующія мѣры: мать кладетъ въ зыбку ножницы и веретяной камень, а подъ зыбку, на полъ, кладутъ старый вѣникъ. Если принять эти мѣры предосторожности — жихарь оказывается безсильнымъ. Наконецъ, запеченникъ, живущій за печкой, духъ веселый, любящій шутить. Пропадетъ-ли у хозяйки ухватъ, разобьется-ли внезапно посуда—все это шутки запеченника.

Наконецъ, чтобъ покончить съ домашними духами, скажу еще нѣсколько словъ объ овинянникѣ и баенникѣ. Какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ, даже среднихъ губерній Россіи, наиболѣе упорно, наиболѣе живуче сохранился культъ духа-покровителя овина, которому даже до настоящаго времени приносятъ въ опредѣленные дни жертвоприношенія. Но въ Пудожскомъ уѣздѣ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя намъ удалось узнать, культъ именно этого духа развитъ до крайности слабо и лишь блѣдные отблески древнихъ вѣрованій мы встрѣчаемъ здѣсь у крестьянъ. Дѣйствительно овинъ служитъ жилищемъ овиннику, отличающемуся, по мнѣнію крестьянъ, большимъ ростомъ. Крестьяне знаютъ, что овинянникъ духъ добрый, „милосливый". „Онъ, батюшка, говорятъ про него крестьяне, чужому не выдастъ, только помолиться ему". Ночевать въ овинѣ можно совершенно безопасно, если только произнести слѣдующую молитву: „Овинный батюшко, побереги, постереги отъ всякаго зла, отъ всякаго супостата раба Божія". И такъ, на основаніи этихъ малочисленныхъ данныхъ можно лишь вывести то, что овинянникъ принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ духовъ, что онъ является покровителемъ своихъ, если они къ нему обращаются съ молитвой, защитникомъ ихъ отъ нечистой силы какъ и дворовой, въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда по крайней мѣрѣ. Больше подробностей объ этомъ духѣ мнѣ открыть не удалось. Ходитъ только рядъ разсказовъ о добротѣ „овиннаго батюшки" „достовѣрныя исторіи" о случаяхъ, гдѣ эта доброта проявлялась. Позволю себѣ привести одинъ изъ такихъ разсказовъ: „сошлась разъ бесѣда (мѣстное названіе для посидѣлокъ). А тутъ какъ разъ старуха передъ этимъ помри. И стали холостые (т. е. молодые люди) дразнить одного парня: явится ему старуха. А онъ всё смѣялся. Вышелъ онъ съ бесѣды, старуха и пристань къ нему. Такъ онъ бѣжать отъ нея, а она за нимъ. Взмолился онъ тутъ овиннику. Такъ онъ, батюшка, вышелъ, да со старухой до самыхъ пѣтуховъ дрался, а парня сберегъ".

Что касается баенника или баеннаго, то это въ противоположность овинянцику, духъ злой, отъ котораго добра ждать нечего. Ночевать въ банѣ никто, даже изъ самыхъ храбрыхъ

Digitized by Google

пудожанъ, ни за что не рѣшится. Даже днемъ страшно идти въ баню одному, и женщина или дѣвушка, посланная впередъ, чтобы приготовить баню, идетъ туда съ замираніемъ сердца. Въ баняхъ не вѣшаютъ образовъ и съ грднымъ крестомъ въ неё не входятъ. Подробностей объ этомъ духѣ узнать не пришлось, но достовѣрно то что онъ считается „нечистымъ". Чтобы уяснить себѣ хоть сколько нибудь значеніе баенника, позволю себѣ отмѣтить, что обыкновенно каждая семья имѣетъ свою баню и рѣже встрѣчаются, что двѣ, три семьи складываются вмѣстѣ для постройки бани: поэтому каждый баенникъ является духомъ, имѣющимъ отношеніе главнымъ образомъ лишь къ той семьѣ, которой баня принадлежитъ: онъ является также, какъ и упомянутые выше домашніе духи — духомъ семейнымъ, домашнимъ.

Эта обособленность баенниковъ для каждой отдѣльной семьи является интересной и невольно рождается вопросъ: не имѣетъ ли представленіе о баенникѣ какой нибудь связи съ культомъ предковъ, быть можетъ тамъ похороненныхъ. Вопросъ, который я разрѣшить не берусь.

Таковы домашніе духи пудожанъ. Какъ видно культъ ихъ почти что изгладился вовсе, оставивъ за собой лишь блѣдные слѣды. Новаго онъ ничего не даетъ намъ: мы не обогатимъ благодаря этимъ остаткамъ, нашихъ свѣдѣній о древнихъ вѣрованіяхъ русскаго народа. Тѣмъ не менѣе, я счелъ невозможнымъ обойти его молчаніемъ: эти домашніе духи все-таки слишкомъ близки пудожанину, слишкомъ тѣсно связаны съ его жизнію, и даже въ этомъ разбитомъ видѣ составляютъ слишкомъ видный отдѣлъ въ представленіяхъ населенія, чтобы не изложить ихъ здѣсь, хотя бы вкратцѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ.

Перейду теперь къ нѣкоторымъ повѣрьямъ, связаннымъ съ представителями животнаго міра. У пудожанъ, какъ и повсюду, существуетъ дѣленіе животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ. Но кромѣ этого дѣленія изъ числа животныхъ и птицъ чистыхъ, выдѣляются нѣкоторыя, убивать и ѣсть которыя считается грѣхомъ и не оттого, что это „запрещено Богомъ", какъ это по отношенію, къ такъ называемымъ, нечистымъ животнымъ, но по совершенно особымъ соображеніямъ, привести которыя крестьяне подчасъ сами не умѣютъ. Къ такимъ относятся между прочимъ свиньи, пѣтухи и лебедь. Послѣднихъ особенно много въ озерахъ, гдѣ они въ плесахъ гдѣ нибудь у пустыннаго острова проводятъ все лѣто, собираясь иногда въ довольно значительныя стаи. Свиней не ѣдятъ, считая это просто грѣхомъ. Этимъ соображеніемъ крестьяне и объясняютъ, почему почти никто изъ нихъ не держитъ свиней *).

Что касается пѣтуховъ, то быть можетъ то обстоятельство, что ѣсть его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда, считается грѣховнымъ—объясняется переживаніемъ древняго воззрѣнія на пѣтуха, какъ на птицу вѣщую. Кромѣ распространеннаго по всей Россіи повѣрья, что нечистая сила разбѣгается отъ пѣнія пѣтуха, мы встрѣчаемъ здѣсь пѣтуха въ разсказѣ о водлозерскихъ водяныхъ, который я привелъ выше. Тотъ пѣтухъ, который, исполняя порученіе ильинскаго водяного, привелъ островъ, былъ не простой: онъ является какимъ-то полусказочнымъ, одареннымъ большою силой, однимъ словомъ, если можно такъ выразиться, „божественною птицей". Далѣе существуетъ повѣрье, имѣющее связь съ понятіемъ о пѣтухѣ, какъ о птицѣ, прогоняющей своимъ пѣніемъ нечистую силу именно когда рвутъ чертополохъ—растеніе, имѣ-

*) *Примѣч.* Обычай не употреблять свиней въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ является трудно объяснимымъ. Въ то время, какъ у славянскихъ и германскихъ племенъ свинья является символомъ плодородія и составлять лакомое блюдо—этотъ обычай неупотребленія свинаго мяса какъ-то странно поражаетъ среди пудожанъ, въ большомъ числѣ происходящихъ отъ древнихъ новгородцевъ насельниковъ. Свиная голова, окорокъ, поросенокъ, выставлялись и во многихъ мѣстахъ выставляются и по настоящее время въ праздники солнцеворота, какъ символъ счастья, обилія на предстоящій годъ. Этотъ обычай, употребляемый и во многихъ мѣстностяхъ внутреннихъ губерній Россіи, естественно не можетъ встрѣчаться у пудожанъ. Быть можетъ въ этомъ обычаѣ неупотребленія въ пищу свинаго мяса, должно видѣть до извѣстной степени вліяніе закона Моисея, хранимый нѣкоторыми раскольниками при посредствѣ которыхъ этотъ обычай неупотребленія свиней въ пищу могъ передаться и остальному населенію. Не могу не указать, что интереснымъ является то, что финны очень поздно познакомились съ разведеніемъ свиней, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ этому могло благопріятствовать земледѣльческій бытъ населенія. Какъ извѣстно, финны познакомились съ разведеніемъ свиней и домашней птицы отъ своихъ сосѣдей, чѣмъ и объясняется, что у финновъ нѣтъ для обозначенія свиней (какъ и для домашней птицы) своихъ коренныхъ словъ. Лѣтъ сто тому назадъ, въ самой Финляндіи не разводили свиней и домашнюю птицу вовсе, такъ что бродячіе цыгане показывали своихъ куръ и свиней какъ „какихъ нибудь невиданныхъ животныхъ". (Изложеніе по Алквисту: Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1877. іюнь, стр. 276). Быть можетъ жители тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ настоящее время въ уѣздѣ не употребляютъ въ пищу свиней, либо ихъ вовсе не знали, либо бросили ихъ разведеніе подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей, коренныхъ финновъ не разводившихъ свиней, и лишь впослѣдствіи, подъискивая объясненіе этому факту, стали объяснять, что употребленіе свиньи въ пищу—грѣхъ

Digitized by Google

ющее и здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи миѳическое значеніе, нужно сорвать его такъ, чтобы не было слышно пѣнія пѣтуха, иначе чертополохъ потеряетъ свою чудодѣйственную силу. Чертополохъ вѣшаютъ въ хлѣвѣ, чтобы хлѣвный не дѣлалъ вреда скотинѣ. Не повліяло ли такое воззрѣніе на пѣтуха, воззрѣніе слабые, полузабытые остатки котораго мы видимъ въ настоящее время, на запрещеніе употреблять его въ пищу?

Что касается лебедя, то не только грѣшно употреблять его въ пищу, но даже и стрѣлять его считается грѣхомъ. Къ лебедю народъ питаетъ особенное благоговѣніе.

На вопросы почему лебедя нельзя стрѣлять, мы не получали удовлетворительнаго отвѣта; обыкновенно отвѣтъ былъ подобенъ нижеслѣдующему, который намъ сообщилъ одинъ крестьянинъ, житель деревни Лядинной (недалеко отъ оз. Купецкаго): „Лебедь ужъ такая птица, она и яйца кладетъ-то какъ: всё вдвоемъ плаваетъ; одна яйца кладетъ, а другая всё около плаваетъ. И какъ одна умретъ, то къ другой уже не пойдетъ. Опять таки, какъ она поетъ". Таково было обыденное объясненіе. Удалось намъ узнать еще, что стрѣляніе лебедя не проходитъ безнаказанно: провинившійся по отношенію лебедя охотникъ, наказывается падежомъ скота или другимъ несчастіемъ для него и его семьи. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удалось услыхать, что лебедь похожъ на женщину, но въ чемъ это сходство выражается, намъ точно объяснить не могли: можно было лишь понять, что, по мнѣнію крестьянъ, лебедь носитъ яйца 9 мѣсяцевъ, какъ женщина ребенка. Г. И. Куликовскій любезно предоставившій мнѣ въ рукописи свое сообщеніе («Общественный пиръ въ Обонежьѣ» читанный имъ въ Отд. Этнографіи Имп. Общ. Любит. Естествознанія) сообщаетъ слѣдующее объясненіе грѣховности убивать лебедя: „крестьяне говорятъ, что если одного изъ пары убить, то другой три года летаетъ на то-же мѣсто и наконецъ умираетъ съ горя по убитому; поэтому убить лебедя большой грѣхъ". Эта хотя и очень неясная связь лебедя съ женщиной, которую можно было усмотрѣть изъ отвѣтовъ крестьянъ можетъ до извѣстной степени пролить свѣтъ на запрещеніе его стрѣлять. Извѣстно, что не только у славянъ, но вообще у всѣхъ арійцевъ, лебедь является не простой птицей и въ миѳологіяхъ почти всѣхъ арійцевъ, то боги и богини превращаются въ лебедь, то божества привозятся и отвозятся лебедями. Въ нашихъ сказкахъ эти вѣрованія въ лебедь сказались въ рядѣ эпизодовъ, гдѣ царевна обращается въ лебедь. Въ виду извѣстности этихъ взглядовъ на лебедь и разсказовъ о ней, я не считаю нужнымъ останавливаться на нихъ. Быть можетъ это-то воззрѣніе далеко ушедшаго отъ насъ времени, нашло себѣ отголосокъ у пудожанъ въ ихъ отношеніяхъ къ лебедю, быть можетъ это есть безсознательно сохранившееся переживаніе, въ значеніи котораго не могутъ себѣ дать отчета сами жители, свято хранящіе завѣтъ своихъ предковъ и до сихъ поръ съ суевѣрнымъ страхомъ относящіеся къ лебедю.

Запрещеніе употреблять лебедя въ пищу встрѣчается не въ одной Олонецкой губерніи; въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.", собранныя П. С. Ефименкомъ *) читаемъ: „животныя въ нашей мѣстности, (въ Шенкурскомъ уѣздѣ) не употребляются въ пищу тѣ, же, которыхъ не позволяетъ употреблять и Моисей... Законъ Моисеевъ о неупотребленіи въ пищу животныхъ... строго содержится преимущественно раскольниками, чрезъ которыхъ распространяется и на прочій народъ". Законъ Моисеевъ запрещаетъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, употреблять въ пищу и лебедя. Мнѣ кажется, что видѣть вліяніе закона Моисея на запрещеніе употреблять лебедя въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ по крайней мѣрѣ, не вполнѣ основательно уже потому, что нѣкоторыя птицы, запрещенныя Моисеемъ, пудожанами въ пищу употребляются. Второзаконіе (гл. XIV, 11—18) гласитъ: „всякую птицу ѣште. Но сихъ не должно вамъ ѣсть изъ нихъ: орла, грифа, и морскаго орла и коршуна и сокола и кречета съ породой ихъ, и всякаго ворона съ породою его и страуса и совы и чайки и ястреба съ породою его, и филина и ибиса и *лебедя* и сипа и рыболова и цапли и зуя съ породой его и удода и нетопыря". Чаекъ и зуевъ въ Пудожскомъ уѣздѣ употребляютъ въ пищу, хотя и рѣдко, но это послѣднее происходитъ по словамъ крестьянъ лишь благодаря плохому вкусу мяса этихъ птицъ. Изъ остальныхъ птицъ, перечисленныхъ во Второзаконіи однѣ не встрѣчаются вовсе на сѣверѣ, другія нигдѣ (ни въ Россіи, ни въ извѣстныхъ мнѣ странахъ Зап. Европы и Азіи) въ пищу народомъ не употребляются, какъ напримѣръ филины, совы и др., и по всѣмъ вѣроятіямъ едва ли подъ вліяніемъ закона Моисея, такъ какъ вѣроятнѣе предположить, что обычай неупотреблять въ пищу филиновъ, совъ, ястребовъ и др. развился параллельно у многихъ народовъ, безъ взаимнаго, въ этомъ отношеніи воздѣйствія.

*) Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. т. XXX, стр. 188.

Digitized by Google

Но не отрицая даже вполнѣ возможности воздѣйствія закона Моисея черезъ посредство раскольниковъ, на запрещеніе употреблять лебедей въ пищу въ Пудожскомъ уѣздѣ— все-таки останется неразрѣшеннымъ вопросъ, почему запрещено *не только ѣсть лебедей*, но *считается грѣховнымъ даже стрѣляніе ихъ*, все равно будетъ ли слѣдствіемъ этого смерть лебедя или только пораненіе его: между тѣмъ стрѣляніе другихъ птицъ и животныхъ, которыхъ въ пищу не употребляютъ, грѣхомъ не считается. Какъ напр. зайцевъ, бѣлокъ и другихъ нечистыхъ животныхъ, а изъ запрещенныхъ Моисеемъ птицъ —напр. ястребовъ и совъ.

Далѣе стрѣляніе лебедей запрещается обычаемъ или считается грѣховнымъ въ Россіи не только на сѣверѣ. Такъ Аѳанасьевъ, ссылаясь на Оренбургск. Г. В. сообщаетъ, что стрѣлять лебедя считаютъ грѣхомъ и что существуетъ повѣрье, по которому, если убитаго лебедя показать дѣтямъ, то они всѣ помрутъ *). Въ Тульской губ., Крапивенскаго у., д. Малынки, гдѣ въ настоящее время лебедей не встрѣчается болѣе, все-таки, по мнѣнію нѣкоторыхъ крестьянъ, ѣсть лебедя грѣхъ. Въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., **) крестьяне не рѣшаются стрѣлять лебедя, считая его „благородной птицей". На Уралѣ ***) лебедей не бьютъ, „такъ какъ это считается большимъ грѣхомъ". Въ Оренбургской губ., (Челябинскаго у., с. Птичье) среди русскаго населенія (но не у казаковъ) мы встрѣчаемся съ повѣрьемъ о лебеди, схожимъ съ тѣмъ, какое мы видимъ и въ Каргопольскомъ у.: убивать лебедя грѣхъ, такъ какъ если убить одного изъ пары, то другой тоже умираетъ: онъ съ крикомъ поднимается надъ тѣломъ убитаго и исчезаетъ навсегда. Кромѣ того въ этой-же мѣстности существуетъ интересное повѣрье, что, если убить лебедя-самца, то въ скоромъ времени долженъ умереть отецъ убившаго, если-же убить лебедь самку, то смерть постигнетъ мать убившаго. Сопоставляя эти свѣдѣнія съ повѣрьемъ, встрѣчающимся у пудожанъ, что лебедь похожъ на женщину и съ тѣми вѣрованіями у различныхъ арійскихъ народовъ, въ которыхъ лебедь является вѣщей птицей какъ у индусовъ, грековъ (у которыхъ между прочимъ лебедь былъ посвященъ Апполону, и употреблялся при гаданіи) германцевъ и славянъ — трудно объяснять это разбросанное въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи почитаніе лебедя вліяніемъ Моисеева закона; вѣроятнѣе объяснить это миѳическими представленіями о лебеди, выразившимися въ огромномъ количествѣ сказокъ и пѣсень нашей древней народной литературы. Слабые отголоски этихъ представленій могли устоять и въ Пудожскомъ уѣздѣ, хотя-бы въ видѣ смутнаго представленія о сходствѣ лебедя съ женщиной. Однако если мы и встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи почитаніе лебедя, то на ряду съ этимъ можемъ мы найти и рядъ мѣстностей, гдѣ этого почитанія лебедя не встрѣчается. Часто встрѣчающійся въ нашихъ былинахъ стихъ: „бѣлую лебедь рушати" — заставляетъ думать, что уже въ древней Руси къ лебедямъ не относились какъ птицамъ священнымъ. Выраженіе: „бѣлый лебедь на блюдѣ не быкъ, ножемъ не рушенъ, а всякъ его кушалъ" *) подтверждаетъ это. Въ XVII в. 3 мъ блюдомъ на боярской свадьбѣ былъ обыкновенно лебедь (Костомаровъ т. XIX. стр. 245) Бѣлоруссы Могилевской губерніи, Мстиславскаго уѣзда повидимому не считаютъ грѣховнымъ употребленіе лебедей въ пищу **): жители Темрюка и нѣкоторыхъ частей Вологодской губерніи охотятся на лебедя и нисколько не считаютъ грѣхомъ его стрѣлять.

Быть можетъ древнія вѣрованія по отношенію къ лебедю успѣли уже разрушиться, быть можетъ это разрушеніе произошло въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи еще въ незапамятныя времена; въ другихъ же частяхъ Россіи они случайно сохранились; между прочимъ и на сѣверѣ Россіи сдѣлавшимся благодаря разнымъ условіямъ, лучшимъ хранилищемъ старины, былинъ и древне-русскихъ повѣрій.

Быть можетъ также, что древніе славянскія вѣрованія нашли себѣ удобную почву у первоначальныхъ насельниковъ инородцевъ, быть можетъ смѣшались съ ними и развились подъ вліяніемъ представленій своихъ сосѣдей—инородцевъ, вслѣдствіе чего и удержались на сѣверѣ лучше чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. По крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ мы встрѣчаемся также съ представленіемъ о лебеди, какъ о птицѣ вѣщей. Такъ наприм. лебедь, по словамъ нѣкоторыхъ вотяковъ, ***)

*) Аѳанасьевъ: Поэт. воззр. Сл. на природу. I. 542.

**) Сообщено А. П. Звонковымъ.

***) Сѣв Вѣстн. 1888 года, №10. Областной судъ въ стр. 61.

*) Аѳанасьевъ: III, стр. 187.

**) Изв. И. О. Л. Е. А. и Э. XXVIII, ст. В. и А. Зенковичей, стр. 28 Лебедь не помѣщенъ въ спискѣ животныхъ и птицъ. которыхъ употреблять въ пищу запрещается.

***) Свѣдѣнія, касающіяся вотяковъ, сообщены мнѣ П. М. Богаевскимъ.

Digitized by Google

птица священная. Существуетъ между прочимъ племя Юсь (лебедь), а племенное названіе первоначально совпадаетъ у вотяковъ съ названіемъ воршуда, родоваго божества. Далѣе у вотяковъ существуетъ слѣдующее преданіе: перваго человѣка звали Зерпаломъ; у него было 7 сыновей. Однажды Инмаръ (божество) спрашиваетъ его: сколько у тебя сыновей. Нѣтъ у меня сыновей, отвѣчаетъ Зерпалъ. Инмаръ повторилъ свой вопросъ до трехъ разъ и получивъ тотъ же отвѣтъ—обратилъ одного изъ сыновей Зерпала въ медвѣдя, другого—въ *лебедя*, третьяго—въ воршуда, четвертаго—въ мудора и т. д.; одного оставилъ человѣкомъ. И сказалъ Инмаръ: ты хотѣлъ отъ меня скрыть, но я все знаю и накажу тебя за твою скрытность тѣмъ, что изъ твоего потомства произведу враговъ, хранителей и потомство. Г. Верещагинъ *) сообщаетъ, что убить лебедя считаютъ великимъ грѣхомъ, за которымъ слѣдуетъ Божіе наказаніе—несчастіе Не особенный грѣхъ убить пару лебедей, но если убить только самца или самку, то наказаніе становится неизбѣжнымъ, „потому что жалобы лебедей сильны передъ Создателемъ и вопіютъ объ отмщеніи. Одинъ вотякъ, продолжаетъ г. Верещагинъ, передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ: однажды охотникъ увидѣлъ на рѣкѣ весною двухъ лебедей—самку и самца и вотъ, зарядивъ ружье, застрѣлилъ самку на повалъ. Видя самку убитою, самецъ закричалъ жалобнымъ тономъ и, поднявшись высоко на воздухъ, стремглавъ спустился внизъ подобно камню и, ударившись о землю убился. Охотникъ, который убилъ лебедку, вскорѣ потомъ запился водкой". У маньзовъ Аясъ-торумъ имѣетъ способность обращаться въ лебедя **). „Лебедь былъ когда-то человѣкомъ, гласитъ преданіе маньзовъ, но затѣмъ во время постоянныхъ дракъ, бывшихъ прежде, онъ сталъ просить нуми превратить его въ птицу; желаніе его было исполнено и тогда появился лебедь; доказательствомъ его человѣческаго происхожденія служитъ то, что у него, какъ и у женщины, существуетъ мѣсячное очищеніе... Царемъ птицъ прежде былъ сдѣланъ *мірь-сусна-хумъ* лебедь, а княземъ—орелъ; но затѣмъ на мѣсто перваго онъ поставилъ журавля, такъ какъ лебедь не умѣетъ во время кричать" ***).

*) Вотяки Сосновскаго края. Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. XIV. 82.

**) Н. Л. Гондатти: Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. стр. 57 Изв. И О. Л. Е. А. и Э. т. XLVIII, вып. 2

***) Ibid, стр. 172.

Встрѣчая подобныя данныя у маньзовъ и вотяковъ, невольно рождается вопросъ, не заимствовали ли пудожане своего почитанія лебедя отъ своихъ сосѣдей инородцевъ, съ которыми новые колонизаторы края столкнулись и у которыхъ повидимому заимствовали многое изъ своихъ вѣрованій. Конечно, фактъ простаго сходства, даже тожественности вѣрованій и преданій разныхъ народовъ, неродственныхъ, еще не можетъ служить доказательствомъ заимствованія однимъ народомъ у другого. Фактъ, что обще-арійскія вѣрованія въ лебедь, какъ птицу вѣщую, сближеніе и даже отожествленіе его съ женщиной такъ распространено, такъ много оставило по себѣ слѣдовъ въ разныхъ повѣрьяхъ и эпосѣ арійскихъ народовъ и въ томъ числѣ у славянъ, наконецъ, самъ фактъ распространенія представленія о грѣховности убиванія лебедя въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, не даетъ права видѣть вліянія хотя бы финновъ въ почитаніи лебедя русскими. Но многія древнія вѣрованія русскаго населенія сложились внѣ всякаго сомнѣнія подъ вліяніемъ сосѣдей инородцевъ и въ томъ числѣ финновъ; заимствованія эти, сдѣланныя русскими въ незапамятныя времена, являются подчасъ, при современной скудости данныхъ, невозможнымъ прослѣдить и сказать положительно, что почитаніе лебедя, есть древне-славянское, что вліяніе сосѣдей-инородцевъ не имѣло при этомъ мѣста, а также и наоборотъ—невозможно. Во всякомъ случаѣ, будемъ ли мы склоняться къ мысли, что почитаніе лебедя — переживаніе древне-славянской миѳологіи, или что это финское вѣрованіе, заимствованное русскими, или наконецъ, что миѳологическія представленія двухъ разныхъ народностей, развившись самостоятельно столкнулись и смѣшались въ одно на сѣверѣ Руси—намъ все-таки придется отрицать, что почитаніе лебедя, запрещеніе его *не только* *ъсть, но и стрѣлять*, могло возникнуть подъ вліяніемъ закона Моисея, передаваемомъ раскольниками мѣстному населенію. Самое большее, что могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи раскольникъ, это поддержать уже существовавшее у населенія вѣрованіе, сохранить его отъ уничтоженія.

Позволю себѣ коснуться еще отношеній къ медвѣдю: лѣса пудожскіе изобилуютъ имъ; не мало вреда наноситъ медвѣдь и стадамъ жителей и тѣмъ смѣльчакамъ, которые рѣшаются выступить противъ него. Масса разсказовъ ходящихъ въ уѣздѣ о случаяхъ, бывшихъ во время охоты на медвѣдя, анекдоты о хитрости или добродушіи медвѣдя, доказываютъ, что не легко дается пудожанину

Digitized by Google

эта борьба. Но отношеніе къ медвѣдю не вездѣ одинаково: въ однихъ мѣстахъ его считаютъ нечистымъ; жители къ нему относятся крайне враждебно; награждаютъ его эпитетомъ „окаянный“. Такое отношеніе къ медвѣдю встрѣтили мы у Купецкаго озера. Совсѣмъ другое говорили намъ на Кенозерѣ: „медвѣдь отъ Бога“ сообщали намъ крестьяне деревни Вершинина. Почти во всѣхъ мѣстностяхъ уѣзда вы услышите, распространенный во многихъ варіантахъ въ Россіи, разсказъ, что медвѣдь прежде былъ человѣкомъ и обращенъ въ медвѣдей вмѣстѣ съ своей женой, по приказанію которой онъ слишкомъ надоѣдалъ просьбами чудодѣйственной липѣ, которую онъ не сталъ рубить, уступивъ ея просьбѣ; за это липа обѣщала ему исполнять его желанія. Но пожелавъ по настоянію жены, чтобы всѣ люди ихъ боялись, старикъ и жена его были обращены въ медвѣдей. Вообще въ отношеніяхъ къ медвѣдю проскальзываетъ, не смотря на различіе отношеній къ нему крестьянъ уѣзда, какое то смутное представленіе о его сверхестественной силѣ, о томъ, что онъ звѣрь не простой. Медвѣжьяго мяса не ѣдятъ и, обыкновенно, снявъ съ него шкуру, закапываютъ его. „Даже страшно ѣсть“ говорили намъ разскащицы; существуетъ также мнѣніе, что „если медвѣдь и возьметъ скотину, то ему Богъ позволилъ“, что медвѣдь все дѣлаетъ по особому разрѣшенію отъ Бога.

На Водлозерѣ передавали намъ слѣдующее преданіе о происхожденіи медвѣдей отъ людей: „У моря люди живутъ, говорили крестьяне; они такъ то ничего себѣ, да вдругъ зло и сдѣлаютъ. Свадьба разъ была, они и обратили всю свадьбу въ медвѣдей. Оттого медвѣди и пошли“. (Отношеніямъ къ медвѣдю, который, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда по крайней мѣрѣ, считается отъ Бога, совершенно противоположно отношеніе къ волку, другому сильному врагу крестьянъ: волкъ „витряный“, такъ какъ онъ не спрашиваетъ ни у кого позволенія зарѣзать скотину.)

Въ этихъ отношеніяхъ къ медвѣдю нельзя не усмотрѣть робкаго переживанія древняго культа медвѣдя столь распространеннаго у многихъ народовъ и, повидимому, бывшаго также и у пудожанъ. Какое то смутное чувство говоритъ мѣстному жителю, что медвѣдь не чета прочимъ звѣрямъ и, не помня происхожденія этого вѣрованія, онъ таитъ его у себя, и безсознательно повинуется давно навѣяннымъ ему убѣжденіямъ и хранитъ и этотъ обломокъ стараго культа, какъ онъ хранитъ и обломки культа водяного и лѣсного царей.

Не менѣе интереснымъ переживаніемъ древнихъ вѣрованій въ средѣ пудожанъ являются и священныя рощи. Дѣло въ томъ, что церквей въ уѣздѣ, сравнительно съ тѣмъ пространствомъ, которое онъ занимаетъ очень мало, вслѣдствіе этого въ большинствѣ деревень, отстоящихъ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ церкви, стоятъ часовни во имя того или иного Святаго. Въ эти часовни, по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, собираются крестьяне, не имѣющіе возможности или желанія отправляться за нѣсколько верстъ въ церковь, зажигаютъ свѣчки передъ иконами и заставляютъ кого нибудь изъ своихъ грамотныхъ односельчанъ читать Псалтирь и Евангеліе; по окончаніи чтенія всѣ расходятся. Эти часовни, замѣняющія крестьянамъ церкви, можно подраздѣлить на два разряда: однѣ, стоящія на открытыхъ мѣстахъ; другія, стоящія среди лѣса или вѣрнѣе сказать среди рощи. Что касается этихъ послѣднихъ, то рощи, окружающія часовни, считаются населеніемъ священными. Это не просто мѣста, пользующіяся благоговѣйнымъ почетомъ окрестнаго населенія, подобно кладбищамъ напримѣръ. Напротивъ того это въ самомъ полномъ и истинномъ значеніи этого слова — рощи священныя, къ которымъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, считая ихъ за рощи принадлежащія тому угоднику, въ честь котораго въ рощѣ выстроена часовня. Въ виду того, что сами часовни стоятъ обыкновенно на горѣ, то рощи спускаются по скатамъ ея. Оригинальное впечатлѣніе оставляютъ эти кучки деревьевъ, словно оазисы брошенные среди запаханныхъ полей. Подчасъ и нуждается крестьянинъ въ землѣ, подчасъ онъ и былъ бы радъ срубить и запахать нѣсколько лишнихъ десятинъ земли, но страхъ наказанія удерживаетъ его отъ этого святотатства. Мало того, если роща съ теченіемъ времени разростается и отвоевываетъ себѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше земли, распространяя свое господство на запаханные уже участки, то у крестьянина все-таки не хватаетъ смѣлости срубить новые побѣги и молодыя деревца; онъ уступаетъ имъ мѣсто и уходитъ съ своими запашками все дальше, и дальше. Краснорѣчивымъ примѣромъ этого можетъ служить между прочимъ роща, окружающая часовню, выстроенную во имя Тихвинской иконы Божіей Матери, на берегу Кенозера, недалеко отъ деревни Вершинина: проходя чрезъ нее замѣчаешь слѣды пахатныхъ участковъ, которые нѣкогда тянулись вверхъ по склону горы, на которой выстроена

Digitized by Google

часовня; теперь, ввиду усиливающагося роста лѣса крестьяне отступаютъ все дальше и дальше и никто не рѣшится съ топоромъ проникнуть въ рощу. Рубить деревья, брать изъ рощи хворостъ считается тяжкимъ грѣхомъ; мало того даже ломать деревья и вѣтви, растущихъ въ рощѣ деревьевъ грѣховно по понятіямъ крестьянъ. Среди населенія ходитъ цѣлый рядъ разсказовъ, что такой то или такая то хотѣли срубить дерево или взять изъ рощи хворостъ, но что либо невидимая сила воспрепятствовала имъ сдѣлать это, либо, совершивъ святотатство, они были наказаны или слѣпотой, или отнятіемъ рукъ и ногъ. Нѣтъ почти ни одной рощи, о которой бы не ходили въ огромномъ количествѣ подобные разсказы.

Что касается взгляда самихъ крестьянъ на происхожденіе этой святыни, то они объясняютъ это тѣмъ, что рощи принадлежатъ тому угоднику, во имя котораго построена часовня, что роща является его собственностью, которую онъ оберегаетъ и охраняетъ ревниво отъ всякаго насильственнаго вторженія посторонняго лица; даже тотъ фактъ, что роща на данномъ мѣстѣ существуетъ, что она продолжаетъ расти—приписывается особому благоволенію Святаго. Неудивительно поэтому, что крестьянинъ боится похищать собственность Святаго, ожидая отъ него за это скорой, неминуемой кары, неудивительно, что онъ предпочитаетъ, скорѣе дать мѣсто рощѣ, которой распространяться велитъ самъ Угодникъ, чѣмъ раздражать святаго и грознаго владѣльца рощи.

По своему происхожденію, эти священныя рощи могутъ быть подраздѣлены на 2 разряда: однѣ происхожденія недавняго, посажены при отцахъ, дѣдахъ современныхъ крестьянъ; другія стоятъ уже такъ давно, что никто и не запомнитъ, какъ и когда эти рощи выросли на этомъ мѣстѣ.

Что касается первой категоріи священныхъ лѣсовъ, то необходимо оговориться, что и до сихъ поръ у пудожскихъ крестьянъ сохранилась тенденція обсаживать вновь строемыя часовни деревьями; если деревья принимаются то значитъ Угодникъ желаетъ, чтобы его храмъ стоялъ въ тѣни посаженныхъ деревьевъ. Если деревья не примутся или будутъ уничтожены вѣтромъ или бурею, или другимъ какимъ либо способомъ, то крестьяне нѣсколько разъ повторяютъ свой опытъ и, если онъ оканчивается попрежнему неудачей, считаютъ это несомнѣннымъ признакомъ того, что Святой тѣни не желаетъ и часовню оставляютъ стоять безъ деревьевъ. Къ такимъ, между прочимъ, относится другая часовня, стоящая у деревни Вершинина, на горѣ, поднимающейся тотчасъ за деревней; часовня посвящена Св. Николаю. Крестьяне неоднократно сажали подлѣ нея деревья, но они либо не принимались, либо уничтожались бурею; вслѣдствіе этого, часовня стоитъ безъ тѣни, такъ какъ крестьяне не рѣшаются раздражать угодника своею настойчивостью. Не лишенъ интереса и тотъ фактъ, что въ томъ случаѣ, если лѣсъ не растетъ около часовни, земля ее окружающая считается все-таки достояніемъ святаго и мѣстные жители остерегаются ее запахивать.

Что-же касается тѣхъ рощъ, времени происхожденія которыхъ крестьяне не запомнятъ, то онѣ невольно наводятъ на вопросъ, не составляютъ-ли онѣ остатокъ священныхъ языческихъ лѣсовъ, въ которыхъ приносились жертвы другимъ народомъ, народомъ язычникомъ, жившимъ здѣсь задолго, быть можетъ, до прихода сюда русскихъ, которые на ряду со многими суевѣріи, унаслѣдовали и это почитаніе рощъ. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что въ числѣ священныхъ рощъ, до сихъ поръ встрѣчаются еще такія, которыя не освящены присутствіемъ въ ихъ глубинѣ христіанской святыни: ни часовень, ни храмовъ, ни даже простыхъ деревянныхъ крестовъ. Къ такимъ, имѣющимъ несомнѣнно очень древнее происхожденіе рощамъ, относится между прочимъ и тотъ священный лѣсъ на о. Кижѣ—островѣ, лежащемъ на Водлозерѣ,—лѣсъ, который считается священнымъ оттого, что въ ней легли костьми остатки Чуди, впослѣдствіи сказочно опоэтизированной. Признавая преданіе о бывшей здѣсь упорной битвѣ съ Чудью, допустивъ даже, что битва была рѣшительной, уничтожившей послѣднихъ чудиновъ,—все-таки окажется страннымъ почему и самъ островъ и лѣсъ его покрывающій, считаются священными и при томъ настолько, что когда одинъ изъ богатыхъ водлозеровъ пожелалъ его срубить, то онъ не скоро, даже за очень возвышенную плату, могъ найти рабочихъ, рѣшившихся побороть въ себѣ суевѣрный страхъ. Вѣроятнѣе предположить, что на этомъ островѣ было древнее святилище, хотя бы сказочной Чуди, которая, быть можетъ, именно здѣсь и была уничтожена новыми насельниками и что, не смотря на то, что вѣка прошли съ того времени, это святилище осталось священнымъ у новыхъ мѣстныхъ жителей, которые теперь, утративъ въ него вѣру, все-таки продолжаютъ его бояться. Другой подобный священный лѣсъ находится на Иламъ островѣ (Вод-

Digitized by Google

лозеро); рубка этого лѣса также до послѣдняго времени считалась грѣховной. Этотъ островъ интересенъ своимъ каменнымъ укрѣпленіемъ, растянувшимся вдоль острова по сѣверо-восточному берегу его. Укрѣпленіе представляетъ огромную стѣну, циклопической постройки, сложенной изъ совершенно неотесанныхъ каменныхъ глыбъ, безъ всякихъ признаковъ скрѣпляющаго вещества между глыбами (цемента, извести или глины). Въ тѣхъ частяхъ стѣны, которыя сохранились еще довольно хорошо и не пострадали отъ ежегоднаго наводненія, попортившаго во многихъ мѣстахъ стѣну, можно замѣтить, что камни плотно приложены другъ къ другу, и если межлу нѣсколькими глыбами круглой формы образуется дыра, то въ нее вставляли глыбу стоймя Длина всего укрѣпленія около 220 шаговъ, причемъ стѣна направляется (съ уклоненіемъ) отъ SO къ NW. Изгибы же, которые она дѣлаетъ, располагаются такъ: 100 шаговъ на NW; 13—на W; 37—NW; 25—на N; 16—на NO и 29- на SO. Такимъ образомъ стѣна образуетъ два острыхъ угла къ озеру. За стѣной замѣчается земляное возвышеніе, плоское по направленію отъ WNW къ N. Признаковъ жилья открыть не удалось. За стѣной видны слѣды нѣсколькихъ могилъ, направляющихся отъ SW къ NO, приблизительно длиной до 3 аршинъ и шириной до 21 вершка, обставленныя мелкимъ камнемъ. Такого же рода могилы мнѣ пришлось видѣть около дер. Большой Кулъ-Наволокъ, на берегу Волдозера, подъ склономъ горы, на вершинѣ которой выстроена часовня. Размѣры и направленіе могилъ въ Б. Кулъ-Наволокѣ тожественны съ могилами на Иламъ-островѣ. Мѣсто, гдѣ расположены могилы въ Кулъ-Наволокѣ носитъ названіе могильника и никто изъ мѣстныхъ жителей не знаетъ кто здѣсь похороненъ, и эти могилы жители деревни за свои не признаютъ. Что касается стѣны на Иламъ-островѣ, то точно никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ объяснить, кому принадлежитъ постройка этой стѣны; дѣйствительно нѣкоторые приписывали постройку Чуди, другіе „панамъ“, но большинство отзывалось незнаніемъ. Камни, изъ которыхъ стѣна сложена, повидимому привезены съ берега, такъ какъ Иламъ-островъ невеликъ и не могъ доставить такое количество камней; кромѣ того онъ очень низменъ и болотистъ. Что касается могилъ, то ихъ можно приписать болѣе позднимъ насельникамъ, хотя конечно лишь раскопки могли бы дать что нибудь болѣе положительное. Дѣло въ томъ, что мѣстность, на которой въ настоящее время расположена д. Кулъ-Наволокъ, принадлежала, по мѣстному преданію, нѣкогда даниловцамъ, и лишь по уходѣ ихъ образовались на этомъ мѣстѣ двѣ деревни Большой и Малый Кулъ-Наволокъ. Съ другой стороны извѣстно крестьянамъ, что между прочимъ подтвердилъ и священникъ Ильинскаго погоста о. Іоаннъ, что недавно еще ходили раскольничьи собиратели пожертвованій, прося на устроеніе Иламостровской обители, въ то время какъ Иламъ-островъ былъ уже пустъ. Слѣдовательно можно предположить, что на этомъ островѣ обитель нѣкогда существовала, или что раскольники на этомъ островѣ спасались отъ гоненій. Быть можетъ что и могилы могутъ принадлежать раскольникамъ, какъ на Иламъ-островѣ (гдѣ ихъ очень немного), такъ и въ д. Б. Кулъ-Наволокъ. Вѣроятно раскольники воспользовались уже готовымъ сооруженіемъ на островѣ, сооруженіемъ, требовавшимъ многолѣтняго труда и едва-ли бывшему подъ силу бѣглецамъ-раскольникамъ, никогда не бывшимъ многочисленными въ этомъ краю. Какъ бы то ни было, но сопоставляя фактъ существованія циклопическаго укрѣпленія съ почитаніемъ лѣса на Иламъ островѣ святымъ (тогда какъ другіе лѣса и мѣстности, гдѣ жили нѣкогда раскольники, священными не считаются) невольно рождается вопросъ, не составляетъ ли и укрѣпленіе и лѣсъ остатки древняго святилища или города, обитателей-язычниковъ Волдозера, почитаніе котораго унаслѣдовано и современными жителями

Такова далѣе роща на Пѣтуньемъ островѣ, который какъ я сообщилъ выше, былъ по преданію привезенъ пѣтухомъ въ приданое за дочерью Ильинскаго водяного, при выдачѣ ее замужъ за Пречистенскаго водяного царя. Этотъ небольшой островъ былъ покрытъ сплошь лѣсомъ, рубить который считалось тяжкимъ грѣхомъ. Принимая во вниманіе преданіе о привозѣ острова вѣщимъ пѣтухомъ, о связи его съ преданіемъ о свадьбѣ водяной царевны, мнѣ кажется не будетъ не вѣроятнымъ, видѣть въ этомъ островѣ и въ рощѣ, его покрывавшей, мѣсто бывшаго святилища эпохи языческой. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, Василій Кузнецовъ, рѣшился срубить лѣсъ, за что, по словамъ крестьянъ, онъ былъ наказанъ отнятіемъ рукъ.

Интересенъ и тотъ фактъ, что около часовень, если и не всѣхъ, то очень многихъ, происходятъ игрища: напримѣръ на Иванову ночь, (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта ночь празднуется). Этотъ фактъ несомнѣнно доказываетъ относительно тѣхъ часовень, гдѣ эти игрища происходятъ, что онѣ построены на мѣстахъ, къ которымъ такъ или иначе при-

Digitized by Google

срединялись языческія вѣрованія. Къ числу такихъ относится напримѣръ, часовня св. Николая на Кенозерѣ у деревни Вершинина и роща около д. Авдѣевской на оз. Купецкомъ. Какъ бы то ни было и каково бы ни было происхожденіе священныхъ рощъ въ Пудожскомъ уѣздѣ, во всѣхъ нихъ, какъ въ тѣхъ, которыя уже стоятъ вѣка, такъ и въ тѣхъ, которыя посажены сравнительно недавно, кроется несомнѣнная языческая подкладка далекаго отъ насъ цикла вѣрованій, взглядъ на Святаго далеко отстоящій отъ взгляда христіанскаго. Поэтому, если та или иная роща и не является, быть можетъ, непосредственнымъ потомкомъ лѣснаго святилища языческихъ насельниковъ уѣзда, все-таки въ основаніи своемъ она имѣетъ одинаковое съ языческими рощами происхожденіе, родственна съ ними, если такъ можно выразиться, по духу, по той идеѣ, которая кроется въ фактѣ существованія этихъ священныхъ рощъ. Это, впрочемъ, едва ли можетъ насъ удивлять въ странѣ, гдѣ приносятся до сихъ поръ еще жертвоприношенія лѣсовику, гдѣ шлютъ поклоны водяному царю, гдѣ молятся вѣтрамъ и домашнимъ духамъ.

Священныхъ деревьевъ въ Пудожскомъ уѣздѣ намъ встрѣтить не удалось, но какъ переживаніе культа священныхъ деревьевъ можно указать на сосну, теперь на-половину высохшую, у деревни Ананьево (Купецкое оз.). Объ этой соснѣ ходитъ слѣдующій разсказъ: На мѣстѣ сосны была похоронена „панская сестра“ и изъ косы ея выросла эта сосна; „пробовали ее рубить, да не смогли“. Подъ этой сосной устраиваются „гулянки“ на Петровъ день.

Вообще, что касается христіанства, то оно, не смотря на свое давнее существованіе въ уѣздѣ, все-таки хранится жителями, главнымъ образомъ съ его обрядовой, формальной стороны и лишь немногими, встрѣчающимися, какъ рѣдкое и очень рѣдкое исключеніе, лицами, оно исповѣдуется какъ религія духовная, смыслъ которой является яснымъ только этимъ немногимъ избраннымъ. Въ понятіяхъ же большинства крестьянъ уѣзда оно до того смѣшано съ языческими вѣрованіями, обрядами и культомъ, что подчасъ можно забыть, что не находишься въ странѣ, населенной инородческимъ племенемъ, недавно лишь просвѣщеннымъ христіанствомъ.

Я не буду останавливаться на многихъ обрядахъ, связанныхъ съ христіанскими праздниками, на народномъ календарѣ, на колдунахъ и колдуньяхъ и т. п., что завело бы насъ за предѣлы бѣглаго очерка. Отмѣчу лишь какъ небезъинтересное переживаніе слѣдующій обычай. Извѣстно, что скотъ въ средней полосѣ Россіи выгоняется въ первый разъ на пастбище обыкновенно 23 Апрѣля. Въ Пудожскомъ уѣздѣ это является невозможнымъ, благодаря холоду, который стоитъ еще въ это время, почему выгонъ скота на пастбище производится около Николина дня (9 Мая). Но въ качествѣ переживанія сохранился у мѣстныхъ жителей обычай, все-таки въ Егорьевъ день (23 Апрѣля) выгонять скотъ, освященной вербой, хотя на нѣсколько минутъ изъ стойла на улицу.

Переживаніе это наглядно доказываетъ живучесть народныхъ вѣрованій и обрядовъ, даже въ томъ случаѣ, если эти обряды перенесены на почву и въ климатъ, совершенно несхожіе съ тѣми, въ которыхъ эти обряды возникли и развились.

Не касаясь подробностей, скажу въ общихъ чертахъ еще объ остаткахъ общественныхъ пировъ, сохранившихся въ уѣздѣ, и носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды языческихъ жертвоприношеній. Нужно замѣтить, что каждая, болѣе или менѣе значительная деревня имѣетъ своего Святаго, память котораго она только и чтитъ. Это—память того Святаго, во имя котораго построена въ данной деревнѣ часовня. О происхожденіи этого крестьяне разсказываютъ такъ: всякій разъ, когда въ деревнѣ случится падежъ скота, неурожай или повальная болѣзнь, — крестьяне даютъ обѣтъ—„завичаніе“ чтить память какого нибудь Святаго. Въ день памяти этого Святаго, даже если нѣтъ ему часовни, все-таки вся деревня служитъ общій молебенъ и не работаетъ въ этотъ день. Это, такъ называемые, „заповѣдные“ праздники. Въ эти же праздники обыкновенно купаются въ озерахъ. Эти праздничные дни имѣютъ чисто мѣстный характеръ: такъ напримѣръ, деревня Авдѣевская празднуетъ Ильинскую пятницу. Деревня же Бураково (въ которой находится и церковь приходская для деревни Авдѣевской, отстоящая отъ дерев. Авдѣевской въ 1-й верстѣ по озеру) празднуетъ день памяти св. Флора и Лавра и Петровскую пятницу.

Кромѣ этихъ чисто мѣстныхъ праздниковъ, существуютъ еще общіе для всей волости. Это—праздники тѣхъ Святыхъ, которые не являются покровителями одной какой либо деревни или мѣстности, но имѣющихъ одинаковое отношеніе ко всѣмъ крестьянамъ, безъ различія деревень и урочищъ. Въ такіе дни или совершаются цѣлою волостью крестные ходы и служатся молебны, либо даются пиры и приносятся у часовни то, что крестьяне

Digitized by Google

называютъ „жертвой". Послѣднее совершается въ дни памяти св. Ильи пророка, свв. апостоловъ Петра и Павла, св. Макарія и др. Впрочемъ, что касается „жертвы" въ день памяти свв. апостоловъ Петра и Павла, то, на сколько мнѣ извѣстно, это перешло теперь въ разсказы о прошломъ, хотя и очень недавнемъ прошломъ.

Какъ извѣстно эти общественные пиры, въ корнѣ своемъ происходящіе отъ древнихъ родовыхъ или племенныхъ жертвоприношеній, встрѣчались еще и въ древней Руси, да и въ настоящее время не составляютъ рѣдкости ни среди русскаго населенія, живущаго въ Олонецкой и Архангельской губ., какъ они не составляютъ рѣдкости и у многихъ инородцевъ, населяющихъ Россію. Въ древнемъ Новгородѣ эти общественные пиры-братчины были повидимому въ особенномъ ходу.

Въ Новгородѣ для пиршества соединялись улицы. Эти братчины устраивались на храмовые праздники, откуда и произошли ихъ названія „никольщина, покровщина" *) и т. п. „Каждый участникъ давалъ отъ себя „ссыпь" т. е. извѣстную, причитающуюся на его долю часть съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для приготовленія напитковъ; впослѣдствіи ссыпщики давали свою часть деньгами. Братчина изъ среды себя избирала пирового старосту, который распоряжался вкладами членовъ братчины и устраивалъ пиръ" **).

Обычай составлять складчины, хотя и въ гораздо менѣе развитой формѣ, новгородцы колонисты перенесли съ собой и въ современныя Архангельскую и Олонецкую губерніи. Этотъ обычай до сего времени свято чтится въ народѣ, хотя въ разныхъ мѣстахъ и ни въ одинаковой степени. Что касается Пудожскаго уѣзда, то онъ и въ этомъ отношеніи представляетъ лишь остатки, прежде, повидимому сильно развитаго обычая, сохранившагося въ гораздо болѣе чистой формѣ до сихъ поръ и въ Архангельской губерніи, въ нѣкоторыхъ ея уѣздахъ по крайней мѣрѣ, и въ уѣздѣ Каргопольскомъ. Волна новыхъ идей дала себя чувствовать и здѣсь.

То, что сохранилось въ относительной цѣлости въ другихъ уѣздахъ, здѣсь, въ уѣздѣ Пудожскомъ, представляетъ лишь жалкіе обломки прежняго культа.

Изъ этихъ общественныхъ пировъ, которые встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, въ болѣе или менѣе развитой формѣ, останавливаютъ на себѣ особое вниманіе „жертва" въ Ильинъ день на Корбозерѣ и жертва въ день св. Макарія на оз. Купецкомъ.

Что касается св. Ильи, то онъ является и въ Пудожскомъ уѣздѣ распорядителемъ грозы и молніи. Громъ происходитъ оттого, что Илья ѣдетъ въ это время по небу „въ таратайкѣ". Молнію называютъ „Божьей милостью"; „загорѣлось отъ Божьей милости", говорятъ въ случаѣ пожара отъ молніи и тушить такой пожаръ слѣдуетъ прѣснымъ, т. е. сырымъ молокомъ. Болѣе оригинальнымъ является вѣрованіе, что Илья даетъ хлѣбъ, что можетъ быть стоитъ въ связи съ вѣрованіемъ, распространеннымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (напр. у жителей Тарусинскаго у. Калужской губ.) что хлѣбъ зрѣетъ на только отъ солнца, но и отъ „молніи" — ночной зарницы. Интересна и молитва, которую читаютъ во время грозы: «Илья пророкъ многомилостивый, дай, Господи, тихую росу смиренную — частаго, мелкаго дождичку, сохрани и помилуй, Господи, на синемъ морѣ, въ темныхъ лѣсахъ, крещеныхъ на работѣ, милую скотинку, крестьянскую животинку отъ всякаго врага и супостата». Среди населенія существуетъ вѣра и въ громовыя стрѣлы. Эта стрѣла должна быть каменная и послѣ удара молніи ее тщательно ищутъ, прокапывая землю подчасъ довольно глубоко. На Кенозерѣ, гдѣ часто находятъ орудія каменнаго вѣка, какъ на берегу озера, такъ и въ поляхъ—эти каменныя орудія считаются за громовыя стрѣлы: ихъ хранятъ какъ „Божью милость", и сохраненіе ихъ дома даетъ счастіе. Въ случаѣ колотья въ бокахъ, ихъ обливаютъ водой и эту воду даютъ пить больному. Громовыя стрѣлы кладутъ также въ рѣпное сѣмя, чтобы оно не портилось. Неудивительно поэтому, что, разъ св. Илья пользуется особымъ передъ прочими святыми почетомъ, — что большинство общественныхъ пировъ приноровлено къ его празднеству. Наиболѣе типичнымъ представителемъ общественнаго пиршества въ день празднованія св. Ильи для Пудожскаго уѣзда является общественный пиръ на Корбозерѣ.

На Корбозерѣ сохранился обычай рѣзать быка въ день памяти св. Ильи пророка. За нѣсколько дней до праздника, крестьяне-корбозеры устраиваютъ складчину деньгами; на эту сумму покупаютъ у кого нибудь изъ сосѣдей быка. Наканунѣ праздника Корбозеры выбираютъ нѣсколько человѣкъ изъ своей среды, на обязанности которыхъ лежитъ зарѣзать быка и раздѣлить мясо на каждый дворъ, по числу душъ въ дворѣ. На слѣ-

*) Сб. мат. объ артеляхъ въ Россіи, вып. 2, 1876 стр. 170.

**) Тамъ же стр. 173

Digitized by Google

дующее утро, въ день праздника, всѣ отправляются къ обѣдни, а послѣ обѣдни остаются около церкви, гдѣ распорядители пиршества уже приготовили доски, долженствующія служить столами. Каждый домохозяинъ приноситъ кромѣ того съ собой рыбы, хлѣба и все вообще, что онъ считаетъ нужнымъ для своего обѣда и сдаетъ все это еще до обѣдни, въ продолженіе которой мясо и рыба варятся. Когда обѣдня кончается, каждая семья подходитъ къ своему котлу и обѣдаетъ, причемъ угощаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, приходящихъ всегда къ празднеству изъ сосѣднихъ деревень. Священникъ и причтъ не принимаютъ вполнѣ участія въ этомъ общественномъ пиршествѣ: они обѣдаютъ особо отъ остальныхъ присутствующихъ, но тѣмъ же жертвеннымъ мясомъ, которое для нихъ оставляется особо и отдѣльно варится. *) Что касается шкуры быка, то она идетъ въ пользу того хозяина, у котораго быкъ былъ купленъ, причемъ стоимость ея вычитается изъ платы за быка.

Объ общественномъ пивовареніи, практикуемомъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились общественные пиры въ Пудожскомъ уѣздѣ нѣтъ и помину: всякій приноситъ либо водки, либо квасу и пирующіе ограничиваются взаимнымъ угощеніемъ. Таково въ общихъ чертахъ общественное пиршество на Корзбозерѣ въ день памяти св. Ильи. Какъ видно оно въ главномъ мало чѣмъ отличается отъ древненовгородскихъ братчинъ.

Въ настоящее время пиршество въ день памяти св. Ильи пророка, въ томъ сравнительно полномъ видѣ, какъ на Корбозерѣ, нигдѣ въ уѣздѣ, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается болѣе. Встрѣчающіеся остатки пиршествъ въ этотъ день представляютъ лишь болѣе или менѣе значительныя переживанія нѣкогда болѣе развитыхъ, болѣе широко празднуемыхъ общественныхъ пиршествъ. Да и само Корбозерское пиршество, въ свою очередь, лишь болѣе хорошо и цѣло сохранившееся переживаніе братчинъ, сравнительно съ тѣми, которыя устраиваются въ Каргопольскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи. Этотъ обычай устройства общественнаго пиршества произошелъ, какъ мною было уже указано, изъ древнихъ родовыхъ и племенныхъ жертвоприношеній *), быть можетъ, громовнику, съ принятіемъ христіанства приноровленный къ празднику св. Ильи, замѣстившаго въ народномъ представленіи языческаго бога громовника. Этотъ языческій характеръ современнаго пиршества, иллюстрируется слѣдующимъ, уже извѣстнымъ впрочемъ въ литературѣ, народнымъ преданіемъ: въ древнее время, гласитъ это преданіе, къ мѣсту, куда собирались для общественнаго пира, прибѣгалъ олень иногда и лось, котораго и рѣзали. Однажды, когда всѣ уже собрались, олень все не прибѣгалъ: тогда не дождавшись оленя жители рѣшили зарѣзать по однимъ быку, по другимъ барана, смотря по тому, которое изъ двухъ животныхъ рѣжется въ этотъ день. Въ это самое время прибѣжалъ олень и, увидавъ, что его не дождались, убѣжалъ и ужъ больше не являлся **).

*) *Примѣчаніе.* Интересно, что въ большинствѣ мѣстностей, въ которыхъ сохраняются еще общественныя моленья, священники обѣдаютъ всегда отдѣльно, хотя также жертвеннымъ мясомъ, что, можетъ быть, объясняется уваженіемъ къ священническому сану. У народовъ-язычниковъ и полуязычниковъ мы встрѣчаемъ совершенно аналогичное явленіе, такъ напр. у Вотяковъ, Черемисъ и Ингушей, насколько мнѣ извѣстно, по сожженіи извѣстныхъ частей жертвеннаго животнаго или соблюденія того или другого жертвеннаго ритуала устраивается также пиръ, на которомъ присутствуютъ и жрецы причемъ также каждая семья обособливается, а жрецы обѣдаютъ отдѣльно. Этотъ распространенный обычай, что жрецы, замѣнившіе собою родовыхъ старѣйшинъ, обѣдаютъ отдѣльно, невольно наводитъ на мысль, что обычай, давать причту отдѣльно кушанье, произошелъ отъ того, что священники заняли мѣсто языческихъ жрецовъ, которые въ свою очередь, какъ я только что сказалъ, замѣнили собой родовыхъ старѣйшинъ. Это предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ происхожденіи современныхъ общественныхъ пировъ отъ языческихъ жертвоприношеній.

*) Лишнимъ доказательствомъ подтверждающимъ происхожденіе общественныхъ пиршествъ изъ древнихъ родовыхъ жертвоприношеній — можетъ служить и то обстоятельство, сообщаемое Т. И. Куликовскимъ (рефератъ „Общественный пиръ" въ Обонежьѣ), что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда женщины къ участію въ трапезѣ не допускаются; въ одной изъ мѣстностей поименованнаго уѣзда „говорятъ даже, что когда разъ кто-то далъ женѣ своей косточку, такъ и то медвѣдь много бѣдъ натворилъ".

**) *Примѣчаніе.* Преданіе о томъ, что къ жертвоприношенію прибѣгалъ олень, котораго и приносили въ жертву, столь распространенное почти во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ великороссами, гдѣ сохранились еще общественные пиры, встрѣчается и у зырянъ. Такъ по свѣдѣніямъ 1848 года (Вол. Г. Вѣд. № 10—12) извѣстно, что на Вышерѣ ходитъ совершенно такое же преданіе о жертвоприношеніи оленя, котораго также какъ-то разъ не дождались и приступили къ закланію домашняго животнаго. „Послѣ богослуженія, прибѣгаетъ жертвенное животное, и, видя что оно замѣнено другимъ, падаетъ тутъ же мертвымъ. Съ тѣхъ поръ таинственный олень болѣе не являлся... При входѣ въ церковь показываютъ обломокъ оленьяго рога... его считаютъ свидѣтельствомъ преданія о давно минувшемъ. Ижемцы, въ проѣздъ по здѣшнему селенію, всегда стараются пріобрѣсти хотя маленькій кусочекъ, который у нихъ почитается талисманомъ для умноженія своихъ стадъ... Ижемцы занимаются оленеводствомъ „(Кл. Поповъ: Зыряне и

Digitized by Google

Въ одной изъ мѣстностей уѣзда, въ Задней Дубровѣ, по словамъ г. Полякова, существуетъ анологичное преданіе, гдѣ мѣсто оленя заступаетъ лебедь.

Съ каждымъ годомъ все больше и больше падаетъ обычай устраивать общественныя пиршества, но преданіе о нихъ, тѣмъ не менѣе, живо еще; это и понятно, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ они прекратились лишь очень недавно. Ходятъ разсказы о прежнихъ общественныхъ пирахъ въ день св. Ильи и свв. Петра и Павла и въ Ильинскомъ погостѣ, а въ деревнѣ Конза-наволокъ разсказывали намъ, чте 20 Іюля, завичали нетёлку; на пречистенскомъ погостѣ – завичали на Петровъ день. По словамъ Г. И. Куликовскаго на Отовозерѣ приносится въ Ильинъ день въ жертву нехолощеный быкъ *непремѣнно краснаго цвѣта*, для того чтобы пр. Илья далъ хорошую, ясную погоду для сѣнокоса и уборки хлѣба.

Перейду теперь къ другому общественному пиру, носящему характеръ сильно отличный отъ вышеописаннаго, именно къ пиру, устраиваемому на озерѣ Купецкомъ у часовни св. Макарія. Этотъ видъ общественнаго пиршества также какъ и предыдущій напоминаетъ намъ о жертвоприношеніи чисто языческаго характера. Если въ Корбозерскомъ и ему подобныхъ пирахъ можно видѣть переживаніе родовыхъ или племенныхъ жертвоприношеній, то въ пиршествѣ, устраиваемомъ въ день памяти св. Макарія, который, кстати сказать, считается здѣсь покровителемъ стадъ—ясны слѣды жертвоприношенія по обѣту отдѣльныхъ семействъ. Если случится съ кѣмъ либо болѣзнь или другое какое нибудь несчастіе, падающее либо на одного изъ членовъ семьи, либо на всю семью, то страдающіе обѣщаютъ „завичаютъ“ св. Макарію барана. Этотъ баранъ выбирается изъ стада, получаетъ особую отмѣтку: ему либо навязываютъ ленту на шею или рога, либо мѣтятъ особо отъ прочихъ уши, чтобы не спутать его съ остальными; „завиченнаго“ барана откармливаютъ. Въ день памяти св. Макарія послѣ обѣдни, священникъ пріѣзжаетъ въ часовню, служитъ въ ней молебенъ; завищавшіе еще раньше рѣжутъ барановъ и варятъ ихъ мясо въ котлахъ. По окончаніи молебна священникъ окропляетъ святой водой „жертву“, какъ сами крестьяне называютъ въ данномъ случаѣ это мясо; послѣ этого начинается пиршество, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ желающіе; завищавшіе всѣхъ угощаютъ. Принимаютъ участіе и священникъ и причтъ. Что же касается до шкуры зарѣзанныхъ барановъ, то онѣ продаются, и деньги, вырученныя отъ продажи, идутъ въ пользу часовни. Крестьяне очень дорожатъ благословеніемъ „жертвы“, т. е. окропленіемъ ея священникомъ святой водою. Когда однажды мѣстный священникъ, желая искоренить этотъ обрядъ, отказался окропить жертвенное мясо святой водою и послѣ молебна тотчасъ уѣхалъ, крестьяне долго не рѣшались приступить къ пиршеству неблагословеннаго мяса; они нѣсколько разъ посылали къ священнику просить его пріѣхать, но тотъ оставался непреклоннымъ. Лишь послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ склонить священника крестьяне рѣшились, скрѣпя сердце,

---

Зырянскій край: въ Извѣст. Имп. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XIII, вып. 2-й. 1874 г., стр. 19. Примѣч.). Не вдаваясь въ объясненіе этого преданія и преданій съ нимъ аналогичныхъ, позволю себѣ указать, что олень вообще въ представленіяхъ многихъ народовъ является животнымъ, такъ сказать, „полубожественнымъ“. Не останавливаясь на значеніи оленя въ христіанскомъ искусствѣ, позволю себѣ отмѣтить, что вообще, даже въ древне-христіанскомъ искусствѣ, заимствовавшемъ много мотивовъ изъ языческой культуры, олень занимаетъ важное мѣсто въ символикѣ: Іисусъ Христосъ, Апостолы, Евангелисты, Святые, кающіеся нерѣдко изображаются въ видѣ оленя. (Martigny: Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes p. 158). Много ходитъ преданій и легендъ о явленіи иконъ на рогахъ оленя, какъ напр Ченстоховская икона Божіей Матери; кромѣ того, въ житіи св. Евстафія Плакиды также является олень, который заводитъ Святаго въ уединенное мѣсто, гдѣ ему является Спаситель; по другимъ варіантамъ олень заводящій Плакиду имѣетъ между рогами крестъ. Въ легендѣ о св. Губертѣ олень также является съ распятіемъ между рогами, а у румынъ разсказывается, что олень, въ котораго охотники намѣреваются стрѣлять, оказывается Іоанномъ Крестителемъ, котораго въ гнѣвѣ заклята мать. (А. Потебня: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень; стр. 325). Въ миѳологіяхъ многихъ арійскихъ народовъ вспоминается олень: такъ напр. чудесная лань Артемиды у Грековъ. Въ германской миѳологіи поминается также олень, „съ роговъ котораго падаютъ капли, стекающія въ источникъ у одного изъ корней ясеня Иггдрасилле, откуда вытекаютъ многія рѣки“. (А. Потебня ibid.). Въ нашихъ народныхъ сказкахъ является нерѣдкоолень-золотые рога, оказывающій то или иное вліяніе на судьбу героевъ сказки. Въ „Объясненіяхъ малор. и сродн. народн. пѣсень“ (стр. 319—339) приводится цѣлый рядъ пѣсень, въ которыхъ выступаетъ чудодѣйственный олень, „ланья бурая, съ оленьятами“, которая говоритъ человѣческимъ языкомъ; олень то доставляетъ добру-молодцу невѣсту, то подаетъ ему счастье въ его семейной жизни. Въ чешской пѣснѣ „молодецъ пасетъ оленей, посылаетъ одного къ дѣвицѣ; олень приноситъ на рогу яблоко; изъ раскроеннаго яблока, вылетаетъ птица, это не птица, а дѣвица“. Не касаясь больше многочисленныхъ примѣровъ объ упоминаніи оленя, позволю себѣ отмѣтить, что уже тотъ фактъ, что олень такъ часто и въ столькихъ мѣстностяхъ, выступаетъ въ своей сказочной миѳической роли, заставляетъ думать, что въ основаніи преданія о прибѣганіи оленя къ жертвоприношенію, лежитъ вѣрованіе, утратившееся въ настоящее время у пудожанъ, но вѣрованіе, имѣвшее тѣсную связь съ религіозными представленіями ихъ прапредковъ-язычниковъ.

Digitized by Google

приступить къ пиршеству, которое въ тотъ разъ, по словамъ крестьянъ, прошло очень вяло. Такого же рода завичанья барановъ употребительны у крестьянъ и по отношенію къ другимъ святымъ, напримѣръ св. Пахомію. Какъ переживаніе этого древняго жертвоприношенія, мы встрѣчаемъ слѣдующій обычай у Пудожанъ: завичаютъ кромѣ овецъ, быковъ и телятъ также шерсть, полотно и масло; все это, смотря потому, куда и какому святому это было завѣщано, сносятъ либо въ Муромскій монастырь св. Лазаря на праздникъ св. Іоанна Крестителя (24 Іюля), либо въ Кенскій монастырь въ день памяти св. Пахомію (8 Сентября), либо въ Макарьевскій монастырь. Какъ скотъ, такъ и принесенныя шерсть, полотно, масло поступаютъ въ монастырь, который ихъ отъ себя и продаетъ.

Жертва св. Макарію на Купецкомъ озерѣ является не менѣе интереснымъ переживаніемъ древнихъ вѣрованій, чѣмъ общественное пиршество въ Ильинъ день: оно сохранило также много признаковъ древняго жертвоприношенія, также рельефно отразило на себѣ прежнія религіозныя воззрѣнія населенія. Этотъ обрядъ „завичать“ св. Макарію сохраняется крѣпче среди крестьянъ, чѣмъ общественный пиръ въ Ильинъ день, и, въ то время, какъ послѣдній съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ и становится все рѣже,—жертва „завиченныхъ“ животныхъ св. Макарію продолжаетъ жить и, насколько мнѣ извѣстно, не идетъ такъ быстро къ разрушенію. Это быть можетъ объясняется тѣмъ, что и само „завичаніе“ *отдѣльными семьями* жертвенныхъ животныхъ — есть слѣдствіе разрушенія принциповъ родового быта, причемъ жертвоприношеніе цѣлымъ родомъ-племенемъ замѣнилось жертвоприношеніемъ отдѣльной семьей; какъ явленіе болѣе недавнее оно должно было оказаться и болѣе живучимъ.

Этимъ бѣглымъ очеркомъ я полагаю закончить мое сообщеніе. Считаю однако необходимымъ въ заключеніе оговориться, что каковы бы ни были переживанія древнихъ вѣрованій среди пудожанъ, какъ бы ни сильны были въ нихъ воспоминанія о прошломъ культѣ ихъ предковъ-язычниковъ, не нужно все-таки забывать, что они хранятся преимущественно лишь среди женскаго населенія уѣзда, что въ средѣ мужскаго населенія эти воспоминанія гораздо слабѣе. Не слѣдуетъ и забывать того, что эти остатки прадѣдовскихъ вѣрованій лишь обломки, сохранившіеся, благодаря тѣмъ или инымъ условіямъ, среди общей ломки и крушенія всего стараго быта, что это лишь одинокіе острова среди волнъ новыхъ идей. Общая ломка прежнихъ устоевъ настолько сильна, настолько отразилась на всѣхъ другихъ сторонахъ быта, что, занимаясь изученіемъ юридическаго быта крестьянина Пудожскаго уѣзда и его домашней обстановки, трудно представить себѣ, что такіе драгоцѣнные остатки старины онъ хранитъ въ себѣ подъ этой внѣшней оболочкой „петербургской культуры“.

Николай Харузинъ.
Nikolai Kharuzin

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Opisanie dietskikh igrushek i igr v selie Mazuninie Sarapul'skago viezda

Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.

Viatekoi gub.

Всѣ игрушки и игры дѣтей въ селѣ Мазунинѣ можно раздѣлить на двѣ главныя группы 1) на подражательныя и 2) на чисто-дѣтскія.

Къ первой группѣ я отношу всѣ игрушки и игры, которыя выработались у дѣтей чрезъ подражаніе ихъ старшимъ въ ежедневныхъ занятіяхъ этихъ послѣднихъ и чрезъ подражаніе неразлучнымъ съ этими занятіями различнымъ орудіямъ и дѣйствіямъ, при которыхъ эти орудія употребляются.

Ко второй группѣ я отношу всѣ тѣ игрушки и игры, которыя выработались, по моему мнѣнію, у дѣтей самобытно испоконъ вѣковъ ихъ непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ.

Описывая тотъ и другой родъ игрушекъ и игръ, я имѣю въ виду только тѣ изъ нихъ, которыя исполняются дѣтьми безъ всякой иниціативы со стороны старшихъ, или если она, эта иниціатива и является гдѣ нибудь, то въ такомъ незначительномъ видѣ, что не имѣетъ никакого рѣшающаго вліянія на свободную волю дѣтей: сами дѣти дѣлаютъ себѣ игрушки, сами изобрѣтаютъ для себя игры и сами-же установляютъ тѣ законы, по которымъ должны совершаться эти игры. Здѣсь все предоставлено собственной волѣ дѣтей, ихъ вкусамъ и наклонностямъ.

1.

Игрушки подражательныя.

Такъ какъ бытъ Мазунинскихъ жителей — бытъ земледѣльческій, то и игрушки этого рода относятся всѣ къ этому быту. Этотъ отдѣлъ игрушекъ составляютъ: а) соха, б) борона, в) мельница — водяная и вѣтряная и г) телѣжка.

а) *Соха и борона.* Эти игрушки представляютъ изъ себя совершенное подобіе названныхъ земледѣльческихъ орудій. Дѣлаютъ ихъ сами дѣти и дѣлаютъ на столько хорошо, что не оставляютъ желать ничего лучшаго. Цѣнность работы и ея достоинство увеличиваются еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что все дѣлается только съ помощію топора и ножа и, рѣдко, къ этимъ двумъ инструментамъ присоединяется еще долото или буравчикъ.

б) *Мельница вѣтряная и водяная.* На конецъ длиннаго шеста укрѣпляютъ поперекъ палку съ полъаршина длиною такъ, чтобы палка эта свободно вращалась вокругъ шеста; затѣмъ изъ досчечекъ выстрагиваютъ отъ 2-хъ до 6-ти крыльевъ, на подобіе крыльевъ вѣтряной мельницы. Крылья эти скрѣпляютъ между собою, провертываютъ посреди ихъ отверстіе и затѣмъ чрезъ это отверстіе прикрѣпляютъ ихъ гвоздемъ къ палочкѣ, поперечной длинному шесту, такъ, что крылья свободно могутъ вращаться на этомъ гвоздѣ. Чтобы крылья мельницы вращались постоянно, когда дуетъ вѣтеръ, въ другой конецъ палки, на которой укрѣплены крылья, вставляютъ перпендикулярно широкую тоненькую досчечку или лубочекъ, такъ что получается вмѣстѣ и флюгеръ и мельница. Вѣтеръ, ударяя въ эту досчечку, поворачиваетъ мельницу крыльями себѣ навстрѣчу, и онѣ начинаютъ вертѣться.

Водяная мельница по своему устройству еще менѣе замысловата, чѣмъ вѣтряная. Берутъ кругленькую палочку въ полъаршина длины, средину этой палочки надкалываютъ со всѣхъ сторонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, соотвѣтственно предполагаемому числу крыльевъ. Для крыльевъ обстрагиваютъ ножемъ нѣсколько лучинокъ, дѣлаютъ ихъ всѣ равной длины и ширины. Затѣмъ обстроганныя и выровненныя такимъ образомъ лучинки вколачиваютъ въ надколы вала — и водяная мельница готова Эту мельницу несутъ куда нибудь или на дождевой ручеекъ, или на ключъ, струящійся гдѣ нибудь съ горы (а такихъ ключей здѣсь множество) и концы валика укрѣпляютъ въ берега, такъ, чтобы валикъ свободно могъ вращаться. Вода, протекая, задѣваетъ крылышки и заставляетъ валикъ вертѣться.

г) *Телѣжка.* Телѣжки дѣлаютъ двухъ родовъ—въ четыре колеса и въ два. Тѣлежка въ четыре колеса представляетъ изъ себя совершенное подобіе большой телѣги съ тѣмъ-же устройствомъ всѣхъ ея деталей, за исключеніемъ колесъ и желѣзныхъ частей. Колеса большею частью дѣлаются пиленыя и рѣдко-точеныя. Пиленыя колеса дѣлаются изъ бревенъ вершка въ 3—4 толщиною и дѣлаются весьма просто: отпилятъ отъ дерева кружокъ въ вершокъ толщиною, въ центрѣ кружка провертятъ или продолбятъ круглое отверстіе— и колесо готово. Точеныя колеса вытачиваютъ на токарныхъ станкахъ, которые здѣсь водятся у крестьянъ, занимающихся выдѣлкою настоящихъ колесъ. Телѣжка о двухъ колесахъ состоитъ изъ одной только оси, на которую и насажены оба колеса, а по срединѣ этой оси провертывается отверстіе и въ него вставляется рукоятка, за которую возятъ телѣжку, Чтобы колеса не спадали съ оси, по концамъ оси вбиваютъ гвоздики.

Digitized by Google

Игры подражательныя.

Эти игры, какъ самыя игрушки, которыя мы только что разсматривали, представляютъ изъ себя полное подражаніе старшимъ Главное время этихъ игръ – лѣто и не потому только, что лѣтомъ тепло ивездѣ просторно играть – этосправедливо только съ одной стороны. Съ другой, – что собственно вызываетъ эти игры – это то, что лѣто – пора рабочая въ крестьянскомъ быту. Общія впечатлѣнія дѣтей, которыя они получаютъ во все это время, впечатлѣнія труда во всѣхъ его видахъ. Да и сами они нерѣдко становятся участниками въ этомъ трудѣ старшихъ. Не мудрено, что эти-же элементы труда входятъ и въ ихъ игры и придаютъ ихъ забавамъ дѣловую окраску.

Сбираются нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ на удобное для игры мѣсто и здѣсь начинаютъ прежде всего строить домъ. Дома дѣлаютъ или въ видѣ шалашей и покрываютъ ихъ соломой или травою, или-же чаще просто изъ рядовъ вбитыхъ въ землю колышковъ, которыми они отгораживаютъ себѣ воображаемыя жилища. Но за то чего-чего только не нагородятъ они себѣ изъ этихъ колышковъ! Тутъ и стряпущая изба, и горница, куда принимаютъ гостей, и сѣни, и хлѣвы, и сараи—все есть. Устроивъ такимъ образомъ жилище, дѣти начинаютъ игры. Мальчики отправляются на работы, дѣвочки остаются дома. Вотъ двое мальчиковъ берутъ соху и везутъ ее куда нибудь на такое мѣсто, гдѣ земля по мягче или гдѣ песокъ – и начинается игра. Одинъ впрягается въ соху; другой берется за рогачъ—и пашутъ выбранное мѣсто. Двое другихъ привозятъ туда-же борону и начинаютъ оборанивать вспаханное товарищами пространство. Тамъ двое запряглись въ телѣжку, третій сѣлъ на нее— и-поѣхали. Пріѣзжаютъ они на лугъ и начинаютъ сѣно косить. Нарвали руками травы, наложили ее рядами и поѣхали домой. Минуту спустя изъ дома выходятъ дѣвочки; онѣ идутъ тоже на лугъ - переворачивать только что скошенное сѣно и метать его въ стога. Другая партія дѣвочекъ идетъ на другую часть луга, и здѣсь начинается жнитво. Онѣ рвутъ руками все ту-же траву и вяжутъ ее въ снопы. Пріѣзжаютъ съ телѣжкой мальчики, складываютъ эти снопы на телѣжку и везутъ ихъ домой молотить. Однѣ работы кончены – много еще остается другихъ. Вотъ на ту-же телѣжку кладутъ навозу, везутъ его на только что распаханное поле, и разбрасываютъ его здѣсь. Поле готово, остается его засѣять. Не далеко пилятъ тесъ. Съ той-же телѣжкой мальчики ѣдутъ за опилками, привозятъ ихъ на свою распаханную и удобренную полосу и разсѣваютъ ихъ по ней. Бороноволоки оборанивают тотчасъ же посѣвъ. Полевыя работы кончены. Надо запасти дровъ, — и вотъ все съ той-же телѣжкой мальчики отправляются куда нибудь въ высокій репейникъ,—воображаемый лѣсъ.—Здѣсь они надергиваютъ съ корнемъ или наламываютъ этого репейника и везутъ его въ свое игрушечное жилище. Это—запасъ дровъ на зиму. А въ домѣ? Здѣсь пока въ отсутствіи мальчиковъ господствуетъ дѣвичій міръ. Одна вырыла въ землѣ ямку, и наложила въ нее нѣсколько кусочковъ глины; другая взяла черепокъ и пошла съ нимъ на рѣчку за водой. Принесла она воды и вылила ее на глину. Затѣмъ онѣ обѣ принялись мѣсить эту глину. Это онѣ мѣсятъ хлѣбъ. Рядомъ другія дѣвочки ведутъ самую разнообразную стряпню – готовятъ рабочимъ ужинъ. Одна дѣвочка сидитъ въ уголкѣ и убаюкиваетъ куклу—ребенка. Поодаль другая сбираетъ тряпки, кладетъ ихъ на концы палки и, положивъ палку на плеча, важно несетъ тряпки на рѣку—полоскать бѣлье. Третья возится въ „стаѣ“—убираетъ воображаемую скотину. Но вотъ работы кончены. Мальчики возвращаются, садятся всѣ за свой ужинъ. Послѣ ужина принимаются всѣ за забавы; вотъ собрались на катанье; двое-трое впрягаются въ телѣжку, столько-же садятся на нее, и импровизированная пара или тройка несетъ своихъ сѣдоковъ—только стукъ колесъ да скринъ ихъ далеко несется по улицѣ. Словомъ въ этихъ играхъ предъ вами развертывается полная обстановка крестьянскаго житья-бытья, проносится полная до мельчайшихъ подробностей картина крестьянской трудовой жизни. Что не достаетъ въ этой игрушечной обстановкѣ противъ дѣйствительности, то дополняетъ подвижное дѣтское воображеніе, богатое всевозможными вымыслами и способностью одухотворять все. Безъ сомнѣнія въ этихъ играхъ заключаются первые уроки того дѣла, за которое возьмется впослѣдствіи будущій земледѣлецъ.

Но не всегда игры дѣтей остаются играми,—иногда эти игры выходятъ изъ своихъ рамокъ и переходятъ прямо въ настоящую работу. Такъ, напримѣръ, по два года я наблюдалъ здѣсь игры—работы дѣтей обоего пола отъ 7 до 13 лѣтъ, состоявшія въ запруживаніи рѣки, которая протекаетъ по серединѣ села. Рѣка эта лѣтомъ, въ жаркое время, дѣлается обыкновенно весьма мелководной («курица перейдетъ въ любомъ мѣстѣ» – по мѣстному выраженію). Когда въ серединѣ лѣта прошлаго года рѣка такимъ образомъ обмелѣла, человѣкъ 15 дѣтей обоего пола, по своей собственной иниціативѣ, безъ всякаго принужденія со стороны старшихъ, явились на рѣку: кто съ топоромъ, кто съ лопатой, кто съ колотушками—и работа закипѣла. Живо нанесены были колья, кусты, солома, навозъ. Кто тешетъ колья: кто вколачиваетъ ихъ въ дно рѣки, кто заплетаетъ вколоченные колья кустами, кто прудитъ,— и въ день — два плотина была готова да еще такая, что цѣлое лѣто противостояла всѣмъ напорамъ воды. Выше плотины образовалось довольно порядочное озеро, въ которомъ свободно могли купаться и сами строители и ихъ товарищи и подруги, а на поверхности его—плавать гуси и утки. По-ниже же плотины паденіемъ воды такъ расчистило русло рѣки, что этимъ мѣстомъ стали пользоваться и взрослые и для купанья, и для полосканья бѣлья. Такая же работа была произведена и этимъ лѣтомъ.

2.

Игрушки чисто дѣтскія.

Объ игрушкахъ покупныхъ я не считаю нужнымъ говорить, такъ какъ эти игрушки едва-ли не одинаковы для всѣхъ мѣстностей. По крайней мѣрѣ здѣсь я вижу въ продажѣ такія же, какія я видѣлъ и въ Казани. Игрушки мѣстнаго производства и притомъ производства дѣтей здѣсь слѣдующія: а) свистулька, б) мячъ, в) шаръ, г) барабанъ, д) пузырь, е) солдатъ съ саблей, ж) волчекъ, з) лукъ со стрѣлою, и) трещетка и і) московка (змѣй). За безъинтересностью устройства этихъ игрушекъ остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Мячъ. Мячи дѣлаютъ изъ тряпокъ или кожи, изъ клубковъ пряденой старой шерсти и изъ непряденой-новой. (Покупаютъ—резиновые). Изъ одной непряденой шерсти мячи дѣлаютъ такимъ образомъ: берутъ клокъ шерсти и катаютъ его кругообразно въ рукахъ. Когда шерсть значительно укатается, бросаютъ ее въ

Digitized by Google

кипятокъ и оставляютъ ее тамъ приблизительно на полчаса. Потомъ шерсть просушивается и превращается въ плотный упругій шаръ—мячъ. Мячи изъ шерсти и въ особенности мячъ послѣдняго рода—самые лучшіе мячи, такъ какъ упругостью они иногда не уступаютъ резиновымъ.

Солдатъ съ саблей. Вырѣзаютъ изъ дерева статую человѣка. Въ плечахъ этой статуи провертываютъ круглое отверстіе, а въ отверстіе вставляютъ палочку, которая могла-бы свободно вращаться въ этомъ отверстіи. Къ концамъ палочки прикрѣпляютъ руки. Затѣмъ къ пальцамъ правой руки такой статуи прикрѣпляютъ деревянную же саблю, а къ лѣвой гусиное перо. (Руки располагаютъ такъ, что въ то время, когда правая бываетъ поднята вверхъ, лѣвая опускается внизъ). Статую эту укрѣпляютъ на длинномъ шестѣ. Когда подуетъ вѣтеръ, онъ задѣваетъ за перо и руки начинаютъ дѣлать круговращательныя движенія, какъ будто солдатъ машетъ своею саблею.

Трещетка. Выстрагиваютъ два четыреугольныхъ брусочка длиною въ полъаршина. Въ каждомъ изъ этихъ брусочковъ дѣлаютъ по три отверстія — одно противъ другого. Два отверстія дѣлаютъ по краямъ брусочковъ, третье—по срединѣ. Одно изъ крайнихъ отверстій на каждомъ брусочкѣ дѣлаютъ круглое. Въ четыреугольныя отверстія плотно вставляютъ двѣ поперечины, а въ круглыя – валикъ. Этотъ валикъ вставляется такъ, чтобы вокругъ него могла свободно вращаться составленная изъ брусочковъ рамка. На той части валика, которая вставлена въ рамку, нарѣзаютъ вокругъ него продольные рубчики; оканчивается валъ круглой рукояткой. По срединѣ рамки вставляютъ тоненькую досточку вдоль всей рамки, перегибая ее черезъ оба брусочка рамки, упирая концомъ въ зубчики валика. Когда такимъ образомъ трещетка устроена, берутъ трещетку за рукоятку валика и дѣлаютъ круговращательныя движенія рукою. Отъ этихъ движеній рамка трещетки вертится вокругъ валика, а поперечная перекладина задѣваетъ за зубцы валика и производитъ трескъ.

Игры чисто дѣтскія.

Игры этого отдѣла здѣсь существуютъ слѣдующія: а) игры съ движеніями, б) игры съ мячемъ, в) игры съ шаромъ, г) игры кружками, палками, деревяшками и т. п. д) игры съ веревкою, е) игры съ завязанными глазами, ж) игры въ прятки, и з) символическія игры.

а) Игры съ движеніями.

Игры съ движеніями здѣсь слѣдующія: 1) въ лошадки, 2) катанье съ горъ, 3) качели, 4) ходули, 5) въ перескачки, 6) въ горѣлки, 7) въ колышки, 8) въ смольники, 9) въ кругъ, 10) съ лѣса на лѣсъ.

1) *Катанье съ горъ.* Во время катанья съ горъ никакихъ собственно игръ не происходитъ. Катанье производится или съ нарочно для этого устроенныхъ изъ снѣга горъ, или-же съ высокаго пологаго берега рѣки. Мѣсто катанья—гору или берегъ рѣки, обыкновенно равняютъ лопатами и поливаютъ водою. Съ такихъ горъ катаются на санкахъ, лоткахъ, на соломѣ или просто безъ всего. Санки у здѣшнихъ дѣтей представляютъ изъ себя совершенное подобіе обыкновенныхъ крестьянскихъ дровней и большею частью покупныя. Лотки дѣлаютъ сами мальчики. Лотокъ представляетъ изъ себя нѣчто подобное скамьѣ съ двумя перевернутыми вверхъ ножками. Эти ножки вставляются какъ разъ по срединѣ лотка. Передній конецъ лотка обыкновенно заостряютъ съ боковъ и съ нижней стороны стесываютъ. Катаются на лоткахъ или стоя, становясь позади ножекъ и держась за нихъ руками, или сидя, садясь на поперечинку ножекъ.

2) *Качели.* Качели устраиваются обыкновенно на нарочно для того устроенныхъ изъ жердей козлахъ. Жерди связываются веревками по три и представляются въ видѣ треножниковъ. На верхъ обоихъ треножниковъ кладутъ перекладину и къ ней привязываютъ одну или двѣ веревки. Если привязана одна веревка, то внизу на нее кладутъ доску, длиною въ ¾ — 1 арш., на которую поперекъ и садится желающій качаться. Если-же повѣшены двѣ веревки, то берутъ длинную доску и привязываютъ ее за концы повѣшенными веревками. Съ каждаго конца встаютъ по одному качальщику, которые и раскачиваютъ качель, а на средину доски садятся тѣ, кого качаютъ, сколько ихъ помѣстится.

3) *Въ перескачки.* Играющіе ложатся всѣ по прямой линіи, поперекъ этой прямой, головами въ одну сторону. Промежутки между лежащими—сажени 2—3. Самый крайній изъ лежащихъ встаетъ и начинаетъ скакать чрезъ всѣхъ лежащихъ, начиная съ своего сосѣда. Когда онъ перескочитъ черезъ послѣдняго, то ложится рядомъ съ этимъ послѣднимъ, на одинаковомъ разстояніи съ остальными. Затѣмъ встаетъ слѣдующій и дѣлаетъ то же и т. д. перескакиваютъ всѣ до послѣдняго.

4) *Въ Колышки.* Преобладающіе участники въ этой игрѣ—дѣвочки, иногда впрочемъ и мальчики. По окружности круга—около трехъ и болѣе саженей въ діаметрѣ садятся играющіе. Эти посаженные называются колышками. Возлѣ каждаго колышка становится его хозяинъ. Такъ располагаются всѣ попарно, кромѣ одного, играющаго—покупателя колышковъ. Покупателемъ колышковъ становится кто-нибудь по желанію. Покупатель подходитъ къ кому-нибудь изъ хозяевъ и проситъ у него продать колышекъ. Хозяинъ соглашается. Тогда оба и хозяинъ, и покупатель — каждый прикасается одновременно рукою къ головѣ колышка и оба пускаются бѣжать по внѣшней окружности круга, образуемаго колышками и ихъ хозяевами, въ направленіи каждый противуположномъ одинъ другому. Кто изъ нихъ прежде прибѣжитъ къ продающемуся колышку, въ собственность того и переходитъ колышекъ, а оставшійся безъ колышка идетъ покупать къ слѣдующему хозяину.

5) *Въ смольники.* Выбираютъ какую нибудь яму или оврагъ. По жребію избираютъ, кому стоять въ ямѣ – смолить. Остальные играющіе перебѣгаютъ взадъ и впередъ по ямѣ и кричатъ: „смольникъ, смольникъ, смолочку-то у тебя украли“! Смольникъ ловитъ бѣгающихъ по ямѣ и, кого поймаетъ, тому и смолить, а самъ присоединяется къ остальнымъ играющимъ.

6) *Въ кругъ.* Берутъ другъ друга за руки и начинаютъ быстро бѣгать кругомъ. Усталый бѣгунъ отрывается отъ общаго круга и летитъ далеко въ сторону. Кругъ снова смыкается и снова всѣ начинаютъ быстро бѣгать, теряя одного за другимъ. Это кружженіе происходитъ до тѣхъ поръ, пока не растеряютъ большей половины игроковъ, и пока остальные не опустятся отъ изнеможенія на землю.

7) *Съ лѣса на лѣсъ.* Выбираютъ такое мѣсто, гдѣ много положено лѣса бревенъ или досокъ. По желанію кто нибудь одинъ становится на землю ловить; остал-

Digitized by Google

ные всѣ размѣщаются по лѣсу. Затѣмъ стоящіе на лѣсѣ сбѣгаютъ на землю и перебѣгаютъ съ одной лѣсины на другую. Въ то время, когда кто-нибудь изъ стоящихъ на лѣсѣ станетъ на землю, ловецъ старается схватить его. Кого ловецъ поймаетъ, тотъ и долженъ ловить, а самъ онъ становится вмѣстѣ съ другими на лѣсъ.

б) Игры съ мячемъ.

Игръ съ мячемъ здѣсь существуютъ шесть: 1) билъ — бѣгалъ (лапта), 2) изъ круга, 3) въ лунки, 4) въ столбъ, 5) билъ-бѣгалъ объ одномъ шарильщикѣ и 6) объ стѣнку.

1. *Въ столбъ.* Выбираютъ какой нибудь столбъ, (напримѣръ—воротній) и по желанію кого нибудь ставятъ одного изъ играющихъ съ мячемъ у назначеннаго столба—спиною къ этому столбу. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: стоящій у столба подбрасываетъ мячъ на небольшую высоту кверху и потомъ рукой отбиваетъ его по направленію къ стоящимъ «въ полѣ». Тѣ ловятъ летящій мячъ, стараясь схватить его прежде, чѣмъ онъ упалъ на землю. Поймавшій мячъ бросаетъ имъ въ столбъ. Тотъ, кто попадетъ въ столбъ, идетъ къ столбу ударять мячъ, а ударявшій прежде присоединяется къ остальнымъ ловить; сдѣлавшій промахъ остается въ прежнемъ положеніи. Ударъ въ столбъ только тогда считается дѣйствительнымъ, когда мячъ ударяется въ него непосредственно изъ руки бросившаго. Ударъ, произведенный отраженіемъ мяча отъ земли не считается. Иногда ставятъ условіемъ, что поймавшій непосредственно въ руки брошеный отъ столба мячъ считается какъ-бы попавшимъ имъ въ столбъ и идетъ ударять мячъ.

2. *Билъ-бѣгалъ объ одномъ шарилѣ.* Два упрощенія лапты:

а) Въ этой игрѣ матокъ не избираютъ. Бросаютъ жребій, кому подавать мячъ. Мячъ бьютъ рукой. Бьютъ въ вертикальномъ направленіи. Каждый бьющій, ударивъ по мячу, долженъ тотчасъ-же непремѣнно бѣжать до другого сала и обратно. Въ это время подающій долженъ или поймать мячъ при паденіи послѣдняго внизъ, или, если ему это не удалось, схватить его съ земли и попасть имъ въ перебѣгающаго въ это время отъ сала до сала пробившаго. Удача въ томъ и другомъ случаѣ переводитъ шарилку въ бьющіе, и только что пробившаго въ шарилы. При неудачѣ въ обоихъ случаяхъ шарила остается при своей обязанности.

б) Эта игра—еще большее упрощеніе предъидущей: здѣсь не перебѣгаютъ отъ сала до сала и не бросаютъ мячемъ въ бѣгущаго. Такимъ образомъ при обстановкѣ, одинаковой съ предъидущей, вся эта игра заключается лишь только въ томъ, что одинъ подаетъ мячъ, другой бьетъ, а всѣ остальные ловятъ мячъ. Кто поймаетъ, тотъ и ударяетъ мячъ; подаетъ же желающій.

3. *Объ стѣнку.* Эта игра происходитъ большею частью въ домѣ, но не исключительно. Она состоитъ изъ 11 различныхъ фигуръ, требующихъ болѣе или менѣе ловкости со стороны играющихъ. Всѣ фигуры составляются изъ бросаній мячемъ извѣстнымъ образомъ. Нормальное число бросаній мяча въ каждой фигурѣ иногда 3 раза, иногда 5. Главное условіе всей игры—не выронить изъ рукъ мячъ. Если мячъ будетъ вороненъ изъ рукъ, то играющій долженъ передать его другому, а самъ ожидать слѣдующей своей очереди. Дождавшись очереди, онъ начинаетъ игру съ той самой фигуры, во время исполненія которой онъ выронилъ мячъ. Не исполнившій окончательно всѣхъ фигуръ, подвергается, какъ увидимъ ниже, наказаніямъ.

Фигура первая. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну на 1—2 аршина выше головы подъ острымъ угломъ и, стоя прямо, лицомъ къ стѣнѣ, ловитъ его одной или обѣими руками.

Фигура вторая. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну, какъ и въ предъидущей фигурѣ, но не ловитъ его, а отбиваетъ рукою по тому же приблизительно направленію, по какому падаетъ мячъ, такъ что мячъ здѣсь непрерывно перелетаетъ отъ стѣны къ рукѣ и отъ руки къ стѣнѣ.

Фигура третья. Галки. Пученье глазъ. Играющій становится къ стѣнѣ спиною и сгибаетъ назадъ голову такимъ образомъ, что темя его головы упирается въ стѣну. Уставившись такъ, онъ бросаетъ надъ своимъ лицомъ мячъ, какъ въ первой фигурѣ.

Фигура четвертая. Чрезъ ногу. Эта фигура только для мальчиковъ. Играющій становится на одну правую ногу, а лѣвой упирается въ стѣну перпендикулярно этой послѣдней, т. е. такъ, чтобы вся ступня его согнутой въ колѣнѣ лѣвой ноги лежала на стѣнѣ. Затѣмъ онъ бросаетъ мячъ такъ, чтобы онъ, облетая пролеталъ подъ лѣвую ногу, и ловитъ его по другую сторону ноги.

Фигура пятая. Играющій становится лицомъ къ стѣнѣ и, вытянувъ лѣвую ногу, упирается кистью ея въ стѣну. Правую руку онъ просовываетъ подъ лѣвую и бросаетъ мячъ такимъ-же образомъ, какъ и въ предъидущей фигурѣ.

Фигура шестая. Хамы. Играющій бросаетъ мячъ отвѣсно къ полу и на лету сверху ловитъ его, не допуская упасть на полъ.

Фигура седьмая. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи и, въ то время, когда мячъ летитъ вверхъ, перевертываетъ кисть руки ладонью книзу, принимаетъ ударъ мяча на руку и, не перемѣняя положенія руки, снова подбрасываетъ мячъ кверху, затѣмъ, во время этого полета мяча, оборачиваетъ кисть руки ладонью кверху, принимаетъ ударъ мяча и снова подбрасываетъ его вверхъ. Потомъ снова оборачиваетъ руку ладонью книзу, и т. д.

Фигура восьмая. Землянки. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи, даетъ ему упасть на полъ и, когда мячъ отскочитъ отъ пола, ловитъ его.

Фигура девятая. Клюшки прямыя. Играющій бросаетъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи, даетъ ему упасть на полъ и, когда мячъ отскочитъ отъ пола, ловитъ его.

Фигура десятая. Клюшки косыя. Играющій бросаетъ мячъ въ стѣну такъ, что мячъ ударяется объ стѣну, падаетъ на полъ и отскакиваетъ. Тогда играющій ловитъ его.

Фигура одиннадцатая. Бычки. Играющій бросаетъ мячъ въ полъ такъ, что онъ, отскочивъ отъ пола, ударяется въ стѣну и отскакиваетъ отъ стѣны. Въ это время играющій ловитъ его.

Окончаніе игры бываетъ различное, смотря потому, какъ условятся между собою играющіе.

а) Исполнившій всѣ эти фигуры считается вышедшимъ, т. е. кончившимъ свою игру.

б) Для окончательнаго выхода назначаютъ еще фигуру 12-ю: играющій долженъ бросить мячъ въ стѣну, затѣмъ, когда мячъ будетъ падать, принять его на темя своей головы и отбить такъ, чтобы мячъ упалъ позади его. Исполнивъ эту фигуру, играющій считается вышедшимъ. Въ случаѣ-же промаха, онъ долженъ испол-

Digitized by Google

нить снова эту 12-ю фигуру. Такъ онъ повторяетъ эту фигуру до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ ее удачно.

в) При исполненіи фигуры двѣнадцатой остальные участвующіе въ игрѣ стараются схватить мячъ въ то время, когда послѣдній падаетъ съ головы бросившаго его. Если имъ это удастся, то бросающій мячъ долженъ снова исполнить сейчасъ-же всѣ двѣнадцать фигуръ — или постолько-же бросаній въ каждой фигурѣ или на одно меньше, т. е. вмѣсто 3-хъ по 2, вмѣсто 5-ти по 4. Если товарищи снова схватятъ у него мячъ при исполненіи имъ 12-й фигуры, то онъ долженъ снова исполнить всѣ 12 фигуръ, но уже число бросаній удваивается въ каждой фигурѣ противъ предъидущаго, т. е. вмѣсто 2-хъ бросаютъ 4 раза, вмѣсто 4 хъ 8 разъ и т. д. при каждомъ новомъ исполненіи удваиваютъ число бросаній предъидущаго исполненія. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока ему наконецъ удастся отбить мячъ головою такъ, что товарищи не поймаютъ уже его, или-же обезсиленный, онъ выронитъ мячъ и игра переходитъ къ другому.

г) Окончаніе то-же самое, но послѣ того, какъ поймаютъ мячъ съ головы играющаго, этотъ послѣдній дѣлаетъ въ каждой фигурѣ прежнее-же число бросаній, т. е. 3 или 5.

д) Остальные игроки не ловятъ мяча, но исполняющему послѣднюю фигуру дается право дѣлать ее одинъ только разъ Въ случаѣ промаха онъ снова исполняетъ всѣ 12 фигуръ съ тѣмъ-же числомъ ударовъ въ каждой, какъ и въ первый разъ.

е) Когда выходить останется только одному игроку, то онъ можетъ сдѣлать при этомъ только опредѣленное число промаховъ — именно равное числу всѣхъ играющихъ. Если, сдѣлавъ столько промаховъ, онъ не кончитъ игры, то ему уже не дается право продолжать ее.

Нужно замѣтить, что не при каждой игрѣ исполняются всѣ эти 12 фигуръ. Это обусловливается иногда и качествомъ мяча: съ упругимъ мячемъ всѣ эти фигуры не представляютъ труда для исполненія. Если-же мячъ не упругій, то изъ всей игры исполняются только слѣдующія фигуры: 1, 3, 4, и 5-я. Иногда 6-ю и 7-ю фигуры соединяютъ въ одну такимъ образомъ: бросаютъ мячъ кверху въ вертикальномъ направленіи и, въ то время, когда мячъ падаетъ на землю, переворачиваютъ руку ладонью книзу, принимаютъ на руку ударъ мяча, затѣмъ отнимаютъ руку, мячъ летитъ внизъ и тогда ловятъ его, не допуская упасть на землю.

Самыя наказанія для тѣхъ, которые не исполнили этой игры, бываютъ различныя, смотря по-тому, какъ договорятся играющіе:

1) *Кормить овсомъ.* Заслужившаго наказаніе ставятъ лицомъ къ стѣнѣ. Наказующій подходитъ къ нему съ мячемъ, бросаетъ мячъ вертикально кверху и въ то время, пока мячъ совершаетъ свой полетъ, ударяетъ ладонью въ спину наказуемаго, затѣмъ ловитъ мячъ. Поймавъ мячъ, онъ снова повторяетъ то-же. Такъ онъ дѣлаетъ до тѣхъ поръ, пока не выронитъ какимъ нибудь образомъ изъ рукъ мячъ, послѣ чего право наказывать переходитъ къ другому. Этимъ правомъ пользуются всѣ вышедшіе участники игры.

2) Заслужившему наказаніе предоставляется право самому намѣтить разстояніе, съ котораго въ него будутъ бросать мячемъ. Однако, чтобы разстояніе это не вышло слишкомъ значительно, онъ долженъ измѣрить его такимъ образомъ: лѣвою рукою онъ беретъ себя за правое ухо, правую свою руку просовываетъ въ образующееся отъ этого изъ руки кольцо и бросаетъ мячъ. Каждый наказывающій становится на то мѣсто, гдѣ упалъ мячъ и съ него бросаетъ имъ въ наказываемаго Промаховъ въ этомъ случаѣ со стороны наказывающаго не допускается. Если-же наказывающій промахнется, то наказываемый имѣетъ право поставить промахнувшагося на свое мѣсто и ударить его самого мячемъ.

3) Наказывающіе отмѣриваютъ какое нибудь разстояніе и заставляютъ по нему бѣгать взадъ и впередъ наказываемаго. При каждомъ бѣгѣ по разу въ него бросаютъ поочереди мячемъ.

4) Это наказаніе назначается въ связи съ условіемъ въ окончанія игры. Все число промаховъ, которое сдѣлаетъ играющій, оканчивая игру одинъ, ставится ему въ вину. За каждый промахъ онъ долженъ получить ударъ мячемъ. Для этого наказываемаго ставятъ къ стѣнѣ; отмѣриваютъ отъ него разстояніе шагами, по одному шагу за каждый промахъ. Становясь на этомъ разстояніи, каждый играющій бросаетъ въ наказываемаго мячемъ одинъ разъ. Если производящій наказаніе не попадетъ въ подвергнутаго наказанію, то этотъ послѣдній можетъ его поставить на свое мѣсто и ударить мячемъ. Если играющій сдѣлаетъ промаховъ меньше числа всѣхъ участниковъ игры, то послѣдніе бросаютъ между собою жребій, кому достанется наказывать.

г) Игры съ шаромъ.

Игръ съ шаромъ здѣсь бываетъ шесть родовъ: 1) жаровка. 2) въ буй 3) въ котелъ, 4) въ бабки, 5) въ стѣнку, 6) въ катовки

1) *Жаровка.* Игра начинается выборомъ матокъ и подборомъ партій. Затѣмъ дѣлаютъ рядъ лунокъ по числу играющихъ въ партіи. Лунки дѣлаютъ по прямой линіи на разстояніи сажени одна отъ другой. Матки бросаютъ жребій между собою, которой партіи идти въ поле, которой бить. Бить долженъ каждый съ своей лунки. Бьютъ шаръ палками въ $^3/_4$—$1^1/_2$ аршина длиною Эти палки называются козлинками. Козлинокъ набираютъ столько, сколько человѣкъ въ партіи: стоящіе въ полѣ ихъ не имѣютъ. Тѣ, которымъ достанется въ полѣ стоять, отходятъ отъ лунокъ саженъ на 15 — 20, а матка ихъ остается при лункахъ. И здѣсь ея обязанность подавать безсмѣнно шаръ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ: матка той партіи, которая стоитъ въ полѣ, бросаетъ шаръ кверху вертикально, и тотъ, чья очередь бить (очередь и здѣсь начинается съ матки) бросаетъ въ шаръ козлинкой въ то время, когда брошенный шаръ падаетъ къ низу. Если бьющій попадетъ въ шаръ, то шаръ отлетаетъ въ ту сторону, гдѣ находятся стоящіе въ полѣ Послѣдніе ловятъ шаръ и бросаютъ его къ своей маткѣ. А бьющій, бросивъ своей козлинкой въ шаръ, бѣжитъ къ своей козлинкѣ, схватываетъ ее и бѣжитъ къ своей лункѣ. Судьба каждой партіи зависитъ отъ того, кто прежде дотронется — „замакнетъ“ — какъ выражаются здѣсь—до лунки пробившаго, самъ-ли хозяинъ ея своей козлинкой, или матка партіи, стоящей въ полѣ. Если замакнетъ прежде самъ хозяинъ своей козлинкой въ лунку, то каждая партія остается на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Если-же въ лунку пробившаго замакнетъ прежде матка шаромъ, то стоящіе въ полѣ идутъ бить, а бьющіе переходятъ въ поле. Для того, чтобы „выбѣжать“ пробившему за козлинкой и обратно въ этой игрѣ существуетъ одно изъ слѣдующихъ трехъ условій.

Digitized by Google

а. Пробившій тотчасъ, послѣ того какъ бросилъ своей козлинкой въ шаръ, долженъ бѣжать за ней и взять ее въ руки. Въ это время матка не имѣетъ права замакать шаромъ въ лунку пробившаго. Поэтому пробившій можетъ стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ упала его козлинка, даже подвинуться нѣсколько къ своей лункѣ (шага на 2—3) и ждать удобнаго случая добѣжать до своей лунки, сколько ему угодно. Только въ то время, когда онъ побѣжитъ къ лункѣ, матка противной партіи имѣетъ право замакнуть шаромъ въ его лунку. Вслѣдствіе этого, чтобы перебѣжать обратно отъ мѣста, гдѣ упала его козлинка, до своей лунки, пробившій выбираетъ такое время, когда шара еще не будетъ въ рукахъ матки противной партіи, т. е. того времени, когда пробьетъ кто нибудь изъ его товарищей и на столько удачно, что шаръ улетитъ далеко въ поле и долго не можетъ попасть въ руки матки противной партіи.

б) Пробившій только тогда можетъ бѣжать за своей козлинкой, когда еще шаръ не переданъ подающей маткѣ. При этомъ матка, подающая шаръ, можетъ замакать шаромъ въ лунку пробившаго даже и тогда, когда этотъ послѣдній только хоть немного сошелъ съ своей лунки. Поэтому пробившій долженъ всегда стоять на своей лункѣ, не сходя съ нея, или если сойдетъ, то уже долженъ сбѣгать за козлинкой и обратно, какъ можно скорѣе.

в. Пробившій можетъ бѣжать къ тому мѣсту, гдѣ упадетъ его козлинка. Но самой козлинки въ руки онъ брать не долженъ. Если-же онъ возьметъ въ руки козлинку, то матка противной партіи имѣетъ право замакать шаромъ въ лунку пробившаго.

2. *Въ буй.* Въ этой игрѣ матокъ не выбираютъ Въ полѣ стоятъ или одинъ, или двое по жребію; стоящій въ полѣ называется шарильщикомъ. Игра происходитъ такимъ образомъ: кладутъ на землю жердь въ видѣ барьера. Эта жердь называется буемъ. Шарильщикъ становится съ шаромъ у буя. Остальные отходятъ отъ буя сажени на 4 — 5 и бросаютъ козлинками къ бую, такъ чтобы козлинки летѣли къ бую не прямо, какъ стрѣла, а дѣлали круговращательныя движенія, ударяясь концами въ землю — „копыляли“, какъ выражаются здѣсь. При этомъ однако не соблюдается, чтобы всѣ бросали непремѣнно съ одного и того-же разстоянія; необходимо только одно, чтобы козлинки перелетали чрезъ буй. У кого-же козлинка падетъ предъ буемъ, тотъ долженъ идти снова копылять. Когда всѣ прокопыляютъ, шарильщикъ смотритъ, въ какую козлинку ему всего удобнѣе будетъ „калить“ т. е. бросить шаромъ. Намѣтивъ себѣ козлинку, онъ бросаетъ въ нее шаромъ. Попавъ шаромъ въ чью нибудь козлинку, шарильщикъ схватываетъ эту козлинку и бѣжитъ съ нею къ бую. Остальные игроки тоже берутъ каждый свою козлинку и всѣ бѣгутъ къ бую. А тотъ, въ чью козлинку шарильщикъ попалъ шаромъ, бѣжитъ за шаромъ и, схватя его, бросаетъ имъ въ буй. Остальные игроки стараются не допустить его до этого, отбивая бросаемыми козлинками шаръ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока шарильщикъ не попадетъ въ буй, тогда всѣ снова идутъ копылять. Если-же первый шарильщикъ не попадетъ ни въ чью козлинку, то онъ долженъ самъ бѣжать за шаромъ и затѣмъ стараться попасть имъ въ буй. Если ему это удастся, то игра начинается снова. Когда шарильщиковъ двое, то игра ведется точно такъ-же: сначала одинъ шарильщикъ бросаетъ шаромъ въ одну козлинку; потомъ шаръ подается другому и тотъ бросаетъ имъ въ другую козлинку. Послѣ того, какъ они сдѣлаютъ это, одинъ изъ тѣхъ, въ чьи козлинки они попали шаромъ, бѣжитъ за шаромъ, а другой становится у буя. Шарильщикъ, стоящій въ полѣ, бросаетъ шаромъ въ буй, а стоящій у буя, въ случаѣ, если товарищъ его броситъ шаръ неудачно, ловитъ его, или бросаетъ снова своему стоящему въ полѣ товарищу, или-же самъ бросаетъ шаръ въ буй, смотря потому, что болѣе удобно.

3) *Въ котелъ.* Вырываютъ въ землѣ котлообразную яму въ $^1/_4$—$^1/_2$ аршина глубины и $^1/_2$—1 арш. въ діаметрѣ. Яма эта называется котломъ. Отъ котла, какъ отъ центра, проводятъ кругъ приблизительно 1 — $1^1/_2$ сажени въ радіусѣ и по окружности этого круга вырываютъ рядъ лунокъ — числомъ на одну меньше числа всѣхъ участвующихъ въ игрѣ. Всѣ играющіе берутъ въ руки палки — длинною отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ аршинъ, смотря по возрасту каждаго. Игра начинается тѣмъ, что бросаютъ жребій, кому достанется „водить“ шаръ: становятся всѣ въ рядъ, ставятъ палки тонкими концами перпендикулярно на пальцы правой ноги и, затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько размаховъ ногою, каждый бросаетъ свою палку такъ, чтобы она летѣла прямо, какъ стрѣла, разсѣкая воздухъ. При этомъ палка, предъ тѣмъ, какъ упасть окончательно на землю и остановиться, дѣлаетъ нѣсколько круговращательныхъ движеній, ударяясь въ землю то однимъ своимъ концомъ, то другимъ. Чья палка упадетъ ближе всѣхъ, тому и водить шаръ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ: шарильщикъ старается ввести палкой шаръ въ котелъ, а остальные играющіе не допускаютъ его до этого, отбивая шаръ отъ котла дальше въ поле. Ударивъ по шару палкой, каждый стоящій на лункахъ спѣшитъ какъ можно скорѣе замакнуть палкой въ свою лунку, чтобы предупредить въ этомъ шарильщика. Если-же шарильщикъ макнетъ въ лунку раньше хозяина этой послѣдней, то онъ дѣлается ея хозяиномъ и становится на лункѣ отбивать шаръ, а прежній хозяинъ идетъ шарить. Впрочемъ, и не прикасаясь къ шару, стоящій на лункѣ все-таки долженъ остерегаться, чтобы не прозѣвать своей лунки; иногда дѣлаютъ такъ: если хозяинъ лунки вынетъ свою палку изъ лунки, его лунку занимаетъ другой его товарищъ, а свою оставляетъ не занятою. Тогда зазѣвавшійся игрокъ долженъ занимать уже эту не занятую лунку товарища, иначе ее займетъ шарильщикъ, и тогда ему нужно будетъ идти шарить. Когда шарильщику наконецъ удастся ввести шаръ въ котелъ, то или игра начинается сначала, т. е. всѣ идутъ вновь бросать палки, какъ въ началѣ игры, или же всѣ перемѣняются своими лунками, и кто останется безъ лунки, тотъ долженъ идти шарить.

д) Игры кружками, палками, деревяшками и т. п.

Всѣхъ игръ этого отдѣла здѣсь существуетъ одиннадцать: 1) кружками, 2) въ шашки, 3) въ бабки и шишки съ салкой, 4) то-же съ попомъ, 5) то-же въ сачкѣ, 6) то-же въ гнѣзда, 7) то-же въ тройки, 11) то-же въ пятерки.

1) *Кружками.* Сходятся два мальчика, берутъ колесо отъ своей дѣтской тележки, выходятъ на дорогу и начинаютъ игру. Игра состоитъ въ томъ, кто кого „угонитъ“, какъ выражаются они. Одинъ становится на мѣстѣ и катитъ вдоль улицы колесо. Другой бѣжитъ за колесомъ и, гдѣ остановилось колесо, катитъ его оттуда обратно къ своему товарищу. Тотъ въ свою очередь тоже бѣжитъ за колесомъ и, также, гдѣ колесо остановилось, оттуда катитъ его къ своему

Digitized by Google

товарищу. Разумѣется угонитъ тотъ, кто дальше прокатитъ колесо. Иногда подобнымъ образомъ игроки проходятъ всю улицу изъ конца въ конецъ, гоня другъ друга колесомъ.

2) *Въ шашки.* Напилятъ круглыхъ шашекъ длиною въ ½ вершка и расколятъ каждую шашку пополамъ. Для игры ихъ дѣлаютъ десятка два—три. Шашки дѣлятся по-ровну между всѣми играющими; игроки садятся вокругъ стола и игра начинается. Каждый игрокъ беретъ въ пригоршни всѣ свои шашки и подбрасываетъ ихъ на столъ такъ, чтобы онѣ покатились по столу. Затѣмъ всѣ считаютъ, сколько шашекъ у бросившаго упало „сакой“, сколько „бокой“. То-же дѣлаютъ и остальные игроки съ своими шашками. (Сакой въ этой игрѣ называется то положеніе шашки, когда она упадетъ полукругомъ кверху,—а остальныя всѣ положенія ея называются бокой). У кого сакъ окажется всѣхъ больше, тому остальные игроки отдаютъ всѣ свои шашки. Онъ откладываетъ свои собственныя въ сторону, а шашки товарищей сдвигаетъ въ одну кучу и катаетъ ихъ по столу, какъ и въ началѣ, пригоршнями. Прокативъ всѣ шашки, онъ смотритъ, сколько шашекъ станетъ прямо (попами), сколько ляжетъ одна на другую (колодъ). Всѣ попы и колоды онъ беретъ себѣ, а остальныя шашки начинаетъ бить щелчками такъ, чтобы шашка ударила въ другую шашку. Всѣ выбитыя такимъ образомъ шашки онъ также беретъ себѣ. Такъ игрокъ отбираетъ шашку за шашкой до тѣхъ поръ, пока или не переберетъ всѣ шашки, или не сдѣлаетъ промахъ, или не щелкнетъ въ шашку такъ, что она ударитъ вмѣсто одной—въ двѣ сразу. При двухъ послѣднихъ условіяхъ ему уже болѣе не даютъ бить, и его право переходитъ къ слѣдующему, у кого сакъ было всѣхъ болѣе послѣ него. Тотъ снова сбираетъ всѣ шашки, включая сюда и отложенныя въ сторону шашки перваго бившаго (за исключеніемъ выигранныхъ этимъ послѣднимъ, которыя остаются собственностью выигравшаго), снова катитъ ихъ, какъ и первый. Прокативъ всѣ шашки, онъ поступаетъ точно такимъ-же образомъ, какъ и первый, т. е. отбираетъ всѣ попы и колоды, а остальныя шашки бьетъ щелчками. Если второй выбьетъ всѣ шашки, то игра на немъ и кончается; если-же онъ лишится права бить, то это право переходитъ къ третьему, слѣдующему за нимъ по количеству сакъ и т. д. до послѣдняго. Кончивъ игру, т. е. разыгравъ всѣ шашки, игроки начинаютъ считать, у кого сколько ихъ стало. Тотъ, у кого ихъ окажется больше всѣхъ, получаетъ право наказать щелчками тѣхъ, у кого ихъ не достанетъ сколько нибудь до первоначальнаго количества. Каждому онъ щелкаетъ въ лобъ по столько разъ, по сколько у каждаго не достаетъ шашекъ.

3) *Въ бабки и шишки съ салкой.* Для бабокъ и шишекъ игры одинаковы. Когда есть бабки, играютъ въ нихъ, а за не имѣніемъ бабокъ играютъ въ шишки. Шишками называются шашки, величиною отъ ½ до 1 вершка, напиленныя изъ круглыхъ палокъ. Въ этой игрѣ каждый играющій ставитъ на конъ по двѣ бабки. На кону бабки кладутъ спинками кверху въ одну непрерывную прямую линію. Всѣ играющіе становятся за кономъ, возлѣ него, и бросаютъ панками чрезъ конъ вдаль (Панкомъ называется бабка, которой бьютъ). Перебросавъ всѣ панки, игроки идутъ къ нимъ, чтобы бить ими въ конъ. Первымъ бьетъ тотъ, у кого панокъ упалъ всѣхъ дальше. Пробивъ въ конъ, онъ беретъ столько бабокъ, сколько выбьетъ изъ прямой линіи ихъ. Если онъ выбьетъ всѣ, то остальные сбираютъ свои панки; снова всѣ ставятъ на конъ по двѣ бабки, не исключая и пробившаго, и снова идутъ бросать. Если же первый выбьетъ не всѣ бабки, то послѣ него бьетъ второй, у кого панокъ послѣ перваго упалъ всѣхъ дальше отъ кона и т. д. на сколькихъ хватитъ бабокъ въ кону. Если очередь бить въ конъ дойдетъ до самаго послѣдняго, у котораго панокъ упалъ всѣхъ ближе къ кону, то первый пробившій, предъ тѣмъ, какъ бить послѣднему, ставитъ, если хочетъ, на конъ одну бабку; эта бабка называется салкой. Поставивъ салку, первый этимъ покупаетъ себѣ право бить въ оставшіяся послѣ него на кону бабки. Послѣдній бьетъ, и если онъ выбьетъ всѣ бабки изъ кона, то игра начинается снова. Если-же и послѣ послѣдняго останется на кону сколько нибудь бабокъ, то бьетъ первый, съ какого ему угодно разстоянія. Но предъ тѣмъ, какъ и ему бить, слѣдующій по-очереди можетъ ставить на конъ ему салку, чтобы тоже воспользоваться правомъ бить въ оставшіяся послѣ него на кону бабки, и такъ игра идетъ до тѣхъ поръ, пока на кону не останется ни одной бабки. Тогда игра начинается снова. Если-же предъ тѣмъ, какъ бить послѣднему, первый не поставитъ на конъ салки, то послѣдній имѣетъ право взять безъ боя всѣ оставшіяся на кону бабки.

4) *Тоже съ попомъ.* Самая игра происходитъ точно также, какъ и предъидущая. Разница этой игры отъ предъидущей заключается въ томъ, что здѣсь не ставятъ салки, а вмѣсто нея ставятъ на конъ панокъ, который называется попомъ. Когда всѣ перебрасаютъ чрезъ конъ свои панки, то тотъ, у кого панокъ ближе всѣхъ къ кону, долженъ „попить“, т. е. ставить свой панокъ на конъ. Попъ ставится на конъ предъ тѣмъ, какъ начинаютъ бить. Поставивъ панокъ, попильщикъ становится въ сторонѣ и ждетъ, когда пробьютъ всѣ, но самъ не бьетъ. Если, послѣ того, какъ пробьютъ всѣ, на кону останется сколько нибудь бабокъ, то эти бабки дѣлаются собственностью попильщика. Если же бабки всѣ будутъ выбиты, то попильщикъ беретъ одинъ свой панокъ, и игра начинается снова.

5) *Тоже въ сачки съ салкой.* Игра исключительно въ бабки. Бабки ставятъ на конъ также какъ и въ предъидущей игрѣ. Затѣмъ всѣ игроки подходятъ къ кону и бросаютъ отъ кона панки такимъ образомъ, чтобы панокъ, вылетѣвъ изъ руки, сдѣлалъ сколько нибудь оборотовъ. Бьютъ въ конъ сообразно тому, какое положеніе приметъ панокъ, когда упадетъ на землю. Если панокъ упадетъ на землю спинкой кверху, то это положеніе панка называется „сакой“, а всѣ остальныя положенія „бокой“. Первымъ бьетъ тотъ, у кого панокъ ляжетъ сакой, послѣднимъ тотъ у кого панокъ ляжетъ бокой. Если нѣсколько панковъ упадутъ сакой, то преимущество бить первымъ дается тому, у кого панокъ ляжетъ далѣе отъ кона; точно такой-же порядокъ битья соблюдается и при нѣсколькихъ бокалъ. Если очередь бить дойдетъ до послѣдняго, то предъ тѣмъ, какъ бить этому послѣднему, первый ставитъ на конъ салку, и игра идетъ въ томъ-же самомъ порядкѣ, какъ простая игра съ салкой.

6) *Въ гнѣзда.* Каждый играющій ставитъ на конъ по двѣ бабки. Бабки въ этой игрѣ ставятся стоймя на ¼ аршина одна отъ другой и въ двѣ параллельныхъ линіи на ¼ аршина линія отъ линіи. Каждый играющій ставитъ одну бабку въ одну линію, а другую въ другую. Панки бросаютъ также, какъ и въ первой игрѣ, но только вдоль кона. Въ остальномъ вся игра

Digitized by Google

ведется такъ же, какъ игра съ салкой, но только салятъ не одной бабкой, а парой *).

7. *Въ тройки.* Эта игра происходитъ между двумя игроками. Одинъ ставитъ бабки, а другой бьетъ. Бабки ставятся стойми и по три врядъ. Ставятся онѣ въ видѣ равнобедреннаго треугольника, такъ что неравныя стороны его въ вершокъ, а равная — вершка въ полтора, и треугольникъ этотъ лежитъ вершиною въ ту сторону, откуда бьютъ. Поставившій бабки отмѣриваетъ разстояніе, съ котораго его товарищъ долженъ бить, такимъ образомъ: сначала онъ отъ вершины треугольника отмѣриваетъ три ступни („три лапы" говорятъ здѣсь), ставя пятку одной ноги къ пальцамъ другой; потомъ отъ конца третьей ступни дѣлаетъ одинъ шагъ. Съ этого разстоянія бьющій и долженъ бросать панкомъ въ бабки, бросать безъ пришага. Если бьющій дастъ промахъ по всѣмъ тремъ бабкамъ, то бабка, которой онъ бросилъ въ поставленныя бабки переходитъ въ собственность поставившаго. Если бьющій собьетъ одну изъ трехъ поставленныхъ бабокъ, то онъ беретъ себѣ и сбитую бабку и ту, которой сбилъ. Если же онъ собьетъ двѣ сразу, то платитъ двѣ, а ту, которой сбилъ, беретъ обратно. Если же онъ попадетъ во всѣ три сразу, то беретъ себѣ всю тройку вмѣстѣ съ той бабкой, которой сбилъ эту тройку. Послѣ того очередь ставить — ему. Онъ ставитъ на конъ три бабки, а ставившій прежде идетъ бить, и игра начинается снова.

8. *Въ пятерки.* Игра происходитъ также между двумя игроками. Одинъ ставитъ бабки; другой бьетъ въ конъ. Ставятъ на конъ въ этой игрѣ по пяти бабокъ. Четыре бабки ставятся въ видѣ правильнаго четыреугольника, двѣ параллельныя стороны котораго въ вершокъ, а другія двѣ — вершка въ полтора. Пятая бабка занимаетъ центръ этого четыреугольника. Разстояніе отмѣриваетъ, какъ и въ предъидущей игрѣ, тотъ, чьи бабки поставлены, такимъ образомъ: сначала отмѣриваетъ пять ступней, а потомъ дѣлаетъ одинъ шагъ. Если бьющій сдѣлаетъ промахъ по всей пятеркѣ, то бабка, которой онъ бросилъ въ эту пятерку, дѣлается собственностію поставившаго. Если онъ собьетъ бабку изъ пятерки, то беретъ ее себѣ, равно какъ и ту, которой пробилъ. Если выбьетъ двѣ, то платитъ поставившему своихъ двѣ, а ту, которой пробилъ, беретъ обратно. Если выбьетъ три, то беретъ всѣ себѣ. Если выбьетъ четверку, то платитъ поставившему своихъ четверку. Если выбьетъ однимъ ударомъ всю пятерку, то беретъ себѣ всѣ бабки, равно какъ и ту, которой пробилъ.

д) Игры съ веревкою.

Игра жгутомъ. Вколачиваютъ въ землю колъ, въ аршинъ приблизительно длиною выставляющійся изъ земли. Къ колу привязываютъ веревку такъ, чтобы оба конца веревки были одинаковой длины и чтобы веревка могла свободно вращаться вокругъ кола. Концами веревокъ обвязываютъ по поясу двоихъ игроковъ, по одному каждымъ концомъ. Одному изъ игроковъ плотно завязываютъ глаза и даютъ въ руки жгутъ (пояску, свитую веревкой, или веревку), а другому оставляютъ глаза открытыми и даютъ въ руки двѣ палочки. Эти двое привязанныхъ начинаютъ бѣгать вокругъ, — съ открытыми глазами бѣжитъ впереди и постукиваетъ палочкой о палочку, а съ завязанными глазами старается догнать его. Если послѣднему удастся догнать перваго, то онъ бьетъ того жгутомъ.

е) Игры съ завязанными глазами.

Этого рода игръ здѣсь существуетъ двѣ: 1) жмурки, 2) въ слѣпыя Олёны.

Въ слѣпыя Олёны. Святочная игра. Игра начинается жеребьевкой. Кому достанется ловить, тому завязываютъ глаза — это и есть слѣпая Олёна. Слѣпую Олёну ставятъ къ стамику (столбъ у печи) спиною къ остальнымъ играющимъ и подлѣ нея остается одинъ изъ играющихъ. Остальные играющіе всѣ расходятся по избѣ и садятся на лавки. Оставшійся возлѣ слѣпой Олёны вырываетъ кого нибудь изъ играющихъ, называя его какимъ нибудь вымышленнымъ именемъ. Вызванный подходитъ къ слѣпой Олёнѣ и ударяетъ ее ладонью по спинѣ. Стоящій возлѣ слѣпой Олёны спрашиваетъ ее, кто ее ударилъ. Слѣпая Олёна должна назвать ударившаго по имени. Если слѣпая Олёна отгадаетъ, кто ее ударилъ, то ударившему завязываютъ глаза, и онъ становится слѣпой Олёной.

Эта-же игра происходитъ такимъ образомъ: слѣпую Олёну вмѣсто того, чтобы ставить къ столбу, одинъ изъ играющихъ водитъ мимо всѣхъ и остальныхъ играющихъ, которые сидятъ въ это время на лавкахъ, и сажаетъ ее то къ одному, то къ другому на колѣни. Слѣпая Олёна должна назвать того, на чьи колѣни ее посадили. Если слѣпая Олёна назоветъ по имени того, на чьи колѣни ее посадили, то тому завязываютъ глаза, и онъ дѣлается слѣпой Олёной.

ж) Игры въ прятки.

Этого рода игръ здѣсь существуетъ одна: прятанцы съ палочкой.

1. *Прятанцы съ палочкой.* Искальщика сажаютъ на стулъ такъ, чтобы онъ не могъ видѣть, кто куда будетъ прятаться, и возлѣ него кладутъ палочку. По данному знаку, искальщикъ идетъ розыскивать спрятавшихся. Когда онъ найдетъ кого нибудь, то тотъ, кого онъ найдетъ, и самъ искальщикъ — оба вмѣстѣ бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ положена палочка. Кто изъ нихъ первый постучитъ палочкой, тому и искать въ слѣдующую игру.

з) Символическія игры.

Символическихъ игръ здѣсь существуетъ три: 1) въ коршуны, 2) въ крипки и 3) въ овечки.

1. *Въ коршуны.* Избираютъ прежде всего коршуна и хозяина. Выборы происходятъ или по жребію или по общему согласію. Всѣ играющіе, за исключеніемъ хозяина, становятся цѣпью одинъ сзади другого, держа другъ друга сзади за одежду. Впереди всѣхъ становится коршунъ. Установившись такимъ образомъ, всѣ начинаютъ ходить кругомъ, а хозяинъ садится на землю въ центрѣ этого круга, беретъ въ руки палочку и начинаетъ ею копать землю. Между коршуномъ и хозяиномъ происходитъ слѣдующій разговоръ: „что дѣлаешь?" спрашиваетъ коршунъ. „Ямочку копаю", отвѣчаетъ хозяинъ. „На что тебѣ ямочка?" „Денежку ищу". „А на что тебѣ денежка?" „Иголочку купить". „А на

*) Во всѣхъ этихъ четырехъ играхъ бьютъ панками съ пришагомъ, т. е. предъ тѣмъ какъ бросить панокъ въ конъ, дѣлаютъ шагъ къ кону отъ того мѣста, гдѣ упалъ панокъ.

Digitized by Google

что тебѣ иголочка?“ „Мѣшечки шить“. „А на что тебѣ мѣшечки?“ „Камешки класть“. „А на что тебѣ камешки?“ „Твоихъ дѣтей побивать“. „А за что ты ихъ станешь бить?“ „За то, что они у меня садъ погубили“. „А какой у тебя садъ былъ – большой или маленькій?“ Хозяинъ, не вставая съ мѣста, показываетъ рукой, какой вышины былъ у него садъ. Затѣмъ хозяинъ встаетъ и кидается ловить дѣтей коршуна. Коршунъ защищаетъ своихъ дѣтей. Онъ налетаетъ на хозяина, загораживаетъ ему дорогу, махая предъ нимъ руками, и дѣти прячутся позади коршуна. Наконецъ, улуча моментъ, хозяинъ схватываетъ самаго задняго дѣтеныша у коршуна, отводитъ его куда нибудь въ сторону, оставляетъ его тамъ и снова идетъ ловить другого дѣтеныша. Такъ одного по одному онъ переловитъ ихъ всѣхъ. Когда хозяинъ поймаетъ послѣдняго дѣтеныша у коршуна, то коршунъ бросается въ средину своихъ дѣтей, и дѣти тотчасъ образуютъ вокругъ него сплошной плотный кругъ. Хозяинъ подходитъ къ этому кругу и спрашиваетъ у дѣтей: „дѣтки, дѣтки, гдѣ ваша мать?“ „По коней ушла“, отвѣчаютъ дѣти. „Здѣсь ваши кони, — а гдѣ-же мать?“ спрашиваетъ снова хозяинъ. Дѣти называютъ другую какую нибудь скотину, за которой будто бы ушла ихъ мать. Но хозяинъ каждый разъ уличаетъ ихъ въ обманѣ, показывая на названную скотину, которая будто бы находится тутъ, возлѣ него. Когда такимъ образомъ дѣти перечислятъ весь скотъ и птицъ, какія только водятся у крестьянина, и хозяинъ уличитъ ихъ окончательно въ обманѣ, коршунъ выскакиваетъ изъ круга своихъ дѣтей и пускается бѣжать. Хозяинъ бѣжитъ за нимъ и ловитъ его. Поймавъ коршуна, хозяинъ ведетъ его обратно къ дѣтямъ. Дѣти берутъ длинный рычагъ, сажаютъ на него коршуна и несутъ его въ баню парить. Принеся коршуна куда нибудь къ стѣнѣ, дѣти опускаютъ его на землю и начинаютъ колотить его кулаками въ спину. Когда эти колотушки надоѣдятъ коршуну, онъ вскакиваетъ съ мѣста и пускается бѣжать, крича во все горло: „ой лягушки, лягушки!“ или: „ой мушки, мушки!“ Тѣмъ игра и кончается.

2) *Въ кринки.* Играющіе садятся всѣ, кромѣ двоихъ, по прямой линіи на разстояніи 1—½ аршина одинъ отъ другого. На головы сидящимъ кладутъ по щепочкѣ, подражая тому, какъ закрываютъ кринки. Эти всѣ сидящіе представляютъ кринки. Изъ остальныхъ двоихъ играющихъ — одинъ принимаетъ на себя роль хозяйки, другой — кота этой хозяйки. Хозяйка уходитъ куда нибудь поодаль, какъ будто уходитъ домой. Котъ, пользуясь уходомъ хозяйки, бросается на кринки, сбиваетъ съ нихъ крышки и наваливаетъ ихъ, по мѣстному выраженію, т. е. опрокидываетъ на землю. Хозяйка, увидя проказы кота, схватываетъ палку, бѣжитъ къ кринкамъ и начинаетъ ловить кота. Котъ, увидя хозяйку, обращается въ бѣгство. Если хозяйкѣ удастся поймать кота, она бьетъ его по ногамъ палкой, какъ-бы ломая ему ноги. Затѣмъ она ставитъ кринки, покрываетъ ихъ и игра идетъ въ томъ-же порядкѣ.

3) *Въ овечки.* Отдѣляются двое отъ играющихъ, остальные всѣ садятся на землю въ рядъ, одинъ подлѣ другого. Сидящіе представляютъ изъ себя овецъ. Одинъ изъ оставшихся играетъ пастуха этихъ овецъ, другой — черта — вора овецъ. Пастухъ ходитъ предъ овцами и приговариваетъ: „пасу, пасу овечекъ, пасу день и вечеръ, а какъ ночь придетъ, чертъ придетъ и украдетъ овечекъ“. Чертъ въ это время стоитъ гдѣ нибудь въ сторонѣ. Когда пастухъ кончитъ причитать, чертъ подходитъ къ нему и говоритъ: „пастухъ, ступай домой тебѣ мать обнову купила“. Пастухъ вѣритъ черту и идетъ домой. Придя домой, онъ спрашиваетъ у матери, что она ему купила. Мать сердится на пастуха и начинаетъ бранить его, говоря при этомъ: „что я могла купить тебѣ“? Въ то время, пока пастухъ ходитъ къ матери, чертъ уноситъ у него одну или двѣ овечки. Пастухъ возвращается отъ матери, подходитъ къ овцамъ, начинаетъ считать ихъ — оказывается недочетъ, но матери онъ боится сказать объ этомъ — бранить будетъ. Снова начинаетъ онъ пасти овецъ, ходя предъ ними взадъ и впередъ и говоря тоже причитаніе, что и прежде. Снова является чертъ, и такъ-же, какъ и прежде, уговариваетъ его идти домой. Пастухъ снова даетъ черту убѣдить себя и идетъ къ матери. Чертъ снова воруетъ у него одну — двѣ овцы. Такъ ведется вся игра, и чертъ въ концѣ концовъ перетаскаетъ у пастуха всѣхъ овецъ. Тогда пастухъ идетъ къ матери и объявляетъ ей о пропажѣ овецъ. Мать, вмѣстѣ съ пастухомъ, идутъ отыскивать пропажу. Подходя куда нибудь къ стѣнѣ, они стучатъ въ стѣну и ведутъ сами съ собой разговоръ за себя и за воображаемыхъ хозяевъ: „нѣтъ-ли пришлыхъ овецъ“? „Нѣтъ“. Такъ они дѣлаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и наконецъ доходятъ до того мѣста, гдѣ сидитъ чертъ съ своими краденными овцами. И черту они предлагаютъ тотъ-же вопросъ. Чертъ отвѣчаетъ отрицательно. Овечки въ это время начинаютъ блеять. „Зачѣмъ-же ты обманываешь?“ кричатъ ищущіе черту. Чертъ отвѣчаетъ: „я не знаю, откуда онѣ попали“. Тогда мать съ пастухомъ дѣлаютъ вороты: они становятся одинъ противъ другого и, соединивъ руки, поднимаютъ ихъ кверху. Овцы проходятъ въ эти ворота, а чертъ убѣгаетъ. Этимъ игра и кончается.

Vas Tikhonov
Вас. Тихоновъ.

Digitized by Google

O narodnom lečenii v Kazanskom uězdě

О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ.

Наблюденія мои производились между русскимъ населеніемъ центральной и сѣверной части Казанскаго уѣзда.

Лѣченіе въ этой мѣстности находится исключительно въ рукахъ женщинъ, большею частію старухъ—бобылокъ. Молодыя рѣдко берутся за это дѣло. Роль мужчины въ дѣлѣ лѣченія ограничивается „заговариваніемъ“ и дерганьемъ зубовъ.

Старухи-лѣкарки, по большей части, совмѣщаютъ въ своей особѣ повитуху и ворожею.

Народъ относится къ нимъ весьма довѣрчиво, и рѣдко къ врачу или фельдшеру явится за совѣтомъ больной, не побывавши прежде у мѣстной лѣкарки.

Матеріаломъ для лѣкарствъ служатъ: полевыя и лѣсныя растенія, которыя найдутся въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ и, наконецъ, различныя снадобья, разносимыя по деревнямъ татарами – разнощиками, у которыхъ, вмѣстѣ съ пуговицами, иголками и поясами, можно купить: киновари, крѣпкой водки, ртути *), синьки, мѣднаго купороса, громовыхъ стрѣлокъ **) чертова пальца, сѣры, сусальнаго золота, скипидару и мелкихъ раковинъ. Всѣ эти предметы продаются и на большихъ базарахъ.

Лѣкарка, призванная къ больному, прежде чѣмъ назначить то или другое средство противъ болѣзни, опредѣляетъ причину ея.

Причины всѣхъ заболѣваній сводятся, на сколько мнѣ приходилось замѣтить, къ слѣдующимъ девяти:

1) „*Отъ Бога*“ (Врожденныя болѣзни и такія, которыя нельзя объяснить ни одной изъ послѣдующихъ причинъ).

2) „*Съ глазу*“ (Лихорадочное состояніе, общее недомоганіе и проч.).

3) „*Съ притки*“ (Болѣзни, въ зависимости отъ случайностей: ушибъ, ожегъ, „тарарыкъ“, „смѣшеніе цвѣту“ и друг.)

4) „*Съ порчи*“ („Кликаніе“, меланхолія) ***).

5) „*Съ думы*“ (Нѣкоторыя душевныя болѣзни, головныя боли и паразиты головы).

6) „*Отъ слезъ*“ (Нѣкоторыя глазныя болѣзни).

7) „*Съ натуги*“ (Боли въ животѣ и поясницѣ и проч.).

8) „*Съ вѣтру*“ („Простуда“, „переломъ“, „свинная заушница“ и друг.).

9) „*Присталыя*“ (Чесотка и друг.).

Сказавши о причинахъ болѣзней, я перейду къ способамъ ихъ лѣченія.

„*Ревуны*“. Лѣкарка выдергиваетъ у больного нѣсколько волосковъ изъ головы, выбирая „жесткіе“. Эти волоски, носящіе то-же названіе, какъ и болѣзнь, служатъ, по повѣрью крестьянъ, непосредственной ея причиной, по удаленіи которой и болѣзнь оставляетъ человѣка.

Чтобы избавить отъ „*чемера*“, характеризующагося головной болью, шумомъ въ ушахъ и темнотой въ глазахъ, лѣкарка черезъ платокъ кусаетъ брови больного.

Больныхъ, „*Кликотой*“ продѣваютъ три раза сквозь только что снятый съ лошади потный хомутъ.

Страдающихъ „*Падучкой*“ осыпаютъ во время припадка гречневой крупой и накрываютъ скатертью.

При трудномъ прорѣзываніи зубовъ надѣваютъ ребенку на крестъ маленькую раковинку.

При *Насморкѣ* нюхаютъ конецъ опаленнаго кошачьяго хвоста.

Отъ *Колотья* въ боку и груди покалываютъ больного или громовой стрѣлкой, или поочередно ложкой, хлѣбной лопатой и мутовкой, приговаривая: „Не первой, не другой, не третій“ и т. д. до 9 ти. Затѣмъ три раза плюютъ. Всю эту операцію продѣлываютъ три раза.

При *удушьѣ* пьютъ отваръ солодковаго корня или отваръ старой соломы, надерганной изъ повѣти.

„*Собачья глотка*“ лѣчится такимъ образомъ: больной встаетъ у окна, смотритъ вдоль улицы и говоритъ: „одну избу пройду, другу проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ другую избу пройду, другу проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ; третью избу пройду и тебя, изба, проглочу, съ конькомъ—съ мѣстомъ“!

При этомъ больной долженъ 3 раза глотнуть слюну.

При „*Свиной заушницѣ*“ больному прикладываютъ за ушами нагрѣтую свиную челюсть.

Отъ *Зубной боли*: слѣдуетъ живого таракана завернуть въ тряпочку и положить на зубъ, остерегаясь, чтобы его не раздавить. Тараканъ заговоритъ зубъ.

Положить за щеку, на сторону больного зуба, „встрѣшную щепочку“ *).

Полезно также класть на больной зубъ: кусокъ корня „*коробокъ*“ **); нюхательнаго табаку; свѣжаго excrementi humani въ тряпочкѣ; заговоренной соли***).

Когда „животъ выпадетъ“, (выпаденіе recti), у младенца—встряхиваютъ его за ноги, головою внизъ, надъ твориломъ погреба. Животъ посыпаютъ солодомъ, взятымъ изъ шести дворовъ.

Если женщина въ періодѣ менструаціи, вздумаетъ мыться въ банѣ вмѣстѣ съ другими, то она непзбѣжно должна предупредить ихъ объ этомъ, иначе въ банѣ можетъ встрѣтиться другая женщина въ такомъ-же періодѣ и тогда у одной изъ нихъ можетъ произойти «смѣшеніе цвѣту». Послѣ-же предупрежденія одной изъ женщинъ, другія, находящіяся въ такомъ-же періодѣ, завязываютъ узломъ правый рукавъ своей одежды и тогда уже нечего бояться опасности. Подобная болѣзнь можетъ произойти и отъ того, что въ одномъ корытѣ стирается бѣлье двухъ женщинъ, находящихся въ періодѣ менструаціи. „*Смѣшеніе цвѣта*“ лѣчится такимъ образомъ: въ лаковомъ горшкѣ, не двигая его въ печи, надо кипятить 9 желѣзныхъ ключей, и когда вода остынетъ, то пить ее въ теченіи трехъ дней. Послѣ этого надо самой больной выстирать свое бѣлье, а послѣ стирки отливать воду пригоршнями изъ ко-

---

*) Ртуть продается въ гусиныхъ перышкахъ, такъ называемыхъ, костышахъ. Капля съ горошинку—2 коп.

**) Белемниты.

***) Меланхолію иные объясняютъ „порчей“, а другіе „глазомъ“.

*) Щепочка, разъединяющая въ растрескавшемся деревѣ стѣны двѣ, наискось идущія, щели.

**) Лѣсное растеніе.

***) Заговариваютъ соль не въ присутствіи больного. Заговоръ мнѣ не удалось слышать.

Digitized by Google

рыта на правую и на лѣвую сторону, приговаривая три раза. «Это мое, это чужое!»

При *укушеніи бѣшенымъ животнымъ*, больного надо кормить 40 кусками хлѣба, набраннаго по міру, посыпавъ его пережженной шерстью того животнаго, которое укусило больного.

При *укушеніи змѣей*, надо укушенную часть тѣла перетянуть выше ранки поясомъ, пить топленое молоко отъ черной коровы, пѣнки же прикладывать къ ранѣ.

Отъ *лихорадки* существуетъ наибольшее число средствъ: во время пароксизма пустить подъ рубаху больного лягушку, привязанную лапой къ веревочкѣ. Больной пугается, болѣзнь—тоже и оставляетъ больного. Пьютъ полынь; ее собираютъ въ мартѣ.

Во время пароксизма, рубаху, штаны, поясъ и крестъ больного кладутъ подъ ступу, гдѣ толкутъ кудель и говорятъ: «Марья Идровна *), отпусти его, не то я тебя подъ ступой заморю; коли ты не оставишь, и я тебя не выпущу!» Больному даютъ пить воду послѣ стирки его намокшей отъ пота, рубахи.

Пьютъ отваръ изъ кусочковъ 12 разныхъ деревъ, какихъ угодно. Подпоясываютъ новымъ поясомъ березу и говорятъ: «отпусти его, Марья Идровна, тогда и я тебя отпущу!» Если лихорадка оставитъ больного, то поясъ съ березы снимается. Если кто другой сниметъ поясъ, то лихорадка, оставивъ перваго больного, перейдетъ на снявшаго. Больной бросаетъ платокъ или ленту на перекрестѣ: болѣзнь переходитъ къ поднявшему. Цѣлуютъ черезъ платокъ три раза «коровье согласіе» **) и кланяются коровѣ въ поясъ. Пьютъ настой нюхательнаго табаку въ квасу. Пьютъ отваръ изъ шишекъ дурмана.

Отъ *золотухи* кормятъ сусальнымъ золотомъ; золотушныя страданія кожи лѣчатся: прикладываніемъ медовыхъ лепешекъ и еще слѣдующимъ образомъ: къ больному мѣсту приставляютъ гребень, на которомъ при прядѣніи находится ленъ; къ гребню подносится зажженная березовая лучина и лѣкарка брызгаетъ изорта водою черезъ огонь и гребенку на больного.

„Куриная слѣпота“ проходитъ, если больной будетъ глядѣть въ деготь, или умоется три раза подъ куринымъ насѣстомъ, или будетъ ѣсть сырую, теплую, только что вынутую изъ курицы, печенку, запивая ее водкой Вмѣсто куриной, можно ѣсть печень и другихъ животныхъ, но только вареную. Во время ѣды, больной долженъ глядѣть въ горшокъ, къ которомъ варилась печень, держа лицо не въ далекомъ отъ него разстояніи.

«Собачья старость» (Rachitis) лѣчится разно: ребенка парятъ въ банѣ вмѣстѣ со щенкомъ, ударяя вѣникомъ, поочередно, то по одному, то по другому. При этомъ приговаривается: «собака, собака, возьми съ ребенка собачью старость!» Лицо ребенка замазывается тѣстомъ, остаются открытыми только носъ и ротъ, самъ онъ привязывается къ хлѣбной лопатѣ и, послѣ того, какъ посадятъ хлѣбы въ печь, туда-же на нѣсколько мгновеній суютъ и ребенка три раза. При этомъ приговариваютъ: «собачья старость, припекись въ печи!» Этотъ способъ лѣченья называется «запеканьемъ». Ребенка сажаютъ подъ квашню, приговаривая: «какъ тѣсто всходитъ, такъ на младенцѣ тѣло всходило-бы!»

При лѣченіи *рожи* больное мѣсто намазываютъ землей, (взятой изъ ящика, гдѣ сажаютъ разсаду), смѣшанной со скоромнымъ масломъ. Прикладываютъ также мѣлъ на красномъ сукнѣ.

Къ нарывамъ прикладываютъ: жеванаго хлѣба съ солью, листья бѣлены.

Сучье вымя примачиваютъ уриной, прикладываютъ къ нарывамъ теплыя ржаныя лепешки, которыя затѣмъ и отдаются собакѣ: бѣлой—если больной блондинъ и черной—если онъ брюнетъ.

Для излѣченія отъ *чирьевъ*, ихъ мажутъ разведенной синькой. Сучекъ въ бревнѣ стѣны три раза обводятъ безъимяннымъ пальцемъ, затѣмъ имъ тыкаютъ въ него и столько-же разъ обводятъ этимъ пальцемъ каждый чирій. Ѣдятъ сѣру съ хлѣбомъ.

Для предупрежденія чирьевъ, находятъ на улицѣ веревочку, сушатъ ее на печи, подпоясываются ею, приговаривая: „какъ веревочка суха, такъ червобоинки на мнѣ были-бы сухи, никогда-бы ихъ и не было у меня“!

Чтобы избавиться отъ *бородавокъ*, надо спрясть нитку, вращая веретено не въ правую сторону, какъ обыкновенно, а въ лѣвую, завязать на ниткѣ столько узловъ, сколько у больного бородавокъ и зарыть ее въ сырое мѣсто, приговаривая: „какъ нитка сгніетъ, такъ и бородавки на мнѣ сгинули бы!“

Для того, чтобы прошли *заусенцы*, надо украсть у сосѣдки судомойку, потереть ею руки и положить на прежнее мѣсто.

Если *трескаются губы*, находятъ лошадиное копыто, цѣлуютъ его три раза и кладутъ на то же мѣсто.

Отъ *чесотки* лѣчатся такимъ образомъ: берутъ сору изъ бани, сушатъ его, перетираютъ, смѣшиваютъ со скоромнымъ масломъ, намазываютъ больное мѣсто и даютъ собакѣ лизать.

Для того чтобы прошелъ *ячмень* на глазу, надо къ нему три раза прикасаться кукишемъ и послѣ каждаго раза говорить: „ячмень, ячмень, на-те кукишъ-чего хочешь купишь; купи себѣ топорикъ, сруби себѣ головку, по саму маковку!“ Или другой приговоръ: „не первой, не другой, не третій“... и т. д. до девяти; при этомъ надо три раза плюнуть.

Переломъ бываетъ съ „вѣтру“. Чтобы избавиться отъ него, надо исполнить слѣдующее: когда затопишь печь и изъ нея покажется первый дымокъ, сунь туда голову три раза и говори: „переломъ, переломъ, я тебя переломлю!“ Можно также прикладывать къ больному глазу конецъ нагрѣтаго въ печи коромысла, обмакнутый въ масло.

Для *сведенія бѣльма*, сыпать въ глазъ порошекъ каменной соли, или сахаръ толченый. Трутъ глазъ змѣиной шкуркой, пускаютъ въ глазъ по каплямъ урину (непремѣнно отъ мальчика), табачную настойку, примачиваютъ водой, въ которой вымыты красные земляные черви.

Недугъ изъ ушей. (Катарръ наружнаго слуховаго прохода) проходитъ, если поцѣловать ладонь и приложить ее потуже къ уху 3 раза.

Средства отъ *грыжи*: привязываютъ въ тряпочкѣ давленныхъ мокрицъ, рака живого толкутъ въ ступѣ и пьютъ его сокъ.

Мать или лѣкарка грызетъ зубами ребенку грыжу, на томъ, именно, мѣстѣ, гдѣ ребенокъ былъ рожденъ,

При этомъ приговариваютъ «грыжа, грыжа, не ты перегрызешь, а я тебя перегрызу!» Конецъ пуповины, отпавшій послѣ ея перевязки, сушатъ, смѣшиваютъ съ гречневой кашей, мать или лѣкарка жуютъ эту смѣсь и жевку даетъ больному.

Вдѣваютъ въ ухо сережку.

*) Иродовна.
**) Половые органы коровы.

Digitized by Google

Даютъ ребенку въ теченіи 3-хъ дней соску изъ тертой свеклы.

Когда у кого нибудь случится *мышиное гнѣздо* (нарывъ на затылкѣ), надо поймать мышь, разорвать ее за заднія ноги, одну изъ половинокъ приложить на остриженное больное мѣсто и не снимать до тѣхъ поръ, пока она не высохнетъ.

При *вывихѣ* натираютъ мыломъ овечью шерсть и прикладываютъ съ солью къ сочлененію.

При *ожогѣ* овечьи excrement'ы сушатъ на сковородѣ, смѣшиваютъ съ коноплянымъ масломъ и мажутъ больное мѣсто.

Чтобы *остановить кровь*, надо посыпать рану землей, взятой изъ-подъ ногъ.

Присыпать рану толчеными корнями и листьями папоротника.

Чтобы вылѣчить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать отъ чьего *глазу* заболѣлъ данный субъектъ, надо взять изъ трехъ бань, такихъ, „чтобы баня баню не видѣла», три камешка на женскій, на мужской и на дѣвичій «глазъ». Бросать эти камешки въ чашку съ водой, почерпнутой вдоль рѣки по теченію и приговаривать: «коли ты сглазилъ, зашипи"... Камешекъ своимъ шипѣньемъ укажетъ, сглазилъ-ли больного мущина, женщина, или дѣвушка.

Затѣмъ эту воду даютъ пить больному, читая молитву „Богородице"... и т. д., и, наконецъ, опрыскиваютъ его.

Отъ „глазу" помогаетъ также питье воды, которой обмыты дверныя ручки.

Чтобы выгнать «простуду» изъ больного, его надо сажать «на пары», что дѣлается такимъ образомъ: въ корчагу кладутъ раскаленный камень, засыпаютъ его овсомъ и поливаютъ затѣмъ водой. Поперегъ корчаги кладется палка, на которую, закутанный въ шубу, больной ставитъ обнаженныя ноги.

Роды. Родятъ въ избѣ, клѣти и банѣ, смотря по времени года и другимъ обстоятельствамъ; лежа или стоя, держась за полотенце, привязанное къ матицѣ. Во время схватокъ пьютъ спорынью въ порошкѣ (щепоть на чашку воды) и деревянное масло. При трудныхъ родахъ раздражаютъ глотку родильницы, вводя туда концы ея волосъ, заплетенныхъ въ косы. Для усиленія потугъ, даютъ также пить цитварное сѣмя, или водятъ родильницу по избѣ, чрезъ ноги мужа, сидящаго на полу.

Для этой же цѣли мужъ даетъ родильницѣ пить воду изъ своего рта.

Употребляется также въ этихъ случаяхъ „щепанье лучины".

Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что мужъ становится съ родильницей спина съ спиной, беретъ её подъ локтевые сгибы и, нагибаясь, три раза приподнимаетъ къ себѣ на спину.

Если послѣ родовъ, послѣдъ долго не выходитъ, то роженицу кормятъ давленными головными паразитами съ хлѣбомъ, или привязываютъ къ пуповинѣ мужнинъ лапоть и водятъ роженицу по избѣ.

Дѣтей слабыхъ, не кричащихъ при рожденіи и показывающихъ мало признаковъ жизни, окуриваютъ клиномъ крашенины, вырѣзаннымъ изъ сарафана матери и опрыскиваютъ холодной водой. Напротивъ, если ребенокъ безъ видимой для лѣкарки болѣзненной причины безпрестанно плачетъ, то его рано утромъ выносятъ къ воротамъ, стукаютъ легонько головой о воротный столбъ три раза и приговариваютъ: „Воротный скрипъ, возьми съ младенца крикъ. Отпусти и прости, мать сыра земля, голубина"!

Можно также въ этомъ случаѣ ребенка три раза сунуть въ окно овина, приговаривая: „овинный скрипъ, возьми..." и т. д.

Въ заключеніе я долженъ констатировать тотъ фактъ, что близость школы и врачебныхъ пунктовъ еще мало имѣетъ вліянія на характеръ народнаго лѣченія, и въ селѣ, гдѣ находятся и училище и больница, между крестьянами практикуются тѣ-же средства, что и на окраинахъ, удаленныхъ отъ врача и школы на 30 - 40 верстъ.

Примѣчаніе. Для желающихъ прилагаю здѣсь нѣкоторыя цифровыя данныя, касающіяся школьнаго и врачебнаго дѣла въ Казанскомъ уѣздѣ *) въ 1887 году.

Пространство, занимаемое Казанскимъ уѣздомъ 5001 кв. верстъ **).

Число жителей обоего пола 214945;

Учащихся 3349;

Школъ (Земскихъ, городскихъ, общественныхъ и другихъ)=97;

Уѣздъ раздѣленъ на шесть медицинскихъ участковъ; по одному врачу въ каждомъ. Трата Земства на народное образованіе въ 1871 году 5370 руб.; въ 1887 году 32874 руб. 77 коп.

Трата Земства на народное здравіе въ 1871 году 6800 руб.; въ 1887 году=35238 руб. 98 коп.

Одна школа приходится на 51,55 кв. верстъ.
Одинъ врачъ „ „ 833,5 „ „
Одна школа приходится на 2215.93 жителей.
Одинъ учащійся „ „ 64,18 жителей (1,36 на 100).
Одинъ врачъ „ „ 35824,17 жителей.

Изъ тратъ Земства на школу приходилось въ годъ на 1 жителя въ 1871 г.—2,50 коп., въ 1887 г.—15,29 коп.

Изъ тратъ Земства на медицину приходилось въ годъ на 1 жителя въ 1871 г.=3,16 коп., въ 1887 году=16,39 коп.

В. Н. Аршиновъ.

*) Справочный отдѣлъ календаря, Волжскаго вѣстника на 1888 г. стр. 51, 53, 60 и 61.

**) Географическо-Статистическій словарь Россійской Имперіи П. Семенова т. II вып, 3 стр. 423.

Digitized by Google

Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго у. Вятской губ.

1.

Крестьянская жена деревни Ш., А. В. К. жалуется суду, что сынъ ея Я. И. К безъ ея позволенія продалъ сѣни. Въ свидѣтели указала по себѣ Ф. П. К., Д. Ф. и Г. С.; проситъ присудить обратно ей сѣни. Крестьяне деревни Ш., Ф. П., Д Ф., Я. А., Е. А., Е. М. и Л. А. показали суду, что А. К. жалуется напрасно на сына Я., потому, что отецъ его дряхлый и калѣка, за. котораго хозяйствуетъ Я. И., сѣни онъ отдалъ за работу, т. е. за поправку избы, которая валилась и жить въ ней было опасно. изъ за чего хотѣло общество изъ нея вывести семейство. Предложено имъ помириться, на что они не согласились. На основаніи свидѣтельскихъ показаній Волостной Судъ приговорилъ: крестьянской женкѣ А. В. К. въ искѣ на сына Я. отказать. О чемъ и объявить имъ съ разъясненіемъ порядка обжалованія. (Нечкинская волость 1887 г.).

2.

Крестьянинъ деревни Д., О. Н. С. жалуется, что сватъ его крестьянинъ дер. Д. В. Т. П., не смотря на рѣшеніе Волостнаго Суда, состоявшееся 31 іюля сего года, продержалъ у себя въ страднее время сноху его, жену сына Ег. Осип.. М. В., а ему дочь; рѣшеніемъ тѣмъ присуждено не держать ее, а водворить къ мужу, также возвратить и увезенный его сундукъ съ имуществомъ, а потому проситъ взыскать съ П. за продержаніе дочери его снохи М. въ рабочее время въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ по 8 руб. въ мѣсяцъ, всего 24 руб. и обязать сына П. водвореніемъ дочери къ мужу. При разборѣ настоящаго дѣла проситель Ос. Н. С. заявленіе свое подтвердилъ безъ дополненія. Отвѣтчикъ В. Т. П. объяснилъ, что онъ дочь свою М. сноху С. собственно для работъ не приглашалъ, а она М. живетъ у него по стѣсненію ее мужемъ, свекромъ и свекровью, уплатить ему С. взыскиваемыхъ за проживаніе М. денегъ не согласенъ, такъ какъ она довольствовалась содержаніемъ. На рѣшеніи Волостнаго Суда за 31 іюля объявлено имъ неудовольствіе, но не обжаловано по его невѣденію, а отъ имени М. о жестокомъ обращеніи съ нею мужемъ и другими. Подано подлежащему мировому судьѣ прошеніе Разсматривая объясненіе просителя и отвѣтчика, имъ предложена была мировая сдѣлка, но таковой между ними не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: взыскать съ отвѣтчика П. въ пользу просителя С. за продержаніе у себя въ рабочее время снохи С. 20 р., притомъ внушить П., чтобы онъ дочь свою М. выпроводилъ къ мужу и не продерживалъ у себя. (Сарапульская волость 1883 г.).

3.

Крестьянская вдова поч. П. М. С. М. заявила, что она желаетъ продать свой пай въ овинѣ, построенномъ ею самой — свекромъ ея П. С. М. и крестьянами М. М. и В. М., но свекоръ П. М. не допускаетъ ее до этого, отказывая какъ ей, такъ и пайщикамъ отъ овина. Свидѣтели М. М. и В. М. Просительница М. М. подтвердила свой искъ. Отвѣтчикъ П. С. М. объявилъ, что онъ не препятствуетъ просительницѣ М. М. продавать свой пай въ овинѣ съ тѣмъ, чтобы судъ установилъ, сколько каждый пайщикъ имѣетъ въ овинѣ. На предложеніе о примиреніи согласія не состоялось. Волостной Судъ, выслушавъ пререканія тяжущихся и показанія пайщиковъ М. М. и В. М., постановилъ: въ овинѣ сдѣлать 6 паевъ, изъ коихъ одинъ пай предоставить просительницѣ М. М. съ правомъ продажи, отвѣтчику 2 пая, М. М. 1 пай и В. М. 2 пая. (Козловская волость 1887 г.).

4.

Солдатская вдова дер. М. А. С. Ж. жалуется Волостному Суду, что она, прожила у своего свекра, крестьянина д. М. К. Л. Ж. 6 лѣтъ, но нынѣ мужъ ея померъ въ военной службѣ и свекръ ее изъ дому разогналъ, а потому проситъ приговорить ей отъ свекра 8 р. Спрошенный Волостнымъ Судомъ К. Л. Ж. объяснилъ, что онъ сноху свою А. С. Ж изъ дому не выгонялъ, она ушла добровольно, но такъ какъ она, живши у него, работала, то онъ согласенъ дать ей 5 р. На предложеніе тяжущимся 107 ст. Общ. Пол. мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: взыскать съ крестьянина К. Л. Ж. 5 р., которыми удовлетворить просительницу А. С. Ж. (Сарапульская волость 1883 г.).

5.

Солдатка д. С. У. А. Н., явясь въ волостное правленіе, объявила, что она, проживая у деверя своего А. И. Н., гдѣ и пострадовала, но нынѣ неизвѣстно за что выгоняетъ ее изъ дому и не даетъ за страду никакого в помоществованія, что могутъ удостовѣрить отецъ и мать, почему проситъ передать деверя А. Н. на обсужденіе Волостному Суду. Волостные судьи спрашивали по сему дѣлу прикосновенныхъ лицъ и показали, а именно: 1) Истица У. Н. явку свою подтвердила, 2) Отвѣтчикъ А. И Н. показалъ, что онъ солдатку У. А. дѣйствительно выгонялъ за распутное ея поведеніе. 3) Свидѣтели со стороны просительницы У. А. 1) свекоръ ея, а отвѣтчику родной отецъ И. В. Н. показалъ, что сынъ его А., живущій врозь, солдатку А. дѣйствительно выгналъ, но за что не знаетъ, 2) жена его, а ей свекровка А. Т. показали тоже самое, что и мужъ ея И. В. А. Потому мы В. С., соображаясь съ обстоятельствами сего дѣла, находимъ такъ какъ мужъ солдатки У. А., В. Ив. Н. поступилъ

*) *Примѣчаніе.* Нижеслѣдующія рѣшенія составляютъ дополненіе къ моей статьѣ „Замѣтки о юр. бытѣ крестьянъ Сарапульскаго у. Вятск. губ“, составленной исключительно на основаніи *личныхъ* разспросовъ. Рѣшенія напечатаны безъ измѣненія стиля—въ томъ видѣ. какъ они записаны волостными писарями, ведущими протоколы засѣданій волостныхъ судовъ.

П. В.

Digitized by Google

по-очереди въ рекруты за братьетъ своихъ и деверья ея А. И. и Ѳ. И. Н—вы, по закону обязаны пропитывать означенную солдатку У. Ан., а потому постановилъ: выстроить солдаткѣ Анд. новый домъ-совокупный братьевъ, а покуда выстраивается домъ, деверя А. Н—ва обязать, чтобы онъ солдатку А—ву пропитывалъ и ничѣмъ не стѣснялъ, въ чемъ и отобрать у него подписку. (Сарапульская волость 1870 г.).

6.

Крестьянская вдова д. Д. Е. Г. П. проситъ учинить раздѣлъ имуществу, оставшемуся послѣ смерти въ мартѣ 1884 г. крестьянина д. Д. Г. А. П., между дочерьми тестя его П. А. Б., умершаго назадъ тому четвертый годъ, у коего онъ Г. жилъ въ видѣ сына болѣе 20 лѣтъ, находящимся въ замужествѣ въ деревнѣ Ш. М. П. Г—ой въ д. А. П П Б—ой, въ селѣ М. А. П. С—ой. причемъ она, Е. Г., объяснила, что она за Г. жила въ замужествѣ 4 года, у него же жилъ приведенный ея сынъ съ 13 лѣтъ П. П. С., на котораго при раздѣлѣ проситъ положить плату за проживаніе у вотчима за 4 года 85 р., разсчитавъ 70 к. въ такомъ количествѣ: за 1 й годъ 15 р, за второй 20 р., а за 3 й и 4-й по 25 р., равно выдѣлить часть и ей самой П—ой. Въ Волостномъ Судѣ спрошенныя лица показали, что просительница Е. Г. П. заявленіе свое подтвердила, представивъ притомъ опись имуществу съ оцѣнкой умершаго: крестьянъ, свекра ея П. А. Б. и мужа ея Г. А. П., произведенную 22 ноября 1884 г. сельскимъ старостой Дуб. Общ. А. Ш., изъ которой видно, что имущества движимаго и недвижимаго въ настоящее время состоитъ на 53 р.—дополнила, что на умершемъ состоитъ долгъ въ запасной магазинъ хлѣба 14 ч. и еще она же Е. П. уплатила денежный долгъ въ сельскій банкъ 27 р. 50 к. Если помянутыя наслѣдницы добровольно согласяться получить съ нея деньгами, на каждую по 3 р. и имущество оставить въ распоряженіе ея и сына П., то она принимаетъ весь хлѣбный долгъ на себя съ отвѣтственностью внести оный въ магазинъ 2) наслѣдницы, дочери умершаго П. А. Б.—М. П. Г. и П. П. Б отозвались, что онѣ никакихъ разсчетовъ по долгамъ покойнаго отца ихъ П. Б. принять на себя не согласны, а согласны получить отъ Е. Г. по 3 р. 33 к., затѣмъ все имущество оставить во владѣніи Е- вы П—ой и ея сына П. Третья ихъ сестра А. П. на судъ не явилась. При предложеніи вышепоименованнымъ лицамъ 107 ст. они между собою о наслѣдственномъ имуществѣ, за исключеніемъ одной изъ нихъ небывшей на судѣ А. П., добровольно согласились оставить все имущество покойныхъ Б. и П.—во владѣніе жены послѣдняго Е. Г. П и сына ея П. съ тѣмъ, чтобы имъ отъ П. получить вышесказанное количество денегъ по 3 р. 33 к., на каждую, при этомъ просили заплатить эту миролюбивую сдѣлку безъ дальнихъ разбирательствъ. (Сарапульская волость 1874 г.).

7.

Крестьянинъ д. С. И. А. М Волостному Суду словесно жаловался, что 11-го іюля сынъ его И. И. М. самовольно отъ него ушелъ, при этомъ захватилъ зипунъ, полушубокъ, топоръ, солоду и шерсти, а потому проситъ судъ возвратить ему одежду и его, просителя, удовлетворить. Вызванный въ Волостной Судъ отвѣтчикъ, крестьянинъ И. И. М. на спросѣ объяснилъ, что онъ ушелъ отъ отца по притѣсненію его мачихой, а что же касается одежды, онъ взялъ свою, а болѣе отъ него ничего не бралъ. Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика И. И. М. возвратить новый зипунъ отцу своему И. А. М., а взамѣнъ отъ отца получить старый зипунъ, въ полушубкѣ просителю, отцу его, отказать, предоставить таковой въ пользованіе сына его И. И. М., въ прочемъ же искѣ, какъ по бездоказательности крестьянина И. А. М., отказать. (Сарапульская волость 1883 г.).

8.

Крестьянинъ д. Д. П. И. Г. заявилъ, что сынъ его П. П. завладѣлъ его избой (нынѣ уже перестроенной имъ же Н. безъ всякаго его приказанія) и въ пользованіи таковой ему, П. Г—у, отказываетъ, почему проситъ разбора Волостнаго Суда. Въ Волостномъ Судѣ проситель жалобу свою подтвердилъ. Отвѣтчикъ, сынъ его Н. П. объяснилъ, что онъ въ сказанную избу вступательства никакого не дѣлаетъ, а предоставляетъ въ полное распоряженіе своего отца, означеннаго просителя П. Г., съ тѣмъ, чтобы она, какъ перестроенная имъ, не могла быть продана или передана отцомъ его въ посторонніе какія-либо другія руки, а собственно была бы предоставлена имъ кому ему будетъ угодно по смерти его. На что и проситъ П. Г. изъявить свое согласіе. А потому Судъ постановилъ: изъявленное согласіе участвующими лицами записать въ сію книгу и считать его оконченнымъ. (Сарапульская волость 1885 г.).

9.

Крестьянинъ п. М. Д. П. М. заявилъ, что, оставшееся послѣ смерти отца его Г. П. имущество, сноха его Н. А. присвоила себѣ все и не даетъ ему никакого надѣла, а потому и проситъ удѣлить ему изъ имѣнія отца хлѣвъ и ворота, причемъ добавилъ, что сноха его живетъ въ домѣ зятя своего, крестьянина п. М. А. К Ч. Вызываемая на судъ въ качествѣ отвѣтчицы Н. А. М. не явилась, а за нее, по ея родственному довѣрію, явился зять А. К. Ч., который и объяснилъ, что теща его проживаетъ у него на его содержаніи и тесть, т. е. (братъ)? просителя умеръ и похороненъ имъ Ч—ымъ, почему и скудное ихъ наслѣдство должно поступить въ его, Ч., распоряженіе, что предоставляетъ и теща его, которая должна жить до смерти у него Ч—а. Волостнымъ Судомъ дознано, что тесть умеръ и похороненъ зятемъ А. Ч. и теща проживаетъ у него и что сынъ, проситель Д. П. М—въ въ отдѣлѣ былъ отъ нихъ 20 лѣтъ и пособія умершимъ отцу и матери не давалъ, то, принимая во вниманіе 10 л. давность, просителю отказать, предоставивъ право наслѣдія Н. А. М. и зятю ея А. Ч. (Мостовинская волость 1881 г.).

10.

Крестьянинъ д. Д. П. П. Т. жалуется, что послѣ смерти отца его осталось ржанаго хлѣба и яроваго, частью котораго онъ долженъ воспользоваться, но мачиха его П. К. нисколько ему не даетъ, а потому проситъ хлѣбъ раздѣлить между ними по равной части. Спрошенная Волостнымъ Судомъ П. К. Т. объяснила, что хлѣба, оставшагося послѣ смерти мужа ея, она сыну отдать не согласна, потому что онъ не пособ-

Digitized by Google

лялъ ей страдовать. По предложенію тяжущимся 107 ст. Общ. П. мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, разсматривая настоящее дѣло и примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ, постановилъ: оставшееся послѣ смерти крестьянина П. Д. ржаной и яровой хлѣбъ, около двухъ овиновъ на сумму 35 р., раздѣлить между П. Прок. и П. К. по равной части. (Сарапульская волость 1883 г.).

11.

Крестьянинъ д. М. С. Ф. К. заявилъ Волостному Суду, что назадъ тому 3 года послѣ смерти отца его Ф. И. К. оставшееся имущество, а именно: лошадь, стоющая 37 р., тарантасъ 20 р., сбрую 3 р., корову 14 р., самоваръ 10 р., сани съ подполозками 2 р. сѣна 6 возовъ на 12 р., верховое сѣдло 1 р., а всего на сумму 99 р., увезъ дядя мой Д. И. К. домой, а между тѣмъ имущество это по наслѣдству принадлежитъ мнѣ, какъ единственному наслѣднику послѣ смерти отца, а потому просилъ взыскать съ К. или возвратить имущество, означенное выше. Вызванный на судъ истецъ жалобу свою подтвердилъ и дополнилъ, что мать послѣ смерти отца вышла въ замужество во второе и право наслѣдства потеряла по закону. Отвѣтчикъ крестьянинъ Д. И. К. показалъ, что онъ дѣйствительно по приказанію отца своего И. К. взялъ оставшееся послѣ смерти брата своего Ф. К. отца Сав., прописанное въ заявленіи С. на Ф. К., имущество, но только сѣна не 6 возовъ, а 3, и считаетъ это принадлежностью отца своего И. К. на томъ основаніи, что С. оттяжался отъ своего отца Ф. и что онъ не есть наслѣдникъ отцовскаго имущества, а за самоваръ и тарантасъ онъ Д., К., уплатилъ С. 25 р. и нынѣ употребилъ на женитьбу С. 18 р. И. Н. К. показалъ, что онъ дѣйствительно послѣ смерти сына Ф. К. имѣніе прописанное въ заявленіе С. внука моего приказывалъ младшему моему сыну Д. отобрать такъ какъ таковое надѣлялъ онъ самъ Ф. и считаетъ принадлежностью своею. На основаніи 107. ст. предложена была мировая сдѣлка, но не состоялась причемъ С. дополнилъ, что за женитьбу онъ дѣйствительно считаетъ себя должнымъ Д. 18 р. Волостной Судъ, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, постановилъ: такъ какъ Д. К. увезъ объясненное здѣсь имущество по приказанію отца своего И. К. и таковое находится въ дому И. К. то обязать И. Н. К. а также совмѣстно съ нимъ живущаго сына его Д. обратить С. Ф. К. тарантасъ, сбрую, корову, самоваръ, сани съ подполозками, сѣна 3 воза и верховое сѣдло, а съ С. Ф. К. взыскать въ пользу И. К. и сына его Д. 18 р., а въ случаѣ невозвращенія сего имущества взыскать съ И. К. и сына его Д. въ пользу С. Ф. К. за вычетомъ 18 р. всего 75 р. (Сарапульская волость 1879 г.).

12.

Крестьянинъ д. Е. С. К., поданнымъ въ Волостное Правленіе объявленіемъ отъ 10-го сего Ф. жалуется, что послѣ покойнаго его отца, крестьянина С. К. К., осталось слѣдующее имущество: изба, 3 конюшни, погребъ и баня съ огородкою кругомъ, двѣ лошади, 2 коровы и 5 овецъ, имуществу этому онъ есть единственный наслѣдникъ, кромѣ его хотя послѣ смерти отца и осталась жена, но она не должна быть наслѣдницею по случаю второго брака съ его отцомъ, но онъ, какъ по непроживанію въ своемъ жительствѣ, сказанное имущество оставилъ въ пользованіе мачихи своей В. Я., которая въ настоящее время находится въ замужествѣ уже за третьимъ крестьяниномъ П. И. К. съ которымъ изъ имущества, оставленнаго на храненіе, продали конюшню и баню, двѣ конюшни употребили на дрова, лошадей, коровъ и овецъ также продали, и деньги употребили въ свою пользу, нынѣ изъ означеннаго имущества осталось только одна изба и погребъ, которые крестьянинъ П. И. въ пользованіе не даетъ и вовсе отказываетъ, почему просимъ дѣло это разобрать Волостнымъ Судомъ. Вызванные сего числа на Волостной Судъ: 1) проситель крестьянинъ Е. С. К. жалобу свою вполнѣ подтвердилъ, что сказанное имущество имъ принадлежало съ роднымъ братомъ В. С. К. 2) Отвѣтчикъ кр. П. П. К. противъ жалобы просителя Е. С. К. показалъ, что оставшееся послѣ смерти его отца Ст. К. имущество должно было поступить женѣ В. Я., а не просителю Е. К. съ братомъ В., кромѣ того имущества растрачено никакого не было и какое осталось все находится на лицо и въ цѣлости 3) В. Я. К. показала, что послѣ смерти перваго мужа С. Н. К. дѣйствительно оставалось имущество, которое и должно перейти въ ея владѣніе по наслѣдству, а не кр. Е. К. съ братомъ В., но данныхъ о наслѣдствѣ никакихъ не представила. 4) Общ. крестьяне д. К. И. С., А. П., Ѳ. А., П. К. Г. И., М. К., И. К., С. К. и Ф. П. показали, что имущество, оставшееся послѣ смерти кр. С. К. принадлежитъ сыновьямъ его Е. и В. Ст-ымъ К, а не женѣ его В. Я., потому что она за нимъ была вторая жена и жила не долго. 5) Предложена была мировая сдѣлка, но такозой не состоялось. 6) Волостной Судъ, принимая въ соображеніе обстоятельства настоящаго дѣла и на основаніи 102 ст. общ. п. 14 ф. 1861 г. постановилъ: изъ числа состоящаго на лицо имущества, принадлежащаго крестьянину С. К—у, находящагося въ распоряженіи П. П. и В. Я. К-ыхъ, заднюю избу предоставить въ пользу Е. и В. С. К. какъ роднымъ сыновьямъ, а остальное имущество оставить попрежнему въ пользованіи П. И. и В. Я. К. (Козловская волость 1876).

13.

Крестьянская дѣвица, поч. А. П., А. П. заявила Волостному Суду, что родной ея братъ Е. А. П. выгналъ ее изъ отцовскаго дома, а также и захватилъ ей выдѣленное умершимъ отцомъ имущество, а именно: лошадь мерина шерстью саврасою, стоющую 30 р., жилую избу, стоющую 40 р. 1 овцу съ 2 ягненками, стоющихъ 5 р. 20 к., ряси на 10 р., а всего на сумму 85 р., что и могутъ подтвердить братъ же Филиппъ, А. П., А. А. П. и С. С., а потому проситъ поступить съ ними по закону. Вызванная на Волостной Судъ просительница заявленіе свое подтвердила. Отвѣтчикъ Е. П. на спросъ показалъ, что онъ сестру свою П. изъ дома вовсе не выгонялъ, а она ушла изъ дома сама и увезла съ собою разное имущество, именно 3 тулупа, 4 полушубка, три зипуна, 2 войлока, 5 подушекъ, 2 куля кудели, 3 пары валенокъ, 1 сундукъ, 2 коробки съ холстами, понитокъ (?), 1 корову, такъ что изъ имѣнія, кромѣ скота и строеній, увезла чуть ли не половину, что же касается просимаго ею надѣла, то онъ отдать ей таковаго не можетъ въ виду того, что по отдачѣ всего просимаго совершенно разстроится его хозяйство. Свидѣтели со стороны просительницы показали: Ф. П. и С. У. показали, что упомянутое отвѣтчикомъ выше имущество дѣйствительно просительница отъ брата своего увезла. Волостной

Digitized by Google

Судъ предложилъ мировую сдѣлку, но таковой не состоялось, а потому постановилъ: предоставить въ пользованіе просительницы П. П. изъ наслѣдственнаго имущества отъ брата ея Ек. одну малую избу, крытую тесомъ съ тѣмъ, чтобы она, просительница могла по своему усмотрѣнію въ ней распоряжаться, въ остальномъ же искѣ, какъ несправедливомъ и уже за полученіемъ полнаго надѣла отказать. (Гальянинская волость 1875.).

14.

Крестьянка деревни У. Н. Ф. Д. Ч. жалуется Волостному Суду, что падчерица П. Р. Ч. отбираетъ у нея ржаной посѣвъ половину переѣзда, а между тѣмъ у нея на рукахъ четыре малолѣтнихъ дѣтенка, есть податныя недоимки въ продовольственный капиталъ въ земство. Проситъ отказать Н. отъ вступательства въ хлѣбѣ. Предложено сторонамъ помириться и жить вмѣстѣ въ одномъ дому и работать, платить подати и всякіе недоимки; но П. Р. не согласилась. Она имѣетъ отъ роду 17 лѣтъ, которая объясняетъ, что мачиха Ф. Ч. не кормитъ; поэтому она половину переѣзда и желаетъ получить посѣва ржи. По справкѣ оказалось, что за вдовой Ф. Ч. дѣйствительно состоитъ недоимка въ подати и продовольственный капиталъ, у нея четверо на рукахъ дѣтей, а Н. можетъ находиться въ работницахъ и тѣмъ себя прокормитъ. А потому приговорилъ: дѣвицѣ Н. Р. Ч. отъ вступательства въ хлѣбѣ отказать, о чемъ и объявить имъ съ разъясненіемъ порядка обжалованія. (Нечкинская волость 1887 годъ).

15.

Крестьянка вдова деревни П. К. Г. Ц. заявила, что со смертью мужа ея и сына, сноха ея А. Г. Ц. вступила во владѣніе всѣмъ хозяйствомъ и ей К никакой части не выдаетъ. Почему К. проситъ отобрать отъ снохи ея Анны и передать ей, просительницѣ: жеребца игреняго, стоющаго 20 р., одну овцу, стоющую 3 р., переѣздъ ржанаго посѣва на 25 р. и срубы въ 8 рядовъ, стоющіе 10 р.; всѣ эти вещи мужъ просительницы при смерти благословилъ. Просительница К Ц подтвердила свой искъ. Отвѣтчица А. Ц. объяснила, что она не согласна выдать просительницѣ требуемаго ею имущества, такъ какъ у ней, отвѣтчицы, есть три малолѣтнихъ сына, прямые наслѣдники на все имущество, оставшееся послѣ смерти свекра и мужа ея, отвѣтчицы. На предложеніе о примиреніи соглашенія не состоялось. Волостной Судъ, въ видахъ предупрежденія растраты хозяйства Ц. постановилъ: домогательство просительницы К. Г. Ц., оставить безъ послѣдствія, а отвѣтчицу А. Ц. обязать содержать просительницу К. Ц. на своемъ пропитаніи. (Козловская волость 1885 г.).

16.

Крестьянка д. С. С. в. У. С. З., по первомъ мужѣ С., заявила, что послѣ умершаго мужа ея, солдата К. П. С., осталась въ вѣдѣніи свекра ея П. С. слѣдующее имущество: изба съ сѣнями, крытая драньемъ, новая конюшня некрытая, въ 15 рядовъ, 3 с., 9 бревенъ сложены въ грудѣ, двѣ телѣги съ одними передками, пятистѣнный хлѣвъ, соха, 2 бороны, хлѣба ржаного 1 кладь, 2 коровы, моя 1/4 часть выстроенной мельницы, всего на сумму 85 р., хотя надъ имуществомъ сиротъ учреждена опека, между тѣмъ свекръ ея П. И. С. дѣлаетъ растрату имущества, что могутъ подтвердить опекуны: Г. С. Ш., Ѳ. Ф. С. и А. В. С. Поэтому проситъ принадлежащее сиротамъ ея дочерямъ: Л. и А. имущество на сумму 85 р. отобрать отъ П. С. или взыскать съ него деньгами 85 р. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ П. И. С. объяснилъ, что хотя сынъ К. П. и жилъ отъ него отдѣльнымъ хозяйствомъ, но такъ какъ онъ былъ ему отецъ, потому и считаетъ себя наслѣдникомъ. Вызванные на Волостной Судъ въ качествѣ свидѣтелей опекуны крестьяне с. Ч. Г. С. Ш. Ѳ. Ф. С. и А. В. С. показали: означенное имущество дѣйствительно нажито сыномъ отвѣтчика П. С-а, солдатомъ К., т. е. мужемъ просительницы и имущество это онъ, Петръ, уже истрачиваетъ. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось А потому Волостной Судъ постановилъ: имущество на сумму 85 р. раздѣлить слѣдующимъ порядкомъ: обязать П. И. С., чтобы онъ выдалъ снохѣ своей. У. С. З. наличными деньгами, на каждую ея дочь Л. и А. по 30 р.—60 р., оставивъ на свою часть 25 р. (Мостовинская волость 1881 г.).

17.

Крестьянка д. У. С. У. В. проситъ Волостной Судъ сдѣлать между нею и ея сыновьями движимому и недвижимому имуществу разчетъ, такъ какъ согласія въ сожитіи не стало по смерти ея мужа, а равно и послѣ, въ семъ году. Волостной Судъ, выѣзжая на мѣсто въ д. У. С., гдѣ при обществѣ крестьянъ деревни той оказалось, что изъ семьи В. оказывается три личныхъ наслѣдника, пасынокъ В. Л. и Н. изъ которыхъ первый сданъ въ рекруты и родной сынъ М., почему, съ согласія просительницы и желанія ея получить выдѣлъ вмѣстѣ съ роднымъ сыномъ Матв. на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, постановили: выдѣлить М. съ матерью У. В. переднюю избу, стоящую въ улицу, новую конюшню, амбаръ въ 30 р. крышу на столбахъ, лошадь мерина шерстью рыжаго и таковую же чалую съ жеребенкомъ, 1 телку 1 года, мѣдный самоваръ; затѣмъ Н. съ солдатомъ Л. задній домъ, двѣ конюшни съ крышей и сараемъ, корову черно шерстную и причитающіеся отъ проданой мельницы противъ выдѣленнаго амбара 40 р. с., годоваго мерина и вороную кобылу, двухъ теленковъ, мѣдный для воды сосудъ и гнѣдую кобылу. изъ которыхъ солдату вороную кобылу. Напольный какъ озимовый, такъ и яровой на надѣльныхъ земляхъ выдѣлить матери съ Матв. на 1½, а Ник. на 2 души, а на арендной пополамъ, а что же касается до долговаго хлѣба, то изъ числа 5 четв. ржи заплатить просительницѣ 1 ч. 5 чк. и изъ 12 ч. 4 чк. овса 4 ч. 1 чк., а остальное доплатить Н. Затѣмъ изъ оставшихся за мельницу денегъ 12 р. 50 к. выдать просительницѣ 4 р. 17 к., а остальное Ник. (Сарапульская волость 1877 г.)

18.

Крестьянка поч. Г. А. г. А. Б. заявила, что послѣ смерти мужа ея Н. Б. осталось слѣдующее имущество: изба, амбаръ, погребъ, мякинница, 5 заплотовъ, ворота, 8 овечекъ, 5 свиней, корова съ теленкомъ, лошадь, двѣ телѣги, 1 соха и борона желѣзная, трои дровни, 1 хомутъ, хлѣба 6 возовъ и 60 деревъ лѣсу. Изъ этого имущества пасынокъ ея С. Н. Б. кое-что уже продаетъ и деньги пропиваетъ, почему проситъ имущество это раздѣлить по частямъ. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, к. С Н. Б.

Digitized by Google

объяснилъ, что онъ изъ сказаннаго имущества мачихѣ своей А. Б. ничего не отдастъ. Мировой сдѣлки между ними не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: обязать крестьянина С. П. Б отдать своей мачихѣ А. А. изъ оставшагося послѣ смерти мужа ея Н. Б имущества слѣдующее: избу, погребъ, три заплота и ворота, 4-хъ овечекъ, 2-хъ свиней, корову, одну телку, борону одну, дровни и хлѣба 3 воза, а остальнымъ имуществомъ: лошадью, мякинницею, двумя заплотами, 4-мя овечками, 3-мя свиньями, теленкомъ, телѣгой, двоими дровнями, хомутомъ и 3-мя возами хлѣба, и 60 бревнами лѣса предоставить воспользоваться ему С. Н. Б-у, а за пьянство и растрату имущества подвергнуть его Сем. Б. аресту при Волостномъ Присутствіи на трои сутокъ (Мостовинская волость 1881 г.).

19.

Крестьянская вдова г. М. В. П. А., проживающая въ д. Ш. у родного сына Я. С. М., заявила, что назадъ тому уже 13 лѣтъ, какъ она выходила вторично въ замужество за крестьянина въ с. М. Д. К. А. и жила съ нимъ лѣтъ 10 (дѣтей отъ него не имѣетъ), который, т. е. мужъ ея, умеръ въ 1879 г. и послѣ смерти его она отправилась опять въ д. Ш. къ родному сыну своему М., у котораго и теперь проживаетъ, но назадъ тому уже второй годъ пасынокъ ея Н. Д. А. (сынъ второго мужа ея) умеръ, оставивъ послѣ себя жену А. В. и дочь А-гу 7 л. Нынѣ эта вдова (жена пасынка ея Н.) А. В. вышла во второе замужество за солдата д. Б. В. Л., поэтому она В. П. А. проситъ выдѣлить ей изъ имущества пасынка ея Н. Д. А. клѣть, т. е. избу не жилую. Вызванная въ качествѣ отвѣтчицы, бывшая крестьянская вдова А, а нынѣ солдатская жена А. В, объяснила, что свекръ ея Д. К. А., умирая, говорилъ женѣ своей В: „живи въ домѣ, будешь хозяйка, а если уйдешь, ничего не возьмешь“. Между тѣмъ она взяла у нея 20 пудовъ ржи и отправилась на жительство въ д. Ш. къ родному сыну ея М. Если она желаетъ жить у нея, то она Аг. не препятствуетъ этому, а изъ имущества ничего не даетъ. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей крестьяне В. Т. и С. С. А. показали, что мужъ просительницы Д. К. А., умирая, въ присутствіи ихъ сказалъ женѣ своей В. П. А-ой: „живи здѣсь, Вас., уголъ твой, сынъ тебя не изобидитъ“, но ничего не говорилъ, чтобы ей что-нибудь изъ имущества отдать. Мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ приговорилъ: крестьянской вдовѣ В. П. А. въ искѣ о выдачѣ ей имущества отъ сноха ея А. В. А. по безпоказательности отказать. (Мостовинская волость 1883 г.).

20.

Крестьянка с. А. А. Л. по второму мужу М. проситъ отъ деверя покойнаго перваго мужа, М. М. М.—И. М. опредѣлить часть домовняго строенія въ пользу оставшихся послѣ смерти перваго мужа М. малолѣтнихъ дѣтей-сыновей: Петра 9, Ѳеодора 7 и Якова 4 лѣтъ. Вызванный въ Волостной Судъ крестьянинъ И. М. объяснилъ, что братъ его М. М. нынѣ умершій, еще при жизни покойнаго отца ихъ, былъ отданъ послѣднимъ въ видѣ усыновленія односельцу С. И. М., у котораго Мих. былъ женатъ на просительницѣ, гдѣ проживъ $7^1/_2$ лѣтъ, прижилъ означенныхъ въ заявленіи А. дѣтей, и назадъ тому четвертый годъ померъ, а А. вышла во второе замужество. Поэтому онъ, отвѣтчикъ, выдѣлить часть домовняго строенія на племянниковъ не считаетъ себя обязаннымъ, такъ какъ покойный М. хозяйствомъ занимался у С. И. Спрошенный противъ отзыва И. М, крестьянинъ С. И. показаніе И. вполнѣ подтвердилъ и дополнилъ, что изъ числа оставшихся послѣ проживавшаго у него въ дѣтяхъ М. М. сыновей—П. и по настоящее время находится у него на воспитаніи, и онъ С. по достиженіи всѣхъ троихъ сиротъ дѣтей М. обязывается выдѣлить имъ двѣ избы въ наслѣдство. Приведенныхъ Михайломъ жеребенка, теленка и 2-хъ овецъ Анна увела обратно. По предложеніи тяжущимся сторонамъ 107 ст. общ. пол. мировой сдѣлки между ними не послѣдовало. А потому Волостной Судъ, признавая отзывъ отвѣтчика справедливымъ, а данное обязательство С. И. для сиротъ достаточнымъ, постановилъ: въ искѣ просительницѣ отказать. (Козловская волость 1881 г.).

21.

Явясь въ Волостной судъ, крестьянинъ деревни Д. Ст. М. Н. объявилъ, что въ пред тоящій мясоѣдъ просваталъ въ замужество за крестьянина здѣшней-же волости д. О. Ив. Т. дочь свою, и послѣ просватанія таковой продолжалось времени 7 дней, въ теченіе которыхъ находились на его содержаніи дѣвицы для шитья, приготовилъ потребныя для свадебныхъ столовъ припасы, каковыхъ столовъ уже и было 2, сверхъ того нанупилъ для подарка жениху и его родственниковъ товару, что стоитъ ему въ сложности 30 руб. 75 к. Между тѣмъ отецъ жениха Т. К. отъ взятія за его сына дочери моей отказался, почему Н. проситъ за отказомъ Т. К. отъ дочери его взыскать съ него понесенные имъ убытки въ количествѣ 30 р. 75 к. и таковыми удовлетворить его. Волостной Судъ П. Г., Я. Ч. и Ив. Т. дѣлали между крестьянами С. М. и Т. К. о понесенныхъ первымъ убыткахъ отъ отказа послѣдняго взять за сына своего въ замужество просватанную дочь перваго—разборъ, причемъ оказалось крестьянинъ Т. К добровольно согласился заплатить С. М. понесенные имъ убытки и купленный товаръ деньги 30 р. 75 к. каковыя тогда же и заплатилъ, а купленный К. товаръ, а именно 7 франц. платьевъ, полубуденную рубаху, 13 бумажныхъ платковъ, 2 пестрыхъ рубахи, 4 синепестрядинныхъ штановъ, 16 арш. ситцу и 20 арш. холста получилъ себѣ. Постановили: за добровольною сдѣлкою и миролюбивымъ примиреніемъ тяжущихся настоящее рѣшеніе по В. С. считать окончательно рѣшеннымъ. (Сарапульская волость 1870 г.).

22.

Крестьянинъ с. К., Е. Е. М. заявилъ Волостному Суду, что онъ просваталъ вынѣшнимъ мясоястіемъ дочь свою, Анну, за сына крестьянина д. П. Ѳ. Я. К., который невѣсту за себя не беретъ за старостью будтобы ея лѣтъ, между тѣмъ было рукобитіе, отданы свату-отцу жениха Ѳ. Я. К-у подарки и было даже выпито вино; посему М. проситъ Волостной Судъ разобрать его претензію. Вызванныя на Волостной Судъ лица показали: 1) проситель С. М. свою жалобу подтвердилъ. 2) Отвѣтчикъ Ѳ. Я. К. показалъ, что онъ невѣсту А. Спир. взамужъ за сына не беретъ за старостью ея лѣтъ. 3) Онъ же, отецъ жениха, крестьянинъ д П. Ѳ. Як. показалъ, что онъ, за несогласіемъ сына его К., взять сказанную А. Сп.—не можетъ принудить его къ браку; и что онъ взятыя отъ невѣсты

Digitized by Google

заверстываетъ за вино (водку) употребленную при рукобитіи, 4) была предложена тяжущимся сторонамъ 107 статья Общ. Пол. о примиреніи, но обѣ стороны, поговоря не малое время между собой, примириться не согласились. Вслѣдствіе чего Волостной Судъ, находя жалобу крестьянина с. К., С. М. заслуживающею уваженія, постановилъ: взыскать съ крестьянина д. П. Ѳ. Як.—отца жениха, въ пользу М. 5 руб. за безчестіе и убытки съ возвращеніемъ подарковъ, такъ какъ послѣдній зналъ кого сваталъ и предварительно долженъ былъ навести справку о лѣтахъ невѣсты, а не заводить пиръ; это рѣшеніе объявить обѣимъ сторонамъ. (Козловская волость 1877 г.).

23.

Крестьянинъ д. Ш., Н. П. Т. заявилъ, что онъ засваталъ въ селѣ К. крестьянскую вдову Е. Д. Ч—у, живущую нераздѣльно со свекромъ И. К. Ч—мъ. Вдова Е. Ч. на выходъ въ замужество за него была согласна, но въ настоящее время отказалась, вслѣдствіе чего онъ, Т., потерпѣлъ убытки до 16 р. с., которые и проситъ взыскать со свекра невѣсты его И. Г. Вызванный на Волостной судъ въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ с. К., И. К. Ч. объяснилъ, что онъ почти такое же количество денегъ издержалъ на расходы по просватыванію за крестьянина Н. Т. своей снохи Е., въ какомъ ищется проситель Н. Т., а потому и не считаетъ себя обязаннымъ платить деньги 16 руб. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. А потому Волостной Судъ постановилъ: крестьянину Н. Т. въ искѣ противъ крестьянина П. Ч. о взысканіи денегъ 16 р. отказать за бездоказательностью. (Мостовинская волость 1881 г.).

24.

Крестьянская вдова д. Г., Ф. М. С. заявила, что она, имѣя намѣреніе вступить въ замужество за крестьянина Р. М. В. поч. Ил., прибыла къ нему въ домъ 10 мая сего года и прожила до 10 августа, рассорились и она ушла. С. проситъ всыскать съ В. за свою работу въ его домѣ у него 42 руб. Свидѣтель Е. П. М. Въ засѣданіи Волостнаго Суда просительница подтвердила свой искъ и проситъ удовлетворить ея жалобу. Отвѣтчикъ объяснилъ, что просительница, хотя и прожила у него съ 10 мая по 10 августа сего года въ качествѣ жены, почти не работала и ушла отъ него безъ его согласія на то, и безъ всякаго повода, поэтому не намѣренъ выдавать ей деньги 42 р. На предложеніе о примиреніи 107 ст. Общ. Пол. между ними согласія не послѣдовало. Свидѣтели М.... показали, что просительница С. мало работала у В, жила у него въ качествѣ жены, а не работницы и ушла безъ его согласія. Волостной судъ, имѣя въ виду, что просительница С. жила у отвѣтчика, какъ жена, а не какъ работница и ушла отъ него безъ согласія, постановилъ: отказать просительницѣ въ искѣ. (Козловская волость 1881 г.).

25.

Отставной рядовой Ершовской волости, Осинскаго уѣзда, Ф. Ф. Б. заявилъ Волостному Суду, что 4 года тому назадъ онъ выдалъ въ замужество за крестьянина деревни Д., Ив. Мих. П. дочь свою А., которой далъ въ приданое постель, стоющую 9 р., самоваръ съ приборомъ, стоющій 9 р., котелъ 1 р. 40 коп., соху 3 р., телѣгу 3 р., корову 30 р., хлѣба на 10 р. 50 к., а всего на 65 р. 90 к., но такъ какъ дочь А ныпѣ отъ И. П., вслѣдствіе жестокихъ съ нею обращеній со стороны мужа,—П. ушла, поэтому проситъ взыскать съ Ив. П. 65 р. 90 к. за вещи выше поименованныя, данныя въ приданое. Свидѣтель поэтому дѣлу П. В. и Д. сельскій староста. Спрошенный на судѣ Б. заявленіе свое подтвердилъ. Крестьянинъ И. М. П. объявилъ, что онъ отъ тестя Ф. Ф. Б. въ приданое за дочерью получилъ только слѣдующее: постель, самоваръ, котелъ, соху, телѣгу, корову и хлѣба на 4 р. 20 к., а всего на 59 р. 60 к., а не на 65 р. 90 к. но все вышеписанное до сихъ поръ не возвращаетъ потому, что онъ у тестя Бал. жилъ 1½ года съ женою, не получая никакого за это вознагражденія. На предложеніе 107 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ, примиренія между тяжущимися не состоялось. Волостной судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: такъ какъ Ив. Пол. дѣйствительно, какъ то утвердилось на судѣ, проживалъ у просителя Б. 1½ года, не получая за то вознагражденія, послѣдняго не отрицаетъ и Б., а потому въ искѣ Ф. Ф. Бал. отказать, о чемъ тяжущимся объявить, съ правомъ обжалованія, въ случаѣ неудовольствія, въ 30-дневный срокъ въ Уѣздномъ Присутствіи. (Саранульская волость 1882 г.).

26.

Волостные судьи, собравшись въ присутствіе, слушали заявленія крестьянина д. Ш. В. Д. Б—а о томъ, что назадъ тому 5 лѣтъ онъ выдавалъ въ замужество свою дочь Ѳеклу за одноженителя своего П. Е. Б., между тѣмъ дочь его Ѳ. около 4 хъ лѣтъ умерла и послѣ нея дѣтей никого не осталось; изъ имущества осталось, а именно: женскій тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, стоющій 14 р., а также и красно 1 р., который ему не возвращался, потому и проситъ сдѣлать объ этомъ законное распоряженіе. Вызванный въ Волостной Судъ по повѣсткѣ въ качествѣ отвѣтчика П. Е. Б. неизвѣстно почему изъ суда самовольно отлучился, не давъ противъ жалобы никакого объясненія, а потому Волостной Судъ постановилъ: означенныя вещи женскій тулупъ и красно всего 15 р. отобрать отъ крестьянина П. Б. и таковыми удовлетворить просителя В. Б. (Мостовинская волость 1883).

27.

Крестьянская жена д. Д. Х. Е. Р. заявила Волостному Суду, что вслѣдствіе жестокихъ обращеній съ ней мужа ея П. Т. Р., она съ нимъ около полуторыхъ лѣтъ не живетъ, а живетъ у разныхъ лицъ, мужъ ея не отдаетъ принадлежащія ей вещи, принесенныя ею при выходѣ въ замужество, а именно: тулупъ, крытый сукномъ въ 15 р., полушубокъ въ 4 р. тулупъ овчинный въ 5 р., гарусная шаль въ 2 р., сатиновая шаль въ 1 р. 50 к. и шаль (прохоровская) 1 р. 50 к., три сарафана и 2 юбки 9 р., холста 2 конца въ 2 р., сундукъ 2 р. и три женскія рубахи 1 р., всего на 43 р., а потому проситъ судъ истребовать отъ ея мужа П. Р. означенныя вещи и удовлетворить ее, а въ случаѣ утраты ихъ, взыскать съ него въ пользу ея означенную сумму. Въ собственности этихъ вещей ея, Р, могутъ подтвердить крестьяне Е. Н. Ф. и Е. С. Волостной Судъ спрашивалъ нижеозначенныхъ лицъ, которыя и показали; просительница заявленіе свое подтвердила. Отвѣтчикъ П. Т. Р.

Digitized by Google

въ удержаніи заявленныхъ женою его вещей виновatымъ себя призналъ, а выдать ихъ не соглашается. Свидѣтели Е. Ф. и Е. С. показали, что заявленныя Х. Р. вещи дѣйствительно принесены ею изъ дѣвицъ. На основаніи 107 ст. общ пол. о примиреніи мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. Волостной Судъ, входя въ разсмотрѣніе даннаго дѣла, постановилъ: истребовать отъ рядоваго П. Р. вещи: 2 тулупа, полушубокъ, три шали, три сарафана и 2 юбки; холстъ, сундукъ и 3 рубахи, которыя и выдать просительницѣ Х. Р., а въ случаѣ утраты которыхъ вещей,—взыскать съ Р. стоимость ихъ по заявленной просительницей цѣнѣ. (Сарапульская волость 1887 г.).

28.

Крестьянинъ Сар. в. д. Д. Е. О. С. заявилъ В. С. что назадъ тому 7 лѣтъ онъ взялъ въ замужество дочь крестьянина д. Д. В. Т. П.—М. В., съ которой, прожившъ до 6 лѣтъ, прижили дѣтей сына Д, имѣющаго отъ роду 6 лѣтъ, и жена его въ нынѣшнемъ году умерла. Послѣднее время онъ, С. въ теченіе 8 м. жилъ у тестя, а потомъ отошелъ въ рознь, оставивъ у тестя имущество, оставшееся послѣ смерти жены, принадлежащее какъ ей, такъ и мнѣ: шерстяной сарафанъ 5 р. 50 к. платокъ въ 1 р. 70 к. суконный тулупъ въ 7 р. войлокъ и подушку въ 9 р., а всего на сумму 22 р. 20 к. Вещи эти въ настоящее время В. П. не возвращаетъ, почему и проситъ присудить возвратить эти вещи или взыскать по стоимости деньгами. Явившись въ Волостной Судъ, проситель Е. С. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ В. П. объяснилъ, что дѣйствительно, когда ушелъ отъ нихъ зять Е. С., осталось у него шерстяной сарафанъ, платокъ, суконный тулупъ, войлокъ и подушка, которые онъ признаетъ принадлежностью не зятя Е. С., а скорѣе покойной его дочери М. В. По предложеніи мировой сдѣлки, она не состоялась. Волостной Судъ, соображаясь съ обстоятельствами дѣла и руководствуясь мѣстными обычаями, постановилъ: оставшееся послѣ смерти жены Е. С и дочери В. П. имущество, именно: шерстяной сарафанъ въ 4 р. 50 к., платокъ въ 1 р. 70 к., суконный тулупъ въ 7 р., войлокъ и подушку въ 4 р., а всего на сумму 22 р. 20 к. предоставить въ пользованіе малолѣтняго сына просителя С. 6 лѣтъ, а въ случаѣ утраты тѣхъ вещей взыскать съ В. П. по стоимости деньгами (Сарапульская волость 1885 г.).

29.

Крестьянинъ д. Ш. С. Д. Т. заявилъ, что въ 1878 г. онъ, Т.. выдалъ свою двоюродную сестру С. Е. въ замужество за крестьянина д. Ѳ. В. Д. Г, который далъ въ приданое слѣдующее: тулупъ, стоющій 9 р., шубу, крытую синимъ холстомъ, 4 р., ситцевый сарафанъ 1 р. 60 к,, кисейный сарафанъ 1 р. 50 к., шелковую косынку 50 к., мусленделеную шаль 1 р., 2 ситцевыхъ рубашки 1 р. 50 к, 3 полотенца 1 р., 2 скатерти 1 р. 70 к., 2 ситцевыхъ фартука 60 к., и двѣ юбки бѣлаго холста 1 р., а всего на сумму 24 р. 85 к. Нынѣ сестренница Ст. умерла, оставивъ по смерти своей сына И, который вскорѣ затѣмъ тоже умеръ, а потому проситъ оставшееся у крестьянина В. Д. Г. означенное имѣніе отобрать и возвратить ему. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика В. Д. Г. объяснилъ, что онъ означенное въ заявленіи имѣніе отдавалъ С-ту Т-у обратно, но только съ тѣмъ, если онъ, Т., возьметъ ребенка къ себѣ, который еще былъ тогда живъ, но Т. ребенка не взялъ, а просилъ только возвратить ему имѣніе, а такъ какъ онъ, Г., нанималъ для ухаживанія за ребенкомъ няньку, которой заплатилъ за это 1 р., то посему и не желаетъ отдать оставшееся послѣ смерти жены его, Ст., имущество. Мировой сдѣлки между тяжущимися не состоялось. Волостной Судъ постановилъ: оставшееся послѣ смерти жены В. Г. имущество, а именно: сундукъ, сарафанъ ситцевый, шелковую косынку, 2 ситцевыхъ рубашки, 3 полотенца, поясъ, 2 скатерти, 2 ситцевыхъ фартука и двѣ бѣлыя юбки возвратить просителю С-у Т., а остальное какъ-то: тулупъ, шубу, кисейный сарафанъ, муследеленовую шаль оставить у В. Г. за присмотръ ребенка (Мостовинская волость 1881 г.).

30.

Крестьянская жена с. К. Т. З. М. заявила, что мужъ ея того же села П. И. М. постоянно билъ ее и въ концѣ концовъ выгналъ ее изъ дому, почему она принуждена уйти къ своей матери въ поч. П., но одежды мужъ ея никакой не далъ. Вслѣдствіе сего она проситъ отобрать отъ ея мужа принадлежащіе ей: 6 ситцевыхъ сарафановъ, 9 ситцевыхъ женскихъ рубахъ, 6 ситцевыхъ запоновъ, 3 шали: одну сатиновую, другую муслиновую, а третью бумажную, двѣ портяныя скатерки, 4 полотенца, 3 платка, полушубокъ овечьихъ овчинъ, крытый кизинетомъ, стяженая кизинетомъ кофта, полныя кафтаки (?) двои новые ботинки и 5 арш. бѣлаго холста. Въ засѣданіи Волостнаго Суда просительница подтвердила свой искъ. Отвѣтчикъ объяснилъ, что никогда не билъ свою жену, а она ушла отъ него потому, что не захотѣлось ей работать; перечисленныя ею вещи хранятся у него въ цѣлости, но выдать ихъ женѣ не согласенъ, а желаетъ чтобы она перешла къ нему для совмѣстнаго сожительства. На предложеніе о примиреніи согласіе не состоялось. Волостной Судъ, допросивъ нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей (сосѣдей отвѣтчика), между прочими Т. М. и К. С., убѣдился, что поведеніемъ отвѣтчика жена его была вынуждена уклониться отъ сожительства съ нимъ потому Волостной Судъ постановилъ: отобрать отъ отвѣтчика означенныя вещи въ заявленіи просительницы и выдать ихъ женѣ отвѣтчика. А отвѣтчику предоставить возможность возбудить ходатайство о водвореніи въ его домѣ его жены (Козловская волость 1881 г.).

31.

Крестьянка поч. П. П. П. Н. заявила, что она, при выдачѣ взамужество назадъ тому 8 й годъ своей дочери М. Н. за крестьянина однодеревенца П. О. Ц., дала въ приданое; корову, свинью, 3 куницъ и 1 овцу, но нынѣ свекоръ дочери О. Ч. дочь ея выгоняетъ и данное въ приданое оставляетъ въ свою пользу, почему и проситъ о возвратѣ означеннаго приданаго, кромѣ овцы. Вызванная на Волостной Судъ просительница заявленіе свое подтвердила вполнѣ. Отвѣтчикъ Ц. въ данномъ въ приданое имуществѣ сознался, а также къ выгону снохи доказательствъ, препятствующихъ къ тому, не представилъ. По предложеніи 107 ст. Общ. Пол. между тяжущимися сторонами согласной сдѣлки не состоялось. А потому Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика возвратить просительницѣ данное ею въ приданое за дочь имущество: ко-

Digitized by Google

рову, свинью и куриць, которыми онъ можетъ воспользоваться тогда лишь, когда приметъ въ свой домъ сноху М. и будетъ содержать ее, какъ слѣдуетъ. (Козловская волость 1886 годъ).

32.

Крестьянинъ села Е. И. М. П. заявилъ, что его 3 года тому назадъ крестьянинъ д. Л. Д. А. К. взялъ его въ усыновленіе и продержалъ 3 года, затѣмъ нынѣ отъ житья отказалъ, не заплативъ ему за прожитое время, ничего, почему проситъ взыскать съ К. 75 р. черезъ разборъ и рѣшеніе Волостнаго Суда. Въ Волостномъ Судѣ И. П. жалобу свою подтвердилъ. Крестьянинъ Д. К. объяснилъ, что онъ отъ житья П не отказывалъ, который прожилъ у него всего 2 года и ушелъ по своему желанію, за прожитые годы платить себя нисколько обязаннымъ не считаетъ, потому что онъ пришелъ къ нему 15-лѣтній и, во время проживанія, заводилъ ему одежду, какъ верхнюю, равно и нижнюю. Предложено тяжущимся помириться, но они на это не согласились. Судъ, соображаясь съ обстоятельствомъ сего дѣла и, принимая во вниманіе, что П. во время нахожденія у К. былъ несовершеннолѣтнимъ, не могъ управлять за полнаго работника и къ тому же пользовался отъ К одеждою, а потому постановилъ взыскать съ крестьянина Д. К. въ пользу П. за прожитые 2 года, полагая въ каждый годъ по 5 р., всего 10 р. (Гальянинская волость 1885.).

33.

Крестьянинъ поч. П. Р. П. М. заявилъ, что назадъ тому года 2 онъ уходилъ въ дѣти къ дядѣ своему, крестьянину п. П. П. Г. М., прожилъ у него зиму, но Ив. выгналъ его и не далъ ему нисколько за то, что онъ работалъ. Свидѣтели Д. М. и В. К. Проситель Р. М. подтвердилъ свое заявленіе и просилъ за смертію И. Г. М. взыскать съ жены его А. Ф. М. 50 р. за работу. Отвѣтчица А. Ф. М. объяснила, что платить просителю за работу она не согласна, такъ какъ онъ при жизни покойнаго мужа ея не предъявлялъ этого требованія. Жилъ Р. у нихъ зимой, работы тогда не было, а къ лѣту ушелъ, - не захотѣлъ работать. Свидѣтели Г. Д., В. В. и Е. Г., Е. П. На предъявленіе о примиреніи соглашенія не состоялось. Отвѣтчица А. М. предъявила духовное завѣщаніе покойнаго мужа ея Ив Г. М. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ все имущество отказано ей, отвѣтчицѣ. На второе предложеніе о примиреніи А. М. согласилась дать Р. М., ради его бѣдности, 3 р. Но Р. на это не согласился. Свидѣтели со стороны просителя подтвердили основательность его иска, а свидѣтели, указанные отвѣтчикомъ, показываютъ, что Р. несправедливо ищетъ. Волостной Судъ приговорилъ: взыскать просителю Р. М. съ отвѣтчицы А. Ѳ. М. деньгами 3 р. (Козловская волость 1886 г.).

34.

Крестьянинъ поч. М. Т. Д. К. заявилъ, что передъ Пасхой нынѣшняго года онъ былъ принятъ на проживаніе крестьяниномъ того же поч. Ив. В. Л., причемъ К. принесъ съ собой все свое имущество, съ тѣмъ, чтобы Л. до смерти пропитывалъ его К., а послѣ смерти могъ воспользоваться всѣмъ имуществомъ послѣдняго. Во время этого совмѣстнаго проживанія К. засѣялъ ярового хлѣба. Нынѣ Л. выгналъ К. изъ дому, захватилъ все его имущество и яровой хлѣбъ въ свою пользу, почему К. проситъ постановить рѣшеніе объ отобраніи принадлежащаго ему имущества и о предоставленіи ему посѣяннаго ярового хлѣба. Имущество осталось у И. Л. слѣдующее: 8 бѣлыхъ холстовъ, стоющихъ 16 р., 3 овечьихъ овчины, стоющихъ 3 р., овчинный крытый парчей полушубокъ, стоющій 3 р., женскихъ и мужскихъ рубахъ въ сундукѣ до 20 штукъ, стоющихъ 15 р., желѣзныя ведра, стоющія 1 р., деревянная квашня и 3 кадцы, стоющія 2 руб., куриныхъ яицъ 100 на 1 р. и скоромнаго масла на 3 р. 50 к., луку въ огородѣ 3 гряды, стоющія 3 руб., 2 поношенныхъ зипуна и полушубокъ старый поношенный, стоющіе 5 р., пять холщевыхъ мѣшковъ и 1 пологъ 3 р., портяныхъ онучь 5 паръ, стоющихъ 1 р., женское бѣлье 40 к., желѣзный пазникъ 40 к., сковорода 20 к., короткихъ портянокъ 30 к.; всего имущества на сумму 57 р. 80 к. Свидѣтели Е. Ѳ. Л., Е. М. Л., А. Ф. Л. и П. Т. Ш. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Т. Д. К. подтвердилъ свой искъ и просилъ удовлетворить его требованіе, при семъ К. дополнилъ, что у И. Л., кромѣ перечисленнаго въ заявленіи имущества, осталось: овечьей шерсти, принадлежащей ему, просителю, 6 фунтовъ на 1 р. 50 к. Отвѣтчикъ И. Л. объявилъ, что онъ дѣйствительно бралъ просителя Т. К. къ себѣ на пропитаніе до его смерти, но Т. не сталъ жить и ушелъ, перечисленное въ его заявленіи имущество осталось у него отвѣтчика и таковое онъ не согласенъ возвратить, пока Т. не заплатитъ ему за прокормленіе его въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, всего 9 р. Что же касается хлѣба, то Т. К. приносилъ въ домъ его, отвѣтчика, только полбы пудовъ 8, которые и посѣяны, овса же ни одного зерна не приносилъ. Посѣвъ полбы И. Л. также не согласился возвратить Т. до расплаты за пропитаніе. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Свидѣтели Е. Ф. Л., Е. М. Л. и П. Т. Ш. показали, что имъ извѣстно, что Т. К. ушелъ отъ И. Л. изъ за ссоры, которая начата семействомъ послѣдняго. Во время проживанія у И. Л. Т. К. работалъ. Волостной Судъ постановилъ: отобрать отъ отвѣтчика И В. Л. все принадлежащее Т. К. имущество: 2) по встрѣчному иску И. Л. взыскать въ его пользу съ Т. К. 5 р.; 3) яровой посѣвъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто полбы, посѣянной Т. К. на землѣ И. Л. предоставить выжать изъ посѣва овса Л. на землѣ его, К. одинъ переѣздъ, остальной осесъ И Л. раздѣлить между ними пополамъ; и 4) такъ какъ при заключительномъ рѣшеніи дѣла выяснилось, что яйца и скоромное масло Т. К. употреблены и ихъ въ наличности нѣтъ, но съ И. Л. не взыскивать. (Козловская волость 1883 г.).

35.

Крестьянинъ поч. М. Т. Д. К. заявилъ, что передъ Пасхой нынѣшняго года онъ былъ принятъ на проживаніе крестьяниномъ того-же поч. Ив. В. Л., причемъ К. принесъ съ собой все свое имущество, съ тѣмъ, чтобы Л. до смерти пропитывалъ его, К., а послѣ смерти могъ воспользоваться всѣмъ имуществомъ послѣдняго. Во время этого совмѣстнаго проживанія К. засѣялъ ярового хлѣба. Нынѣ Л. выгналъ К. изъ дому, захватилъ все его имущество и яровой хлѣбъ въ свою пользу, почему К. проситъ постановить рѣшеніе объ отобраніи принадлежащаго ему имущества и о предоставленіи ему посѣяннаго ярового хлѣба. Имущество осталось у И. Л. слѣдующее: 8 бѣлыхъ холстовъ стоющихъ, 16 р. 3 овечьихъ овчины, стоющихъ 3 р., овчинный, крытый парчей полушубокъ, стоющій 3 р., женскихъ и мужскихъ рубахъ въ сундукѣ до 20 штукъ, стоющихъ 15 р. желѣзныя ведра, стоющія 1 р., каре-

Digitized by Google

минная квашня и 3 кадцы, стоющія 2 р., куриныхъ яицъ 100 на 1 рубль и скоромнаго масла на 3 р. 50 к., луку въ огородѣ 3 гряды, стоющія 3 р. 2 ношенныхъ зипуна и полушубокъ старый, поношенный, стоющіе 5 р., пять холщевыхъ мѣшковъ и 1 пологъ 3 р. портяныхъ онучь 5 паръ, стоющихъ 1 р., женскаго бѣлья 40 к., желѣзный иазникъ 40 к., сковорода 20 к., короткихъ портянокъ 30 к. всего имущества на сумму 57 р. 80 к. Свидѣтели: Е, Ѳ. Л., Е. М. Л., А. Ф. Л., и П. Т. Ш. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Т. Д. К. подтвердилъ свой искъ и просилъ удовлетворить его требованіе; при семъ К. дополнилъ, что у И. Л., кромѣ перечисленнаго въ заявленіи имущества осталось овечьей шерсти, принадлежащей ему, просителю, 6 фунтовъ на 1 р. 50 к. Отвѣтчикъ И. В. Л. объявилъ, что онъ дѣйствительно бралъ просителя Т. К. къ себѣ на пропитаніе до его смерти но Т. не сталъ жить и ушелъ, перечисленое въ его заявленіи имущество осталось у него отвѣтчика и таковое онъ не согласенъ возвратить, пока Т. не заплатитъ ему за прокормленіе его въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, всего 9 руб. Что же касается хлѣба, то Т. К приносилъ въ домъ его, отвѣтчика, только полбы пудовъ 8, которые и посѣяны, овса же ни одного зерна не приносилъ. Посѣвъ полбы И. Л. также не согласился возвратить Т. до расплаты за пропитаніе. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало. Свидѣтели Е. Ф. Л., Е М. Л. и П. Т. Ш. показали, что имъ извѣстно, что Т. К. ушелъ отъ И. Л. изъ за ссоры, которая начата семействомъ послѣдняго. Во время проживанія у И. Л., Т. К. работалъ. Волостной Судъ постановилъ: 1) отобрать отъ отвѣтчика И. Л. все принадлежащее Т. К. имущество; 2) по встрѣчному иску И. Л. взыскать въ его пользу съ Т. К. 5 р., 3) яровой посѣвъ раздѣлить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто полбы, посѣянной Т. К. на землѣ И. Л. предоставить выжать изъ посѣва овса Л. на землѣ его, К., одинъ переѣздъ, остальной овесъ И. Л. раздѣлить между ними пополамъ; и 4) такъ какъ при заключительномъ рѣшеніи дѣла выяснилось, что яйца и скоромное масло Т. К. употреблены и ихъ въ наличности нѣтъ, то съ И. Л. не взыскивать. (Козловская волость 1883 г.).

86.

Отставной рядовой поч. Подгоръ К. С. М. жалуется, что 10 м. 1880 г онъ вступилъ въ усыновленіе къ крестьянину поч. Подгоръ Ив. Дм. Ч. вмѣстѣ съ своею женою А. Л. съ тѣмъ, чтобы у послѣдняго работать и по смерти его воспользоваться его имуществомъ, какъ наслѣдникомъ; съ собою привезъ къ Ч. собственнаго сѣна 5 возовъ, ржаной муки 4 пуда, ячменя 3½ куп. 30 пуд. и 28 ведеръ картофеля и кое-какую посуду, а между тѣмъ нынѣ Ч. его, Молчанова, выгналъ и ничего не даетъ, а потому М. проситъ, какъ за житье, такъ и за хлѣбъ, картофель и сѣно взыскать ту сумму, какая будетъ причитаться и удовлетворить его. Въ доказатки представилъ кр. п. П. В. В.; К. Н.; П. Л.; И. З.; В. В.; а также проситъ раздѣлить посѣвъ пополамъ. Отвѣтчикъ кр. Ив. Д. Ч. на прочитанное ему заявленіе К. М. объяснилъ, что К. С. М. пришелъ къ нему на житье въ домъ, въ маѣ мѣсяцѣ, прошлаго 1880 года и съ собою привезъ 4 воза сѣна, 4 пуда ржаной муки, 8 п. ячменя и 28 ведеръ картофеля, но онъ пришелъ не одинъ, а съ двумя малолѣтними дѣтьми и женою, то онъ привезенное употребилъ на продовольствіе своего семейства, а хотя К. М. и жилъ времени съ годъ, но ничего въ домѣ отъ его работы не прибыло, кромѣ лишь того, что посѣяно 3 переѣзда озимоваго хлѣба и два яроваго. Свидѣтели кр. В. В.; К. Н.; П. В.; И. З. и В. В. Ч. объяснили, что когда К. М. входилъ на житье въ домъ Ив. Ч., то у него сѣно и хлѣбъ былъ, но сколько не знаютъ, а также имъ неизвѣстно и того были ли деньги у М. Предложено имъ добровольно сдѣлаться, но они не согласились. Истецъ К. С. М. къ заявленію своему дополнилъ, что онъ съ собою принесъ денегъ 6 р., которые и употребилъ по дому Ив. Ч. Отвѣтчикъ И Ч.; К. М. добровольно отдаетъ овцу и свинью. Волостной Судъ, по выслушаніи спорящихъ сторонъ и свидѣтельскихъ показаній, приговорилъ: озимовый хлѣбъ (послѣ) раздѣлить между И. Ч. и К. М. пополамъ. Изъ числа яроваго посѣва, сдѣланнаго однимъ Ив. Ч. предоставить К. М. ½ нар. и сверхъ того одну овцу и свинью. (Саранульская волость 1881 г.).

87.

Крестьянинъ д. Д. А. Н. К. заявилъ суду, что 15-го января сего года по приглашенію однодеревенца Е. Е. Т., по неимѣнію у него родныхъ дѣтей, проживалъ вмѣстѣ съ своею женою въ домѣ его, Т., занимаясь по дому всѣми крестьянскими работами, привезъ съ собою ржи 40 пудовъ, но нынѣ 27-го іюня Т. изъ дому его выгналъ, не давъ никакого вознагражденія за его трудъ, почему и проситъ взыскать съ него, Т., за каждый прожитый мѣсяцъ по 4 руб. и утраченную рожь 30 р. всего 52 р. Въ Волостномъ Судѣ проситель А. К. заявленіе свое, подтвердилъ. Отвѣтчикъ Е. Е. Т. объяснилъ, что проситель А. К. по приглашенію дѣйствительно проживалъ въ его домѣ и занимался по хозяйству всѣми крестьянскими работами съ 15-го января по 27-е іюня сего года, но по вышедшимъ между ними непріятностямъ К. отказалъ и добавилъ, что К. дѣйствительно было привезено ржи 40 пудовъ, но вознагражденіе за прожитое время дать К. не соглашается, потому что во 1-хъ, за него уплачено податей 8 р., отдано за сапоги 3 р., за арендную землю 2 р. 50 к., за покупку сохи 1 р., за муку 40 к., 30 к. уплачено за перевозъ черезъ Каму 15 к. всего 15 р. 35 к. Вслѣдствіе чего Волостной Судъ, принимая во вниманіе то, что проситель А. К. во время пребыванія у Е. Т. (какъ неспособнаго къ работѣ), занимался какъ слѣдуетъ всѣми крестьянскими работами, однимъ словомъ, велъ все хозяйство, не приводя таковое въ упадокъ, почему заявленіе просителя нашли заслуживающимъ уваженія, постановилъ, за сдѣланный изъ 52 р. вычетомъ 15 р. 35 к. остальное количество 36 р. 60 к. довзыскать съ Е. Т. (Саранульская волость 1878).

88.

Крестьянинъ С. уѣз., деревни С. П. Л. заявилъ Волостному Суду, что крестьянинъ, однодворецъ И. П. съ женою принятъ былъ *въ дѣти* и прожилъ 2 мѣсяца 23 дня и ушелъ, а потому проситъ взыскать съ П. за содержаніе его десять рублей. Проситель, крестьянинъ П. Л. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчикъ, крестьянинъ И. П. показалъ, что у него Л. дѣйствительно жила жена и работала, самъ онъ былъ въ работникахъ и Л. самъ ихъ выгналъ, поэтому онъ должнымъ себя не считаетъ. Волостнымъ Судомъ было предложено тяжущимся настоящее дѣло покончить добровольной сдѣлкой, но между ними таковой не со-

Digitized by Google

стоялось. Волостной Судъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, находитъ искъ Л. недоказаннымъ и кромѣ того, имѣя въ виду, если жена П. жила у Лобанова въ видѣ пріемныхъ дѣтей, въ такомъ случаѣ и работала на Л., на основаніи чего и постановилъ въ искѣ Лобанова отказать, о чемъ и объявить тяжущимся съ правомъ обжалованія, въ случаѣ неудовольствія, въ 30 дневный срокъ, въ Сарапульскомъ Уѣздномъ по Крестьянскимъ Дѣламъ Присутствіи. (Сарапульская волость 1887 г.).

39.

Крестьянинъ И. Н. Т. заявилъ, что родной братъ его Г. Н. Т. вступается въ оставшееся послѣ смерти брата его солдата А. Т. имущество, всего на сумму 87 руб., жена котораго вышла въ замужество за крестьянина А. волостн, З. Н., тогда какъ имущество это было нажито имъ вообще съ братомъ Ал., братъ же Гр. былъ отданъ 4-хъ мѣсяцевъ въ дѣти къ крестьянину д. Б., В. Л. Г—у, имуществомъ коего и воспользовался, потому просимъ брату его Г. въ пользованіи имуществомъ умершаго брата, солдата А. отказать. Вызванные Волостнымъ Судомъ, явились Г. И Т. и сноха его, бывшая солдатка, вдова М. Ѳ. Т., которымъ было предложено объ окончаніи дѣла миромъ, на что они и согласились: И. Н. Т. обязался уплатить снохѣ М. Ѳ. деньгами 12 р. и брату своему Г. добровольно уступилъ подъѣздную крышу на сумму 2 р. съ тѣмъ, чтобы остальнымъ имуществомъ пользоваться ему И. Т., на что братъ его Г. и сноха М. Ѳ. вполнѣ согласились, а потому Волостной Судъ постановилъ: условіе мировой сдѣлки записать въ книгу. (Мостовинская волость 1883 г.).

40.

Крестьянская дѣвица деревни К., Н. А. К. заявила Волостному Суду, что она съ дѣтства была принята въ дѣти крестьяниномъ одной съ нею деревни Е. Ф. Л., который продержалъ до 18 лѣтняго возраста, нынѣ онъ Е. Л. сталъ наносить ей побои и, наконецъ, выгналъ изъ дому, не давъ ей никакого движимаго имущества т. е., принадлежащаго ей, а именно: 1 шаль, стоющую 3 р., сундукъ, стоющій 1 р., 3 холщевыхъ скатерти, стоющихъ 3 р., 7½ дубленыхъ овчинъ. стоющихъ 4 р. 90 к., всего на сумму 11 р. 90 к., почему проситъ поступить съ нимъ по закону. Вызванная въ Волостномъ Судѣ просительница жалобу свою подтвердила и добавила, что еще остается у Е. Л. изъ принадлежащаго ей имущества, нитяный дубленый тулупъ, 1½ пуда шерсти и войлокъ, которые проситъ предоставить ей. Отвѣтчикъ Е. Л. показалъ, что онъ, изъ числа просимаго имущества, не отдастъ Н. только шаль и дубленый полушубокъ, такъ какъ таковые принадлежатъ мнѣ, а не ей, и что таковыми она уже воспользовалась. Волостной Судъ склонялъ тяжущихся къ примиренію, на что стороны и согласились; такъ Е. Л. обязался отдать просительницѣ просимое: шаль, сундукъ, 3 скатерти, 7½ овчинъ и ½ пуда овечьей шерсти, а просительница искъ къ дубленому тулупу прекратила. (Гальянинская волость 1887 г.).

41.

Запасный рядовой Н. А. Ш. заявилъ, что въ 1873 г. онъ, женившись на дочери крестьянина поч. М. Як. Л. Б-а, ушелъ на житіе къ нему въ домъ; нынѣ тесть его Б. выдворилъ его изъ дому, не вполнѣ надѣливъ имуществомъ. Послѣднее обстоятельство вынуждаетъ Ш. просить Волостной Судъ обязать Б. выдѣлить ему еще баню и навоженный у дома Б. лѣсъ—послѣднихъ 20 штукъ. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель Н. Ш. подтвердилъ свое ходатайство. Отвѣтчикъ Б. объявилъ, что зятя своего Н. Ш. онъ надѣлилъ слѣдующимъ съ него имуществомъ, а теперь выдѣлять еще баню и лѣсъ—не согласенъ. На предложеніе о примиреніи согласія не послѣдовало Изъ преній сторонъ выяснилось, что лѣсъ заготовленъ Б—ву Ш—мъ, имъ же построена и баня. На это Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчика Як. Б. отдать просителю Н. Ш, состоящую на его усадьбѣ баню, искъ же о выдѣлѣ лѣса оставить безъ послѣдствій. (Козловская волость 1881 г.).

42.

Крестьянинъ д. Ш., Я. Е. Ш. заявилъ, что онъ бралъ въ домъ на житье зятя своего Ег. Ю. и, прожившіи 5 лѣтъ онъ прижилъ съ зятемъ своимъ Е. Ю. избу, и кромѣ того еще онъ посѣялъ вмѣстѣ хлѣба 3 десятины и гороху 1; все это имущество раздѣлить съ нимъ зять его Ю. не желаетъ. Вызванный на Волостной Судъ въ качествѣ отвѣтчика, уволенный въ запасъ отставной рядовой, Е. Ю. объяснилъ, что онъ отъ избы тестю своему не отдастъ никакой части, потому что избу онъ перевезъ отцовскую, изъ хлѣба рожь и горохъ отвѣтчикъ желаетъ раздѣлить съ просителемъ по равной части Проситель Я. Ш. противъ того возразилъ, что онъ желаетъ взять себѣ 2 части какъ гороху, такъ и ржи, потому что земля въ количествѣ 3-хъ десятинъ съ половиною на 2 души принадлежитъ ему, просителю Ш—у, и подати за 2 души онъ платитъ самъ. Если зять его Е. Ю. удѣлитъ частью, но изъ избы, то тогда онъ Ш. отдастъ ему часть хлѣба гороху и ржи. Миролюбивой сдѣлки между тяжущимися не состоялось, а потому Волостной Судъ постановилъ: рядового Е. Ю. обязать надѣлить тестя своего хлѣбомъ двумя частями, какъ горохомъ, такъ и рожью, а остальную часть хлѣбовъ предоставилъ право воспользоваться отвѣтчику Ю., а также пользоваться коровой съ теленкомъ, двумя овечками и 3 свиньями, остальныхъ двухъ быковъ и 3-хъ овечекъ обязать его, Ю., отдать просителю Ш. (Мостовинская волость 1881 г.).

43.

Крестьянинъ д. Т., Д. К. М. Волостному Суду словесно заявилъ, что принятый имъ въ домъ зять, по женитьбѣ на дочери, крестьянинъ той же деревни К. К. Т., прожившіи ½ года ушелъ и взятую въ замужество дочь его Ѳеклу увелъ въ домъ брата своего Д. К. между тѣмъ онъ употребилъ на его женитьбу 30 р., отдано за вѣнчанье 5 р. и уплатилъ въ подати въ его душу 6 р., итого 41 р. почему проситъ сдѣлать разбирательство Волостной Судъ. Вызванные сего числа въ Волостной Судъ прикосновенные къ дѣлу сему лица показали: 1) проситель Д. К. заявленіе свое подтвердилъ вполнѣ безъ дополненія, 2) отвѣтчикъ К Т., что онъ отъ тестя Д. Д. ушелъ потому, что не давалъ ему полнаго управленія въ домѣ. По выше приведенному обстоятельству дѣла оказывается, что М. принявъ въ домъ зятя К. Т., употребилъ на свадьбу 30 р. за вѣнчанье 5 р. и на плату податей 6 р., Т. же, проживъ у М. 6 мѣсяцевъ, самовольно ушелъ, принимая во вниманіе то, что Т. въ теченіе ½ года нахо

Digitized by Google

дился у М. въ видѣ работника, вмѣстѣ съ женой, полагая въ годъ 1-у 40 р. а послѣдней 20 р., что и составитъ къ исключенію 30 р., остальныхъ затѣмъ 11 р. признать должнымъ Т. уплатить М. П. на основаніи ст. 101, 103 и 96 приговорили: взыскать съ К. Т. деньги 11 р. и онымъ удовлетворить М. (Козловская волость 1876 г.).

44.

Крестьянинъ д. Т. С. К. Ш. заявляетъ, что отецъ его К. Т. выходилъ на жену А. Я. М. въ ея домъ и приносилъ съ собой разное имущество. К. умеръ четыре года до этого, а его, просителя, А. выдворила изъ дома и теперь онъ живетъ отдѣльно, потому проситъ по рѣшенію отобрать отъ А. М. отъ имущества отца: 4 звена заплота, погребъ, сѣни и тулупъ овчинный, крытый. Свидѣтели: М. В. Т. Ф. В. Т. и А. Е. М. Въ засѣданіи Волостнаго Суда проситель подтвердилъ свой искъ. Отвѣтчица А. М. объяснила, что она отдаетъ пасынку просителя С. Т. изъ заплотныхъ три звена и погребъ а сѣни, тулупъ и одно звено заплотовъ не даетъ, такъ какъ это не принадлежало умершему мужу ея — его отцу К. Т. Примиренія на предложеніе не состоялось. Свидѣтели М. и Ѳ. Т. и А. М. подтвердили справедливость иска просителя. Волостной Судъ постановилъ: обязать отвѣтчицу А. М. выдать пасынку ея С. Т. изъ имущества умершаго мужа ея: погребъ, 4 звена заплотовъ и тулупъ овчинный, въ домогательствѣ же о сѣняхъ отказать, такъ какъ таковыя находятся въ связи съ большимъ домомъ А. (Козловская волость 1883 г.).

45. *)

Крестьянинъ д. Ш. И. С. К. заявилъ Волостному Суду, что крестьяне однодеревенцы его М. и И. Ф. и Р-ы убили принадлежащую ему свинью, стоющую 10 р., что выдала крестьянка М. И. Б., а потому проситъ взыскать означенную сумму. На судѣ проситель заявленіе свое подтвердилъ и добавилъ, что онъ желаетъ взыскать только 7 р. Отвѣтчики кр. М. Ф. на судъ не явились и И. Ф. Р. показалъ, что они бросили въ свинью камнемъ и убили. Свидѣтельница крестьянка М. И. Б. показала что она видѣла какъ крестьянинъ М. И. Ф. убилъ свинью крестьянина И. К. Предложили 107 ст., но мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, вслѣдствіе сознанія отвѣтчика и показанія свидѣтельницы, постановилъ: взыскать съ крестьянъ М. и И. Ф. Р. 7 рублей въ удовлетвореніе И. К. (Сарапульская волость 1887 г.).

46.

Крестьянинъ Осип. уѣзда М. в. д. И. К. Л. С. заявилъ Волостному Суду, что крестьяне С. в. д. Ш. И. Л. Р. К. П. К. и солдатъ А. П. Р. порядились у него сдѣлать 2000 мочальныхъ сторожекъ и за работу забрали деньги впередъ, наконецъ съ работы сбѣжали, не доработавъ 9 р. 32 к. что можетъ подтвердить кр. д. К. К. Л. К., а потому проситъ взыскать съ поименованныхъ лицъ. На судѣ крестьянинъ К. С. заявленіе свое подтвердилъ. Отвѣтчики кр. д. Щ. И. Л. Р. К. П. К. и А. П. Р. должниками себя не признали, хотя деньги и не заработаны ими, потому что у С. небыло матеріала для работы. Свидѣтель крестьянинъ К. Л. К. на судъ не явился. Предложена была 107 ст., но мировой сдѣлки не состоялось. Волостной Судъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, находитъ, что крестьяне И. Р. К. К. и А. Р. хотя и не заработали 9 р. 32 к. у крестьянина К. С. но собственно по причинѣ С., такъ какъ у него не было матеріала для работы, а потому постановилъ въ искѣ крестьянину К. С. отказать. (Сарапульская волость 1887 г.).

*) *Примѣчаніе.* №№ 45 и 46 являются протоколами засѣданія Сарапульскаго суда, по дѣламъ, судоговореніе по которымъ напечатано въ „Зам. о юр. бытѣ крестьянъ С. у.“.

Digitized by Google

Digitized by Google

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ

Минской губ.

(ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ Н.ЯНЧУКА.)

№ 1.

1. При-ле-цѣ-ли гу-сач-ки а зъра-ю, Ци-вже ка-ра-ва-ю по-саджа-ли.

(пѣс. 1).

2. Ци вже ка-ра-ва-ю по-са-джа-ли, Ча-мужъ насъ гу-со-чекъ не зва-ли?

№ 2.

1. Откуль ка-равай-ни цы, Откуль ка-равай-ни-цы, ци зъ Мира, ци зъ Не-сви-жа?

(пѣс. 2).

2. Ци зъ Ми-ра, ци зъ Не-сви-жа, ци зъ Ми-ра, ци зъ Не-сви-жа, ци зъ Языль-ско-го се-ла?

№ 3.

Дасъ су-бо-тонь-ки да на не-дзѣ-лень-ку годзи-на

(пѣс. 3).

Зъѣж-джа-ла-ся Мар-цин-ко-ва ро-дзи-на

Ср. №6. (пѣс. 44).*)

№ 4.

Да ля-цѣ-ли гусач-ки ци-разъ садъ крикну-ли гук-ну-ли на уесь садъ

(пѣс. 45).

№ 5.

По-мо-жи Бо-же вян-ки виць, вян-ки виць, дай Боже молодымъ до-вго жыць

№ 6.

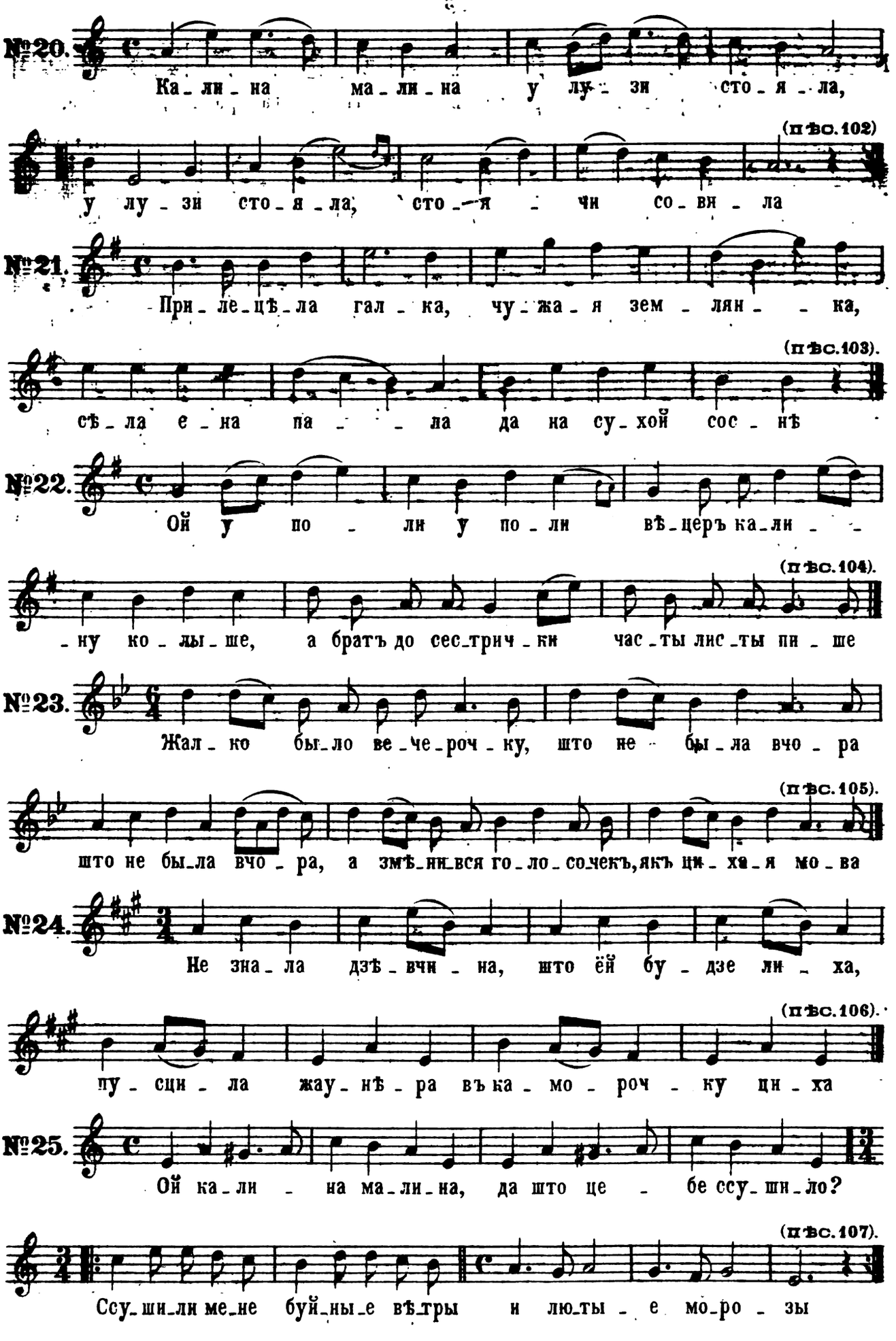
Отъ та-бѣ Ка-ця-рин-ка ўся на-дзѣ-я,

Ср. № 4. (пѣс. 46 и 47).

Што твой Мар-цин-ка да-ра-биць ня-умѣ-е

*) Для начала дальнѣйшихъ куплетовъ берутся также послѣдніе 3 такта вм. первыхъ 3хъ.

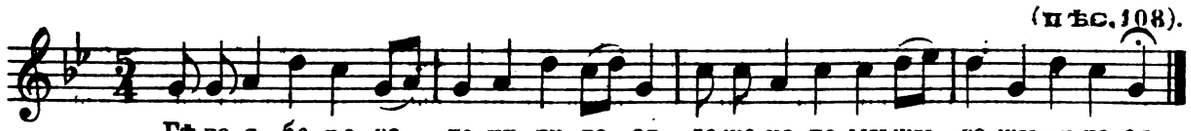
Digitized by Google



Digitized by Google

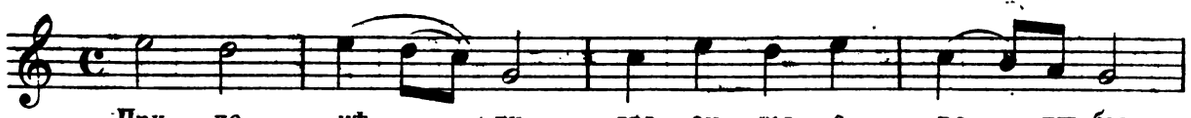
(пѣс. 108).

№ 26.



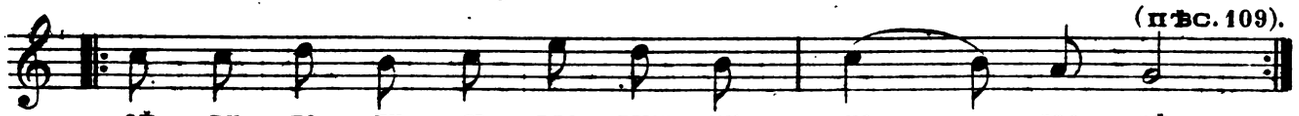
Бѣ-ла_я бе_ро_за по_хи_ли_ла_ся, даже_на по му_жу за жу_ри-ла_ся

№ 27.



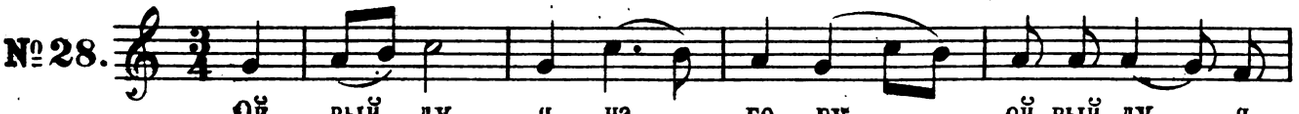
При _ ле _ цѣ _ _ ли два си _ зы _ е го _ лу_бы,

(пѣс. 109).



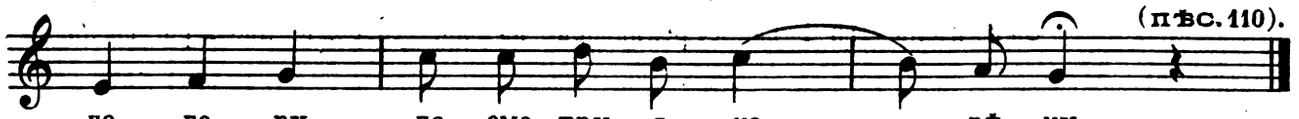
сѣ _ лн, па _ ли у _ вдо _ вуш _ ки на _____ дво _ рѣ

№ 28.



Ой вый _ ду я на го _ ру ой вый_ду я

(пѣс. 110).

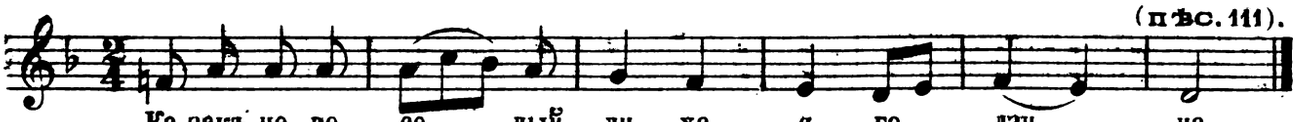


на го _ ру, по смо_тру я на _____ рѣ _ ку

№ 29.

Чимъ дубъ не зе _ лё _ ный, ци ту_ча по би _ ла?

(пѣс. 111).

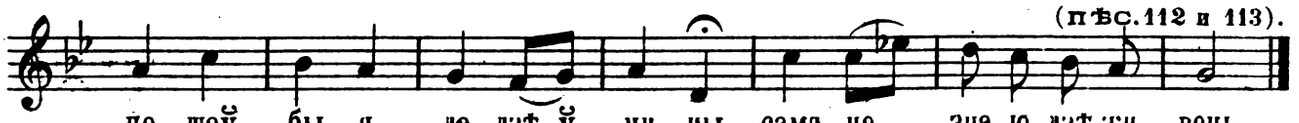


Ка_закъ не ве _ се _ лый, ли _ ха _ я го _ дзи _ на

№ 30.

Ой не спит_ся не дре _ мит _ ся и сонъ ме_не не бе _ рець,

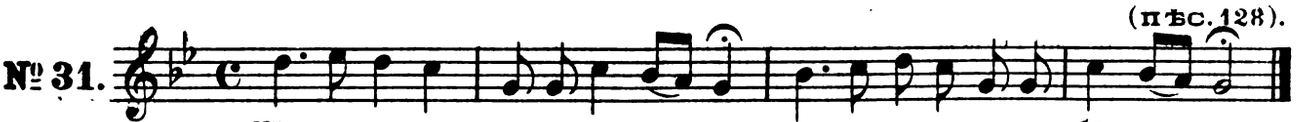
(пѣс. 112 и 113).



по _ щоў _ бы я до дзѣ_ў _ чи _ ны, самъ не зна_ю, дзѣ жи _ вець

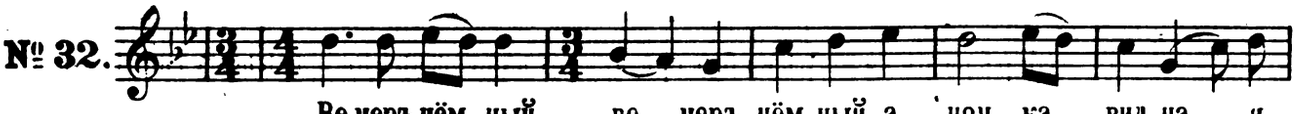
(пѣс. 128).

№ 31.



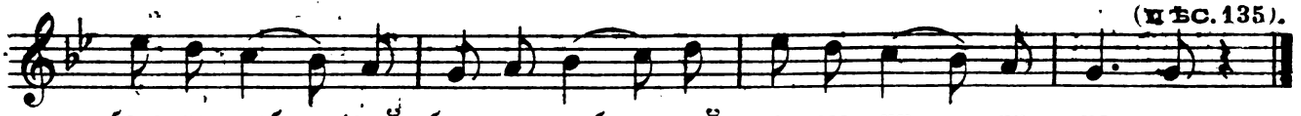
Цём_на ноч_ка, да не вид_на _ я, го_ло_воч_ка мо_я бѣд_на _ я

№ 32.



Ве_черъ цём_ный ве _ черъ цём_ный, а ноч _ ка вид_на _ я,

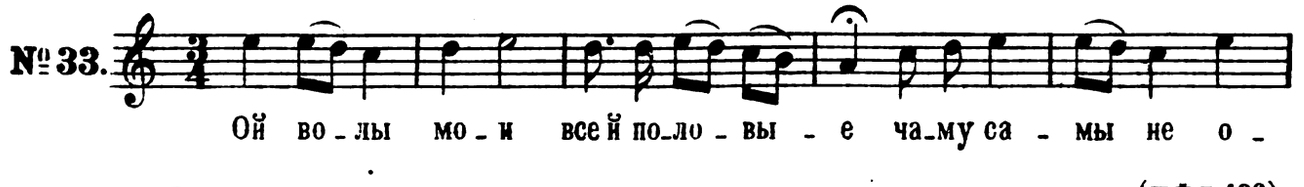
(пѣс. 135).



баць_ка доб _ рый, баць_ка доб _ рый, а ма_ци ли _ ха _ я.

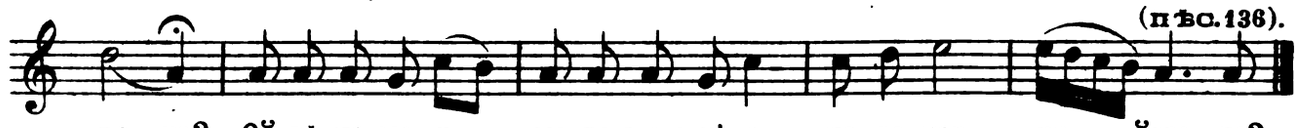
Digitized by Google

№ 33.



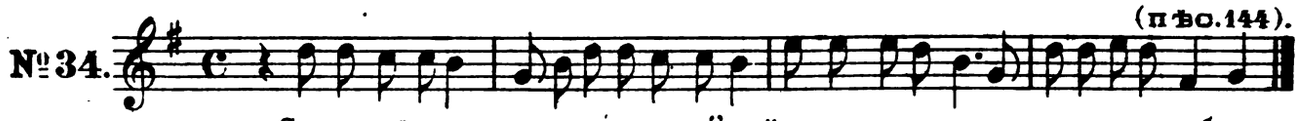
Ой во_лы мо_и всей по_ло_вы_е ча_му са_мы не о_

(пѣс. 136).



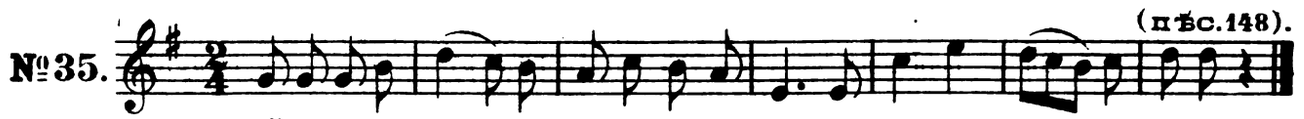
_ре_це? Ой лѣ_та мо_и мо_ло_дзень_кі_е, ча_го мар_но йдзе_це?

№ 34. (пѣс. 144).



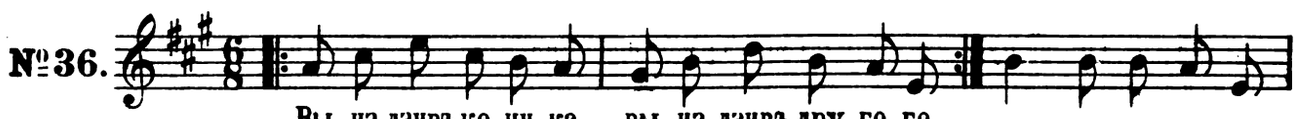
Скука мнѣ доса_да, на у_ли_цу нейду ёнъшель ма не зна_е, што я_е_голюб_лю

№ 35. (пѣс. 148).



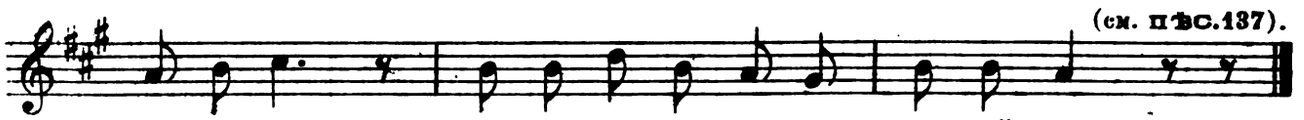
Ой ле_цѣ_ла па_ва, се_редъ двора па_ла, сѐ_редъ дво_ра па_ла

№ 36.



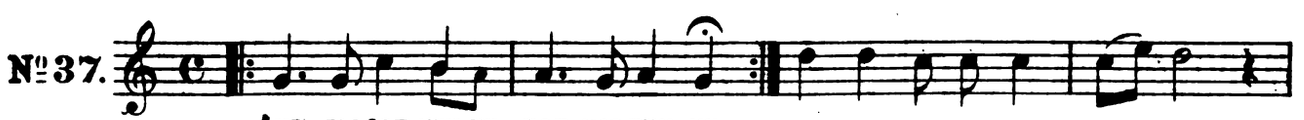
Вы_из_дзивъко_ни_ка, вы_из_дзивъ дру_го_го,
Пы_та_ю, див чи но, чи що бу_дезъто_го, Ой чи що бу_де

(см. пѣс. 137).



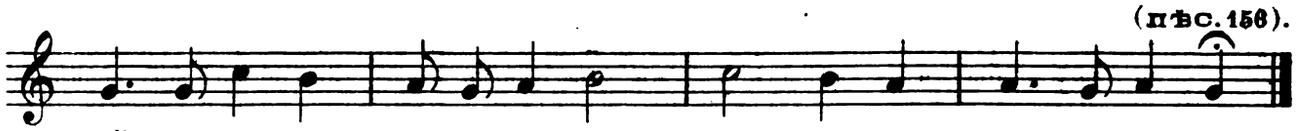
а чи не, не ро_би за_хо_ду со_бѣ й мнѣ *)

№ 37.



Ахъ вы сот_нич_ки пол_ков_нич_ки,
Ой чи_ни_тежъ сво_ю во_лю и што я вамъ по_зво_лю.

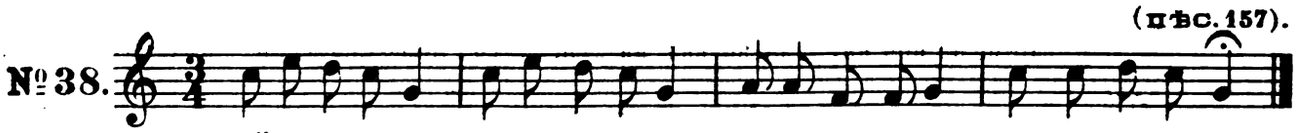
(пѣс. 156).



Ой чи_ни_тежъ, сво_ю во_лю и што я вамъ по_зво_лю

(пѣс. 157).

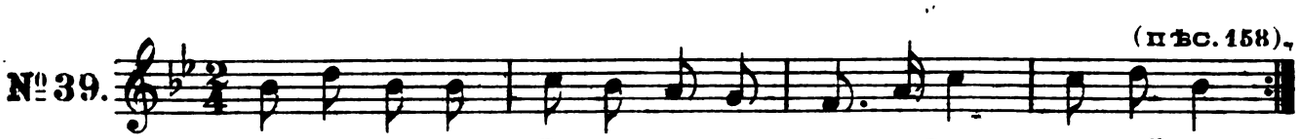
№ 38.



Ой рѣ_ка, рѣ_ка, рѣ_ка быстра_я, отъче_гожъ рѣ_ка такъ смутна ста_ла

(пѣс. 158).

№ 39.



Якъ па_ѣ_хавъ Да_ни_луш_ка во_на Русь на вой_ну, 2.

*) Слова малорусскія изъ Сѣдлецк. губ.; мотивъ оттуда-же.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
Томъ LXI.

RECEIVED
NOV 29 1912
LIBRARY OF THE
PEABODY MUSEUM

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.

КНИГА IX.

Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи.

(Обычное право, обряды, вѣрованія и пр.).

ВЫПУСКЪ I.

ПО ПОРУЧЕНІЮ ОТДѢЛА

подъ редакціей члена Отдѣла Этнографіи Николая Харузина.

МОСКВА.
Типографія А. Левенсонъ и К°, Петровка, Рахмановскій переулокъ, домъ Левенсонъ.
1889.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Труды этнографическаго отдѣла содержится въ слѣдующихъ томахъ «Извѣстій» *).

т.

VII. кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. 2 р. 50 к.

Содержаніе: 1) Вліяніе очертанія материковъ и свойствъ почвы на умственное развитіе человѣка. Я. И. Вейнберга. 2) Вліяніе климата на организмъ человѣка и на развитіе въ немъ болѣзней, П. И. Медвѣдева.—3) Вліяніе растительнаго міра на культуру человѣка, А. С. Петровскаго.—4) Значеніе краніологіи, А. П. Богданова.—5) Объ общихъ покровахъ тѣла человѣческаго, Н. Д. Никитина.—6) Этнографія и право, М. Н. Капустина.—7) Человѣкъ въ области права, В. Н. Лешкова.—8) Этнографическіе вымыслы нашихъ предковъ, Ѳ. И. Буслаева.—9) Значеніе племеннаго характера въ народномъ хозяйствѣ, И. К. Бабстъ.—10) Объ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія, С. М. Соловьева.—11) О великорусскомъ племени. И. Д. Бѣляева.—12) Потемкинъ и заселеніе Новороссійскаго края, П. К. Щебальскаго.—13) Погребальные обряды Грековъ и Скиновъ Босфора Киммерійскаго, К. К. Герца.—14) О законахъ музыкальной гармоніи и національныхъ музыкальныхъ инструментахъ, А. С. Владимірскаго.

XII, (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей. Я. Ѳ. Трейланда, изд. В. А. Дашкова, 1873 г. 7 руб.

XIII, (кн. 3), вып. 1—2, 1874 г., по 1 р. 15 к.

Содержаніе. Вып. 1: Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. *Статьи*: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Ст. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, Н. А. Попова.—4) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (стат. 1 и 2), Коложека.—5) Одежда каменнобратскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова.—6) Домашній бытъ Маріупольскихъ грековъ, А. Аиторинова.—7) О пермякахъ, П. Вологдина.—8) Программа этнографическаго народнаго календаря (стр. 22), А. Л. Дювернуа.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнографич. изслѣдованія о-ва Эзеля, Зассъ-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана-Майдори, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ, Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

Вып. 2. Зыряне и Зырянскій край, К. А. Попова.

XXVIII, (кн. 4). Протоколы засѣданій этногр. отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера.—3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., П. Г. Добрынкиной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на Орели, Е. В. Барсова.—8) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ", И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.

XXX, (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. П. Е. Ефименка. 4 руб.

Часть 1: Описаніе внутренняго и внѣшняго быта 2 р. 50 к.

Часть 2: Народный языкъ и словесность 1 р. 50 к.

XL, (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Ѳ. Я. Трейланда (Бривземніаксъ). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. 3 р. 50 к.

XLVIII, (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія. 4 р.

Вып. 1. *Статьи*: 1) Потеряла-ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская свадьба въ Константиновск. у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука.—3) Приговоры и причеты о табакѣ. П. В. Шеина.—4) О гиляцкомъ языкѣ. Д-ра Зеланда 2 р.

Вып. 2. *Статьи*: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ). В. Ѳ. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его-же.—4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ. М. М. Ковалевскаго.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ. Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнографич. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ. 2 руб.

LXI, (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (съ приложеніемъ некролога и портрета М. Н. Харузина). 2 р.

---

*) Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій музей). Первыя 2 книги, изд. Дашкова, остались въ незначительномъ количествѣ только у издателя (Москва, Дашковскій этнографическій музей).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

L.SOC.100.95.5.9 (61)
Sbornik sviedienii dlia izucheniia
Tozzer Library AWY9208
3 2044 043 284 611

This book is not to be taken from the Library
11/10/82

Digitized by Google

Digitized by Google